
Михаил Юрьев
ТРЕТЬЯ ИМПЕРИЯ
РОССИЯ, КОТОРАЯ ДОЛЖНА БЫТЬ

Михаил Юрьев

ТРЕТЬЯ ИМПЕРИЯ

Россия, которая должна быть

Михаил Юрьев

Мир бесконечно далек от справедливости. Его нынешнее устройство перестало устраивать всех. Иран хочет стереть Израиль с лица земли. Америка обещает сделать то же самое в отношении Ирана. Россия, побаиваясь Ирана, не любит Америку еще больше. Мусульмане жгут пригороды Парижа. Все страны ужесточают иммиграционное законодательство. Японцы, считая себя высшей азиатской расой, презирают Китай. Но Китай - объективно будущая сверхдержава. Черные режут друг друга в Африке Такое уже бывало в XX веке в мировой истории, когда все страны и народы были недовольны своим положением и друг другом - накануне Первой мировой войны. И Второй

Следовательно? Третья мировая война неизбежна, как неизбежно новое устройство мира по окончании этой войны! О том, какая это будет война и как после нее будет устроен этот мир, захватывающе, детально, даже дотошно, доказательно и смело описал Михаил Юрьев в своей книге «Третья Империя».

Мир будет поделен между пятью сверхдержавами, утверждает М. Юрьев. И Россия - одна из них.

Предисловие

Дорогие соотечественники! Я, Алвареду Бранку душ Сан-туш, родился в городе Сан-Паулу в 2025 году – в тот памятный для нашей Федерации год, когда произошли два события, годовщину которых мы отмечаем в праздники Полной Независимости и Торжества Католицизма. Семья моего отца, душ Сантуши, – старые бразильские промышленники, последние несколько десятилетий специализирующиеся на выпуске шин: наш бренд, Братир, вот уже более сорока лет один из наиболее ценимых потребителями, и ныне является вторым по объемам продаж в Федерации. Моя мать, Вероника душ Сантуш, урожденная Бранку, весьма известная в обществе и как светская дама, и как руководитель одной из крупнейших общеамериканских благотворительных организаций, происходит из еще более высокого рода: ее дядя, мой двоюродный дедушка Алва-реду Бранку, – легендарный основатель и первый президент нашей страны, а ее двоюродный дядя – космический магнат Жуан Бранку, второй по размеру состояния человек в Федерации, живой и здравствующий, слава Богу, и поныне. Я рос в достатке, окруженный любовью и уважением к себе как к личности, в ревностной католической среде, ценности которой пытались – вполне успешно – привить и мне. Я окончил университет Сан-Паулу в 2049 году; соученики относились ко мне хорошо, не ставили мне в вину богатство и высокоепроисхождение – я не могу припомнить ничего серьезнее, чем когда в 2044 году столицу Федерации после смерти дедушки переименовали в Алвареду, меня постоянно дразнили шлягером того сезона «Come with me to Alvaredu». Я не хотел заниматься семейным или иным бизнесом, как моя старшая сестра Габриэла, или политикой, как старший брат Антониу душ Сантуш, заседающий ныне в Алвареду в Сенате Федерации, причем не от родного штата, а от штата Диксиленд, где он работал в 2047—2048 годах председателем правительственной комиссии по ликвидации последствий цунами (помните, когда упал астероид?) и заслужил большое уважение. Вместо всего этого меня привлекала академическая карьера: я хотел и хочу понимать, как устроено человеческое общество, как функционируют и развиваются страны и народы – а уж потом, может быть, заняться политикой. Моя семья, разумеется, не возражала, и я отправился готовить диссертацию на соискание степени доктора философии в Университет имени семьи Буш в городе Хьюстоне, штат Плейнсленд; моя тема называлась «Самоподдерживающиеся сетевые организации в человеческом сообществе». Но более всего меня привлекала так называемая компаративистика, то есть сравнительный анализ того, как что-то устроено в разных странах, и мне очень хотелось сделать такой анализ по теме своей диссертации, хотя бы для начала ограничившись христианским миром. Причем мне хотелось не просто изучить через Сеть, как все это устроено в России, а поехать и посмотреть самому – возможно, это сказывались гены моего дальнего предка, капитана Педру Одноухого, который в XVII веке возил рабов из Африки и доходил на своем фрегате с грузом ценной древесины паун-бразил даже до Китая. Я начал убеждать в этом моего научного руководителя, профессора Хиггинботама, который долго сопротивлялся – все янки (а уж тем более янки из Новой Англии, как мой профессор) недолюбливают Россию по понятным причинам в отличие от нас, латиносов и бразильцев. Но наконец он сдался, в чем я и не сомневался, потому что он очень хорошо относится ко мне. Оформив саббатикал в университете, я отправился в Алвареду и пришел в российское посольство за визой; около 12 тысяч долларов, которые надо было за нее заплатить, хотя и являются большой суммой, для меня не представляли проблемы. Знаменитый технодопрос, на который я шел с замиранием сердца, оказался довольно быстрой и не страшной процедурой; в общем, получить российскую визу и сесть на космоплан Алвареду—Москва оказалось гораздо проще, чем все думают (если есть деньги, конечно).

Я провел в России почти двенадцать месяцев, предварительно выучив русский; я встречался и беседовал за это время с разными людьми – и простыми, и высокопоставленными. Я нисколько не заметил на себе пресловутой русской ксенофобии – подавляющее большинство людей были со мной вполне доброжелательны. Более того, мне соглашались дать аудиенцию многие достаточно важные и известные люди, в том числе даже руководители государства, – впрочем, я отношу это в первую очередь к имени моего деда, которого в России считают таким же великим человеком, как у нас. Я также читал разные книги и материалы, просматривал прессу, смотрел кино, причем – что греха таить – меня интересовало гораздо больше, чем нужно было для диссертации. У меня вызревал

замысел написать книгу о России вообще – о всех аспектах ее жизни, в сравнении нынешней и прошлых эпох, из которого читатель сможет составить себе некое объективное впечатление об этой стране. Потому что я все больше понимал, что мы совсем не знаем и не понимаем Россию. В этом нет ничьего злого умысла – просто эта цивилизация настолько отличается от нашей, при очень большой внешней схожести, что в нее надо погрузиться, чтобы понять, – ровно это, дорогие соотечественники, я и пытаюсь помочь вам сделать. И вот я представляю вам эту книгу – я старался максимально оставаться на позиции стороннего наблюдателя, не дающего оценок, как и подобает ученому, и прошу извинить меня, если в каких-то местах не преуспел в этом. Я разделил ее на две части – «История России» и «Россия сегодня», причем именно в таком порядке, поскольку считаю, что устройство России проще понять через ее историю; так ли это, судить вам.

Алвареду душ Сантуш,
город Хьюстон, штат Плейнсленд,
Американская Федерация,
2054 год от Рождества Христова.

ЧАСТЬ I

ИСТОРИЯ РОССИИ

Глава 1

Первая и Вторая империи

История русских насчитывает более одиннадцати веков – до того это была не более чем племенная предыстория. Говоря « русских», я здесь подразумеваю не все население Российской Империи, а лишь изначальную и основную ее нацию (там ее обозначают как «стержневую»), иначе называемую великороссами; у ряда других народов Империи письменная история началась на двадцать и более веков ранее, у иных, напротив, – намного позднее. К слову, эта двусмысленность слова «русские» – то ли вполне конкретный народ со своей историей и обычаями, то ли все население Российского государства – вещь для России традиционная и весьма значимая, о чем речь еще не раз пойдет в этих заметках. Так вот, государственная история русских начинается с того, что примерно к девятому-десятому веку нашей эры варяги, до этого ежегодно проходившие со своими дружинами – хирдами по территории будущей России с целью грабежа или торговли, осели там полностью и превратились в феодальную знать, правящую местным населением, в основном представленным славянскими племенами. Эти племена заселили территорию между бассейнами Дуная и Волги после скифов и сарматов; точное их происхождение не известно. Полуофициально в России считается, что славяне произошли не от библейского Яфета, младшего сына Ноя, как, например, все западноевропейские народы, а от его старшего сына Сима, как арабы или евреи (полуофициально – потому что официальная российская история не включает в себя так называемое исчисление народов из Книги Бытия; с другой стороны, она находится, как и все в России, под сильным влиянием православия и отрицать это тоже не может). Считается, что часть потомков старшего сына Сима Элама, эламитов (это вполне исторический народ, один из самых древних из известных нам), переселилась из мест своего обитания – ныне это запад провинции Иран Исламского Халифата – на северо-восток и там, в междуречье Волги и Дона, дала начало славянам, заселившим впоследствии все вокруг. Это библейское противопоставление себя западноевропейцам играет важную роль в российской идеологии: в Библии Яфет олицетворяет мощь, а Сим – дух («распространит Бог Яфета, Сам же будет в шатрах Симовых»); именно так русские представляют сами себя.

Варяги же были одним из племен воинственных северных народов, норманнов, иначе называвшихся викингами. Ранее считалось, что это были даны; ныне же утверждается, что это отдельный народ, живший на восточном и юго-восточном побережье Балтийского моря. Их культура была промежуточной между норвегами и данами, с одной стороны, и славянами – с другой; как первые, это был народ непревзойденных воинов, ставящий воинскую доблесть превыше всего. Они брили бороду и волосы на голове, носили длинные усы, а вожди – еще и оставленную длинную прядь на темени; самые прославленные воины получали право красить усы синей краской. Став правящей знатью среди подданных – славян, они постепенно смешались с ними, образовав русских. По крови их вклад был невелик, поскольку их было много меньше, чем славян; генетически их место в создании русской нации примерно то же, что испанцев в создании нации мексиканцев. Тем не менее отношение к воинской этике, особенно у высших сословий, взялось у русских именно от них: истинно великий правитель лишь тот, кто сокрушил врагов, а не просто набивал казну – это тоже часть того, как русские представляют сами себя.

В конце X века русские приняли христианство, причем восточного обряда, поскольку находились в цивилизационной сфере влияния Византийской империи. Начался 250-летний период Киевской Руси – первого государства русских с великокняжеской столицей в Киеве. Интересно, что русские считают свое государство преемником не Киевской Руси, а Московской, никак с ней не связанной; поэтому никогда не обсуждается перенос столицы в Киев, хотя вообще тема переноса столиц или части столичных функций у русских одна из любимых. Поэтому же нумерация правителей России с одним именем идет только с Московской Руси, а не с Киевской: так, сейчас правит император Владимир III, являющийся третьим после Владимира I Иуды (1917—1923) [1] и Владимира II Восстановителя (2000—2012); а множество Владимиров – великих князей киевских, начиная со святого равноапостольного Владимира Крестителя, не считаются. Не так с Московской Русью: предыдущий император, Василий V Строитель (2040—2050), назывался так после великих князей московских Василия I (1389– 1425), Василия II (1434—1462), Василия III (1505—1533) и царя московского и всея Руси Василия IV (1606—1610). Период Московской Руси

начинается с конца XIII – начала XIV века, в период владычества монгольско-тюркской Золотой Орды. Центром же русских земель Московская Русь стала в конце XIV – начале XV века, когда великий князь московский Дмитрий, впоследствии прозванный Донским, в многочисленных войнах ослабил основных соперников за первенство на Руси – Тверь, Суздаль, Новгород, Рязань и других – и отнял у них много земель. Помимо этого он сначала в битвах на Воже и особенно на Куликовом поле разбил монгольское войско Мамая, якобы узурпировавшего власть у кагана Тохтамыша, а потом, напротив, принес покаянную присягу Тохтамышу и даже дал ему войско для войны с Тамерланом, что принесло ему и его потомкам поддержку Орды в дальнейшей борьбе с русскими соперниками. Окончательно они были сломлены и поглощены Московской Русью при Иване III Великом (1462—1505), предпоследнем великом князе московском (его внук, Иван IV Грозный, был уже царем всея Руси), и при нем же закончилось владычество Орды. В это же время, после падения Византии, появился тезис, ставший квинтэссенцией русской национальной идеи, который начертан на гербе Российской Империи, на вымпеле, который свисает с лап двуглавого орла: Москва есть Третий Рим, и четвертому не бывать.

В XVI веке были завоеваны и присоединены Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, что превратило Россию в крупную державу, и, как естественное следствие, с этого времени в западноевропейских странах начинает складываться образ России как врага христианской (имеется в виду западной) цивилизации. В это же время царствование Ивана Грозного, с его жестокостями и отходом от устоявшихся традиций, ослабили нацию изнутри, что привело к продолжительным междоусобицам и беспорядкам, причем на фоне фактической оккупации поляками, что получило название первого Смутного времени (1605—1613). В течение XVII века, после окончания Смутного времени и изгнания поляков, Россия вернула все то, что при этом потеряла, и еще присоединила Центральную и Восточную Украину, принадлежавшую Польше. В конце века началось царствование Петра I Великого (1689—1725). В это время Россия, победив Швецию, присоединила значительную часть восточной Прибалтики и выход к Балтийскому морю – основной европейской торговой артерии того времени; в связи с этим государство было перестроено на западноевропейский лад, а любые связи с Западной Европой всячески стимулировались. В конце правления Петра Великого Россия была объявлена империей, впоследствии названной Первой Империей, а сам Петр – императором. Особенного могущества Россия достигла при Екатерине II Великой (1762—1796), когда она присоединила Литву, Курляндию, половину Польши и Крымское ханство. В это время Россия уже стала одной из великих держав, что привело к осознанию и началу реализации последовательного и целенаправленного антироссийского курса правящим классом тогдашней сверхдержавы, Англии, – курса, впоследствии разделенного всей Западной Европой и США и продолжавшегося вплоть до Двенадцатидневной войны. В XIX веке Россия развивалась в русле тех же тенденций – ее статус великой державы, утвержденный победой над Наполеоном в начале века, был лишь ненадолго поколеблен поражением в крымской войне и сохранялся вплоть до вступления в Первую мировую войну в 1914 году. За XIX век Россия присоединила Кавказ, Закавказье, Финляндию и Среднюю Азию. При этом противостояние с Западом, особенно с Англией, стало перманентным фактором, неоднократно прорывающимся прямыми столкновениями; заключенный в конце века союзнический договор с Англией и Францией (Антанта) преследовал тактические цели и не менял эту расстановку. Тем не менее к началу XX века, иначе говоря к Первой мировой войне, Россия пришла великой и процветающей державой, в которой, однако, накопилась критическая масса внутренних нерешенных проблем, которая вскоре и прорвалась.

В 1917 году в России произошла революция, в результате которой к власти пришли коммунисты, победившие в последовавшей Гражданской войне (1918—1921). По жестокости, непримиримости и упорству в физическом истреблении целых социальных групп она примерно соответствовала Великой французской революции (1789—1794), но имела одну отличительную черту – в силу особенностей идеологии тогдашних коммунистов (так называемых большевиков) они были антинационалистами, которые стремились исключительно к мировой социалистической революции и Россию рассматривали всего лишь как плацдарм для этого. Соответственно их нисколько не интересовали национальные

интересы России, они без боя (и в прямом, и в переносном смысле) отдали Польшу, Финляндию, Бессарабию и Прибалтику; с той же легкостью они продавали или дарили за границу произведения искусства, являвшиеся национальным достоянием. Слова «русский» и «русское» считались малоприличными, а нерусская национальность человека была большим подспорьем в любой карьере – это пошло еще с Гражданской войны, когда самые боеспособные части большевиков целиком состояли из представителей национальных меньшинств или иностранцев. Так было при Владимире Иуде и в первые годы правления Иосифа I Великого (1924—1953), пока он не изменил эту ситуацию. Он понимал, что необходимо возрождать российское национальное государство, и использовал коммунистическую идеологию исключительно как базу для этого. Он провел в 1930-е годы серию массовых репрессий, направленных преимущественно (но не исключительно) против элиты страны, в результате чего погибло и пострадало много невинных людей. Но поставленную им самим задачу он выполнил – основная часть большевиков была истреблена; кроме того, прошла модернизация промышленности и социальной структуры страны. Далее, с момента начала войны с Германией (1941—1945), Иосиф Великий ускорил эти процессы – вернул культ гордости Россией с ее славной историей, снял запрет на православие, введенный большевиками, восстановил многие символы прошлого, такие как погоны в армии, форменную одежду в школе и т. д.; так называемая новая мораль, например в сексуальной сфере, заменялась на традиционную. После победы в войне он провел вторую волну репрессий, имевшую несколько иные цели и объекты, а именно нейтрализацию реальных и потенциальных коллаборационистов, непокорных народов, восставших против власти Москвы, а также тех, кто не принял отхода от коммуно-интернационалистических принципов и возврата к российской традиции.

Из его дневников, сенсационно найденных и опубликованных к 150-летию со дня рождения, в последний год правления Гавриила I Великого (2012—2030), мы знаем, что он намеревался провести в 1953 году последнюю серию репрессий, в частности сменить почти все руководство страны, после чего вернуть рыночные отношения в экономике, в первую очередь в сельском хозяйстве, восстановить частную собственность (кроме крупной), сделать реально выборными основную часть власти в Коммунистической партии и государстве и превратить православие в государственную религию России. Смерть от отравления не дала ему реализовать эти планы; она же показывает, что его убежденность в том, что враг внутри страны не истреблен окончательно, вовсе не была параноидальной. Личность Иосифа I и оценка его правления долгое время были предметом ожесточенных споров внутри России, пока нация не пришла к консенсусу примерно к 2020 году – а до того диапазон эпитетов был от «чудовищного» до «величайшего». Действительно, уровень жестокости и количество злодеяний того периода были вполне сопоставимыми (если не превосходили) времена царя Ивана Грозного, которого никому в России не придет в голову называть Великим. Правда, не следует забывать, что Иосиф Великий принял страну не от последнего царя Первой Империи, когда все было не так плохо, а от Владимира Иуды, создавшего государство истинно сатанинское, несоизмеримо более мерзкое, чем созданное Иосифом I. Тем не менее Россия при Иосифе I достигла максимального за всю свою историю величия (не считая, конечно, нашего времени). Она вернула Прибалтику, Бессарабию, Западную Белоруссию и Южный Сахалин, присоединила Западную Украину, установила сателлитные правительства в Польше, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Румынии и Восточной Германии, отгородившись кордоном из этих стран от своего вечного врага – Западной Европы. Она стала одной из двух сверхдержав, имея сильнейшую в мире армию с ядерным оружием, и первой в истории, задолго до Поднебесной Республики, успешно оспорила технологическое лидерство западной цивилизации: благодаря заделам правления Иосифа Великого она через четыре года после его смерти первой в мире вышла в космос. Из дневников мы знаем, что Иосиф Великий собирался сразу после капитуляции Германии денонсировать союзнический договор с Англией и США и продолжать наступление вплоть до полного захвата Европы (в чем вряд ли ему кто-либо тогда мог помешать), но ему в 1945 году явился в видении архангел и предрек, что до Армагеддона (а он воспринимал свое противостояние с Западом именно так) остается ровно 10 лет; именно к этому он и готовился. У созданной Иосифом Великим

империи, называемой Второй, или Красной, Империей, был, однако, существенный дефект, впрочем, вообще характерный для империй, включая главного врага тогдашней России – Америку (естественно, не нашу Федерацию, а США): если не считать самого основателя империи, она пропускала в высшие сферы только достаточно никчемных людей. Это и наблюдалось в последующие 35 лет, когда Россия под руководством сменяющих друг друга такого рода ничтожеств находилась в пике величия, но по сути просто проедала наследство Иосифа Великого. Результатом явился крах режима, полная капитуляция перед Западом, потеря Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, Закавказья, Казахстана и Средней Азии. Началось так называемое второе Смутное время (1991—1999).

Этот период правления Бориса II Проклятого характеризуется полной деградацией государства и общества. Национальные интересы игнорировались, промышленность и наука сворачивались, преступность и обман превысили все мыслимые пределы; смертность росла, продолжительность жизни и рождаемость падали. На все это безразлично смотрели коррумпированные сверх меры чиновники и сказочно обогатившиеся на захвате бывшей государственной собственности магнаты, называемые олигархами. Среди населения царили полная деморализация и развал всех устоев, глубокое презрение ко всем, кроме дельцов и бандитов, особенно к людям таких профессий, как учитель или военный; среди элит – соревнование в воровстве и поносительстве собственной страны. Редкие попытки (достаточно, впрочем, жалкие) поднять против всего этого голос жестко пресекались Америкой и самим режимом Бориса Проклятого, если только эти попытки исходили не от клоуноподобных маргинальных сил: в этом случае они, напротив, поддерживались – для дискредитации самой идеи наличия альтернативы. На все это наложилась война с сепаратистами на Кавказе, в которой победа была практически добыта хотя и ценой несуразных жертв, но в последний момент просто продана властью за деньги и благорасположение американцев; наступил трехлетний период фактической независимости сепаратистов, во время которого они безнаказанно кормились на русских, как волки на оленьем стаде. Столь велика была ненависть русского народа к Борису Проклятому, что в 2028 году (то есть через 28 лет после конца его правления), во время выдвижения кандидатур на выборы императора 2029 года, Борис Фетисов, один из героев Двенадцатидневной войны и войн экспансии, который считался наиболее вероятным будущим императором, отказался от этого. Он сказал: «После Бориса I Узурпатора (1598—1605) и Бориса II Проклятого видим мы, что нельзя в России быть правителю с этим именем; а что я не виновен в имени моем, так негоже Божьи знаки не замечать». К слову, этот поступок, как и вообще личность Бориса Фетисова, является символом всего лучшего и образцом для подражания у русских, особенно у опричников.

Глава 2

Период Восстановления

Реформы 2006—2007 годов. Периодом Восстановления в России называется время между Второй и Третьей Империями (2000—2012) – время начала возрождения великой России, совпавшее с началом третьего тысячелетия. С 2000 года (фактически с конца 1999-го) началось правление Владимира ii Восстановителя, удостоенного этого прозвища потому, что при нем Россия опять стала великой державой (к концу правления даже с элементами сверхдержавы). Кроме того, при нем и благодаря ему нормализовались и начали развиваться все сферы общественной жизни, хотя не все одинаково – одни быстрее, другие медленнее; все это подготовило страну для цивилизационного рывка к невиданному прежде величию, произошедшему при его преемнике. Владимир ii был приведен к власти окружением Бориса Проклятого в качестве его наследника, о чем оно быстро пожалело. Впрочем, первую и даже большую половину своего правления хоть он и был весьма популярен и даже любим народом и все шло неплохо, но ничто не предвещало тех бурных событий, благодаря которым он вошел в историю так, как это случилось. Первый срок своего президентства и почти весь второй он предпочитал не разрушать сложившееся, пусть и не очень терпимое, положение, что, казалось бы, граничило с преступным бездействием. Однако малозаметными действиями он сумел вызвать за это время радикальные изменения в настроениях народа и в состоянии общества. Вот вроде бы все так же плохо, как несколько лет назад, ничего принципиально не изменилось, по-прежнему правят бал олигархи и коррупционеры, все так же давит Запад – а тем не менее самоуничижение сменилось возвратом национальной самоидентификации и самоуважения, на смену деморализации и отчаянию пришли уверенность и озлобленность. Как теперь мы понимаем, такая политика минимального вмешательства проводилась Владимиром ii не из-за нерешительности, а именно из-за понимания того, что крутые виражи не делаются государствами в фазе полной деморализации. К тому же он хорошо понимал и чувствовал своих соотечественников и знал, что очень многие, вполне патриотические люди мучаются сомнением: а может, попробовать уйти от повторения традиционного цикла российской истории? Может, не воссоздавать империю, не ставить амбициозных национальных целей, а интегрироваться в европейскую цивилизацию и стать богатым и спокойным, хотя и не великим государством? Сейчас известно, что Владимир ii, плоть от плоти своего народа, и сам мучился теми же сомнениями. Вот если ход жизни подведет к тому, что это невозможно, думал он, тогда уж можно будет сказать самим себе: мы сделали, что могли, и не наша вина в том, что это не наш путь.

Но с 2004 года начали постепенно нарастать явления, которые сделали неизбежным начало политики реванша. Поднял голову внутренний враг – сначала был раскрыт заговор Ходорковского (первого из репрессированных олигархов), потом по стране прокатилась волна массовых выступлений против неудачных решений властей в социальной сфере, переходящих в массовые беспорядки. Все они, даже начавшиеся стихийно, затем оплачивались и управлялись извне, в основном через российских эмигрантов – врагов режима. В это же время США нарушили существовавший у них с Россией тайный договор о том, что Россия не мешает США на мировой арене, в частности не вооружает их врагов и не использует против них свое право вето в Совете Безопасности ООН, а США не действуют против интересов России и вообще не проявляют активности на постсоветском пространстве. В 2004—2006 годах Америка успешно организовала перевороты в Грузии, Украине, Киргизии, приведшие к власти проамериканские и при этом оголтело антироссийские режимы, а также безуспешно пыталась сделать это в Белоруссии. Все это было направлено не только и не столько на окружение России врагами, сколько на отработку методов захвата власти в постсоветских государствах с целью применить их далее на самой России. Одновременно было усилено давление на Россию по всем фронтам международной политики – наиболее показательным является пример того, как ее под надуманными предлогами много лет не пускали во Всемирную торговую организацию (ирония заключается в том, что России при ее тогдашней структуре экспорта ВТО была и не нужна, и Запад проиграл намного больше). Все это явилось реакцией на осознание того, что Россия несмотря ни на что обладает потенциалом к восстановлению величия (как раз по итогам первого пятилетия правления Владимира II), значит, ее надо уничтожить или резко ослабить – все

разговоры об отступлении ее от демократии были не более чем словесной шелухой. Базовый оперативный сценарий заключался в том, чтобы любым способом вызвать в России кризис (настоящий), а на его фоне инсценировать демократическую революцию (ненастоящую, в силу абсолютной маргинальности так называемого демократического движения в России) и в помощь ей осуществить интервенцию силами НАТО. Потом новые власти отказались бы от ядерного оружия (еще Ходорковский обещал это в случае прихода к власти), ликвидировали бы ВПК, а потом устроили бы «добровольное» разъединение России на несколько русских и несколько нерусских государств, повторив путь Югославии.

Но российская элита в середине 2000-х годов, при всей общенациональной критике в ее адрес (притом вполне справедливой!), была уже совсем не та, что в 1995-м и даже в 2000-м. Из так называемых революций в указанных странах ближнего зарубежья были извлечены уроки, и власть совершила все необходимые превентивные действия – ослабила и изолировала потенциальные центры такой «революции» у себя, перекрыла каналы финансирования и т. п.: ничего особо жесткого предпринимать и не пришлось. Все-таки в тогдашней России в отличие от ее соседей коррупция, несправедливость и тому подобные проявления (называемые по-русски «беспределом») не перешли всех мыслимых границ – напротив, с 2000 года они хоть и медленно, но уменьшались. Наиболее одиозные ошибки (типа так называемой монетизации льгот) были оперативно исправлены, и были приняты аппаратные меры, исключающие их непродуманное появление в дальнейшем. В результате уже к 2006 году всем стало понятно, что никакой революции в России не будет. На международной арене Россия резко повысила независимость своего поведения, но при этом не нарывалась на конфронтацию с западными странами и не давала им ни малейшего серьезного повода придраться к себе. А для США, напротив, это были не самые удачные годы – они втянулись в целый ряд ненужных авантюр, да и их отношения с союзной Европой и лояльным Китаем стали напрягаться. В результате всего этого – как внешнеполитических ошибок США, так и четкого и взвешенного поведения России – акции последней в мировой политике стали резко расти. Кульминацией этого стало ее председательство в 2006 году в так называемой «Большой восьмерке» – клубе восьми индустриально развитых стран, претендующем на решение мировых проблем, нечто вроде нынешнего Всемирного форума пяти держав на острове Святой Елены. Впрочем, уже при проведении ежегодной встречи этой «восьмерки» в городе Санкт-Петербурге стало понятно, что долго эта идиллия не продлится.

Поняв, что время пришло, Владимир II начал действовать – период мира еще продолжался, но стремительно приближался к своему концу. В первую очередь следовало позаботиться об экономике – вообще-то она в это время была на подъеме, но по своей отраслевой и институциональной структуре совершенно не была готова к каким-либо потрясениям. Зависимость от импорта была недопустимо велика, как и от экспорта сырья и полуфабрикатов, а основная часть инвестиционного потенциала приходилась на крупных, космополитически настроенных игроков (хотя в основном российского происхождения). Кроме того, огромные для тогдашней России средства – золотовалютные резервы Центробанка и стабилизационный фонд правительства, на общую сумму более 300 миллиардов долларов, – находились непосредственно в валюте, причем в основном именно в долларах США. Это означало, что их в любой момент можно просто заморозить, и при любом обострении международной ситуации Америка, а под ее давлением и Европа не преминут это сделать. Все это надо было как-то решать. К середине 2006 года был принят ряд решений, позволивших российскому рублю стать резервной валютой, но это касалось лишь снятия оставшихся к тому времени ограничений на капитальные операции. В конце 2006 – начале 2007 года были оперативно осуществлены меры по выводу золотовалютных резервов из долларов, хранящихся в США, – частично путем перевода в другие валюты, а частично перемещением на долларовые же счета, но в банках других стран. Долларовый счет ведь можно иметь и на субсчете, например в Банке Китая (что Россия и сделала) – там американцы технически не могут его заморозить, разве что вместе со всеми долларами Китая. А в 2007 году в знаменитой екатеринбургской речи Владимиром II уже четко были сформулированы тезисы новой экономической политики. Вам они, дорогие

соотечественники, покажутся самоочевидными и были таковыми в наших странах и в те времена – но в России 2007 года, после 15 лет псевдолиберального безумия в экономике, они произвели эффект разорвавшейся бомбы. Тезисов было семь: 1) масштабные государственные инвестиции в реальный сектор – и в коммерческие предприятия на рыночных принципах, и в инфраструктуры; 2) всемерное стимулирование импортозамещения; 3) создание крупных государственных лизинговых и ипотечных финансовых компаний для стимулирования корпоративного спроса; 4) комплекс мер по стимулированию накоплений населения и их трансформации в инвестиции, в том числе вовлечение в оборот дополнительных активов и создание новых финансовых инструментов; 5) комплекс мер по многократному увеличению строительства жилья, в том числе по массовому созданию новых небольших городов; 6) запрет экспорта за валюту – теперь он мог осуществляться экспортерами только за рубли; 7) диверсификация инструментов хранения государственных финансовых резервов – теперь они частично стали инвестироваться в собственную экономику.

Всему этому сопутствовал и ряд иных, не столь масштабных мер, значимость которых, однако, трудно переоценить. Была проведена налоговая реформа, заменившая налог на добавленную стоимость налогом с розничных продаж, а также уменьшившая реальные выплаты по единому социальному налогу, – это существенно облегчило жизнь бизнесу, хотя налоговая нагрузка была и так не особо велика еще с начала 2000-х годов. Был принят ряд положений, направленных на нормализацию касающейся бизнеса правоохранительной деятельности: реформа арбитражного судопроизводства, весьма затруднившая как коррупцию в судах, так и юридический беспредел; новые правила и особый контроль уголовного производства по экономическим преступлениям; новые правила ведения реестров собственности (акций и недвижимости) и контроля за этим. Были введены весьма существенные льготы для тех, кто создает новые предприятия – то есть физически строит новые заводы или магазины, а не купил их у предыдущего владельца. «Нам нужно совершить экономический рывок, соизмеримый по масштабам с тридцатыми и пятидесятыми годами XX века, но на основе рынка, – сказал в екатеринбургской речи Владимир II. – А для этого нам надо не перетасовывать имеющиеся предприятия, оставшиеся от СССР, а создавать новые – сотни крупных, десятки тысяч средних, миллионы мелких. А с того, что еще только предстоит создать, казну не набьешь – телят не доят». Когда все эти меры начали осуществляться и заработали, эффект их был колоссальным. Как грибы после дождя начали расти предприятия, в основном импортозамещающие – как очень большие, вроде двух автомобилестроительных корпораций (см. главу « Экономика»), где инвестором выступало непосредственно государство, так и поменьше, создаваемые частным капиталом. Последние пользовались и вышеназванными льготами, и прямой государственной помощью – государственными гарантиями на часть обеспечения под кредиты, позволяющими при том же собственном капитале получить больший кредит и освоить более крупный инвестиционный проект. Стали массово строиться новые современные города, точнее, городки (как в Северной Америке в XIX веке, при освоении Дикого Запада) – они дали не только экономический эффект, но и совсем иное качество жизни, чем асфальтовые джунгли мегаполисов. И люди, живущие в этих городах, особенно с детства, стали гражданами совсем иного « качества» и иной ценности для государства. Начала строиться трансполярная железная дорога Санкт-Петербург—Анадырь, которая в будущем обеспечила освоение природных богатств гигантских территорий, а экономический эффект за счет загрузки промышленности дала сразу. Финансовые резервы страны в значительной части были истрачены на инвестиции в экономику и инфраструктуру, перестав висеть мертвым грузом.

Таковы были экономические реформы 2006—2007 годов. Как я уже говорил, они воспринимались Владимиром II и его соратниками как часть ответа России на вызов Запада – вызов, который был не их выбором. Но экономика была, естественно, не единственной сферой, в которой произошли изменения. С 2005 года, но особенно с 2006-го стали увеличиваться военные заказы, притом в основном на сверхновую технику – они росли в несколько раз каждый год. Кстати, это не только увеличило обороноспособность страны, но и дало огромный стимул науке и наукоемкому производству, а через него всей экономике. Было резко увеличено денежное и иное довольствие военнослужащих и в армии, и в

правоохранительной системе, что начало возвращать престиж профессии человека в погонах. Но правоохранительная система нуждалась и в жестком искоренении коррупции, которая достигла неслыханных размеров, – и это было начато всерьез, в том числе с широким привлечением органов государственной безопасности (как и в гражданских министерствах). Была озвучена активная демографическая политика, направленная на увеличение рождаемости, – естественная мера для страны, готовящейся к войне. Еще в 2005 году была отменена прямая выборность губернаторов – это резко повысило управляемость страны. С конца 2006 года, но особенно в 2007-м был порядком «почищен» государственный аппарат – были полностью удалены люди из окружения Бориса Проклятого и его «семьи» (как ни странно, их было еще довольно много даже в 2006 году), все придерживающиеся крайне либеральных взглядов, а также коррупционеры, создавшие себе состояния с помощью своего служебного положения. Правда, речь шла о состояниях только сверх определенных размеров – если удалялись бы все те, кто вообще хоть что-то заработал своей государственной должностью, то есть, по сути, украл, то в тогдашней России власть вообще невозможно было бы укомплектовать. При этом на будущее был сделан задел более систематической работы – была создана общегосударственная служба кадров, которой ставилась задача выискивать чуть не со школьной скамьи перспективных людей, отслеживать их, при необходимости «подтягивать», путем оказания той или иной помощи, и в нужный момент призывать на государственную службу или направлять в другие сферы для обеспечения интересов государства (в прессу, например, или в политические партии). Были и некоторые структурные новации – так, например, был сильно увеличен институт помощников президента; по сути, они стали комиссарами, которым Владимир II поручал сегодня одно, а завтра – другое. Полномочия и ресурсы помощников и вообще администрации президента, куда они входили, и до того были немалыми, но с 2007 года стали особенно обширны – и стратегические, и контрольные функции управления страной в этот период в большой степени осуществлялись ими (естественно, под руководством Владимира II), а не правительством.

Ликвидация олигархии. Впрочем, едва ли можно назвать экономические новации 2007 года благостно-бескровными. Хотя подавляющее большинство субъектов рынка ощутили себя как кандальник, с которого неожиданно сняли кандалы, было и меньшинство. В первую очередь это были коррумпированные чиновники и криминальные лидеры – к тому времени эти две категории представляли массовую группу российской элиты, в частности бизнеса, и даже не особо маскировались. Еще в 2006 году начались массовые увольнения коррумпированных офицеров и генералов спецслужб, но это были, по русскому выражению, «еще цветочки». Во время знаменитой так называемой чистой ночи в 2007 году было арестовано около 150 крупных государственных чиновников, действующих и бывших; притом среди них было много людей из близкого круга президента, так называемых питерских, которые всеми считались неприкасаемыми. Также были выписаны ордера на арест около 400 крупнейших криминальных авторитетов, большая часть которых, однако, была застрелена при оказании сопротивления (сейчас трудно сказать, реального или вымышленного). Народ замер; оставшиеся на свободе коррупционеры и бандиты были полностью деморализованы, в основном из-за резкого, почти мгновенного, перехода: еще вчера всё имеющие и могущие и ничего не боящиеся хозяева жизни, как говорят русские, «кумы королю, сваты министру» – а сегодня затравленная дичь, ожидающая выстрела охотника. Но кроме самих пострадавших, недовольных особо не было – и коррупция, и криминал всех достали; никто не ожидал такой решительности от Владимира ii, но никто и не возражал. Спорили только о том, сможет ли теперь президент как-то договориться с олигархами об ограничении их влияния на страну, поскольку трудно даже представить себе, сколь существенным было это влияние – совсем не таким, как в 1996—1999 годах, но все равно колоссальным. На самом же деле Владимир ii не собирался договариваться ни с кем и ни о чем.

Тому было много причин, главной из которых, как сейчас видно с высоты прошедшего полувека, было даже не то, что все они в той или иной степени были пятой колонной Запада. Главным было то, что те способы, которыми они добились своего положения,

предопределяли совершенно конкретный тип личности, никак не вписывающийся в нормальную экономику и вообще нормальное общество, особенно с сильным государством. Не случайно все олигархи, особенно первого ряда, были похожи друг на друга как братья-близнецы. Это был тип людей, безусловно, незаурядных: умных, хватких, решительных, хорошо разбирающихся в людях, полностью бесстрашных – в общем, тех, кто выживает в любых обстоятельствах. С другой стороны, это были люди, совершенно не способные к стратегическому планированию, не способные ни к каким формам взаимодействия и сотрудничества, постоянно ведущие войну всех против всех, глубоко презирающие остальных людей и страну в целом – точнее, вообще не способные понять, что такое страна, кроме как место их охоты и кормежки. Пожалуй, правильнее всего было бы сравнить их с раковыми клетками в организме, которые, конечно же, намного превосходят остальные клетки, но только по своей способности к выживанию и разрастанию, а не по пользе для организма – для организма они смертельны. Нельзя сказать, дорогие соотечественники, что у нас таких людей нет – но они гораздо более характерны для криминального мира, чем для элиты нашего крупного бизнеса. Скорее, они являются полными антиподами таких знаменитых капитанов индустрии, как, например, инфотехнологический магнат Билл Гейтс из Сиэтла или нанотехнологический магнат Хорхе Лопес из Гвадалахары, впервые в истории создавший состояние в триллион долларов, жившие достаточно скромно до конца жизни. И уж вовсе невозможно представить их на месте космического магната Жуана Бранку (моего троюродного дедушки), который во время расследования предполагавшегося экологического урона от запуска ракет с ядерным приводом в 2034 году заявил, что его внутреннее расследование показало – да, этот урон действительно имеет место и что он сам останавливает все запуски впредь до устранения. На вопрос журналистов, а как же десятки миллиардов долларов убытков (которые он в результате и понес), он раздраженно ответил: «А жить мне с этими десятками миллиардов где прикажете, в амазонской сельве?» Так вот, полное отсутствие такой идентификации себя со страной и устремленности в будущее у российских олигархов, тогда еще будущих, и дало им внутреннюю свободу рвать на части свою страну, когда еще все остальные считали, что этого делать нельзя. По этой же причине большинство олигархов первой волны были нерусскими по национальности (при том что русских в тогдашней России было более 80%, и, как показало дальнейшее, они вполне хорошие предприниматели), причем далеко не только евреями, что традиционно являлось больным вопросом в России, а представителями многих нерусских национальностей. Им было проще считать страну не своей: решиться рвать на части чужого человека, даже дальнего родственника, все же легче, чем собственного отца.

Не надо, однако, думать, что претензии Владимира II к олигархам ограничивались этими общефилософскими соображениями – скорее, они были реальной подоплекой тем пяти конкретным претензиям, которые к ним были. Это, во-первых, то, что они практически без денег и без всяких иных оснований завладели государственным, то есть, по сути, общенародным, имуществом на миллиарды и десятки миллиардов долларов каждый; во-вторых, то, что, уже обладая эти имуществом, они практически ничего (в пропорции к размеру имущества) не инвестировали в его реновацию, расширение и диверсификацию, предпочитая скачивать наличность и вывозить ее за границу, с удовольствием «ложась» при этом под западные правительства; в-третьих, то, что они практически не платили налогов или платили, сколько считали нужным; в-четвертых, то, что единственное, во что они не скупились «инвестировать», – это в назначение своих и коррумпирование имеющихся государственных чиновников; в-пятых, то, что так же, как к государству, они относились к любым предпринимателям меньше себя размером, считая нормальным отнимать у них бизнес с помощью своих коррупционных и криминальных возможностей. Поэтому Владимир II отделил, так сказать, овец от козлищ и определил группу из наиболее крупных и одиозных из них, человек двадцать, с которыми переговоры велись только об одном: сколько денег государство готово им оставить, в случае если они добровольно отдают все остальное, включая все промышленные активы и выведенные за границу капиталы; с этими деньгами они могли либо уезжать за границу, либо оставаться в России и выстраивать себе новый бизнес, но уже на обычной рыночной основе. Публика об этих переговорах ничего не знала и

узнала лишь через несколько лет от Гавриила Великого, когда уже он был правителем России. Я же знаю о них намного больше, потому что мне посчастливилось встретиться и поговорить с несколькими живыми участниками многих событий того времени – сейчас им всем за восемьдесят или за девяносто. Так, например, один из них вспомнил, как Владимир Восстановитель, обращаясь у себя в резиденции к нескольким олигархам, сказал: «Если кто-то из вас, оставшись с небольшим, по нынешним вашим меркам – но гигантским, по меркам всех остальных, – капиталом и без коррупционных связей, решит продолжить бизнес в России и вторично выстроит финансовую империю, перед тем я не только признаю, и лично и публично, что ошибался в отношении его, но и найду способ компенсировать ему свою ошибку».

Нельзя, однако, сказать, что это произвело на олигархов какое-либо впечатление. Переговоры шли ни шатко ни валко, даже с теми, кто был арестован и находился в тюрьме, – это был народ не из пугливых. Но это пока один из олигархов не взорвался в своей машине в Лондоне – после этого все переговоры были завершены в относительно сжатые сроки; остаться в России не выбрал ни один из олигархов. Предприятия, по сути отобранные у них, были разделены на две группы: сырьевые, в основном нефтяные, были объявлены государственной собственностью (в смысле навсегда), и доходы от них являются существенной статьей приходной части государственного бюджета и поныне, а в те годы были важнейшей. Для эффективности они были слиты не в одну топливно-энергетическую компанию, а в четыре конкурирующих (шесть, если считать с двумя компаниями, на которые был разбит Газпром – государственная корпорация, производящая, в противоположность нефтяным, много газа и относительно немного нефти), управляемых частными управляющими компаниями, не имеющими отношения к собственности; любопытно, что четыре из шести этих управляющих компаний в 2007 году были иностранные, в том числе три западные, невзирая на противостояние. « Для чего нам передавать в частную собственность нефтяную и газовую промышленность, представляющую комбинацию того, что нам дал Бог, и того, что путом и кровью создали наши отцы, – спросил у народа Владимир II в телевизионном обращении, – если эта как раз та отрасль – одна из весьма немногих, – где государственные компании работают столь же эффективно, как частные, например саудовская, китайская или мексиканская?» Другие отобранные компании, такие как угольные, металлургические и химические, были объявлены к продаже в течение пяти-шести лет, а до этого также управлялись победившими на тендерах управляющими компаниями.

Что же касается следующего, после олигархического, эшелона крупного российского бизнеса, то с ним был заключен договор (тоже, разумеется, не в юридическом смысле), впоследствии названный пактом Бочарова Ручья (по названию места), суть которого сводилась к одной фразе: не делайте так, как делали олигархи (да и вы тоже в меньших масштабах!), и можете твердо рассчитывать на безопасность себя и своего имущества и на всяческую помощь государства. Давайте в диалоговом режиме определим с каждым из вас, сказали им, сколько вы должны государству за взятую за бесценок государственную собственность и за неуплаченные налоги – честно, в том числе с учетом всех дисконтирующих факторов. И тем, с кем будет достигнуто согласие, мы дадим почти любую рассрочку и другие послабления. Кроме того, тратьте основную часть своих доходов не на казино и не на яхты и самолеты, а на модернизацию, расширение и диверсификацию своего – не чужого ведь! – бизнеса. Не вывозите за рубеж капитал, кроме как когда это реально нужно для построения транснациональной корпорации; честно платите все налоги – мы гарантируем вам, что они не будут разорительными или даже очень обременительными; не имейте с чиновниками коррумпированных отношений, а если они будут у вас вымогать, быстро звоните, мы вам скажем куда, и ничего не бойтесь; не держите служб безопасности сверх абсолютно необходимого, не имейте дела с криминалом, не занимайтесь криминалом сами, от прослушки до убийств; и не наезжайте с целями отъема друг на друга и на тех, кто помельче, кроме как сугубо финансово-рыночными методами. Вы же не бандиты, а бизнесмены, опора общества – так и ведите себя соответственно! И тем, кто будет это выполнять, мы не только разрешим в награду, как говорится, дышать – мы допустим вас до любых государственных программ, включая военные, и до любых государственных ресурсов;

мы будем серьезно помогать вам деньгами – огромными деньгами! – в любых проектах по созданию новых производств и бизнесов, не претендуя на долю; мы предоставим все наши возможности и усилия для продвижения ваших интересов в других странах; и мы защитим вас от преступных, чиновничьих и иностранных посягательств так, как никогда не защищала ни одна «крыша». Надо сказать, что крупный российский бизнес в основном принял эти правила – видимо, успел устать от беспредела. Вкупе с государственными инвестициями, налоговой реформой, стимулированием спроса, импортозамещением, военным производством и нормализацией правоохранительной системы это явилось той искрой, от которой российская экономика завелась и набрала обороты.

Первая экспансия. Однако все эти действия сами по себе не являлись конфронтацией с Западом – лишь подготовкой к ее последствиям. Они привели, естественно, к резким заявлениям со стороны Запада, на которые Россия отвечала в том же духе – но такие обмены колкостями, вообще характерные для международной дипломатии эпохи национальных государств, оставались не более чем словами. Искра, которая воспламенила эту пороховую бочку и перевела конфронтацию из сферы слов в сферу действий, пришла из соседней Украины. Эта страна, отколовшаяся от России во второе Смутное время, вызывала в России особое раздражение самим фактом своего существования, гораздо большее по сравнению с другими постсоветскими государствами. Причина этого очевидна – те все-таки были национальными государствами народов, этнически весьма далеких от русских; а украинцы ничем не отличались от русских и, собственно, и были русскими. В этом смысле про книгу «Украина – не Россия», которую написал второй президент Украины Кучма, можно было сказать словами из книги русско-украинского писателя Булгакова: «Поздравляю вас, гражданин, совравши». Тем не менее Россия не вмешивалась в дела Украины (кроме как в той степени, в какой большие страны всегда вмешиваются в дела меньших соседей), несмотря на доходившую там иногда до истерики антирусскую риторику. В конце 2004 года там произошла организованная Америкой так называемая оранжевая революция, в результате чего к власти пришло проамериканское, антироссийское правительство – пришло в результате фальсификаций и беспорядков, против воли населения восточной и южной частей страны. Эти территории, составлявшие до половины населения страны и львиную долю ее экономического потенциала (достаточно, впрочем, скромного), никогда не считали себя частью западноевропейской цивилизации, но, напротив, всегда ощущали себя частью России – в отличие от населения Центральной и особенно Западной Украины. В 2006 году там прошли парламентские выборы, причем с их момента Украина, по принятым изменениям в конституции, становилась парламентской республикой – так что эти выборы определяли, кто будет править страной. Вопреки ожиданиям президента и правительства и их западных покровителей (а точнее, кукловодов) они проиграли выборы, несмотря на весь свой административный ресурс, которым они пользовались без всякого стыда. В результате затянувшегося кризиса, а точнее их череды, президент распустил парламент в 2007 году, все-таки не дав править страной премьеру, который был ставленником восточных областей – хотя он и опирался на парламентское большинство. Люди по-разному относились к этому большинству, за которым стояли олигархи, притом в основном криминального типа, но роспуск парламента в этой ситуации нельзя было расценить иначе, чем вытирание ног об избирателей. И потому в конце 2007 года в Восточной и Южной Украине началось восстание – оно просто не могло не начаться.

Это восстание, в своей исторической сути повторяющее восстание 1649—1654 годов (в результате чего Восточная Украина и стала частью России), вспыхнуло под лозунгами воссоединения с Россией и отказа от политики форсированной интеграции в Европу и вступления в антироссийский блок НАТО под патронажем Америки и Польши. В итоге девять областей (Донецкая, Харьковская, Запорожская, Луганская, Днепропетровская, Херсонская, Одесская, Николаевская и Крым) объявили о непризнании украинской власти и вообще украинской государственности и о провозглашении Донецко-Черноморской республики. Они сместили представителей центральной власти (кроме перешедших на сторону восставших), выдвинули своих руководителей и объявили о референдуме о выходе из Украины и вхождении в Россию. Когда украинские власти приказали всем

дислоцированным на востоке и юге войскам выступить против мятежников, выяснилось, что большинство их уже перешли на сторону восставших (как и значительная часть полиции и спецслужб). Остальные не захотели вступать в бой и частью выехали без оружия из зоны восстания, частью были блокированы на своих военных базах. Все это, естественно, было абсолютно противозаконно – но, как говорят в России, «мятеж не может кончиться удачей – в противном случае его зовут иначе»; если бы восстание не увенчалось успехом, оно бы, наверное, называлось в сегодняшних учебниках истории незаконным мятежом. Россия на словах полностью дистанцировалась от этого процесса, заявляя о том, что это дело самих восточных украинцев, но что она не может игнорировать интересы братского народа и, безусловно, примет его в Россию, если он так решит. Сейчас трудно сказать, участвовала ли Россия в подготовке этого восстания или оно было сугубо доморощенным – в любом случае оно считается героическим эпизодом в истории русского народа. Тем временем украинские власти обратились за помощью к НАТО, и несколько дивизий начали перебрасывать в Украину – но, конечно, пока что в западную и центральную часть, а не в зону восстания. Россия не стала, по собственному выражению русских, «ждать у моря погоды» и ввела в марте 2008 года в Восточную Украину – естественно, по просьбе руководства восставших – корпус численностью 80 тысяч солдат; Черноморский флот, и так дислоцированный на юге Украины, был приведен в полную боевую готовность, а его береговые базы усилены переброшенной из России морской пехотой. В ответ на это натовские части двинулись к Восточной Украине, а российские части – им навстречу; соприкосновение произошло на границе Днепропетровской и Кировоградской (это тогдашние названия городов Екатеринослава и Елизаветограда) областей, около местечка под названием Пятихатки. Более 140 тысяч человек заняли позиции друг напротив друга, с бронетехникой и огневыми средствами; началось так называемое великопостное противостояние (потому что в это время был православный Великий пост).

Антироссийская истерия в прессе и в политическом истеблишменте в Европе и США в этот период достигла совершенно сюрреалистического уровня. Общим местом стало утверждение, что русские неизмеримо страшнее для человечества, чем Чингисхан и Гитлер, вместе взятые, так что возникало впечатление, что они завтракают грудными детьми. Украинцы же изображались не просто как жертвы, но чуть ли не как средоточие всего светлого и достойного на Земле – при том что подавляющее большинство европейцев и особенно американцев понятия не имели, где находится Украина и кто такие украинцы (я их видел достаточно много и могу засвидетельствовать, что это обычные русские). Надо отдать русским должное – их пресса в это время хотя тоже не показывала чудес объективности, тем не менее была намного более умеренной и не впала в такой коллективный маразм. При всем том, однако, американские лидеры не решались отдать приказ о штурме, поскольку русские явно демонстрировали свою готовность идти до конца. Попавшие на западное телевидение (видимо, не без помощи русской разведки) киносюжеты о том, как российские ядерные ракеты перенацеливают на США, а к бомбардировщикам подвешивают крылатые ракеты для пуска по Европе, вызвали везде на Западе уже забытое ощущение того, что если русские захотят, то конец света наступит через полчаса. То, что при этом погибнут и сами русские, не воспринималось как большое утешение, поскольку все чувствовали, что русские готовы к этому, без блефа. США переоценили значимость факта полного разложения военной верхушки России, почти у всех членов которой были нелегальные банковские счета на Западе (это не считая значительного количества тех, кто прямо работал на западные разведки). Русские за считанные недели заменили практически весь высший генералитет – тогда впервые были применены технодопросы, представляющие допрос с применением психотропных средств (называемых у нас наркотиком правды); в наше время это весьма широкая практика в Российской Империи (см. главу «Правоохранительная система»).

Тем временем в самих восточных областях Украины прошел референдум, где за вхождение в Россию проголосовало 82% населения. Не похоже, что это была фальсификация, потому что в этих областях на президентских выборах 2004 года почти столько же проголосовало за кандидата, считавшегося пророссийским (при том что сам кандидат был, мягко выражаясь, специфичен). Россия объявила референдум у себя: о согласии на принятие

Восточной Украины в состав России; забегая вперед, скажу, что на нем «за» проголосовало 93% от принявших участие русских. Политически время работало против Запада, от его лидеров ждали действий против русских чудовищ – но действия лидеры начинать боялись; а над русскими, как говорится, «не капало» – потерпевшей была не их сторона. В результате Западу пришлось пойти на попятную (в разговорном русском это называется словом «слить»). В мае было заключено так называемое Днепровское перемирие – оно было подписано на барже на середине реки Днепр, на равном расстоянии от Полтавской («западной») и Днепропетровской («восточной») областей между НАТО и Россией. НАТО являлось подписантом потому, что Украина к тому времени уже была – за два месяца – принята в НАТО и Евросоюз. В договоре, хотя и не было политически признано присоединение востока Украины к России, была зафиксирована демаркационная линия, проходящая по границам Сумской, Полтавской, Кировоградской и Винницкой областей с западной, то есть украинско-натовской, стороны, и Харьковской, Днепропетровской, Николаевской и Одесской областей с восточной, то есть российской, стороны. Стороны обязались не нарушать линию, а также обеспечить свободный проезд через нее гражданских лиц; особо было оговорено, что Россия отказывается от любых посягательств на территорию западнее демаркационной линии. Это была сугубо пиар-акция со стороны США, потому что они прекрасно знали, что Россия и не предполагала ничего такого; но это было раздуто в Америке и Европе как большая победа в обуздании российского империализма.

Дальше России крупно повезло – американские власти совершили грубую внешнеполитическую ошибку. Желая не допустить сближения с Россией такой огромной и стратегически важной страны, как Казахстан (также осколка Красной Империи), США сделали ставку на свержение режима, возглавлявшегося президентом Назарбаевым, и обеспечение избрания проамериканского «демократического» президента. Этого делать им совершенно не следовало, потому что Назарбаев выстроил у себя в стране весьма успешную, ориентированную на мировой рынок экономику и весьма стабильное социальное государство. Он и без того готов был быть американским клиентом, а уж глядя на российскую экспансию в период украинских событий, и вовсе был готов на многое. Но в США было решено, что он по самому своему происхождению слишком ориентирован на Россию (выходец из системы Второй Российской Империи, дети учились в Москве и т. д.). К тому же он якобы авторитарен и коррумпирован (в США уже несколько лет шло судебное разбирательство о взятках Назарбаеву, в Швейцарии были арестованы его счета), а потому непременно сговорится с русскими – следовательно, его надо менять. На самом деле здесь проявилась системная слабость американской империи – всегда побеждала не та точка зрения, которая была вернее или хотя бы полезнее для Америки, а та, которая была слышнее (что обычно значит, что она попросту лучше лоббировалась). Именно таковой была вышеупомянутая позиция, продвигаемая в США различными диссидентами-эмигрантами из Казахстана, каждому из которых очень хотелось, чтобы американцы сделали его казахским президентом.

В результате в Казахстане начались массовые манифестации и акции гражданского неповиновения с требованиями ухода Назарбаева и его семьи. Они были инспирированы людьми вышеупомянутых эмигрантов, и, хотя в массовые беспорядки они перейти не успели, дальше бы это непременно произошло. Назарбаев был достаточно беззащитен перед такой угрозой – потому что он не был никаким диктатором (что ему инкриминировалось), а лучше всех противостоять технологиям «цветных революций» могли как раз диктаторы. Поэтому он пошел на уступки: отправил в отставку правительство и несколько губернаторов, снял с государственных должностей свою старшую дочь и мужа средней дочери, а также арестовал ряд весьма высокопоставленных людей, подозреваемых всеми в коррупции; одновременно, однако, был арестованы многие лидеры оппозиции. Этим ему удалось сбить волну выступлений, грозящих перейти в революцию, но всем было понятно, что это ненадолго; и тут уж ему ничего не оставалось, кроме как обратиться за спасением к России – особенно с учетом того, что в соседней Киргизии (где такая революция уже победила и страной управляли американцы) на военной базе находилось в полной готовности 6000 американских коммандос. Назарбаевым и Владимиром II был подписан союзнический договор, в тот же

день утвержденный контролируемым им парламентом на закрытом заседании – но объявлено об этом было только через несколько дней, когда по железной дороге уже начали прибывать российские войска. Назарбаев обратился с речью к нации, объявил в ней об угрозе американской интервенции, о единственной надежде – России и о том, что начал подготовку референдума о воссоединении с Россией. Он призвал армию, полицию и население не оказывать сопротивления братским русским войскам.

Казахская армия в подавляющей части выполнила этот приказ, случаев выступления против России почти не было – по той же основной причине, что за полгода до этого в Украине: в армии значительной частью кадрового состава были этнические русские, а этнические казахи в основном были представлены старшими возрастами, служившими еще в Вооруженных силах единой Второй Империи. Так происходило потому, что во всех образовавшихся при распаде Второй Империи новых государствах, охваченных мифом капитализма и наживы, идти на военную службу было до крайности не престижно, и представители титульной нации туда почти и не шли. В Казахстане это усугублялось тем, что русские составляли почти половину населения. Армия армией, но в целом население вовсе не радостно и не единодушно приняло перспективу утраты суверенитета, о самоценности которого им говорили 15 лет, – тем более что этнически и исторически его родство с Россией (во всяком случае, у казахской половины населения) было вовсе не такое, как у восточных украинцев. Но весь мир уже был охвачен военной, или по крайней мере предвоенной, атмосферой, и это не могло не оказывать влияния на настрой людей. В июне 2008 года прошел референдум, на котором 58% пришедших проголосовали «за»; иначе не могло быть, потому что какая-то часть казахов, составлявших около 55% населения, явно была «за», русские же, составлявшие остаток, были «за» поголовно. Назарбаев стал председателем российского сената, а за его семьей были сохранены ее активы, и их потомки и сейчас входят в десятку богатейших людей Российской Империи. Но смешно думать, что ради этого президент Назарбаев и договаривался с русскими: он реально не видел другого выхода для своей страны, да его, видимо, и не было.

Не давая опомниться американцам, русские уже в июле 2008 захватили Туркменистан; то есть там якобы произошел переворот, и новая власть призвала на помощь Россию – но эта власть явно была просто передовым отрядом русского спецназа, набранным из проживающих в России этнических туркмен. Это уже была неприкрытая агрессия для захвата стратегически важного куска Каспийского побережья и упрочнения своей монополии на газ в Евразии за счет присоединения туркменского газового комплекса. Для ее оправдания необходима была новая идеологема – и она была выдвинута Россией: распад Второй Империи в 1991 году был не волей народов, а результатом спецоперации Запада с опорой на предателей своей страны в самой Второй Империи. А то, что потом это утверждалось на референдумах в каждой стране-осколке (кроме, кстати, России), – так «потом» не считается; потом у нас вот и в Туркменистане на референдуме все утвердили. А раз так, то мы просто возвращаем свое, похищенное – а это можно делать и силой. Тем самым Россия заявляла свои права на всю территорию Второй Империи, хотя вовсе и не собиралась присоединять все отложившиеся земли, как показало будущее; в то время ее экспансия ограничилась, кроме перечисленного, заключением еще в 2007 году договоров о воссоединении (разумеется, с введением туда войск) с непризнанными Приднестровской республикой (в составе тогдашней Молдовы), Абхазией и Южной Осетией (в составе тогдашней Грузии). В это время в России стали раздаваться голоса со стороны сначала Молодогвардейской партии Восточной Украины (МПВУ), а потом и других партий и общественных организаций Восточной и Южной Украины и Казахстана: не хотим жить по конституции, которую принимали не мы и не наши предки. Вот если бы какая-то посторонняя страна, которая никогда не была частью России, вдруг попросилась бы войти в ее состав – тогда ей, конечно, следовало бы признать российскую конституцию как одно из условий вхождения. Ну а коль мы с вами один народ, насильственно разорванный в 1991 году, тогда хотим реального равенства: хотим новую Россию с новой конституцией! Владимир, встретившись с представителями всех этих партий и пригласив туда же и главные российские партии, спросил их: «А Российскую Федерацию что, упразднить?» – «Да! – был единодушный

ответ. – А все хорошее, что есть в ее устройстве, перенесем в конституцию новой России, оставив за бортом все ненужное». Это не противоречило планам Владимира II, и на октябрь 2008 года был назначен референдум об упразднении Российской Федерации, создании Российского Союза и утверждении его конституции; было объявлено, что в декабре, если решения референдума будут положительными, состоятся выборы президента и Федерального Собрания Российского Союза.

Сразу после этого президент Республики Беларусь предложил, чтобы и Белоруссия, быстро подписав соответствующий договор с Российской Федерацией, также вошла в Российский Союз и приняла участие в референдуме. Это было нелегкое решение, потому что президент Лукашенко был ярко выраженный диктатор популистского толка, реально любимый значительной частью своих соотечественников, а тут ему надо было становиться просто губернатором. Но у него не было выбора, потому что в течение месяцев, причем немногих, ему грозило вторжение Запада, считавшего его абсолютно одиозной фигурой. Или Россия упредила бы Запад и вторглась сама – но тогда уже речь шла бы не о губернаторстве, а о лагере для военнопленных. Дело тут в том, что вся его стратегия, как и вообще стратегия руководства многих малых стран той эпохи, не то чтобы не предусматривала такую возможность, но делала ставку на нанесение неприемлемого ущерба агрессору: вы нас, конечно, завоюете, но подумайте, скольких людей вы потеряете – стоит ли оно того? И это работало, но уже не в 2008 году, когда миром овладели предвоенные настроения, включающие внутреннюю готовность к потерям. Лукашенко понял, что выбор у него между плохим и очень плохим, и в результате отторговал себе губернаторство до окончания срока, на который он в очередной раз был избран президентом (а он только начинался), и ряд других гарантий – Владимир II во всем пошел ему навстречу. На референдуме в октябре «за» проголосовали 77% пришедших при явке в 74%; Россия стала государством с населением более 200 миллионов человек и территорией более 20 миллионов квадратных километров, хотя все еще сильно уступающей Второй, а тем более Первой Империи. Главное же – эта страна была значительно более жизнеспособной в условиях противостояния с Западом. Президентом Российского Союза на четыре года в декабре 2008 года был избран Владимир II, получив 79% голосов, – его срок истек в апреле, но в силу чрезвычайных обстоятельств выборы нового президента Российской Федерации были перенесены на июль. Потом они были вовсе отменены в связи с созданием новой страны и назначением выборов уже ее президента – по той же причине участию в них Владимира II не мешало то, что он уже отбыл два срока подряд, разрешенных Конституцией РФ. Это уже был период холодной войны.

Холодная война. Российский Союз 2009 года не сильно отличался от Российской Федерации 2006 года, до начала реформ Владимира ii, по своему политическому и иному устройству; но по атмосфере это были практически две разные страны. В 2006 году пресса, включая государственное телевидение, в подавляющей части все еще была как минимум антидержавной, а как максимум – антироссийской, и уж в любом случае катастрофичной и пораженческой. А в 2009 году, хоть и публиковалось и показывалось немало материалов, несогласных с конкретными управленческими решениями властей, все это уже было с патриотических, дружелюбных к собственному государству позиций – так, как это есть везде в мире. В 2006 году все партии, кроме чисто бюрократической официозной «Единой России», были маргинальными и соревновались друг с другом в том, кто будет выглядеть более оппозиционно, чтобы понравиться так называемому протестному электорату. А на выборах 2008 года в Государственную Думу прошли две уже вполне нормальные партии – Имперская партия Российского Союза (ИПРС) и Российская партия прогресса (РПП), образовавшиеся в результате мирного развода «Единой России», – и более левая Молодогвардейская партия Руси (МПР), представлявшая преимущественно, но не только, избирателей новых украинских и белорусских территорий. Никакие маргинально-протестные партии близко не набрали 5%, и общая атмосфера на выборах (и далее в Государственной Думе) была солидной и консенсусной в базовых ценностях – как и должно быть, но совсем не так, как было в России до этого. Сильно снизилась коррупция, причем опять-таки особенно изменилась атмосфера – чиновники стали считать себя не коммерсантами на заработках, как еще незадолго до этого, а должностными лицами великой страны; представить себе двух чиновников, открыто

беседующих в 2009 году о личных незаконных заработках, в отличие от 2006-го и особенно 2000 года, совершенно немыслимо. Этому способствовало и широкое использование психотропных технодопросов (см. выше), и возврат к существовавшей еще во Второй Империи системе «конвертов», то есть неофициальных значительных выплат чиновникам; но главной причиной, вне всякого сомнения, было изменение настроений в обществе. (Интересно, что, когда Владимира II во время телеинтервью спросили о конвертах, он прямо сказал: да, это имеет место, уважаемые граждане, и не надо пока ни делать эти выплаты официальными, ни спрашивать меня или других о деталях, чтобы не накалять страсти, – и русские это нормально приняли и, наоборот, сочли, что правитель поступает с ними честно, так, как и должно быть.) Не знаю, увеличилась ли при этом эффективность чиновников – похоже, что увеличилась, – но осмысленности в их действиях добавилось точно; это равно касается и социально-экономического блока, и политико-силового. Бизнесмены – и средние, и крупные, – которые еще совсем недавно вели себя как охамевшие и презирающие всех хозяева жизни (но на самом деле постоянно ожидающие краха, тюрьмы или пули), теперь стали ощущать себя солидными столпами общества, которых уважает и ценит их страна и которым нечего бояться. И уж совсем значительно изменилось настроение среди простых людей: казалось бы, война, пусть пока еще холодная – а оптимизма и уверенности в завтрашнем дне прибавилось стократно! Это рассказывали мне в России все люди старшего возраста, с которыми я говорил: вместо ощущения беспросветности появилось чувство справедливости и осмысленности, оправданности всего происходящего, включая трудности, и уверенности в том, что вместе мы прорвемся и все будет хорошо. Кстати, в это время в Церковь, к вере Христовой, пришло много больше русских, чем от безысходности 90-х годов, подтверждая некую особенность русского мировосприятия, некую особую чувствительность к справедливости, четко сформулированную в старинной фразе: «Не так Бог любит веру, как правду». Почему же так все изменилось? Я думаю, что русский народ отличается тем, что для него крайне важно иметь четко сформулированную и общепринятую национальную цель, придающую смысл если не индивидуальной жизни человека, то по крайней мере общественной. И я рискну высказать гипотезу, что именно в этом кроется исток русского коллективизма в отличие от коллективизма восточного: в индивидуальной жизни смысла нет (кроме как для тех, кто реально способен жить ради спасения и жизни вечной), а в общественной есть – значит, надо максимально растворить индивидуальную жизнь в общественной, потому что смысл нужен, без него никак. Сейчас понятно, чего лишилась Россия и русские в 90-х, после краха Второй Империи, и по чему они так тосковали, впадая в полную деградацию, – не богатства, мощи или даже величия: они лишились смысла существования. Деньги и вообще личный успех, которыми пытались это заменить, есть в любом случае фактор лишь индивидуальной жизни – а общий смысл в чем? Владимир II даже не сформулировал этот смысл, не вербализировал образ будущего, к которому надо стремиться, он действовал, строго говоря, реактивно – но все почувствовали, что этот смысл есть; а каков он именно, не так и важно. Для цивилизации русского типа такое ощущение обычно и приходит как результат военного противостояния с врагом, лучше намного более сильным, еще лучше со всем миром; это и имело место. Таким образом, Запад своими руками сделал то, что сами русские сделать явно не могли: дал им смысл существования, а с ним – силу.

Естественно, в этот период довольно значительные изменения претерпели в том числе идеология и внешняя политика. Еще перед началом великопостного противостояния, в начале 2008 года, Россия объявила о выходе из двух связанных друг с другом европейских организаций – Совета Европы и Парламентской Ассамблеи Совета Европы (если бы она не вышла сама, ее бы выгнали). Судя по тогдашней прессе, Запад это застигло врасплох, хотя трудно понять, как могло быть иначе. Когда другая европейская организация, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, созданная еще в 1970-х годах, причем в большой степени самой Россией (Второй Империей), приняла в ответ на это резолюцию о фактическом политическом бойкоте России, та вышла и из этой организации. «Мы вам не нравимся? – риторически спросил Владимир II в интервью французскому телевидению. – Ну так пойдите на нас войной и завоюйте нас. Ведь вы, европейцы, уже пробовали это – и при

Наполеоне, и при Гитлере; что ж, как говорят у нас, Бог троицу любит. Или откажитесь от покупки наших энергоносителей, нефти и газа, чтобы мы умерли с голоду. (Это была издевка – отказ от российской нефти в те времена вызвал бы скачок цен, который обрушил бы европейскую экономику; российский газ вообще нечем было заменить.) А нет, так знайте, что вы похожи на собаку, которая оглушительно лает, потому что боится укусить; у нас про таких говорится: «Моська, знать, она сильна, если лает на слона». Конечно, ритуальные фразы о том, что Россия есть часть европейской цивилизации, по-прежнему произносились, но к ним добавилась новая позиция. Она была четко выражена в послании Владимира II к Федеральному Собранию 2008 года: Россия есть отдельная, древняя и самодостаточная, цивилизация, которая вовсе не стремится в «политическую Европу» – хотя географически и исторически является частью Европы и желает с ней добрососедских отношений. Не только интеграция в Европу не является главной целью российской внешней политики, но наоборот, одной из главных целей является недопущение таких попыток. Поскольку Владимир знал, что менталитет русской нации в значительной степени ориентирован на символы и символические действия, он сделал ряд таких действий. Приведу один пример: коммунисты ввели в России в 1918 году григорианский календарь, как на Западе, в то время как до этого был юлианский; в Церкви же остался юлианский, поэтому государство и Церковь жили по разному летоисчислению. Это различие, вероятно, раздражало относительно небольшое количество воцерковленных людей, но большинству было безразлично; время от времени раздавались маргинальные призывы так называемых обновленцев сделать церковный календарь григорианским. Владимир ликвидировал это различие своим указом – но ровно наоборот, сделав государственный календарь юлианским, так что и поныне даты в России отличаются от наших на 13 дней (как до 1917 года). Другой пример: была изменена форма автомобильных номеров, которые к этому времени были латинизированного европейского образца. « Мы что, для того выиграли кровопролитную войну у немцев, – сказал Владимир II, – чтобы нас теперь с нашего же согласия называли «рус»?» (Обозначение страны на номерах было «rus».) Были и другие символические шаги, малосущественные сами по себе, но четко дававшие понять, что любовь с Западом, в частности с Европой, закончилась – причем любовь односторонняя, поскольку со стороны Запада, и в частности Европы, ее отродясь и не было.

Здесь я хотел бы прервать свой рассказ, дорогие соотечественники, и как историк и социолог немного порассуждать о некоторых закономерностях истории. Ну зачем Западу, особенно США, было пытаться «додавливать» Россию, что привело его в конечном итоге к собственному краху, хотя тогда он этого еще не знал? Ну почему было не протянуть, наоборот, руку дружбы или хотя бы уважения? Политическая система, как и вообще система ценностей, была в России примерно такой же, как в самих США (в те времена для Америки это было очень важно), а различия не выходили за пределы таковых со своими союзниками, например с Европой. Проамериканские настроения еще в конце 1990-х и даже в начале 2000-х годов были весьма сильны среди русского народа, а тем более среди элит; и дай им хоть небольшой шанс, русские были бы лучшими друзьями Америки и ее надежнейшими союзниками, и антиамериканские взгляды без всяких усилий стали бы в России маргинальными. И для этого вовсе не надо было оказывать России значимую финансовую помощь, как это делалось в Германии и Италии после Второй мировой войны: русские, в отличие от западноевропейцев, – цивилизация не торговая и потому ценят не столько деньги, сколько статус. Сейчас совершенно ясно, что более чем достаточно было тогда вести себя с Россией как с великой державой, пусть переживающей не лучшие времена, и в частности объявить так называемое постсоветское пространство (совершенно, к слову сказать, не нужное самому Западу, кроме как для того, чтобы насолить России) зоной интересов ее и только ее – тем более что это ее же бывшая территория! Ну и приструнить свою прессу в ее маниакальной ненависти к России (а возможно – теперь уже не разобраться – просто перестать ее в этом науськивать и поощрять). Нет, делали все возможное, чтобы зачем-то при всяком удобном и неудобном случае унизить, а в перспективе уничтожить Россию, при том что реально она ничем Западу не угрожала и даже не мешала, – и в своей слепоте вели к уничтожению собственную цивилизацию. Для чего? Обычно говорят, что

сила кружит голову – но наше с вами государство, Американская Федерация, и больше, и сильнее тогдашних США во всех смыслах – и в экономическом, и в военном. Мы самые большие на Земле и по территории, и по размеру экономики, и нет никого в мире, кто мог бы считать себя выше нас, – а меж тем ничего такого с нами не происходит. Я думаю, что кружит голову не сила сама по себе, не высокое положение, а его монопольность. Когда кто-то что-то монополизировал, ему начинает казаться, что иначе существовать уже невозможно или, по крайней мере, весьма затруднительно (хотя это вовсе не так), и все свои силы он начинает тратить на недопущение появления конкурентов. Именно в этом опасность любой монополии, а не в том, что она вредна и неэффективна, – если бы не ее действия по недопущению конкуренции, она быстро развалится сама именно в силу своей неэффективности. Мы знаем из опубликованных архивов США, что главным соображением того времени было желание не дать России, как и вообще кому-либо, стать реально сильным государством, а самим навечно оставаться единственной силой в мире – но так не бывает; это только вызывает обратную реакцию, которая тем сильнее, чем сильнее были потуги предотвратить это. Потому что, если бы Господь хотел, чтобы все человечество жило под одной державой, Он бы дал построить вавилонскую башню и не смешал языки. А Запад, особенно США, хотел править всем миром, причем не владеть, а именно править, не владея, – при том что США, при их природных богатствах и экономической мощи, были в те времена единственными, кому остальной мир был как раз не особо нужен. И именно такой подход Запада, а не что-либо иное предопределил его гибель – так же как почему-то вообще в истории всякая цивилизация, достигнув пика своего могущества, начинает своими действиями рыть себе могилу.

Но вернемся в 2009 год, в разгар холодной войны. Это была достаточно странная война, в том смысле, что она, несомненно, была войной в психологическом аспекте, то есть все население по обеим сторонам Атлантического океана считало себя в войне со всеми вытекающими последствиями – но и только. Торговля между Россией и Западом практически не изменилась, потому что России больше неоткуда было взять денег на приобретение многих видов промышленного оборудования и потребительских товаров. А энергоносители, цветные металлы и другое сырье и полуфабрикаты, то есть то, что составляло основу российского экспорта на Запад, Западу взять было больше неоткуда (во всяком случае, без катастрофических ценовых последствий). Все те товары, которые можно было купить в соответствующих количествах вне России (например, сталь), Запад, как выяснилось, и до войны не давал продавать у себя российским компаниям, даже если у тех они и были дешевле, – а соответственно те, которые взять было негде, приходилось покупать у России. Экспорт в Россию также не был особенно ограничен, причем даже не столько из-за интересов своих экспортеров, сколько потому, что все понимали, что, если русским не позволить тратить вырученные ими доллары и евро (тогдашняя валюта Евросоюза), они прекратят экспорт по причине его бессмысленности. Естественно, все товары так называемого двойного назначения, то есть которые можно использовать в военной промышленности или непосредственно в армии, русским не продавались – но, как опять-таки выяснилось, они им не продавались и в период 1992—2008 годов; это не бросалось в глаза только потому, что военная промышленность и вообще оборона России была в это время не в центре интересов руководства страны. Гражданские лица с обеих сторон по-прежнему могли просто так поехать в страну-противника: Америка не могла выступать против этого, поскольку в защищаемой ею системе ценностей свобода международного передвижения была на одном из главных мест; Россия также не возражала.

Зато Америка поддерживала всех инсургентов, включая террористов, действующих против России, – но это она тоже делала и раньше. В 2007 году Владимир II в одном из телевыступлений продемонстрировал материалы, однозначно свидетельствующие о том, что американские спецслужбы непосредственно стояли за большинством крупных терактов в России 2002—2006 годов, в которых погибли тысячи гражданских лиц. На Западе это было трактовано, естественно, как фальшивка, но после публикации в 2020– 2022 годах американских секретных архивов, захваченных в ходе Двенадцатидневной войны, выяснилось, что это все-таки правда, по крайней мере в основном. Русское руководство

заявило американскому, сначала неофициально, а потом и публично, что, если США не прекратят эту практику, Россия поможет действующим против США террористам, хотя ей это и противно; но никакого конструктивного ответа со стороны Америки не последовало. В результате Америка получила взрыв в Сирс-Тауэр в Чикаго 2009 года, унесший жизни более двух с половиной тысяч человек, и химическую атаку в шопинг-молле в Огайо 2010 года, когда погибло почти четыре тысячи человек. Как мы теперь знаем, Россия не планировала их непосредственно и даже не знала о них в точности заранее, но всячески помогала тем террористическим группам, про которые ей было известно, что они готовят нечто крупное внутри США. Еще хуже для Америки было то, что Россия не раз предупреждала ее: если вы не прекратите предоставлять политическое убежище людям, преследуемым в России по закону (имелись в виду в первую очередь политические преступники и вообще враги режима, хотя Америка не выдавала и обычных мошенников, если те объявляли себя диссидентами), и не начнете выдавать их нам в соответствии с вами же подписанными соглашениями, то мы начнем давать убежище тем, кого разыскиваете вы. (Я не оговариваюсь, когда пишу о соглашениях – они действовали, потому что формально войны-то не было!) Не можете из моральных соображений выдать нам тех, кого уже приютили, – ладно, велите им хотя бы прекратить антироссийскую деятельность и перестаньте укрывать новых; но и на это Америка никак не откликнулась. Тогда Россия публично заявила, что с ее территории нет выдачи на Запад и в прозападные, в частности исламские, государства; все те, кто не будет вмешиваться во внутрироссийские дела, могут находиться в России, в том числе вести отсюда антизападную деятельность, сколь угодно долго. Антиамериканские группировки, в их числе знаменитая «Аль-Каида», тут же перенесли свои штабы, тренировочные базы и реабилитационные центры сюда, что для американцев означало крах планов по их ликвидации и поимке их лидеров. (Заодно, по договоренности с российскими спецслужбами, они помогли полностью разгромить ваххабитское и вообще исламское подполье на Кавказе и в остальной России – это было для них не столь большой платой за наличие надежного тыла.) Такое наличие, естественно, резко усилило эти группировки – им не хватало именно тыла, деньги и бойцы у них были – со всеми вытекающими последствиями для Запада; война явно переставала быть холодной, и американцам надо было что-то делать. Но тут разразился знаменитый Великий финансовый кризис 2010—2014 годов, и Западу стало на время не до России.

Все те из нас, дорогие соотечественники, кому сейчас больше 50—55 лет, хорошо помнят этот кризис: всем казалось, что наступает если не конец света, то уж, во всяком случае, конец привычного уклада жизни – хотя, как потом оказалось, конец совсем не в этом, и до него оставалось еще целых десять лет. Россия тоже не могла остаться в стороне от него, поскольку благодаря резкому падению объемов производства и потребления и на Западе, и, как следствие, в Китае, а также резкому сокращению международной торговли из-за отсутствия резервной валюты цены и объемы международного нефтяного, металлического и других сырьевых рынков обвалились. Но в России к 2010 году уже в полной мере проявились результаты политики импортозамещения: за счет вновь созданных производств почти до нуля снизился импорт химической продукции, составлявший в 2005 году 10 млрд долларов в год, с 11 до 3 млрд снизился импорт сельхозпродукции, а импорт машин и оборудования – с 26 до 14 млрд; в целом импорт снизился с 60 млрд долларов до 25 млрд, причем в большой степени в нем остались не критичные для страны предметы роскоши. Я не имею здесь в виду, естественно, импорт из так называемого ближнего зарубежья, в основном Восточной Украины, Казахстана и Белоруссии, поскольку он перестал быть импортом после присоединения этих стран к России. Для осуществления такого импорта требовался не столь уж и большой экспорт; а быстро растущий ВВП, то есть, иными словами, объем внутреннего рынка, обеспечивал потребление тех товаров, которые ранее экспортировались, – во всяком случае, их основную часть. Что еще более важно, основная часть золотовалютных резервов страны была к тому времени частью конвертирована в золото и региональные валюты типа юаня, а в основном истрачена на инвестиционные цели, то есть, другими словами, превращена в натуральное имущество – в производственные, транспортные и инфраструктурные компании (формально говоря, в их акции). Если бы этого не было сделано

в 2007—2010 годах, то все эти миллиарды сгорели бы, а невиданный рост экономики, скорее всего, не начался бы вовсе. Конечно, это были деньги исходно эмиссионного происхождения, поэтому тратить их надо было весьма осторожно (что и имело место): но российское правительство сумело соблюсти меру, и поэтому Россия встретила кризис во всеоружии. Конечно, он затронул и ее – иначе просто не могло быть, потому что тогда российская экономика еще не стала почти автаркичной, как впоследствии, – но значимым это не было, в среднесрочной перспективе лишь несколько замедлило рост, и то не сильно. Зато у России появились лишние пять лет, чтобы сократить свое отставание от Запада, пока его экономика стагнировала, а его правительствам было не до войны, тем более что Россия дальновидно не стала использовать в свою пользу кризисную ситуацию и приводить в действие рычаги экономического давления (например, путем оставления Европы без газа). В итоге в 2015 году ВВП России в сопоставимых ценах составлял чуть менее 6 триллионов долларов, а у США и Евросоюза в результате кризисного спада – 9 и 10 триллионов соответственно. И в результате холодная война сама собой сошла на нет – противник как-то вдруг стал почти равен Западу по экономической мощи, а по военной, по-видимому, даже без « почти». То есть Российский Союз оказался слишком силен для « маленькой победоносной войны», а настоящую войну на истощение с непредсказуемым результатом, да еще с перспективой ядерного Армагеддона, никто из лидеров Запада вести не хотел. Да и терроризм стал проблемой номер один для президента США Хилари Клинтон, причем в отличие от времен своего предшественника Буша II ей – увы! – не приходилось эту проблему выдумывать. Спецслужбы двух стран договорились с подачи своих правителей, не афишируя эту договоренность публике, и террористическая война практически прекратилась. Наступила небольшая передышка – последняя в многовековом противостоянии России и Запада. Россией к тому времени уже правил Гавриил Великий.

Глава 3

Третья империя

Избрание Гавриила Великого. Гавриил Соколов, прозванный еще при жизни Великим, пятый за всю историю России правитель (2012—2030) с таким прозвищем, основатель Третьей Российской Империи, по состоянию на сегодняшний 2054 год явно является самым великим человеком XXi столетия – я же думаю, что с ним не сравниться и ни одному из великих правителей прошлого. Потому что империя большинства из них либо отнималась еще при их жизни, как у Наполеона или Гитлера, либо распадалась сразу после их смерти, как у Александра Македонского или Чингисхана, либо, в крайнем случае, переживала их на несколько десятилетий, как у Карла Великого или Иосифа Великого. Лишь у очень немногих, как у Кира Великого или султана Османа i, созданная ими империя пережила их на много поколений, как, похоже, будет и с Российской Третьей Империей – но ни одна не изменила общую ситуацию на Земле так, как она. Гавриил был высоким и худым немногословным человеком, с каштановыми волосами и светлыми глазами – в целом в его внешности и манере держаться не было ничего особенно примечательного; он родился 26 июля (по григорианскому стилю, ныне его день рождения празднуют 13 июля) 1962 года в семье военного офицера и учительницы. Он окончил юридический институт в 1984 году и работал в милиции – сначала сыщиком, затем следователем, до 1995 года; потом уволился и стал предпринимателем – импортировал и фасовал продукты питания, такие как кофе, рис и крупы. В 2003 году, уже став богатым человеком (естественно, не по олигархическим меркам), он с помощью приобретенных связей и денег вернулся на государственную службу, в прокуратуру, поскольку зарабатывать дальше, уже имея на обеспеченную жизнь до ее конца, ему по его натуре было неинтересно, а тянуло его служить государству. В 2007 году, в возрасте 45 лет, он стал сотрудником аппарата Совета Безопасности России, а в 2008-м – помощником президента Владимира ii: он занимался искоренением коррупции («чистая ночь» – его рук дело), присоединением Казахстана, реформированием силовых структур, началом строительства Трансполярной железной дороги; в 2009 году он был назначен премьер-министром. Когда приблизились выборы 2012 года, Владимир ii в категорической форме заявил, что не собирается переизбираться, хотя по Конституции у него есть право на второй срок: он и так, дескать, правит уже три срока, что хотя и не нарушает букву закона (потому что в части исчисления сроков президентства Российский Союз не правопреемствовал Российской Федерации), но нарушает его дух. Он открыто предложил в качестве своего преемника Гавриила, объявив, что пусть люди решают, – но он, Владимир, считает наилучшим кандидатом именно Соколова. Гавриил был к тому времени уже широко известен и достаточно популярен, при том что он не любил протокольных, а также так называемых тусовочных мероприятий и не часто появлялся в телевизоре, да и то в основном в новостях, но он все-таки два года был премьером, то есть вторым после президента ньюсмейкером. Популярность же его родилась в период его борьбы с коррупцией и олигархами – в 2007 году он пережил покушение и был тяжело ранен, при том что по стечению обстоятельств это произошло перед телекамерами (во время торжественного мероприятия). Он и кампанию вел так же – не ездил на встречи с избирателями, не давал интервью, не расклеивал листовки и не показывал ролики; лишь несколько раз выступил по телевидению в положенное кандидатам бесплатное время. Его словами, объясняющими столь необычную кампанию, были: «Чего там говорить, вы не один год знаете меня по делам»; а ключевым, как у нас говорят, посланием было то, что, хотя и кажется, что все хорошо, стране не выиграть войну без глубоких изменений. Народу, однако, такая кампания понравилась, и Гавриил был избран уже в первом туре, получив 52,9% голосов. И никто не ожидал ничего особенного – ни его сторонники, ни противники, – когда он появился в телевизоре после объявления избирательной комиссии, – но на самом деле это были последние спокойные минуты России на долгие годы.

Гавриил сказал, что все гораздо хуже, чем принято считать, и что, если это не услышали как следует во время его кампании, это проблема слушающих. Сейчас Запад занят своим кризисом, но ни один кризис не бывает вечным, и, когда на нас навалятся, мы не выдержим в настоящей войне на истощение, потому что даже сейчас наш ВВП меньше объединенного западного более чем в четыре с половиной раза. У нас негодная армия, хотя и не сравнимая с той, что была двенадцать и даже семь лет назад; у нас отсталая наука и плохое образование.

Главное – у нас нет понимания истинной цели, поэтому нет гармонии, чувства справедливости существующего порядка, а значит, нет и правильно выстроенной социальной структуры государства, которая выдержит любые тяготы столкновения с внешним или внутренним врагом. И для создания ее нужны столь глубокие изменения, что их нельзя сделать слуге народа – президенту, избранному по действующей Конституции. А посему я отказываюсь быть вашим президентом, сказал Гавриил, хоть вы меня и избрали; я готов впрячься и сделать все это, но только в качестве самодержца. Никто ведь не знал, что меня изберут сразу, избирательные участки готовы ко второму туру через две недели; так пусть вместо него будет референдум, на котором ответьте на один вопрос, который я тут для вас вывел на бумаге (Гавриил показал в объектив лист с напечатанным вопросом): согласны ли вы отменить Конституцию 2008 года; учредить в России самодержавие; призвать самодержцем Гавриила Соколова и наказать ему подготовить и вынести на народное утверждение в 2013 году новую конституцию? Если не захотите, можете либо считать избранным того, кто получил второе место после меня, либо назначать новые выборы – как решит избирком; с этими словами Гавриил закончил свое выступление.

Сказать, что люди обалдели, – значит не сказать ничего; пожилые очевидцы рассказывали мне, что минут пять вся страна в прямом смысле с открытым ртом сидела у выключенных телевизоров. На следующий день у Гавриила взяли телеинтервью, и все поняли, что это не шутка; когда ему сказали, что за такое можно сесть в тюрьму (у нас, дорогие соотечественники, посадили бы точно), он посмотрел в объектив и сказал: «Сажайте», – и всем стало совершенно ясно, что он и вправду не боится этого, как и вообще ничего. «А вас что, надо будет называть «Ваше Величество»? И ваших детей тоже?» – «Нет, – отвечал Гавриил, – самодержец не обязательно царь – я не люблю царей и горжусь тем, что мои и ваши предки сбросили царя; семью с детьми только убивать нельзя было, это грех. Самодержец – это всего лишь единоличный верховный правитель, чье решение, пока он правит, является окончательным, без всякого разделения властей; а потом он передает власть следующему самодержцу». – « Кому, своему сыну?» – « Тому, кто будет определен по принципу, записанному в конституции, которая будет принята, – может, и через всеобщие выборы, как сейчас, может, как-то иначе; но я вас заверяю: точно не через наследование – семейственность и мажоров я не люблю, на детях больших людей природа всегда отдыхает. Так что видите: и правитель, скорее всего, выбираться будет, и конституция будет действовать – только это будет правитель над вами, а не слуга народа, «наемный менеджер», как вы любите говорить; и конституция будет настоящая, а не нынешняя, которая не то что даже плохая, а просто не про то». – «Зачем же вы участвовали в выборах, если вы ни в грош не ставите нашу конституцию?» – спросили у него. « Так ведь если бы я захватил власть силой, вы бы все говорили, что я боюсь того, что на честных выборах мне ничего не светит, – ответил Гавриил. – Даже если бы я вместо выборов объявил бы референдум – а не после выигранных выборов, как сейчас, – вы бы все равно сказали, что референдум – не выборы и что я просто боюсь конкуренции. А так я выиграл в равной борьбе и теперь имею право сказать: думайте над тем, что я вам предложил».

Первые дни никто тем не менее всерьез думать над предложением Гавриила не собирался – все считали его эксцентричной выходкой уважаемого человека; потом, однако, стали активно обсуждать и ожесточенно спорить между собой. К концу второй недели большинство уже склонялось к предложенному, и в результате за предложение Гавриила проголосовало целых 58% – больше, к слову сказать, чем за самого Гавриила на выборах. Как это могло быть? Вместо того чтобы саркастически ссылаться на загадочную русскую душу, как любят делать наши ученые, я попробую высказать свое предположение, основанное на том, что Гавриил Великий всегда был человеком смыслов: не человеком харизмы, не человеком интриги, не человеком баланса – а именно человеком смыслов. В отличие от великих людей XX столетия, своего предшественника Иосифа Великого и побежденного им Адольфа Гитлера, он не обладал магнетическим воздействием на толпу и даже на своих соратников и не любил публичных выступлений, хотя говорил вполне нормально. Он, безусловно, был по своему складу прирожденным лидером, это чувствовали все, но лидером скорее типа военного вождя, чем народного трибуна или религиозного пророка. И как у военного вождя

сила личности обязательна, но является все же лишь дополнением к стратегическому дару, так и у Гавриила она была дополнением к умению понять и сформулировать смысл; она служила скорее для его донесения до соратников. Причем смыслы, которые привносил в жизнь России Гавриил Великий, были не просто плодами схоластического умствования – они всегда отвечали таким глубинным архетипам народного сознания (о которых народ, вместе с интеллигенцией, часто и не подозревал), что никого не могли оставить равнодушным. Именно поэтому другие страны и покоренные народы впоследствии воспринимали его не как личность, а как фатум, как рок. Так вот я думаю, дорогие соотечественники, что то, что предложил своим согражданам Гавриил, хотя и казалось с позиции рациональных представлений в лучшем случае смешным, а в худшем – страшным, на иррациональном уровне всколыхнуло такие глубины «коллективного бессознательного», о которых сами русские и не подозревали. Причем это было не только в самой идее, но и в ее словесном оформлении – в термине «самодержец» (а не, например, «монарх»), в словах «призвать» и «наказать». То, что человек добровольно готов расстаться с властью, только что полученной в тяжелой борьбе, и даже отправиться в тюрьму, вместо того чтобы радоваться жизни в Кремле, если будет не так, как он считает правильным, также соответствовало глубокому русскому представлению об убежденности и жертвенности. Проведенные позже социологические исследования показали, что даже «продвинутая» молодежь из сетевых сообществ – казалось бы, полнейший антипод идее авторитаризма и вообще архаических, свойственных премодерну элементов – в массе своей проголосовала «за». При этом никаких более вразумительных причин этого, чем «а что, прикольно», привести она не могла – но значит, и она не была свободна от указанных архетипов, хотя в явном виде этого и не осознавала. И как часто оказывалось с предложениями Гавриила Великого, они попали в резонанс с этими глубинными малоосознаваемыми представлениями, в том числе и у тех, кого Гавриил Соколов не особо прельщал в качестве обычного президента, – вот истинная причина 58% голосов, полученных на референдуме.

Реформы 2013—2016 годов. Тем не менее все начало 2013 года ничего особенного не происходило, а Гавриил руководил государством ровно так, как Владимир ii до него; когда его спрашивали про перемены, ради которых все это затевалось, отвечал в том смысле, что вот будет конституция – уже скоро! – тогда и начнем действовать. Такое его поведение находилось, казалось бы, в вопиющем противоречии со всеми известными концепциями власти – по которым чрезвычайные полномочия нужно использовать, иначе они перестанут восприниматься как таковые! – но Гавриил знал, что делал. Он как-то направлял и надежды, и недовольство общества в русло ожидания конституции; все помнили его слова «существующая конституция просто не о том» и чувствовали, что это будет вовсе не другой документ о перечне органов государственного управления и об их взаимоотношениях, но что-то глобальное, определяющее, как жить дальше. И когда конституция была опубликована в январе 2013 года для трехмесячного обсуждения, всем стало понятно, что так и есть. Она начинается словами: «Данная Конституция определяет цели и уклад общественной жизни русского народа и остальных народов России». Цель определена так: «Поскольку главной целью жизни любого человека, хочет он того или нет, является заслужить спасение и обрести жизнь вечную, то смыслом существования государства является создание, поддержание и защита такой общественной жизни, которая наибольшим образом способствует этой цели. Для этого государство, не подменяя собой Царствие Небесное, должно быть устроено на принципах, отвечающих Божьим заповедям. Целью народа является построение такого государства». Далее сказано, что иные, сугубо личные и земные цели отдельных людей не являются предметом конституции, поскольку вообще не интересуют государство; они могут преследоваться людьми любым способом, не противоречащим истинным целям государства, и регулируются государством исходя из соображений управленческой целесообразности при соблюдении принципа минимального вмешательства. На эту тему Гавриил Великий впоследствии неоднократно говорил, что его совершенно не интересует, богато или бедно живут люди: хотят жить богато – пусть живут богато, устраивает жить бедно – пусть живут бедно. Таким образом, уже из первых строк этого документа, действующего и поныне, становится понятно, что он не имеет ничего общего с конституцией, например, нашей

Американской Федерации или с конституциями большинства тогдашних стран – он действительно не про то.

Я еще буду далее подробно писать о конституционных принципах России, здесь же для дальнейшего повествования об истории надо отметить две вещи. Первое – Конституция утверждает: «Россия образована русским народом, а также народами-союзниками русского народа *(идет перечисление)* и другими народами, проживающими на территории России». Здесь интересно то, что Гавриил категорически отказывал украинцам (их стали называть малороссами, на архаичный манер) и белорусам в статусе отдельных народов; это всегда было его бескомпромиссной позицией. Нельзя сказать, что он или его последователи как-то дискриминировали их, не только в личном плане, но и в национальном: количество, например, украинских и белорусских школ вначале существенно увеличилось, в том числе и во «внутренних» областях России. Никак не ограничивалось создание и функционирование украинских и белорусских национальных общественных организаций (все это, правда, стало само собой резко сходить на нет после 2020 года и к нашим дням распространено не сильно). Но всячески подчеркивалось, что это часть русского народа (как, например, сибиряки или поморы) – попытки считать их народами, отдельными от русского, Гавриил считал частью многовекового плана Запада по борьбе с Россией. Единственным исключением являются жители тогдашней Западной Украины, Галиции, входившей в XIV—XVIII веках и в 1920—1940 годах в состав Польши, а в XVIII—XX веках – в Австрийскую империю, в подавляющем большинстве греко– или римокатолики. Их в России назвали «галичанами», и считается, что они не имеют никакого отношения к малороссам, а следовательно, и к русскому народу в целом. К народам-союзникам в Конституции 2013 года были отнесены татары, казахи, башкиры и осетины; в 2022 году временно, а в 2042-м уже постоянно к ним добавились немцы и сербы. Однозначных критериев отнесения к народам-союзникам нет; это скорее вопрос ощущений, вопрос отсутствия взаимной неприязни, а не юридический. Далее я еще в ряде глав буду описывать конституционное положение народов России. Второе – в Конституции имеется ряд принципов, сильно отличающих ее (и как следствие – саму Россию) от остального мира; это в первую очередь принцип общественного устройства – сословность и принципы национальной самоидентификации России – автономность и национализм.

Наибольшие дебаты вызвала доктрина сословности, в соответствии с которой, в частности, вводилось служилое сословие, которому передавалась вся власть в стране, даже исключительное право избирать власть. Выступая незадолго до срока референдума и подытоживая результаты обсуждения, Гавриил Великий сказал по этому поводу: «Не примете конституцию в ее полноте – не надо, я не пойду против вашей воли. Столь принципиальные вещи, как доктрина сословности, даже самодержец не может принять сам, не имея прямого мандата народа. Но учтите, что тогда все будут служить в армии и воевать, если воевать будет страна, даже калеки – в эпоху компьютеров подыщем службу и для них. Это не угроза, – объяснил он далее, – это просто констатация того очевидного факта, что прав не бывает без обязанностей. Кто не хочет служить в армии, тем более в нынешнюю лихую годину, не будет иметь избирательных и вообще политических прав: или служить и, таким образом, иметь права будут только те, кто хочет, – это то, что я предлагаю, – или права будут иметь все, но и все будут служить. А то, что во время обсуждения многие говорили, что мы возрождаем опричнину – что ж, это точное замечание: пусть служилое сословие называется опричниками, я внесу это в окончательный текст для референдума». К слову, применение для обозначения служилого сословия этого термина, которым во времена Ивана Грозного называли богомерзких палачей и карателей, было со стороны Гавриила не более чем рассчитанным эпатажем, а вовсе не идеологией – Ивана Грозного он не любил и опричниками а-ля Иван Грозный свое новое сословие не видел и в страшном сне. По сути, гораздо более точно отражающим реальность названием было бы «рыцари» – но это слово и само понятие, к сожалению, не русские. По итогам обсуждения, кстати, были учтены и внесены в текст и целый ряд других поправок, в том числе весьма важных, но общей сути они не меняли. В итоге 1 мая 2013 года конституция была принята, в том числе и принцип сословности, и с тех пор 1 мая является государственным праздником, который называется

День Конституции.

Имея конституцию, Гавриил начал действовать, как и обещал. Нам надо пройти четыре фазы, сказал он: реформировать себя, чтобы стать сильными; сокрушить врагов; установить новый мировой порядок, который не мешал бы нам в наших планах; и начать строить подобие Царства Божьего на земле. (Это было любимое выражение Гавриила Великого – «Царство Божье на земле строить грех, но стремиться построить подобие его мы обязаны».) Реформы начались с экономики. Она к этому моменту и так стала довольно закрытой и ориентированной на внутренний рынок, а тут в соответствии с доктриной автономности начала перестраиваться в направлении почти полной автаркии. В частности, если в 2006—2007 годах была введена полная конвертируемость рубля (путем снятия всех ограничений на операции с рублями, а затем запрета любого экспорта за валюту и разрешения его только за рубли, которые надо было купить на рынке), то теперь, наоборот, была отменена даже внутренняя конвертируемость, которая существовала с 1991 года, и валютный рынок исчез. Центробанк продавал валюту по фиксированному, достаточно низкому для импортеров курсу, в основном под программы импортозамещения; для импорта остальных товаров было установлено, что продажа валюты будет вестись по объявленному графику ограниченное число лет, необходимое для создания соответствующих производств дома. Было запрещено иметь счета, фирмы и имущество за границей, причем как гражданам, так и корпорациям; все, что имелось, предписывалось в течение двух лет ликвидировать и валюту продать Центробанку, по достаточно, впрочем, справедливому курсу. Выезд за границу был ужесточен: прямого запрета не было, не были даже введены выездные визы, но цены за получение виз в Россию для иностранных граждан были увеличены во много раз; естественно, и все государства ввели почти запретительную цену на визы для россиян. Кроме ценовых, были введены и другие такого же рода ограничения – правда, это не касалось эмиграционных виз. Был принят новый закон об эмиграции, по которому эмиграция стала отдельным юридическим понятием, со своей процедурой; а до этого, как ни странно, юридически в России понятия эмиграции не было, и эмигрант просто покупал билет и уезжал так же, как турист. Интересно, что, хотя закон (он действует и поныне) дает неограниченное право на эмиграцию, за исключением специфических случаев, в Конституции это право не обозначено – в России это не считается неотъемлемым правом, но разрешено по соображениям целесообразности. То есть, если завтра государство сочтет это право нецелесообразным, оно отменит его на совершенно законных основаниях (примерно как у нас отсутствие призыва в армию). Правда, в современном мире это не особо актуально, поскольку наша Федерация вовсе не жаждет принимать у себя иммигрантов из Российской Империи, если таковые вдруг появятся в массовых количествах, а представить себе значимое число русских или представителей любого другого народа России, решивших эмигрировать в Халифат, Индию или Поднебесную, довольно затруднительно.

Но вернемся к экономическим реформам: изменение валютных правил сопровождалось деноминацией рубля в сто раз и введением золотого стандарта (см. главу «Экономика»). В практике это значит, что в обращение наряду с банкнотами поступили серебряные, золотые и платиновые монеты достоинством от 0,5 рубля до 100 рублей (1 рубль соответствовал тогда, как и ныне, примерно 4 долларам). Это сильно подняло психологический статус рубля, особенно с учетом того, что, кроме Халифата, больше нигде в мире такого нет и по сию пору. Во исполнение библейских заповедей был введен бесплатный кредит (см. главу «Экономика»), который весьма способствовал и развитию экономики; были принципиально изменены налоговая система, землевладение, рынок ценных бумаг. Радикально изменилась политика государства в области науки – и в части принципов организации, и по объемам финансирования – это оказало решающее значение, как потом выяснилось, на исход будущей войны.

Во внутренней жизни страны, по крайней мере в практической плоскости, изменилось не так много. Были проведены радикальные изменения в правоохранительной сфере, а именно введены технодопросы, в том числе для высших чиновников – обязательные регулярные; с помощью их удалось практически ликвидировать коррупцию, шпионаж и организованную преступность (см. главу «Правоохранительная система»). Было изменено, причем

существенно, административно-территориальное устройство страны и вообще территориальное и национальное управление – подробнее об этом будет написано в главе «Государственное устройство». Началась серьезная и планомерная деятельность по укреплению семьи и увеличению рождаемости в стране, в том числе и за нравственность в общественной жизни (см. главу «Социальная сфера»). В 2013—2017 годах прошла церковная реформа, оказавшая значительное влияние на дальнейшую жизнь России, – она шла сугубо внутри РПЦ, и государство не имело к ней никакого отношения, но ее инициировали определенные изменения в Конституции (см. раздел «Религия»). Сословность хотя и была провозглашена, но было объявлено, что переход исключительных политических прав к служилому сословию произойдет в 2020 году, поскольку оно должно вначале появиться; до этого времени все шло в известной степени так же, как ранее. Поэтому было объявлено, что Государственная Дума и Сенат, избранные в 2012 году на пять лет, одновременно с избранием Гавриила Великого, будут продолжать функционировать, и даже не пять, а семь лет, до перехода властных полномочий к служилому сословию.

Что касается внешней политики, то поскольку уже пять лет шла холодная война, из многих европейских и международных организаций Россия вышла еще при Владимире II; но поскольку формально объявленной войны, с разрывом дипломатических отношений, не было, то место для нее еще оставалось. Причем лидеры Запада не были заинтересованы в полной изоляции России, так как это снижало возможности политического давления, что при войне холодной имеет первостепенное значение. Существовал некий баланс, который Гавриил решительно разрушил. В 2013– 2014 годах Россия вышла из всех многосторонних международных организаций и почти из всех многосторонних международных договоров, включая Договор о нераспространении ядерного оружия. Последнее имело особое значение, потому что Россия заключила договор с Китаем о поставке межконтинентальных ядерных ракет, способных накрывать с территории Китая всю территорию США (правда, юридический анализ показывает, что между двумя ядерными державами это можно было сделать и в рамках договора). Заключительным, так сказать, аккордом этой политики явился выход России из ООН в 2014 году; Гавриил, который вообще любил аргументировать свои действия цитатами из Священного Писания, так сказал про это в своей речи: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых». И хотя в 2015 году холодная война сошла на нет, Россия в соответствии с доктринами своей новой Конституции совершенно не собиралась интегрироваться обратно в международное сообщество. Кроме того, как стало ясно впоследствии, Гавриил рассматривал холодную войну – что идущую, что закончившуюся – не более чем как подготовку к войне «горячей». Дело за ней не встало.

Двенадцатидневная война. По мере выхода западного мира из кризиса 2010—2014 годов противостояние с Россией стало опять выходить на первое место повестки дня. Нет, ничего особо агрессивного по отношению к Западу она с 2015 года не делала, террористическая война по договоренности сторон была закончена, по отношению к соседям также никакой агрессии от нее, со времени экспансии Владимира ii, не наблюдалось. Но Россия стала слишком большой и сильной, причем с экономикой, малозависимой от Запада и не пострадавшей от кризиса в отличие от Китая и Индии. Мы бы сейчас, дорогие соотечественники, сделали в такой ситуации очевидный вывод, что раз кто-то силен, но не проявляет признаков агрессивности, так и не надо его трогать. Но тогдашние лидеры западного мира имели другую ментальность, о чем я уже писал выше: они считали, что терпеть кого-либо сильного, кроме самих себя, никак не возможно. Тем более что президентом США в 2016 году вместо Хилари Клинтон стал Джеб Буш iii; он считал, что его отец выиграл у России, когда в 1989 году Вторая Российская Империя потеряла своих восточноевропейских сателлитов, а в 1991 году рухнула, а старший брат проиграл России, когда она осуществила экспансию 2006—2007 годов, – и его роль как члена той же семьи в том, чтобы поставить точку в этой давней вендетте. На самом деле все это был полный бред – и в 1988—1991 годах Красная Империя сначала съежилась, а потом дезинтегрировалась по своим внутренним причинам, имеющим крайне малую связь с политикой Буша-старшего, и потому вряд ли может рассматриваться как его победа (скорее уж как везение). И первую экспансию России можно считать поражением Буша-младшего лишь постольку, поскольку он

вбил себе в голову, что она очень сильно задевает интересы США – на самом деле она их никак не задевала. Тем не менее Буш iii горел желанием поставить Россию на место – при том что любому здравомыслящему человеку было понятно, что в конце 2010-х годов сделать это уже можно было, только уничтожив ее (непонятно, впрочем, как именно). Но атмосфера накалялась и достигла кульминации во время так называемого бенгальского кризиса 2018–2019 годов; предыстория его в том, что Россия договорилась с Индией о поставке ей ядерных ракет межконтинентального радиуса действия. В ответ на демарш НАТО и ООН о том, что это грубо нарушает международный правопорядок и международное сообщество примет меры, Россия отвечала, что она уже пять лет как вышла из Договора по нераспространению ядерного оружия и поэтому никак, при всем желании, не может его нарушить, а мировой правопорядок давно растоптан Западом. По поводу мер было сказано, что любимая мера Запада, экономические санкции, вряд ли повредит российской практически автаркической экономике – к тому же Россия тогда введет свои санкции: для начала отключит Европе газ, в том числе по уже оплаченным контрактам. А что касается присылки «голубых касок» (международные войска ООН), отвечала Россия, то можете присылать, но вместе с гробами – за свой счет мы их выдавать не будем. Серьезнее звучали менее истеричные упреки в адрес России, что она собирается поставлять оружие массового поражения в горячую точку, то есть зону конфликта, – Индия и Пакистан готовились к ядерной войне с 2001 года (она произошла, как известно, в 2021 году), что есть нехорошо. На это Россия резонно утверждала, что это действительно нехорошо, но межконтинентальные ракеты просто технически нельзя использовать в локальном индо-пакистанском столкновении, они могут использоваться Индией лишь как способ защиты своего суверенитета от США, почему ей Россия и помогает. К слову сказать, в полную противоположность Красной Империи во времена аналогичного кубинского кризиса Россия в этом вопросе вела себя абсолютно честно, как повелось с Владимира ii, – она никогда не отрицала, чту именно она поставляет Индии. Американцы ввели морскую блокаду побережья Индии, заявив что любой корабль в 200-мильной зоне будет досматриваться; русские на это ответили, что любые корабли американцы могут досматривать сколько угодно, но попытка задержать корабль под российским флагом приведет к открытию огня. И вот 28 апреля 2019 года (я даю все даты по принятому в России юлианскому календарю) группировка российских надводных кораблей в составе двух авианосцев – «Иван Великий» и «Иосиф Сталин», трех крейсеров, восьми больших кораблей сопровождения и четырех подводных лодок показалась в Бенгальском заливе, в поле зрения американской ударной группировки из трех авианосцев класса cvn-21, четырех ракетных крейсеров и кораблей сопровождения. На требование американского флагмана «Джордж Буш-старший» остановиться российский флагман ответил: следую своим курсом. Тогда американские корабли, запросив и получив из Вашингтона подтверждение имеющихся письменных приказов, дали залп из всего имеющегося оружия и вступили в бой.

Но времена, когда русские действовали в мировой политике реактивно, исключительно реагируя на чужие действия, прошли: вся эта ситуация, на самом деле, была тщательно подготовлена русскими в течение длительного времени и реально задумывалась не более чем не очень значащим эпизодом в большой игре. Дело в том, что еще с конца 80-х годов XX века Россия научилась строить практически не обнаруживаемые, особенно в пассивном режиме, подводные лодки. Правда, совсем бесшумными получались только относительно небольшие ударные лодки, а не стратегические ракетоносцы, но для того, о чем здесь идет речь, этого было вполне достаточно. Начиная с 2000 года было построено достаточно много таких лодок (класс «Кило-М»), причем России удалось, после практически полного разгрома разведывательной сети ЦРУ, обмануть американскую разведку и построить их на три десятка больше, чем представлялось США. Грандиозная спецоперация длилась целое десятилетие, и в ходе ее использовались многие способы создать у противника ложное представление о возможностях и количественном составе этих подводных сил: так, все лодки, кроме «тайных», всегда ходили на не полностью бесшумном режиме, а таком, который с трудом, но обнаруживался противником, – а «тайные», наоборот, ходили только на полностью бесшумном. В результате, как русские и хотели, американцы твердо знали, сколько лодок этого класса есть у русских и где какая находится в данный момент на боевом дежурстве, – но

это было ложное, точнее, неполное знание.

За несколько месяцев до описываемых событий все не известные врагу лодки, держась подальше от известных, вышли на дежурство и сели на хвост всем курсирующим в открытом море крупным группировкам, а также находящимся в портах. К 28 апреля четыре из них находились рядом с американской группировкой в Бенгальском заливе, еще пятнадцать тенью следовали за другими эскадрами, а остальные караулили военно-морские базы США, включая главные базы в Норфолке и Сан-Диего. Кроме того, у русских на орбите постоянно было около десяти спутников с так называемыми ГМДВ (генераторами магнито-динамического взрыва) – устройствами, дающими при взрыве мощностью в несколько десятков килотонн очень сильный электромагнитный импульс, в который уходило до 80% мощности; один такой спутник постоянно находился над Бенгальским заливом. Когда американцы дали залп – а русские этого ждали, в прямом смысле держа палец на кнопке, – кодированный сигнал в то же мгновение ушел в Москву, а через секунду Москва ответила сигналом спутнику и лодкам. Через три секунды после американского залпа – снаряды и ракеты еще были в воздухе – спутник взорвался, и вся электроника на площади в несколько десятков тысяч квадратных километров мгновенно вышла из строя – поэтому ни одна из ракет первого залпа не поразила цели. В это самое время четыре американские субмарины, входящие в группировку, вступили в бой с русскими подлодками – но только с «известными»; « неизвестные» лодки через несколько секунд после электромагнитного импульса беспрепятственно ударили по вражеским кораблям ракетами и сверхзвуковыми торпедами. В результате скоротечного боя русские потеряли один авианосец, один крейсер, один эсминец и две субмарины; американская же эскадра была потоплена вся. Но гораздо хуже для американцев было то, что еще большее избиение (потому что совсем не ожидаемое) постигло остальные американские группировки в море и в портах, в том числе на своих базах: было уничтожено одиннадцать авианосцев (из двадцати одного), шестнадцать тяжелых крейсеров и большое количество меньших кораблей; почти 35 тысяч моряков погибло и более 10 тысяч было взято в плен. Это было побоище, превосходящее Перл-Харбор; американские военно-морские силы – как равный или превосходящий противник для русских – перестали существовать. Вечером того же дня главком Военно-морских сил России Борис Фетисов (который сам находился на русском флагмане, потопленном в ходе боя, был подобран на борт другого авианосца и прилетел в Москву на сверхзвуковом истребителе) собрал иностранных журналистов на пресс-конференцию. Там были показаны отснятые со спутников горящие и тонущие американские авианосцы и взятые на борт российских кораблей пленные матросы – российские власти не хотели, чтобы американцы попытались скрыть или преуменьшить свой разгром. На вопрос о том, означает ли это объявление войны Америке, он ответил: «Если какое-то животное становится агрессивным и начинает нападать на людей, у него вырывают клыки и когти или спиливают рога – а убивать-то его зачем? Считайте, что мы просто вырвали американцам когти, хоть и не все, и никакой войны мы им объявлять не собираемся, хотят – пусть объявляют сами; да к тому же война между нами и так уже идет более семидесяти лет». Американские сенат и палата представителей собралась на срочное заседание, последовали экстренные переговоры с союзниками, и 30 апреля 2019 года президент США Буш III сообщил всему миру об объявлении войны Российскому Союзу Америкой и всем блоком НАТО.

На следующий же день, в полдень по московскому времени 1 мая, 36 русских ракет «Тополь» разных модификаций были запущены из своих шахт и мобильных пусковых установок по территории США. Через 8 минут президент США Буш III, у которого было 4 часа утра и еще оставалось около двадцати минут до подлета ракет, связался по так называемой горячей линии с Гавриилом Великим; тот ждал его звонка. « Означает ли это полномасштабную ядерную войну?» – спросил Буш. « Нет, иначе мы запустили бы не тридцать шесть ракет, а тысячу», – ответил Гавриил. «Что же это значит? – спросил Буш. – Или ракеты эти без ядерных боеголовок?» – « Нет, ракеты вполне боевые, – ответил Гавриил, – и вы очень скоро поймете, что это значит. А пока действуйте как при полномасштабной войне – сбивайте, отвечайте или делайте что сочтете нужным; и не особо переживайте раньше времени, они не нацелены на города, а то инфаркт еще получите». С

этими словами Гавриил повесил трубку. Американская система национальной противоракетной обороны сбила всего 7 из 36 ракет – больше и не могло быть, она никогда и не рассчитывалась на полную задержку массированного пуска; при полномасштабной русской атаке процент сбитых ракет был бы еще меньше. Остальные ракеты выпустили разделяющиеся боеголовки, которые взорвались в ряде малонаселенных районов США – в пустынях Невады, Юты и Нью-Мексики, в прериях Техаса и Монтаны, вдали от чего бы то ни было. Из людей мало кто пострадал, военных или экономических объектов в местах попадания не было – в общем, было совершенно непонятно, что это значит, и основной версией было, что Гавриил сошел с ума. Тем не менее рисковать никто не хотел, и американцы ответили залпом в 500 боеголовок (это составляло около 12% их арсенала) по всем видам целей на территории России. Все в Совете национальной безопасности США прильнули к экранам мониторов, на которые выдавалась картинка движения ракет с радаров и спутников; все ракеты шли нормально, никаких признаков российской противоракетной активности не было видно. Боеголовки вышли на цели, и... ни одна не взорвалась. Точнее, спутники фиксировали обычные слабые взрывы, но ни одного термоядерного. Дав Бушу несколько минут на то, чтобы переварить это, Гавриил позвонил ему и сообщил, что Россия разработала и развернула абсолютный стратегический щит; ни один ядерный заряд не может взорваться над Россией. Тогда американцы, охваченные паникой, одномоментно выпустили по России большую часть всего, что у них было; но и из этого мегазалпа ничего не взорвалось. Гавриил позвонил еще раз и сказал: «Вы видите, мы можем поражать вас – а вы нас не можете, да у вас больше уже почти и нечем. Поэтому мы объявляем вам ультиматум, который я сейчас передам вашему послу, благо он еще здесь: суть его в том, что вам дается пять часов на принятие решения о полной капитуляции. Если через пять часов такого решения не будет, мы начнем вас расстреливать, залпами по пятьдесят боеголовок раз в час – на этот раз они пойдут не по пустыням, а по городам и военным объектам; мы и пять часов даем вам для того только, чтобы, если вы не капитулируете, люди успели покинуть города. Потому что мы вовсе не жаждем убить побольше людей, мы даже не стремимся уничтожить вас как страну. Так же как вы хотели в отношении нас, мы хотим лишь ликвидировать вас как самостоятельного участника мировой политики. Так что решайте».

Это, конечно, был полный шок – никто не ждал ничего подобного; это было как если человек, в броне и вооруженный, находящийся в джунглях среди свирепых хищников, вдруг понял бы, что он ошибся и на самом деле он безоружен и беззащитен. Забегая вперед скажу, что механизм действия этого русского чудо-щита неизвестен по сию пору, более чем тридцать лет спустя. То есть наши ученые давно поняли общий принцип – это генератор некоего поля, относящегося к так называемым слабым полям, которое меняет определенные параметры внутри атомных ядер и делает поэтому радиоактивные элементы полностью стабильными (к сожалению, только пока генератор работает). Соответственно плутоний или уран в этом поле никак не могут обеспечить радиоактивный распад, а тем более взрыв. Наши лаборатории смоделировали это еще в 20-х годах, но до сих пор не понимают, как русские масштабируют этот эффект, – как известно, мы восстановили стратегический паритет с Россией в начале 30-х годов (а на три года позже и Поднебесная), но сделали это асимметрично, поставив на свои боеголовки капсулы с антивеществом вместо ядерных зарядов. Тогда же, в мае 2019 года, имея русский ультиматум, руководители США оказались перед тяжелым выбором; когда через полчаса после его получения Буш позвонил Гавриилу с вопросом об условиях, тот спокойно ответил ему, что американцы, по-видимому, не поняли: речь идет не о перемирии и не о мирном договоре, а о полной и безоговорочной капитуляции. Это означает, что вы сдаетесь на милость победителя в надежде (причем вовсе не гарантированной) сохранить себе жизни – в ином варианте вы их точно теряете. При этом Гавриил настоял, чтобы все это, включая запись их разговора, было транслировано по радио, телевидению и Сети; и весь американский народ в оцепенении ждал, пока элита страны – именно так: в Белый дом прибыли физически или виртуально не только политики, но и капитаны бизнеса, религиозные лидеры и другие – не решит их судьбу. Но народ замер в ожидании и в России, где Гавриил обратился к гражданам с речью, в которой рассказал все, что он сделал. Закончил он тем, что у американцев есть пять часов, а у нас есть абсолютный

щит, и вот вроде бы он работает. Но вдруг что-то пойдет не так, вдруг у американцев тоже есть какой-то сюрприз – тогда простите меня и всех моих соратников, вдруг потом не успеем попрощаться. Убивать американцев сразу, не дав им шанс сдаться, мы не будем, хоть для нас это, наверное, было бы надежнее. Люди останавливались на улице и, стоя кучками, ждали – и в России, и в США; только в России они не старались уехать из больших городов. Но ответ США был предрешен – я не могу представить себе ответственную власть, которая отдала бы приказ о коллективном самоубийстве всей страны, которое к тому же не нанесло бы никакого урона противнику. И хотя Буш попросил у Гавриила дополнительные полтора часа, которые Гавриил предусмотрительно дал (ему важно было произвести впечатление отнюдь не жестокого победителя), этот самый длинный день в истории закончился: в семь часов вечера по московскому времени президент Буш объявил о полной и безоговорочной капитуляции США.

Первой задачей российских властей было обеспечить реальную оккупацию; приказ номер один предписывал считать Вооруженные силы США распущенными, всем солдатам и офицерам частей на территории США следовало покинуть расположение военных баз без оружия и обмундирования, оставив лишь минимальную охрану; всем кораблям в открытом море и самолетам в воздухе следовало вернуться на свои базы, которые также должны быть покинуты. Было объявлено, что по всем людям в военной форме США, по всем, имеющим в руках оружие тяжелее пистолета, а также по всем, кто окажет любое сопротивление российским оккупационным силам, будет без предупреждения открываться огонь на поражение. Всем властям США федерального, штатного и муниципального уровней предписывалось выполнять все приказы оккупационных сил и оказывать им всякое содействие. В первом приказе также содержалось требование обеспечить сохранность всех государственных секретных документов; каждый виновный в их похищении или уничтожении будет расстрелян. Тем временем из России начали взлетать самолеты с военной техникой и солдатами на борту (солдаты к тому времени уже все были опричниками, во всяком случае в оккупационном корпусе), держа курс на американские аэродромы, освобожденные от других самолетов по русскому приказу; русские использовали для этого не только свою военно-транспортную авиацию, но и пассажирские лайнеры. Одновременно с Чукотки начали переправляться через лед Берингова пролива на Аляску две рати (примерно соответствует двум нашим дивизиям), переброшенные туда незадолго до этого, – утром 2 мая они уже грузились на Аляске на реквизированные американские поезда. Третьего-четвертого мая одна рать начала располагаться в Калифорнии, образовывая тихоокеанскую базу оккупационных сил; другая направилась в Техас, расположилась там 6—7 мая и стала срединной базой оккупационных сил. На восток США по воздуху за три дня было переброшено три рати, которые стали ядром остальных трех баз: новоанглийской в Нью-Йорке, южной в Атланте и средне-западной в Чикаго. Четкость и скорость, с которой это было проделано, не оставляют сомнения в том, что эта операция и вообще вся война была спланирована и расписана до мелочей русскими заранее, а действия США в Бенгальском заливе и далее были лишь запланированным ответом на провокацию. В основном оккупация прошла спокойно, поскольку американский народ пребывал в глубоком шоке; исключением был город Чикаго, где значительное число жителей, к которым присоединились военные, покинувшие находящуюся неподалеку военную базу, разграбили оружейные склады этой базы, объединились в большой отряд и встретили огнем вступающих в город русских. Сейчас трудно определить, почему именно в Чикаго возник очаг сопротивления: скорее всего, сказался тот фактор, что значительную часть населения города составляли этнические поляки, которые испокон века считают русских врагами, и русские эмигранты – они почему-то, как правило, ненавидят свою историческую родину в отличие от выходцев из других стран. Возможно, сказалось и то, что чикагцы понесли особенно тяжелые потери во время террористической войны – они пережили два больших теракта, в том числе взрыв символа своего города, небоскреба Сирс-Тауэр; а может, и то, что Чикаго еще с XIX века традиционно был центром всякого рода гражданского неспокойствия. Как бы то ни было, входящие в город войска вступили в бой с защитниками, и тогда весь мир первый раз увидел (потому что телевидение беспрепятственно вело прямую трансляцию), что такое

опричник в полном боевом снаряжении; наспех сколоченные отряды самообороны, пусть даже и с тяжелым оружием, не могли быть для них серьезным противником. Используя свою огромную индивидуальную огневую мощь, а также тяжелые самоходные орудия и минометы поддержки, озверевшие опричники принялись, помимо подавления живой силы обороняющихся, уничтожать город, планомерно ведя огонь по зданиям. В результате длившегося почти сутки ожесточенного сражения, в котором опричники потеряли более пятисот человек, погибло более 30 тысяч американцев. Даже когда они выкинули белый флаг, прибывшему за полдня до этого момента Борису Фетисову (он был 1 мая переведен из главкомов ВМФ в командующие оккупационным корпусом) еле удалось остановить побоище.

Эти события так и остались единственным значимым случаем вооруженного сопротивления – все американцы видели телевизионные кадры с рушащимися зданиями и горами трупов. Да и обращение Фетисова, объяснившего, что по русским законам опричникам на вражеской территории не возбраняется убивать любых подозрительных гражданских лиц, произвело должное впечатление.

На 9 мая 2019 года, после завершения первой фазы оккупации, было назначено подписание акта о капитуляции, на которое должен был прибыть Гавриил Великий. Предполагалось, что это состоится в Вашингтоне, но за полчаса до подлета сверхзвуковой бомбардировщик, на котором летел Гавриил, изменил по его указанию маршрут и сел в Нью-Йорке, и туда же привезли самолетом собравшихся в Вашингтоне гражданских и военных руководителей США. Гавриил, любивший символические действия, распорядился произвести подписание на борту линкора «Миссури», который перевели на вечную стоянку в Нью-Йорк в 2012 году. Это был рассчитанный психологический удар по американской нации, в своем роде не менее сильный, чем само известие о поражении и оккупации: там, где Америка приняла капитуляцию Японии в 1945 году и стала сверхдержавой, теперь русские принимают капитуляцию Америки! В тексте акта о капитуляции содержался пункт о том, что мирный договор будет подписан в течение трех месяцев (он был подписан 26 июля 2019 года, в день 57-летия Гавриила), в связи с чем на следующий день Гавриил в первый и последний раз в своей жизни выступил по телевидению перед американской нацией, чтобы объяснить, что именно будет в мирном договоре и соответственно что всех ожидает.

Он объяснил, что никакой аннексии, то есть объявления Америки российской территорией или протекторатом (то есть территорией, управляемой Россией), не будет – Америка остается независимым государством, управляемым американцами, хотя и с некоторыми поражениями в суверенных правах. «Как вы поймете дальше, – сказал он, – эти поражения не будут обременительными или вообще заметными для обычных людей, скорее наоборот. Даже оккупации в строгом юридическом смысле не будет – американские власти не объявляются и не будут объявляться низложенными; они продолжат функционировать, правда, будучи обязаны выполнять все распоряжения российского оккупационного корпуса – но и то только до подписания мирного договора, то есть три месяца. Поражения в правах скажутся лишь в том, что США будет запрещено проводить активную внешнюю политику. У вас не будет права иметь армию, даже маленькую; оборонительные функции будет выполнять российско-американский военный договор, который будет обязательным приложением к мирному договору. По нему Россия подряжается защищать США в случае агрессии против них всеми имеющимися у нее средствами, как саму себя. С этой целью она, помимо прочего, на постоянной основе размещает в США корпус численностью в десять ратей (около 120 тысяч опричников) и три эскадры боевых кораблей – на атлантическом и тихоокеанском побережьях и на Гавайских островах. Америка, естественно, будет оплачивать это России в размере, оговоренном сторонами на каждую пятилетку, – вначале это будет около 150 миллиардов долларов в год. Заметьте, это в четыре раза меньше того, что вы тратите на оборону сегодня». Далее Гавриил сказал, что военизированным формированиям США – полиции, спецслужбам, национальной гвардии – будет запрещено иметь на вооружении более тяжелое вооружение, чем пулеметы и базуки, в том числе на бронемашинах, а береговой охране – чем катера с легкими пушками и ракетами. Авиация может быть только транспортной. Научно-исследовательские работы и промышленное производство в военной и смежных сферах запрещаются, все соответствующие лаборатории

и заводы закрываются, имеющееся оборудование реквизируется либо демонтируется. В том числе запрещается вся космическая программа, за исключением разработки и производства спутников гражданского назначения и ракет-носителей для их вывода. Все имеющееся тяжелое вооружение забирается Россией в качестве трофея.

США могут иметь дипломатические отношения с другими странами, но не будут иметь права оказывать другим странам финансовую помощь (это относится не только к правительству, но и к любым американским субъектам, в том числе частным), равно как и принимать ее от других стран и их субъектов. США могут участвовать в двусторонних и многосторонних международных договорах и организациях, но не во всех. Главное исключение – вступление в любого рода союз или блок, а также любой договор о создании с одной или несколькими странами конфедерации или полного объединения с ними допускается лишь с согласия России – причем России принадлежит последнее слово в том, является конкретный договор союзом или нет. Наконец, США выплатят России единовременно один триллион долларов, причем это даже не контрибуция или репарации, а компенсация за незаконно присвоенное имущество России – Аляску. Ведь в 1863 году Россия не продавала Аляску Америке, а сдала ее в аренду на 99 лет. «Вы оставили ее себе в 1962 году, когда они истекли, – сказал Гавриил, – и были в своем праве сделать это, потому что российская Красная Империя еще в 1918 году объявила, что она не правопреемник Первой Российской Империи. Но ведь в 1995 году Россия вернула себе статус правопреемника, причем с полного вашего одобрения, и, в частности, выплатила все долги держателям государственных облигаций Первой Империи – так на каком основании вы продолжаете считать Аляску своей? Отдавайте или платите компенсацию в указанном размере – это на ваш выбор». (Как вы знаете, соотечественники, США выбрали выплату компенсации, и Аляска входит в нашу Федерацию как часть штата Пацифиция.) Вот, собственно, и весь договор. Предполагалось, что он будет заключен на 50 лет, после чего, если стороны его не продлят, он автоматически перестанет действовать, кроме статьи 1 – о дипломатическом признании второй стороны и ее возможных правопреемников и о нахождении с ней в состоянии мира. По взаимному согласию отдельные его положения могут пересматриваться, в том числе и положения военного договора, но не чаще чем раз в пять лет. «Как вы будете принимать решение о принятии этого договора и возможных в будущем поправок к нему, – сказал Гавриил, – решайте сами – нам достаточно, чтобы его подписал ваш президент, получив одобрение обеих палат конгресса. Но если хотите, можете принимать это как поправку к конституции, то есть еще и в законодательных собраниях двух третей штатов».

«Это формальная часть, – сказал далее Гавриил, – теперь объясню, как вообще так получилось, что дело дошло до того, до чего дошло. Вы, американцы, точнее, ваши предки действительно пытались построить в Новом Свете прекрасный новый мир, свободный от недостатков старого, как бы воплощенную утопию, и во многом в этом преуспели. Еще когда вы были английскими колониями, а уж тем более в XIX веке, про жизнь в североамериканских штатах можно было сказать что угодно – только не то, что она похожа на жизнь в Европе. У вас и Гражданская война началась не по экономическим причинам или из-за того, что в южных штатах процветало рабство, – это были важные, но частные проявления истинной причины, – а из-за того, что жизнь на Юге стала уж очень походить на европейскую, от которой бежали ваши отцы-основатели и все последующие поколения иммигрантов. И бежали они в первую очередь не к богатству – никто им в Америке его не гарантировал, а без гарантий разбогатеть вполне можно было и в Европе, – а к свободе самим строить свою жизнь, без давящих обстоятельств старого мира. Но к свободе не только от гнета внутренних обстоятельств своих старых стран – сословных, национальных, религиозных, – но и от соседних стран, с их королями, войнами и прочей большой европейской политикой, совершенно не нужной обычному человеку. Нет, они не были трусами, ваши предки, они не боялись крови и смерти – когда бандиты нападали на их дома или фургоны, они брали оружие и защищали себя и своих близких, не щадя своей жизни. Но они не понимали, почему они должны отдать эту жизнь в непонятной войне с соседним королевством за присоединение какого-то неизвестного им герцогства. Поэтому отношение Америки к внешнему миру было крайне простым: оставьте нас в покое, какое нам дело до

всех до вас, а вам до нас? И Господь благоволил вам. И лично у меня такая Америка тоже вызывает симпатию. Но потом, в начале XX века, ситуация изменилась – Америка зачем-то полезла в европейскую бойню Первой мировой войны, которая и для европейцев-то не имела особого смысла, а уж для американцев – тем более. Почему произошел этот поворот, какие силы, как и зачем сумели изнутри так исказить изначальные американские ценности, мы не знаем, хотя надеемся узнать из конфискованных у вас секретных архивов, а также любыми другими средствами. (Все вы знаете из школьного курса истории родины, дорогие соотечественники, каким шоком для всех стали публикации в 2022– 2023 годах материалов российского следствия о так называемом ордене посвященных, фактически тайно правившим США, да и в значительной степени остальным миром, более полутора сотен лет, и его рассчитанной на многие века программе построения так называемого царства света.) Господь послал вам Великую депрессию – да-да, именно так, Господь послал, невзирая на все ее беды, – чтобы переключить вашу волю обратно на самих себя и свои проблемы и таким образом отвратить вас от этого пагубного поворота. Как результат, во Вторую мировую войну вы действительно не собирались вмешиваться. Но не дремал и дьявол, решивший сделать вас своим инструментом, – на вас напала Япония, и вы вынуждены были вступить в войну. Но и после победы вы могли уйти из Европы, оставив ее один на один разбираться с Иосифом Великим – даже если бы он ее всю и захватил, вам-то за океаном что до того? Но вы не Христос в пустыне, соблазн власти над миром оказался для вас непреодолим – и с середины XX века вы стали другой Америкой, которая постепенно превратилась в такой гнет для всего остального мира, каким никогда не были страны Старого Света, от которых бежали ваши предки.

Не говорите теперь, что вы, дескать, несли миру демократию – не меч, так сказать, но лозу, для его же блага. Так же говорили, между прочим, и те, кто преследовал по религиозным мотивам ваших предков-пуритан. Все это не более чем повод в стремлении к власти над другими – потому что демократия, как и любая другая форма правления и вообще что угодно, является свободным выбором каждого народа; и кто вас поставил судьей и учителем над остальным миром? Впрочем, вопрос этот риторический, власть над миром дает только один – дьявол, и глобализовать весь мир, делая его одинаковым, толкает один – Антихрист. Причем если бы вы несли другим народам свои ценности, то есть деньги и демократию, путем включения все новых и новых стран в состав самой Америки, пусть и силой, как это делал Первый Рим, тогда хоть плоды того, что вы им навязали, пожинались бы и вами. Но нет, никакой ответственности за свои деяния вы нести не хотели. Вот, судя по всему, Господь и избрал нас, чтобы дать вам окорот; а поскольку Он долго благоволил вам и не забыл этого, то и послал нас – завоевателей не жестоких, которые вас не режут и не грабят. То есть мы, конечно, встали против вас и победили вас только для того, чтобы вы от нас отстали, мы вовсе не защитники остального мира и не мстители за него – если бы мы себя так воспринимали, мы ничем не отличались бы от вас. Но то, что это именно Господь сделал нас Своим инструментом, очевидно из всего происшедшего.

Теперь о том, что это означает для каждого. Поучать народы, как жить, вы больше не будете. У себя в стране хотите иметь демократию – имейте на здоровье, но нести ее другим никто вам больше не позволит. Тех, для кого это было внутренне очень важно и кто будет сильно переживать, что больше этого не будет, мне утешить нечем – но и незачем, потому что они все суть предавшиеся дьяволу, вольно или невольно. Но для истинных потомков по духу ваших отцов-основателей, для тех, кому важна своя жизнь, а не жизнь в заморских странах и кто стремится к своим целям – хоть материальным, хоть духовным – и не интересуется чужими, у меня хорошая новость. Вы останетесь великой державой, богатой и свободной страной, где вы сами хозяева себе и своей жизни. В час нашей слабости, а вашей силы вы пытались не дать нам остаться великой державой – но мы не мстительны, мы не будем поступать так же и не собираемся отнимать у вас то, что по совести ваше. Сверхдержавой вы больше не будете – если понимать под этим того, кто постоянно насилует весь остальной мир, – но я заверяю вас, что ею не будет никто, включая нас самих. Мы и сейчас не насилуем вас, не пытаемся навязать вам свои представления о государственном устройстве и укладе жизни, мы просто не даем вам мучить других. Экономически же вы,

скорее всего, вообще выиграете, потому что отказ от концепции глобализации – а зачем вам она, если вы не контролируете весь мир? – приведет к нормализации вашего внешнеторгового баланса, вы опять начнете сами производить для себя все, что сейчас ввозите, зарабатывая прибыль с этого сами, а не отдавая ее другим во имя призрачных политических целей. Да, вы в последние десятилетия превратились из нации мастеров и промышленных баронов в нацию счетоводов и финансистов – но это все наносное, страна Белла и Форда не может разучиться работать лучше всех. К тому же у вас образуется почти полтриллиона в год экономии на военных расходах, а за счет компактизации федеральной власти – дело ваше, конечно, но зачем она вам такая большая при отказе от мессианства? – так и еще больше. Так что думаю, что все нормальные люди только выиграют, а что для этого придется поработать, так вас этому учить не надо».

После этой речи Гавриил отбыл в Россию, оставив главным Бориса Фетисова. К слову сказать, его прогноз в принципе оправдался: уже в 2022 году североамериканская экономика, существенно сократив ввоз и вывоз товаров и капитала, вышла из стагнации, а ныне Северная Америка является самым, наверное, экономически процветающим регионом мира – но это уже в составе нашей Федерации, о чем речь еще впереди. В России Гавриила, естественно, встретило ликование, доходящее до экстаза: говорят, что 9 мая, когда радио и телевидение объявили о подписании капитуляции – до этого момента никто не мог в это поверить до конца, – люди опускались на колени и благодарили Господа кто где стоял, в том числе прямо на улицах. Но к этому ликованию примешивалось и недоумение, суть которого можно выразить коротко: зачем останавливаться? Одни говорили, что не следует повторять ошибку Иосифа Великого 1945 года и оставлять Америку не раздавленной до конца. Не лучше ли присоединить ее к России или сделать протекторатом, да еще и наложить такую контрибуцию, которая не даст ей возможность возродиться и опять стать источником проблем для России? Другие же вообще требовали незамедлительно, пока не найдено противоядие от нашего стратегического щита, установить власть над всем миром и тем самым навсегда положить конец войнам, горячим и холодным. « Вы, конечно, великий человек, верховный правитель Гавриил, – раздавались голоса, – но кто вам дал право дать Америке так легко отделаться? Ведь Россия – это не только вы, но и мы все». Причем высказывалось все это не только и не столько опричниками, сколько народом (в смысле земцами): надо понимать, соотечественники, что, хотя право голоса по политическим проблемам в смысле участия в голосовании принадлежит в России только служилому сословию, право голоса в смысле участия в публичном обсуждении, в том числе официально объявленном, принадлежит и духовенству, и земцам и всячески поощряется властью. Ответом на это стала другая знаменитая речь Гавриила, названная впоследствии « речью последнего звонка», поскольку была произнесена 25 мая, когда в России традиционно происходит последний звонок, то есть окончание учебы в последнем классе средней школы.

«Чего вы так возбудились? – обратился к своим согражданам Гавриил. – Мы ведь еще в 2013 году определились, что нам надо пройти три фазы, перед тем как начать строить подобие Царства Божьего: реформировать себя, чтобы стать сильными, сокрушить врага и построить новый мировой порядок; на сегодняшний день мы прошли лишь две. Обгадиться в построении нового мирового порядка очень легко, даже уже сокрушив врага, – не лучший ли пример тот самый 1945 год, который вы все здесь упоминаете? Вот вы говорите: задавить Америку непосильной контрибуцией – для того, что ли, чтобы помочь вырасти новым мстителям, причем не сотне-другой террористов, а целому поколению? Да, американцы как нация сейчас морально раздавлены и поставлены на колени, и нам это полезно, мы и стремились к этому – но с чего вы решили, что они не найдут в себе силы подняться с колен? Мы же нашли, после деморализации девяностых годов. Это помимо того, что огромная контрибуция разрушит нашу, именно нашу экономику – все завоеватели в истории, если брали по-настоящему большую добычу, сами как нация переставали работать. Кого же мы будем грабить следующими, чтобы поддержать новые стандарты потребления? А если аннексировать Америку, так тогда уж действительно надо аннексировать весь мир – потому что разве хоть в каком-то смысле Америку можно считать находящейся внутри наших естественных границ? Но кто вам сказал, что, если весь мир будет объединен, войн не будет?

Мы вот в Чечне сколько воюем, а это ведь не отдельная страна; так в объединенном мире таких Чечней будут десятки, если не сотни. И не хватит опричников, чтобы удерживать весь этот мир в узде, – все наше население вынуждено будет этим заниматься, потому что мир велик. И превратится русский народ из нации мастеров и ученых, писателей и проповедников, балагуров и весельчаков в нацию жандармов: и все это для чего, кроме миража всевластия? Не говоря уж о том, что если мы заберем весь мир, причем силой, то жизни в нем нам останется лишь около трех лет: именно столько, по Писанию, будет длиться царство Антихриста перед концом света, а объединит мир только Антихрист. Не знаю, как вы, а я антихристом быть не хочу и не буду. Так что успокойтесь, подождите, будут у нас и территориальные приобретения, мы вовсе не выше этого, но не надо нам головокружения от успехов – чем мы тогда будем отличаться от американцев, которых мы ныне победили?»

Все эти аргументы в основном убедили русских, тем более что 12 июня, в День России, их ожидало еще одно тешащее национальную гордость символическое зрелище – парад Победы. В отличие от парада 1945 года на нем перед зрителями в качестве военнопленных провели в основном не военнослужащих, которые были представлены, помимо генералитета, только взятыми в плен в реальных боях американскими моряками и солдатами, участвовавшими в Чикагском восстании, – по Красной площади прошли, привезенные на самолете, арестованные специально для этого (а на следующий день увезенные обратно и отпущенные) представители всех элит США: президент Буш III и бывшие президенты Билл Клинтон, Буш-младший и Хилари Клинтон, действующие и бывшие члены кабинета, конгрессмены и сенаторы, банкиры и промышленники, газетные обозреватели и телевизионные ведущие, известные адвокаты и топ-модели, эстрадные певцы и голливудские актрисы. Все они прошли по Красной площади в наручниках и с табличкой со своим именем на шее – все, кроме пленных военных, которые шли с полной честью. Российская власть давала понять и своим гражданам, и всему миру, что Россия воевала и победила не американскую армию, а американскую цивилизацию. Кстати, в этот день в России возродился еще один древний обычай: русские моряки и солдаты, участвовавшие в боях и прибывшие для участия в параде, прошли через Триумфальную арку, построенную еще в XIX веке у западного въезда в Москву в честь победы над Наполеоном. Каждая марширующая рать или эскадра, кроме того, везла через арку повозки с досками, на которых были выбиты имена всех погибших в боях.

Вторая экспансия. Тем временем американские союзники по НАТО замерли в ожидании: они вроде как находились в состоянии войны с Россией, поскольку ей объявили войну 30 апреля не только США, но и весь блок. Но после этого обмен ядерными ударами произошел столь быстро, что европейские страны просто не успели ничего сделать, а дальше о них как будто забыли. Они осторожно (потому что дипломатические отношения в связи с объявлением войны были прерваны) пытались выйти на российское руководство, но безуспешно. Однако уже после парада Победы, в конце июня, Гавриил пригласил к себе в Москву для беседы президента Франции и премьер-министров Великобритании, Италии и Испании как самых больших стран НАТО, заверив их в личной неприкосновенности; отказаться никто не решился. Среди них не было канцлера Германии, потому что еще 30 апреля Германия заявила, что не присоединяется к объявлению войны России и выходит из военной организации блока. Более того, канцлер Римнек высказался в таком духе, что создавалось впечатление, что он понимает и не осуждает Россию. Это явилось ожидаемым следствием нарастания объективных противоречий между германскими и американскими интересами, а также роста националистических, в том числе антиамериканских и антиатлантических, настроений в Германии. Однако это было и плодом неспешной, но последовательной политики России на сближение с Германией и ее откол от Америки, начатой еще Владимиром ii. Россия тогда немедленно ответила дипломатической нотой о том, что, мол, она приветствует решение Германии и также не считает, что находится в состоянии войны с ней, хотя та формально и остается членом блока; более того – Россия надеется на долгие и взаимовыгодные отношения с Германией. Второго мая, после принятия Америкой русского ультиматума, Германия поздравила Россию с победой и воздала должное российскому стремлению свести к минимуму жертвы другой стороны. А 11 мая, после нью-

йоркской речи Гавриила, Германия еще раз воздала должное умеренности и гуманности российского подхода к поверженному противнику – так что к концу июня, к моменту приглашения лидеров НАТО в Москву, Германия и Россия уже были как бы союзниками, хотя это еще не было формализовано.

Когда лидеры четырех упомянутых европейских стран прибыли в Москву, они высказали общую позицию: они согласны на такие же условия, которые Россия предложила Америке. Но их ждал весьма неприятный сюрприз. Гавриил сообщил, что такие условия Россия им предлагать не собирается, но предлагает сдаться – они же находятся с Россией в состоянии войны – на иных условиях. Европейские страны будут аннексированы и станут частями России, с полной потерей суверенитета, причем части будут не автономные или самоуправляемые, а самые обычные. Их население получит вид на жительство, и через восемь лет натурализации, при отсутствии претензий со стороны полиции, все станут российскими гражданами. Население и коммерческие предприятия будут обложены единоразовым налогом в виде определенного процента от стоимости имущества, порядка одной трети, который, впрочем, можно будет оплатить в рассрочку или долями (для предприятий). Все люди и предприятия изначально будут находиться под защитой российского закона. «С теми же из вас, – продолжил Гавриил, – кто решит не соглашаться на эти якобы унизительные условия, мы начнем реальную войну, хотя и не ядерную – зачем нам радиация в Европе, тем более на своих же будущих территориях? Если вы сумеете отстоять свою свободу – отлично, но если нет, знайте: ваши люди получат вид на жительство другой формы, по которым срок натурализации отсчитываться не будет. Все имущество частных лиц и предприятий будет конфисковано, а люди не будут находиться под защитой российского закона, по крайней мере до момента капитуляции, и никто не запретит нашим солдатам убивать их – разве что насиловать и грабить их не будут, поскольку это ниже чести опричников. Вот ваш выбор – делайте его, и пусть его сделают и все остальные страны Евросоюза, с которыми вы, как лидеры, переговорите». На замечание президента Франция Ришара, что в Европе так не воюют, Гавриил ответил, что русские, собственно, и не являются европейцами, о чем он, Гавриил, лично неоднократно читал во французской прессе. На вопрос премьер-министра Великобритании Иана Перкинса, почему подход к странам Евросоюза столь отличается от понятного европейским народам и вполне гуманного подхода к Америке, Гавриил ответил довольно четко: «Тот, кто давит тебя своей силой, может вызывать даже и ненависть, но презирать его не за что; а вот тот слабый, кто задирает и гадит из-за спины сильного, вызывает жгучее презрение и никакой чести не достоин». Так закончилась эта встреча в Москве.

Европейские страны начали консультации друг с другом, поскольку Гавриил не поставил им жестких сроков, но время работало на Россию. Дело в том, что почти сразу после поражения Америки, 7 мая (то есть даже еще до подписания капитуляции), произошло восстание в Сербии, где народ сверг прозападное правительство и привел к власти националистов; полиция и спецслужбы, либо полностью деморализованные, либо сочувствующие восставшим, никак этому не помешали. Причина этого кроется в истории: сербы, этнически и религиозно очень близкий русским народ, стали в 1999 году объектом открытой военной агрессии со стороны НАТО (это был один из самых позорных эпизодов в истории западной цивилизации). В результате этого Косово, историческая область Сербии, содержащая ее основные святыни, было от нее отторгнуто, а сербы подвергнуты дискриминации, граничащей с геноцидом. Еще раньше были ликвидированы, фактически также западными странами, так называемые сербские республики (краины) в Хорватии и Боснии, а сербы оттуда изгнаны. Причем до того отряды сербов действительно убивали хорватов и боснийцев, в том числе гражданских, о чем власти и СМИ западных стран раструбили по всему миру, но ни слова не было сказано о не меньших (а возможно, и больших) преступлениях против сербов, в том числе и после изгнания сербских отрядов и большей части сербского населения. В начале 2000-х годов западные страны по отработанной до стандартности технологии, в том числе опираясь на местную пятую колонну, привели к власти в Сербии прозападное правительство, которое не имело народной поддержки и в таком виде просуществовало до 2019 года; неудивительно, что восставшие

буквально растерзали членов кабинета. Россия 11 мая поздравила Сербию с прекращением, как было написано в ноте, «фактического режима протектората США и Евросоюза» и в инициативном порядке, без просьбы сербов, пожелала им скорейшего возвращения их «исконных вотчин». Новое сербское правительство попросило Россию помочь оружием, и Россия ответила – все это происходило совершенно публично! – согласием. В двадцатых числах мая начали прибывать транспорты с артиллерией, бронемашинами и боеприпасами, а также стали прилетать своим ходом боевые самолеты. Еще до этого, 18 мая, сербы напали на вооруженные силы так называемой Косовской республики, которым пришли на помощь албанские войска: началась не долгая, но очень кровопролитная война, которая в России вошла в историю под названием сербской национально-освободительной войны. К середине июля сербы, разбив вражеские части, заняли всю территорию Косово и Албании, кроме труднодоступных гор; погибло 23 тысячи сербских и 63 тысячи косоварских и албанских солдат и ополченцев – раненых не оставляли, в плен не брали. После этого началась резня, в результате которой погибло до полумиллиона косовских и албанских гражданских лиц (косоваров было уничтожено больше половины), и почти миллион убежал из страны на албанских и турецких судах, которым русские боевые корабли не чинили препятствий.

Римский Папа Иоанн Павел III обратился с призывом (хотя албанцы и косовары были мусульманами) к сербам и русским: «Братья, вспомните слова апостола Павла: «Не мстите за себя, возлюбленные»; вспомните и слова самого Спасителя: «Мне отмщение, и Аз воздам». Сербы не откликнулись, а вот Гавриил публично ответил Святому престолу. «Что же не вспомнили, – сказал он, – как сказано у Павла далее: «...но оставьте место гневу Божьему» – вот гнев Божий и явился посредством сербов; потому что разве за себя они мстят – нет, за своих предков и свои святыни. Господь не языческий бог, сам потрясающий трезубцем и кидающий молнии, – Он творит Свою волю между людей посредством других людей. Ангелов карающих Он пошлет, как мы знаем, лишь при конце мира. А вот где была ваша Церковь, когда западные страны растаптывали сербов – ваших единоверцев? Когда в Косово взрывали и поджигали не только сербские дома, но христианские храмы и монастыри? Или, по-вашему, православные не значит христианские – тогда чего вы к нам сейчас обращаетесь? Нет, Римско-католическая церковь одобряла или молчала – конечно, это не дает морального права сербам мстить, но лишает вас морального права выступать теперь с поучениями».

А тем временем сербы, накопившие огромную энергию многолетнего национального унижения (в некоторых районах страны вообще не осталось мужчин – все добровольно ушли в ополчение), еще до окончания албанско-косовской операции напали одновременно на Хорватию и Боснию, причем Хорватия была членом НАТО, но это уже никого не волновало. Кроме собственных ярости и бесстрашия, а также материальной и моральной помощи русских, в пользу сербов играла полнейшая деморализация этих стран после падения Америки и неминуемого падения Евросоюза. Бои в Хорватии и Боснии продолжались до декабря, и в них погибло 58 тысяч сербов и 96 тысяч хорватов и боснийцев; резни гражданского населения не допустила уже Россия, причем даже не прибегая к силе: авторитет ее среди сербов (особенно после слов Гавриила «Простите нас, сербы, что нам понадобилось столько времени, чтобы прийти к вам на выручку») был к этому времени запределен.

Но вернемся к ситуации между Россией и Евросоюзом. Двенадцатого июля Гавриил обратился к своему народу с третьей знаменитой речью 2019 года, так называемой петропавловской (12 июля по православному календарю – День апостолов Петра и Павла). «Я говорил вам, – сказал он, – что для построения нового мирового порядка не годится нам ни присоединять к себе Америку, ни тем более весь мир. Но это не значит, что мы оставим все как есть. Когда я говорил вам, что мы получим много новых Чечней, я не сказал о том, что вовсе не любая нация способна стать Чечней: нашим чеченцам не занимать отваги, бесстрашия и готовности положить жизнь за свой народ и свою веру – но вовсе не все такие. Вот во время Второй мировой войны немцы оккупировали всю Европу, но французы или чехи терпели, а сербы ушли в горы и сражались (про наших я уж и не говорю). А много ли таких, как сербы или русские, в современном мире? Американцы, я думаю, такие, и это одна из причин, почему мы даем им отделаться легким испугом. Мусульмане все такие, китайцы – тоже, а вот в Европе таких больше нет. Это умирающая цивилизация, в которой не осталось

жизненных сил ни на то, чтобы воевать, ни даже на то, чтобы рожать и размножаться, – только на то, чтобы влачить свое бессмысленное сытое существование. И эти убогие смели нас гнобить и поучать много лет! И еще я говорил вам, что никак не скажешь, что Америка входит в наши естественные границы – а вот Европа входит. Мы евразийская держава, наследники великих евразийских империй – Римской, Византийской, Монгольской и Российско-Советской, и мы должны завершить многовековое евразийское дело – объединить в одной империи всю северную Евразию, от Атлантического до Тихого океана. Я говорил американцам в Нью-Йорке, что до начала двадцатого века Америка никого не трогала и никуда не лезла и лишь потом под принуждением кого-то – мы еще выясним, кого именно, – свернула с этого правильного пути. А вот Европа пыталась нас уничтожить, покорить или ослабить много раз во все века! Никогда больше не должна угроза для нас исходить с Запада! И потому первая половина задачи построения нового мирового порядка для нас такова: вся Европа должна войти в Российскую Империю от океана до океана; это и наша историческая миссия, и императив нашей безопасности. Кто сдастся так – хорошо, кто захочет воевать – пожалуйста, это даже лучше, потому что, как писал поэт, « дело прочно, когда под ним струится кровь». Да и опричникам нужна закалка. Ну а с нашими новыми союзниками мы уж как-нибудь договоримся, со всей подобающей им честью».

Кроме Сербии, с которой союзнические отношения были провозглашены 6 июня, Гавриил имел в виду Германию, с которой они были провозглашены еще раньше, 30 мая. Честно объяснив им свои цели, Россия действительно договорилась с ними, что они войдут в состав России с потерей суверенитета, но, конечно, совсем на иных условиях, чем даже те европейские страны, которые предпочтут сдаться. Все немцы и сербы с первого момента становились полноправными российскими гражданами, более того, эти народы получали временный конституционный статус народов-союзников русского народа (испытательный срок для перехода этого статуса в постоянный равен двадцати годам по Конституции). Естественно, никакого единоразового налога с них не бралось, они приравнивались по налогообложению к российским гражданам (что было в разы меньше, чем в Евросоюзе). Так были сформулированы цели России в Европе, и так в результате все и получилось.

Европейские страны еще вели консультации, когда произошла резня в Албании; хотя это делали не русские, а сербы, европейцы смогли воочию увидеть, что их может ждать, и большая часть стран решила принять условия русских. В это время, в третьей декаде июля, все страны НАТО получили наконец от России официальное предложение сдаться, с формальным описанием условий, – все, кроме трех стран – Латвии, Литвы и Эстонии, – ранее входивших в Красную Империю (а до того в Первую Империю); о них речь пойдет ниже. Президент Франции от имени всех других пытался отторговать у России более выгодные условия, но ему ответили, что торг здесь неуместен. В результате в начале августа все страны, которые приняли условия России, сообщили ей об этом, и подписание капитуляций произошло в Москве 9 августа, но при этом Россия потребовала, чтобы в каждой стране был проведен референдум, на котором акт о капитуляции будет одобрен населением. «Надо, чтобы через одно-два поколения не говорили, – сказал русский министр иностранных дел, – что их правительства предали свои народы против их воли».

Но подписали капитуляцию не все: о неприятии российских условий и готовности воевать заявили Великобритания, Ирландия, Польша, Украина и Турция. Причины этого были разными: Польша и весьма полонизированная Украина (как вы помните, ее восточная и южная части отошли России в период первой экспансии), а также Турция считали себя – и действительно были! – многовековыми врагами России, и для них (во всяком случае, для их национальных элит) смерть была предпочтительнее капитуляции. К тому же русскую армию никто не видел в сухопутной войне со времен афганской и чеченской войн, не самых успешных для России – это создавало иллюзии, что русским просто повезло. Да, они изобрели стратегический щит, но в обычной войне, тем более с готовым умереть за свою родину противником, они обязательно обделаются. Англия же никогда за всю свою государственную историю не вела войн на своей территории, ни Наполеон, ни Гитлер не смогли ее захватить; поэтому ощущение того, что они в своей стране как в неприступной крепости, вошло у англичан в плоть и кровь.

Комментируя отказ этих стран подписать капитуляцию, российский министр иностранных дел сказал: « Конечно, имея в Варшаве улицу Дудаева, в Киеве площадь Дудаева, а в Львове проспект Басаева (это были видные деятели чеченского сепаратизма, смертельные враги России), Польша и Украина понимают, что пощады им не будет. Что же, пятьсот лет мы враждуем, пора ставить точку. И с турками мы враждуем столько же, мы не забыли, кто помогал еще крымскому ханству совершать набеги на Москву и Русь. И англичане гадили нам не покладая рук, еще когда не только не существовало США, но и первые поселения в Америке не возникли. Так что хорошо, что все так получается, хорошо, что они готовы пролить свою кровь, лишь бы не быть под нами – и негоже нам бояться пролить свою». А крупная российская газета опубликовала интервью духовника Гавриила, в котором он рассказал, что, еще только принимая решение баллотироваться в президенты в 2012 году, Гавриил дал обет воздвигнуть православный крест над Святой Софией.

Так начались войны экспансии, первой из которых была русско-польско-украинская. Она началась 18 августа 2019 года наступлением русских войск одновременно по четырем направлениям: на Варшаву из Гродно, на Ровно—Львов из Могилева и на Киев из Днепропетровска и из Курска. По всем направлениям наступление велось высокомобильными частями чисто атакующим порядком: впереди шли танковые бригады при поддержке боевых вертолетов, за ними основные силы на скоростных транспортерах, а сзади дивизионы самоходных тяжелых орудий и минометов, которые создавали огневой вал в 40—50 километрах впереди себя, то есть в 15—20 километрах впереди танков. При соприкосновении с серьезными силами противника вперед выходили рати – основная ударная мощь российских сухопутных сил – и рассредоточивались для нанесения удара (подробнее о тактике Российской армии см. главу «Армия»). Одновременно 20 августа был высажен двенадцатитысячный морской десант в Гданьске, а части немецкого бундесвера начали наступление на Польшу с запада. Во втором эшелоне, с отставанием на несколько дней, шли немногочисленные гарнизонные силы, а также полицейские подразделения. До их подхода никакой закон на захваченных территориях не действовал, да и после действовал только русский «закон войны». По нему правоохранительные органы защищают русских от местных жителей, иногда – одних местных жителей от других, но никак не местных жителей от русских опричников. Польско-украинские силы были буквально раздавлены, к тому же перед русскими войсками была поставлена задача уничтожить максимальное количество живой силы, зданий и сооружений. В результате к 5 октября – это дата окончания русско-польско-украинской войны – было убито более 600 тысяч человек, из них более двух третей – гражданское население, потери же русских составили не более 11 тысяч. Такие древние города, как Варшава и Краков, и многие другие были сильно разрушены, а Львов буквально стерт с лица земли, причем, судя по всему, вполне сознательно. Немцы, которые, как выяснилось, несмотря на евросоюзовскую риторику последних двадцати пяти лет, также весьма не любили поляков (которых они считали повинными в отторжении от Германии ее исконных земель), предложили России взять на себя функцию оккупации и администрирования на территории Польши и Украины; Россия согласилась и выразила свое удовлетворение. Это удивительно, дорогие соотечественники, какие кульбиты выделывает порой история: поляки и украинцы во время Второй мировой войны стонали под игом немецких гарнизонов, от которых их освободили русские. И вместо того, чтобы быть им благодарными, они делали все, что было в их силах, чтобы унизить и уничтожить русских, а под европейцев, включая немцев, лечь добровольно, – и как результат получили обратно немецкие гарнизоны, но уже с благословения русских.

16 ноября началась русско-турецкая война; она изначально развивалась по-другому, была гораздо более затяжной и упорной. В отличие от русско-турецкой войны XIX века русские не стали перебрасывать войска в Болгарию и Грецию и атаковать Турцию с запада – они предпочли вторжение с востока. Танки использовались ограниченно из-за гористого рельефа, наступление через грузинско-турецкую и армянско-турецкую границы сразу начали рати основных сил в пешем порядке; первая крупная битва произошла за город Карс и продолжалась 18 дней. Следующим, главным рубежом обороны турецкой армии был город Эрзерум, где русские войска застряли на два с половиной месяца; это была самая большая

битва русско-турецкой войны и вообще войн экспансии, общие потери сторон там составили 160 тысяч человек. В это время, в конце декабря, после завершения боев в Хорватии и Боснии, европейскую часть Турции атаковала с запада сербская армия и, захватив ее, форсировала Дарданеллы, после чего начала продвижение в глубь страны. На Стамбул, обороняемый 80-тысячной группировкой, сербы нападать не стали, а вместо этого развили наступление в направлении Из-мир—Анталья—Газиантеп с целью отрезать туркам выход к средиземноморскому побережью и сирийской границе. Ожесточенные бои продолжались полгода, до середины апреля 2020 года, когда пала Анкара, взятая в клещи с двух сторон – прорвавшимися от Эрзерума основными русскими войсками и 30-тысячным русским морским десантом, высаженным в феврале под городом Самсун и развившим наступление на столицу (им командовал Борис Фетисов, который для этого в конце октября оставил пост командующего оккупационным корпусом в Америке).

После падения Анкары турецкое командование довело до сведения российской стороны, что Турция готова капитулировать, если условия будут те же, что и для стран, сдавшихся без войны, а также если оккупацию будут осуществлять не сербы – а иначе турки будут драться до последнего солдата. Михаил Величко, главный воевода турецкого воинства русских войск (то есть командующий турецким фронтом) и в будущем начальник Имперского военного управления (то есть министр обороны), а потом император Михаил III (2030—2040), ответил, что русские опричники не боятся воевать до последнего солдата – это то, ради чего они существуют. Но они умеют ценить мужество врага, воздают должное туркам и готовы пойти им навстречу еще дальше, чем те просят. «Турецкие солдаты и офицеры не щадили себя, – сказал Величко, – и не их вина, что русские оказались сильнее. Мы шли к этому много лет, и с нами Бог. Негоже, чтобы эта самоотверженность принесла такие же плоды, как трусость тех, кто предпочел сразу сдаться; поэтому не только не будет в Турции действовать «закон войны», а турки получат вид на жительство с отсчетом натурализации, но и единоразового налога на турок не будет. А сербов мы и не собирались использовать для оккупации, этим займутся немцы под командованием русских». Это неожиданное решение сильно способствовало нормализации отношения рядовых турецких жителей к России, и в дальнейшем конфликтов с русскими у турок не было – возможно, также и потому, что неприязни на бытовом уровне у русских к туркам не было (как и наоборот), совсем не так, как к европейцам. По сию пору многие турки идут в русские опричники, при этом крестятся (это требование закона, см. главу «Сословная структура»), а основная часть из них вообще при этом становится русскими через процедуру породнения (см. главу «Национальная самоидентификация»). Те же, кто хочет в опричники, но не готов отказаться от своих тюркских национальных корней, обычно записываются в татары, поскольку этот народ, близкий туркам этнически и по языку, имеет статус союзнического. Всего в турецкой войне погибло 82 тысячи русских и 180 тысяч турок.

Совсем иначе шла русско-англо-ирландская война, начавшаяся 14 февраля 2020 года. После русско-польско-украинской и значительной части турецкой войны с их ожесточением и потерями британские власти дали понять России, что они готовы переменить свое решение воевать – но Россия ответила, что думать надо было раньше. Такие перемены в позиции обеих сторон были связаны с тем, что Англия уж очень привыкла за 70 лет чувствовать себя за спиной Америки, а Россия уж очень не любила Англию в отличие от, например, Турции – с падением Америки в ней сконцентрировалась вся многовековая нелюбовь русских к Западу (к уже поверженному противнику русские, по своему менталитету, испытывать ненависти не способны). Боевые действия начались с недельной массированной артподготовки по центрам сосредоточения британских войск и городам, проведенной с французского побережья и с боевых кораблей ракетами и дальнобойными активно-реактивными снарядами и минами с ЧТБ (чистый термоядерный боеприпас, основа ударной мощи российской тяжелой артиллерии) мощностью до 10 000 тонн тротилового эквивалента. Одновременно снарядами и беспилотными плавательными аппаратами военно-морских сил были проделаны свободные от мин проходы в Ла-Манше и других прибрежных водах, после чего под прикрытием российских авианосцев и крейсеров были высажены морские десанты на западе Британии – в Кардиффе, Бристоле и Ливерпуле и на

востоке – в Мидлсбро и Ипсуиче. В это же время русские впервые применили так называемые ракетные десанты в Стаффорде и Кембридже. Все эти десанты имели численность по несколько тысяч человек (до 11 тысяч – бристольский десант), но еще во время недельной бомбардировки в малонаселенных местах западного и восточного побережий были высажены с подводных лодок небольшие группы, по двадцать—тридцать человек, которые начали продвигаться к Лондону, а также местам встречи с основными десантными силами, используя отнятые на месте средства передвижения. Учитывая огромную индивидуальную огневую мощь опричников (см. главу «Армия»), можно представить себе хаос, который они создавали в тылу британцев. К началу апреля Лондон был взят, причем с большими разрушениями, которые опричники устроили без всякой военной необходимости. Всего погибло 6 тысяч русских и 72 тысячи британцев. После падения Лондона два десантных корабля подошли к берегам Ирландии. Российское командование предложило ирландскому не морочить голову и сложить оружие во избежание ненужной крови, что и было незамедлительно исполнено. Так закончилась последняя из войн экспансии.

Учреждение Третьей Империи. Итак, к концу апреля флаг Российского Союза был поднят над Канадой и на всей территории Европы, кроме Швейцарии, а также Латвии, Литвы и Эстонии; о них будто бы забыли (напомню, что им даже не было послано предложение о капитуляции), но все понимали, что ненадолго. Без объявления войны (поскольку они не входили в НАТО), путем ультиматума, были также присоединены бывшие части Первой и Второй Российских Империй – Узбекистан, Таджикистан и Киргизия. Весь конец апреля и начало мая через Триумфальную арку проходили все участники боев, прибывшие для этого в Москву без военной техники; каждый легион, кроме того, вез через арку повозки с досками, на которых были выбиты имена всех погибших в боях. Девятого мая состоялся грандиозный парад – это была и первая годовщина победы над Америкой, и 75-летие победы над Германией. На нем не проводили пленных или арестованных, даже из воевавших стран, но зато Гавриил Великий первый и последний раз в жизни выступил прямо с Мавзолея (так называется главное правительственное место на Красной площади в Москве, где когда-то лежали мумии основателей Второй Империи Владимира Иуды и Иосифа Великого; Иосиф был перезахоронен в 1956 году, а Владимир – в 2013-м). «Когда Владимир ii начал возрождать великую Россию пятнадцать лет назад, – сказал он, – нас уже все списали со счетов, и свои и чужие, – все, кроме горстки тех, кому величие страны было важнее своего жалкого существования. „Убогие неудачники, вечное государство второго сорта, навоз под ногами западной цивилизации“, – говорили одни. „Да, в прошлом могучие тупой силой, но ныне „сбитые летчики“ и импотенты, арена для конкуренции чужих стран и корпораций“, – говорили другие. „Жалко, конечно, но что же сделаешь, против лома нет приема“, – говорили третьи. Да, граждане, душой вы были с нами, иначе бы не проголосовали за Владимира в 2004 и в 2008 годах, а за меня – в 2012-м. Но многие ли из вас, а тем более из иностранцев безоговорочно верили в успех, многие ли могли, вторя нам, сказать: с нами Бог, наше дело правое, мы победим? Но мы сделали это – и богомольцы своей молитвой, и опричники своей силой, и весь народ своей работой и доверием. И где теперь этот великий Запад? Его нет и более никогда не будет. Родятся новые враги России, но этому врагу больше не бывать. Посмотрите, сколько поколений русских бились с переменным успехом за выход к Черному, а потом Балтийскому морям – а теперь они даже и не моря вовсе, а внутренние озера России, хоть и соленые. Сколько людей, с самого зарождения нашей государственности, мечтало о Царьграде – и вот, смотрите, град равноапостольного Константина наш, и над Святой Софией скоро будет поднят крест, впервые за шесть веков. Вдумайтесь, что мы все вместе совершили: западная цивилизация, вечный и главный враг православной веры и Российского государства, не остановлена, не уничижена, не побеждена – она вообще ликвидирована, сметена с лица Земли, притом без богопротивного геноцида; это была великая миссия поколений, и она выполнена. Не зря, как муравьи, много веков строили наши предки Русскую державу, не зря потом отринули ее, чтобы в страшных лишениях и жестокостях Красной Империи сделать последний рывок и догнать Запад. Не зря терпели, стиснув зубы, разложение второго Смутного времени, не зря нашли силы подняться

с колен, дабы совершить третью попытку. Еще Сергий Радонежский говорил: нет греха в том, чтобы упасть, – есть в том, чтобы не подняться. Она удалась, третья попытка, но она была подготовлена всей историей русского государства, в ней есть заслуга всех поколений. И я сейчас провозглашаю Третью Российскую Империю – третью и потому, что ей предшествовала царская Россия и Советский Союз, и потому, что ей предшествовали великие евразийские империи прошлого, Римская и Византийская. Мы есть Третий Рим, и четвертому не бывать! Мы заслужили быть великой империей, потому что истинно велик не тот, кто достигает высот, но тот, кто поднимается с земли и одерживает победу, уже будучи повержен и раздавлен. И мы теперь можем строить великую империю свободно и беспрепятственно – потому что вторую половину задачи построения нового мирового порядка мы выполним в течение года, не сомневайтесь». Так этот день, 9 мая, стал не только Днем Победы, но и Днем Империи. Несмотря на чувство гордости и душевного подъема, такого ликования, как за год до того, у людей не было: все ходили словно слегка пришибленные, явственно ощущая, как колеблется земля от творящейся на глазах Истории. Не той истории, которую чувствуешь при великой победе, случающейся два-три раза за век, а той, которая творится раз в тысячелетие. Были изменены герб и флаг России – они стали такими, как сейчас; на декабрь были назначены выборы (естественно, только опричниками) первого императора – но поскольку Гавриил заявил, что будет избираться, то никто не сомневался в исходе. Тем временем министр иностранных дел Нуржан Алиев – к этому моменту он уже назывался начальником Имперского внешнеполитического управления России – разъяснил в телевизионном выступлении планы по прибалтийским государствам. «Все западные страны были враждебны по отношению к нам, – сказал он, – но они по крайней мере были полноценными древними нациями и действовали в первую очередь не против нас, а просто следуя собственным интересам. Прибалтийские же так называемые государства никакими древними нациями не являются, это возомнившие о себе дикие и отсталые окраины нашей державы, населенные народами, славящимися своей тупостью и неблагодарностью. Разве были они когда-нибудь независимыми, кроме давнего и недолгого периода великого княжества Литовского – которое, впрочем, имело к нынешней Литве весьма отдаленное отношение и скорее соответствовало Белоруссии? Да, мы их завоевали в xvi–xviii веках, но разве тогда это считалось неправильным, разве не так образовались все государства, в том числе и европейские? А в xx веке, когда они дважды якобы завоевывали независимость, разве кто-нибудь им мешал в этом, разве пролили они хоть каплю своей крови? В 1940 году мы просто возвращали свое – то, что отдал Владимир Иуда, которому не было дела ни до чего, кроме мировой революции. А то, что многих прибалтов мы сослали в лагеря, так посмотрите, что было дальше. В 1941 году уже к июлю, еще до полной оккупации немецкими войсками, они уничтожили почти всех своих евреев, причем не имея даже войск, руками забили – свои евреи-то им что плохого сделали? И далее, в течение всей войны, они отличались жестокостью даже по немецким меркам. Так что действительно зря мы многих из них сослали в Сибирь – надо было не ссылать, а расстреливать, и не многих, а всех.

А потом, при развале Советского Союза, разве хоть кто-то мешал им отделяться, разве грозил хоть чем-то? И что в благодарность – апартеид по отношению к проживающим там русским, при том что никакого ущемления прибалтов, проживающих в России, нет и по сию пору. Так уже бывало – когда немецкие солдаты отстояли Латвию от войск большевиков в 1918 году, а латыши уже через два года в благодарность изгнали немцев, от которых, кстати, в свое время получили даже письменность. Эти так называемые государства, точнее, богопротивные недомерки сделали ненависть к России и всему русскому стержнем, основой не только своей внутренней и внешней политики, но и главным смыслом своего существования. Но в Писании сказано: мера за меру. Поэтому они не только не заслуживают того, чтобы сохраниться как государствам – отдельных государств не будет и у тех, чьего мизинца не стоят прибалты, например у немцев и сербов, – а и сохраниться как нации. Поэтому, начав вторжение, мы будем убивать и разрушать, сколько сможем, ибо нет чести для прибалтов. Но главное начнется потом: все латышские, литовские и эстонские города и поселки, улицы и реки будут переименованы русскими названиями. Сами слова «Латвия», «Литва» и «Эстония» будут запрещены к публичному употреблению на всей территории

Российской Империи иначе чем в исторических исследованиях. Латышский, литовский и эстонский языки будут также запрещены к публичному употреблению. Литовцы, как отличившиеся менее других в русофобии, сохранят право жить на территории нынешней Литвы, хотя все движимое и недвижимое имущество будет у них конфисковано, как у латышей и эстонцев; но те ко всему будут еще и выселены из Прибалтики, с бессрочным лишением права жить там. И с русскоязычными жителями этих стран будет так же, только с лишением на пять лет, – к ним у нас тоже нет особой любви: нечего было терпеть унижения, этим вы стали их сообщниками. Пусть будет с этими странами, как с Содомом и Гоморрой, потому что само их существование оскорбляет нас».

На следующий день русские войска вторглись в Прибалтику, и все произошло так, как было обещано; убито было не так много людей – все-таки, как говорят русские, сердце не камень, кровь не вода, – но выселены были действительно все. Города Таллинн, Рига и Вильнюс стали Ивангородом, Алексеевском и Александрией (в честь Ивана III Великого, Алексея I Тишайшего и Александра I Праведного). Эстонцы попытались селиться в этнически родственной им Финляндии или хотя бы в других Скандинавских странах, а латыши – в Германии, но им этого не разрешили, дав право селиться только в Восточной Сибири, Северном Казахстане, Средней Азии или Турции. В результате к 2022 году подавляющая часть латышей и эстонцев, около двух миллионов человек, эмигрировала в Северную Америку, где США (к тому времени уже Американская Федерация) приняли их с согласия Российской Империи. Это был один из самых жестоких, хотя и не самых кровавых эпизодов в войнах 2019—2021 годов. И хотя я не судья, дорогие соотечественники, но мне кажется, что русские повели себя не по-христиански (в отличие от их же поведения по отношению к американцам) – все-таки все народы созданы Богом, и не людям решать, каким из них быть, а каким нет. Русские же отвечали мне на это, что в принципе они считают так же, но прибалты своим поведением в течение тридцати лет уж очень старались их в этом разубедить и преуспели в этом. Так завершилась вторая экспансия России.

Период ассимиляции. Ассимиляция присоединенных территорий и реальное превращение Российской Империи в одну страну, хоть бы и разнородную, а не в искусственный конгломерат из разных стран, были объявлены Гавриилом одной из трех важнейших задач десятилетнего правления (2020—2030), на которое он был избран (по изменению к конституции 2020 года, император избирается на десять лет, без права переизбрания). Был издан императорский указ «О мерах по ассимиляции новых территорий», постадийно регламентирующий этот процесс. По этому указу, в частности, был установлен график внедрения русского языка в публичную жизнь: вывески с названиями населенных пунктов, основных улиц и проспектов в городах, указатели на основных магистралях должны появиться на русском в полугодичный срок, все остальные, включая вывески на кафе, магазинах и т. п., – в годичный; все ценники, меню, афиши и т. п. – в полуторагодичный; все теле– и радиопрограммы – также в полуторагодичный; официальное дело– и судопроизводство – в двухгодичный (в этот же срок им должны научиться владеть местные должностные лица); дошкольные детские учреждения, включая частные, а также все фильмы – также в двухгодичный; школы и высшие учебные заведения – в трехгодичный; научные публикации и конференции, а также лечебные учреждения – в четырехгодичный. Имелось в виду, естественно, двуязычие – Российская Империя никак не ограничивала использование жителями бывшего Евросоюза своих языков, но требовала, чтобы во всех упомянутых сферах русский использовался как основной, а наличие второго (третьего и т. д.) текста или доклада (или синхронного перевода) оставляла за пределами государственного регламентирования. Это более жесткое законодательство, чем по отношению к языкам народов внутри исторической России, там принцип двуязычия не требует, чтобы русский язык был первым, – это была сознательная политика форсированной ассимиляции. Кстати, по многим позициям она носила временный характер – в указе сразу было объявлено, что запрет на теле– и радиопрограммы на местных языках действителен на пять лет, требование для фильмов, чтобы они были на русском, а лишь субтитры на местном, а не наоборот, – также на пять, использование русского в дошкольных детских учреждениях – на десять, изучение русского как первого, а не иностранного в школах – на пятнадцать. Для народов-союзников, то есть

немцев и сербов все, конечно, было не так: требования иметь русский как первый в двуязычии для них вообще нет, и сроки перехода на двуязычие им было предложено определить самим на собственное усмотрение (в реальности внедрение русского как второго там произошло быстрее, но по добровольным причинам). Кроме того, немецкий и сербский изучаются во многих русских школах (факультативно – в подавляющем большинстве). Помимо языка, были определены сроки перехода на новые программы обучения в школах (два года) и в институтах (три года), а также на новые стандарты в технике (пять лет) и здравоохранении (три года). В течение года должны быть созданы российские суды общей юрисдикции и арбитражные, межрегионального окружного звена (апелляционная инстанция), а в течение трех – низового звена. Сразу после присоединения было прекращено хождение евро и произведен обмен их на рубли – по тому курсу, который к маю 2019 года считался реальным (чуть менее двух евро за рубль). Был установлен полуторалетний период перехода на российскую налоговую систему, но при этом сами ставки налогов остались выше, чем в России (хотя и существенно ниже, чем были в Евросоюзе): для людей – на пять лет, для предприятий – на десять.

Гражданские права, как и было оговорено при подписании актов капитуляции, население получало через восемь лет натурализации, при отсутствии за это время одного тяжкого преступления или трех менее тяжких. Но это, естественно, не касалось Англии, Ирландии, Польши и Украины (по факту Украина, кроме Галиции, получила гражданство в 2031 году, а Англия, Ирландия и Польша – в 2035-м), а также Германии и Сербии – те стали гражданами сразу. По российским законам это означало, что выбирать органы местного самоуправления (по-русски, общины – там по российской Конституции сосредоточена очень значительная часть власти, как у нас в северных штатах) они будут лишь через восемь лет, а до того их будут назначать. Но в указе определялось, что начиная с четвертого года будут проведены опросы (те же выборы, но носящие рекомендательный для имперских властей характер и не имеющие обязательной юридической силы), и назначения до истечения восьмилетнего периода будут проводиться исходя из них. В выборах в Земскую Думу Российской Империи 2020 и 2025 года население бывшего Евросоюза не участвовало ни в каком виде (кроме немцев и сербов), и в этом был свой резон. Ведь основным предметом деятельности Думы являются налоги и социальные траты, а они до 2030 года были у него иными, чем у населения бывшего Российского Союза; к выборам же 2030 года оно уже имело полные гражданские права. Кстати, это все касается гражданских прав в российском, на наш взгляд довольно куцем, понимании – политические права в России имеют только опричники. Так вот, прием желающих в опричники производился с 2020 года без каких бы то ни было ограничений, в том числе англичан, ирландцев, поляков и украинцев, и даже прибалтов. Вообще для записи в опричники нет никаких априорных требований: даже я, находившийся в России по туристической визе гражданин Американской Федерации, бразилец по национальности и католик, если бы пришел в пункт и подал заявление, был бы принят – если бы, конечно, технодопрос подтвердил искренность моих мотиваций.

Как часть политики ассимиляции, Россия широко использовала люстрации, то есть поражения в правах для определенных категорий населения, не являющиеся уголовным наказанием. Интенсивность их применения сильно различалась по территориям: их вовсе не было, естественно, в Германии и Сербии, относительно мало в Турции, Италии, Испании и Португалии, много во Франции, Бельгии и Голландии, а больше всего в Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии, Молдове, Грузии и Азербайджане. Разумеется, их не могло быть в Англии, Ирландии, Польше и Украине – там все население было лишено всех прав и близкой перспективы их получения. Поражения включали удлинение срока натурализации (в том числе и на неопределенный срок), ограничение на членство и работу в любых общественных организациях, а в основном – запреты на профессии: на государственную и муниципальную службу, включая вспомогательные должности в полиции (основные везде в Империи заполняются только опричниками), на работу в сфере образования (в дошкольных учреждениях, школах и вузах), на работу в СМИ и вообще на публичные высказывания. Под люстрации подпадали все бывшие публичные политики и государственные служащие выше определенного ранга (в безусловном порядке), а также в индивидуальном порядке те из

остальных чиновников, журналистов и интеллигенции, за которыми числились систематические действия и публичные высказывания, носящие характер антироссийский, антихристианский, а также ультралиберальный, в том числе глобализаторский. Разбирательства инициировались прикомандированными к Европейскому Приказу (так назывался орган государственного управления, временно – на 20 лет – созданный под конкретную задачу ассимиляции) сотрудниками Имперского управления надзора, отчасти по результатам собственного анализа, чаще – по доносам коллег. Индивидуальные решения о поражении в правах часто бывали отложенными – до первого нарушения. В некоторых местах люстрации имели существенные последствия: во Франции, например, в результате их почти полностью сменилась журналистская, университетская (гуманитарная, разумеется) и вообще интеллектуальная элита.

Из всего этого видно, что Россия использовала для форсированной ассимиляции комбинированную политику, сочетающую неослабное, но не особо жесткое давление на население в сторону частичной русификации, с четко обозначенным по времени «светом в конце тоннеля». Имелись также понятные «социальные лифты» в виде беспрепятственной возможности вступления в служилое сословие, а также частного предпринимательства, в котором жители новых территорий ограничены не были. Это была политика не реактивная, а сознательная и продуманная, и я уверен, что все жесткие решения, которые Россия принимала, были требованиями этой политики, а вовсе не следствием бессердечия или тем более ненависти к поверженному противнику (кроме разве что прибалтов). В доказательство этого могу привести такой пример, весьма характерный: как я уже рассказывал, еще в 2019 году, в официальном предложении сдаться, которое от России получили все страны НАТО, было сказано, что те, кто решит воевать, после капитуляции получат, в числе прочего, полную конфискацию всего имущества граждан и предприятий. Так и произошло для англичан, ирландцев, поляков и украинцев, и это было широко освещено. Но гораздо менее известно то, что без всякой помпы уже в январе 2021 года вышло распоряжение Европейского Приказа о том, что все бывшие собственники жилых домов и квартир, проживающие в них, имеют безусловное право на аренду их у государства, в собственность которого они перешли, по специальным ценам, равным примерно одной пятой части от рыночных. То есть имела место угроза наказания, нужная для уменьшения количества стран, собирающихся сопротивляться, то есть в конечном счете для уменьшения количества крови. Далее имело место само наказание, нужное для того, чтобы в дальнейшем угрозы Империи не воспринимались как пустые. Но когда обе эти цели были достигнуты и никакой нужды в дальнейшем утяжелении жизни для побежденных более не было, появилось вышеназванное решение о послаблении. А при получении соответствующими народами гражданских прав последовали решения Европейского Приказа о бесплатном возврате домовладений в собственность жильцам – бывшим собственникам или их наследникам. Но наиболее ярко то, что я пытаюсь доказать, проявилось в том, что, когда сербы – союзники и этнически близкие родственники русских – потребовали в январе 2020 года проведения трибунала по преступлениям против Сербии 1995—2019 годов и осуждения на нем должностных лиц США, Евросоюза и НАТО того времени – вполне, на мой взгляд, справедливое требование, – Россия ответила отказом. «Мы потерпели от них еще больше, – сказал начальник Имперского управления надзора (по-нашему, министр юстиции и генеральный прокурор) Василий Малинин, будущий император Василий V, – но мы не будем устраивать трибунала даже и по преступлениям против России. Оставим их Богу, братья. Мы не мешали вам мстить – давайте называть вещи своими именами – албанцам и косоварам, хорватам и боснийцам, поскольку понимали, что чаша терпения не беспредельна; и сами мы отомстили прибалтам, грешны. Но не будем мстить сверх меры, поскольку дело это не богоугодное – тем более что большей мести западным странам, чем та, которую они уже получили, все равно быть не может». В той же речи Малинина впервые прозвучала совершенно новая оценка Нюрнбергского трибунала 1945 года: «Не будем повторять, братья, позорища Нюрнбергского трибунала. Победитель имеет право захватить, разорить и ограбить побежденных, особенно если те напали первыми, он может и казнить их вождей. Но изображать из себя святош и учителей народов только потому, что ты оказался сильнее, есть богопротивное фарисейство, столь

любимое Западом, – и нам очень жаль, что наша страна участвовала в этом фарсе». Есть и много других примеров того, что Третья Российская Империя, в отличие от двух своих предшественниц, не считает жестокость неотъемлемой частью власти и потому не использует силу и жесткость сверх крайней необходимости.

Коль скоро речь зашла о Европейском Приказе, то следует рассказать, как он решил проблему Швейцарии. Сама эта проблема состояла в том, что к лету 2020 года вся Европа стала территорией Российской Империи – кроме Швейцарии, которая оказалась анклавом. Использовать против нее силу или угрозу силы Россия не имела никакого морального права, потому что Швейцария не была членом НАТО и соответственно никак не участвовала, во всяком случае формально, во всех внешнеполитических делах Запада, в том числе в объявлении войны России. С другой стороны, Швейцарию русские не любили – они не забыли, как швейцарцы возбуждали уголовные дела на российских официальных лиц. И вообще анклав выглядел для них, как выразился в разговоре со мной один из участников событий тех дней, «как-то неаккуратно». Помимо этого, в последние недели перед русской оккупацией в Швейцарию переправили огромное количество материальных ценностей, принадлежавших и людям, и корпорациям. Речь идет, естественно, не о деньгах – евро после присоединения к России превратились в пустые бумажки или в пустые байты информации в компьютерах, – а о драгоценных металлах и камнях, произведениях искусства, конфиденциальной технической документации и т. п., а также о целом ряде секретных архивов. В марте 2021 года Европейский Приказ, которым с момента его создания в июне 2020 года руководил упомянутый Василий Малинин, доложил императору и правительству, что он готов самостоятельно решить эту проблему, и никаких ресурсов и полномочий ему для этого не нужно. Распоряжением Приказа была введена плата за визы для швейцарцев в размере 5000 рублей за одну поездку сроком не более 5 дней, а также за пересечение границы в Швейцарию для российских резидентов в том же размере; пошлина на пересечение грузами российско-швейцарской границы в любом направлении вводилась в размере 300% реальной стоимости груза, но не менее 10 рублей за килограмм. Вводилась и плата за транзитный пролет самолетов в Швейцарию и из нее через российское воздушное пространство в размере 1500 рублей за номинальное кресло в пассажирских (но не менее 250 000 за самолет) и 10 000 рублей за номинальную тонну грузоподъемности (но не менее 250 000 за самолет). Причем все эти платы вносить полагалось только в рублях – в швейцарских франках или любой другой валюте они не принимались. Наконец, было объявлено о запрещении любых трансграничных финансовых трансакций со Швейцарией – впрочем, это уже была мера психологического характера, потому что такие трансакции запрещены в России вообще (да и технически невозможны в силу отсутствия свободной конвертируемости рубля). Таким образом, швейцарцы были отрезаны от импорта и экспорта, а на самообеспеченность их экономика рассчитана совсем не была. После полугода агонии Швейцария обратилась к России с официальном предложении о вхождении в состав Империи; соглашение было подписано осенью 2021 года, швейцарцы по нему получали все гражданские права и сохраняли все имущество. Однако сразу после вступления соглашения в силу Европейский Приказ начал глубокую комплексную проверку всех швейцарских финансовых институтов – точнее, инициировал ее и координировал работу имперских управлений финансов, надзора и безопасности. В ответ на жалобу швейцарских банков, что это противоречит духу и букве соглашения, Приказ ответил, что все они теперь российские субъекты и не должны возмущаться – ничего выходящего за рамки принятого к аналогичным российским субъектам Приказ не делает. Учитывая, что по российским законам в ходе комплексной проверки неоднократно запрашивалась и давалась санкция на проведение технодопросов, никаких шансов утаить что-либо не было; вскрылось много весьма любопытного, в том числе касающегося давно забытых дней, начиная с донаполеоновских времен. Так без единого выстрела и ареста – хотя сказать, что это было сделано в духе дружелюбия, язык не поворачивается – была решена проблема Швейцарии.

Глава 4

Новый мировой порядок

Создание Поднебесной Республики. После провозглашения Империи в мае 2020 года оставалось непонятным, что имеет в виду Гавриил под второй половиной задачи установления нового мирового порядка (напомню, что разгром и присоединение Евросоюза он назвал выполнением первой половины), а он не комментировал это. В течение лета, однако, произошли события, которые вначале никто с заявлением Гавриила не увязал, но они как раз и были прелюдией к выполнению второй половины задачи. В конце мая в Москву прибыла с официальным визитом весьма представительная делегация Китайской Народной Республики – почти все реально значимые фигуры первого ряда во главе с председателем Лю Баном, сменившим на этом посту Ху Цзиньтао за год до этого. За время визита ядро делегации дважды надолго оставалось с глазу на глаз (если можно так сказать о большой группе людей) с Гавриилом и начальниками Военного и Внешнеполитического имперских управлений России. О чем шла речь, не сообщалось, но никто особо и не интересовался – все и так примерно понимали о чем: о гарантиях ненападения на Китай, а также о том, как теперь Китаю торговать с Европой, ставшей частью России, и с суверенной, но некоторым образом зависимой от России Америкой. На самом же деле разговор, главным образом, был совсем о другом. В результате в начале июля, спустя полтора месяца, 120-тысячный китайский экспедиционный корпус, с танками, артиллерией и авиацией, без предупреждения высадился на северовосточном побережье Австралии, южнее города Маккай, и двинулся к югу, на Брисбен, Сидней, Мельбурн и Аделаиду. Уже после высадки войск (которые продолжали прибывать) Пекин объявил войну Австралии; война, впрочем, ограничилась одним сражением под Сиднеем, после чего Австралия капитулировала – иного исхода для страны с населением 19 миллионов человек и сухопутными силами численностью 30 тысяч быть не могло. Тридцатого июля КНР объявила об аннексии Австралии – таким образом, ее территория увеличилась на 80%, причем по большей части за счет незаселенных или малозаселенных земель.

Шестого августа КНР официально обратилась к Японии; в ноте говорилось о том, что падение Америки и Европы и создание гигантской Российской Империи создает в мире новую ситуацию, с новыми и не до конца понятными вызовами, и что тихоокеанская цивилизация (именно в этом документе было впервые официально использовано это понятие) должна встречать их вместе, чтобы не пропасть поодиночке. Поскольку Китай намного больше остальных, не менее уважаемых наций этой цивилизации, говорилось далее, и по населению, и по территории (особенно после присоединения Австралии), и по экономике, и по военной мощи, то разумным видится объединение путем вступления всех этих наций в состав КНР, с гарантиями учета их интересов и сохранения своеобразия. После захвата Австралии это выглядело плохо замаскированным ультиматумом, хотя опыт существования Гонконга в составе КНР после 1997 года подтверждал, что эти гарантии не пустые. Переговоры с Японией длились почти два месяца и 30 сентября завершились подписанием договора об объединении, стержнем которого была модификация все того же «гонконгского» принципа – одна страна, две системы; в данном случае он был обозначен как одна империя – две страны. После этого такие же предложения, теперь уже не поочередно, а одновременно, получили Корея, Монголия, Вьетнам, Таиланд, Камбоджа, Лаос и Филиппины. Второго ноября состоялось подписание многостороннего соглашения, а позже, уже в 2021 году, в него были включены Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея и островные государства Океании. Отсутствие сопротивления, например со стороны Японии и Вьетнама, имевшими долгий и успешный опыт войн с Китаем, имело причиной не только и не столько предрешенность итогов военного столкновения с китайским гигантом – менталитет этих наций как раз склонен к тому, чтобы воевать и погибнуть не ради победы, а ради долга и чести, – а то, что все видели, что мир неудержимо и стремительно меняется, и не находили в нем себе иного места, чем то, что предлагалось Китаем. В этом смысле китайская фраза «Чтоб не пропасть поодиночке» являлась не восточной цветистостью, а точной и нашедшей полный отклик формулировкой. Седьмого ноября 2020 года в Пекине, в присутствии руководства всех вышеупомянутых стран, была провозглашена Поднебесная Республика, существующая и поныне, – наш с вами, соотечественники, западный сосед.

Создание Американской Федерации. Российская Империя поздравила Китай и все

остальные страны – участницы соглашения и выразила полное удовлетворение тем, что все произошло именно так, а не иначе; российская делегация во главе с Гавриилом присутствовала в Пекине на церемонии. Но до этого, после захвата Австралии и направления ноты Японии, все ждали жесткой реакции со стороны Москвы; рассуждали так: ну до Австралии, понятно, России особого дела нет – где Россия и где Австралия, – хотя усиление Китая России в любом случае ни к чему. Но объединение с дальневосточными странами, особенно с экономическим гигантом Японией, создание огромной империи на своих восточных границах – этого Россия явно не позволит; и в мае, наверное, китайцы затем и ездили в Москву, чтобы объяснить свои планы и заверить Россию в своей лояльности, – но вряд ли у них это получится. Однако на самом деле все было ровно наоборот: Россия не только не была против, но выступала главным локомотивом и даже инициатором этого процесса. Мне рассказывали многие участники тех событий, что в Москве, куда китайцы прибыли по русскому приглашению, а вовсе не по своей инициативе, Гавриил с соратниками долго убеждали их создать эту империю, в противном случае они даже грозили присоединить Японию к Российской Империи. А все думали обратное, потому что никто не понимал логики российского руководства – никто, кроме моего двоюродного дедушки, в то время президента Бразилии Алвареду Бранку, который первым понял, что происходит, и увидел в этом окно возможности для нас. Он понял, еще не зная деталей и причин, что Россия почему-то хочет, чтобы мир состоял из небольшого количества огромных стран, и готова на многое ради этого. И он потратил весь август, сентябрь, октябрь и ноябрь, чтобы убедить руководителей и элиты всех латиноамериканских стран (в том числе в своей собственной Бразилии) объединиться таким же образом. Какими способами, какими аргументами ему удалось сделать это, трудно даже и представить, зная тогдашнюю взаимную неприязнь наших народов и полное отсутствие чувства общеамериканской солидарности. Единственное, что ему помогало, – это близкая дружба с президентом Мексики, в будущем третьим президентом нашей Федерации Хорхе Портильо (они были женаты на двоюродных сестрах). Тем не менее 6 декабря 2020 года двенадцатью южноамериканскими, семью центрально– и североамериканскими и четырьмя (не считая совсем мелких) карибскими странами был подписан пакт о создании Американской Федерации и ликвидации их всех как отдельных суверенных государств. Мой дедушка, который видел дальше, чем остальные, настоял на таком названии, хотя оно вызывало недоумение – большинство предлагало назвать Федерацию Латиноамериканской или Южноамериканской. Невзирая на факт подписания, вся конструкция была весьма рыхлой, не удалось договориться ни по столице, ни по разбиению на штаты; но Алвареду Бранку это не смущало, для него это был лишь первый шаг трехходовки, необходимый для совершения второго шага. В декабре он, как председатель организационного комитета Федерации, поехал в Москву, но не только и не столько для получения поздравлений (он их, впрочем, получил), а для того, чтобы предъявить России несуразное и ничем не подкрепленное, казалось бы, требование – отдать Федерации Канаду, которая была аннексирована Россией как член НАТО в ноябре 2019 года. Однако, как выяснилось, это требование было основано на точном и нетривиальном понимании ситуации. В результате Канада была передана Федерации, причем не как страна – она уже год как ею не являлась, – а просто как кусок территории России. Нет нужды говорить о том фуроре, который это произвело по возвращении Бранку домой; все вдруг поняли, что это не шутки, а Большая Игра. Но главное, то, ради чего он все это и затевал, – с ним срочно попросил встречи президент США (как оказалось, последний) Тедди Паркер. Итогом этой встречи и еще нескольких последовавших за ними, в которых участвовали все явные и теневые вершители судеб США, стала вторая поездка Бранку в Россию в феврале 2021 года.

На второй встрече с императором Гавриилом, уже в качестве старого знакомого и единомышленника, он сказал: «В вашем мирном договоре с США написано, что они не могут вступать ни в какие союзы и объединения иначе чем с вашего согласия. И досрочное, до истечения пятидесяти лет, расторжение военного договора об обороне и соответственно вывод русских войск из США также может быть лишь с вашего согласия – так отпустите их в Американскую Федерацию и расторгните досрочно военный договор, потому что Федерация

сможет сама себя защитить». – « А как мы можем быть уверены в том, что они не начнут копить научно-промышленные и военные силы для реванша?» – спросил Гавриил. «Кто это «они»? – ответил Бранку. – Конституция Федерации не предусматривает наличие в ней отдельных государств». – « Ну хорошо, будет то, что сейчас называется США, называться внутри вашей Федерации штатом или провинцией, – сказал Гавриил, – а управляться будет самостоятельно – по крайней мере в достаточной степени для того, чтобы опять стать проблемой для нас; вы же еще не определились с делением на штаты даже без учета США». – «Нет, – ответил Бранку, – вот меморандум, подписанный руководителями всех стран Нового Света перед моим отъездом: здесь согласованная Конституция, включая деление на штаты, а также столица».

Надо сказать, что этот диалог Алвареду Бранку с Гавриилом Великим, продолжавшийся несколько дней, проходил в основной части вполне публично, и все жители обеих Америк с замиранием сердца смотрели его каждый день. Латиносы и брази, которые отродясь не симпатизировали янки, изо всех сил желали им успеха переговоров и окончания иностранной оккупации. Именно в эти дни, я уверен, и родилось то чувство общности, то ощущение того, что мы все американцы, основатели и строители Нового Света, которое и сделало возможным в дальнейшем существование нашего государства. «Пусть так, – сказал Гавриил, – но что помешает американцам – я имею в виду янки – прийти к власти во всей Федерации?» – « Федерация создается как демократическое государство, с всеобщим равным избирательным правом, а янки будут составлять в нем вместе с канадцами 340 миллионов из 920, – ответил Бранку. – Значит, президент из янки сможет быть избран только голосами в том числе и испано– и португалоязычных избирателей, а для этого ему понадобится убедить их в правильности своих замыслов. А как убедить в необходимости реванша нас, которые ничего не потеряли, никогда не враждовали с Россией и ничего против нее не имеют?» – «Не знаю, – сказал Гавриил. – Мы совершили сверхусилие, чтобы добиться почти невозможного и сокрушить западную цивилизацию – и теперь своими руками возродить ее?» – « А что, разве вы возьметесь назвать испано– и португалоязычные культуры Латинской Америки частью западной цивилизации? – ответил Бранку. – А тем более при слиянии их даже не со всей западной цивилизацией, а лишь с самой здоровой ее частью, без прогнившей Европы? Уверяю вас, получится нечто совсем иное – ведь синтез всегда рождает новое». – « Но духовным-то наследником США ваша Федерация будет, – спросил Гавриил Великий, – это же видно из текста вашей конституции?» – « Ну а вот вы ведь являетесь духовным наследником Византии, – отвечал Бранку, – у вас это даже входит в ритуальную «шапку» текста любого императорского указа – значит ли это, что вы на нее хоть чем-то похожи в плане практической политики?» Видя сомнение Гавриила, Бранку выкатил свой последний козырь. «Мы находимся в двух шагах от упорядоченного мира, – сказал он, – и от вас зависит первый из этих шагов. Потому что если образуется Американская Федерация в составе всего Нового Света, то только исламский мир и Африка останутся в виде десятков отдельных разнородных государств, но судя по тому, что там происходит, и у них все образуется. А если вы откажетесь, то, может, у вас и будет сильнее ощущение безопасности – но это безопасность временная, тактическая, потому что тогда реально нашей Федерации не будет, и мы опять станем источником хаоса, поскольку ничем другим мир, состоящий из множества отдельных, небольших и разнородных государств, быть не может». – «Упорядоченный мир? – сказал Гавриил. – Да, вы правы, именно упорядоченный мир – я не смог бы сказать лучше». (Именно тогда, дорогие соотечественники, было впервые произнесено это словосочетание – а теперь, как вы знаете, всю эпоху, в которой мы живем, называют эпохой упорядоченного мира, и в этом едины все пять государств.)

Два дня совещалось правительство России, два дня мы ждали решения и узнали его на третий день: предложение Федерации принимается, Россия дает согласие на вступление США в Федерацию при условии неизменения представленного меморандума о ее структуре. Военный договор будет действовать до конца 2024 года, потому что пересматриваться может не чаще раза в пять лет, после чего будет расторгнут, и вывод российских легионов закончится к первому января 2025 года. Плата по договору на оставшиеся три года сохраняется, но треть ее Россия будет перечислять в бюджет Федерации. После завершения

процедур создания Федерации и ликвидации всех отдельных американских государств мирный договор России с США 2019 года теряет силу и заменяется договором о мире и дружбе между Российской Империей и Американской Федерацией (такой же незадолго до этого был подписан Россией с Поднебесной Республикой). Бранку вернулся триумфатором, героем в равной степени и для южно-, и для североамериканцев, и никто не сомневался в том, кто будет избран первым президентом Федерации (так оно и случилось). В соответствии с меморандумом было образовано 18 штатов – штат Канада, пять штатов на месте США (Новая Англия, Диксиленд, Мидвестленд, Плейнсленд и Пацифиция), два на месте Мексики, штат Мезоамерика на месте государств перешейка, штат Карибы и восемь южноамериканских, в том числе три на месте Бразилии, а также столичный отдельный федеральный округ Ямайка со столицей Федерации Капитолием – в 2043 году, после смерти Алвареду Бранку, он был переименован в Алвареду. Так, без единой капли крови, силой убеждения, а не убеждением силой возникло наше государство.

Создание Исламского Халифата и Индийской Конфедерации. Еще в 2017 году, в Афганистане, некий военно-религиозный лидер объявил себя Махди, то есть мессией (в исламе, как и в иудаизме, в отличие от христианства это фигура хоть и мистическая, но все же человек); его звали мулла Омар. Он был известен непримиримой борьбой за исламский фундаментализм еще со времен русско-афганской войны 1980—1988 годов, в 1990- е возглавлял фундаменталистский режим талибов, в 2000- е помогал бен Ладену организовывать террористические атаки на Америку и Европу, а в 2010- е, после многочисленных официальных объявлений американцев о его гибели, стал одним из лидеров американо-афганской войны. Он сказал, что пришел указать единоверцам верный путь («махди» дословно означает «идущий верным путем»). Путь этот заключается в том, чтобы сделать умму (то есть мировую общину) всех мусульман единой, изгнав для этого из всех исламских стран и иностранцев, и мерзких Аллаху местных правителей, воссоздать Халифат, непременно со столицей в Медине, вернуться к нормам шариата (исламского закона), очистить и мирскую жизнь, и сам ислам от всего наносного и богопротивного и, став, таким образом, угодными Аллаху и достойными творить Его волю, ожидать Его повеления распространить ислам на весь мир, а если надо, то и на иные миры. Он сказал также, что ему открыто, что пуштуны (основная этническая группа Афганистана, к которой принадлежал и он сам, – черноволосые, белокожие и сероглазые люди) есть самое воинственное и самое любимое Аллахом из племен сынов Исраила (то есть библейских евреев), племя Эфраима, всегда враждовавшее с остальными иудеями, которое волею Всевышнего вырвалось из ассирийского плена и, дойдя до Афганистана, приняло ислам. (Кстати, дорогие соотечественники, так считают и очень многие из наших ученых.) Поэтому именно пуштунам надлежит стать острием этого похода, а после его победоносного завершения в награду от Всевышнего языку пушту надлежит стать вторым священным языком Халифата. К апрелю 2019 года, перед началом Двенадцатидневной войны, он с примерно 12 тысячами оставшихся последователей был блокирован в небольшом городке в Афганистане, и существовать ему и армии Махди оставались считанные дни; но тут произошло то, в чем явно виден промысел Бога (хотя неверующие называют это совпадением). Выйдя из местной мечети, откуда он не показывался несколько дней, мулла Омар сказал, что ему явился святой дух Джибрил и передал ему слова самого пророка Мухам-мада, пребывающего на небе. «Скажи муслимам (то есть мусульманам), – сказал Он мулле Омару, – что еще не кончится священный месяц рамадан (он заканчивался в том году 12 мая), как главный ваш враг, слуга Иблиса из-за океана, будет повержен. Ибо даст Аллах правителю с севера с белыми как снег волосами непробиваемую броню, и поразит он слугу Иблиса огненным мечом, сам же будет для огненного меча неуязвим. Вы же тогда идите, и делайте что дулжно, и себя не щадите, если хотите на небеса. А почему Аллах выберет неверного, чтобы сокрушить другого неверного, – об этом знает лишь Аллах, всезнающий, мудрый». Эта речь, соотечественники, точно имела место – об этом есть не только свидетельство более тридцати тысяч (с женщинами и детьми) мусульман, но и аудио– и видеозапись, сделанная несколькими пленными западными заложниками-журналистами. Последователи Махди недоумевали, что все это значит, особенно с учетом того, что никакого правителя с белыми волосами,

могущего бросить вызов Америке, на севере не было – таковым теоретически мог являться только правитель России Гавриил, но волосы у него были каштановые. Но вот последовало начало Двенадцатидневной войны, затем сообщение о капитуляции Америки, и все замерли; а когда по спутниковому телевидению все увидели Гавриила, обращающегося к своим соотечественникам с известием о победе (за 1 мая, пока он ждал ответа Америки, Гавриил полностью поседел, и это было видно), армия Махди буквально обезумела – если бы Омар велел в этот момент своим последователям сделать харакири, все бы сделали.

Так началось победоносное движение армии Махди. В некоторых странах, в первую очередь в Пакистане, население само растерзало представителей власти и влилось в армию Махди. В других, таких как Иран и Саудовская Аравия, хотя эти страны сами были фундаменталистскими, шли долгие и кровопролитные бои – в Иране потому, что это страна шиитских мусульман (в отличие от пуштунов), а в Саудовской Аравии потому, что саудиты привыкли считать себя, живущих на земле пророка, а не иных, самой привилегированной исламской нацией. Мулла Омар тем временем сообщил, что ему открыто: весь юг ваш, и восток ваш, и омывать Халифат должны все три океана, потому что именно для этого их создал Аллах; и земля Израиля ваша – пока она часть земной тверди, она часть Халифата. В практическом смысле это означало: вперед, на Африку и на Индию, а затем на Израиль.

Африкой армия Махди завладела после почти полуторагодичных тяжелых боев – особенно ожесточенными были сражения в Нигерии и Южно-Африканской Республике; всего погибло почти два миллиона человек. Но на индийском фронте все получилось иначе: после первых двух месяцев боев, в феврале 2021 года, уже сейчас не определишь по чьей вине, стороны произвели массированные ядерные удары по расположениям друг друга, за которыми последовали новые. Конечно, это не были тяжелые термоядерные заряды, как у великих держав, – и у Индии, и у Пакистана не было ядерных боеголовок мощнее 100 килотонн; и тем не менее это была первая в истории настоящая ядерная война – бомбардировку Японии и Двенадцатидневную войну так назвать нельзя, потому что и там и там реально ядерное оружие (то есть способность нанести ядерный удар) было только у одной стороны. У меня здесь нет цели подробно освещать историю Индии или Халифата – скажу лишь, что в конце 2021 года было подписано перемирие, а затем мирный договор между ними. Именно подписание этого договора считается датой создания Исламского Халифата и Индийской Конфедерации (куда кроме собственно Индийской Республики вошли захваченные ею Непал, Бангладеш, Шри-Ланка и Бирма). Теологическим обоснованием для этого послужило решение совета улемов Халифата, который постановил, что повеление завоевывать Индию было следствием неверной трактовки послания небес: после захвата Африки Халифат и так омывается тремя океанами – Тихим в Индонезии, Индийским в Восточной Африке, Аравии и Пакистане и Атлантическим в Западной Африке. В чем-то похожая ситуация, как вы сейчас увидите, сложилась и с Израилем.

Когда начался обмен ядерными ударами на индо-пакистанском фронте, руководство Израиля поняло, что рассчитывать на фактор ядерного сдерживания ему не приходится, потому что армия Махди его не боится. Вообще Израиль был в очень сложном положении, являвшемся в большой степени плодом его собственной политики. Дело в том, что сразу после создания государства Израиль оно стало объектом полного неприятия и, как следствие, повторяющихся агрессий со стороны гораздо больших как государства соседних арабских стран, которые к тому же вскоре начали поддерживаться Второй Российской Империей. Те не понимали, почему компенсацию евреям за преступления европейцев надо осуществлять за счет арабов, которые ничего евреям не сделали; но правы они были или нет, их позиция была для Израиля объективной реальностью. Очевидно, с позиций многотысячелетнего опыта человечества, что в такой ситуации есть лишь два выхода: первый – это пытаться каким-либо образом помириться с соседями. А второй – стать государством, соразмерным с ними, завоевав для этого у них достаточно большую территорию, и либо ассимилировать тамошнее население (если оно ассимилируется), либо изгнать его и заселить территорию кем-то другим. Я не обсуждаю здесь практическую реализуемость этих вариантов, я говорю лишь о том, что третьего варианта нет: третий вариант – это проиграть и исчезнуть. Израиль выбрал наихудшую для себя линию – он постоянно воевал с соседями, часто начиная

первым, и захватывал у них территории, достаточно большие, чтобы озлобить их окончательно (особенно с учетом того, что ему всегда сильно помогали США), но недостаточно большие, чтобы самому стать крупной страной, стратегически способной к противостоянию с арабами. Однако при этом Израиль все-таки поддерживал количественно и качественно значимую военную мощь – но с 1990-х годов он даже этим стал пренебрегать, всецело положившись на своего гаранта, США; забыл, видимо, что любой гарант плох тем, что у него самого могут появиться проблемы. В результате исчезновения США как международной силы Израиль оказался к началу 2021 года один на один с армией Махди, то есть в катастрофическом положении. Естественно, Израиль предпринял единственное, что ему еще оставалось, – обратился к России с просьбой принять его в состав Империи. России это было совершенно не нужно – ни в геополитическом, ни в экономическом, ни в цивилизационном смысле (у православных в отличие от католиков вопрос физического обладания Святой землей малозначим); зато это гарантированно грозило затяжным военным конфликтом с Халифатом и возрождением в России еврейского вопроса. К тому же в России евреев традиционно недолюбливали.

Почти все в Империи были против этого территориального приобретения, но Гавриил после многих встреч за закрытыми дверями тем не менее решил принять предложение Израиля. Все, с кем я разговаривал, утверждали, что реальная причина для этого была одна, и достаточно парадоксальная: Гавриил хотел гарантированно обеспечить России постоянную вражду и регулярные военные столкновения с Халифатом на долгие годы вперед. Во-первых, он считал, что большие войны еще будут, и не одна, и опричники должны быть всегда в идеальной боевой форме – а где ее взять без опыта настоящих боев? А во-вторых, он считал, что общество того типа, которое он строил и построил, со служилым сословием и милитаристской этикой во главе, нуждается для самосохранения в постоянных войнах низкого уровня интенсивности – примерно как у наших индейцев до прихода европейцев. Четко сформулировал это преемник Гавриила Михаил III: « Большая война – зло, но полный мир – зло ненамного меньшее».

Бои в Израиле (точнее, в основном вокруг него – в Иордании, Сирии и Египте) между русскими войсками, которым в качестве вспомогательных помогали израильские, и армией Махди продолжались с марта по ноябрь 2021 года, и в их ходе погибло 47 тысяч русских, 22 тысячи израильских и 187 тысяч халифатских солдат. Закончилось противостояние тем, что русские войска, захватив почти всю территорию Иордании и Синайский полуостров, заложили специальным образом вдоль всего фронта ядерные фугасы и взорвали их, получив циклопический ров шириной несколько километров, соединивший Средиземное море с Красным, – Израиль с Синаем и Иорданией превратился в огромный остров. Тот же совет улемов Халифата, который постановил и обосновал примирение с Индией, увидел в этом явное вмешательство Аллаха, потому что в пророчестве было сказано: « Пока Израиль является частью земной тверди» – а он ею теперь не являлся. Поэтому в январе 2022 года было подписано мирное соглашение Халифата с Российской Империей, по которому остров Израиль признавался частью Империи, взамен чего Халифат получал от России Таджикистан и Узбекистан (без Каракалпакии – небольшой северной автономии), а также право беспрепятственно разобрать и вывезти мечеть Аль-Акса и другие исламские святыни Иерусалима. Интересно, что еврейские фундаменталистские лидеры Израиля – их возглавлял Игаль Амир, убивший в 1997 году премьер-министра Рабина за предательство национальных интересов и вышедший из тюрьмы лишь после падения Америки, – также сочли это исполнением древнего пророчества, так как в Ветхом Завете сказано о будущей земле Израиля: от реки египетской (то есть как бы от Нила) до реки великой, реки Евфрат. Евфрат действительно стало видно с восточного берега острова, а «реку египетскую», как оказалось, следовало точнее перевести с древнееврейского как « поток египетский» – а в качестве такового вполне можно было трактовать Суэцкий канал, который был виден с западного берега острова. Остров Израиль стал последним крупным территориальным приобретением России.

Эпоха упорядоченного мира. В мае 2022 года по приглашению Российской Империи состоялась встреча руководителей всех пяти стран, из которых теперь состоял весь мир. Это

произошло на острове Святой Елены в Южной Атлантике, принадлежавшем Российской Империи. Американскую Федерацию представлял президент Алвареду Бранку, Индийскую Конфедерацию – премьер-министр Пурун Дасс, Исламский Халифат – халиф Махди Омар iii, Поднебесную Республику – председатель Лю Бан и Российскую Империю – император Гавриил i. Ни одной населенной территории, даже малого острова, вне этих пяти государств в мире более не существовало.

Перед встречей были закончены и приведены в порядок некоторые относительно мелкие территориальные вопросы, остающиеся между странами, а именно: Российская Империя отдала Американской Федерации остров Аруба, Французскую Гвиану и Мальвинские острова в обмен на те из малых Антильских островов (кроме Тринидада), что не были по состоянию на 2019 год владениями Великобритании и Франции – те и так уже принадлежали России как их наследство. Поднебесная Республика передала Российской Империи за денежную компенсацию полосу гористой территории шириной 100—200 километров, соединяющую Россию в районе Киргизии с Индией, – Поднебесная не хотела граничить с Халифатом в районе Пакистана, а Россия хотела иметь границу с Индией; а Халифат передал Поднебесной, тоже за компенсацию, ряд спорных островов в Южно-Китайском и Целебесском морях. Все это делалось в спешке, потому что первым пунктом повестки дня стороны провозгласили эпоху упорядоченного мира (как вы помните, этот термин придумал мой дедушка президент Бранку) и всеми своими подписями утвердили мир в составе пяти стран в тех границах, которые сложились на тот момент и в основном соответствуют нынешним. Вторым пунктом стороны разделили Мировой океан и определили границы водных владений каждой из пяти стран, так что понятия нейтральных вод более не осталось, а также порядок транзитного мореплавания – прохода судов страны из одной части своих водных владений в другую, если эти две части разделены океанскими владениями другой страны. Третьим пунктом стороны разделили Антарктиду – точнее, все стороны, кроме России, поскольку она не имеет выхода в Южное полушарие (зато ей принадлежит большая часть Арктики). Четвертым пунктом стороны определили порядок объявления своей собственностью территорий на Луне и Марсе (далее этот же принцип с модификациями был распространен на все остальные небесные тела). Наконец, пятым пунктом стороны договорились о порядке созыва аналогичных встреч в будущем и определили для этого остров Святой Елены, который для этих целей предоставила Россия и на котором разместились небольшие представительства (с дипломатическим персоналом, тысячей солдат и одним боевым кораблем) каждой из сторон. Эти встречи, как вы знаете, называются ныне Всемирным Форумом пяти держав Святой Елены и происходят в плановом порядке раз в три года, а также могут созываться внепланово по инициативе любой из стран при каких-то чрезвычайных обстоятельствах. На них принимаются соглашения по вопросам, в которых все пять государств кровно заинтересованы и при этом явно не могут решать их самостоятельно (например, все связанное с глобальным климатом); но круг таких вопросов ныне гораздо более узок, чем в эпоху национальных государств. К ним, в частности, не относятся никакие торгово-экономические вопросы – это явно предмет двусторонних отношений. И уж совсем невозможно представить в наши дни международные организации типа ЮНЕСКО, ВТО или МОТ, составлявшие костяк мирового порядка в прежние времена.

После этого участники, не испытывавшие друг к другу никаких теплых чувств (может быть, за исключением Гавриила и Бранку), разъехались. Никаких общемировых органов, даже совещательных, не создавалось, никакие вопросы, кроме упомянутых, не обсуждались и обсуждаться не собирались – торжествовал принцип «какое мне дело до всех до вас, а вам до меня». Каждое государство столь велико и столь радикально отличается от других как цивилизация, что является самодостаточным и столь сильну, что никто ни с кем не хочет связываться, да и незачем, – это и есть главный принцип упорядоченного мира в отличие от эпохи разобщенности, когда одно государство становилось ареной столкновения интересов второго и третьего. Вот что имел в виду Гавриил, говоря о второй части задачи создания нового мирового порядка – и Россия ее выполнила.

Последним событием, которое привело мир в его нынешнее состояние (особенно оно

важно для нас с вами, дорогие соотечественники) стал Исход Римско-католической церкви. Когда в 2019 году большая часть Европы, в том числе Италия и соответственно Ватикан, оказались в составе России, то по российским законам статус католической церкви должен был быть резко повышен. Дело в том, что в России статус разных религий, в основном в плане прав на публичную проповедь и прозелитизм, отличается по двум критериям: с 1998 года по тому, насколько религия является для России традиционной, и с 2013 года по тому, где находится ее организационный и духовный центр – в России или в другой стране. Естественно, католицизм в России был ущемлен по обоим критериям, особенно по второму – но когда Ватикан и католические страны Европы стали частью России, то основания для дискриминации по обоим критериям исчезли. Даже если бы российские власти объявили первый критерий применимым к новым землям лишь после обретения ими гражданских прав – что такое для Ватикана подождать восемь лет? Но эти радужные ожидания сильно осложнились тем, что Россия отказывалась вообще считать Ватикан (как все другие микрогосударства Европы) отдельной страной и никакого договора, даже о капитуляции, с ним подписывать не собиралась (как и с Монако, Лихтенштейном и другими). Более того, в первый же день ввода войск в Италию была выставлена российская охрана (по сути, стража) во всех зданиях Ватикана, а все сотрудники вплоть до кардиналов обязывались дать подписку о том, что ни один документ и вообще предмет не будет спрятан от российских властей или уничтожен. Как и в случае с Америкой, Россия считала первостепенной задачей найти секретные документы, свидетельствующие о тайном заговоре против нее; на протяжении ряда лет после этого такие документы публиковались официальной властью. (Хотя один очень близкий соратник Гавриила рассказал мне, что на самом деле Гавриил искал в первую очередь не это, а следы реальных связей с дьяволом, которого считал, как правители Средневековья, абсолютной реальностью и своим личным врагом.) Все эти горькие пилюли не очень-то скрашивались повышением статуса католицизма в России – во-первых, потому что это было лишь повышением до второй после официального православия ступени, а во-вторых, потому что повышением это было для России, а для Европы – понижением. Находящееся на духовном подъеме (а на организационном тем более) православие начало широкую проповедь в Европе, и многие стали переходить в него, в том числе и те, кто ранее вообще не был воцерковлен; никто не мешал в отличие от былых времен и прозелитизму католицизма в России, в том числе в ее исторической части, – но в сложившейся ситуации успешным он быть не мог. В начале 2023 года Папой стал Павел VII, считавший, что Церковь находится в критическом состоянии, лечить которое можно лишь радикальными средствами, как в период Реформации при Павле III – он считал себя его духовным преемником. И вот в 2024 году на созванном им V Ватиканском соборе Павел VII сказал: « Нам выпало жить на собственных похоронах, братья, среди злорадствующих могильщиков и безразличных зрителей; и не в нас дело и не в наших переживаниях, а в том, чту мы ответим на Суде первому Римскому епископу, святому Петру, когда засвидетельствует он перед самим Христом, что начатое им мы не смогли продолжить; чем оправдаемся? А ведь есть место, где не только нас много и нас не гонят и у мирской власти наши братья-католики, но где нас становится все больше, и не ради земных благ, а ради жизни вечной; так вперед, братья, за океан, ибо не там Церковь, где ходил святой Петр, а там, где Христос – а Он там, где двое и трое во имя Его».

Действительно, поражение США и образование Федерации привели не только к резкому усилению веры Христовой в и без того довольно ревностных католических странах Латинской Америки, но и к массовому переходу в католицизм протестантов и атеистов Северной Америки. И вот в 2025 году состоялся переезд Ватикана в Новый Ватикан, на остров Аруба, который стал называться Нуэво-Рома. То, что этот остров был забран Федерацией у Империи в последний момент, было сочтено промыслом Божьим (именно это событие мы ежегодно отмечаем в праздник Торжества Католицизма). Россия была нескрываемо удовлетворена этим, помимо других причин, потому, что католицизм опять становился религией с центром за границей; и на радостях дала согласие на вывоз практически всех сокровищ Римско-католической церкви (за исключением лишь некоторых, например мощей святого Николая в г. Бари), включая весь комплекс зданий собора Святого

Петра, в котором (уже в Новом Ватикане) многие из нас бывали, – впрочем, его реплика воссоздана русскими на прежнем месте как культурно-историческая ценность. Как результат, произошло дальнейшее ослабление католицизма в России и усиление его у нас; так произошло окончательное разделение двух христианских цивилизаций – на православную российскую и католическую американскую, придавшее стройность и законченность конструкции упорядоченного мира.

Глава 5

Новейшая история России

Смерть Гавриила Великого. После избрания нового императора в конце 2030 года (сам Гавриил отказался даже обсуждать возможность продолжения своего правления, равно как и свое мнение по поводу преемника) Гавриил полностью удалился от дел и уединенно (он к тому времени овдовел) жил в своем загородном доме. В июле 2032 года, когда ему исполнилось 70 лет, он дал телевизионное интервью – последнее из весьма немногочисленных интервью, что он дал за всю жизнь (теми его знаменитыми речами, о которых я рассказывал выше, перечень его публичных выступлений практически исчерпывался). «Мы знаем вашу нелюбовь к интервью и очень благодарны вам за то, что вы пошли навстречу сотням миллионов телезрителей», – начала беседу ведущая. «Я никому не иду навстречу, я просто хочу перед смертью подвести итог этой своей жизни», – ответил Гавриил. (Христианская вера у опричников, к которым принадлежал и Гавриил, имеет одну особенность по сравнению с другими верующими – они верят в многократное возвращение души для следующих жизней в новых телах; я еще буду писать в главе о религии, как это соотносится с православными догматами.) « Как « перед смертью»? – опешила ведущая. – Зачем вам умирать?» – «А что же мне, вечно тут торчать? – удивился Гавриил. – В Писании сказано: три по двадцать и десять лет отпущено человеку – я их прожил и сделал все, что был должен, и мне нечего здесь больше делать, я хочу домой, к своим. (Когда Гавриил говорил «домой, к своим», он явно имел в виду очевидную для любого христианина вещь, что Бог создал человека для Неба, и именно там его истинный дом, где его ждут почившие близкие, – но поняли эту фразу, как вы вскоре поймете, совсем иначе.) К тому же я создал опричнину, – продолжил Гавриил, – это мое любимое детище, и я хочу прожить следующую жизнь опричником». – « Что значит « нечего делать»? Разве вы не можете отдохнуть после таких трудов и достижений, просто пожить? И что значит «прожить опричником» – разве вы не опричник?» – «Просто пожил я уже больше полутора лет, – сказал Гавриил, – сколько можно? А опричник из меня какой? В армии я никогда не служил, совершенной боевой машиной не являюсь, имею имущество, пусть и со старых времен, – вот хоть этот дом; я даже вроде как на пенсии нахожусь, где вы мне рекомендуете побыть подольше, – а ведь опричники служат до смерти, пенсии у них нет. Да, я принес обеты и стал опричником вместе с первым выпуском, иначе по мною же созданной Конституции я не смог бы продолжать быть правителем, и никто не возражал, потому что я это все и придумал и ввел, – но следующую жизнь я хочу прожить как настоящий опричник. Провести детство, чувствуя себя чужим среди сверстников, зная, что ты иной; дождаться пятнадцатилетия и, не откладывая ни на день и не предупреждая родных, уйти в пункт; отслужить и принести обеты; и жить, не будучи связанным ни обществом, ни семьей, ни имуществом, как волкодав среди стада овец, пока не сложишь голову за свою страну». – «Но как вы сможете покончить с собой, вы же верующий, а для православного это смертный грех?» – спросила ведущая. « Кто сказал, что я хочу совершить самоубийство? – был ответ. – После конца этой нашей беседы моя миссия будет закончена, и Господь Сам заберет меня». – «Что же такого важного в этом нашем интервью? Вы хотите подвести итог жизни, но разве есть хоть один человек в нашей стране или вообще в мире, кто не знает и не понимает, что вы сделали?» – «Все вы не понимаете, что мы вместе сделали, – сказал Гавриил. – Вспомните, в начале 2000- х годов многие старцы, явно имеющие от Бога провидческий дар, предсказывали, что наступают последние времена и считанные годы остались до пришествия Антихриста и конца света, а ныне никто не говорит об этом – что же, они все ошиблись? А если так, как тогда объясните, что и Спаситель во время Своей земной жизни говорил Своим ученикам, что многие из них еще в этой земной жизни увидят Царствие Небесное – мог ли Он тоже ошибаться? Особенно если учесть, что Даниил, просто Божий пророк, а не воплотившийся Сын Божий, за шесть веков предсказал год разрушения второго храма в Иерусалиме, который в его время еще и не начал строиться?» – «И вы что, знаете объяснение?» – спросила журналистка. «Да, знаю, – ответил Гавриил. – Бог дал людям свободу воли, и поэтому будущего нет, есть только его варианты – его нет даже для Бога. Ему ничего не стоит сделать так, чтобы реализовался любой из этих вариантов, но Он не так и не для того создал Землю с людьми. Иудеи в основном не приняли Христа – и сбылось пророченное Даниилом. А если бы приняли, то пророчество бы не исполнилось и храм бы стоял поныне, это было в их власти. А с другой стороны, ведь

многие иудеи Спасителя приняли, даже и не видевшие Его, – не лучший ли пример тому святой апостол Павел; и даже многие язычники приняли, чего никто не ожидал. Спаситель видел, что люди, за которых Он пришел пострадать, недостойны; но они нашли в себе силы показать, что они не столь недостойны, и потому не наступил конец света в первом веке». – «А что же тогда пророчества?» – спросила ведущая. «Пророк видит от Бога лишь самый вероятный вариант, – ответил Гавриил, – который и должен быть – но люди всегда могут, напряжением всех сил, сойти с тропы вероятности и отменить пророченное. Это как с молитвой: все знают, что молитва праведника спасает людей и народы; значит, если бы этой молитвы не было, они не были бы спасены – таков был промысел о них, если бы не вмешался молитвенник. Так вот, к нынешнему моменту конец света должен был уже наступить, западные глобализаторы уверенно вели мир к пришествию Антихриста, а отменившее веру Христову либерально-гуманистическое мировосприятие лишило человечество защиты от этого. Но мы сошли сами, и свернули мир с этой тропы, и сумели отменить предначертанное – потому что оказались достойнее, чем должны были оказаться. Вдумайтесь, мы не просто изменили мировую историю – мы вернули ее миру: мы отодвинули конец света! И пусть наполняет это вас и ваших потомков гордостью и пусть задает ориентиры того, кем вы можете и должны быть, – не пристало быть вам и вашим потомкам злодеями или шутами. И не думайте, что это сделал я, не создавайте себе кумира – это сделали все мы; не вздумайте меня канонизировать под страхом моего проклятия, потому что канонизировать надо мучеников и праведников, а не правителей, даже успешных. Если же будете называть улицы или города в мою память – лучше не надо, но все равно ведь будете, – так хотя бы не переименовывайте те, у кого древние названия, потому что это грех». На этом беседа закончилась, а на следующее утро Гавриила нашли мертвым в своей кровати без всяких видимых причин смерти.

Так умер этот самый великий человек нашего века, показавший всем нам – не только русским, – какой бывает и должна быть истинная Сила, та, которая от Бога, сила без страха и сомнений, но и без злобы и жестокости. Если про кого-то в истории можно сказать, что он пришел на Землю с миссией, причем миссией не проповеди или жертвы, а силы и власти, то это про него. Он был как пущенная стрела, летящая к цели: а что делать стреле после того, как цель поражена? В его память восточную столицу России переименовали из Красноярска в Гавриловск, а небольшой городок в Поволжье, где он родился, – в Гаврилоград. На созванном специально для этого съезде немецкого народа было решено, вопреки воле покойного, переименовать Кенигсберг в Габриэлсберг, а на таком же съезде сербского народа – переименовать город Новый Сад в Гаврилов, и еще через год жители Крыма добились переименования города Симферополя в Гаврилополь. А в 2037 году Гавриловском было названо первое российское поселение городского типа на Марсе – так что теперь в Российской Империи два Гавриловска, правда на разных планетах. Императорским указом Михаила III Гавриила предписывалось именовать Великим, под каковым именем мы его теперь и знаем, а также ввести платиновую монету самого высшего достоинства с его портретом (см. главу «Экономика»). Был введен высший орден, присуждаемый за особые заслуги перед Империей, – орден Гавриила Великого, а также высшая творческая премия Империи за особые достижения в науках и искусствах – Гавриловская (см. главу «Культура»). День его рождения 26 июля, он же день собора архангела Гавриила (по нынешнему юлианскому календарю 13 июля), стал общегосударственным праздником – Гавриловым днем. А уж улиц и площадей, кораблей и планетолетов, названных в его честь, так и вовсе не сосчитать. Его не канонизировали не потому, что таково было его завещание – его бы непременно нарушили, – а потому, что после его предсмертного интервью более 80% русских были уверены и уверены поныне, что это сам архангел Гавриил воплотился на Земле с миссией от Бога; и все говорили, что понятно, мол, почему он велел не канонизировать себя: как можно канонизировать архангела? Интересно, что и мусульмане – и российские, и многие из халифатских – также считают его святым духом Джибрилом – и именно этим объясняют то, почему Аллах поручил ему, а не мусульманину повергнуть США.

Даже у евреев образовалось и набрало силу течение (правда, объявляемое многими раввинами ересью), последователи которого видели в Гаврииле Машиаха, то есть мессию,

который исполнил многое из обещанного Богом – а остальное будет исполнено перед вселенским шабатом (концом света). И то, что он не из рода Давидова и вообще не еврей, не противоречит пророчествам именно потому, что он вообще не человек, а малах (то есть ангел) Габриэль, «сила Божья». Так это все или не так, судить не нам, но то, что это не был обычный, пусть даже и весьма одаренный и удачливый человек, совершенно очевидно.

Правление Михаила III. Император Михаил III (2030– 2040) – то же имя носил царь московский и всея Руси Михаил I Кроткий (1613—1645) и президент СССР Михаил II Меченый (1985—1991), – урожденный Михаил Величко, родился в 1985 году в городе Севастополе, в семье военного моряка. По национальности он был украинцем, но, как я уже отмечал, в соответствии с Конституцией 2013 года украинский народ считается частью русского, и соответственно национальности «украинец» больше нет – это русский. В 1991 году его отец отказался принять украинскую присягу и вскоре погиб при странных обстоятельствах; Михаил III до конца жизни был уверен (истину за давностью уже не узнать), что он был убит украинскими националистами. Естественно, он ненавидел их, как и независимое украинское государство в целом, всеми фибрами души и уже в 2005 году вступил в антиукраинское подполье в Крыму. Он активно участвовал в подготовке восстания 2008 года, дважды был арестован Службой безопасности Украины и дважды бежал. Во время восстания отряд под его командованием неоднократно вступал в огневые столкновения. К марту 2008 года он перебрался в Донецк и вскоре вступил в прибывающую Российскую армию. В великопостном противостоянии он уже участвовал как сержант Российских вооруженных сил. Далее он участвовал во многих эпизодах первой экспансии, а также воевал в Чечне с сепаратистами. В 2013 году, когда была введена опричнина, ему исполнилось 28 лет и он был капитаном – закончил экстерном военное училище. Однако, не раздумывая ни секунды, он записался в опричники и безропотно заново отслужил пять лет вместе с новичками, закончив корпус воинов. Он был командиром дружины (батальона, по-нашему) в легионе, вступившем в бой в Чикаго в мае 2019 года. После подписания мирного договора с США упросил перевести его обратно в Старый Свет, поближе к намечавшимся войнам. На русско-польско-украинской войне он командовал полком и первым ворвался во Львов, а позже в Краков; русско-турецкую войну он начал уже командиром рати. Отличившись в бою за Карс, он под Эр-зерумом заменил убитого командира корпуса, а конец войны встретил уже командующим всем турецким воинством, проявив себя не только в качестве удалого воина (хотя это необычайно ценится у опричников), но и дальновидного политика. В 2021 году он командовал восточно-израильским воинством в войне за остров Израиль, а после окончания войны стал начальником Имперского военного управления. В 2026 году, через восемь лет воинской службы, он был, как и положено (сейчас этот срок составляет десять лет), переведен в другую сферу и стал уполномоченным Имперского управления безопасности в Галиции; через два года был переведен в Англию. В период предвыборной кампании 2029 года не считался фаворитом, сильно уступая Борису Фетисову, но после того, как тот снял свою кандидатуру, был избран 76,7% тех, кто имел право голоса.

Пока правил Гавриил, покоренные народы Европы, а тем более народы исторической России не бунтовали – он действовал на них как удав на кролика; но стоило ему умереть, как в 2033 году началось польско-английское восстание. Его полное подавление (включая последующие зачистки) заняло более полутора лет. В этих обстоятельствах Михаил III был наилучшим с точки зрения российских интересов правителем – как вследствие своей неумолимости и личной ненависти к польскому и украинскому национализму, так и вследствие личного знания этих территорий. Не колеблясь, Михаил выселил из Галиции все население (за исключением православных русских), расселив его небольшими порциями по Турции, Сербии и Германии (я использую старые названия этих территорий); вместе с тем по отношению к другим бунтующим территориям он поступил совсем иначе, используя принципы «кнута и пряника» и «разделяй и властвуй». В 2035 году, вскоре после завершения зачисток, населению Англии и Польши (а заодно и Ирландии) были предоставлены гражданские права – хотя речи об этом не было даже до начала восстания. Михаил считал, что пугать после подавления восстания (и войн 2019—2020 годов) их уже не надо, а принятый им указ снимет у замиренных народов чувство бесперспективности

существования. Населению Центральной Украины (так называемой Малороссии) гражданские права были предоставлены еще в 2031 году. В 2037-м их получили и выселенные галичане, а также литовцы – таким образом, при Михаиле все население Империи, кроме пораженных в правах в индивидуальном порядке по решению суда, стало гражданами. В 2034 году на территории исторических Чечни и Дагестана также вспыхнуло восстание, перешедшее в третью кавказскую войну (первая имела место в середине XIX, а вторая – в конце XX – начале XXI века); она продолжалась до 2036 года, приведя к огромному количеству жертв среди гражданского населения (не только кавказцев, но и погибших в террористических актах в российских городах), и, хотя выселений по ее результатам не было, на большей части Кавказа было введено военное положение, отмененное только в конце 2039 года. Больше национальных восстаний в России не было по сию пору, зато в 2037 году по исторической России прокатилась волна массовых беспорядков и акций гражданского неповиновения с требованиями либерализации режима, практически переросшая в революцию. Михаил III отказался даже разговаривать с представителями восставших и жестоко подавил выступления силой. Погибло почти 20 тысяч человек, и еще 47 тысяч были арестованы и подверглись различным наказаниям. Хорошо это или плохо, но больше за прошедшие 16 лет никаких выступлений не было. В 2038 году на Россию напал Халифат в районе острова Израиль – началась вторая русско-халифатская война (2038—2039), продолжавшаяся почти год и не принесшая никаких результатов нападавшим (кроме почти 100 тысяч погибших). В результате Михаил III по характеру своего правления получил прозвище Усмиритель.

Важным результатом правления Михаила III явилось начало реальной экспансии Российской Империи в космос. Как известно, Россия первой осуществила высадку людей на Марсе еще в 2016 году – но это была демонстративная и в какой-то мере научная экспедиция, типа высадки американцев на Луне в 1969 году. А в середине 20-х годов были начаты работы по созданию больших космических кораблей с ядерным приводом, грузоподъемностью 10 000 тонн и крейсерской скоростью 200 километров в секунду – русские планировали сделать их основным инструментом освоения внутренних планет Солнечной системы. При Михаиле эти работы были форсированы, и в 2034 году первые два корабля начали пробные полеты, а в 2035-м отправились на Марс с целью создания первого реального поселения (для реализации этой задачи им приходилось летать туда постоянно в челночном режиме). В результате Гавриловск, первый город на Марсе и вообще вне Земли, был отстроен к 2037 году и стал не только прорывом в программе освоения Марса, но и Солнечной системы в целом.

Правление Василия V. Император Василий V (2040– 2050) – то же имя носили три великих князя московских и царь московский и всея Руси Василий IV Шуйский (1606– 1610), – урожденный Василий Малинин, родился в 1983 году в городе Санкт-Петербурге, в семье промышленного руководителя (позднее – крупного бизнесмена). В 2004 году он закончил юридический факультет Петербургского университета и вопреки совету отца пошел на работу в прокуратуру. Там он настолько отличился в расследовании ряда дел, связанных с коррупцией, и, в частности, зарекомендовал себя как человек, настолько не поддающийся ни угрозам, ни подкупу, что в 2006 году, после начала реформ Владимира II, его перевели в Генеральную прокуратуру в Москве. Здесь он участвовал во многих делах периода борьбы с олигархами и уже в должности следователя по особо важным делам осуществлял расследования в Восточной Украине, Казахстане и Абхазии в 2007—2009 годах. В 2013 году, когда была введена опричнина, ему было 30 лет и он занимал должность начальника главного управления в Генеральной прокуратуре России – тем не менее, через несколько недель после ее официального введения, он записался в опричники и окончил корпус правителей в 2018 году. Он был начальником Российского (с 2020 года – Имперского) управления надзора (то есть генеральным прокурором) и в этом качестве участвовал во второй экспансии; однако летом 2020 года по собственной просьбе был переведен на должность начальника Европейского Приказа. В 2028 году он перешел на должность начальника Имперского управления хозяйства, а в 2035-м – начальника Имперского управления инфраструктуры. Им был успешно разработан и проведен комплекс мер,

направленных на изменение территориального распределения экономических и финансовых центров в Империи, включая программу ускоренного развития ряда мегаполисов, а также начата программа так называемого утепления, которую он осуществил в полной мере уже императором (избран в 2039 году).

Именно эта программа явилась главным итогом правления Василия V, за что он и получил прозвище Строитель. Она была принципиально разработана еще в 10-х годах и предусматривала углубление дна северных российских морей, от Баренцева до Восточно-Сибирского, в полосе шириной до 800 километров – по сути, это означало создание огромного «оврага» на дне этих морей. Предполагалось, что огибающее Скандинавию теплое течение Гольфстрим пойдет не к Северному полюсу, как это имело место, поскольку оно не могло пройти через мелководье этих морей, а по образовавшемуся «оврагу» и, таким образом, будет отделять тепловой завесой Сибирь от Северного Ледовитого океана. Василий потратил почти пятнадцать лет на осуществление этого проекта, но к концу его правления он был завершен – сейчас лишь обсуждается вопрос, не продлить ли «овраг» до Чукотки. В результате климат Сибири радикально улучшился, и сейчас это в подавляющей части годный для заселения край. Надо полагать, что на сегодняшний день это самое выдающееся строительное достижение человечества за всю его историю – перед ним блекнет даже наш Транскарибский подводный тоннель, соединивший штат Диксиленд и северную часть страны со штатом Венесуэла и южной частью, а также с островами штата Карибы и федеральным столичным округом Ямайка. При Василии также было создано полтора десятка поселений на Марсе, Луне и спутниках Юпитера – освоение Солнечной системы стало частью большой экономики. При нем имела место агрессия Халифата и, как следствие, третья русско-халифатская война (2044—2045), происходившая сразу на четырех фронтах – израильском, турецком, азербайджанском и казахском; невзирая на тяжелые бои и большое количество жертв – 110 тысяч русских и 400 тысяч исламистов, – она закончилась ничем, что, впрочем, было в пользу русских: им от Халифата ничего нужно и не было. При нем, как раз сразу после завершения войны, произошло грандиозное многодневное празднование 9 мая – одновременно 100-летия победы над Германией и 25-летия основания Третьей Империи.

Правление Владимира III. Император Владимир iii (2050 – по настоящее время) – то же имя носили правитель СССР Владимир i Иуда (1917—1923) и президент Российской Федерации и Российского Союза Владимир ii Восстановитель (2000—2012), – урожденный Вальдемар Шванке, родился в 2008 году в городе Гамбурге, в семье зубного врача. В то время когда Америка начала Двенадцатидневную войну против России, а Германия отказалась в ней участвовать и вскоре стала союзником России, ему было 11 лет, а во время войн второй экспансии и учреждения Третьей Империи – 12. Он бредил Россией и выучил русский еще до того, как его начали преподавать в рамках программы ассимиляции. В 2023 году, когда ему исполнилось 15 лет, он прямо в день рождения, не придя даже к приготовленному для него праздничному столу, уехал в ближайший пункт в город Бремен и записался в опричники. Он крестился в православную веру и стал русским, пройдя процедуру породнения, хотя как немец он мог бы этого не делать. В 2031 году он окончил корпус стражей, после чего участвовал в качестве секретного агента в подавлении польско-английского восстания, во второй и третьей русско-халифатских войнах. В 2045 году он организовал и сам возглавил рейд в Алеппо, где исламисты хранили приобретенные ими у Поднебесной боеголовки с антивеществом, не нейтрализуемые «русским щитом». Боеголовки были взорваны, а город стерт с лица земли. Во время операции Владимир попал в плен и был привезен в Исламабад для публичной казни, однако сумел бежать, уничтожив вместе с четырьмя друзьями более 700 солдат противника. Четыре месяца он пробирался к России через Халифат, оставляя за собой кровавый след, и вышел к границе уже после победы. В результате он оказался единственным в истории опричнины человеком, кто прошел через Триумфальную арку за одну войну дважды: и живым – после своего возвращения, и мертвым – на параде по случаю окончания войны как пропавший без вести. В 2045 году он возглавил службу контрразведки Имперского управления безопасности, а в 2048 году стал начальником этого управления. На этих должностях им было раскрыто и обезврежено несколько крупных шпионских сетей

Халифата и Поднебесной и предотвращен гигантский террористический акт в Санкт-Петербурге. В 2049 году он был избран императором. По поводу его деятельности в качестве императора я писать не буду, так как он им является ныне и будет являться еще шесть лет, и мне не хотелось бы ставить наше Министерство иностранных дел в неловкое положение; к тому же, как говорят русские, «цыплят по осени считают» – сейчас ничего и не скажешь. Тем более что та часть книги, которую вы сейчас дочитываете, дорогие соотечественники, называется «История России» – а то, что происходит сейчас, историей еще не является.

* * *

Какие выводы можно сделать, глядя из наших дней, с высоты птичьего полета на историю России? Не исчерпывающие, конечно, – об этом можно написать толстый том, и он будет лишь введением в тему, – а основные. Всех больше всего интересует, как могла в начале века Россия, уже проигравшая мировую Большую Игру и полностью деморализованная, в столь сжатые сроки возродиться великой и самодостаточной державой? Бывали, конечно, и раньше такие случаи – например, древнее Вавилонское царство возродилось Новым Вавилонским царством после трехсот лет порабощения ассирийцами. Но все равно в случае с Россией это очень странно. Я прочел у одного древнеримского автора такую апологию рабства: если раб раньше был свободным, то он, конечно, ничем не отличался тогда от другого свободного; но побывав рабом, он теряет способность быть свободным, даже если его особо не мучили. Так же, наверное, и с целыми народами, а русский народ явно потерял свою свободу в 1990-х годах – так как же он нашел силы стать свободным, в первую очередь внутренне? Можно сказать, что России неслыханно повезло с Владимиром Восстановителем и Гавриилом Великим – да, это бесспорно; но почему же ей не везло до этого, когда во главе страны ничтожества или предатели сменяли один другого? Возникает ощущение, что просто пришло время, – и возникает оно не только по оценкам событий последних десятилетий. Я четко вижу, что волны русской истории однозначно коррелируют со сменой периодов воли периодами общенационального безволия. Последнюю такую смену мы с вами наблюдали совсем недавно – когда полный паралич воли 1988—2005 годов сменился триумфом воли 2006—2022 годов. Почему случается именно так, я не знаю, но то, что воля имеет особую значимость в России, есть факт – не случайно в русском слово «воля» означает и «решимость», и «свобода» (то есть наши will и freedom в русском – одно слово). И я даю совет моим будущим читателям, если таковые будут: ссорьтесь с Россией только в период ее безволия.

ЧАСТЬ II

РОССИЯ СЕГОДНЯ

I. ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Глава 1

География и народонаселение

Территория. Российская Империя – страна средних размеров с относительно небольшим, в сравнении с остальными державами, населением. Площадь ее сухопутной территории – около 30 миллионов квадратных километров, то есть несколько более пятой части земной суши; это сильно уступает нашей Федерации и Халифату (примерно по 43 миллионов кв. км), но существенно превосходит Поднебесную (около 24 миллионов кв. км) и особенно Индию (8 миллионов кв. км) (все площади даны без территорий вне Земли, но с учетом Антарктиды). Российская Империя занимает большую часть евразийского материка, а именно его западную, северную, восточную и центральную части – всё, кроме юго-запада (часть Халифата), юга (Индия) и юго-востока (часть Поднебесной). С запада (в России принято перечисление с запада на восток или с запада по окружности против часовой стрелки) Россию омывает Атлантический океан. В нем ее владения простираются на запад до меридиана 37° западной долготы (водная граница с нашей Федерацией) и на юг до 36- й параллели (водная граница с Халифатом); граница вдоль 37- го меридиана огибает Гренландию с запада, так что Гренландское море принадлежит России. На юго-западо-западе проходит сложной формы водная граница с Халифатом по Средиземному и Красному морям – по проливам Гибралтар, Тунисский (вокруг острова Сицилия) и Рукотворный (вокруг острова Израиль); на юго-западе – сухопутная граница с Халифатом по южному краю Константинопольской и Закавказской митрополий (поскольку в России нет штатов или провинций, части страны обозначаются по православным митрополиям). На юге граница с Халифатом проходит по южной части Каспийского моря и далее по южному краю Каспийско-Аральской и Казахской митрополий. Затем идет небольшой участок сухопутной границы с Индией по Кашгарскому коридору, далее на юго-востоке – сухопутная граница с Поднебесной по восточному краю Казахской и южным краям Сибирской, Забайкальской и Приморской митрополий и морская граница с ней же – по проливам, отделяющим российские острова Сахалин и Кунашир от поднебесных островов Хоккайдо, Шикотан и Хабомаи. С востока Россию омывает Тихий океан, ее владения в нем – севернее 43- й параллели (водная граница с Поднебесной) и на восток от побережья до меридиана 168? западной долготы (водная граница с нами). С севера Россию омывает Северный Ледовитый океан, большей своей частью ей и принадлежащий (по большей дуге между 37° западной долготы и 168? западной долготы). По Антарктическому договору 2022 года владений в Антарктиде у России нет, так как у нее нет владений в примыкающей части какого-либо из океанов. Таким образом, на глобусе Россия выглядит как сектор с вершиной на Северном полюсе, занимающий значительную часть Северного полушария; как поется в известной русской песне, «от Москвы до самых до окраин, / от норвежских до израильских широт». Самая западная точка континентальной части – мыс Рока (на котором находится город Лиссабон), самая южная – мыс Марроки, также на Пиренейском полуострове, самая восточная – мыс Дежнева на Чукотке и самая северная – мыс Челюскин на Таймыре. Разница в часовых поясах между крайними точками в континентальной части составляет 13 часов, а с учетом водной – еще больше. Из-за вытянутости в широтном направлении над Российской Империей поистине никогда не заходит солнце – причем в отличие от бывшей Британской империи даже над континентальной частью, без учета заморских владений. Таковые владения, а именно острова, помимо находящихся в собственных океанских границах, есть у России в океанских владениях других стран – они принадлежали завоеванным странам Евросоюза или были выменяны. Заморские территории России на нынешний момент следующие: Наветренные Антильские острова (кроме Тринидада) – в наших владениях; острова Мадейра, Канарские и Маскаренские (Реюньон и Маврикий) – во владениях Халифата; Новая Каледония и Французская Полинезия – во владениях Поднебесной. К слову, эти небольшие территории играют довольно важную роль – они находятся в тропиках, и поэтому те, кто могут это себе позволить, ездят туда отдыхать на море зимой и весной, не выезжая за пределы России (летом и ранней осенью к морю в России ездят на черноморское и средиземноморское побережье, а поздней осенью – на красноморское); для автаркичной экономики и такой же общей идеологии русских это существенно.

Горы и острова. Гор в России много, и расположены они удивительно удачно: практически все находятся по краям Империи, а основная часть страны представляет собой

гигантскую Евразийскую равнину. Основные горные массивы следующие: Пиренеи в Иберийской митрополии, Скандинавские горы – в Балтийской, Альпы – в Центрально-Европейской, Латинской и Баварско-Баденской, Малоазиатское нагорье – в Константинопольской и Закавказской, Кавказ – в Аланской, Тянь-Шань, Памир и Джунгарское Алатау – в Казахской, Алтай и Саяны – в Сибирской, Алдано-Становой массив – в Забайкальской и Черско-Верхоянский хребет – в Магаданской. На самуй Евразийской равнине есть лишь Карпаты, Уральские горы и СреднеСибирское плоскогорье, но эти горные области невысоки, особенно последние две, так что путешественник, очутившись там, не сразу и поймет, что он в горах.

После реализации программы «утепления» при императоре Василии V вся эта равнина оказалась годна для нормальной жизни (климатические условия на сбмом побережье Северного Ледовитого океана примерно такие же, как у нас на севере штата Плейнсленд или на юге штата Канада, – может быть, чуть холоднее). При этом большая ее часть, простирающаяся более чем на 6000 километров с запада на восток и более чем на 2000 с севера на юг, до сих пор очень мало заселена. Наверное, это последнее такое место на Земле – разве что в результате глобальных или искусственных климатических изменений станут более теплыми центральная и северная части нашего штата Канада или более влажными африканские пустыни в Халифате.

Самый крупный остров в России – Гренландия (он же и самый большой в мире), его площадь 2130 тыс. кв. км; в хозяйственной жизни он почти не используется, так же как и наша Баффинова Земля и другие большие арктические острова, но по мере потепления климата его роль явно будет усиливаться – в этом смысле он компенсирует России отсутствие доли в территории Антарктиды. Помимо Гренландии, самые большие острова России, имеющие площадь свыше 20 тысяч кв. км, следующие: Британия (230 тысяч), Израиль (148 тысяч), Исландия (103 тысячи), Ирландия (84 тысячи), Новая Земля (83 тысячи), Сахалин (77 тысяч), Шпицберген (62 тысячи), Новосибирские острова (38 тысяч), Северная Земля (37 тысяч), Сицилия (25 тысяч) и Сардиния (24 тысячи).

Водоемы. В России много рек, и, хотя таких, как наша Амазонка, среди них нет, есть вполне соизмеримые по размерам с Миссисипи или Ориноко. Самые большие реки: Рейн, Дунай, Днепр, Дон, Волга, Урал, Печора, Обь, Иртыщ, Енисей, Оленек, Лена и Колыма; как поется в российском шлягере, «Россия, что любим все мы / от Рейна и до Колымы». Очень большой является река Амур, но ее нельзя считать чисто российской – по ее середине проходит граница с Поднебесной. Самые большие озера России: Венерн в Балтийской митрополии, Чудское, Ладожское и Онежское – в Петербургской, Ван – в Анатолийской, Аральское море – в Каспийско-Аральской, Балхаш и Иссык-Куль – в Казахской и Байкал – в Забайкальской; самое большое озеро мира, Каспийское море, принадлежит России более чем на 80%.

Интересна история Аральского моря: оно принадлежало России в период Первой и Второй Империй, до 1991 года; не принадлежало ей между 1991 и 2007 годами, в период между вторым Смутным временем и первой экспансией (тогда принадлежало Казахстану и Узбекистану); а с 2007 до 2020 года ей принадлежала лишь северная, казахская, часть. Полное владение им России закрепилось в российско-халифатском договоре 2022 года, по которому к России отошла северная оконечность Узбекистана, Каракалпакия, которая и занимает южное побережье Аральского моря. Так вот, еще в конце Второй Империи, и особенно в период между 1991 и 2020 годами, это море постигла малоизвестная у нас страшная экологическая катастрофа: из-за резкого сокращения стока рек Амударьи и Сырдарьи (вся вода забиралась на ирригацию) оно практически пересохло – уровень упал на много метров, берега отошли вглубь на десятки километров, вода стала слишком соленой и непригодной для жизни. В 2026 году Имперским управлением территорий была утверждена и в 2027—2033 годах реализована программа реанимации Арала – русские прорыли канал Иртыш—Арал и повернули часть стока этой реки на юг, а также соединили Арал протокой с Каспийским морем; в результате сейчас Арал – я там был и могу засвидетельствовать – стал райским уголком.

Возвращаясь к озерам России: правильно было бы считать солеными озерами и два моря,

Балтийское и Черное (последнее вместе с Азовским), поскольку они находятся полностью внутри российских земель и соединяются с океаном лишь узкими проливами, Каттегатом и Босфором, – но ведь и наше Онтарио выходит в океан через реку Святого Лаврентия и тем не менее считается озером.

Моря (кроме тех, что суть озера), омывающие Россию и отделяющие ее от открытого океана, следующие: Бискайский залив, Средиземное с о своими заливами (Тирренским, Адриатическим, Ионическим), Красное на юге острова Израиль, Японское, Охотское, Берингово, Чукотское, Восточно-Сибирское, Лаптевых, Карское, Баренцево, Белое, Норвежское и Северное; остров Гренландию омывает Гренландское море. Бискайский залив и вообще Атлантика соединяется со Средиземным морем гигантским (более 2 км шириной) Гароннским каналом, построенным в 2031 году специально для возможности переброски военно-морских сил между Атлантическим и Средиземноморским театрами военных действий, на случай блокирования Гибралтарского пролива.

Города. Россия достаточно урбанизированная страна, в ней много больших городов, хотя и нет таких гигантов, как Сан-Паулу или Мехико (в чем им, соотечественники, можно только позавидовать). Интересно, что самый большой город России – это ее столица, Москва (12 млн человек); это отличает ее и от Поднебесной и Индии, где столицы Пекин и Дели крупные, но не самые большие города этих стран (самые большие – Шанхай и Мумбаи), и от нас и Халифата, где столицы, города Алвареду и Медина, даже не относятся к крупным. Другие российские города, имеющие население свыше 3 миллионов человек, следующие: Константинополь (11 млн), Санкт-Петербург (8 млн), Берлин (6 млн), Лондон (5,5 млн), Алма-Ата (4 млн), Анкара (4 млн), Киев (4 млн), Новосибирск (4 млн), Владивосток (4 млн), Казань (3,5 млн), Самара (3,5 млн), Нижний Новгород (3 млн), Екатеринбург (3 млн) и Хабаровск (3 млн). В Российской Империи пять столиц: центральная столица Москва, северная столица Санкт-Петербург, западная столица Берлин, южная столица Алма-Ата и восточная столица Гавриловск (бывший Красноярск – его население 1,8 млн). Реально это означает, во-первых, что часть имперских управлений (министерств, по-нашему) постоянно располагается в них, а не в Москве, а именно: Имперское управление финансов и Имперское управление культуры, а также Центральный банк и Земская Дума – в северной столице, Имперское военное управление и Имперское управление хозяйства, а также Высший Имперский суд – в западной, Имперское внешнеполитическое управление и Имперское управление границ, а также Конституционный суд – в южной, Имперское управление территорий и Имперское управление инфраструктуры, а также Высший Земский суд – в восточной; в Москве постоянно располагаются Имперское управление безопасности, Имперское управление контроля, Имперское управление воспитания, Имперское управление справедливости и Общая имперская канцелярия. Во-вторых, император со своей администрацией, а также правительство с премьером и аппаратом поочередно проводят по несколько месяцев в разных столицах (в Москве, конечно, больше, чем в других): наиболее жаркое время – в основном в восточной и северной, а наиболее холодное – в южной и западной. Естественно, это было бы невозможно без особой системы транспортного сообщения между этими городами, причем дублированной: каждые полчаса летают челночные авиарейсы, причем на всех маршрутах, кроме Москва – Санкт-Петербург, – сверхзвуковые, так что полет из любой столицы в другую не занимает более полутора часов, а из аэропортов до правительственных центров столиц пассажиров челнока доставляют вертолеты или антигравы за 15—20 минут. Есть, кроме этого, естественно, и сообщение скоростными поездами и экранолетами, но это в основном для туристов или всякого рода деловых людей, потому что между Москвой, Санкт-Петербургом и Берлином такие поездки занимают 2—3 часа, а до Алма-Аты и Гавриловска – 6—8 часов; зато там совсем другой уровень комфорта.

В России есть понятие «имперские города» – это обычно мегаполисы, но далеко не все мегаполисы являются имперскими городами. Статус имперского города означает, что по вопросам общей архитектуры и планировки города, а также ряду других решения принимаются не только органами власти мегаполиса (городского земства, по российским терминам, – см. далее), но также представителем Империи (он называется имперский

инспектор), причем его слово является решающим. На практике это приводит к тому, что в центрах этих городов появляются (или сохраняются и усиливаются) грандиозно-помпезные элементы, которые в архитектуре так и принято называть – имперским стилем. Это огромные здания, не несущие коммерческих функций (музеи Империи, залы Славы и т. п.), причем не то чтобы уж какие-то совсем большие (Пан-Американ Плаза в Хьюстоне, например, во много раз больше), но спроектированные так, чтобы производить на людей подавляющее впечатление; огромные монументы патриотического или милитаристского содержания; гигантские пустые площади с огромными ступенями, колоннами и прочим в том же духе, от которых отходят прямые и неестественно широкие проспекты. В Москве две такие площади – одна находится рядом с историческими Кремлем и Красной площадью и имеет название Манежная по находящемуся с одной ее стороны зданию с 16-метровыми потолками, так называемому Манежу, в котором расположен зал Славы России, – а с другой она ограничена очень красивым старинным зданием гостиницы «Метрополь», где я жил; на ней стоит ряд огромных монументов, называемый аллея Правителей России. И Берсеневская площадь, через реку от храма Христа Спасителя (который сам является образчиком имперского стиля), сделанная в виде древнеримского форума с колоннадой и циклопическим зданием Музея Империи, где расположена огромная стела Побед, от которой отходит широченный Якиманский проспект. Примерно такие же по духу сооружения находятся во всех имперских городах; там и только там проводятся военные парады, торжественные шествия и т. п., и каждый раз после очередной победы, когда войска проходят через Триумфальную арку в Москве, они после этого проходят через Триумфальные арки во многих имперских городах. Туда несоизмеримо чаще приезжают и выступают высшие должностные лица Империи, включая императора, именно там расположены государственные университеты, а также вообще именно там проводится основная часть общероссийских мероприятий (имеется в виду государственных). Взамен на ограничение муниципальной власти и другие неудобства (например, именно в этих городах или рядом с ними находятся места постоянной дислокации легионов, кроме передовых) Империя дает бюджетам этих городов существенные субвенции, а также полный приоритет в размещении государственных заказов и инвестиций – например, при строительстве новых научных институтов или клинических центров; поэтому большинство крупных городов мечтают стать имперскими (этот статус получается исключительно добровольно, при взаимном согласии имперских и земских властей). Имперскими городами являются, кроме столиц: Гамбург, Мюнхен, Вена, Белград, Минск, Киев, Донецк, Воронеж, Нижний Новгород, Самара, Ростов, Казань, Уфа, Екатеринбург, Астана, Новосибирск и Хабаровск.

В России также есть так называемые опричные города – по сути, уменьшенная версия имперских: эти города не обязательно большие, но их население по тем или иным причинам имеет явно выраженный имперский дух, обычно в силу давнего расположения там объектов вооруженных сил или военной промышленности. Я сам был в одном таком городе, называемом Северодвинск. К ним относится, в числе прочих, большинство крупных городов исторической России (бывшей Российской Федерации).

Демография. Население Российской Империи составляет 922 миллиона человек – по этому показателю Россия уступает нам (1,011 миллиарда), а тем более Индии (1,67 миллиарда), Поднебесной (1,94 миллиарда) и Халифату (2,033 миллиарда). Чистый прирост населения России (то есть без учета иммигрантов) в 2007—2020 годах составлял около 1% в год, и социологические исследования показывают, что почти таким он остался у русского народа (без учета его увеличения за счет породненных) и после установления Третьей Империи, как и у других народов бывшего Российского Союза. У европейских же народов, в странах Евросоюза, прирост в то время составлял 0,2—0,7%, но и то исключительно за счет мигрантов из третьего мира – чистый прирост был нулевым или слабоотрицательным (после Великого кризиса 2010—2014 годов он стал чисто отрицательным), а после вхождения всех стран Евросоюза в Российскую Империю еще уменьшился. Видимо, причиной этого являлась национальная деморализация, потому что две европейские нации, ставшие народами-союзниками, немцы и сербы, у которых раньше была точно такая же демография, резко прибавили в темпах прироста и примерно соответствуют русскому народу по этому

показателю. Из других народов Европы, имеющих существенно положительный прирост, следует отметить турок. В результате наложения этих разнонаправленных процессов у разных народов, а также того, что смертность от старости после появления противовозрастной терапии упала до нуля и останется такой еще лет пятнадцать, общий прирост населения Российской Империи без учета иммиграции составляет в наше время около 1%, а с ее учетом – 1,1% в год.

В отличие от нашей Федерации, где есть всего три основные национальные группы – латиносы, брази и янки (причем первые две не сильно отличаются по культуре от третьей, а между собой почти не различаются вовсе), – Россия очень многонациональная страна, и населяющие ее народы весьма разнятся между собой. У нас, конечно, тоже есть, например, итальянцы – и в бразильских штатах, и в североамериканских, – но это их происхождение, а по национальности (и, как следствие, по культуре) они соответственно брази или янки и таковыми себя и ощущают. В России же разные народы в большой степени остаются не ассимилированными, и неизвестно, сольются ли они когда-нибудь вообще. Часть серьезных мыслителей (в первую очередь школа неоевразийцев, основанная в начале века известным русским философом Дугиным) считает, что было бы лучше, чтобы этого не происходило вовсе, потому что разнообразие внутри единства есть источник развития. Больше всего, разумеется, в Российской Империи русских – их по последней переписи 409 миллионов, то есть чуть менее половины населения (44,3%). Я прочитал очень интересную докторскую диссертацию, где автор сумел проанализировать, сколько из них русских по крови (264 миллиона) и сколько «породненных» и их потомков (145 миллионов). (Сложность такого анализа в том, что официальная статистика не то что не ведет такого учета, но имперский закон прямо запрещает под угрозой сурового наказания как-либо различать «природных» и «породненных» русских – к научным исследованиям это, конечно, не относится.) По российскому закону любому гражданину по его желанию могут поставить в паспорте не только национальность (это обязательная графа), но и так называемое происхождение – в смысле не место рождения, а народность внутри нации; для русских это может быть: малороссы, белорусы и так далее, в том числе казаки – на последних стоит остановиться подробнее. Изначально казаки – это люди вне закона, жившие на ничейной земле на границах державы, то есть синоним слова «разбойники» (есть даже старинная детская игра «казаки-разбойники»); впоследствии – специфическое сословие в Первой Империи, несущее военно-полицейскую повинность в обмен на ряд сословных привилегий. В период Второй Империи они были объектами гонений, особенно вначале, при Владимире Иуде, поскольку не принимали сатанинского государства и боролись с ним с оружием в руках. Начиная со второго Смутного времени началось их возрождение, но в странном виде, поскольку не было понятно, что это – национальность (но в официальном перечне такой национальности не существовало), сословие (но сословий в те времена не было), род занятий (какой?) или что-то еще? Точка была поставлена Имперским законом 2024 года «О национальностях», в котором было, в частности, сказано: казаки – это происхождение, то есть подраздел национальности, внутри русского народа, что и нашло отражение в вышеописанном порядке. Для казаков разрешено, также сугубо по желанию, указывать происхождение более детально; таким образом, если человек хочет, графа «национальность» в его паспорте может выглядеть, например, так: *русский (из терских казаков)*.

Второй и по численности, и по значимости народ Империи – немцы, их 91 миллион (включая австрийцев); это народ-союзник, то есть помимо прочего его представители могут вступать в опричники, если хотят, без процедуры породнения. Немцы, таким образом, могут без породнения занимать любые посты в государстве, включая императорский, – правда, нынешний император Владимир III, немец по крови, в молодости предпочел эту процедуру все-таки пройти и стать русским. Немцев много среди опричников, около 19%, при том что среди населения в целом их только 9,9%; помимо этого, их очень много среди гражданской администрации и полиции (не опричников), среди промышленников всех категорий – инженеров, управляющих и предпринимателей, среди ученых, а также среди ведущих литераторов и драматургов – и немецко-, и русскоязычных. Значимость немецкого народа не ограничивается, однако, самими немцами и их вкладом во все сферы жизни: немецкий язык

является основным языком межнационального общения к западу от бывших Польши и Чехии, то есть во всей Центральной и Западной Европе – а там проживает треть населения Империи. Это связано с тем, что исторически проживающие там народы имеют языки, построенные на латинской письменности, как и немецкий, и вообще относятся с ним к одной группе – им проще общаться на немецком. В практике это выглядит так, что все надписи, от названия улиц до текстов меню, там не на двух, а на трех языках, и местное население хотя с грехом пополам изъяснится с вами и по-русски, но по-немецки сделает это гораздо бойчее.

Немцы на 76% православные, на 19% лютеране, и лишь менее 5% – католики, хотя до 2020 года они были католиками на треть и лютеранами – на две трети. Их историческая родина составляет Германский экзархат (это проявление уважения к народу-союзнику – кроме Германского, есть только Сербский экзархат), куда входят митрополии Рейнланд (включает бывшую Голландию), Пруссия и Баден-Бавария. Немцы, однако, живут не только на территории Германского экзархата – на самом деле их там живет не более 60 миллионов, а остальные живут по всей Империи, но особенно в России (имеется в виду исторической): в Поволжье, на Урале, в Сибири и, конечно, во всех столицах и имперских городах. При этом в отличие от многих других народов они редко селятся слободами, а свободно живут среди русских. Это связано с тем, что отношение немцев и русских друг к другу на бытовом уровне весьма дружелюбное: например, среди русских считается модным вставлять в разговор немецкие слова, а среди немцев, особенно в самом Германском экзархате, – носить нарукавные повязки или значки с руническими буквами DRR – Dritte Russische Reich, Третья Российская Империя. Многие немцы любят вместо этого расшифровывать это сокращение как Deutsche-Russische Reich, то есть Немецко-Российская Империя, и власти с этим не борются.

Это нетривиально с учетом всех жестокостей Великой Отечественной войны – но русские не злопамятны, а немцы как нация вполне раскаялись в содеянном. На уровне простых людей это выглядит следующим образом: если на братчине (см. ниже) рядом сидят за столом русский и немец и разговор за пивом и водкой у них пойдет о политике, то о временах Гитлера русский, скорее всего, скажет так: «Все вы делали тогда правильно – и нацию сплачивали, и против затхлого духа общеевропейского супермаркета правильно поднялись, – только на нас зря полезли: об нас, брат, кто хочешь зубы сломает! И евреев зачем убивали, и цыган, и увечных – вы что, Бога не боитесь? А так пошли бы вместе на Европу – и глядишь, раздавили бы их на сто лет раньше». И немец, скорее всего, согласится. В общем и целом между русскими и немцами есть какая-то общность, которую я затрудняюсь точно сформулировать, хотя по национальному характеру и темпераменту они весьма разные. Не случайно министр иностранных дел Третьего рейха Риббентроп, после визита в СССР в 1939 году, когда русские и немцы еще были не врагами, написал: «В течение всего времени в Кремле меня не покидало ощущение, что я дома, в кругу старых партийных товарищей». Объяснить это лишь сходством режимов нельзя – тем более что они были вовсе не так уж сходны. В общем, ближайшими союзниками и друзьями русские именно с немцами стали явно не случайно: скорее всего, дело в одинаковом отношении русских и немцев к идее империи – не Российской Империи, а империи как таковой. И те и другие относятся к империи как к чему-то, без чего жизнь – и общественная, и в большой степени индивидуальная – теряет смысл. Это отношение даже нельзя назвать положительным в обычном смысле этого слова: не скажешь же, что у людей положительное отношение к воздуху – просто без него нет жизни. И как выяснилось, немцам оказалось не так уж и важно, что империя эта не германская, а российская – империя тем и отличается от национального государства, что этническая принадлежность быстро перестает играть в ней значимую роль, как это и произошло, пользуясь русской терминологией, в Первом и Втором Риме. Понять, как это соотносится с конституционной доктриной русского национализма (здесь на самом деле нет противоречия), означает сделать огромный шаг к пониманию сути России.

Третий по размеру народ России – турки, их 78 миллионов; их станет 87 миллионов, если положительно закончатся идущие уже около девяти лет переговоры турок с азербайджанцами о признании тех и других одним народом (азербайджанцы крайне близки туркам в этническом и языковом плане, но религиозно всегда являлись в отличие от турок шиитами –

но ныне большинство мусульман в обеих странах относится к равилитам). Турки довольно широко расселены по Империи – за пределами Константинопольской митрополии (то есть исторической Турции) их постоянно проживает более 20 миллионов человек (в самой Константинопольской митрополии живет около 18 миллионов нетурок из других частей России). Турки хорошие предприниматели, они очень широко представлены в разном бизнесе по всей Империи, в том числе крупном; при этом в строительстве, легкой промышленности и многих отраслях торговли они доминируют. Остальные народы, имеющие численность свыше 5 миллионов человек, следующие: французы, в том числе валлоны бывшей Бельгии (39 миллионов), итальянцы (30 миллионов), англичане (28,6 миллиона), поляки (27,4 миллиона), испанцы (24,9 миллиона), индусы – обобщенное название всех иммигрантов из Индии (24,3 миллиона), румыны – вместе с молдаванами, с которыми они объединились на бухарестском съезде 2034 года (18,1 миллиона), фламандцы бывших Голландии и Бельгии (15,2 миллиона), сербы (13,8 миллиона), китайцы (10,3 миллиона), евреи (9,3 миллиона), азербайджанцы (8,9 миллиона), казахи (8,7 миллиона), татары (8,6 миллиона), шведы (7,5 миллиона), венгры (7,2 миллиона), галичане (7,1 миллиона), португальцы (7 миллионов), киргизы (6,9 миллиона), греки (6,6 миллиона), чехи (5,7 миллиона) и швейцарцы (5 миллионов).

Сербы, являясь народом-союзником, составляют значительную часть в служилом (4,1%) и особенно духовном сословии (9,7%) – при том что их доля в населении в целом лишь 1,4%. Кроме того, как и немцы, они весьма заметны в русскоязычных литературе и кинематографе. Не менее трети их общего количества проживает за пределами Сербии. Евреи весьма заметны в бизнесе, в частности в финансовом, ювелирном и торговом (особенно в торговле с нашей Федерацией – там они доминируют), а также в шоу-бизнесе, музыке, медицине и науке; за пределами острова Израиль их живет по всей России около 3,3 миллиона из 9,3 миллиона. Казахи, народ-союзник, известны как талантливые организаторы: при том что среди опричников в целом их всего 1,4% (при 0,93% от численности населения), в опричном корпусе правителей, занимающемся гражданской администрацией, их около 6%. Кроме того, по всей Империи их много в сфере крупной промышленности, особенно сырьевой и полуфабрикатной, а также в финансах, причем и как владельцев, и как менеджеров. Другой народ-союзник, татары, самый старый из них (они живут с русскими в одном государстве около 500 лет), очень сильно представлен в служилом сословии, причем не только количественно (их там 5,1% при 0,93% от населения), но и качественно – многие герои и крупные руководители из опричников по национальности татары. Помимо этого, Казань является общероссийским центром равилитского ислама, а сам Равиль Идиатуллин был татарином.

Из народов с численностью менее 5 миллионов значимую роль играют два остальных народа-союзника, башкорты (2,1 миллиона) и аланы, иначе называемые осетинами (1,1 миллиона), – их представителей немало среди элит, и властных и деловых, грузины (4,9 миллиона), которые заметны в литературе и особенно кинематографе, и армяне (4,2 миллиона) – их много во всех видах бизнеса и торговли. Остальные из перечисленных выше народов – да простят меня соотечественники за недостаток политкорректности – крайне мало заметны в жизни Российской Империи; то есть они не занимают особо значимых позиций в хозяйственной, общественно-политической или духовной жизни России в целом и малозаметны за пределами традиционных мест своего проживания (как правило, и вовсе там не селятся). Конечно, это не означает, что эти места не дали лидирующих фирм в определенных отраслях экономики и что нет крупных предпринимателей среди представителей этих народов – это все есть. Равно это не означает, что бельгийские пластмассы или французская одежда, чешское пиво или итальянское оборудование перестали быть лучшими в Империи. Но когда проезжаешь по этим местам, то, несмотря на зримое процветание, не покидает ощущение, что попал в глубокую провинцию – особенно по сравнению с русскими, немецкими или некоторыми тюркскими регионами. И такое ощущение, что чем дальше, тем это сильнее – потому что доля русских и народов-союзников в общем населении Империи растет, причем довольно быстро (к этому приводит и их прирост, и убыль остальных), и то же относится к их весу и заметности в общероссийской

жизни. Экстраполировать можете сами.

Верования. По Конституции Россия – православная страна, причем в соответствии с конституционной доктриной национализма (см. далее) это положение не зависит от того, какую часть от населения составляют русские или вообще православные. И это не абстракция: в 2020 году, после установления Империи и принятия в окончательном виде Конституции, русских (включая малороссов и белорусов) было около 190 миллионов человек из 832 миллионов, населяющих Империю, то есть около 23%. Других православных наций – сербов, румын, молдаван, греков, болгар и грузин – было еще 65 миллионов; то есть традиционно православных народов было всего лишь около 31% от общего населения Империи. За прошедшие 34 года, однако, ситуация изменилась в результате трех процессов: во-первых, численность русских (по крови) растет, в то время как численность почти всех других народов уменьшалась и продолжает уменьшаться. Во-вторых, значительное количество людей прошло процедуру породнения и стало, таким образом, русскими (а принятие православия является необходимым элементом породнения). И в-третьих, многие принимали православие и без перехода в русскую нацию – особенно католики после исхода Ватикана в Американскую Федерацию и мусульмане-турки после побед России в трех русско-халифатских войнах, а также народы-союзники, в первую очередь немцы и казахи. В итоге сейчас православных (крещенных в православие, а не просто принадлежащих к соответствующей нации) в Империи чуть больше 590 миллионов, то есть около 64% всего населения. Сколько из них реально воцерковленных (по православному канону это значит исповедующихся и причащающихся не реже раза в год), точно неизвестно, но Русская православная церковь дает оценку в 30% от числа крещеных, что достаточно много для наших дней – я не думаю, что у нас в Федерации есть столько активно церковных людей. С точки зрения иллюстрации динамики демографических и религиозных процессов интересна сегодняшняя доля в общем населении России традиционно православных народов (включая долю православных среди немцев): она составляет ныне 56,7% – сравните ее с вышеприведенной цифрой 31% для 2020 года.

Считается, что вторая по числу верующих религия в России – католицизм. Традиционно католических народов, включая грекокатоликов, в Империи 187 миллионов человек (20%). Кроме того, католиками считают себя 4 миллиона немцев и 2 миллиона швейцарцев – но не менее 50 миллионов человек из этих народов стали православными, да и воцерковленных среди католиков не так уж много; поэтому более реалистична цифра 14%.

Третья христианская религия – протестантизм (в России всех протестантов называют «лютеране»): общая численность народов, оставшихся в основном протестантскими, около 64 миллионов (англичане, фламандцы, шведы, датчане, норвежцы и финны), и православных среди них немного. Протестантами называют себя также 12 миллионов немцев и 2 миллиона швейцарцев, а также 2 миллиона русских – таким образом, общая численность протестантов в Империи около 80 миллионов человек (около 8,7% населения), но сколько из них реально воцерковленных, сказать невозможно (у протестантов даже не совсем понятно, что вообще под этим понимать).

Еще одна христианская религия – монофизитство, представленное армяно-григорианской церковью. К ней относятся только армяне (чуть более 4 миллионов человек – 0,45% населения).

Исламских народов в России 121 миллион человек, но из них не менее 15 миллионов православных (в их числе 9 миллионов турок, 4 миллиона казахов и по 1 миллиону татар и киргизов) – таким образом, верхнюю планку численности мусульман можно считать равной 106 миллионам (11,4%). Мусульман в России могло быть намного больше, и исламский фактор мог бы оказаться гораздо более значимым, поскольку по состоянию на 2020 год в Европе проживало, помимо турок, 24 миллиона мусульман, в основном арабов и пакистанцев (не считая 7 миллионов на территории нынешнего острова Израиль), причем эта община отличалась склонностью к исламскому фундаментализму и высокими темпами прироста населения. Однако в 2023 году был издан императорский указ «О выселении ряда народов», по которому многие некоренные народы Европы и Израиля были принудительно депортированы в Халифат. Это было сделано в отношении именно мусульман, и то не всех –

поэтому никто не трогал, например, выходцев из Вест-Индии и даже мусульман-индийцев, отличавшихся спокойствием и лояльностью к новой родине (или мусульман-друзов в Израиле). Русские власти пытались соблюсти при этом определенную гуманность – каждый депортируемый, включая детей, получал в порядке компенсации 200 граммов золота (примерно 4000 наших долларов), треть которого можно было вывезти, а на оставшееся приобрести товары и вывезти их. В качестве альтернативы им разрешалось остаться в Империи, пройдя процедуру породнения (то есть став русским), но с проверкой искренности путем технодопроса, чего обычно не делается, – и при выявлении неискренности человек не только не оставался в России, но и терял право на компенсацию. Но в общем это был довольно жестокий шаг, породивший массу человеческих трагедий, поскольку многие арабы и пакистанцы жили в Европе уже даже не во втором, а в третьем поколении – а палестинцы в Израиле так просто испокон века. Однако надо признать, что с позиции спокойствия в Империи он себя полностью оправдал, и лицемерить русским при этом не пришлось, поскольку их националистической идеологии (в отличие от космополитически-либеральной европейской) такие действия нисколько не противоречат.

Пятой религией в России является буддизм, его исповедуют около 30 миллионов человек (3,3%), эта община представлена примерно половиной проживающих в России иммигрантов-китайцев, половиной иммигрантов-индусов, бурятами, калмыками, а также отдельными людьми из русских и европейцев.

Шестая конфессия – иудаизм – представлена примерно 9,3 миллионами евреев (1% общего населения); почти все этнические евреи Империи иудейского вероисповедания. Это связано с тем, что практически все евреи, принимающие православие, предпочитают пройти породнение и, таким образом, начинают считаться русскими.

Другие религии не подпадают под российские критерии «традиционности» и вследствие этого для государства как бы не существуют, хотя и не запрещены.

Глава 2

Сословная структура

Главный элемент общественного устройства Российской Империи, без которого ее невозможно представить, один из краеугольных камней конституционной реформы Гавриила Великого 2013 года, – сословность. При том что само слово «сословие» вряд ли покажется кому-либо из вас, дорогие соотечественники, вовсе не знакомым, очень трудно дать определение, что же это такое. У нас, в нашем общественном устройстве, этому понятию нет эквивалента – никакие имущественные, социальные или профессиональные группы в Американской Федерации сословиями не являются. Ни в коей мере не являются сословия и синонимом марксистских классов, поскольку не относятся к сфере общественного производства и вообще экономики. Не являются российские сословия и прямым аналогом феодальных сословий, и не только потому, что они не наследственные (подробнее о сравнении российских сословий с феодальными речь пойдет ниже). Есть соблазн сказать, что это группы, к которым закон относится по-разному; но и это не совсем так, точнее, совсем не так, и речь об этом пойдет в главе « Заключение». Наверное, я не смогу дать лучшего определения, чем следующее: сословия в России – это группы с принципиально разным конституционным положением. Надеюсь, вам станет более понятно, о чем я говорю, после прочтения всего данного раздела.

В Российской Империи три сословия: первое, называемое **духовным сословием, или духовенством**; второе, называемое **служилым сословием, или опричниками**; и третье, называемое **податным сословием, или земцами**, в просторечии – просто народом (название не должно вводить в заблуждение – в него входят люди от нищего до миллиардера). Против логики, я начну со второго, потому что так быстрее станет понятно, что же такое сословия в России.

Служилое сословие

Как становятся опричниками. По достижении пятнадцатилетнего возраста любой житель России – не обязательно даже гражданин – независимо от пола, вероисповедания и национальности, а также любых поражений в правах может прийти в специальный пункт и подать заявление, что он (или она) хочет стать опричником. Верхнее возрастное ограничение для записи в опричники раньше определялось сорока годами, а девять лет назад, в связи с распространением противовозрастной терапии, было увеличено до пятидесяти лет и, наверное, вскоре поднимется до шестидесяти. Далее вам станет понятно, от чего это зависит. Единственным заведомым противопоказанием является решение медицинской комиссии о физической негодности, но при нынешнем уровне генетической и регенераци-онной терапии такие случаи крайне редки. Когда я говорю «прийти и подать заявление», я имею в виду физически прийти в специальные пункты – их в России около трехсот, и расположены они более или менее равномерно по стране. Есть в Империи места, откуда добраться до ближайшего пункта не так-то и просто, но опричники говорят: захочешь – доберешься.

Когда человек появляется в таком пункте и подает заявление, его отправляют в специальное помещение (типа закрытого гостиничного номера на несколько человек) и оставляют там для размышления на трое суток. В течение этого времени его кормят и вообще нормально с ним обращаются, но полностью запрещают контакт с внешним миром – от телефона и компьютера до очных встреч с кем-то; общение внутри пункта с себе подобными соискателями и опричниками допускается без всяких ограничений. Соответственно и те, кто хочет переговорить с ним, не могут этого сделать: это относится к кому угодно, от родителей или супругов до милиционеров с постановлением суда на его арест. Когда три дня проходят, человеку предлагают подать заявление еще раз, объясняя, что можно и не подавать, – то есть, по сути, спрашивают, не передумал ли он. Если передумал, с ним прощаются (причем без всякой злобы) и выпроваживают на все четыре стороны. Если же нет, соискатель подвергается технодопросу; такого рода допросы, при которых человек говорит всю правду и только правду, как я уже писал выше и еще буду подробно описывать далее, весьма распространены в Российской Империи и составляют важную часть ее жизни. Но если для земцев технодопросы проводятся по решению суда (все это очень детально регламентировано законом), а духовенство не подвергается им вообще, то опричники – включая кандидатов в опричники – подвергаются им только добровольно. На практике это означает, что они проводятся в оговоренных опричным уставом случаях, в том числе раз в год независимо ни от чего, и отказ от этой процедуры – что бывает крайне редко – является нарушением не закона, а устава и ведет не к уголовному наказанию, а к исключению из сословия.

Но вернемся к первому допросу соискателя – во время него выясняется, в сущности, один вопрос: каковы мотивы кандидата, то есть действительно ли он хочет стать и прожить всю оставшуюся жизнь опричником или доминируют какие-либо иные мотивы. Если этот мотив действительно главный, то все остальные не имеют большого значения. Например, если выясняется, что человек скрывается от правосудия, но на самом деле давно решил стать опричником, а указанные обстоятельства просто повлияли на время его прихода в пункт, то это приемлемо; а вот если уйти от наказания и есть главный мотив, тогда его не возьмут. Особо обращается внимание на то, чтобы истинным мотивом не была любовь к насилию как таковому – это считается неприемлемым. Если с мотивами все нормально, то соискатель проходит уже упомянутую мной медкомиссию и получает заключение о годности, которое является третьим документом кандидата (а всего их пять), после заявления и протокола технодопроса. Четвертым документом является свидетельство о том, что кандидат является русским и православным – не русский или не православный не может быть опричником и даже кадетом (так называют опричников в период начальной военной службы – см. ниже). Этот принцип, который нам, соотечественники, представляется абсолютно диким и возмутительно дискриминационным, в России лежит вполне в русле общих принципов конституционного устройства. Впрочем, являясь дискриминационным, расистским он не является: русский, но не православный, если он желает стать опричником, просто крестится в ближайшей церкви, а нерусский к тому же еще проходит процедуру породне-ния, официально становясь русским. О готовности это сделать должно быть написано в

заявлении, иначе его не примут, и именно поэтому выше я писал, что опричником может стать любой житель России независимо от национальности и вероисповедания. Но это не относится к народам-союзникам – немец или казах, например, если захотят, могут абсолютно формально оставаться принадлежащими к народу своих отцов; но православными они должны быть все равно – религиозного плюрализма в служилом сословии не допускается. Пятый документ – присяга кадета, которая приносится при наличии четырех предыдущих документов; это еще не присяга опричника – у них вообще нет присяги, а ее место занимают обеты (см. далее).

Начальная военная служба. На пятый или шестой день после того, как человек пришел в пункт, он, уже став кадетом, отправляется на так называемую начальную военную службу. Впрочем, военной ее назвать можно лишь условно, поскольку готовят там из кадетов не солдат или офицеров, а вообще опричников. Тем не менее у русских она называется военной – начальной же она называется потому, что опричник служит всю жизнь. По сути, это вообще не служба, а нечто вроде нашей военной или полицейской академии, только восьмилетней и с особой спецификой, о которой я сейчас и расскажу. Там кадетам преподают общефизическую подготовку, с упором на выносливость (на уровне наших коммандос); рукопашный бой, владение всеми видами оружия, включая основную военную технику (на уровне наших коммандос); специальную физическую подготовку типа снятия боли, мобилизации всех ресурсов организма, умения замедлять или, наоборот, усиливать его функции (на уровне самых элитных подразделений коммандос); ментальные техники, такие как внушение и сопротивление чужому внушению, ощущение человека на расстоянии, предчувствие опасности (на уровне даже не знаю кого у нас – может, каких-то секретных агентов). В общем, все кадеты – а их выпускается в иные годы до семисот тысяч в год – превращаются в совершенные боевые машины, явно превосходящие наших коммандос (об обычных солдатах я и не говорю) и не уступающие бойцам лучших элитных подразделений, а в чем-то их превосходящих. Чтобы вы поняли, соотечественники, физические возможности русских опричников, приведу один пример: в армии в так называемых основных силах (я еще буду писать о российской военной организации в соответствующей главе) полное боевое снаряжение опричника – включая женщин! – составляет более восьмидесяти килограммов, а облегченное – около пятидесяти; в нем опричник бегом, даже без использования скороходов или анти-грава, пробегает до пятнадцати километров, после чего должен быть готов без отдыха вступить в бой. С необходимостью соответствовать таким физическим требованиям и связано верхнее ограничение в возрасте, поднимаемое по мере совершенствования противовозрастной терапии.

Кроме физической и боевой подготовки, кадеты получают общее образование, примерно в объеме нашего хорошего колледжа; естественным и гуманитарным наукам уделяется примерно равное внимание. Первостепенное значение придается психологической подготовке – на уровне восточных монастырей: она включает как общие вещи (усиление памяти, способности к концентрации, психологическую устойчивость в стандартных ситуациях), так и весьма специфические. Поэтому опричникам мало страшны, например, плен и тюрьма – они просто отключат боль и погрузятся в длительную медитацию, а в крайней ситуации остановят сердце и умрут (если это сделано ради державы, Церковь не считает это самоубийством).

Весьма значительное место в подготовке кадетов занимает религиозное воспитание, в связи с чем правильнее было бы уподобить их образование не обычному нашему колледжу, а католическому. У них, однако, есть еще одна линия подготовки – идеологическая, занимающая не менее часа в день. На идеологических занятиях им вдалбливаются – я не могу подобрать другого слова, а сами опричники против его употребления не возражают – все их сословные принципы и установки: отношение к своей стране и к другим странам, к своему и другим народам, друг к другу и к другим сословиям и т. д. Все это составляет содержание их обучения (или, по их терминологии, службы) первых пяти лет. Вы вправе спросить: а как же они успевают и в том и в другом? Ответ прост: у них вообще нет свободного времени. Занятия продолжаются шесть дней в неделю по одиннадцать часов в день, с 8 утра до 9 вечера, с часовыми перерывами на обед и ужин; в 9 вечерняя молитва, в 11 отбой. И только в

воскресенье, после литургии и обеда, у них «всего» трехчасовая физическая подготовка, и с 5 вечера они свободны. В 7 вечера начинается праздничный воскресный ужин, на котором они напиваются, – и этим заканчивается воскресный отдых.

Выезжать из лагеря, где они служат, первые три года нельзя вообще, в последующие пять можно, но достаточно редко; то же относится к посещению их родственниками и знакомыми. Выход в Сеть для вызова фильмов или вирту, да и вообще пребывание в Сети, кроме как на учебных сайтах, также не разрешается (к бумажным книгам это не относится, чтение, наоборот, поощряется). Конечно, самовольно кадет может это сделать, но такого не бывает, как и вообще нарушений дисциплины: они ведь находятся там сугубо добровольно.

Кадеты в возрасте до 25 лет и те, что старше, служат раздельно первые три года, но это связано не с какими-то трениями или даже разными физическими возможностями, а в первую очередь с комфортностью адаптации. Кроме того, для тех, кто уже окончил школу, программа обучения несколько отличается от той, что предназначена для не имеющих школьного образования. Кстати, про физические возможности – обучение кадетов абсолютно не конкурентно: у них в отличие от любой нашей академии не только нет рейтинга лучших, но даже из самого процесса подготовки полностью убран соревновательный элемент. Это жесткая позиция их сословия: опричники не конкурируют друг с другом, у них нет чинов или званий, они просто – опричники, «дозор», как они сами себя называют. И даже заработная плата, называемая у них жалованьем, как и любое другое обеспечение, одинакова у любого из них, от рядового бойца до императора. Если кто-то хуже успевает по какой-то части подготовки, остальных просят ему помочь; это не считается обидным, поскольку из-за обилия дисциплин он наверняка силен в чем-то ином. Вообще не обидеть – важное и императивное требование обучения кадетов. Сословный устав требует абсолютного (на наш взгляд, даже несколько смешного) уважения к кадету (к опричнику – тем более); к примеру, все преподаватели и начальники называют кадета только на «вы». Таким образом, традиционный, хорошо известный у нас по фильмам и вирту типаж сержанта-зверя, в принципе справедливого, но орущего на солдат-новичков и унижающего их, в современной России абсолютно невозможен. Кадет просто убьет его при первом оскорблении и будет не просто сочтен действовавшим в своем праве, но и поощрен за внимательность к чести.

Но вернемся к образу жизни кадетов. Мужчины и женщины служат вместе (с различающимися программами физподготовки, но не сильно) в отличие, кстати, от российских школ, где обучение раздельное. Один опричник объяснил мне глубинный смысл такого положения вещей: для земцев, особенно молодых, существо другого пола – это всегда потенциальный сексуальный, а то и вообще брачный партнер, а в партнере должна быть какая-то тайна, иначе секс превращается либо в механику, либо, наоборот, исключительно в совместное ведение хозяйства. А для опричников существо другого пола (как, впрочем, и своего) – это боевой товарищ, и ровно по этой причине в нем ни в коем случае не должно быть никакой тайны. Вообще организация сексуальной жизни кадетов немудрена: преимущественно она сводится к тому, что в определенные дни им в лагерь привозятся секс-работники обоих полов, с которыми устраиваются пьяные или наркотические оргии; чаще всего это происходит в конце воскресного ужина. Если же какому-либо кадету этого недостаточно, он говорит куратору, и ему или ей привозят секс-работника персонально, если надо – регулярно. Но это не очень распространено, гораздо более характерным и для кадетов, и для опричников является такое отношение к сексу (и вообще к плотским удовольствиям), какое было в обычае у моряков во времена парусного флота, то есть не как к части повседневной жизни, а как к чему-то, что происходит изредка после тяжких трудов и, как правило, в загульном варианте. Связи между разнополыми кадетами никак не регламентируются – ни возбраняются, ни поощряются, – и они не редки, но, как правило, имеют место только при наличии серьезных отношений. При таком отношении к сексу и сексуальным партнерам, какой я только что описал – я бы назвал его полупрезрительным, – это и немудрено: ведь кадеты уважают друг друга. (В боевых условиях все иначе – там разнополые опричники вполне могут вступить в сексуальные отношения из дружеских чувств друг к другу.) Что касается однополых связей, то еще в заявлении будущий кадет-мужчина должен написать, что он не имеет гомосексуальной ориентации (это требование), и

несет ответственность за его правдивость. Женщины ничего не пишут, но поскольку лесбиянство категорически осуждается Церковью, а все опричники воцерковлены, то это также не терпится.

Такая служба продолжается пять лет, а затем кадеты выбирают на остающиеся три года специализацию, продолжая службу, то есть обучение, в одном из трех так называемых опричных корпусов: корпусе воинов, корпусе стражей или корпусе правителей. Корпуса скорее являются типом образования и подготовки, нежели частями опричного сословия; по крайней мере, принадлежность опричника к одному из них никак не обозначается, даже на неформальном уровне. Корпус воинов готовит армейцев, корпус стражей – полицейских, а корпус правителей – гражданскую администрацию. Впрочем, различие подготовки не носит критического характера, и в последующем опричники, как правило, проходят неоднократную переподготовку, так что, например, 40-летний опричник (если он пришел служить в 15—20 лет), скорее всего, получил полную подготовку во всех трех корпусах.

В последние три года своей учебы-службы кадеты уже активно участвуют в соответствующей работе и поэтому, хотя в основном продолжают жить в лагере, регулярно на рабочий срок переезжают жить в общежития для опричников. Кстати, раньше, с 2013 года, когда была введена опричнина, и до учреждения Третьей Империи в 2020 году, начальная служба была не восьми-, а пятилетней: базовая служба продолжалась три года, а специализированная – два.

По завершении начальной службы происходит главное событие в жизни опричника – принесение трех обетов, после чего он, собственно, и становится полноценным опричником.

Обеты. Первый обет – обет служения. Принося его, опричник клянется в том, что служение Империи и ее народу (именно в такой последовательности) есть главная и высшая цель в его жизни и смерти; что именно самозабвенное исполнение этой цели и есть его путь к спасению души и обретению жизни вечной. Что ни при каких обстоятельствах – ни из жадности, ни из трусости, ни из властолюбия, ни из тщеславия – не отступит он от этой цели. «Как Господь наш Иисус Христос завещал в притче не зарывать в землю талант свой, данный тебе господином, – произносят опричники ритуальный текст, – так и я не зарою в землю ту решимость защищать страну свою и народ свой до конца, что дал Он мне». И далее: «Мы дозор, который бережет эту землю Господню; мы пастухи, которые охраняют на этой земле овец Его. Добрый пастырь жизнь свою кладет за овец своих, учит нас Господь, и мы без сомнений и печали отдадим свою жизнь за страну и народ, потому что поручил их нам Хозяин овец и пастбищ. А иначе не обретем жизнь вечную на небесах, а на земле жизни вечной и так никому не обещано». Кстати, эта метафора – восприятие себя как пастухов – играет, наряду с восприятием себя как дозора, важную роль в мифологии опричников: их сословная эмблема имеет именно такой смысл, хотя на самом деле это смысл трансформированный. Дело в том, что само понятие «опричники» возникло в Xvi веке, при царе Иване iv Грозном, и оставили они по себе вовсе не добрую память, являясь общероссийским карательным отрядом. Их эмблемой была собачья голова и метла, что означало «грызть, как псы, вычищать, как метла» (в смысле врагов царя). У нынешних же опричников (почему они так назвались – см. часть i, «История России») собачья голова стала как у овчарки, а метла превратилась в пастуший посох, так что эмблема теперь означает «пасти и защищать». Поэтому, к слову сказать, собака считается у опричников священным сословным животным. Они ввели Имперский закон «О собаках», установивший для собак в Российской Империи совершенно особый статус (типа статуса коров в Индийской Конфедерации), запрещающий их убийство, опыты на них и т. д.; а если опричник увидит на улице кого-то, мучающего собаку, он его может убить на месте (это часть третьего обета, см. далее).

Но вернемся к первому обету. Опричник обещает защищать не только страну и людей, но и веру и Церковь: «Церковь есть тело Христово, я же есть телохранитель. Господь защищает нас, мы же обязаны защищать дело Его на земле». Причем в обете это взаимосвязано: Империя в нем представляется не как место, где живут вверенные опричникам самим Господом люди (вернее, не просто как такое место), а как религиозная ценность, имеющая поистине космическую значимость. «Царство дьявола – анархия и тирания, – есть слова в

обете, – и только тонкая цепь нашего дозора отделяет закон, порядок и справедливость от этого царства. Не будет нас – не будет угодной Богу православной Империи». Здесь важно понимать, что каждый опричник (и это находит свое отражение в первом обете) осознает себя как автономную и самодостаточную грозную боевую единицу: дело тут не столько в том, что один опричник в полном боевом снаряжении (а оно хранится по месту жительства у любого опричника – я еще буду писать об этом в главе «Армия») обладает огромной огневой мощью, а в том, что и без оружия и брони он есть почти такая же грозная сила, потому что везде, где есть цивилизация, он завладеет необходимым оружием или изготовит его – а там, где цивилизованность низка, оно ему и не нужно. «Моя сила в моих товарищах, – произносит опричник, – но отсутствие живых товарищей не остановит меня в моем долге. Пока я жив, Империя стоит, даже если я последний из оставшихся в живых». В этом ощущении у опричников причудливо сплетаются крайний коллективизм с крайним индивидуализмом, стоицизм и фатализм с космическим самовосприятием. Очевидно, что свой вклад в это вносит не только православие, но и мироощущение дальних языческих предков русских, варягов, чьими наследниками считают себя опричники. Варяги верили в то, что в последней битве богов, Рагнарёк, боги и люди потерпят поражение, и изменить этого нельзя – но все равно надо биться до последнего. «Я служу ради службы, – говорит опричник, – а не ради победы». И наконец, очень важное место в первом обете занимает тема бескорыстности служения: «Не для кормления приставлен я к стаду, но для защиты. Не народ создан для моего удобства, но я для того, чтобы служить ему, ибо такова воля Божья».

Второй обет – обет умеренности. На разговорном языке в народе он называется обет бедности, но, как вы увидите из дальнейшего, официозное название точнее передает его смысл. Интересно, что обет нестяжательства, который приносят наши католические монахи, по смыслу является лишь частью этого обета. Существо этого обета в презрении ко всему материальному: к деньгам, имуществу, комфорту и удовольствиям. Опричник клянется не накапливать денег и не думать о них, не приобретать и вообще не иметь собственности, кроме самой необходимой для жизни и выполнения долга, да и за ту не держаться и не огорчаться при ее потере. «Не скапливайте себе сокровища на земле, ибо тогда на земле будет сердце ваше, учил нас Господь, – говорит опричник, – и я обещаю точно следовать этому». Причем все устроено так, что он может не думать о деньгах, потому что, становясь опричником, человек начинает получать жалованье, которое, как он знает, не изменится до конца его жизни (кроме возможной индексации). Его размер – ныне он составляет 1216 рублей в месяц, то есть около 5000 наших долларов, – вполне достаточен для нормальной, хотя и не богатой жизни, но у опричников от него, наоборот, почти всегда остается, потому что они практически ничего не покупают из вещей и мало за что платят. Судите сами: квартир и домов опричники не покупают – считается, что это запрещено вторым обетом; они или живут в общежитиях, о которых я расскажу чуть позже, и ничего за это не платят, либо снимают квартиру, что оплачивается бухгалтерией их базы. Опричнику не возбраняется снять более дорогую квартиру, чем предусмотрено бухгалтерией, и доплачивать разницу самому, но никто из них не смог вспомнить таких случаев (потому что, в их понимании, комфортная квартира им ни к чему). Они все бесплатно пользуются одинаковыми автомобилями, которые называются «Каштан Импульс-универсал» и представляют из себя довольно уродливый, но большой и мощный военный внедорожник с турбиной; их выпускают специально для армии и полиции, и продажа их кому-либо, кроме опричников, в том числе юридическим лицам, запрещена. Хотя автомобили считаются общим имуществом (казенным, как говорят русские), опричник может взять машину для собственного пользования и держать ее по месту жительства. Это бывает не редко, но и не так уж часто, потому что опричники любят пользоваться общественным транспортом или ходить по улицам, считая это дополнительным патрулированием. Из одежды и обуви они большей частью носят цивильную форму (см. далее), которая вся бесплатна, а другую одежду в основном используют для «свободного поиска», то есть скрытого патрулирования, и по этой причине она самая невзрачная и дешевая. Медицинское обслуживание у них, естественно, бесплатное, поскольку оно бесплатно в России для всех, а если у них есть дети, они тоже не особо за них волнуются, потому что на каждого ребенка, у которого хотя бы один родитель

опричник, до пятнадцати лет выдается пособие, ныне равное 350 рублям в месяц; к тому же среднее образование в России бесплатное, а высшее – в значительной части бесплатное.

Обычные развлечения земцев, такие как кино, вирту, спортивные соревнования, казино, дискотеки и т. д., опричники презирают, считая их декадансом (особенно они презирают спорт, считая его пародией на военные навыки); по сути, они тратят деньги только на еду, выпивку или наркотики и на секс-услуги. Но и в этом они предпочитают все простое и недорогое, причем это не связано с деньгами, а отражает их твердую убежденность в том, что все дорогие, совершенные вещи и услуги не просто бесполезны, а мерзки. Образно выражаясь, они считают, что эксклюзивное двадцатилетнее красное вино не просто ничем не лучше дешевого портвейна, а хуже. Это связано с их представлением о том, что комфорт и удовольствия делают человека зависимым, то есть порабощают, и высасывают, таким образом, из него силу, которая для опричников является культом (на их сословной эмблеме, под собачьей головой и посохом, большими буквами на вымпеле написано слово «СИЛА»). В обете есть слова: «Не дам надеть на себя ярмо богатства, которое тяжелее, чем ярмо нищеты; не дам посадить себя в золотую клетку, которая крепче стальной. Не дам удовольствиям мира сего выпить из меня силу, заменив ее на изнеженность». Теперь вы понимаете, дорогие соотечественники, почему я написал, что название «обет умеренности» точнее, чем «обет бедности»: бедность есть характеристика возможностей, а умеренность – желаний. Понятно также, почему этот обет не сводится к нестяжательству: само по себе отсутствие имущества вовсе не означает умеренности в привычках и презрения к комфорту – коммунистическая элита времен поздней Второй Империи в России жила очень широко, формально не имея почти никакой личной собственности. То же можно сказать о российских криминальных лидерах, так называемых ворах в законе. Но вернемся к материальной стороне жизни опричников: еще одна причина, благодаря которой они могут не думать о деньгах, – это наличие системы, называемой «общак». Говоря попросту, перечень того, что оплачивает за них база, не закрытый. Поясню на примере, что это значит: однажды я разговаривал с опричниками на их базе, расспрашивая их обо всем, что меня интересовало (кстати, они ко мне относились довольно дружелюбно), и услышал историю о том, как один из них накануне устроил в каком-то заведении буйную гулянку, заплатить за которую не смог. Заведение тут же отправило электронный счет на базу и получило проплату. На мой вопрос о том, должен ли он будет отдать эти деньги, опричники пожали плечами: захочет – отдаст, не сочтет нужным – нет; никто ему ничего не скажет, если подобные эксцессы случаются не слишком часто (в действительности, конечно, отдаст). Если же у него есть реальная нужда в крупных тратах, выходящих за пределы его финансовых возможностей, но не за пределы второго обета (например, пластическая хирургия или платное высшее образование для подруги или ребенка), за это заплатит база, даже если это и большая сумма – в последнем случае решение об этом примет их сход, называемый опричным собранием.

Третий обет – это обет чести. В нем содержатся, если обобщить, все существенные моральные нормы и правила поведения служилого сословия, не вошедшие в первые два обета. Опричник клянется в верности сословию: «Нет у меня ни семьи, ни дома. Опричнина моя семья, и Империя мой дом». Он обещает никогда, ни вольно ни невольно, не оскорбить и не подвести своих товарищей; защищать жизнь другого опричника в том числе и ценой своей жизни, а равно и всех людей других сословий. Он клянется никогда и ни при каких обстоятельствах не поднять руку на другого опричника и не иметь с ним вражды, а в случае неприязни просто разойтись с ним. И наоборот, в случае если кто-то убьет другого опричника иначе чем на войне, клянется мстить за него и не останавливаться в этом до самой смерти убийц или своей собственной. (Обет мести за своих весьма существенен – из-за него с опричниками боятся связываться.) В случае ухода или исключения из служилого сословия (это хотя и очень редко, но бывает) он клянется никак не использовать свою силу против интересов государства или своего бывшего сословия. Он также обещает хранить сословную и имперскую честь перед другими сословиями, не спускать оскорблений (по крайней мере, демонстративных) себя, опричнины и Империи: «Если кто-то сознательно оскорбит меня, мою страну или сословие, я не буду обижаться, но накажу». Это «накажу», между прочим, может при сильном оскорблении означать и смерть обидчика, поэтому народ

в России весьма внимательно относится к своим словам («фильтрует базар», на разговорном русском) в присутствии опричника или незнакомца, который может им оказаться. Сами же опричники обещают: «Никогда не опущусь до оскорбления словами кого-либо – того, кто истинно это заслуживает, надо наказывать действием». Далее идет обещание равного отношения ко всем и вся, то есть, по сути, недискриминации по любому признаку: «Как пастух не может одну овцу выделять и защищать, другую же бросить, так и я обещаю не держать ближе к сердцу никого из народа, но за всех иметь равную ответственность. И как не может дозор одни места охранять, а на другие махнуть рукой, так и я обещаю ни одну из земель Империи не держать ближе к сердцу, но все одинаково». Опричник также клянется не убивать сверх боевой или иной государственной необходимости: «Господь заповедал: не убий, и если я убью того, кого можно было не убивать для защиты людей, государства и веры, то буду нарушителем Божьей заповеди». Вообще третий обет самый длинный, в нем есть обещание нетерпимости к любому встреченному злу, обещание помощи всем особо уязвимым (немощным и убогим, детям, старикам, а также священным для опричников собакам), обещание уважения к проявившему доблесть противнику и многое еще в том же духе. Важно, что третий обет, как ни странно, – самый главный, по крайней мере имеющий примат над первыми двумя; в нем есть слова: «Никогда не поступлюсь своей и общей честью ни для служения, ни для умеренности». Но здесь нет ничего удивительного – русское мировоззрение в большой степени характеризуется фразой «Истина там, где поступают честно». Обесчестить себя – для опричника самое страшное, что можно придумать, гораздо страшнее, чем не справиться с какой-то службой или даже защитой кого-то, и уж тем более намного страшнее смерти, которой они не особо боятся; с уверенностью говорю, что нет в природе вещи, ради которой опричник сознательно пойдет на бесчестье.

Принеся обеты – а начинается каждый из них словами: «Перед Богом и людьми обещаю...», – опричник проходит два особых православных таинства: венчание на службу и миропомазание. Эти таинства никогда не совершались и не совершаются Церковью, во всяком случае в таком виде, над обычными людьми, а только над царями – это соответствует статусу опричников как коллективного царя. Венчание есть символическое возложение короны, такое же, как при венчании на брак, только соединение происходит не с супругом, а со страной. Миропомазание совершается третий раз (первый у православных происходит сразу после крещения, а второй соответствует нашей католической конфирмации и совершается в пятнадцать лет) и означает снисхождение особых даров Святого Духа, необходимых для опричного служения, и завершается причащением но-вопомазанника в алтаре как защитника Церкви. После этого опричнику вручают личную карточку, персональное полное боевое снаряжение и два комплекта цивильной формы, и на этом обряд заканчивается, по крайней мере его торжественная часть: все поздравляют новоиспеченного опричника и идут праздновать – это событие у опричников называется «прописка», а само застолье, как и любое сословное застолье, называется у русских «братчина». Так начинается служба (не обучение, а работа, хотя службой у них называется и то и другое), которая продолжается до смерти опричника: как бы нам ни было трудно поверить в это, соотечественники, но у русских опричников нет ни понятия пенсии, ни понятия инвалидности. Для ослабевшего опричника – от старости или увечья – подыскивается адекватная работа: я сам видел опричника-женщину, у которой не было правой руки и обеих ног (ранение произошло задолго до внедрения регенерационной терапии), и она работала удаленным оператором беспилотного истребителя-перехватчика с помощью сделанного специально для нее интерфейса. Остальные относились к ней как к равному товарищу, не делая вид, что они не замечают ее увечья, но и не концентрируясь на нем, – например, брали на все свои пьянки, но подносили ей стакан и закуску; по виду она была настолько счастлива, насколько это возможно. Если же болезнь или увечье опричника таковы, что длительное время не позволяют делать никакой работы – до выздоровления или до смерти, – то он считается это время просто находящимся на излечении. Поэтому теперь, после своих очных наблюдений, я считаю любимую фразу опричников: «Служба – это жизнь, а жизнь – это служба» – не метафорой, а совершенно буквальной истиной.

Жизнь и служба. Как живут и служат опричники? Жить они предпочитают в

общежитиях, которые представляют собой нечто вроде дешевой гостиницы или мотеля, обычно с блоками «две комнаты – один общий санузел». Комнаты бывают на одного и на двоих; кухня (которой, впрочем, пользуются редко) и столовое помещение – на этаже. На одном из этажей общая столовая, с кухней с поварами, – ею пользуются часто: опричников тянет друг к другу, поэтому они любят есть вместе, по той же причине они относительно редко снимают квартиры. В столовой каждое воскресенье происходят братчины; впрочем, раз в три недели, то есть через два раза, устав велит каждому опричнику приходить на братчину к земцам. Работают опричники в полиции или спецслужбах либо в гражданской администрации. Подразумеваются, естественно, только имперские учреждения – в местных администрациях и службах охраны порядка работают земцы, потому что это земские учреждения.

Армейцы живут и служат, как и у нас, обособленно, на военных базах; впрочем, примерно раз в десять лет положено не менее чем на три года перейти работать в другую сферу – из армии в полицию, из полиции на госслужбу и т. д. Все это относится и к высшим должностным лицам: обычная ситуация, когда опричник год назад был министром, а ныне инспектор полиции или военный моряк, причем не из-за плохих результатов работы, а из-за их сословного убеждения: важнее быть правильным опричником, чем наилучшим профессионалом. Я встречался со знаменитым Борисом Фетисовым, который четырежды был министром, дважды – командующим экспедиционным корпусом и дважды – главкомом рода войск; сейчас, в 66 лет, он работает следователем полиции в Константинополе, а в следующем году отправляется инспектором по строительству полярного прибрежного вала. Конечно, те опричники, кто проявил себя способными руководителями, в основном и дальше будут служить на руководящих должностях, потому что талантами не разбрасываются, – но служить в разных сферах, чтобы не «присидеться». Однако и в этом случае ответственная служба опричника непременно время от времени будет чередоваться с рядовыми должностями. Более того, от двух недель до месяца в году опричники работают на общественных работах, вроде строительства дорог: помимо пополнения «общака» это призвано способствовать тому, чтобы они не заносились перед народом. Когда я спросил у командира дружины (по-нашему, батальона) Отто Меркеля, чем же плохо чувство заслуженного превосходства над окружающими, он кратко ответил мне: «Оно высасывает силу».

Раз в год на месяц и раз в три года на три месяца опричники отправляются в лагерь на переподготовку, причем эти лагерные сборы они очень любят. Не менее двух раз в неделю опричники посещают спортзал – для поддержания физической формы. В остальные будние дни опричники, как правило, много работают, поскольку семьи у них обычно нет. Потом либо общаются друг с другом в кафе или в общежитии, либо читают: читать опричники любят и читают много, причем в основном достаточно умные книги, поскольку все получили хорошее образование и освежают его на переподготовках. Они часто обсуждают прочитанное между собой и дискутируют на разные темы. Если же им нечего делать, то у себя в комнате они на многие часы впадают в медитацию, благо они все этому обучены, – по этой причине им никогда не бывает скучно. Выпивкой опричники в будние дни обычно не злоупотребляют. Но самое любимое их развлечение, являющееся, в сущности, продолжением работы, – это так называемый свободный поиск. Опричник бродит по городу, заходит во всякие места, ездит на городском транспорте, стараясь не привлекать внимания (по русскому выражению, «прикидываясь ветошью»), и высматривает какой-нибудь непорядок – кто-то кого-то оскорбляет или на кого-то нападает и т. п., – который, естественно, немедленно пресекается. Хитрость здесь в том, чтобы в тебе не опознали опричника – при их внешнем виде это не просто, даже без формы.

Внешним видом опричники, как правило, отличаются от остальных людей: попросту говоря, они крупнее. У них большая мышечная масса, способная обеспечить бег в восьмидесятикилограммовом снаряжении; чтобы избежать диспропорций, рост им обычно корректируют под вес. Мужчины-опричники обычно имеют рост 195—210 см и вес 110—140 кг; женщины, как правило, сантиметров на десять ниже и на 15—20 кг легче. Нет нужды говорить, что тела их – чистые мышцы, без капли жира, причем наработанные

комплексными нагрузками, а не на тренажерах или спортплощадках и потому более равномерно распределенные, чем у спортсменов. Теперь, надеюсь, понятно, в чем состоит творческий элемент «свободного поиска» – не привлекать внимания им не так-то и просто.

Однако внешние отличия опричников размером не ограничиваются – у них своеобразное выражение лица, настолько спокойное, что лицо кажется малоподвижным; яркой и сильно выраженной мимики у них не бывает, равно как вообще не бывает внешних выплесков эмоций. Взгляд у них тоже характерный – не бегающий и почти не мигающий и оттого кажущийся обращенным не на собеседника, а куда-то вдаль. Подобные особенности, по-видимому, являются следствием определенного психологического состояния, которого опричники добиваются в результате и обучения особым ментальным техникам, и образа жизни в целом.

Цивильная форма опричников, которую они обычно носят (кроме как на работе, если та требует мундира, и во время «свободного поиска»), также достойна упоминания. Фасон ее произволен, но обязателен черный цвет, причем низ (брюки, юбки или штанины комбинезона) должен иметь серебряные лампасы по бокам, а верх – серебряные галуны. Обувь также может быть любой, но непременно черного цвета и с серебряными каблуками (обычно их покрывают настоящим серебром). Специальный закон запрещает всем, кроме опричников, продавать и иметь одежду такой расцветки и обувь с серебряными каблуками. Надо сказать, что гигант любого пола в черной с серебром одежде и обуви выглядит эффектно. Поэтому среди земцев – и мужчин, и женщин – считается престижным («крутым») иметь любовницу или любовника-опричника, что разового, что постоянного, в связи с чем опричники, в отличие от кадетского периода своей жизни, не так часто имеют дело с наемными секс-работниками.

Семьями опричники обзаводятся не часто, хотя после принесения обетов это личное дело каждого. Подобное обстоятельство не является следствием стремления к разгульной жизни или нежелания брать на себя ответственность – скорее, это нежелание иметь слабые места, которые уменьшат твою силу. Ведь идти на смерть человеку, обремененному семьей, гораздо труднее – он знает, что, покидая близких, становится для них источником горя. Да и реализовы-вать второй обет – с пренебрежением относиться к материальной стороне жизни – семейному человеку куда сложнее. Так что отказ от семьи есть для опричника добровольное лишение себя еще одной радости жизни ради главного своего дела и предназначения. Но и те семьи, что все-таки возникают у опричников, достаточно редко образуются с земцами. Я долго и достаточно доверительно беседовал с одной женщиной-опричником 46 лет – Светланой по кличке Истребитель, в момент нашей беседы – патрульным полицейским. Те, кому нравятся, мягко говоря, крупные женщины (в Светлане 198 см роста и 102 кг веса), назвали бы ее красивой. Она рассказала мне, что у нее пока двое детей – 8-летний сын от опричника, который сейчас воюет с исламистами на южных границах, и 13-летняя дочь от земца-промышленника. Оба ребенка живут с ее мамой в Москве, но отец дочки часто с ней видится, и это ее беспокоит. Я спросил Светлану, чем он ей так неприятен, что она против того, чтобы он виделся с дочкой? Нет, ответила Светлана, ей он нравится, он хороший парень, и она при любом удобном случае с ним встречается. Она вовсе не против, чтобы он виделся с дочкой, но она надеется, что дочка в 15 лет пойдет в опричники, и папа-земец может невольно сбить ее с этого пути. Когда же я спросил ее, извинившись за возможную глупость, а почему бы ей не выйти за него замуж и не жить с ним и дочкой вместе (тогда никто ее не собьет с пути) – или она принципиально против этого? – она несказанно изумилась. «Нет, я принципиально не против иметь с кем-то нормальным семью, – сказала она, придя в себя, – но с земцем?..» Это было сказано так, что я понял – и вы поймите, дорогие соотечественники: опричники и земцы – это практически разные биологические виды, хотя похожие внешне и способные к скрещиванию. В этом и есть самая суть российской сословности.

Положение в стране. Вы спросите, дорогие соотечественники, а что же получают члены служилого сословия в качестве компенсации за все те трудности и ограничения, которые они добровольно на себя принимают? Многие уже наверняка поняли это из предыдущего текста: вся власть в Империи принадлежит им и только им – и в этом уникальность российской

политической системы. В Конституции записано: «Высшим сувереном Российской Империи является служилое сословие. Оно избирает из себя верховное должностное лицо Российской Империи – императора, а также всех иных высших должностных лиц. Для занятия всех иных должностей государственной, военной и внутренней службы Российской Империи члены служилого сословия (опричники) имеют абсолютный приоритет». А помимо особого положения в Империи опричники не имеют за свою службу ничего; это принципиально важно – как говорят они сами: нет другого способа отобрать тех, кому важна страна ради страны и служба ради службы. И как ни удивительно, дорогие соотечественники, ради призрачной принадлежности к великой Империи, ради службы идее, а по сути, ради возможности сложить голову после тоскливой жизни в нищете и скитаний по баракам, сотни тысяч молодых и не очень молодых людей ежегодно бросают обеспеченную, а зачастую очень обеспеченную жизнь и уходят в опричники. В первые после 2013- го годы, когда опричнина только появилась, в пунктах стояли очереди из тех, кому обычная жизнь, по-видимому, чем-то категорически не подходит.

Как относятся к опричникам другие граждане России? У духовенства к служилому сословию отношение явно хорошее. Многие представители Православной церкви считают, что хоть убийства (пусть даже и врагов державы), пьянство и блуд не красят опричников, но их религиозность, бескорыстность и твердая защита веры и Церкви, сравнимая с таковой у самого духовенства, не может не подкупать. Остальной же народ относится к опричникам сложно; ропот « с какой стати они нами правят» явно имеет место, но он несколько сдерживается пониманием того, что войти в «они» может каждый и в любой момент – это вопрос выбора, и ничего более. Восприятия опричников как защитников жизни и крова почти нет, потому что сильных явных врагов у России на данный момент нет – ни внутренних, ни внешних. Так было не всегда (и, наверное, не всегда будет), но кто же это вспоминает? В основном доминирует отношение отчужденной и опасливой недоброжелательности, так что если бы сейчас, в 2053 году, имеющуюся Конституцию России вынести на референдум с участием всех граждан, то ее не поддержала бы и четверть. Но в том-то и дело, что никто, кроме опричников, не может участвовать в референдумах (имеется в виду в референдумах политических – по иным вопросам участвуют все). Опричников крайне мало трогает, как народ относится к ним и к конституционным принципам, и это, в свою очередь, не добавляет им любви земцев. Однако к этой антипатии явно примешивается смутная, малоосозна-ваемая, но явно присутствующая зависть – хотя завидовать вроде бы решительно нечему. Дело, по-видимому, в том, что принципы служилого сословия созвучны очень глубоким бессознательным архетипам русского народа в целом – в отличие от артикулированных общепринятых представлений, которым они явно противоречат. На неосознаваемом уровне для очень многих опричники являются лучшей частью их самих. Поэтому самая большая общественная организация России, ОРИОН (Орден Разделяющего Идеалы Опричнины Народа), обычно называемая « сочувствующие», насчитывает почти 30 миллионов человек. Они приносят только первый и третий обеты (никакого конституционного значения это не имеет и с точки зрения закона является просто игрой). Сочувствующие проводят много свободного времени (часто основную часть) с опричниками, участвуют в их братчинах и часто работают вместе с ними, а если нет, то сугубо добровольно вносят часть своего заработка в опричный « общак»; не очень частые браки между опричниками и земцами происходят в основном с сочувствующими. Опричники хорошо относятся к сочувствующим и с удовольствием берут их на работу, иногда довольно ответственную, в правоохранительные органы или гражданскую администрацию, хотя опричники и имеют абсолютный приоритет для занятия любой должности на государственной службе. В армейские структуры сочувствующие попадают гораздо реже, в основном по причине большой разницы в физических кондициях. В общем и целом я не уверен, что такая система (я имею в виду опричное сословие) прижилась бы – не говоря уже о том, чтобы возникла, – где-нибудь, кроме России: по сути, в ней очень много глубинно русского.

Российское служилое сословие в сравнении со средневековым. Мне, как историку и социологу, было очень интересно сравнить существующую в России сословность с

феодальной – точка зрения, что в России мы видим в сущности реванш феодализма, весьма распространена у нас. С сожалением должен заметить, коллеги, что это плод либо плохого понимания предмета, либо принятия желаемого за действительное (последнее – потому что придерживающиеся такой позиции авторы злорадно делают на ее основе вывод о скором историческом крахе). Конечно, сословность обычно ассоциируется с феодализмом (хотя в античные и доантичные времена она была столь же зримо выражена), и его столкновение и капитуляция перед нарождающимся капитализмом была в большой степени связана именно с наличием сословности. Но отличия этой системы в России от феодальной – я считаю, что их пять, – на мой взгляд, принципиальны и приводят к прямо противоположным выводам по поводу стабильности российской политической системы в целом. Разберем это на примере наиболее важного и иллюстративного компонента – служилого сословия, которое я буду сравнивать с таким же сословием при феодализме (феодалами и рыцарями – при раннем, служилым дворянством – при позднем).

Во-первых, опричниками становятся в отличие от феодалов не по наследственному, а по добровольному критерию, открытому для всех, и это приводит к целому ряду существеннейших отличий. При феодализме талантливые, энергичные и властолюбивые молодые люди из простонародья или третьего сословия принципиально не имеют возможности войти в элиту, по крайней мере властно-военную, и потенциал многих из них направляется на борьбу с режимом – а в России таким людям незачем бороться с режимом, поскольку ничто не мешает им стать опричниками. По этой же причине зависть народа к служилому сословию в принципе не может переходить определенной грани: завидуешь? – иди в опричники сам, да и завидовать там в отличие от времен феодализма особо нечему. Кроме того, наследственная система не является фильтром, поэтому в каждом следующем поколении знати и королей никакого отбора не происходит – а следовательно, происходит вырождение, что и имело место; у опричников же отбор происходит постоянно – и на уровне входа в сословие, и на уровне выборов должностных лиц.

Во-вторых, в российском служилом сословии впервые в засвидетельствованной истории человечества разобщены власть и богатство (неудачная попытка подобного разобщения была предпринята в той же России во время Красной Империи), причем полностью, в то время как при феодализме принадлежность к знати означала концентрацию одновременно и власти, и богатства. Это принципиально важно, потому что власть и богатство несовместимы по своей сущности – власть от духа, а богатство от тела. Поэтому при феодализме богатство всегда разлагало власть (действовать на власть иначе оно не может), а опричному сословию это не грозит. Кстати, такая вещь, как боевой дух, в широком смысле, тоже из категории власти, и на него богатство действует так же – опричникам не грозит и это. Но разобщенность власти и богатства служит еще одной не менее важной цели – она делает сословную систему справедливой в глазах земцев. Вместо средневекового представления о знати «вам все, а нам ничего» в современной России податное сословие рассуждает так: ну что ж, вам власть – зато нам богатство. То есть отсутствие у себя политических прав оно воспринимает не как ущемленность, а как разделение труда в государстве – одним одно, другим другое. Немаловажно также, что достаточно скромный образ жизни (в материальном смысле) опричников не превращает их в серьезную нагрузку для хозяйства страны в отличие от феодализма: налоговая нагрузка на народ и бизнес в России относительно невелика (см. главу «Экономика»).

В-третьих, отсутствие феода и вообще рода в феодальном смысле позволяет членам служилого сословия испытывать друг к другу не подозрительность, как у феодальной знати, а товарищество и взаимную симпатию. Тем более что из-за неприятия всего материального и их отношения к службе им и делить-то нечего – а феодализм сгубили междоусобицы, которых не могло не быть, и проистекающая из них ненависть всех к каждому и каждого ко всем.

В-четвертых, уже при позднем феодализме военная сила знати базировалась не столько на рыцарях, сколько на ополчениях, состоявших из людей совсем другого (притом потенциально враждебного) сословия, и это предопределило их слабость в межсословном столкновении. Вот во времена раннего феодализма не было нужды в солдатах, сила полностью обеспечивалась бароном с вассалами (в русском варианте – князем с дружиной),

так он и был как строй абсолютно стабилен. Чему тут аналогичны опричники, которые сами по себе составляют 100% военной силы страны, судите сами.

В-пятых, феодалы чувствовали себя поставленными Богом хозяевами страны, и, когда страна (в смысле привычный порядок) начала рушиться, они не могли не растеряться: особенно ярко это видно на примере Французской революции. А опричники чувствуют себя поставленным Богом дозором, а не хозяевами, и, когда все вокруг начнет рушиться, это будет для них тем, чего они всегда и ждут и в чем видят смысл своего существования – тут не от чего деморализоваться, скорее наоборот.

Так что я считаю российскую политическую систему, построенную на сословности, абсолютно стабильной в обозримой перспективе – тем более что способность меняться, оставаясь самой собой, в ней заложена. Действуя как сепаратор, она будет продолжать отделять овец от козлищ, воинов по духу – от обычных людей, превращая потенциальных врагов режима в его опору; и сепарация эта такова, с точки зрения личностных типов, что не ушедшие в опричники опасными врагами государства не станут. Будут, конечно, кризисы и даже восстания – они, собственно, уже имели место (см. главу « Новейшая история России»), – но опричники любые бунты утопят в крови, причем с удовольствием, потому что для них (вспомните первый обет!) это будет поединок с дьяволом. Я не могу представить, кто и что может поколебать, а тем более смести опричную власть – к слову, вопреки тому, что у нас думают, вовсе не кровавую и вообще не репрессивную.

Прежде чем перейти к рассказу о духовном сословии, дорогие соотечественники, выражу надежду, что вы поняли, почему я начал рассказ о сословности со второго, служилого, сословия и почему я посвятил ему основную часть этого рассказа.

Духовное сословие

Священнослужители. К духовному сословию, наиболее чтимому в Российской Империи (оно, а не служилое называется первым), которое многие верующие считают истинным щитом России, относится духовенство только Вселенской Русской православной церкви (ВРПЦ). Духовенство других религий, в том числе весьма уважаемых (например, равилитского ислама), по сословной принадлежности относится к земцам, и особенности его статуса регулируются отдельными законами, а не напрямую Конституцией, как у первого сословия.

Духовное сословие состоит из пяти групп: диаконов, пресвитеров, монахов (среди них тоже есть диаконы и пресвитеры, но особые), епископов, они же архиереи, и церковных людей. Пресвитеры, они же священники, – это те, кто сами совершают таинства, а диаконы всех трех ступеней (диаконы, протодиаконы и архидиаконы) сослужат священникам при совершении таинств, как и у нас. После 2017 года, в результате церковной реформы, диаконами без ограничений могут быть женщины, которые в этом случае называются диаконисами, и их довольно много. И диаконы, и пресвитеры могут быть как из белого духовенства (то есть не приносящего монашеских обетов), так и из черного, то есть из монахов, – в этом случае они называются иеродиаконами и иеромонахами. Стать таковым может как рукоположенный в диаконы или священники монах, так и постриженный в монахи овдовевший диакон или священник. Священники из белого духовенства должны быть женатыми. Неженатым священник может быть – например, если он овдовел (второй брак священникам запрещен) или просто не хочет жениться, – но в этом случае он должен принести обет целибата, как у нас, католиков, все священники. Все это точно так же относится и к диаконам, и к диаконисам. Священнический чин, как и диаконы, также подразделяется на три ступени: пресвитеры, протопресвитеры и архипресвитеры. Архипресвитеров ранее не было, а теперь ими называются священники, обеспечивающие благочиние в целом ряде приходов, обычно от 1 до 10% епархии (к ним так и обращаются – благочинный, а ранее они так и назывались), а также настоятели патриарших и митрополичьих храмов.

Следует сказать, что ныне священник в ВРПЦ в своем основном деле – совершении таинств – является полностью канонически самостоятельным в отличие от прежних времен. Это означает, что, хотя принцип священноначалия существует и неукоснительно соблюдается в отношении и богослужений, и организационных вопросов церковной жизни, он не относится к совершению таинств. Дело не в том, что таинство считается совершенным без всякого утверждения епископом и тот не может его отменить, – так было всегда. Но ныне епископ не может благословить священника (то есть, по сути, приказать ему) допустить к причастию такого-то, если священник этого не хочет, или, наоборот, не благословить венчать или крестить такого-то. Конечно, священник обязан при совершении таинств руководствоваться правилами, утвержденными Патриархатом (или в отдельных моментах митрополией и даже епархией). Например, в соответствии с решениями Архипастырского собора 2029 года он не может отказать в венчании на основании того, что один из супругов женат государственным браком: Церкви это не касается, и, если он не венчан, он может венчаться. Но это общие правила, за нарушение которых священник будет запрещен в служении, а конкретное решение в их рамках остается полностью за ним. Это следствие сознательного курса, который взяла Церковь, тогда еще РПЦ, на повышение роли пресвитеров (то есть священников), – курса, ставшего неизбежным после резкого повышения ее роли и значимости в общественной жизни страны в 10-е, а особенно в 20-е годы.

Перед VIII Вселенским собором, и особенно после него, в Церкви началась дискуссия о том, чтобы разрешить рукополагать женщин и в священники, хотя бы монахинь. Патриархия относилась и относится к этим дискуссиям весьма терпимо, потому что инициируют их не так называемые обновленцы, признанные на VIII Соборе ересью и анафе-матствованные (см. главу «Религия»), а вполне церковные, консервативные люди. Источником сомнений такого рода служит теперь вовсе не общелиберальное кредо, а принципиальное богословское разногласие: дело в том, что любой священник в известной степени прообразует самого Спасителя, поскольку совершает таинства Его именем и соединяет и разрешает данной Им властью. Именно это всегда было главным аргументом за то, что священник не может быть

женщиной – Спаситель вочеловечился мужчиной; могло ли быть иначе, мы не знаем, но факт таков. Однако игумен Роман, профессор семинарии в Александро-Невской лавре, еще в 2019 году написал труд, в котором поставил этот аргумент под сомнение. Его основным тезисом было следующее: в Сыне Божьем, как известно, по-халкидонски слиты две природы – Божественная и человеческая. Мужской пол имеет человеческая природа – Бог не имеет пола, потому что Он есть дух. Но человеческое тело Спасителя (непрославленное, то есть до Воскресения) не обладало никакими особыми свойствами – в отличие от языческих богов оно не отличалось ни могучей силой, ни неописуемой красотой, ни особой неуязвимостью. Да иначе и быть не могло: Спаситель сошел с небес и вочеловечился не для того, чтобы увеличить Свою силу, а для того, чтобы ее разбавить человеческой слабостью, – иначе нельзя было бы принести Себя в жертву, нашего ради спасения. Священник же, совершающий таинства, делает вещь сверхъестественную и, следовательно прообразует Божественную, а не человеческую природу Сына. Вот для ариан, которые отрицают Божественную Его природу и признают только тварную земную, писал игумен Роман, запрет хиротонисать женщин был бы вполне естественным. А мы, если соблазнимся и пойдем этим путем, должны тогда рукополагать исключительно евреев или по крайней мере обрезанных – ведь по человеческому естеству Спаситель был обрезанным иудеем.

Поскольку все последователи игумена Романа совершенно лояльны Церкви и ни в чем не поддержали обновленцев на VIII Соборе – напротив, сам Роман был руководителем богословской рабочей группы, готовившей заключение против них и их учения, – то Патриархат, как я уже сказал, считает эту дискуссию не покушением на устои, а нормальным богословским диспутом. Нынешний Патриарх Русский и Вселенский Николай высказался около восьми лет назад на эту тему так: «Помните ли, братья и сестры, как обличал Христос фарисеев: зачем преступаете заповедь Божию ради предания вашего? И Исаию поминал, также отрицавшего заповеди и обычаи человеческие в Божьих делах. Вот поэтому говорить, как иные из нас, что, мол, есть традиции, у отцов и дедов было заведено так, – негоже. Должны мы разобраться в этом, со смирением моля Бога о том, чтобы ниспослал нам познать истину, и истина сделает нас свободными». Тем не менее, хотя вопросу этому уже около тридцати лет, пока все остается по-прежнему – Церковь все-таки весьма консервативный организм и иным быть не должна. А с другой стороны, что такое для Церкви тридцать лет? При этом интересно, что сами верующие женщины – и диаконисы, и монахини, и мирянки – не проявляют никакой активности в этом вопросе и вовсе не являются его движущей силой. Наверное, будь это не так, отношение к этой дискуссии не было бы столь благожелательным – Церковь не терпит отстаивания групповых интересов. Я думаю, однако, что в нашем веке этот вопрос найдет свое положительное решение.

Материально священнослужители живут довольно скромно. По статистике за 2052 год, средний доход священника составлял 1154 рубля в месяц, в том числе у настоятелей – 1816 рублей (все это вместе с доходами от совершения треб), а у диаконов (включая диаконис) – 813 рублей. И хотя при этом налоги они не платят, но существенную часть из этого дохода они тратят не на себя, а на церковные же нужды, особенно настоятели. Позиция епархий в отношении настоятелей приходов, кроме как в особых случаях, такова: почти все, что вы заработали, остается вам – но и траты все осуществляйте из своих. Поэтому указываемый в статотчетности доход настоятелей в большой степени является малоинформативным – его располагаемая часть завышена. Но это и не очень существенно, потому что иереи в любом случае приносят обет нестяжательства, который теперь весьма строг и, в частности включает в себя отказ от любых роскошеств в любой части быта, независимо от того, за чей это счет. То есть живут священнослужители не по-монашески, но достаточно скромно – и по материальным возможностям, и по обету. Но сословие в целом считает, что так и должно жить – при любом другом варианте туда потянулась бы вереница людей, жаждущих в первую очередь комфорта и достатка. То есть духовное сословие, как и служилое, видит в исходно закрепленной бедности единственную гарантию чистоты рядов и залог силы.

Монашество также претерпело определенные изменения в результате церковной реформы: был провозглашен принцип, что главным в монашестве для стяжания Святого Духа является не только отказ от плотского, но и уход от мира. Это не означает смягчения условий

жизни для братии – никто не отменял и не смягчал ни монашеских обетов, ни монастырских уставов, – но контакты с внешним миром сильно ограничились. Теперь не встретишь, в отличие от дореформенных времен, иеромонаха, служащего священником в городском приходе и живущего в городской квартире – это считается монашеством не истинным, а притворным, даже если он живет на хлебе и воде. Уединенность от мира с его соблазнами, суетой и приземленностью, даже в относительно верующей России, только и может придать особую силу монашеской молитве, считает Православная церковь – а это один из столпов, на котором стоит вера в стране и сама страна. Поэтому даже те монахи, которые по роду деятельности активны в миру, в том числе и вышеупомянутые иеромонахи (священники и настоятели мирских приходов), чаще всего живут все равно в монастыре; это относится и к епископам (см. далее). Исключением является уход в странствие на несколько лет – это практиковалось по благословению и раньше, но теперь стало обязательным послушанием для иноков, не имеющих к этому противопоказаний. Теперь считается, что миру будет полезно, если в нем будут ходить монахи, напоминая людям своим примером о спасении и подвигах ради Славы Божией. По этой причине в странствие отправляют монахов не только что постриженных, но уже укрепившихся в вере.

Даже проход в монастыри мирян, к святыням или на службу, ограничен теперь в большинстве мест определенными днями; и исповедовать таких мирян архимандриты стараются ставить живущих при монастыре или в округе женатых священников, а не иеромонахов. Все это направлено на то же – сделать уход от мира для монахов более полным. Вообще монастырей в России много, и их количество, равно как и количество монахов, постоянно растет, что удивительно для благополучной и процветающей страны; причем социологические исследования четко показывают, что уходят в монастыри чаще вовсе не от нужды или неурядиц – скорее наоборот. Кого-то охватывает раскаяние и нестерпимый стыд за прежнюю жизнь, кому-то становится невыносимо противно от мелочной суеты окружающей действительности, а кто-то просто слышит зов к тихому и безмолвному житию, от которого невозможно отмахнуться, – но явно очень мало кто, в отличие от Средневековья, идет в монастырь, чтобы укрыться за его стенами от голода и ужасов мирской жизни. Может быть, поэтому монахов и монахинь в России очень любят, многие даже селятся рядом с монастырями, чтобы общаться с монахами и помогать им и деньгами, и работой, – их называют монахолюбцами (на общение с ними монашеские ограничения не распространяются); часто, хотя далеко не всегда, они являются общинниками (см. далее). Еще более распространено так называемое трудничество, когда человек или группа людей приезжает на один-два месяца в монастырь, живет, трудится и ходит на службу вместе с монахами. Во многих университетах и институтах, в том числе самых престижных, это принято или, по крайней мере, считается хорошим тоном для всех студентов первого-второго курсов во время летних каникул.

Трудно переоценить значимость монастырей в жизни Церкви и жизни Империи в целом. Мы привыкли к тому, что монастыри и монашеские ордена есть центры богословия и вообще учености; наверное, это так и в России, но это далеко не самое главное. Русские совершенно искренне полагают, что страна живет не только не хлебом единым, но и не силой единой: большинство из них уверены в том, что только Божье благоволение не дает России пропасть. Опросы показывают, что 78% населения Империи, в том числе более 90% среди русских, немцев и других народов-союзников, считают события 2019—2020 годов прямым проявлением Господней воли. Более 60% не сомневаются в том, что Господь послал на Землю своего архангела Гавриила, чтобы помочь России, и это и есть покойный император Гавриил Великий. Можно было бы подумать, что причина этого кроется в том, что хоть русские приложили достаточно усилий для своей победы, но особых жертв она не потребовала, – но нет, то же показывают опросы и по поводу Великой Отечественной войны, где русские заплатили своей кровью невиданную цену. В рейтинговых опросах, где можно указывать несколько причин, 69% называют главным фактором Победы героизм и жертвенность русского народа, 68% – руководство Иосифа Великого, а 74% – заступничество Богородицы. Причем считается, что вымолили это заступничество простые монахи, вроде преподобного Серафима Вырицкого; а иные и вовсе остались не известными людям – ну

ничего, Бог знает. Даже опричники, которые, по идее, должны бы считать себя защитой страны, разделяют такие взгляды. Император Василий V, человек глубоко благочестивый, однажды сказал так: «Мы, опричники, меч Империи, но ее щит – покров Богородицы и молитва праведников». И поэтому монастыри для русских в первую очередь – это не теологические центры, а источник такой молитвы.

Архиереи являются правящей частью духовенства, обладающей правом таинства рукоположения священников и новых епископов – цепочка рукоположений епископов не прерывалась со времен апостолов Петра и Павла. Ранее, до реформы, епископом мог быть только монах, то есть епископат относился к черному духовенству; ныне же им может быть и монах, и представитель белого духовенства. Этот пункт вызвал, наряду с рукоположением женщин, самые жаркие споры во время реформы; дело тут помимо прочего в том, что еще в 1990-х и 2000-х годах существовало движение так называемых обновленцев, которые, по сути, ратовали за превращение Церкви в некий клуб по интересам, как у многих протестантов. Традиционно настроенные православные круги абсолютно не принимали их, как и Патриархия, – а именно обновленцы и были самыми громкими адвокатами перехода к женатому епископату. Но поскольку реформу инициировали и тем более осуществляли не они, а, наоборот, самые консервативные круги Церкви (святитель Кирилл всегда считался их духовным лидером), а морально поддерживал ее антилиберальный, в том числе и в церковных вопросах, император Гавриил Великий – чего стоит одно только введение конституционного принципа православия как государственной религии! – то сторонникам реформы удалось отмежеваться от обновленцев и убедить остальных. Главным каноническим аргументом было то, что в ранний период существования Церкви так и было (см., например, у апостола Павла: «Да будет епископ мужем одной жены», то есть моногамным), и один из двух наиболее почитаемых в России святых – Николай Чудотворец, Мирликийский архиепископ, – был женат. Аргументом же злободневным было то, что Церковь лишается многих достойнейших архипастырей, которые вовсе не маловеры, они и постриглись бы с радостью – но они уже венчаны, а развода в православии нет (кроме случая прелюбодеяния супруга). Известно немало выдающихся иерархов, которые были венчаны, а потом постриглись (в том числе святитель Алексий, Патриарх Московский), разведясь или овдовев – а если бы этого не случилось? Но еще более важным был аргумент о том, что существующий порядок порождает ложных монахов – многие постригаются в большой степени из-за того, что только постриг открывает путь к высшим ступеням иерархии; этим объясняется и то, что у многих иерархов образ жизни в жилье, еде и т. п. был далек от монашеского, а все это ослабляет Церковь. В результате было принято компромиссное решение: епископат не становится белым духовенством, но может быть как из белого, так и из черного. Подразумевалось, что вначале, на некий неопределенный период, можно будет делать епископами и женатых иереев, но монахи будут иметь в этом приоритет. Так и произошло – по факту на сегодняшний 2054 год чуть более трех четвертей епископов являются монахами, а остальные – женатыми. Но теперь все епископы, являющиеся монахами, являются ими реально – живут в монастырях, причем не в особых покоях, а в примерно таких же кельях, как братия, так же питаются и т. д. Причем произошло это естественно, как и хотел патриарх Кирилл, – просто тем, кого истинно монашеская жизнь тяготит, нет более нужды принимать постриг, чтобы стать иерархом.

Иерархия епископов, или архиереев, после реформы стала более четкой: правящий архиерей епархии называется архиепископом, а помогающие ему так называемые викарные архиереи – просто епископами. Правящий архиерей митрополии, которых в Империи всего двадцать четыре и которые состоят обычно из 10—20 епархий, называется митрополитом, при котором кроме викарных епископов, есть один викарный архиепископ. Есть еще два экзарха, Сербский и Германский: первый является правящим архиереем митрополии (она в Сербском экзархате одна), а второй руководит тремя митрополиями, входящими в Германский экзархат, при том что и сам имеет сан митрополита (экзарх – это должность, а не сан). Глава Церкви называется Вселенским патриархом, при нем есть один викарный митрополит, он же по должности управляющий делами Патриархии, и викарные епископы и архиепископы. Крупными монастырями также руководят епископы – это пошло еще с

середины 2000-х годов. Причем теперь не разрешено совмещение: патриарх не правит лично ни одной митрополией или епархией, митрополиты не правят лично ни одной из входящих в митрополию епархий и не возглавляют сами (как и остальные епископы) приходы, монастыри или духовные учебные заведения. Таким образом, в богослужении теперь, во время литургии, произносятся славословия не двух епископов, как ранее, а трех: «Предстоятеля нашего, Патриарха Русского и Вселенского имярек, и господина нашего, митрополита такого-то имярек, и властителя нашего, архиепископа такого-то имярек, да помянет Бог во Царствии Своем». Кроме епархиальных советов, теперь есть еще митропольные, куда входят по сану все епископы митрополии, а также благочинные архиереи.

С конца XX – начала XXI века в положении епископов в Церкви произошли значительные перемены. До того, при условии сохранения верности православию и Патриархату, во всем остальном они были практически бесконтрольны. Это выражалось в ряде вещей: значительное их число жило в роскоши, а нередко и в грехе, совершенно не по-монашески, и на это закрывали глаза; многие без стеснения неправедно обогащались на своих епархиях и скапливали немалые состояния, на это тоже закрывали глаза; весьма часто они совершенно не в духе братской любви и даже обычной справедливости, а, наоборот, в духе деспотизма и произвола обращались с подчиненными им священнослужителями; и тому подобное. Это относилось далеко не ко всем архипастырям, и даже, наверное, не к большинству – очень многие были достойным украшением Церкви, – но к немалому числу. Конечно, для Православной церкви любые модернистские проявления были неприемлемы, и потому ни о каких формах подотчетности епископа пастве речи идти не могло: епископ должен отвечать только перед Богом и патриархом – тогда будет хорошо и пастве. Но с другой стороны, хорошо известно и из светской, и из церковной истории, что неограниченное самовластие к нижестоящим непременно приводит к злоумышлениям против вышестоящих. Поэтому, окрепнув, правители всегда ограничивали своих князей (сатрапов, бояр и т. д.), а церковные предстоятели – иерархов: иначе не избежать беды. Тревожным звонком для Русской церкви должна была бы стать история владыки Филарета – но не стала. В 1992 году Архиерейский собор РПЦ отстранил этого предстоятеля Украинской церкви в составе РПЦ за недостойное поведение, наносящее ущерб Церкви, но было поздно – он ушел в раскол и принес этим Русской церкви и русскому государству большие бедствия. А ведь и раньше все знали, что он живет в роскоши с гражданской женой и детьми и относится к клиру как к холопам. Казалось бы, надо извлечь простой урок – что и архипастыри не все святые, тем более что у православных нет догмата о непогрешимости даже патриарха (в отличие от нас, католиков), так что внутренне принять это вроде бы не сложно; но не извлекли, списали все на специфику Украины. Но во второй половине 2000-х и первой половине 10-х годов еще трое правящих иерархов (два митрополита и один архиепископ) пытались уйти в раскол уже в самой России, правда неудачно; и все трое до этого отличались теми же грехами. На это уже надо было реагировать, хотя бы ради гарантии сохранения единства Церкви в будущем.

Патриархия предприняла меры и организационные, и духовные. Первые в основном касались изменений в функционировании архиерейского суда. До того жалоба клирика на епископа неизменно и несомненно решалась этим судом в пользу епископа, и понудить их решать иначе патриарху было бы нелегко – все члены суда сами были епископами. Да и стимулирование священнослужителей к сутяжничеству с архипастырями совершенно не соответствует настрою Православной церкви – неравенство ее чад представляется естественным и правильным, как следствие разных даров Святого Духа. Поэтому Патриархия выбрала несколько другой путь: теперь если клирик писал на епископа жалобу, не завершающуюся просьбой решить вопрос в его, клирика, пользу, а просто указывающую на недостойное поведение епископа (то есть донос), то вопрос передается во вновь созданный розыскной отдел Патриархии. Когда тот завершает расследование и выносит его на архиерейский суд (если факты подтверждались), это делается уже от имени отдела, как правило даже без указания имени жалобщика, – проигнорировать это гораздо труднее. Притом до священнослужителей было доведено, что, подавая такие жалобы на архипастыря

(без личных требований), они делают благое дело для Церкви.

Но одновременно с усилением контрольной и судебной функции патриарх довел лично практически до всех епископов: никаких излишеств в еде и питье, никаких роскошных покоев, никаких представительских лимузинов. Вам многое дано, но с вас многое и спрашивается, к тому же вы монахи. При этом сам патриарх показал пример, отнеся вышеназванные требования и к своему быту – Церковь к тому времени достаточно укрепилась для того, чтобы авторитет предстоятеля уже не зависел от внешней мишуры, которую так любит народ. Также было доведено до епископов: властолюбие – еще более тяжкий грех, чем любовь к роскоши. « Христос умывал ноги Своим ученикам, – сказал патриарх, – и вы не должны относиться иначе к тем, чьим священноначальником вы являетесь». Все это не сразу, но дало результаты: к нашим дням правящие епископы в подавляющем числе являются начальниками абсолютными и строгими, но любящими и не вздорными. Упомянутое выше усиление роли иереев не могло бы произойти без этого.

Церковные люди. Если в Средние века только духовенство и составляло духовное сословие, то в современной Российской Империи к нему относятся и общинники: это миряне, для которых Церковь и церковная жизнь составляют, однако, главное содержание и центр их жизни. Они либо работают в своей приходской церкви, либо отдают ей часть своего заработка, если работают на стороне (как правило, пятину, то есть 20%); но обязанности их по приходу не ограничиваются этим – они делают и любую другую работу по храму, а также в рамках благотворительной деятельности.

Они приносят обет, как опричники и духовенство: о послушании, о строгом соблюдении Христовых заповедей и церковных установлений, о нестяжательстве, о восприятии страданий других как собственных, о готовности отдать все имущество и время для помощи другим и т. д. В сущности, это монахи и монахини в миру, отличающиеся от них в основном отсутствием обета безбрачия. Кстати, они в своем обете, наоборот, обещают никак не ограничивать число своих детей, во исполнение заповеди «плодитесь и размножайтесь» (для обычных православных меры по предотвращению беременности, особенно когда дети уже есть, не считаются в отличие от аборта грехом). Они образуют общину вокруг своей церкви (отсюда их название); но если у нас церковной общиной считаются все воцерковленные люди, ходящие в этот или в основном в этот храм, то у русских это называется приходом, а община – это гораздо более узкий круг. Этот элемент церковной жизни имеет корни в давней традиции – в России всегда был так называемый церковный причт, который занимал важное место в Церкви и даже делегировал представителей на Поместные соборы; нынешняя община является, по сути, расширенным причтом.

В случае с общинниками, как и с опричниками, конституционная реформа 2013 года никому ничего не навязывала (в плане сословности) – ее творцы знали, что в стране и так есть много мирян, для которых вера и Церковь не просто подмога в жизни, а главная ее часть и смысл, и просто конституировали их в отдельное сословие. Однако общины бывают не только такими (то есть внутренними кругами приходов), но и автономными: в последние тридцать лет все более частым становится случай, когда группа семей решает уехать из города и поселиться вместе, построив себе поселок относительно вдали от больших городов, и там уже построить себе храм и попросить священника. Государство это всячески поощряет – бесплатно выделяет землю из своего земельного фонда, а также помогает кредитом. Вообще-то это нетривиально, поскольку государство от них ничего не имеет: налогов первое сословие не платит, а призыва в армию в России нет. Но считается, что такие общины есть квинтэссенция русского духа и улучшают духовно-нравственную атмосферу в стране по сравнению с погрязшими в грехах мегаполисами. Часто бывает, что автономные общины возникают рядом с монастырями, если они собираются из монахолюбцев, – я уже писал об этом. Автономные общины, как правило, имеют свой устав, и достаточно часто он устанавливает еще более жесткие правила, нередко граничащие с коммунистическими принципами (исключительно общая собственность и т. п.). Автономные общины обычно занимаются сельскохозяйственным производством, хотя нередко они производят в небольших количествах и промышленные товары, и даже оказывают иногда высокотехнологические услуги. В автономных общинах всегда выше рождаемость и ниже

преступность (обычно ее нет вообще), а также, что статистически подтверждено, ниже заболеваемость и дольше продолжительность жизни. В общем, надо честно отметить, притом с некоторой завистью, что российские общины, особенно автономные, весьма напоминают общины ранних христиан. Сейчас в ВРПЦ идет дискуссия – не следует ли считать часть этих общин особого рода монастырями, где живут семейные пары; это кажется экзотичным, но так уже было в Византии (так называемые конкубинатные монастыри).

Соборы и Синод. В Православной церкви важнейшие решения принимаются достаточно демократически – на разного уровня соборах и в других коллегиальных органах. Важнейшие вопросы церковной жизни – догматические, канонические и другие богословские вопросы, прославление в лике святых и иное – решают Поместные соборы – они происходят раз в пять лет. Выборы нового патриарха также происходят на Поместном соборе – жребием, как это практиковалось на Руси еще со времен Новгородской республики. Участвуют в жребии в качестве кандидатов все епископы Православной церкви независимо ни от их статуса, ни от наличия собственного желания – Божьей воле негоже ни помогать, ни перечить. Кстати, этот появившийся после реформы порядок вызвал в Церкви весьма серьезные последствия: к рукоположению во епископы теперь подходят не то чтобы серьезнее (и раньше подходили серьезно), но иначе – ведь этот епископ вполне может быть следующим патриархом, причем с той же вероятностью, что любой самый заслуженный митрополит. Аналогичные изменения произошли в отношении уже рукоположенных епископов друг к другу, особенно вышестоящих к нижестоящим. Но главное то, что высшая иерархия Церкви личным примером показала и показывает всем верующим, что принцип духовного сословия «положимся полностью на волю Божью, не будем мешать ей своей волей» может и должен быть не абстракцией, а реальной нормой жизни.

На Поместные соборы делегирует своих представителей каждая община (как и каждый монастырь, плюс один священник от прихода), но не прихожане, в общину не входящие. Промежуточные по важности решения принимаются на Архиерейских соборах, которые происходят раз в год, – туда входят все, имеющие сан епископа (кроме принявших великую схиму). Остальные вопросы, требующие коллегиального («соборного») обсуждения, решаются Священным Синодом, собирающимся по мере необходимости. В него по должности входят патриарх (он его председатель), 24 правящих митрополита, Германский экзарх и викарный митрополит патриарха, он же управделами, – итого 27 человек. Назначения, однако, в соответствии с православным пониманием священноначалия не относятся к коллегиальным вопросам: решение о возведении в сан митрополита принимает единолично патриарх, о возведении в сан архиепископа – митрополит, о рукоположении в епископы – архиепископ. Правда, и патриарх, и митрополит могут сами рукоположить кого-то в епископы и благословить правящего архиепископа епархии взять его в штат, но это не очень практикуется – в организационных вопросах руководство Церковью, после ее превращения в ВРПЦ, стало более формализованным и иерархическим. У Священного Синода есть и еще одна функция – он является архиерейским судом, который рассматривает дела всех епископов и архиепископов. Дела же митрополитов, которые все сами члены Синода, рассматривает тройка из патриарха и двух митрополитов, которых патриарх благословляет для данного конкретного случая.

Податное сословие

Прежде чем перейти к сравнительному анализу всех трех сословий и общему анализу сословности как способа общественного устройства, необходимо сказать несколько слов о третьем сословии. Однако говорить о нем особо нечего, потому что в отличие от первых двух третье сословие образовано по остаточному принципу. Это значит, что для того, чтобы стать членом духовенства или опричнины, гражданину надо принять сознательное решение и совершить соответствующие действия, причем действия, связанные со значительными самоограничениями и даже тяготами. Для того же, чтобы быть членом третьего сословия, делать ничего не надо – им автоматически является любой гражданин, достигший пятнадцати лет и не входящий в первое или второе сословие. Можно прямо сказать, что служилое сословие целиком является одним большим кланом, и духовное тоже. В силу этого все опричники довольно схожи между собой, как и все церковные люди, – ведь они принимали одинаковое решение, входят в один клан и ведут в значительной степени схожую друг с другом жизнь. Земцы же не имеют такого общего элемента, и потому они все разные – в силу этого почти нечего сказать о них в целом.

Третье сословие называется податным, потому что оно платит налоги, в то время как духовное и служилое сословия налогов не платят. К слову, в отличие от былых времен это имеет в значительной мере чисто символическое значение, потому что опричники не имеют других доходов, кроме имперского жалованья, а с него брать или не брать налог, абсолютно безразлично (в последнем случае оно просто будет меньше на величину налога). Ничего другого, кроме обязанности платить налоги, земцев не роднит – к ним относятся предприниматели и работники, ученые и писатели, артисты и инженеры и т. п. Разумеется, можно и нужно вычленить нечто, объединяющее большинство земцев и отличающее их от церковных людей и опричников, и я это сделал – однако речь об этом пойдет в следующем разделе. Единственное, о чем нужно сказать здесь, – это об отношении земцев к делу (в смысле к профессиональному труду). Общепринятое в податном сословии отношение к делу, которым занимаешься, таково: хорошо и ответственно делать свое дело, добиться в нем успехов, вырасти или даже стать лучшим в своей профессии – все это рассматривается в первую очередь не как способ заработать и сделать карьеру (это само собой), а как некое сакральное деяние, смысл жизни, выполнение своего предназначения на Земле, данного от Бога. Причем не важно, кто ты и соответственно что у тебя за дело – хоть руководитель огромного предприятия, хоть простой оператор удаленного механизма; «он честно делает свое дело», «он не щадит себя в своей работе», а тем более «он один из лучших в своем деле» – высшая оценка человека у земцев. Я не случайно поставил в ряд определения, свидетельствующие как о достижениях, так и просто о самоотдаче – у русского народа второе ценится не менее первого, и зачастую эти две вещи не особо различают; как гласит русская пословица, «если долго мучиться – что-нибудь получится». Такое отношение к труду граничит у земцев с культом: на поминках всегда говорят о том, каким достойным врачом (инженером, финансистом – кем угодно) был новопреставленный, каким высоким профессионалом, и то же часто пишут на надгробиях – хотя, казалось бы, какое значение для покойного имеет все, кроме того, каким он был человеком. Труд играет для земцев ту же роль, что служба Богу или державе для первых двух сословий. Собственно, труд для них (а это слово включает и предпринимательство, и творчество, и любую другую осмысленную деятельность, которая априори считается общественно полезной) и есть их служба и Богу, и державе.

По причине вышеуказанной разнородности у земцев нет и не может быть никаких сословных обычаев – а с другой стороны, таковыми можно считать любые общенародные обычаи, поскольку земцы составляют более 90% населения. Но есть исключения: один такой обычай был внедрен сверху при Гаврииле Великом еще в 2013 году, и он заслуживает упоминания именно в этой главе; он называется «братчина» – это старорусское слово обозначало общинную праздничную трапезу. Выглядит это в современной России так: каждое воскресенье во второй половине дня все общины в стране устанавливают на улице импровизированные столы для общего пира; происходит это ровно там, где община располагается, – прямо в селе или во дворе микрорайона в городе. Зимой же это происходит в общинных центрах, которые сейчас есть уже практически везде, – имперский бюджет

покрывает до трех четвертей их цены. Напомню, что община в России – это около пяти тысяч человек; все пять тысяч за стол одновременно усаживаются редко, но тысячи полторы человек в таком застолье обычно участвует. Приносят кто что может из еды и выпивки или денег на их покупку – этот процесс у русских всегда прекрасно самоорганизуется. У кого нет ничего, тот тоже не получает, как говорится, «от ворот поворот», а просто вместо этого больше других участвует в работе по подготовке – это незыблемый обычай. Главное – люди разного материального достатка и общественного положения, если они живут в одной общине, один раз в неделю (в реальности, скорее, раз в месяц, потому что не все участвуют каждую неделю) проводят вечер вместе. Шесть дней ты был кем-то, а на седьмой ты просто российский гражданин – с утра сходил в церковь, а вечером пируешь с соплеменниками.

Само веселье на братчине состоит в совместном и сначала более-менее упорядоченном употреблении алкоголя (обычно неумеренном), после чего одни начинают танцевать под музыку из принесенных кем-нибудь звукоизлучателей или под генератор общевирту, другие ведут друг с другом пьяные разговоры, а некоторые даже поют. Нередки драки, но обычно без злобы. По обычаю, любой случайно оказавшийся в общине человек (чей-то гость, например) или даже прохожий пользуется нерушимым правом присоединиться к братчине, и его нельзя прогнать. Часто на братчины заходят опричники – у них свои аналогичные братчины, но устав велит им раз в три недели участвовать в братчинах земцев (плюс раз в три месяца – в братчинах церковных людей). Сложилась твердая традиция: опричник подходит к готовящим столы или к уже усаживающимся и спрашивает: «Не нужен ли вам охранник?» – «Сами справимся, – отвечают ему хором. – А тебе что, очень выпить хочется?» – «Хочется», – вздыхает гигант опричник. «Ну садись», – говорят ему.

Обычай братчины особо строго соблюдают те, кто является публичными фигурами, независимо от сословия: имперское и земское начальство, капитаны бизнеса, звезды кино, вирту и музыки. Они проводят каждое воскресенье на братчинах в разных общинах, и их не поймут, если они не будут этого делать.

Внедрение в быт, а потом в традицию обычая братчины был первым серьезным испытанием имперской службы социального обустройства, которая тогда называлась группой (чуть позже – управлением) социальной инженерии. И она выдержала испытание – к 2020 году, то есть за семь лет, обычай уже стал достаточно распространенным, а ныне в братчинах регулярно участвует более 50% населения Империи – при том что никто силой не заставляет. Я сам на правах гостя неоднократно участвовал в братчинах и чувствовал изнутри их атмосферу. Надо сказать, что замысел Гавриила Великого о том, что этот обычай внесет немалый вклад в создание у людей ощущения принадлежности к нации как к одной большой семье, явно оправдался – как и то, что благодаря именно этому живущие в одной общине люди все знают друг друга. Странно, конечно, дорогие соотечественники, что для создания такого чувства единства и сопричастности было выбрано не совместное участие в неких финансовых институтах типа общественных фондов или в общих работах, например по благоустройству, а участие в совместных пьянках – но кто поймет душу другого народа?

Другим обычаем, который весьма распространен среди земцев, являются кулачные бои. Он уже существовал в России прежде, века до восемнадцатого, и возродился несколько десятилетий тому назад. Происходят эти бои по праздникам, кроме Пасхи и Рождества, особенно в Крещение. Обычно сходятся два соседних села или микрорайона в городе, входящие в разные общины (см. ниже) – бои внутри одной общины не приняты. Участвуют в них обычные люди – если в одной из общин живет профессиональный спортсмен-боец, то он участие в боях не принимает. Также существует категорический запрет на использование всякого рода бит, свинчаток и тому подобных вещей – запрет на применение подобных орудий прописан даже в уголовном законодательстве. Как правило, вначале бьются стенка на стенку, а потом (иногда на следующий день) самые крепкие бойцы – один на один. Как ни странно, здесь нет никакого культа насилия – противники не испытывают друг к другу злости, а тем более радости от причинения боли или увечий. Подобная традиция – просто способ показать свою молодецкую удаль, покрасоваться перед друзьями и девушками, так что нет ничего удивительного в том, что едва не убившие друг друга люди после боя с удовольствием и взаимной симпатией участвуют вместе в застолье.

Но говоря о том, что все земцы разные, нельзя не заметить некоторую закономерность: российский народ (если называть этим словом только земцев, которые, впрочем, составляют около 95% населения) – это вне всякого сомнения не один народ, но и не множество – это в реальности два народа, достаточно отличных друг от друга и относящихся друг к другу едва ли не хуже, чем к народам иноземным. Один, который можно условно назвать «европейцами» (не путать с европейцами по крови, например французами, испанцами, англичанами и т. д.), – это люди, глубоко проникнутые либеральными ценностями, и в этом смысле они очень похожи на нас. Я в их компаниях чувствовал себя полностью как среди своих, тем более что и наши три языка они, как правило, знают, и говорят на них с большим удовольствием, чем на русском или немецком. Когда я говорю про либеральные ценности, я имею в виду не формальные личные и имущественные права человека: за исключением прав политических, они защищены в России, мне кажется, в общем и целом не хуже, чем у нас, – в чем-то меньше, а в чем-то больше (хотя русские «европейцы» с этим категорически не согласны). Я подразумеваю здесь либерализм в более глубоком, мировоззренческом смысле: а) восприятие личного счастья как цели человеческой жизни и соответственно государства – как инструмента обеспечения максимального счастья своим гражданам; б) полное неприятие государства сильного, как и вообще любой сильной власти; в) полное отсутствие внутренних, абсолютных запретов (в отличие от относительных запретов, налагаемых человеческим законом) и неприятие самой идеи, что они могут существовать как часть общественной жизни; г) неприятие религии как элемента общественной жизни, а сильной религиозности – даже и как элемента жизни частной; д) абсолютный индивидуализм, полное неприятие примата общего, коллективного, над частным; е) полное неприятие национального как существенного элемента, самоидентификация себя как «граждан мира»; и наконец, ж) вера в абсолютный примат всего плотского (включая, разумеется, и интеллектуальное, и творческое, но в первую очередь материальное), основанная на абсолютизации ценности земной жизни (даже если абстрактно веришь и в загробную). В противоположность им «евразийцы» (эти названия условны – можно вместо этого называть их «либералы» и «традиционалисты») воспринимают в качестве цели жизни не счастье, а долг – в их понимании не государство априори должно гражданину, а гражданин государству: а) они рассматривают индивидуализм как изъян человека и считают самоценностью коллектив любого рода, а равно сильную державу, особенно такую, которую боятся соседи; б) национальное и коллективное имеет у них примат над космополитическим и личным; в) государственная религия и, как следствие, наличие не рационализируемых априорных запретов имеет примат над запретами юридическими; а главное, г) спасение и вечная жизнь имеет примат над земным. Конечно, это не более чем устремление – подавляющая часть «евразийцев» в реальной жизни стремится к материальным благам и плотским удовольствиям нисколько не меньше, чем «европейцы». Но очень глубоко в их мозгу (или душе) сидит представление о том, что это не главное, и оно может неожиданно проявляться в самых разных жизненных ситуациях.

Разница между этими мироощущениями поистине космическая: «европейцы» воспринимают себя как атомы в плазме, которые летают как хотят, не будучи связаны с другими, этакие элементарные частицы, а «евразийцы» – как атомы в молекуле или, скорее, даже в кристалле, как часть целого, связанную с другими частями в строгом ансамбле. Поэтому мне очень смешно, когда в художественной публицистике русских и немцев, являющихся в основном «евразийцами», называют людьми огня. Наоборот, несмотря на свою склонность к коллективным иррациональным безумствам, эти нации явно есть люди льда, чья эстетика тяготеет к незыблемой гармонии кристалла, а не к вечной изменчивости огня. И если сравнивать не разные нации друг с другом, а «европейцев» и «евразийцев» внутри российского народа, мы увидим такую же разницу в эстетике и, как следствие, – в отношении ко всем сторонам жизни. «Европейцы» не любят Российскую Империю, презрительно называют ее Раисой Ивановной (по заглавным буквам) и «самой большой тюрьмой на Земле», а лучшей страной в мире, образцом для подражания считают нас. (Правда, степень либерализма нашей Федерации в их представлении, по сравнению с реальностью, сильно преувеличена.) «Евразийцы» же считают образцом именно свою

Российскую Империю, несмотря на ее отдельные недостатки, а к нам относятся достаточно безразлично, считая нас, впрочем, местом, где всей жизнью правят деньги. «Евразийцы» хорошо относятся к духовенству и опричникам, и, даже если сами никогда не предполагали ими стать или увидеть среди них своих детей, они расценивают это просто как «не хватило духу»: не всем же, мол, быть героями, кто-то должен и за прилавком стоять. «Европейцы» же опричников ненавидят, а к духовенству относятся в лучшем случае полностью отчужденно. Кстати, это проявляется и в общей стилистике: «евразийцы», хотя и не служат сами в армии, как правило, любят все, связанное с силой, – телепередачи про полицейские операции и боевые действия, триумфальные парады, фильмы и вирту о войне, вообще мужественность. «Европейцы» же презирают все это, называют игрой в солдатики, их общий стиль включает пацифизм, и представить себе кого-то из «европейцев», имеющих по доброй воле любовника или любовницу из опричников, совершенно невозможно. И так во всем.

Это мое наблюдение по поводу двух народов не ново – об этом писали многие мыслители – и русские, и иностранные, еще в XVIII, XIX и начале XX века. И в начале нашего века известный российский государственный и общественный деятель того времени Альфред Кох справедливо писал, что это разделение никуда не делось и в демократической Российской Федерации и вовсе не коррелирует с принадлежностью человека к высшим или низшим классам – что по имущественному, что по социальному положению. Но удивительно, что и сейчас, после триумфа России и полного поражения от нее западной цивилизации (а следовательно, и либерализма), это все равно сохранилось. Причем дело здесь совсем не в разбавлении российского народа западноевропейцами – их среди тех, кого я здесь называю «европейцами», особенно среди активной их части, не так уж и много, в силу полной исторической деморализации, а немцы так и вовсе еще большие «евразийцы», чем русские. И так же, как во времена Коха, нет однозначных социальных корреляций – и тех и других хватает во всех слоях общества, разве что «европейцев» больше среди так называемой творческой интеллигенции, то есть, по-нашему, богемы. Общее же их количество я бы обозначил как процентов восемь—двенадцать от населения, не меньше, при том что и отчетливых «евразийцев» не более тридцати—сорока процентов, а остальные не имеют четких взглядов или имеют промежуточные. То есть «европейцы», конечно, составляют меньшинство, но их вовсе не ничтожно мало, и их противостояние с большинством достаточно острое, хотя и не носит пока насильственных форм; я не представляю, когда и как это противостояние кончится. Хотя по ходу изучения русской истории меня не покидает мысль, что это противостояние есть проявление неразрывной диалектической связи между ними и они не могут существовать друг без друга, как инь и ян, мне тем не менее кажется, что это весьма чревато социальными катаклизмами, вплоть до революции. Такая поляризация по взглядам вполне может сыграть в революционной ситуации роль, которую обычно играет поляризация по доходам (она-то как раз в России не так и велика). Власть понимает это не хуже меня – когда я удостоился аудиенции с начальником Имперского управления безопасности, знаменитой Алевтиной (урожденной Альфией) Ицхаковой – по мнению очень многих, кстати, следующим императором, – она спокойно подтвердила: «Да, это враги. Не такие, как вы, китайцы или исламисты – те просто противники, – а именно последовательные, многовековые враги, с которыми тесно на одной планете, тем более в одной державе. Они – слуги Сатаны, вольные и невольные, имя которым легион. И не надо недооценивать их опасность – их предшественники подготовили все, чтобы свалить в 1917 году Российскую Империю, а в 1991 году – СССР. Да, они слабы, но их темный хозяин помогает им». – «И что же вы собираетесь делать?» – спросил я. «Третий раз разрушить Империю мы им не дадим, как не дали в тридцать седьмом году, – ответила Ицхакова, имея в виду подавленный Михаилом Усмирителем мятеж 2037 года. – Но с другой стороны – что с ними делать? Начни их масштабно давить, и они тут же приобретут ореол борцов и мучеников, а у остальных возникнет ощущение общей угнетенности, что стране вовсе ни к чему. Нет, уж лучше так, как делают с нарывом – ждут, пока созреет, а потом уж безжалостно прижигают каленым железом». – «То есть вы дождетесь их выступлений, или даже спровоцируете их, и тогда будете их убивать? – опешил я. – Но ведь это ваши граждане, и их очень много». – «Когда выходишь на бой с врагами, – усмехнулась

Ицхакова, и я понял в этот момент, почему эту женщину, притом редкой красоты, боятся даже ее товарищи, – их не пересчитываешь. Их убиваешь, пока не убьют тебя или пока они не побегут». Пусть этот разговор послужит неким отрезвлением для тех из вас, дорогие соотечественники, у кого из предыдущих глав сложилась уж слишком благообразно-безоблачная картина российской жизни.

Сословия в сравнении друг с другом

Три российских сословия – это три совершенно разных образа веры, мыслей и действий, которые в своем синтезе и представляют российскую нацию в целом. Причем то, что их именно три, – совершенно закономерно, их не могло быть два или пять, и не случайно, что во всех сословных обществах прошлого, от Древней Индии до средневековой Европы, существовали те же три сословия. (Наличие четвертых, соответственно шудр и сервов, было связано с существованием рабства или полурабства – без него они ничем бы не отличались от третьего сословия.) Это связано с тем, что на основные онтологические вопросы человеческого бытия имеется три варианта ответа – они и отличают сословия друг от друга. Начнем с представления о главном смысле индивидуальной жизни и главном средстве достижения этого смысла – то есть с вопроса о том, для чего человек живет. Для первого сословия это спасение, для второго – власть (но помните, что для опричников власть – это служение), а для третьего – успех. Главным же средством, главным индивидуальным качеством, необходимым для этого, у первого сословия является вера, у второго – сила, а у третьего, как это ни жестко звучит, – себялюбие (во всех трех случаях не считая, разумеется, личных способностей).

Можно поставить вопрос по-другому: не для чего, а для кого человек живет? Духовенство живет для Бога, опричники – для державы, а земцы – для себя (или своих близких – в таком контексте это все равно для себя). Возможно, это звучит слишком однозначно – ведь люди многих профессий, скажем врачи, учителя, социальные работники, имеют полное право заявить, что они живут для других людей, – но русские понимают это именно так, как я написал. Твоя работа может приносить пользу другим людям, так и должно быть, но это работа, за которую тебе платят, и – главное! – в случае твоего профессионального успеха и вознаграждение, и слава будут твоими; это не называется жить ради других. В подобном ключе становится совершенно ясно, почему первым, вторым и третьим называются духовное, служилое и податное сословия, а не наоборот: это вытекает из русской иерархии ценностей: Бог– держава – человек. И естественность этой иерархии прекрасно иллюстрируется тем, как идут процессы перехода из сословия в сословие: из третьего сословия люди уходят и во второе, и в первое, становясь опричниками или духовенством; из второго опричники нередко уходят в первое, чаще в монахи, и почти никогда в третье; члены же духовенства практически никогда не уходят из своего сословия.

Из разных жизненных приоритетов проистекает и разное отношение к деньгам, к богатству: для всех земцев деньги – объект желания (с разной силой, но для всех), для опричников – объект презрения (в силу противоположности идей богатства и власти), а для духовенства – объект безразличия (как поется в любимой в первом сословии песне, сочиненной иеромонахом Романом, «я ничего с собою не возьму, / и потому мне ничего не нужно»). И к коллегам по сословию отношение разное: для церковных людей все остальные церковные люди – единоверцы, так же как для опричника все остальные опричники – единомышленники, и в этом их богатство. У земцев же есть только друзья и партнеры, которых по определению не может быть очень много, а просто другие земцы для них никто. Интересно, что даже обращения друг к другу в разных сословиях разные: в третьем сословии это «господин» или в более уличном варианте «гражданин», во втором сословии – «товарищ», а в первом – «брат». Поэтому в разговорном русском языке сословия называют не по номерам или названиям, а «братья», «товарищи» и «господа». Сословия по-разному не только обращаются друг к другу, но и здороваются и прощаются: церковные люди говорят при этом «помогай Бог» и троекратно целуются, опричники говорят «будь сильным» и обхватывают друг другу предплечья, а земцы говорят «здравствуй» или «будь здоров» и пожимают руки, как у нас. Все это является частью русского отношения к жизни, и как в российском обществе представлены эти три образа в виде трех сословий, так они представлены – в каких-то пропорциях – в каждом человеке.

Здесь необходимо сказать несколько слов об элитах. У нас, дорогие соотечественники, к ним, естественно, относятся наиболее яркие представители всех страт общества, которые в России относились бы ко всем трем сословиям: и высшее духовенство, и политические лидеры, и военная и полицейская верхушка, и капитаны бизнеса, и лидеры науки, и звезды культуры и т. п. Не так в России: официальная идеология (впрочем, явно разделяемая в этой

части большинством населения) считает национальными элитами только первые два сословия, а писатели и предприниматели, телеведущие и ученые и все другие известные и влиятельные люди, относящиеся к податному сословию, могут быть сколь угодно уважаемыми и ценными для страны, они явно являются и соответственно считаются «сливками общества», но не элитами. Под элитами понимаются не столько особо преуспевшие люди, обладающие в результате богатством и славой, сколько вожди; а как учил Спаситель, не могут слепые быть вождями слепых. Что же, по русским представлениям, дает возможность первым двум сословиям быть вождями и чего нет у даже самых лучших людей из третьего, так что они суть слепы? Ответ на это прост и четок – самопожертвование. Величие человека не в том, чего он добился, а в том, чем он для этого пожертвовал. Это очень глубокий пласт мироощущения русских – у них даже в частной жизни благодарность к другому человеку испытывают не в зависимости от того, сколько он сделал для тебя, а в зависимости от того, сколько он от себя для этого оторвал. В культовом российском фильме 30-х годов «Дорога на Кавказ» главный герой, живущий недалеко от мультимиллионера, который установил у себя климатическую установку, восклицает: «Да, у меня теперь тоже постоянно хорошая погода, но за что мне быть ему благодарным – он же не для меня это делал!» Поэтому, хотя в Империи есть магнаты-миллионеры и даже миллиардеры и, естественно, многие им завидуют и хотят жить так же, нет общепринятого к ним уважения и вообще хорошего отношения (хотя нет и ненависти): ну да, он создал новую отрасль экономики, молодец, и это полезно всем, но он же для себя старался. То есть если кто-то сделал что-то общеполезное, но ради себя, а не ради других (а критерием здесь служит исключительно самопожертвование), то русские готовы признать его молодцом, но не считают себя перед ним в долгу. Иначе, с их точки зрения, надо было бы благодарить врагов России, от Запада до исламистов, потому что те, заставляя российскую нацию сплотиться перед лицом опасности, объективно всегда приносили ей гораздо больше пользы, чем союзники.

Такое отношение к самопожертвованию и предопределяет, кого в России относят к элитам: служилое сословие отказывается от нормальной жизни, семьи и вообще от всего материального ради власти и славы в служении стране, духовное сословие ради спасения себя и всех отказывается даже и от власти и славы, вплоть до ухода от мира (священноначалие не в счет, это не мирская власть), а податное сословие не отказывается ни от чего. Такой отказ (только обязательно ради каких-то идеалов, а не как отказ от сладкого ради стройных бедер) есть синоним устремления к горнему. А только устремленный к высшему, освободившийся от животных инстинктов может быть вождем, считают русские, – устремленный к земному может быть только кумиром. Поэтому лишь первые два сословия и являются вождями; то, что духовное сословие не обладает избирательным правом в светских делах, и в частности не участвует в выборах императора, есть позиция самой Церкви – «несть бо власти, аще не от Бога». Но то, что высшие сословия сознательно делают испытания и лишения постоянной частью своей жизни, имеет еще и чисто инструментальное значение для построения многовековой Империи, поскольку из истории известно, что любые движения – и политические, и религиозные, – которые когда-либо приходили к власти, становились непобедимыми именно в результате испытаний и лишений. Но обретя власть, они погружались в роскошь и тем самым быстро теряли свою силу. Русским элитам это не грозит.

Те же весьма многочисленные люди, кто принадлежит к третьему сословию, но имеет смешанные жизненные мотивации (то есть и личное преуспевание, и общественное благо, причем второе часто на первом месте) и кто не мыслит себя вне служения другим людям или державе, есть ближний тыл элит. К ним относятся многие из врачей, ученых, учителей, освоителей новых земель и т. п.; поэтому истинные элиты, то есть первые два сословия, не висят в безвоздушном пространстве. Это относится даже и к властным структурам: если из прочтенного у вас сложилось впечатление, дорогие соотечественники, что в имперской власти или даже в ее самой руководящей верхушке служат только опричники, то это не так – там есть и земцы. Их меньшинство, и атмосфера в «коридорах власти» определяется опричниками – но ровно это и предопределяет отсутствие запретов на вход туда для земцев:

почему нет, коль они эту атмосферу все равно не разрушат. Правда, я не очень понимаю, зачем земцу идти во власть: богатств на службе Империи не снискать ни праведных, ни неправедных, славы среди земцев – тоже (а слава среди опричников вряд ли нужна неопричнику). А если тебя все это не интересует, то почему бы не вступить в опричники? Тем не менее такие земцы находятся – главным образом это те, кто разделяет идеи служения и бедности, но является по натуре не воинами, а интеллектуалами. Не следует путать их с интеллектуально развитыми людьми – таковые могут быть и среди воинов. К пацифизму это тоже не имеет никакого отношения – те, о ком я говорю, могут быть сторонниками самых жестких решений. То есть описанные выше качества служилых земцев относятся не к интеллекту и не к убеждениям, а скорее к гормональным особенностям: многим просто претит культ силы, хотя абстрактно ничего против нее они не имеют. Имперской власти никогда не придет в голову отталкивать их – она относится к людям по завету Спасителя: «Кто не против вас, тот за вас». Но в регулярно возникающих публичных дискуссиях о расширении служилого сословия путем включения туда принесших три обета, но не служивших в армии она пока что неизменно выступает противником этих предложений. При этом обратное: чтобы опричник подвизался в земской профессии, в том числе интеллектуальной, например в науке, – допускается, и хотя не очень часто, но встречается в реальности. Но править должны только воины, потому что правитель и воин – одна и та же профессия, считает Российская Империя; так было всегда и так должно быть. А иные могут быть помощниками и резервом, и даже частью властной элиты, но не самой властью – иначе ее жесткий и суровый дух начнет размываться.

Сословия, однако, являются носителями не только совершенно разных образов веры, мыслей и действий, но и трех разных образов восприятия существования своей страны во времени – так сказать, образов связи времен. Для первого сословия абсолютной реальностью является прошлое, с Вселенскими соборами, святыми отцами, православной византийской, а затем российской державой, – в нем они видят и источник благого, и образцы для подражания. Будущее для них не несет ничего, кроме мрака, – там царство Антихриста, с наступлением которого человек обязан бороться, но которое не может победить, потому что проречено иное. А настоящее – хотя они весьма одобряют то конкретное настоящее, что существует в Российской Империи, – есть для них лишь постоянно отодвигающаяся граница, отделяющая мир от будущего. Для второго сословия единственная реальность – это настоящее, так же как для любого воина самый важный и главный бой – это тот, который надо вести сейчас. Прошлое для них не более чем воспоминания, а будущее – в лучшем случае цель (они иначе представляют себе последние времена, см. далее). Для третьего сословия реальность – это будущее, поскольку в российском обществе еще с XIX века, и особенно со времен Второй Империи, доминируют прогрессистские представления об истории, и будущее представляется лучше настоящего и тем более прошлого во всех смыслах – и материальном, и социальном, и духовном. Имевшие место в истории, в том числе недавней, явные отклонения от этого направленного вверх вектора рассматриваются лишь как изгибы по преимуществу прямой дороги, несущественные при взгляде с высоты птичьего полета. Поэтому, считают они, мы не просто творим будущее – мы перед ним в ответе, поскольку оно как бы уже есть.

Это не просто разница онтологических взглядов – это три разных образа будущего, а следовательно, три разные русские идеи, поскольку национальная идея как раз и воплощается в образе будущего. Первое сословие есть носитель *эсхатологической русской идеи:* впереди пришествие Антихриста и конец света, и главное – подготовиться к этому, очиститься и укрепиться духом. Россия и русские должны быть на острие этой борьбы потому, что они единственные исповедуют истинную апостольскую веру, и потому что они готовы пострадать за других. Главное достижение Периода Восстановления и Третьей Империи не в окончании национального унижения, а в том, что с телеэкранов исчезли эзотерические проповедники, с рекламных щитов – полуголые девушки, а руководители государства и даже многие руководители корпораций теперь молятся перед принятием ответственного решения, причем не для показухи.

Второе сословие – носитель *русской имперской идеи:* главное – Империя, она есть

бастион сил света в борьбе с силами тьмы, и потому она – превыше всего. Империя есть единственный остров стабильности в постоянно меняющемся мире. С Империей мы победим и Антихриста, а если нет, то такое поражение нам Господь зачтет за победу. Русские должны быть лидерами в том, чтобы именно в их Империи жизнь была устроена более достойно, справедливо и осмысленно, чем где-либо еще: тем самым они свидетельствуют перед Богом, что все человечество (а не только русские) не безнадежно. Главное достижение XXI века – не сила и величие державы сами по себе, а то, что наконец удалось построить тысячелетнюю Империю Добра, неуязвимую для внутреннего и внешнего врага и живущую по Христовым заповедям справедливости.

Третье сословие – носитель *русской идеи прогресса:* общество, во всяком случае российское, неуклонно движется вперед и вверх, и, если мы обеспечим это движение (а в этом и есть главный смысл нашего существования), оно решит все проблемы; если какие-то проблемы не решены – значит, прогресс еще недостаточен. Выражаясь строчками из русских песен, «мы рождены, чтоб сказку сделать былью», а «завтра будет лучше чем вчера»; причем это не только технократия, но и социократия – прогресс понимается и как материально-технический, и как социальный. Прогресс человечества угоден Богу, он есть проявление Его воли, которой надо не противиться, а исполнять ее не за страх, а за совесть; и русские должны быть во главе его потому, что только они одновременно обладают и коллективизмом, и жертвенностью, и духовной независимостью, чтобы быть в этом первыми. Главное достижение прошедшего с начала реформ Владимира II полувека – возвращение российского технологического и социального лидерства.

Все эти три русские идеи органично сплавляются в одной концепции Третьего Рима, только «Рим» означает разное (по крайней мере, в первую очередь) для разных сословий. Для первого сословия это Первый и Второй Рим апостолов, вселенских учителей и отцов Церкви, центр православного христианства. Для второго сословия это Первый и Второй Рим полководцев, императоров и базилевсов, самая могущественная на Земле незыблемая Империя, противостоящая варварству и хаосу внешнего мира. А для третьего сословия – Первый и Второй Рим строителей акведуков и дорог, творцов римского права и изобретателей греческого огня, мировой цивилизационный центр. Эти три идеи, будучи причудливо сплетены друг с другом, и составляют *русскую идею в целом,* которую я затрудняюсь четко сформулировать, – так же как сами три сословия в своем синтезе образуют единое российское общество.

Глава 3

Государственное устройство

Официоз и символика. Российское государство официально называется Российской Империей, это записано в Конституции; там же указано, что наименование «Россия» является равнозначным и также может использоваться в официальных документах. В официозе эти два названия часто смешиваются, поэтому высшие органы государственного управления полностью называются так: Имперское управление *того-то и того-то* России. Вообще первое название чаще употребляется в документах, связанных с общегосударственными делами (федерального уровня, по-нашему), а второе – с местными или частными. Название «Третья Империя» официальным не является – это историко-публицистический термин, и его использование в письменном виде обычно отражает претензии автора именно на научность и публицистичность. Широко употребляемые в прессе и литературе словосочетания, такие как Третий Рим, Русь, Святая Русь, Новый Израиль, Православная Империя, Евразийская Империя, являются не более чем идеологическими ярлыками разных направлений. Официальная символика России открывается так называемым знаком (частью флага и герба, являющимся упрощенным символом страны) – во Второй Российской Империи им были серп и молот и пятиконечная звезда с острыми лучами. У нас им является, как вы знаете, пятиконечная звезда с тупыми лучами, в Халифате – полумесяц и т. д. Так вот, **знаком Российской Империи** является серебряная восьмиконечная звезда с тупыми лучами (два квадрата, наложенных друг на друга с поворотом на 45°), иначе называемая Вифлеемской. Она есть на гербе и флаге, ее форму имеют большинство орденов, ею увенчаны шпили башен Московского Кремля и многих других культовых зданий; как и у нас, она изображена на крыльях боевых самолетов, на башнях танков, на корпусах космических крейсеров. Цвет восьмиконечной звезды не случаен: в соответствии с очень старой православной традицией серебро в России считается ангельским металлом, соответственно таковым считается и серебряный цвет.

Девизом Российской Империи (таким, которым во Французской республике было знаменитое «Свобода, Равенство, Братство») является «Справедливость, Осмысленность, Достоинство». Он начертан на всех российских банкнотах, им украшены многие фасады зданий в городах и щиты на трассах.

Гербом России является двуглавый орел серебряного цвета, заимствованный в свое время еще у Византии (Второго Рима), – но он сильно отличается от своего предшественника эпох Первой Империи, Российской Федерации и Российского Союза. Во-первых, на нем исчез герб города Москвы (как и маленькие гербы ряда других городов) – Гавриил Великий не любил Москву и неоднократно говорил, что Россия – не Москва. Ныне на груди орла находится восьмиконечная звезда красного цвета (иначе она слилась бы с фоном; про значение красного цвета см. далее). Во-вторых, исчезли держава и скипетр в лапах у орла – Гавриил, перед референдумом по конституции, объяснил это так: «Смотрите, над головами орла три короны – символ власти, и в лапах у него держава и скипетр – тоже символы власти. Это уже чересчур, это герб страны, одержимой идеей власти ради власти, и в этом одна из главных наших цивилизационных проблем». Ныне в левой лапе орла – православный крест, а в правой – меч, и это действительно гораздо ближе к общему духу Третьей Империи, рассматривающей власть в основном как инструмент для достижения истинных своих целей. Стоящие за этими целями абсолюты, символизируемые крестом и мечом, – Бог и Держава. В-третьих, с лап орла свисает вымпел, на котором написано: «Москва есть Третий Рим, и четвертому не бывать». Короны (две малых и одна большая посредине) над головами орла остались, но приобрели другой геральдический смысл: они символизируют нынешнюю Россию как Третий Рим, больший двух предыдущих, и как Третью Российскую Империю, большую двух предыдущих (поэтому с малых корон исчезли кресты – Первый Рим и Вторая Российская Империя были не православными).

Государственный флаг России представляет из себя полотнище ровного красного цвета с большой серебряной восьмиконечной звездой в середине. Красный цвет является не столько данью памяти Второй Империи, сколько исконной традицией – он всегда считался на Руси лучшим цветом (например, красный угол – это место для икон). Трехцветный флаг времен Первой Империи, Российской Федерации и Российского Союза Гавриил Великий не любил, как и большинство опричников, считавших его подчеркнуто европейским, а не

доморощенным. Официальные флаги в России отличаются серебряной каймой по всему периметру, и их использование монополизировано государством и регламентировано законом; к ним относятся государственный флаг и флаги народов Империи. Любые же флаги без такой каймы, в том числе государственные, могут использоваться кем и как угодно, и русские очень любят вывешивать их перед своими домами, офисами и т. д. Кстати, гербы тоже могут использоваться частным образом (на товарах, на этикетках и т. п.) только по специальному разрешению – его дают, например, если изготовитель является важным поставщиком государства (типа производителя вооружений) или для товаров, где герб присутствует традиционно – например, на рюмках. Знак же, то есть Вифлеемскую звезду, можно использовать без ограничений; но обычно ее использование означает что-то военное, как и у нас. Публичное использование бывших флагов государств, позднее вошедших в состав Российской Империи, не допускается и считается уголовным преступлением.

Гимном России является церковное песнопение по книге Исаии из службы Великого Повечерия: «Разумейте, язы-ци, и покоряйтеся, яко с нами Бог»; он положен на светскую музыку, написанную известным русским композитором Ротфельдом.

Государственными праздниками России являются, во-первых, два главных православных праздника – Пасха и Рождество Христовы. Пасха отмечается каждый год в разное время, по пасхалиям, в промежутке между концом марта и концом апреля; Рождество отмечается 25 декабря, как и у нас (только у нас в этот день 7 января – в России юлианский календарь). Новый год также является государственным праздником, наиболее любимым всем народом, и весь период с 25 декабря по 1 января включительно (рождественская неделя) является нерабочим; после возвращения к юлианскому календарю исчезла нелепая ситуация, когда Новый год приходился на пост. Главным чисто государственным праздником является 9 мая, праздник Победы и Империи; он празднуется два рабочих дня, 9- го и 10- го. 1—2 мая празднуется День Конституции, он же День России, так что те, кто могут себе это позволить, не работают практически все первые две недели мая. 22—23 октября (бывшее 4 ноября), также два дня, празднуется День Освобождения – первоначально это был праздник изгнания из Москвы поляков в 1612 году и назывался с момента своего введения в 2005 году Днем народного единства (непонятно почему – никакого единства во время тех событий и близко не было). Теперь же в этот день празднуют освобождение России не только от поляков, но от всех иноземных захватчиков, когда-либо приходивших на ее землю, – монголов, французов, немцев. Притом все эти случаи освобождения ныне считаются так же обусловленными небесным покровительством, как и 22 октября (Церковь вообще называет этот праздник чудом иконы Казанской Божией Матери). 13 июля празднуется Гавриилов день – это одновременно православный день собора архангела Гавриила и день рождения императора Гавриила Великого; неофициально теперь все считают архангела Гавриила небесным покровителем России. Наконец, ровно через две недели после Пасхи, во второе от Пасхи воскресенье, празднуется Женский день – это православный праздник жен-мироносиц; поскольку воскресенье и так нерабочий день, то нерабочим является следующий день, понедельник. А вот Дня Вооруженных сил, он же День защитника Отечества, который существовал и во Второй Империи, и в Период Восстановления и считался праздником мужчин, теперь нет. Понятно почему – с тех пор как возникла опричнина, армия стала ее внутренним сословным делом, и мужчины-земцы теперь не имеют к защите отечества никакого отношения (а мужчины-опричники – точно такое же, как женщины-опричники). Есть также официальные праздники народов Российской Империи – и светские, и религиозные, – многие из которых также являются нерабочими днями для людей соответствующих национальностей; но отдельных праздников русского народа нет.

Император. Высшая власть в России – это император, и он избирается раз в десять лет, без права избрания на второй срок подряд. Русские считают этот срок оптимальным – достаточно длинным для планирования и осуществления стратегических задач и достаточно коротким, чтобы император не успел впасть в маразм. Кстати, именно с этим, традиционным для России опасением связан запрет второго срока подряд, а не с боязнью узурпации власти, как у нас, – русские не верят, что узурпации можно помешать писаными законами. Если действующий император умрет (импичмента у русских нет) до истечения половины своего

срока, новый избирается менее чем на десять лет – на оставшуюся умершему часть срока; если же он умрет на второй половине своего срока, то новый император избирается на десять лет плюс оставшаяся старому часть срока. Таким образом, независимо ни от чего дата начала правления новых императоров – год, кончающийся на ноль, то есть начало десятилетия, – не сдвигается. Вся имперская власть в России принадлежит единолично императору, а практически осуществляется правительством; его главой по Конституции является император, у которого есть один дублер-заместитель, официально называемый премьером. Правительство назначается императором и полностью подчиняется ему в дисциплинарном порядке, то есть любое его распоряжение обязательно для исполнения, если оно не противоречит другому его распоряжению; поэтому правительство в России не является отдельной ветвью власти. Законодательной власти в России нет: законы издает император, а с кем он советуется при их разработке – это по Конституции его личное дело.

Процедура выборов высшей власти в России самая простая и наименее бюрократизированная из всех, о которых я слышал, – в ней нет ни официальной предвыборной кампании, ни собственно момента выборов. Выборы нового императора трехтуровые, начинаются они за два года до окончания срока правления императора действующего с процедуры выдвижения кандидатов. Это происходит по Оприсети, замкнутой сети опричников, где у каждого из них и только у них есть свой зарегистрированный позывной, причем происходит именным образом – русские не понимают идею тайного голосования: боишься или стесняешься, считают они, – не участвуй. Для выдвижения кого-то, включая самого себя, достаточно назвать свой позывной, выйти в портал « Выборы» и активировать функцию « Выдвижение», после чего ввести имя выдвигаемого – и все; имя появляется, если его ранее не было, в разделе «Выдвигаемые». Любой опричник может просмотреть в этом разделе, кого сколько и кто поддерживают, и поддержать того или иного кандидата когда хочет – количество голосов за выдвижение данного кандидата отображается в реальном времени; на этом этапе каждый может поддерживать нескольких кандидатов. Первый тур продолжается четыре месяца, после чего кандидатами в безусловном порядке становятся все те, кого поддержало 10% или более опричников (по опыту последних трех выборов 2029, 2039 и 2049 года, их обычно 6—10), а если таковых менее трех – то также недостающие до трех из набравших менее 10%, но больше остальных. После этого начинается второй тур (если выдвинутых всего трое, он будет последним) – собственно выборы: здесь каждый уже может поддерживать только одного кандидата. Это также можно делать в любой момент, а не в день выборов, как у нас (но в любое время можно и снять свой уже поданный голос), и процесс выборов также отражается в разделе « Поддержка кандидатов» в реальном времени. На этом этапе действующий император обязан назвать того, кого он хотел бы видеть преемником; если это будет кто-то помимо тех, кто прошли во второй тур, он участвует в нем, минуя первый. Естественно, кандидаты вывешивают в Оприсети декларации о своем видении ситуации в стране и мире и о политических намерениях; им задают вопросы, они отвечают в индивидуальном и форумном порядке, и в текстовом формате, и в общевирту. Кроме того, избиратели обсуждают кандидатов в Оприсети и между собой, в частности, делятся своим мнением те, кто их знает лично, – этим, собственно, и ограничивается предвыборная кампания, поскольку очные поездки и встречи с избирателями у опричников не приняты. Этот тур длится четыре месяца (восемь, если кандидатов всего трое), после чего в следующий тур выходят три кандидата, набравшие больше всех голосов на заранее объявленное время. Вслед за этим начинается третий тур, который длится не более года, – на самом деле император считается избранным тогда, когда в течение десяти дней количество поданных за него голосов не снижалось ниже 75% от принявших участие в голосовании, и это может произойти в любой момент (по опыту трех предыдущих выборов – в течение двух-трех месяцев). Считается, что таким образом проявляется исконно русский принцип « соборности» (другое название принципа консенсуса): русские не хотят, чтобы судьбоносное решение принималось потому, что за него высказалось 50,5% против 49,5%. Если за год никто не наберет 75%, то между всеми вышедшими во второй тур кандидатами будет брошен жребий (действующий император, по российскому закону, по истечении ровно десяти лет со дня избрания считается

более не действующим независимо ни от чего, и исполнять любые его приказы есть для опричников нарушение обета, то есть самое страшное преступление). Таким образом, новый император объявляется за 4—14 месяцев до его вхождения в должность, чаще всего за 12—13, и все это время является как бы дублером действующего императора, который посвящает его во все тонкости текущих дел.

Однако вполне возможно, что эта система доживает последние годы: сейчас в России широко обсуждается переход на выбор императора жребием, и вполне возможно, что именно так будет избран император уже в 2060 году. Здесь прослеживается очевидное влияние примера Церкви, где патриарх уже давно избирается жребием из числа епископов; но мотивации тем не менее совсем другие. В отношении Церкви налицо готовность полностью предать себя Господней воле, смиренное вручение Ему своей судьбы; а для опричников обращение к жребию скорее выглядит как желание уйти от ненавистной им конкуренции внутри своих рядов. Для опричников, у которых нет званий и даже разделения на солдат и офицеров, морально крайне неприятно участвовать в выборах в качестве одного из кандидатов и, наоборот, голосовать за одного из нескольких: это противоречит их ощущению полного между собой братства. Предполагается, естественно, наличие предквалификации, а не просто жеребьевка среди всех 20 миллионов опричников (в Церкви роль предквалификации играет наличие епископского сана). В обсуждаемой новой схеме выборов императора первый тур будет такой же, как ныне, а среди прошедших его, то есть набравших более 10% (как вариант – пяти или десяти кандидатов, набравших больше всех), уже будет метаться жребий. Поскольку голосование в первом туре мягкое рейтинговое, то это опричники как-нибудь переживут. Судя по ходу обсуждения, идея имеет весьма высокие шансы воплотиться в закон.

Хотя голосуют только опричники, нельзя сказать, что земцы не принимают в выборах никакого участия, – различные идеологические и научные группы выступают со своими анализами, прогнозами и предложениями как в общей Сети, так и в Оприсети, и опричники внимательно их читают. Даже в только что описанной дискуссии о переходе на выбор жребием они участвуют весьма активно, хотя какая, казалось бы, разница – с позиции податного сословия императором в любом случае становится ставленник сословия служилого, и так ли важно, как они его определяют? Но программы кандидатов относительно мало значат по сравнению с тем, что они значат у нас, на русских выборах – в основном выбирают там по личности. Происходит так, наверное, потому, что, хотя русские со времен Владимира II и Гавриила Великого и научились, третий или четвертый раз в своей истории, активной, долгосрочной, наступательной политике, в душе они остались адептами политики реактивной: пошлет Господь испытание – тогда и будем вместе думать, как его выдержать. Будет у нас тогда во главе человек достойный – выдержим, а вот если нет – тогда беда. Поэтому, хотя опричники – и рядовые, и руководящие, включая императора, – всерьез читают такого рода материалы, причем в интерактивном режиме с авторами, эти материалы не влияют на них в период выборов императора, которым они хотят видеть просто достойнейшего. Это связано с тем, что правителем России является служилое (опричное) сословие в целом – император является лишь его полномочным представителем, действуя как бы по его доверенности и оставаясь при этом плотью от его плоти. Поэтому русские считают десятилетний срок достаточным, хотя все долгосрочные и многие среднесрочные планы в него не укладываются, – служилое сословие, которое играет, таким образом, роль династии, все равно остается у власти.

Интересно, что фигура императора в российском государстве совершенно не сакральна – сакральна только сама Империя. Поэтому он не носит корону или особые облачения, не получает особого по сравнению с любым другим опричником жалованья, не живет во дворце и т. п. Что гораздо существеннее, император не имеет особого церковного статуса – он не имеет права входить в алтарь царскими вратами, как цари Первой Империи, его не помазывают и не венчают на царство. И это естественно – ведь помазывают и венчают после принесения обетов всех опричников, а император всего лишь первый из них. К нему нет специального обращения вроде величества или высочества, земцы или духовенство обращаются к нему по имени-отчеству (кроме священника на исповеди и причастии – там он

просто раб Божий такой-то). А опричники обращаются к нему по прозвищу, как это вообще принято у них, и лишь в самые торжественные моменты – «товарищ главнокомандующий». Поэтому же император в России сам управляет страной, возглавляя правительство, а не занимает позицию высшего арбитра – для сакральности главы государства это смертельно, но русским этого и не надо. Поэтому же в отличие от Первой Империи различные государственные органы и учреждения называются не императорскими, а имперскими. Я думаю, что из всех пяти современных государств протокол и церемониал высшей власти наименее выражен именно в России. Неудивительно поэтому, что, когда император уходит, он не имеет никакой пенсии или специального содержания – он просто идет на более низкую должность, хотя бы и на рядовую (опричники служат до смерти), и это считается в порядке вещей: император Михаил III после своего срока ушел обратно в армию, где он начинал свою службу, и в 2045 году сложил голову на третьей русско-халифатской войне, командуя рейдом на Самарканд; последние его слова были: «Насколько лучше так, чем в кабинете». А Василий V и по сию пору работает прокурором III Северного имперского округа, и все это совершенно естественно, потому что император у русских – это не царь-бог, а военный вождь свободных воинов, хотя и правящий также податным сословием в интересах державы. Такое положение вещей полностью соответствует русской традиции и ментальности, поскольку древнерусский термин «князь» означал именно это (князь правил территорией и населением, но командовал только своей дружиной). И это один из главных столпов стабильности России, потому что, если бы это было не так, Россия из паулократического самодержавия (см. далее) быстро стала бы наследственным самодержавием, а потом и диктатурой.

Императоры и сами не считают собственную личность чем-то особым, кроме как в чисто должностном аспекте, – опричное воспитание этому способствует. Когда Гавриил Великий открывал в Москве памятники Ивану Великому и Иосифу Великому, ему не пришло и не могло прийти в голову написать на них «От Гавриила I» – так, как это сделала Екатерина II на Медном всаднике в Петербурге (знаменитом памятнике Петру I): памятники ставит держава, а не правитель. Нынешний император, Владимир III, вообще живет в обычном общежитии для опричников – на мой вопрос, а как же безопасность, все обычно смеялись: куда уж безопаснее, чем в фактической крепости, посреди нескольких сотен воинов, обладающих огневой мощью целой американской или поднебесной дивизии! А если император женат, то его жена вовсе не считается императрицей: более того, когда я в вопросе о жене Василия V (он женат в отличие от Михаила III и нынешнего Владимира III) употребил термин «первая леди Империи», собеседники просто не поняли, о чем я. Так что вопрос недопущения родственников главы государства к серьезным вопросам решен в России, похоже, окончательно – что для российской политической традиции весьма нетривиально. Ведь даже при царе Александре III, в период максимального укрепления государства, французский промышленник писал: «Дать взятку русскому царю, разумеется, невозможно, но почти любой вопрос можно решить за деньги через царскую семью, в особенности через великих князей».

Наиболее удивительным в российской системе государственного управления является то, что при вступлении в должность нового императора ему, как правило, и в голову не приходит заменить высших правительственных руководителей на новых. (У нас такой подход имеет место в отношении так называемых карьерных госслужащих, в противовес так называемых политическим, к которым относятся первые заместители министров и выше, – в Российской Империи, таким образом, все государственные руководители являются, по нашей терминологии, карьерными.) Когда я говорил об этом, собеседники просто не понимали смысл моих вопросов. «Как же новый император лишен возможности поставить своего человека?» – спрашивал я. «А что значит «своего»? – удивлялись они. – Разве старый руководитель может не выполнить приказ императора?» – «Ну почему обязательно не выполнить? – говорил я. – Глава государства просто может хотеть видеть в подчиненных своего единомышленника». – «А разве есть какие-то важные вопросы, – еще больше удивлялись собеседники, – в которых все опричники не являются единомышленниками? Служилое сословие – это не Коммунистическая партия Советского Союза времен поздней Второй Империи, единомыслие здесь гарантируется не декларациями, а добровольным

взятием на себя тягот службы и жизненных лишений – для чего это делать тем, кто не разделяет общих идеалов? Поэтому здесь нет борьбы политических течений или идеологических линий. Возможно лишь разногласие по техническим управленческим вопросам – но желание непременно иметь подчиненным единомышленника в технических вопросах есть просто каприз. Как можно сместить достойного человека ради своего каприза, тем более что в результате обязательной ротации он все равно уйдет через некоторое время?» – «Ну а если, наоборот, считаешь, что какой-то твой знакомый и сослуживец недооценен в карьерном смысле, а тут ты стал императором?» – настаивал я. «Такое бывает, но вообще для этого совершенно не обязательно становиться императором», – отвечали мне. Действительно, любой опричник может в любое время совершенно открыто подать на любого другого в имперскую службу кадров так называемую рекомендацию с мнением о том, что для страны полезно назначить его туда-то, – но, в случае если последнего после этого повышают, рекомендатели несут за него ответственность, по крайней мере моральную; эта практика широко распространена.

Такой же подход используется и на более низких иерархических уровнях государственной машины: новый начальник любого ранга не начинает свою деятельность с замены подчиненных – кандидатуры на все должности, когда приходит время ротации, подбираются имперской кадровой службой. Как результат, для государственной карьеры в Империи совершенно не существенны «связи» – то есть с кем из больших людей вы хорошо знакомы. Это радикально отличается от того, что было характерно для России прежде – и в Первой, и во Второй Империях, и в Период Восстановления. Вообще ныне в государственной службе России, и в гражданской и в военной, существует культ личных способностей и достоинств – причем понимают их не как наживной профессионализм, а как сплав воли, чести и интеллекта. Поэтому случаи невостребованности кого-то заведомо достойного, если это попадает в поле зрения, воспринимаются как ЧП – в стране, которая долго противостояла в одиночку остальному миру, это совершенно естественно: победить более сильного можно лишь путем полной мобилизации внутренних резервов. Кстати, это еще одна из причин того, почему в служилом сословии, и следовательно в Империи в целом, и речи не может идти о любых наследственных статусах, а тем более о монархии: а что, если рядом с тем, кто что-то унаследовал, есть более достойный человек? Его что, отодвинуть в сторону в пользу менее достойного наследника? Для опричников такая постановка вопроса немыслима.

Как результат вышесказанного – преемственность власти в России абсолютна, и возможно именно поэтому выборы нового императора не сопровождаются какими-либо катаклизмами и вообще не вызывают особого накала страстей.

Государственное управление. Правительство России состоит из четырех имперских канцелярий, возглавляемых начальниками: Имперской канцелярии внешней политики, Имперской канцелярии внутренней политики, Имперской канцелярии социальной политики и Имперской канцелярии экономической политики. Помимо них, есть еще так называемая Общая имперская канцелярия. Главы канцелярий, как и премьер, по установленному порядку назначаются лично императором. Каждой канцелярии подчиняется по три имперских управления, являющихся основными органами государственного управления и возглавляемых начальниками, назначаемыми начальниками канцелярий. Каждому имперскому управлению, в свою очередь, подчиняются имперские агентства или службы, в том числе надзорные – в тех вопросах, которые относятся к так называемому совместному ведению (либо Империи и самоуправления, либо власти вообще и частного сектора); начальники агентств и служб назначаются начальниками имперских управлений. Ранее, до 2020 года, имперские управления назывались министерствами и возглавлялись министрами, а имперские канцелярии – департаментами правительства и возглавлялись госминистрами; поэтому многие продолжают по привычке использовать эти обозначения. Таким образом, если в результате административной реформы 2004 года двухзвенная система управления (правительство – министерство, и оно уже являлось функциональной единицей) была заменена трехзвенной (правительство – министерство – агентство или служба), то с 2013 года и поныне действует четырехзвенная (правительство – имперская канцелярия – имперское управление – имперское агентство или служба). Шесть человек – император,

премьер и начальники имперских канцелярий – составляют штаб правительства, 19 человек (те же плюс 12 начальников имперских управлений и начальник Общей имперской канцелярии) составляют коллегию правительства, а те же плюс начальники имперских агентств, служб и военных командований – расширенную коллегию. Понятия « член правительства» или « член кабинета» у русских нет – их правительство не является коллегиальным органом. Императору и премьеру подчиняются начальники имперских канцелярий, им – начальники имперских управлений, тем, в свою очередь, – начальники служб и агентств. При этом не принято руководить « через голову» соответствующего начальника, и император, например, реально работает только с начальниками канцелярий и может вызвать к себе начальника управления лишь в исключительном случае (кроме разве что для чисто ознакомительной беседы). Практика государственного управления в России вообще такова, что высшее звено не дублирует звено низшее, а координирует на своем уровне деятельность нескольких низших звеньев, подчиняющихся ему, – так же как командир полка распределяет боевую задачу полка между батальонами и обеспечивает их взаимодействие и взаимопомощь, а не занимается вопросом, как командиры батальонов будут выполнять свои батальонные задачи. Таким же образом имперская канцелярия распределяет общую задачу той или иной политики – внешней, внутренней, социальной или экономической – на подзадачи отраслей, реализуемые имперскими управлениями, и обеспечивает их взаимодействие на уровне, лежащем вне каждого из них и потому им недоступном. Точно так же поступает император или правитель по отношению к имперским канцеляриям (и в свою очередь, начальник имперского управления по отношению к начальникам имперских служб и т. д.).

Имперская канцелярия внешней политики имеет в подчинении Имперское внешнеполитическое управление, Имперское военное управление и Имперское управление границ. В Имперском внешнеполитическом управлении есть Имперская дипломатическо-консульская служба и Имперская служба стратегической разведки; последняя объединяет и агентурную, и техническую разведки в отличие от нас, где ЦРУ и АНБ – совершенно разные и зачастую конкурирующие ведомства. В Имперском военном управлении есть командование стратегических сил, командование основных сил, командование легких сил и командование флотов, а также инспекционная служба и Агентство военного заказа. В Имперском управлении границ есть Имперская пограничная служба, Имперская таможенная служба и Имперская иммиграционная служба.

Имперская канцелярия внутренней политики имеет в подчинении Имперское управление безопасности, Имперское управление контроля и Имперское управление территорий. В Имперском управлении безопасности есть четыре службы: криминальной полиции, политической полиции (борьба с подрывными политическими организациями и терроризмом), специальной полиции (занимается широким кругом научно-технических опасностей – от техногенных угроз до непонятных аномальных явлений) и государственной полиции (контрразведки); есть также службы надзора за охраной общественного порядка и за безопасностью на дорогах. В Имперском управлении контроля есть Имперская служба государственного обвинения, Имперская служба расследований, Агентство реестров прав, а также службы прокурорского и счетного (то есть финансового) надзора. В Имперском управлении территорий есть Агентство регионального развития, Агентство малоосвоенных территорий (которое все называют Агентство по севербм, хотя оно занимается территориями, расположенными не только на севере Империи), Агентство природных ресурсов, спасательная служба, национально-демографическая служба (занимается в том числе вопросами внутренней миграции и расселения), а также службы надзора за имперскими и опричными городами и за природопользованием и природоохраной.

Имперская канцелярия социальной политики имеет в подчинении Имперское управление воспитания, Имперское управление культуры и Имперское управление справедливости. Но если выше, дорогие соотечественники, я не объяснял, что из себя представляет в целом и чем занимается то или иное имперское управление – это понятно из названия и структуры и более или менее аналогично соответствующим нашим министерствам или департаментам, – то здесь мне уже придется давать пояснения. Имперское управление воспитания отвечает за

то, чтобы жители Империи насколько возможно соответствовали ее идеалу гражданина; вообще-то задача эта тоталитарная, хотя методы используются не репрессивные и вообще не силовые. Агентство школ решает эту задачу через школьное воспитание, Агентство высших школ – через институтское, Служба надзора за дошкольным и семейным воспитанием – так, как явствует из его названия. Служба цензорского надзора – путем контроля за общественными организациями и выбраковки тех из них, которые, по представлениям русских, несовместимы с ценностями государства (например, так называемых тоталитарных сект), и такого же контроля за содержательной частью текстовых и иных материалов в публичной циркуляции. В принципе это самая обычная цензура (она ничем иным и не прикидывается, что видно из названия), разве что не предварительная, каковой она была в Первой и Второй Империях. Но наиболее нетривиальной является Имперская служба социального обустройства (не устаю поражаться прямолинейности российских властей): его основная работа – создание в обществе установок, если хотите моды, на те или иные вещи. Имперское управление культуры призвано способствовать развитию всех отраслей культуры (в расширительном смысле) нации; в нем есть агентства науки, литературы и искусства, спорта и информационных сетей. Имперское управление справедливости занимается тем, что у нас называется социальным обеспечением, в расширительном смысле – но для русских необходимость этих программ проистекает не из представлений об общественном благе, а из представлений о принципах справедливости, на которых должно быть построено общество ради высших, то есть религиозных, целей. Оно имеет в подчинении Агентство здравоохранения, Агентство странноприимных домов, службы надзора за социальным обеспечением, за лекарствами и медицинской техникой и за трудовыми отношениями.

Имперская канцелярия экономической политики имеет в подчинении три имперских управления: Имперское управление хозяйства, Имперское управление инфраструктур и Имперское управление финансов. Имперское управление хозяйства, нечто вроде нашего Министерства экономики и торговли, имеет Антимонопольную службу, Агентство государственных инвестиций, Агентство военной промышленности, Агентство отраслевого развития, Агентство по мобилизации и резервам, Агентство по патентам и стандартам, Агентство по сельскому хозяйству и продовольствию, Агентство государственных предприятий (не относящихся к предмету ведения других агентств – см. главу «Экономика») и службу надзора за технической безопасностью. Имперское управление инфраструктур имеет Агентство путей сообщения (отвечает за автомобильные и железные дороги, судоходные фарватеры рек, каналы, трубопроводы и т. п.), Агентство по освоению космоса, Агентство стратегической энергетики, Агентство планетарных объектов (занимается такими проектами, как программа «утепления», строительство 12000-километрового полярного вала для защиты от поднятия уровня океана и т. п.), службы надзора по телекоммуникациям и службам доставки и по транспорту. Имперское управление финансов имеет налоговую службу, бюджетную службу, казначейство, Агентство государственных имуществ, банковское агентство и службу надзора за финансовыми рынками. Имперской канцелярии экономической политики также подчиняется Центральный банк России – центр эмиссии и регуляции денежного обращения.

Есть, кроме четырех имперских канцелярий, и другие центры управления. Общая имперская канцелярия, помимо подразделений и служб технического обеспечения, таких как аппарат правительства, Управление делами, Имперская служба охраны, Имперская служба правительственной связи и т. п., имеет в подчинении такие службы общего пользования властей, как Имперская служба кадров, Имперская контрольно-ревизионная служба (отслеживает исполнение всех принятых решений) и Имперская служба информации (собирает и анализирует любую информацию – от обычной статистики до настроений народа). В прямом подчинении императора находится Имперская служба стратегического планирования. На определенный период для решения ограниченной во времени задачи создаются Приказы (как Европейский Приказ периода ассимиляции 20-х годов или Северный Морской Приказ времен программы « утепления» 40- х). Отдельно существует судебная система – она состоит из двух судебных вертикалей: имперской, рассматривающей уголовные дела, и земской – для дел гражданских, а также Конституционного суда. В судебную систему

входит и Имперский судебный департамент, имеющий в подчинении Имперскую службу исполнения судебных решений и Имперскую службу исполнения наказаний.

Территориальное управление. Территориальное управление в Российской Империи весьма специфично в силу того, что там вообще отсутствует административное деление территории страны на нечто аналогичное нашим или индийским штатам либо поднебесным или халифатским провинциям. Истоки столь странного устройства следует искать в событиях 1991 года, когда все так называемые союзные республики отпали от разваливающейся Второй Империи, СССР, и стали независимыми государствами. Организаторами процесса планировалось, что и самая большая из них, Российская Федерация (около 50% населения и 75% территории), которая под водительством Бориса Проклятого была лидером и застрельщиком в этом процессе, также отряхнет с ног прах СССР. Но русские упрямо считали свое уменьшившееся государство продолжением и Первой, и Второй Империй, причем считали не только в формальном смысле правопреемства (это само собой), но и в более широком смысле. Таким образом, они воспринимали статус-кво не как то, что они живут в новом государстве, которого раньше не было (как в остальных республиках), а как то, что у их государства отняли половину и свои земли стали заграницей. Это расценивалось как предательство и травмировало русское национальное самосознание. В 90-х годах XX века ситуация еще усугубилась тем, что в силу слабости центральной власти руководители национальных республик уже внутри Российской Федерации стали прямо заявлять о сепаратистских планах (насколько серьезно, сейчас сказать трудно, но пример Чечни наводит на размышления). Даже руководство русских областей стало в большой степени сепаратистами де-факто, то есть просто считало себя вправе игнорировать распоряжения федеральной власти, если полагало, что так для их регионов лучше. Как естественный результат, все это вызвало у державно и имперски настроенных русских чувство недоверия не только к идее федерализма, но и вообще ко всякому регионализму. Им казалось, что любой юридически оформленный регион со своей властью, пусть даже и вполне подчиненной власти центральной, есть кандидат в сепаратисты – то есть главной предпосылкой сепаратизма представлялось наличие юридической обособленности субъекта в формально закрепленных административных границах, « линии надлома». В подтверждение таких взглядов в те времена было принято рассуждать о том, что вот если бы Иосиф Великий не создал бы опять в конце 40-х годов XX века национальные союзные республики (до того страна была разделена просто на 144 области) – а сделал он это потому, что и в страшном сне не мог представить, насколько ослабеет государство при его преемниках! – то трагедии 1991 года не произошло бы и государство сохранилось бы, по русскому выражению, «с грехом пополам»: не было бы этой самой «линии надлома», а дальше как-то все бы и выправилось. При всей своей спорности, этот тезис находит подтверждение во многих эпизодах тысячелетней истории русских. Даже самая большая империя в мировой истории, Монгольская (а русские любят говорить: мы не Европа, мы улус Джучи), почти сразу после смерти Чингисхана развалилась на свои части-улусы строго по их границам, причем без всяких внешних причин.

В русле этих настроений в 2004 году Владимиром II была проведена реформа, сделавшая губернаторов областей и президентов национальных республик в Российской Федерации не выборными, а назначаемыми президентом России. А в 2008 году, при подготовке Конституции Российского Союза, количество регионов, которые теперь назывались краями, было снижено путем укрупнения до 17 (12 в бывшей Российской Федерации, два в Восточной и Южной Украине, два в Казахстане и Туркмении и один в Белоруссии) – считалось, что это усилит контроль и управляемость региональной власти со стороны федеральной. Но Гавриил Великий пошел несравнимо дальше: в 2013 году была проведена реформа (в рамках общей конституционной реформы), в соответствии с которой регионы вообще упразднялись. Аргументация была такая: существует концепция пирамиды (классический пример – устройство США до конца XX века) – основная часть государственной власти внизу, на уровне общин, меньше – на следующем уровне, штатов, и совсем немного – на уровне федеральном. Есть концепция перевернутой пирамиды (так был устроен СССР): совсем немного власти внизу, чуть больше – в областях и республиках, и

основная часть власти – в центре. Обе они по-своему логичны, однако в России, по мнению Гавриила, сложилось нечто вовсе несуразное, вроде ромба: и снизу и сверху власти мало, а почти вся она в реальности сосредоточена в середине, на краевом уровне. Но нужен ли этот уровень вообще? Да, в реальности основная часть внутренних властных функций осуществляется губернаторами, никто не собирался упрекать их в безделье – но эти полномочия они просто присвоили, частично узурпировав у федерации, частично отобрав у местного самоуправления (точнее, вообще не дав ему возникнуть). Но большинство властных функций, отправляемых ими в то время (в первую очередь в части регулирования околокоммерческих вопросов), вообще не должно было относиться к сфере государственной власти – они цеплялись за них в основном из соображений коррупции. «Посмотрите, – призывал Гавриил, – какой процент коммерции в любом регионе контролируется родственниками и людьми губернатора? Поэтому давайте все ненужные полномочия из сферы государственной власти уберем, все, связанное с обеспечением жизни территории, передадим местному самоуправлению, а остальное будет осуществлять центральная власть. Пусть Россия станет страной самоуправляемых общин!»

Так и произошло – реально возникло местное самоуправление, входящее в структуру земской власти, о которой я расскажу ниже, и система территориального управления имперской власти (все, что я выше писал о государственной власти России, относится к имперской власти – в противоположность земской). Каждое имперское агентство или служба, кроме внешнеполитических, имеет свое деление страны на имперские округа, в которых находятся его территориальные органы, называемые комитетами. У тех агентств и служб, чья деятельность происходит по всей территории России, имперские округа примерно (или даже строго) одинаковы по размерам, в смысле численности населения – например, имперские школьные округа или имперские округа криминальной полиции. У других служб округа сильно разнятся – например, зачем службе надзора за имперскими и опричными городами иметь в Европе, где таковых городов мало, такую же плотность территориальных комитетов, как в исторической России, где их более шестидесяти? А Имперская пограничная служба, например, вообще осуществляет свою деятельность только на границе, и в непограничных регионах ей делать нечего. Но разница в размерах – не единственная причина того, что имперские округа разных служб и агентств не совпадают друг с другом: это еще и прямо запрещено Конституцией. Считается, что если округа будут совпадать, то в них неизбежно рано или поздно появятся координаторы деятельности различных ведомств и тому подобные люди и структуры, и эти округа де-факто займут место упраздненных краев и областей, а там уже недалеко и до требований формализовать их, ввести губернаторов и т. д. – как говорят русские, «на столбе мочало, начинай сначала». Этот страх возврата регионов с их если и не сепаратизмом, то уж точно самостийностью не покидает российские власти и по сию пору. Кроме того, рассуждают они, если регионы существуют и хоть до какой-то степени самостоятельно управляются, то неизбежно в одних люди будут жить иначе, чем в других, – что же это тогда за единая страна (концепция «единства в различии» для русских абсолютно чужда)? Поэтому не существует разбиения страны на провинции даже для целей географии – как я уже говорил, эту роль играют православные митрополии, хотя они сильно различаются по размеру и поэтому не слишком удобны для этого.

Земская власть. Система земской власти в России двухуровневая – как наша система местного самоуправления. Первый уровень называется общиной – это село или несколько сел, небольшой город или микрорайон в среднем или в большом городе. В первом случае община называется сельским округом, во втором – муниципалитетом, а в третьем – муниципальным округом; во всех случаях ее размер – 5—7 тысяч человек. Закон не возбраняет устанавливать внутри общины еще более мелкое деление со своими старостами или кем-то еще – деревни в сельских округах, так называемые концы в малых городах и отдельные многоквартирные дома в больших городах.

Объединение ряда общин в целях совместного решения тех или иных проблем, относящихся к их компетенции, является вторым уровнем, называемым земством; это либо большой город, либо ряд сельских округов и/или муниципалитетов. Состав конкретного земства определяется совершенно свободно – какие общины захотят его образовать и

договорятся об этом друг с другом, такие и войдут в него, и каждая может выйти в любой момент, если иное не записано в их договоре (впрочем, особо жестко обязывающим он не может быть по закону); именно поэтому русские не боятся, что земства превратятся в регионы. Исключением являются большие города, которые должны быть земством муниципальных округов в обязательном порядке (иначе они просто не смогут функционировать) – но и в этом случае это земство свободно может договориться с кем-либо из соседей об их присоединении. Размер земства также никак не оговаривается имперским законом – единственное требование заключается в том, что входить в него должны физически граничащие друг с другом общины. Также не оговаривается структура органов управления земством, как и способ их формирования. Кстати, и структура, и способ формирования руководящих органов самих общин тоже регламентируется имперским законом лишь в самом общем виде – единственное требование состоит в том, что они должны быть выборными и что равным правом голоса должны обладать все граждане Империи, постоянно проживающие или владеющие жильем в данной общине: устанавливать ценз, например, по национальности или по срокам оседлости община не имеет права. Объем полномочий общин и земств больше, чем у нашей местной власти, но меньше, чем у нас, имеют в сумме местная власть и штаты; они распространяются на все то, в принципе входящее в сферу общественного управления, что не относится к имперской власти: в практике это очень много – от охраны общественного порядка (так называемая земская милиция) до здравоохранения.

Важно понимать, что общины и земства не являются административно-территориальными единицами: это выражается в том, что все существующие в России общины покрывают далеко не всю ее территорию, а лишь меньшую ее часть. То есть часть территории России – это общины и соответственно земства, а другая, большая ее часть – это территория, не входящая ни в какие общины, где соответственно нет земской власти (имперская власть, разумеется, действует равным образом на всей территории страны). К последней относятся, во-первых, имперские земли целевого назначения (леса, заповедники, зоны отчуждения, военные базы и другие спецобъекты), во-вторых, земли для ведения сельского хозяйства (их статус будет рассмотрен в главе «Экономика»), в-третьих, земли для ведения добычи полезных ископаемых или другого промышленного природопользования, и наконец, в-четвертых, имперские земли, не имеющие никакого особого статуса, на которых не ведется никакая значимая деятельность. Я перечислил самые большие категории – а кроме того, есть еще земли промышленных предприятий и т. п. Суть подобного состояния дел и одновременно отличие его от общепринятого деления на территориальные единицы в том, что, например, у нас границы штата или округа проводятся вне связи с фактическим проживанием людей – любые территории, даже на которых никто не живет, непременно входят в тот или иной штат или округ; а в России община и земство – это только та территория, на которой по факту компактно проживают люди.

Имперский закон жестко устанавливает единые правила определения границ общин и земств, алгоритм которых в том, что они проводятся не далее определяемого по формуле расстояния от последнего дома (обычно около 200 метров для общины), причем он не может быть одиночным и не должен отстоять далее определенного расстояния от других ближайших домов. Попросту говоря, если, например, сельский округ представляет собой 10 деревень по пять квадратных километров, то территорией сельского округа будут считаться только сами эти деревни, то есть 50 кв. км, а пространство между ними, если там никто не живет, никак его территорией считаться не может, даже если там есть одиночные дома.

То же относится к пространству между общинами, входящими в земство, – оно не считается территорией земства; исключением является территория земских объектов, например земских дорог. В практике это означает, что, например, земская милиция не может задержать вас или даже проверить у вас документы вне населенных пунктов, кроме оговоренных законом случаев. Смысл всего этого в самуй российской философии земского самоуправления – это право и обязанность людей самим на свое усмотрение организовывать жизнь там, где они совместно компактно проживают; так с какой стати им устанавливать свои порядки там, где никто не живет? Это предоставляет дополнительную степень свободы

российским гражданам – ведь в повседневной жизни имперскую власть, если ты не преступник и не интересуешься политикой, никак не ощущаешь (во всяком случае, можно создать себе такую жизнь, чтобы не ощущать). А местную земскую власть не заметить нельзя, потому что она указывает тебе, куда ставить, а куда не ставить мусорные пакеты или после которого часа нельзя включать музыку. Конечно, она при этом чистит проезды и патрулирует улицы – но очень многие люди, даже и у нас, дорогие соотечественники, и точно так же в России, готовы всего этого добровольно лишиться, но не иметь над собой никакой власти (не считая имперской, которой, как я уже говорил, особо не чувствуешь) и никого не спрашивать, где тебе можно гулять с собакой. Так вот, в России для этого достаточно поселиться на отшибе, причем не так уж и далеко – достаточно пары километров от ближайшего населенного пункта, даже если рядом с тобой есть еще два-три дома. В этом случае ты по-другому платишь налоги, и в сумме получается меньше, чем ты платил бы в общине. Это считается справедливым, потому что частью вещей от государства и общества ты при этом все равно пользуешься (защитой от криминальной преступности или внешнего нашествия, например), но другими – нет (например, уборкой улиц или охраной порядка). Многие русские в последние годы делают такой выбор, благо земли в Империи хватает.

Общины (или земства, если общины им это делегировали) избирают депутатов Палаты Общин, так называемой левой палаты Земской Думы России – высшего органа земской власти. Порядок выборов, как и нормы представительства, определяет сама Дума (численность депутатов на 2053 год составляла 5508 человек). Партий в России нет, хотя они не запрещены: при такой системе власти они просто не могут возникнуть и укрепиться (речь о земских партиях – в имперской власти, у опричников, участие в деятельности любых партий прямо запрещено уставом). Очень большое количество депутатов, вкупе с неунифицированным порядком их избрания и отсутствием партий, существенны для российской политической системы: депутат в Российской Империи вовсе не такая значимая персона, как у нас, и отнюдь не находится в центре внимания прессы и общественного интереса в целом. Обусловлено это еще и тем, что депутаты работают не в общем здании в столице (оно существует в Санкт-Петербурге, но там проводятся лишь торжественные мероприятия), а в удаленном режиме по Сети. При этом функции депутатов не включают общего представительства – представителем населения общины перед имперской властью является по Конституции его глава или иное должностное лицо в зависимости от устава общины (обычно эта роль делегируется главе земства); таким образом, депутаты не являются представительской властью. Хотя Дума двухпалатна и работает по классической схеме двухпалатного парламента (одна палата рассматривает и принимает закон или постановление, а другая только одобряет его или, наоборот, накладывает вето), обе палаты в нем равнозначны, поэтому они и называются левой и правой, а не верхней и нижней, как у нас: каждая из палат может принять любой закон или постановление, и он поступит в другую на одобрение. Общероссийского исполнительного органа (типа земского правительства) у Земской Думы нет и по Конституции быть не может – принятые ею законы исполняются непосредственно в земствах.

Правой палатой является Палата Народов, куда избираются представители от всех национальностей страны; ее численность равна 1000 депутатов, которые перед каждыми выборами распределяются по квотам, соответствующим доле каждой национальности в общем населении страны. То есть если какой-то народ составляет 10% населения России, то он должен иметь 100 мест в правой палате – но при этом есть некие сложные поправочные коэффициенты, прогрессивно уменьшающие удельный вес больших народов и увеличивающие вес малых. Смысл этого в том, чтобы русские или русские плюс немцы не имели заведомого большинства в палате, делающего ее деятельность бессмысленной. Общие принципы этого определяются Имперским законом «О палате народов», а конкретика – Думой: в практике это работает так, что в нынешней палате русские, составляющие 44,3% населения, имеют 31,6% голосов, а, например, немцы – 7,7% (при 9,9% населения); а татары, наоборот, имеют 1,7% голосов при 0,93% населения. Народы-союзники, к слову сказать, никакими привилегиями в квотах не обладают. Народы, составляющие менее 0,1% населения, но численностью более 50 тысяч человек, имеют по одному депутату, плюс

четыре депутата выделены на всех, насчитывающих менее 50 тысяч. Депутатов по той или иной национальной квоте избирают только граждане этой национальности – технически в России это сделать несложно, так как национальность каждого человека записана в его паспорте и в общей избирательной базе данных.

Палаты народов существуют не только на общенациональном уровне, но и в так называемых национальных округах, состав и границы которых утверждает Палата Народов Земской Думы. Покрывают они, естественно, не всю территорию России – зачем нужна палата народов там, где все или почти все население одной национальности, – а только в многонациональных местах. По закону окружные палаты являются верхними палатами для всех земств, находящихся в их округах, то есть имеют право вето на все их решения; принцип их избрания тот же, что и общероссийской палаты.

Помимо окружных палат народов, в которых представлены все народы, проживающие в данном округе, есть общероссийские национальные палаты, в которых представлен только один народ, но со всей России; они принимают для своего народа законодательство, отнесенное Конституцией к соответствующему ведению (подробно об этом см. главу «Национализм»). Вся эта система является воплощением имеющего многовековую традицию российского конституционного принципа «союза народов» – естественно, союза не вполне симметричного, в котором русские, и в несколько меньшей степени народы-союзники, играют особую роль, стержневую для Империи. Справедливости ради надо сказать, что по своей национальной натуре русские действительно очень имперский народ. Этот принцип «союза народов» в России противопоставляют существующему у нас принципу федерализма, то есть «союза территорий».

Дума принимает общероссийские законы по вопросам своей компетенции (так называемые земские законы); Конституция, однако, четко устанавливает, что земские законы не могут ничего запрещать гражданам и юридическим лицам, как и ничего заставлять, – то есть не могут вмешиваться в права и свободы. На практике же все хитрее: например, имперские Уголовный и Административный кодексы не запрещают занятие проституцией, и поэтому ни одно земство или Земская Дума в целом не может ввести такой запрет. Но они могут запретить на своей (или всей российской) территории публичное освещение этого (включая любую рекламу и даже наличие вывесок), ввести ограничение на поведение проституток в общественных местах, а также обязать ограничить эту деятельность территориально, например определенными районами города. (Здесь идет речь об ограничениях сверх установленных Империей – те на самом деле довольно жесткие.) Но если какая-либо община сочтет ограничение нарушающими ее права, она может оспаривать его в Конституционном суде – это весьма распространенная практика.

Вообще рассмотрение тяжб о том, является ли тот или иной земский закон или постановление какого-то земства или общины в этом смысле конституционным, составляет более трех четвертей работы Конституционного суда. Чуть иначе обстоит дело с правами бизнеса – общины могут вводить и запреты, но на так называемой исключительной основе: это означает, что община или земство могут, например, принять законное постановление о запрете строить на своей территории завод, но тогда обязательно любой – если потом строительство какого-то другого завода будет разрешено, а перед этим кому-то иному было отказано, то это будет основанием и для вмешательства имперского прокурорского надзора, и для иска (со стопроцентной вероятностью выигрыша) того лица, кому отказали. Кроме того, общины и земства, принимая такие запреты, всегда помнят, что большая часть земли вообще не входит ни в какую общину или земство (см. выше). Поэтому, запретив на своей территории строительство, например, большого торгового центра, община рискует, что застройщик либо договорится с соседней, либо построит его чуть в стороне на ничейной (в плане земского деления) земле; то есть торговый центр все равно будет примерно на том же месте, но налоги от него пойдут уже не им.

Выявление нарушителей общинных порядков и земских законов (например, проституток, промышляющих на улице там, где в данном городе это не положено) осуществляется только местной милицией – Имперская служба криминальной полиции не занимается нарушениями земских законов и постановлений; однако соблюдение общеимперских прав личности при

этом обязательно, и за этим следит уже Имперская служба прокурорского надзора.

В общем и целом в части местного самоуправления имперская власть России занимает позицию не просто невмешательства, а самоустранения: Богу Богово, а кесарю кесарево. Это весьма важно в плане анализа разделения властей в России (см. главу «Заключение»).

Государственный строй. Сложность характеристики государственного строя России в том, что многие понятия из этой сферы, введенные как строгие термины еще в античные времена – сначала греками, а потом римлянами, – такие как демократия и республика, в последние столетия и особенно в xx—xxi веках незаметно изменили свой смысл. И строй России должен называться по-разному в зависимости от того, используем ли мы изначальный смысл этих терминов или сложившийся последние два века в западной цивилизации. С позиций Платона и Аристотеля, Россия, безусловно, является демократией – ее высшая власть, император, является выборной всеми, кто имеет право голоса. С другой стороны, начиная с XX века демократия стала однозначно ассоциироваться со всеобщим равным избирательным правом, а его в России и близко нет – правом голоса при выборах императора обладают только члены служилого сословия, то есть опричники, составляющие ныне около 2,5% населения. Но даже и у жителей колыбели демократии, Древних Афин, избирательное и вообще гражданское право тоже имели лишь свободнорожденные мужчины – а их было меньшинство, даже и без учета рабов. Кстати говоря, связь гражданства с воинской обязанностью была у них столь же однозначной, как в современной России, – гражданин, и только он, имел в обязательном порядке при любой войне свое место в фаланге города, как и у римлян в легионе. Вообще всеобщее избирательное право – очень позднее нововведение, появившееся лишь в начале XX века. А менее чем за век до этого в наших северных штатах, являющихся колыбелью демократии нового времени, не считались избирателями не только негры и женщины, но и не отвечающие имущественному или религиозному цензу белые совершеннолетние мужчины. Впоследствии это изменилось, но ведь САСШ считались демократией и до этих изменений! При этом апологией наличия ценза служило рассуждение, что он не вечен – каждый может, например, заработать и стать избирателем. Но схожее соображение в полной мере относится и к русским, поскольку там, чтобы стать опричником в любой момент своей жизни, достаточно просто подать заявление. Так что если использовать классические термины, то Россию однозначно следует считать демократией, несмотря на то, что избирательное право там не всеобщее.

Сложнее решить вопрос, считать ли ее республикой – в современном употреблении это слово значит не более чем «не монархия». По этому критерию Россия, конечно, республика, и наличие в ней самодержавия не есть противоречие этому, потому что самодержец там избирается на фиксированное время. Во времена Римской республики так же практиковалось избрание на полгода или год диктатора, и это вовсе не делало Рим диктатурой. В Речи Посполитой XVI—XVIII веков король также избирался сеймом (то есть съездом дворянства), причем в отличие от нынешней России – на неопределенное время (то есть до его смерти или отречения), и тем не менее Речь Посполитая считалась республикой. Однако лично я бы не рискнул назвать Россию республикой, поскольку во всех республиках имелось разделение властей, которого на имперском уровне в России нет. Русские считают идею разделения властей либеральным продуктом западной цивилизации (хотя это не совсем так), призванным облегчить господство олигархии. (И пожалуйста, не считайте нонсенсом, дорогие соотечественники, обсуждение того, является ли Российская Империя республикой: Британская Империя XVIII—XX веков, формально являясь монархией, даже и не конституционной, по сути являлась типичной республикой.) Вообще даже в самом слове «республика» (лат. общее дело) содержится указание не столько на источник власти, как в слове « демократия», сколько на участие всех слоев, групп населения и сословий в управлении – поэтому мне все же трудно представить республику без разделения властей в том или ином виде.

Не воспримите за наглость, дорогие соотечественники, но во время написания этой книги о России мне стало особенно ясно, что существующая в современной политологии классификация типов государственного строя, мягко выражаясь, неполная; и мне пришли в голову по этому поводу некоторые мысли, которым я думаю посвятить в будущем отдельную

работу, а пока хочу просто их анонсировать. Мне представляется, что если абстрагироваться от конкретного содержания идеологии и политики некой страны, то тип ее государственного строя должен определяться как матрица из двух параметров, каждый из которых может иметь одно из нескольких значений. Первый параметр – каким способом после ухода предыдущего индивидуального или коллективного правителя определяется новый, а второй – как государственная власть принимает значимые решения: индивидуально или коллегиально. Иначе говоря, первый параметр – это источник власти, а второй – способ ее осуществления.

Первый параметр может быть: 1) архаическим (силовым); 2) наследственным; 3) теократическим (избрание или утверждение власти организованным духовенством); 4) бюрократическим (избрание самой властью, то есть госаппаратом, собственной верхушки); 5) паулократическим (это термин ввел я, см. далее); 6) демократическим (избрание власти населением со всеобщим избирательном правом). *Паулократией* (от *лат.* «пауло» – немного) я называю такой строй, где власть избирается, но с правом голоса, далеким от всеобщего, то есть с каким-то достаточно серьезным цензом, – иными словами, не всем населением, а какой-то его частью.

Второй параметр может быть следующим: а) диктатура (полностью единолично); б) самодержавие (единолично, но в определенных рамках и под контролем); в) олигархия (коллегиально, но достаточно узкой группой); г) республика (коллегиально, широкой группой, с публичным обсуждением, если возможно, и разделением властей). К слову, эти четыре типа строго в обратном порядке прошел Древний Рим – ранняя республика была типом *г*, поздняя – *в*, принципат – *б* и доминат – *а*. Такой подход представляется мне конструктивным – в частности, он позволяет автоматически разрешить старый, но по сию пору актуальный вопрос: может ли государство без разделения властей, но с выборным правительством считаться демократическим. Ответ таков: демократическим может, потому что демократия – это разновидность источника власти, а разделение властей – это разновидность ее способа осуществления (разделения властей не было и на родине демократии, в Древних Афинах); а вот республикой такое государство точно не является.

С очевидностью можно утверждать, что Россия по этой классификации является типом *5б*, паулократическим самодержавием, наша Федерация и Индия – это *6г*, демократические республики, Халифат – *2—3б*, наследственно-теократическое самодержавие, а Поднебесная – *4в*, бюрократическая олигархия. Воистину все типы государств представлены в нашем упорядоченном мире! Такой же бюрократической олигархией, *4в*, как нынешняя Поднебесная, была Вторая Российская Империя (во всяком случае до и после Иосифа Великого – в его правлении есть явные элементы диктатуры), а Первая была *2б*, наследственным самодержавием. Российская же Федерация и Российский Союз 1991—2012 годов были *6в*, демократической олигархией (звучит странно, но точно отражает существо дела). Таким образом, в аспекте государственного строя революция 1917 года, при всех ее катаклизмах, была не более чем переходом всей полноты власти к госаппарату – и в плане источника власти (от наследственного к бюрократическому), и в плане способа ее осуществления (от самодержавного к олигархическому). Эта тенденция сложилась и окрепла еще в последние десятилетия перед революцией, мешала лишь царская власть – и ее судьба была предрешена. А революция 1991 года была переходом от бюрократического источника власти к демократическому – олигархическая же природа власти никак не изменилась. Не изменилась она и при реформах 2013—2020 годов (хотя я обозначил современный, послереформенный строй России как *5б*, а не *5в*) – начиная со Второй Империи, даже с конца Первой, и по сию пору власть в России промежуточна по своей природе между институционализованно-единовластной и олигархически-коллегиальной: в 2013 году она просто сместила свой акцент с коллегиальности на единовластие. Но вот в части источника власти полное разочарование русских в демократии к 2013 году не могло не привести к ее замене на что-то иное. Паулократия есть явная попытка России найти исторический компромисс между демократией и бюрократией, в которой разочаровались еще раньше; поэтому она, скорее всего, сохранится в России в обозримом будущем. Но весьма вероятно, что далее Третья Российская Империя эволюционирует до *5в*, паулократической олигархии, – элементы этого есть уже и сейчас, и базовым российским ценностям это не противоречит (в

отличие от замены паулократического типа на какой-либо другой). В самом деле, что принципиально изменится в российской системе власти, если ее высшим носителем станет не избираемый император, а какой-нибудь высший имперский совет, точно так же избираемый опричниками?

Глава 4

Национальная самоидентификация

Автономность

В этой главе я расскажу о двух конституционных принципах русских, которые определяют их самоидентификацию и как нации, и как государства, что определяет место России в мировом устройстве и порядке. Эти принципы существенно отличают ее от всех других стран и в большой степени определяют своеобразие ее уклада. Следует оговориться: эти принципы – не нормы, а установки, которые задают вектор развития, а не определяют конкретную точку на этом векторе.

Для первого из них, **автономности**, таким вектором является стремление к минимизации взаимодействия и взаимозависимости с другими государствами; в российской публицистике этот принцип обычно называется «крепость Россия». Русские воспринимают себя не как нацию, а как цивилизацию, и соответственно относятся к иностранцам не как к дальним родственникам, а чуть ли не как к представителям иного биологического вида – то есть относятся вовсе не плохо или недоброжелательно (подтверждаю по собственному опыту – это не так), но полностью отчужденно. Ойкуменой они считают не Землю с обитаемой частью Солнечной системы в целом, а лишь Российскую Империю. Остальные государства они не то чтобы игнорируют – это было бы неправильно по военным соображениям, да и самые разные материальные и нематериальные образцы они зачастую готовы перенимать, – но относятся к их существованию как к неизбежному злу и нисколько не горевали бы, если бы они в одночасье исчезли. Есть другие народы и страны – хорошо, нет – еще лучше; такой подход русских сильно отличается и от нашего отношения к окружающему миру как к партнеру и в конечном счете источнику нашего обогащения (как и других торговых цивилизаций – Индии и Поднебесной), и от отношения Халифата ко всему неисламскому миру как к объекту экспансии, «зоне войны». Это очень глубинная разница, и я бы советовал вам не преуменьшать ее, дорогие соотечественники. Эта разница проистекает из иного, чем у нас, отношения к инородцам и иноверцам. И в европейской традиции, и в нашей цивилизации, которая, безусловно, является ее наследницей (при том что ныне сама Европа географически является частью России), это отношение существует в антиномии «худший—равный», то есть иноплеменника либо воспринимают как априори худшего, либо как такого же человека, как ты, то есть равного; непременным атрибутом этой антиномии является сравнение иноплеменника с собой, обязательно несущее отрицательную или положительную оценку. Русская традиция гораздо более древняя, идущая с пещерно-родовых времен, и в ней нет антиномии, как нет сравнения с собой – его заменяет восприятие иноплеменника как «чуждого», не сводимого ни к «худшему», ни к «лучшему», ни к «равному», потому что «чуждый» значит несравнимый. Само понятие «иноплеменники» при этом, естественно, не вечное – французы или армяне были иноплеменниками, а стали своими, а татары и немцы вообще из заклятых врагов стали лучшими друзьями.

Происхождение такого отношения русских к иностранцам очевидно – в то время как европейские народы жили в среде единоверцев, таких же католических народов, как они сами, русские после окончательного падения Византии, а до того говорить о русском этносе некорректно, существовали практически как единственный православный народ на Земле (немногочисленные иные православные народы проживали далеко и численно были значительно меньше), со всех сторон окруженный иноверцами, притом религиозно агрессивными. В период Второй Империи это отношение лишь укрепилось – как же, только в СССР живут правильно, все остальные народы бродят в потемках, нас самих при этом считая царством несвободы и зла (за исключением немногочисленных социалистических стран, которые воспринимались невсерьез в силу небольшого в сравнении с Россией размера и явной от нее зависимости). Но окончательно это отношение выкристаллизовалось относительно недавно, 50—60 лет тому назад, во второе Смутное время и в Период Восстановления. Россия тогда была деморализована и слаба – и как государство, и как нация, – и внешний мир изо всех сил старался укрепить у россиян ощущение того, что они ущербны и должны для своего же блага отказаться от своей инакости и раствориться в западном мире, переняв его пути и оставаясь в его рамках не более особыми, чем голландцы по сравнению с бельгийцами. Поначалу все, казалось, к тому и шло, тем более что описанное выше ощущение разделялось практически всей тогдашней элитой, но оказалось, что национальное чувство у русских сильнее, чем можно было предположить. Невиданные в

истории по мощности пропагандистские усилия, бьющие как по русской самоидентификации в целом, так и по отдельным ее устоям, не дали желанного результата – количество ощущающих себя «гражданами мира» (западного, естественно) не выросло, а, напротив, уменьшилось. Более того – многие из тех, кто раньше к собственной «русскости» относились безразлично, стали считать ее стержнем своего мироощущения. Это и было временем кристаллизации у русских отношения к внешнему миру как к изначально враждебному, причем враждебному не только и не столько к русскому государству – это было бы понятно, – но к русской нации как таковой. Названное отношение могло бы перерасти во враждебность, как у немцев после унижений Версальского мира, но вместо этого спонтанным ответом русского народа на неослабевающий гнет русофобии стало отчуждение. Эти четыре источника – древняя доэтническая традиция ощущения иноплеменников как абсолютных чужаков, средневековая традиция религиозного отчуждения от окружающего мира, социалистических времен традиция восприятия остального мира как отсталого и недоразвитого и новейшая традиция отчужденного восприятия внешнего мира как априори русофобского – и породили современное отношение русских к внешнему миру как к абсолютно чуждому и враждебному, но с нейтральной эмоциональной оценкой, без всякой злобы – как к природной стихии.

И как люди стараются отгородиться от бедственных природных стихий, так и русские строят свое взаимодействие с другими странами, стараясь свести контакты к минимуму. В российской Конституции статья «Автономность» начинается так: «Целью отношений России с другими государствами является исключительно удовлетворение ее собственных интересов; таковой целью не может являться удовлетворение интересов межгосударственных и общечеловеческих. Россия вступает в те или иные двусторонние или многосторонние отношения с другими государствами только тогда, когда какой-либо ее жизненный интерес невозможно удовлетворить без этого; уровень таких отношений определяется объемом и степенью жизненности этого интереса». Причем под отношениями тут понимается не только то, что относится к сфере большой политики и определяется государственными договорами, но и любые контакты на уровне отдельных людей и организаций. То есть любой контакт с внешним миром изначально считается злом – которое можно терпеть как неизбежное, но только тогда, когда иным путем проблема не решается.

Русская цивилизация считает себя самодостаточной: все, что ей надо – и в материальном, и в духовном смысле, – она может произвести сама. Для русских не является аргументом, что кто-то может сделать что-то лучше, чем они: в их представлении либо им это не нужно, либо они напрягутся и смогут не хуже (так действительно в истории бывало не раз). Российская Империя не хочет ни помыкать другими странами, ни пресмыкаться перед ними, ни с какими-то из них конкурировать; ни принимать чужие правила игры, ни навязывать свои. Непосредственно во внешней политике это выражается в принципе равноудаленности: например, имея сильно отличающийся от других государственный строй и считая его единственно правильным, русские тем не менее вовсе не станут испытывать особой теплоты к тем, кто попытается его воспроизвести у себя в стране. (Обычно бывает не так: еще во времена пелопонесских войн Афины поддерживали все демократические, а Спарта – все аристократические полисы; то же было и в Средние века, и в Новое время – достаточно вспомнить борьбу СССР за социализм или Запада за права человека и демократию во всем мире.) Империя не заключает союзов с другими государствами – это есть не формальное требование Конституции, но однозначный императив российской внешней политики, озвученный еще Гавриилом Великим. Объяснение этому такое: в Конституции прямо записано, что Россия должна быть готова противостоять всему миру, в том числе в одиночку, и любой союз только расслабит ее в стремлении обеспечить такую готовность. Постоянной вражды Россия также ни с кем не имеет, даже с Халифатом, хотя и воевала с ним трижды уже во время нашей эпохи упорядоченного мира, причем воевала достаточно кровопролитно. В многосторонних договорах, например экологических или космических, Россия старается не участвовать и делает это лишь в крайних случаях – все вы помните, как девять лет назад, получив совместное предложение нашей Федерации, Индии и Поднебесной запретить использование термоядерных элементов в автомобилях как крайне опасное для внешней

среды, Россия ответила, что никого не касается, что она использует на своей территории, и такие вещи она не собирается даже обсуждать. Российская Империя понимает, что все предложения о новых правилах чего бы то ни было всегда связаны с эгоистическими интересами ваших корпораций, говорилось далее, как в случае с запретом фреонов 60 лет назад, которые, как выяснилось впоследствии, оказались абсолютно безвредными, или как с печально известным Киотским протоколом. С Империей подобные вещи не пройдут. Это лишь пример, но весьма характерный – слова «международный» или «общемировой» считаются в России чуть ли не неприличными. Такое отношение связано как с нежеланием вступать в излишние, не обусловленные необходимостью, контакты, так и с неверием в то, что кто-то, кроме них, будет выполнять свои обязательства, если ему это будет невыгодно – а если будет выгодно, он будет исполнять и без всякого договора.

Те из вас, дорогие соотечественники, кто помнит историю России (хотя бы в объеме первой части этой книги), не смогут не заметить, что в мало-мальски длительной перспективе такую – основанную на принципе автономности – внешнюю политику русские легко могут вести сейчас, в нашу эпоху упорядоченного мира, а в период глобализма, то есть до 2019 года, это было возможно только на мобилизационный период. Ныне даже торговые державы – мы, Поднебесная и Индия – гораздо менее взаимозависимы (более автономны, по русской терминологии), чем это было тогда. Это не совпадение – после прихода к власти Гавриила Великого и конституционной реформы 2013 года Россия, уже приняв принцип автономности, прекрасно понимала, что он реализуем только при вполне определенном типе мирового порядка, и была полна решимости его создать. Она понимала, что для этого в первую очередь надо сокрушить Запад, остальное будет делом техники – и вот после Двенадцатидневной войны момент настал.

Я уже писал в первой части, в главе про установление нового мирового порядка, что Россия чуть не силой заставила Китай осуществить процесс присоединения к себе стран Азиатско-Тихоокеанского региона. И что когда мой дед, основатель нашей Федерации Алвареду Бранку, понял этот замысел и, по сути, потребовал помощи России в объединении Нового Света в одну страну, то Российская Империя отдала нам Канаду и согласилась уйти из США. На самом деле и объединение исламского мира в единый Халифат не обошлось, как мне стало теперь понятно, без тайной помощи Империи. Вдумайтесь – находясь на пике могущества, будучи сильнее всего остального мира, вместе взятого, Россия своими руками создавала равновеликие себе страны, часть которых с очевидностью могла стать (и стала!) ее врагами – зачем? Я задал этот вопрос Яну (в крещении Ивану) Мицкевичу, начальнику отдела в Имперской канцелярии внешней политики. «А по-другому не получалось, – ответил мне товарищ Мицкевич. – Когда в мире много стран, очень отличающихся по размеру, и есть среди них такие, которые сильнее любых трех других, вместе взятых, то это идеальный порядок для сатанинской глобализации. Потому что тогда слабые страны, которых большинство, становятся не более чем игровой площадкой для столкновения и конкуренции сильных стран. А если сверхсильная страна одна – то игровой площадкой для столкновения и конкуренции транснациональных корпораций этой страны и ее союзников. Мы же старались создать такой мир, где это невозможно, а для этого самая маленькая страна должна быть достаточно большой, чтобы оказаться другим не по зубам в силовом смысле, и достаточно отличающейся по образу жизни и мыслей от остальных, чтобы ее не могли взять под контроль несиловым образом. Да, мы сами создали себе врагов (именно врагов, а не конкурентов – конкурировать нам не с кем и не за что), но зато получили мир, в котором нам комфортно – мы можем идти своим путем, ни на кого не обращая внимания. А то, что мы вынуждены стоять на своих рубежах дозором и смотреть, нет ли нам угроз, так даже хорошо – не будем расслабляться». Таким образом, российский принцип автономности оказал прямое влияние на облик современного мира – и тем, что предопределил вышеизложенные действия России, создавшие этот облик, и тем, что стал примером для других, включая и нас, потому что по меркам 2018-го, а тем более 2006 года и мы теперь невиданно замкнуты и автономны.

В экономике Империи автономность выражается в том, что государство старается минимизировать любые трансграничные экономические отношения. В России национальная валюта не меняется на валюту других стран – точнее, меняется, но только государством в

лице Центробанка и лишь в определенных случаях. Человек или организация не могут быть обладателями иностранной валюты иначе чем законно полученной от Центробанка – в противном случае это криминальное преступление, и, хотя в тюрьму вас за это не посадят, штраф вы заплатите большой (помимо конфискации валюты). Через этот механизм регулируется импорт: валюту государство продает лишь на закупку таких товаров и услуг, которых в России нет и быть не может, – например, на тропические сельскохозяйственные культуры (кофе, тропические фрукты и т. п.) или на минеральное сырье, которого в Империи нет или не хватает. Если же какой-то материальный или информационный товар в России не производится или производится существенно худших потребительских свойств, но в принципе производиться может, то принимается программа импортозамещения, которая в основном сводится к тому, что устанавливается регрессирующий график продажи валюты на импорт этого товара: столько-то лет – по обычному курсу, далее – по увеличивающемуся, и с такого-то года валюта на это продаваться вообще не будет. Подразумевается, что инвесторы, видя в перспективе открывающуюся рыночную нишу, которую ранее занимал импорт, вложатся в создание соответствующих корпораций – график и определяется из того, сколько времени надо для создания новых производств, вместе с разработкой технологий, корпоративным строительством и общей раскачкой. График составляется и публикуется Имперским агентством отраслевого развития, без поиска и привлечения конкретных инвесторов – в таких частных вопросах в отличие от стратегического развития русские твердо верят в «невидимую руку рынка». Если же отечественный бизнес отстает от других государств не по конкретному продукту, а по целой отрасли, принимается отраслевая программа форсированного развития, включающая науку, инфраструктуры и т. д.; так было с медицинскими и биологическими технологиями – к сороковым годам и особенно к настоящему времени русские сумели подтянуться к нашему уровню, хотя мы по-прежнему остаемся в этих областях признанными лидерами.

Русские настолько последовательны в своем нежелании контактировать с внешним миром, что дестимулируют и экспорт. Как объяснил мне заместитель директора Центробанка Дитер Майер, смысл этого в следующем: если ты много экспортируешь, то становишься зависим от стран-импортеров не менее, чем от стран-экспортеров в обратном случае. Вторая Российская Империя, СССР, не в последнюю очередь рухнула из-за обвала цен на нефть, которая была основной частью ее экспорта. Кстати, тогда этот обвал произошел вовсе не по таинственным законам рынка, а в результате целенаправленной работы США – а если бы СССР на тот момент не зависел бы так сильно от своего экспорта, у него не было бы этой болевой точки. Какое-то рациональное зерно в этом, безусловно, есть – если мы введем эмбарго на импорт из Поднебесной и Индии (а большую его часть наш бизнес легко произведет сам, разве что несколько дороже), то их экономика в одночасье рухнет, и это понимание всегда присутствует в наших с ними отношениях. «Но ведь подобные вопросы можно регулировать, поскольку эта зависимость взаимная», – возразил я. « Вот именно, – ответил мне Майер, – если становишься мастерской мира, то неизбежно придется либо стать мировым жандармом, как когда-то Британия, а затем США, либо клиентом мирового жандарма, как впоследствии Китай, – а мы не хотим быть ни тем ни другим».

Экспорт в Империи ограничивают, ограничивая продажу рублей резидентам других стран – ведь экспорт из России разрешен имперским законом только за рубли; экспорт за валюту и бартерные операции запрещены. Так что если экспорт не ограничивать, то у Центробанка начнет скапливаться много иностранной валюты, полученной от продажи рублей нерезидентам, а это значит, что придется увеличивать и импорт, потому что иначе эта валюта ляжет мертвым грузом. Иностранные инвестиции в Россию запрещены: если кто-то уж очень хочет делать бизнес в России и готов относиться к ней как к родной стране, рассуждают русские, пусть подает заявление и становится русским. Для целей осуществления российских инвестиций за рубеж валюта не продается (поэтому их невозможно сделать технически), кроме как для создания собственных сервисных центров и т. п. Не продается она и для выдачи кредитов нерезидентам в валюте и других форм операций на зарубежных финансовых рынках – выдача кредитов нерезидентам в рублях, как и привлечение кредитов в валюте, прямо запрещена.

Удивительно, но этот драконовский, на наш взгляд, экономический режим является таковым только в части трансакций с внешним миром – вообще экономика России, как вы далее увидите, либеральнее нашей. Как объяснил мне тот же Майер, рынок хорош лишь тем, что это саморегулирующаяся система – в отличие от нас русские вообще-то рынок не любят (еще бы, если слово « торгашеский» у них бранное) и терпят его лишь ради этой саморегулируемости. Но рынок теряет это качество, когда страна перестает быть замкнутой системой. Например, если в период бурного экономического роста жизнь дорожает (не обязательно из-за инфляции – может, просто в силу роста стандартов потребления), то работники требуют повышения зарплаты, и работодатели всегда вынуждены будут идти им навстречу, потому что жизнь дорожает для всех: так зарплаты автоматически подстраиваются под цены, и плодами роста пользуются не только предприниматели. Или же хозяева будут автоматизировать свой бизнес, что приведет к росту производительности труда и, как следствие, – национального богатства, что опять же через разные механизмы пойдет на пользу всему народу. Но если значительная часть работников – иностранцы, то они не будут требовать повышения, потому что у них дума, а они и зарабатывают деньги, чтобы тратить их там, нет никакого роста и, как следствие, – подорожания, а это существенно замедлит и рост зарплат у своих работников, и процессы автоматизации. С другой стороны, более высокие зарплаты своих рабочих – это больший платежеспособный спрос, который и делает экономический рост самокатализируемым процессом – но не в случае иностранных рабочих, которые максимально возможную часть зарплаты откладывают для дома. Это всего лишь один пример – причем, наверное, не самый характерный, потому что связан с рынком труда, – но он показателен в плане того, каковы у русских философские основания самоценности экономической автаркии как части принципа автономности.

Ограничения в политической и общественной жизни Российской Империи, налагаемые принципом автономности, еще жестче. Естественно, контакты и взаимодействие с субъектами других государств сведены для властных структур к минимуму, так же как у нас: это означает невозможность иметь иностранцев в качестве сотрудников, консультантов или подрядчиков (удивительно, но во второе Смутное время в России этого правила не было). Что касается некоммерческих структур – а к ним, в частности, относятся все общественные организации, – то им, помимо этого, не разрешается иметь иностранных юридических или физических лиц в учредителях, а также запрещено принятие от них любого вспомоществования или грантов. Как и в экономической сфере, эти ограничения никак не касаются содержательной части деятельности общественных организаций – их не меньше, чем у нас, и многие из них не особо лояльны к режиму. Исключением являются религиозные организации – для них контакты с внешним миром, в частности со своими единоверцами из-за границы, не ограничиваются государством. Но следует помнить, что православных христиан за пределами России практически нет, как и равилитских мусульман, а остальные религии либо официально дискриминированы в части публичной проповеди и прозелитизма как имеющие центр за границей, либо являются этнически нишевыми и потому малозначимыми в масштабах Империи, как иудаизм или армяно-григорианское христианство. Все вышеупомянутые запреты относятся и к средствам массовой информации; более того, им запрещено также принимать от иностранцев статьи и любые материалы и предоставлять им трибуну (правда, на это смотрят сквозь пальцы). Новости и вообще любая информация о событиях в других странах разрешена к публичной циркуляции, но только в отдельных соответствующих разделах или изданиях: например, любое российское СМИ может освещать наш американский чемпионат по баскетболу, но только в разделе «Зарубежный спорт» или что-нибудь вроде того – если он будет помещен просто в разделе «Спорт», вместе с российским чемпионатом, то это будет нарушением, за которое после второго случая СМИ закроют. Впрочем, поскольку российские спортсмены не участвуют в международных соревнованиях, российские фильмы – в международных фестивалях и т. д., то все это не сильно трогает большинство россиян.

Ограничения, касающиеся личного общения – как частного, так и профессионального, – а также потоков информации еще жестче. Как вы знаете, дорогие соотечественники, в Россию и из России напрямую позвонить нельзя технически – у них другие коды. Также и их Сеть,

Рунет, не соединена с Интернетом, охватывающим нас, Поднебесную и Индию, и даже Халифат, в силу другого протокола. Не надо, впрочем, заблуждаться – эти технические барьеры имеют политическое происхождение: российские законы запрещают использование совместимых с нами приборных и информационных технологий. Существуют, однако, специальные порталы, через которые соединиться можно, но эти услуги обложены большим акцизом, в результате чего минута телефонного разговора с Американской Федерацией стоит более двух рублей (около десяти долларов). Правда, если россиянин имеет за границей родственников, то ему по закону положена дотация на уплату акцизной части цены, которая при близком родстве и не очень больших объемах разговоров может составлять до 90%. Такие же ограничения существуют и для аудио-, видео– и виртуконтента: все стандарты электронных устройств в России намеренно другие, и нашу компакт-капсулу там просто невозможно воспроизвести, а ее тиражирование в российском стандарте также обложено большим акцизом. Аналогичная ситуация с приемом телепрограмм через спутник. Кстати, есть еще один любопытный прием – как известно, Россия не связана с другими странами ни двусторонними, ни общемировыми договорами об охране авторских прав и интеллектуальной собственности (хотя внутри Империи таковые законы действуют, причем достаточно жесткие). Поэтому любой гражданин России может не только без спросу, например, тиражировать иностранную музыку или использовать запатентованное иностранное изобретение, но и поставить на них свою фамилию. Естественно, и все остальные вольны так же поступать с русскими авторскими продуктами, и Империя действует в этом вопросе вполне справедливо, то есть не пытается продавить для себя какие-то асимметричные преимущества. Собственно, это и есть квинтэссенция их принципа автономности – делайте что хотите и не мешайте нам делать что мы хотим. Но вернемся к развлекательным продуктам из других стран: зачастую они появляются на российском рынке после соответствующей обработки – но уже как русские, с указанием якобы российских авторов; этому власти не чинят никаких препятствий. То есть Имперское управление воспитания считает, что нарушением принципа автономности являются не иностранные фильмы, музыка и т. п. сами по себе, а лишь если они открыто позиционированы как иностранные – если же народ считает их доморощенными, то на здоровье. В общем, смотрите и слушайте что хотите – но только отечественное.

То же и с физическим общением: например, ученые, работающие в государственных НИИ, могут читать все статьи и другие материалы зарубежных коллег, но не имеют права общения с ними, очного или виртуального, – если их это не устраивает, они вольны там не работать и устраиваться в промышленность или в частные институты. Я имел беседу с Дмитрием Коркиным, заместителем начальника Имперского агентства науки, и спросил у него, с чем связан такой запрет – не идет ли он во вред эффективности? Он ответил мне, что всем творческим людям, и особенно ученым, очень свойственно чувствовать себя принадлежащими к одной общемировой касте: они считают себя в первую очередь не россиянами, а учеными. А это недопустимо по основополагающим принципам Российской Империи, даже и прямо по Конституции (по тому самому принципу автономности, который я сейчас описываю, а также по принципу национализма). Что же до эффективности, то российская наука – это более 30% мировой, и большой вопрос, кто кому нужнее. Вообще прямые контакты россиян с иностранцами, как и поездки в другие страны, не запрещены (мое собственное пребывание в России тому пример), но все это сильно ограничено финансовыми соображениями: моя годичная виза обошлась мне в 12 тысяч долларов, и, естественно, примерно столько же возьмут с россиянина за визу к нам. Как и в случае телекоммуникаций, можно получить большую скидку на поездку к родственнику раз в год или на деловые командировки для занимающихся экспортом-импортом: источником государственных компенсаций на эту скидку служат визовые сборы с иностранцев. Столь высокие платы за визы (Поднебесная и Индия платят за визы не более 50 долларов) введены исключительно по инициативе России, которая считает вредным и ненужным путешествия своих граждан за границу. Зачем это надо, считают российские власти, коли у нас есть все свое: мы простираемся от тундры до тропических островов, имеем 12 000 километров в длину и 3000 в ширину, и большая часть великих городов и исторических

достопримечательностей мира находится у нас – чего вам не хватает? Но запрещать загранпоездки или заставлять получать выездную визу, как было во Второй Российской Империи или в нынешнем Халифате, Империя не хочет – чтобы для ее граждан не возник эффект запретного плода. К тому же вдруг кому-то ехать за границу так захочется, что он готов будет на любые затраты: зачем его лишать этой возможности; как гласит русская пословица, « охота пуще неволи». В этом, кстати, проявляется достаточно иезуитская политика России в сфере пропаганды: для российских граждан все выглядит так, что запредельная цена визы как бы устанавливается не Россией, а другими странами – а о том, что это не более чем вынужденный ответ на цену, установленную Россией, мало кто из россиян задумывается.

Но следует понимать, что плата за визы является хоть и высокой, но не запретительной даже для среднего россиянина, в силу достаточно высоких доходов. Плата за 20- дневную туристическую визу составляет около 3000 долларов – примерно 60% средней месячной зарплаты. А к бизнес-визам для тех немногих, кто все же имеет коммерческие дела с другими странами, все это не относится – их порядок оформления и сборы совсем иные. Притом поскольку многое в России бесплатно (здравоохранение, школьное образование, значительная часть высшего образования, адвокатские услуги по уголовным делам), то русским проще решиться тратить деньги на не слишком нужные вещи, чем американцам. Так что ездить за границу по многу раз в год для обычного россиянина финансово невозможно, но поехать поглазеть на чужие берега раз в два-три года проблем не представляет – и как результат, весьма немалая часть жителей Империи за последние десять лет хоть раз, но была за границей. При этом подавляющее большинство российских граждан возвращаются из заграничных поездок довольно разочарованными. Что ж, теперь русских трудно удивить и теплыми морями, и разнообразием природных ландшафтов. Поэтому сейчас широко обсуждается вопрос отмены платы за визы, и весьма возможно, что так в ближайшем будущем и произойдет. Но это сейчас, когда Россия выиграла войну, стала мировым лидером и, как следствие, добилась высокой сплоченности нации, – а в 10- х годах визовые ограничения были необходимы и неизбежны.

Но все ограничения и запреты, которые я описал, вовсе не являются сутью принципа автономности – они есть не более чем его инструментальные проявления, притом отнюдь не главные. Автономность в России – это не норма закона, а мироощущение. То есть для подавляющей части российского народа ограничения не актуальны, они и сами не жаждут смотреть иностранные фильмы или ездить за границу, потому что воспринимают внешний мир как неправильный и порочный (воцерковленные люди – так просто как царство Антихриста) и к тому же враждебный к России. Ограничения же и запреты нужны не для них, и даже не для перевоспитания меньшинства, но для того, чтобы не дать дороги процессам, которые размоют и в конце концов разрушат это мироощущение. Например, сама имперская власть, которая, естественно, изучает иностранные СМИ по службе и соответственно знает, что и как они освещают, никогда не будет публично реагировать на высказывания иностранных государственных деятелей или самих СМИ о России – это считается унизительным. На вопрос журналиста, мол, как вы относитесь к такому-то высказыванию того-то из такой-то страны, любое должностное лицо Империи ответит однотипно: а нам какое дело? Что хотят, то пусть и говорят. Я думаю, что так же ответит и большинство населения – именно потому, что принцип автономности для него есть мироощущение. В основе его лежит представление, что кроме антиномии «хороший путь – плохой путь» есть нечто гораздо более важное – свой путь или не свой. У каждого народа, как у всякого Божьего создания, свой смысл и свой удел у Бога, и негоже идти чужими путями – «всякой твари по роду ее». «Задумывались ли вы, – говорил мне архипресвитер благочинный Даниил, – почему Ветхий Завет запрещал под страхом смерти мужеложство и даже просто переодевание мужчины в женское платье? Или вы, американцы, думаете, в своем стремлении свести библейские истины до рационализма, что этот запрет работал на увеличение рождаемости или чего-то подобного? Нет, дело совсем в другом: Господь создал мужчину и женщину разными, и вас, вашу неповторимую личность, Он сделал мужчиной: не противьтесь же Его замыслу! Так и России надлежит идти своим путем, и мы не хотим ни

заимствовать чужих путей, ни навязывать другим свои. Мы другие, и мы намерены оставаться другими. Поэтому и после Двенадцатидневной войны, и войн экспансии, в двадцатом году, мы остановились, а ведь могли бы подчинить весь мир – ну кто бы мог нам тогда этого не позволить, уж не ваша ли Бразилия? Мы и упорядоченный мир задумали – это ведь именно мы его создали! – для того, чтобы страны были настолько большими, самодостаточными и отличающимися между собой, чтобы не особо нуждаться друг в друге, и могли заниматься своими делами без оглядки на других». – « Но ведь Европу вы все-таки присоединили», – возражал я. «Мы вышли на наши естественные рубежи, которые судил нам Бог, – между трех океанов, – был мне ответ. – Там мы поставили себе пределы и больше никогда ни на что не претендовали – мы даже от своей части при разделе Антарктиды отказались, потому что это не наше». – « А как же « всечеловечность» России, о которой писали многие русские философы? – спрашивал я. – Разве не говорили даже и отцы вашей Церкви, что суждено вам объять, пусть не силой, а любовью, все народы и что оттого путь ваш всемирен?» – « Все народы того времени – это европейцы и турки, других тогда просто не знали, а они все ныне и впрямь, слава Богу, наши россияне, и православные из русских по-братски любят их, – услышал я в ответ. – А всемирность судьбы России не в том, чтобы слиться со всеми, а чтобы свидетельствовать перед Богом и остальными народами о возможности построения на Земле правильной жизни».

Но есть и еще один аспект. Центральная идея Третьей Империи, сама суть ее существования состоит в том, что она есть и должна быть Царством Правды. Но Царство Правды может существовать лишь в ситуации оппозиции по отношению к своей противоположности, следовательно, должно быть и царство неправды, натиск которого сдерживает Империя: именно так русские себя и ощущают. Если же весь мир станет одним государством, то неправда окажется внутри него – в этом и есть смысл пророчества Апокалипсиса. Это может случиться не только тогда, когда тебя завоюют, но равно и тогда, когда ты сам завоюешь весь мир – поэтому Гавриил Великий и не дал свершиться этому в 2019 году. Однако весь мир становится одним и при условии глобализации, без всяких завоеваний – с тем же результатом. Стало быть, чтобы неправда не оказалась в твоих пределах, надо быть закрытым. Это еще одна глубинная основа русского принципа автономности.

Таким образом, в мировосприятии русских активное взаимодействие с внешним миром, особенно при условии взаимопроникновения, есть зло или уж во всяком случае предвестие зла, независимо от того, хорошим или плохим является этот мир – достаточно того, что он другой. Вообще следует заметить, что наш сегодняшний мир середины XXI века русские считают царством Антихриста – не в такой степени, как в начале века, когда, по их мнению, вплотную приблизился конец света, который им удалось отодвинуть, изменив мир, но все равно – тьма лишь на время отступила. Это относится ко всем странам, за исключением их постоянного военного противника Халифата (который они, впрочем, тоже считают орудием дьявола, хотя и не его царством). Здесь нет ничего удивительного – Халифат является пусть и враждебным им, но таким же, по сути, идеократическим религиозным государством, как Российская Империя. Русские ненавидят – или, скорее, презирают – и наши католицизм с протестантизмом, и индийский политеизм, и атеизм Поднебесной; и нашу либеральную демократию, и индийскую кастовую систему (хотя и не прописанную в законах), и поднебесную бюрократическую олигархию. Всех нас, кроме исламистов, они считают торгашами (в их устах это ругательство) и индивидуалистами, живущими по принципу «человек человеку волк». Они полагают, что, как бы богато, свободно и безопасно мы ни жили, в нашей жизни нет главного – смысла и достоинства.

В Империи считается, что разделение на западную и восточную цивилизации берет начало еще в противостоянии древней Эллады и древнего Израиля, противостоянии Иафета и Сима, и первым их столкновением были Маккавейские войны. Впоследствии же преемником Иафета стала западная цивилизация, сначала Европа, а следом за ней наш Новый Свет, а преемником Сима, новым Израилем, стала Россия. Гуманистическая культура эллинов, создавшая шедевры искусства, науки и политической мысли, но ценой безбожия и, как следствие, полной потери моральных ориентиров, мыслится русскими как средоточие зла

и неправды, «дьявольской прелести» – в противоположность суровой культуре Ветхого Завета, не создавшей ничего подобного, но верой познавшей единого Бога и удостоившейся за это породить из себя воплощенного Богочеловека. И в нашей эре, по их мнению, все осталось так же – Запад, даже приняв христианство, пропитал его человеческим духом гуманизма и логики, идущей от эллинов, и тем извратил его. Попытки осмыслить Бога рационализмом, считают они, неизбежно приводят к выхолащиванию религии, вершиной какового выхолащивания они видят протестантизм. Византия же, а потом Россия, став новым Израилем, сохранила изначальный дух восприятия Бога, идущий от древних иудеев, – дух веры, а не себялюбивой логики. Таким образом, противостояние с остальным миром – с Индией и Поднебесной, вообще не познавшими истинного Бога, и с нами и исламистами, извратившими Его, – для русских носит в первую очередь не геополитический, идеологический или тем более экономический характер. Для них это вселенская эсхатология, которая закончится только с Армагеддоном и концом света. Только поняв это, дорогие соотечественники, вы поймете происхождение и суть российского принципа автономности.

Национализм

Этот конституционный принцип, взаимосвязанный с принципом автономности, имеет несколько пластов. Первый из них – это восприятие любого человека на Земле в неразрывной связи с его национальностью, которая мыслится как одно из важнейших его свойств, не менее важное, чем пол. Не существует человека вообще – есть россиянин, американец или индус, а среди россиян есть, в свою очередь, немец и есть поляк. Все это сильно отличается от нашего с вами мироощущения, в котором национальное происхождение человека имеет не большее значение, чем, например, его рост. Но не следует сразу считать взгляды русских шовинизмом, потому что в них вовсе не содержится презрения к иным национальностям – так же как люди, считающие женщину женщиной, а не вообще человеком, совсем не обязательно считают ее ниже или хуже мужчины. Без национализма в этом смысле не могло бы быть принципа автономности – нельзя объявить изоляцию от иных, если не считаешь их априори иными. Собственно, в этом нет ничего необычного: везде в мире, во всех культурах всех времен, люди чувствовали себя одновременно принадлежащими и к своим племени и цивилизации, и к человечеству в целом – но с разным соотношением первого и второго. У россиян самоощущение почти полностью смещено на первое из двух, что предопределяет примат российского национального над общечеловеческим – это и есть первый пласт принципа национализма; а уж практическая реализация такого самоощущения (во всяком случае, одна из них) – это принцип автономности.

Но я не случайно противопоставил общечеловеческому одновременно племенное и цивилизационное – во внешней политике в нашем мире это одно и то же, но во внутренней жизни это разные вещи. В такой многонациональной стране, как Россия, это означает, что человек одновременно является россиянином, с одной стороны, и русским, осетином или испанцем – с другой. Так вот, русское мировоззрение предполагает примат цивилизационного и над племенным, но племенное, в отличие от общечеловеческого, не игнорируется и играет хоть и подчиненную, но очень важную роль (далее мы увидим, как это воплощается в общественном устройстве). Таким образом, принцип национализма в этом первом пласте означает, что любой россиянин в первую очередь россиянин, во вторую, но важную очередь – член своего племени, например серб или башкорт, и в почти никакую по важности очередь – человек вообще. Словом, Россия превыше всего. Второй пласт принципа национализма – это императивная «русскость» Российской Империи. Россия ни в коей мере не является тем, что как раз принято в философии называть «национальным государством», к которому относимся и мы, и Поднебесная, и, наверное, даже Индия. Я говорю «даже», потому что в Индии, казалось бы, уж совсем отличная от всех остальных своя национальная культура и даже образ жизни и мышления – но вместе с тем более или менее очевидно, что если национальный состав тамошнего населения изменится, то изменится и этот образ. А вместе с ним, в полном соответствии с демократическим принципом, изменится и самоидентификация страны. К нам и Поднебесной это относится в еще большей степени, и все мы считаем это естественным и нормальным – иначе ведь принципы страны не будут соответствовать принципам большинства населения. Не так в России – она считается страной русской культуры и русского мироощущения, независимо от того, большинство или меньшинство составляет русский этнос от общего населения. У меня возникло впечатление, что для этого принципа не существенно даже, если русских не останется вовсе. Прецеденты такого рода в истории были – например, эллинистические государства Античности, в которых почти не было эллинов по крови. Особенно же это относится к поздней Римской империи, в которой римляне – я имею в виду не римских граждан, которыми уже являлись все, а собственно латинян – составляли ничтожную часть; вместе с тем это явно и несомненно была именно Римская, а не просто общеевропейская империя. Собственно, и сама Третья Российская Империя имела в 20-х годах не более четверти русских (сейчас это изменилось, см. главу «География и народонаселение»); тем не менее Российская Империя является в первую очередь русским государством («государством русского народа, народов – союзников, а именно: (идет перечисление) и других российских народов» – так записано в Конституции). Из этого следуют вполне практические, в том числе конституционные, выводы: например, русский не просто является единственным государственным языком, но

ни один другой и не может стать таковым в будущем, даже наряду с русским, – так записано в Конституции. Также любой народ Российской Империи может иметь свои праздники, если так решит его национальная палата – имперскую власть это вообще не касается, если только праздник не антирусский, – но общероссийскими могут являться только русские национальные или православные праздники. Это, кстати, вызывает определенное напряжение в обществе, хотя и не сильное, даже между народами-союзниками – общегосударственными являются праздники победы над Германией в 1945 году (9 мая) и над поляками в 1612 году (4 ноября). Также считаются праздниками, хотя и без объявления дня нерабочим, дни побед над татарами и французами. Ныне все эти нации входят в Империю, и многим такие празднования не нравятся; но когда я спросил об этом одного опричника, он кратко ответил: « Потерпят». Правда, не все связанное с « русскостью» является столь незыблемым: то обстоятельство, например, что в опричники можно записаться, только являясь (или став) русским либо представителем народа-союзника, не является требованием на вечные времена и будет отменено, я думаю, в течение двух-трех десятилетий – в отличие от требования православности.

В чем же заключается русская природа Российской Империи? Ведь, как мы увидим далее, национальное там никак не подавляется русским, тем более не унижается; наоборот, когда говорят, что, например, буряты или французы – российские народы, в этом слышится определенная гордость. Русские никак не привилегированны, за исключением правила входа в служилое сословие; а с позиции Церкви понятия «русский» вообще нет – кто принадлежит к Вселенской Русской православной церкви, тот и русский, а кто нет, тот, строго говоря, не инородец, а иноверец, даже если он Вася Иванов. Поэтому, кстати, Церковь не признает породнения – не осуждает, а просто не замечает: для нее любое чадо ВРПЦ и так русский. Если посмотреть на статистику, в частности на доходы и имущество русских в сравнении с остальными, то они не выше, а даже несколько ниже средних по Империи. Не хочу сказать, что все русские делятся с остальными народами Империи последней рубашкой, но они точно на них не жируют. Так же, кстати, было и в конце Первой Империи, когда она уже стала многонациональной, и во Второй Империи. Представить себе, что все народы Империи служат источником обогащения титульной нации – а именно так было, дорогие соотечественники, у наших предков, в Испанской, Португальской и Британской империях, – в России абсолютно невозможно: сама идея покажется мерзкой всем, и русским более всех.

Нельзя, однако, сказать, что в сфере экономики Империя игнорирует национальные моменты – это не так. Ей не совсем безразлично, в местах проживания каких народов расположены центры определенных отраслей промышленности, науки и т. д. Например, военная промышленность, космическая промышленность, объекты стратегической энергетики, имперские научные центры расположены почти исключительно в исторических России и Германии. (Правда, в понятие исторической России входят далеко не только земли, населенные преимущественно этническими русскими: например, главный город татар Казань является вторым по значимости в Империи авиационно-космическим промышленным центром.) Но это отнюдь не связано с желанием обеспечить первоочередное экономическое развитие русскому народу и народам-союзникам – производство потребительских товаров и услуг дает региону, в котором оно расположено, существенно больше материальных благ. Скорее это связано с желанием минимизировать риски – считается, что в русских, татарских или немецких регионах ниже вероятность каких-либо беспорядков; ведь и термоядерные электростанции принято во всем мире располагать в сейсмически неактивных зонах. А вот вероятность концентрирования каких-либо отраслей бизнеса в собственности людей одной нации – как при Александре III, когда составлявшие 4% населения евреи держали 92% торговли зерном, – Империю на сегодняшний день особо не тревожит. Не потому, что этого нет – очень даже есть, – а потому, что Империя считает нормальным, когда один бизнес в основном контролирует один народ, а другой бизнес – другой. Вот если выяснится, что, например, в бизнес строительства крупных объектов, где доминируют турки, нетурка не пускают нечестными способами, государство, конечно, прореагирует. Помимо уголовного преследования персонально виновных начнется антимонопольное разбирательство, которое с высокой вероятностью закончится так называемым прямым действием (см.

соответствующий раздел главы «Экономика»). А вот как будет реагировать российское государство, если сильный перекос в пользу одной нации случится среди студентов вузов – как при том же Александре III, когда евреи стали составлять до половины абитуриентов университетов, – мне сказать трудно, поскольку таких ситуаций в Империи не было. Вводить квоты, как тогдашнее царское правительство, она точно не будет – это и запрещено Конституцией, и противоречит всему духу современной России. Скорее всего, Империя предложит палатам других народов разработать программы по стимулированию своей молодежи к получению высшего образования и даст им денег на эти программы, а также даст поручение службе социальной инженерии начать внедрять в указанной молодежной среде соответствующие ценностные установки.

К тому же, как я уже писал, любой гражданин Империи может стать русским через процедуру породнения: она заключается в том, что подавший заявление человек в ЗАГСе, в присутствии чиновника и трех свидетелей, зачитывает текст чего-то вроде присяги русской нации. Обязательным при этом является предоставление справки о крещении – русский по крови остается им, даже если он атеист или иноверец, но тот, кто хочет стать русским по породнению, должен быть православным. (К слову сказать, такая же концепция существует и у большинства традиционных народов – например, чтобы стать евреем, надо пройти религиозный обряд «гиюр», хотя еврей по крови может быть и атеистом.) Возвращаясь к породнению: породненному выдают новый паспорт, где в графе национальность написано «русский», а если он попросил в заявлении, то в скобках добавляют происхождение – например, «белорус». Интересная деталь: в России оскорбление национальных чувств (в равной степени нерусских и русских) считается тяжким преступлением, и наказание за него достаточно серьезно – но сказать немцу или татарину, что он не настоящий немец или татарин, таковым не является. Но вот если кто-то скажет породненному, что он не русский или не настоящий русский, то это является отдельным, еще более тяжким, составом преступления. Вообще преступления против национального достоинства прописаны в Уголовном кодексе весьма подробно и составляют отдельную главу, причем входящую не в главу 2 (преступления против личности), как, казалось бы, было логично, а в главу 1 (преступления против государства). Поэтому в России нет уголовного наказания за антисемитизм – не из-за его поощрения, как утверждают многие наши евреи из северных штатов, а просто потому, что он лишь частный случай более общего преступления.

К слову сказать, еврейского вопроса в нынешней России нет в отличие от Первой и Второй Империй. Еще в начале нашего века евреев в России недолюбливали – не так, конечно, как в Халифате или тем более в Германии времен Гитлера. На индивидуальном уровне их вовсе не дискриминировали (даже премьером был еврей) и тем более не воспринимали как носителей чего-то отрицательного – но считали, что Россия и русские претерпели от еврейского народа, как целого, много зла, причем совершенно непонятно за что. (Здесь имеется в виду роль евреев в революционном движении 1860—1910-х годов, в сатанинском советском государстве 1918—1929 годов и в безобразиях второго Смутного времени 1990-х годов – все это в очень значительной части делалось евреями, хотя и не исключительно, и неизменно было направлено против российской государственности.) К этому прибавлялась досада на то, что большая часть евреев эмигрировала из России в Израиль и США в начале 90-х годов – как раз тогда, когда всяческая их дискриминация прекратилась. Ваше право, рассуждали русские, но чего же вы теперь говорите «мы» – какое отношение вы имеете к нашей стране? Но в тот момент, когда область исторического проживания евреев, остров Израиль, стала частью Империи, евреи перестали отличаться в восприятии русских от любого другого предприимчивого и склонного к перемене мест народа Российской Империи. Правда, народа, склонного считать себя лучше всех других, – но таковых немало в Империи и кроме евреев. А опасности их прорыва к власти в стране с антироссийскими целями, как в 20-е или 90-е годы XX века, при нынешнем российском государственном устройстве не существует. Да и сами русские, расселившись в значимых количествах в местах исторического проживания других народов, в их среде (о программе переселения русских в Европу см. главу «География и народонаселение»), стали спокойнее относиться к тем, кто ищет свою судьбу среди других – не там, где жили отцы и деды.

Так что русский дух Российской Империи – это вовсе не особый статус русских или русской культуры, а именно дух, включающий в себя систему взглядов и ценностей. Что это такое – дух государства, мне лучше всего объяснил начальник отдела в имперском цензорском надзоре Андрей Незовибатько. «Все знают, что целое больше суммы его частей, это общеизвестный философский принцип, – сказал он, – и соответственно государство – это нечто большее, чем населяющие его граждане. Так вот, разница между суммой всех жителей государства и самим государством и есть его дух». И дух этот сугубо русский, хотя и впитавший и продолжающий впитывать многое, начиная от Византии и Золотой Орды. Да и в нашем веке русские весьма много переняли от тюркских и особенно кавказских народов России, хотя это не происходило явно. Я имею в виду дух национальной близости, восприятие русских как семьи – раньше, во времена Второй Империи, такие чувства если и испытывались, то только в отношении всего советского народа, то есть соотечественников, а не соплеменников, то есть русских. Когда это отсутствие национальной спайки у русских столкнулось со своим антиподом у кавказских и тюркских народов России в 90-х годах – а такое столкновение происходило по всей России, от бытовых ситуаций в городах до фронтов Чечни, – русские стали перенимать такое отношение. Так же происходило возвращение понятий ценности семьи, мужского достоинства, женской чести – все это в результате Смутного времени было размыто у русских и заимствовалось ими у кавказцев. До определенной степени русские во всем этом преуспели, и это пошло им весьма на пользу, хотя кавказцы вовсе не планировали помогать им в этом. Но самые ценные заимствования народы получают вовсе не от доброжелателей – те же русские научились править народами от монголо-татар Орды, их же завоевавших.

Но главная часть «русскости», императивно распространенная на всю Империю, – это православие. Еще в Период Восстановления, при Владимире II, когда начиналось возрождение русской нации и российского государства, шли жаркие споры: что считать исконно русским – доимперскую, языческую славянскую культуру или же культуру православную? Многие объявляли первую исконной и полностью своей, доморощенной, а вторую – принесенной с Запада чуждой славянам еврейской религией. Однозначный выбор, однако, был сделан в пользу второго. Более того, было доказано документами, причем после захвата архивов США в 2019 году уж совсем однозначно, что первое, несмотря на ультранационалистическую риторику, инспирировалось и даже прямо финансировалось ЦРУ США, специально для ослабления православия и в итоге – России. Поэтому, в частности, увлечение и мода на все славянское дохристианских времен, в том числе героизация того периода, имевшая место в 2000-х годах, ныне сошла на нет. А Конституция 2013 года уже прямо объявляла, что Россия – православное государство, и это не может быть отменено ни при каком изменении национального или религиозного состава населения. При этом Церковь в России отделена от государства, т. е. ни Церковь не подчиняется государству, как это имело место в Первой Империи в XVIII—XX веках, ни государство Церкви, как в теократиях. Правда, в отличие от нас это сделано для защиты не государства от Церкви, а Церкви от государства – считается, что Церковь Христа, Чье царство не от мира сего, только ослабнет духом от слишком тесного симбиоза с властью.

Православие в России, в отличие от русской национальности, даже формально имеет особый статус – правда, если говорить о конкретных правах, то у так называемых традиционных религий, не имеющих центра за границей, их реально не меньше; к таковым относятся равилитский ислам, буддизм и иудаизм – последний за исключением хасидизма, центр которого находится в нашем Нью-Йорке. В местах компактного и особенно исторического проживания народов, исповедующих одну из вышеперечисленных религий, допускается даже наличие светских порядков, имеющих религиозное происхождение: на многих традиционно исламских территориях запрещено продавать в магазинах и подавать в ресторанах свинину и алкоголь, на острове Израиль фирмам и учреждениям запрещено работать в субботу (по крайней мере, публично). А на Кавказе даже действуют многие нормы шариата – это, кстати, дало больше для примирения кавказцев с Империей, чем разгром в третьей кавказской войне. В школе образование обязательно включает религиозную часть, причем не какую-нибудь сравнительную историю религий, а Закон Божий, но есть и школы

исламские, буддистские и иудейские. Религиозных же школ нетрадиционных религий либо религий, имеющих центр за границей, не допускается, как и атеистических, а по умолчанию школы являются православными. Апологией этого служит то, что воспитание детей имеет свою специфику – они не являются дееспособными гражданами, и поэтому решения за них в любом случае принимают другие, а своя «малая» семья (родители или родственники) в этом смысле имеет не больше прав, чем семья «большая», то есть вся страна. Действительно, в высших учебных заведениях, даже в государственных, где учатся уже совершеннолетние граждане, никакой « обязаловки» или, наоборот, запретов на религиозную компоненту образования нет. Таким образом, особый статус православия в России проявляется не в особых привилегиях, как в средневековой Европе, а в духе: дело не в том, преподают ли в школе православный Закон Божий (по крайней мере, не только в этом), а в том, что преподавание всех предметов в той или иной степени проникнуто православным духом, как и вообще отношение к ученикам и общая атмосфера школ. Таким же духом проникнута и вся политическая и значительная часть общественной жизни страны, во всяком случае страна к этому стремится. В соответствующих главах будет видно, как это конкретно отражается в законах, регулирующих ту или иную сторону жизни. Решение подобной задачи облегчается тем, что вся государственная власть сосредоточена в руках опричников, которые достаточно религиозны и рассматривают сами себя как защитников веры, а власть всегда и везде оказывает сильное воздействие на общество как пример для подражания, особенно в России. И именно так надо понимать статус России как навечно православной страны, записанный в Конституции: большинство населения может оказаться в результате каких-то процессов и не православным, но дух страны, та система ценностей и целей, на фундаменте которой она построена, останется православным – это обеспечат православные опричники, которые, если понадобится, легко выступят против большинства, потому что позиция большинства не вызывает у них ни благоговения, ни страха.

Третий пласт принципа национализма – отношение к каждой нации и в какой-то степени к российскому народу в целом, как к одной большой семье. Хочу проиллюстрировать это на одном примере, который я сам наблюдал. Татарский мальчик четырнадцати лет жил под Москвой у своей тетки после гибели родителей в автокатастрофе – а тут умерла и тетя. Много татар, человек двадцать, приехали к ним в дом, чтобы без всяких социальных служб устроить совет – что с ним делать (я был с одной из пар, у которых я гостил по рекомендации их родственников, живущих у нас в штате Новая Англия). Это были не родственники, но вели они себя как родственники, потому что и он и они – татары, а значит, в какой-то степени все-таки родичи; и тут же было определено, с его согласия, в какую семью он идет жить.

Такой подход находит отражение и на уровне государственного устройства – в соответствующей главе, говоря о земской власти, я уже писал об общероссийских национальных палатах (не путать с окружными палатами народов!). Они существуют для одного народа, независимо от того, где внутри России проживают его представители, – этим они принципиально отличаются от законодательных собраний национальных республик, существовавших в России с 1991 по 2008 год, где выражалась позиция только той части нации, которая проживала на этой территории (а в Москве татар, например, часто жило больше, чем в Казани), к тому же смазанная позицией нетитульных наций республики.

Продолжая пример татар – сейчас нет Республики Татарстан (как, впрочем, напоминаю, и любых других территориальных образований), но есть палата татарского народа России, которую избирают только избиратели-татары со всей страны. Она принимает законы по соответствующим Конституции предметам ведения, причем в отличие от Законодательного собрания бывшей Республики Татарстан она занята только этим, не тратя большую часть своего времени и сил на дележ бюджета (земские бюджеты принимают и исполняют земства, и само собой там, где по факту преимущественно проживают татары, бюджет делят в основном их представители). Поскольку эти законы относятся только к татарам, то, естественно, существуют татарские суды; такие национальные суды входят в систему земских судов наравне с окружными. Законодательство, отнесенное к национальному, включает в себя достаточно многое: все семейное законодательство, основную часть трудового, основную часть социального и т. п.; сейчас в России идет оживленная дискуссия о том, не

передать ли туда и часть контрактного права, поскольку оно в большой степени опирается на различающиеся национальные традиции. Разница национальных законов между собой и рамочным общеимперским законом (тогда, когда он есть) весьма велика: достаточно сказать, что семейные кодексы многих народов России разрешают официальное многоженство. Естественно, если женятся представители разных наций, они должны договориться о том, какой (по национальности и, следовательно, по законодательству) будет их семья – или же один из брачующихся примет национальность второго, что в реальности бывает не реже. Более или менее такие же договоренности достигаются при найме человека или артели, если они другой национальности, чем работодатель.

Кстати, национальное устройство Российской Империи отличается от такового в Российской Федерации и Российском Союзе еще в одном – там не было Русской Республики, а в Империи есть общеимперская Палата русского народа – если бы ее не было, это вызвало бы недовольство не только и не столько русских, сколько остальных, потому что означало бы формализацию особого статуса русских. (Напоминаю вам, дорогие соотечественники, что понятие «русский народ» включает и малороссов, и белорусов, причем они вовсе не являются маргинальной его частью – напротив, малороссы, в том числе в национальных вопросах, пожалуй, наиболее активная часть русского народа.) Правда, Палата русского народа не слишком активна: русские ассоциируют себя с Империей в целом и поэтому даже в той сфере, которая отнесена к ведению национальных палат, предпочитают не принимать свои русские законы, а пользоваться рамочными общеимперскими; эта ассоциация проявляется и во всем другом – в приведенном примере с татарским мальчиком русские соседи приехали бы к нему почти с той же готовностью, что и к своему русскому. В этом, кстати, особенно зримо проявляется «особость» положения русских и русского в Российской Империи – «особость» не в формальном статусе или тем более в каких-то привилегиях, а в самоидентификации.

Надеюсь, вы поняли из вышеизложенного, дорогие соотечественники, в чем заключается базовое отличие национальной политики Империи от таковой в нашей Федерации – отличие, которое в большой степени и составляет принцип национализма: Империя не стремится к ассимиляции и унификации народов в «плавильном котле» и не поощряет ее. Можно было бы заподозрить Россию в лицемерии – дескать, на словах национализм, а на деле унификация, – но это никак не вяжется с реальностью. Если бы российская власть на самом деле хотела ассимиляции нерусских народов, ей следовало бы убрать из паспорта графу «национальность», а точнее, таковую просто не вводить – ее не существовало еще в 2012 году. Ведь какая-то часть любого народа в этом случае точно будет объявлять себя членом народа государствообразующего – это факт, потому что для многих «необозначенное» означает «непредставимое». И никак нельзя сказать, что государство пошло на введение этой графы ради облегчения дискриминации, – не только потому, что никакой дискриминации нет, но еще и потому, что уж если государство решит дискриминировать, то у него всяко есть необходимая информация о его гражданах. А в плане бытовой дискриминации вообще не важно, что написано в паспорте – никто туда не заглядывает. Вот и получается, что это явно антиассимиляционная мера, одна из многих. Притом Империя на этом не остановилась: в 2036 году, в правление Михаила Усмирителя, был принят закон, по которому родители выбирают для человека имя (или он сам, если меняет его во взрослом возрасте) исключительно из имен своей национальности. То есть французы могут назвать своего сына хоть Жаном, хоть Жаком, но не Иваном или Яковом – как и русские не могут назвать сына Полем или Морисом. «Не нарушает ли этот закон принципов личной свободы и невмешательства Империи в частную жизнь, вами же провозглашаемых?» – спросил я начальника отдела семьи Имперской канцелярии социальной политики Николая Тимофеева – кстати, одного из весьма немногих земцев на должности такого ранга. «А можете ли вы у себя в Американской Федерации, господин душ Сантуш, – ответил он мне вопросом на вопрос, – назвать сына женским именем, например Вероникой?» Я растерялся – мне такое никогда не приходило в голову, – но вынужден был признать, что, наверное, это не разрешат. «Ну а национальность – такое же неотъемлемое свойство человека, так же записанное в его генах, как пол, – продолжил Тимофеев. – Так что же вас удивляет?» – «Но пол можно

сменить», – упорствовал я. «Ну так и национальность можно сменить, у нас в стране это как раз максимально формализовано», – отвечал собеседник. Так что Закон « Об именах» – действительно просто еще одна из антиассимиляционных мер, но антиассимиляционных по-имперски: ассимиляция разрешена и формализована, но она должна быть осознанной и явной для окружающих, а не ползучей. В этом случае Империя теряет члена одного из народов, но приобретает члена другого – а в обратном случае приобретается безродный космополит, что неприемлемо. Потому что человек тем лучший гражданин Империи, чем большим количеством корней и нитей – неважно, каких именно, – он связан с социумом; если речь идет о национальном аспекте, то со своим народом.

В общем, в национальных вопросах особенно четко проявляется двухуровневая российская философия: есть общество, а есть Империя. Первое регулирует жизнь, а вторая – дух, и имперская власть старается не вмешиваться в жизнь общества, в частности национальную. А поскольку в закрытом, « автономном» государстве нет подпитки от внешнего разнообразия – а оно есть источник любого развития и потому необходимо как воздух, – власть всячески поощряет разнообразие внутреннее. Но сама имперская власть в своей деятельности понятия национальности не имеет: у членов служилого сословия нет другой родины, кроме Империи, и другого племени, кроме опричнины.

II. БЕЗОПАСНОСТЬ

Глава 5

Правоохранительная система

Технодопросы. Это то, дорогие соотечественники, что наиболее известно о России за ее пределами (наряду с сословностью) и определяет ее зловещий имидж. У нас большинство людей считает, что это своего рода технологический аналог пыток, широко используемых, таким образом, в России, но на самом деле это совсем не так (говорю в том числе и по собственному опыту). Истоком этой новации следует считать вышедшую в 2007 году коллективную статью трех помощников президента, включая Гавриила Соколова, о дефектах существующей в России, равно как и в остальном мире, системы правосудия; причем это была аналитическая статья, в ней еще не давалось никаких рецептов. Там указывалось, что есть сферы жизни, в которых большие возможности богатого человека по сравнению с бедным очевидны и не вызывают вопросов – например, уровень потребления материальных благ. Есть сферы, где целесообразность больших возможностей для богатых спорна с позиций справедливости – например, оказание медицинской помощи (это было до введения бесплатного здравоохранения). А есть сферы, где разные возможности в зависимости от богатства однозначно считаются недопустимыми – например, при призыве в армию (он тогда еще существовал). Так почему нам кажется нормальным, спрашивали авторы статьи, что в обычном состязательном суде, например уголовном, виновный богатый даже без всякой коррупции имеет существенно большие шансы выйти сухим из воды, чем виновный бедный, за счет найма дорогого адвоката – ведь если бы дорогой адвокат не увеличивал таковые шансы, кто же тогда нанимал бы его за большие деньги? Авторы также отметили особенность коррупции, точнее, борьбы с ней в среде судей: два главных способа снижения коррупции в любой сфере – снижение степени свободы чиновника в принятии решений и создание сильного страха наказания – не применимы для судей, точнее, применимы, но с отрицательными эффектами, превышающими положительные. Действительно, детализировать закон сверх определенной меры невозможно, многообразие жизненных ситуаций не алгоритмизируется. С другой стороны, создание сильного страха наказания у судей противоречит принципу независимости суда, да и приведет вовсе не к объективности, а к расцвету обвинительного уклона. Вот эти идеи, вкупе с опытом психотропных собеседований для высших должностных лиц, и получили развитие в реформе 2013 года. Было установлено, что любой человек может по решению суда (позже, после ликвидации коррупции в системе прокуратуры, это заменили на санкцию прокурора) быть подвергнут процедуре допроса с применением психотропных средств (у нас это называется наркотик или сыворотка правды), в результате чего он говорит только правду, независимо от своего желания; в значительном числе процессуальных случаев это требуется в обязательном порядке.

Вышесказанное относится не только к подозреваемому, но и к свидетелям и даже к потерпевшему: например, психотропный допрос потерпевшего обязателен в делах об изнасиловании. Закон детально регламентирует процедуру этого допроса – так, исчерпывающий круг вопросов, которые можно задавать, содержится в постановлении суда (или в санкции прокурора) и не может быть превышен, то есть никто не может использовать допрос для выяснения того, с кем человек спит или где хранит деньги. Для контроля за этим на допросе всегда присутствует адвокат, а по заявлению допрашиваемого (обязательному к удовлетворению) – любые другие люди, включая журналистов. Они дают подписку о неразглашении, но она не распространяется на факты выхода допроса за очерченный круг вопросов: об этом они, наоборот, имеют полное право и даже обязанность говорить и писать. Кстати, санкцию на технодопрос дает только имперский, а не земский суд. Он, как и прокурор, дает ее только Имперскому управлению безопасности и никому иному (в том числе земской милиции). Информация, полученная на таких допросах, может рассматриваться судом, но, как правило, не служит сама по себе основанием для обвинения; чаще всего она используется следствием для дальнейшей добычи вещественных доказательств. Нельзя сказать, что эта система выгодна только стороне обвинения: признание обвиняемого, например, рассматривается в суде, только если оно подтверждено технодопросом, причем, если у суда возникнут сомнения, он сам, без следствия, проведет повторный допрос. А если обвиняемый на технодопросе говорит, что он невиновен, он по российскому закону не может быть осужден – до выяснения истины его нельзя даже содержать в следственном

изоляторе.

К государственным служащим решение о проведении психотропного допроса может применяться и вне рамок рассмотрения в суде уголовного или арбитражного дела. А государственные служащие выше определенного ранга – и гражданские, и силовые – проходят их раз в год вообще независимо ни от чего – их просто спрашивают, нарушали ли они закон и свой долг за истекший год. Позднее, уже в 2027 году, был разработан абсолютный детектор лжи (так называемый нейродетектор), который не ошибается и который нельзя обмануть; тогда основная часть функций психотропных допросов (все, кроме выяснения подробностей) перешла к допросам на детекторе – и то и другое ныне называется технодопросами. Естественно, эта практика, начиная с 2013 года, привела к почти полному исчезновению коррупции. Однако, мне кажется, важнее здесь то, что она привела к изменению самой ментальности людей и, как следствие, к изменению их поведения в самых базовых проявлениях. Ведь если каждый знает, что все плохое, что он сделает, когда-нибудь, в любой момент до самой его смерти, может быть выяснено, если кто-то этого захочет – ведь мысли свои не скроешь, – это не может не накладывать глубокий отпечаток на то, как человек живет. И я думаю, что это правильно, дорогие соотечественники, – русские всерьез относятся к евангельским словам: «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и ничего тайного, что не было бы узнано».

Борьба с преступностью. Естественно, столь мощный инструмент, находящийся в руках правоохранительных служб, не мог не способствовать раскрытию и предотвращению преступлений – собственно, так и задумывалось. В главе «Экономика» вы увидите, что многие законы русских в этой сфере как бы рассчитаны на презумпцию законопослушности и субъектов рынка, и надзирающих чиновников – это так и есть, но вышеназванная презумпция обеспечивается не природными свойствами нации, а наличием данного инструментария и всеобщим знанием о том, что он есть.

Борьба с преступностью, разумеется, этим не ограничивается: если на улице обнаружен труп неизвестного человека, неизвестно кем убитого, то применять технодопрос не к кому, и русские сыщики в этом случае будут делать ровно то же, что наши; но при появлении первых же подозреваемых их работа становится совершенно иной. При такой системе преступник может надеяться не быть пойманным только тогда, когда на него никто и не подумает, как и на любого, кто знает о нем что-то важное, – случай теоретически возможный (поэтому преступность в России не исчезает), но все же экзотический. Но вот что действительно практически невозможно в подобном случае, так это любой вид организованной преступности, причем в широком смысле – включая экстремистские и террористические группировки, шпионские сети и т. п. Конечно, у организованной преступности (как и у иностранных разведслужб) есть свои выработанные контрмеры, в первую очередь хорошо известные правила конспирации, но это не панацея. Потому что давно известно, что организованные группы не могут существовать без тех или иных помощников в самой правоохранительной системе; а все ее сотрудники, как я уже указывал, проходят технодопросы регулярно, даже не находясь ни под каким подозрением. Многие ученые за последние полтора века предполагали, что коррупция не просто связана с организованной преступностью, но является строго необходимым условием ее существования – и вот в России жизнь это экспериментально доказала: если совсем нет коррупции, то совсем нет организованной преступности.

Естественно, что начиная с момента массового введения технодопросов в России (и даже ранее) не прекращались попытки разработать медицинские или психологические способы, позволяющие обмануть психотропный препарат или нейродетектор, вроде создания внутри человеческого сознания дополнительной так называемой псевдоличности. Но российское правительство не почивало на лаврах, каждый год вкладывало и продолжает вкладывать весьма большие средства в науку на совершенствование медикаментозных и иных средств технодопроса (в том числе на разработку «контр-контрмер») и потому остается в гонке впереди другой стороны. Благодаря этому профессиональная преступность в России не особо велика и носит сугубо индивидуальный характер – даже квартирные воры крадут в основном деньги, потому что для сбыта остального уже нужна инфраструктура (например, скупщики

краденого), которая в стране с технодопросами существовать не может. Правда, все сказанное относится только к преступности мотивированной, где преступники действуют по своему сознательному решению; бытовая преступность (в основном связанная с пьянством) остается в России традиционно высокой, и я не уверен, что ее вообще можно снизить той или иной государственной политикой.

Организационно борьбой с преступностью занимается Имперское управление безопасности. Оно называется полицией – криминальной, политической, специальной или государственной в зависимости от конкретной имперской службы (см. главу «Государственное устройство»). В структуре земской власти существует милиция, занимающаяся охраной общественного порядка в поселениях, а также на дорогах (в том числе безопасностью движения), – соответствующие отделы имеются во всех земствах. Их деятельность контролирует немногочисленный имперский надзор, но только в части недопущения злоупотреблений, потому что эта сфера относится к исключительной ответственности земской власти. Последнее на практике означает, что в случае непосредственной опасности для граждан имперская полиция окажет помощь только в том случае, если случайно окажется рядом: там просто нет дежурных частей, куда можно позвонить; существующий в ее структуре ОПОН предназначен лишь для подавления массовых беспорядков. То есть если вам надо позвать на помощь, то вы обращаетесь в милицию, а если преступление против вас уже произошло и надо не предотвращать его, а раскрывать, – то в полицию; туда же вы обращаетесь с жалобой, если милиция откажется защищать вас. Имперская полиция в подавляющей части состоит из опричников, остальные – это старые сыщики, служащие еще с начала века, с досословных времен. Процесс их замены на опричников (и путем прихода последних, и путем вступления некоторых из старых кадров в служилое сословие) не форсировался, ради сохранения преемственности, и растянулся на несколько десятилетий. Земская же милиция состоит из земцев, но земства часто обращаются в опричные собрания за тем, чтобы им прикомандировали нескольких опричников для усиления (такие просьбы всегда удовлетворяются). Это делается не только и не столько из-за профессиональных качеств опричников, сколько из-за их непримиримой нелюбви к криминалу. Дело в том, что, когда служилое сословие только создавалось, сам Гавриил Великий обратился к тем, кто стал блатным в Смутное время. «Тем из вас, кто выбрал эту жизнь от безвременья и неприятия торгашеского мира, – сказал он, – дается шанс – становитесь государевыми людьми, и ваша жизнь приобретет смысл, а прошлым вас никто никогда не попрекнет». Многие, как ни странно, откликнулись – но для тех, кто этого не сделал, это уже было не следствием обстоятельств, а их свободным выбором, выбором жизни хищника. И опричники ненавидят их так, как только волкодав может ненавидеть волка – как одна свободная душа другую, но находящуюся на иной стороне.

Законодательство: преступления. В основном круг деяний, считающихся уголовными преступлениями, в Российской Империи тот же, что у нас, но есть и специфика – что-то считается преступлением у нас, но не там, а что-то наоборот. Не считается преступлением в России употребление и продажа большей части наркотиков; запрещены лишь те из них, которые однозначно наносят серьезный ущерб здоровью и при этом дают неприемлемую зависимость, от которой нельзя самостоятельно освободиться. Такая терпимость в религиозной стране кажется странной, однако русские считают верхом лицемерия запрещать, например, марихуану и в то же время свободно разрешать алкоголь, который дает большее привыкание, приносит больший вред здоровью и в несоизмеримо большей степени провоцирует антиобщественное поведение. Строго говоря, с чисто юридической точки зрения употребление и продажа наркотиков в России запрещены так же, как у нас, – просто там круг субстанций, считающихся наркотиками, намного меньше. Причем в отличие от нас по тем наркотикам, которые все же запрещены, преступлением считается и употребление без продажи (понятия хранения в России нет – вас подвергнут технодопросу и по его результатам обвинят либо в употреблении, либо в продаже). Если же вы обратитесь за медпомощью добровольно, уголовная ответственность в безусловном порядке будет заменена на общественные работы, которые составляют часть излечения от наркозависимости или алкоголизма.

Не считается в России преступлением нанесение любого ущерба, в том числе убийство, при превышении пределов необходимой самообороны – русские считают, что если нападение имело место, на вас или на кого-то другого, кому вы бросились на помощь, то нельзя от вас требовать, чтобы вы адекватно рассчитали за долю секунды степень опасности и свой адекватный ответ. Разрешается нанесение телесных увечий, кроме предумышленно особо тяжких, за оскорбление чести (своей или кого-либо из присутствующих), и соответственно это не считается преступлением. Не считается преступлением месть, если она была адекватна действиям потерпевшего – иначе говоря, если он будет признан судом виновным в том, за что вы ему мстили и ваша месть не превысила установленного наказания. То есть даже если вы убили его, но он будет (или уже был) признан виновным в том, за что приговаривают к смерти, то вы не виновны. Не считается преступлением для полицейского или милиционера нанесение телесных повреждений преступнику, застигнутому на месте преступления, даже если он не оказывал сопротивления задержанию. Степень разрешенной тяжести телесных повреждений соответствует тяжести преступления – таким образом, застигнутого убийцу полицейский имеет полное право убить на месте (но если потом окажется, что это не убийца, полицейский ответит по полной). Поскольку в России дуэльные поединки не запрещены в случае обоюдного желания (которое достаточно долго и нудно нотариально фиксируется в форме соглашения), то не считается преступлением нанесение увечий или даже убийство противника на таком поединке, если вы не нарушали условий соглашения. Также не считаются уголовными преступлениями, даже легкими, любые непредумышленные действия (например, сбить человека на машине, даже насмерть), если нет отягчающих обстоятельств – таких, например, как опьянение за рулем. С учетом технодопроса в России нет проблемы с точным установлением, действительно ли действия человека были неумышленные, и если да, то за них человек должен мучиться совестью, а не нести уголовную ответственность.

Не считается преступлением отказ от дачи показаний или ложные показания – при наличии технодопросов это не актуально; по этой же причине в России отсутствует право не свидетельствовать против себя и близких. Не считается преступлением невозврат долгов – это в России не более чем предмет гражданского иска об истребовании; если невозврат был преднамеренным, человека обвинят в мошенничестве, но если у него просто нет средств для возврата долга, даже и по его вине, то уголовная ответственность не наступает. Наконец, не считаются преступлением нарушения политкорректности: здесь не могут осудить человека за высказывания, подобные тем, за которые у нас в позапрошлом году был осужден профессор Гарсиа, заявивший, что, на его взгляд, женщины, как руководители, хуже, чем мужчины, а белые североамериканцы не являются ответственными за своих предков перед афроамериканцами. Или как журналистка Харрис, которая написала, что холокост во время Второй мировой войны в реальности не имел тех размеров, в каких его принято представлять.

Есть, наоборот, и деяния, которые считаются преступлениями в России, не являясь таковыми у нас. К преступлениями против порядка управления относятся оскорбительные публичные высказывания о Российской Империи, как и о Первой и Второй Империях, а также в целом о русском и российском народе (о национальных меньшинствах тоже – но это является преступлением и у нас). Ругать конкретное правительство за конкретные действия можно, а хаять страну и народ в целом нельзя.

Считается преступлением, как я уже писал в разделе «Национализм», если кто-то назовет породненного русского не русским или не настоящим русским – как и нарушение самим породненным «присяги русского».

Является преступлением публичное оскорбление православной религии, как и трех других традиционных религий, а также традиционных ценностей, например таких, как любовь и верность, служба Родине, самопожертвование и бескорыстие. А совершение действий, сознательно направленных на дискредитацию государства, власти или религии, расценивается уже как государственное преступление.

Является преступлением пропаганда ценностей, считающихся в России неприемлемыми, – атеизма или нетрадиционных религий, гомосексуализма или отказа от

семьи, себялюбия и презрения к людям, – но только со стороны учителя школы, а также в публичном виде; для частного человека это не преступление (потому что не считается пропагандой). Кстати, не является преступлением нанесение легких или средней тяжести телесных повреждений тем, кто нарушает вышеизложенное, даже и не публично; то есть граждане имеют право вступаться за свою страну, народ и ценности даже и кулаками, если кто-то высказывается о них оскорбительно.

Является преступлением создание так называемых тоталитарных сект, даже при соблюдении принципа добровольного участия в них; а в так называемых сатанинских сектах преступлением является и само участие, как и в светских подрывных организациях.

Преступлениями в сфере экономики, а именно взяткой, считается получение денег за совершение тех или иных действий не только государственными или муниципальными должностными лицами, как у нас. Это относится и к журналистам, и должностным лицам средств массовой информации в случае публикации за деньги того или иного материала (кроме случая, когда он оплачен официально и помечен как «реклама»). Это относится и к ученым в случае оплаченных публикаций тех или иных результатов (например, данных социологических опросов) – то есть к любому автору или должностному лицу за публикацию чего-либо за деньги. А если в публикации содержится заведомая неправда, то это уже квалифицируется как мошенничество и соответственно карается. Таким образом, если журналист получил деньги за статью, содержащую заведомо ложную информацию, он повинен и в получении взятки, и в мошенничестве.

Преступлениями против личности, не считающимися таковыми у нас, являются незаконные воздействия на психику человека, то есть любое внушение или гипноз, а тем более зомбирование. Также считается преступлением против личности незаконное вмешательство в частную жизнь человека без его согласия, включая сбор любых материалов личного свойства (слежка, фотографирование и т. д.) и их публикацию – то, чем занимаются наши папарацци и желтая пресса. Особо тяжким преступлением против личности (убийством) считается аборт (подробнее см. главу «Социальная сфера»). Является уголовным преступлением, причем тяжким, разглашение тайны усыновления – а у нас, наоборот, преступлением является несообщение усыновленному, что он не родной ребенок.

К уголовным преступлениям средней тяжести причисляется убийство любого принадлежащего другому человеку домашнего животного (кроме рыб), а тяжким – убийство любой собаки, даже и не домашней (потому что собака, напоминаю, – сословный символ опричников).

Является уголовным преступлением, причем тяжким (раздел «Преступления против государства» УК РИ), получение любых денег от иностранных государств, их граждан и организаций, за исключением доходов от законного экспорта.

Законодательство: наказания. А вот в части наказаний отличие Российской Империи от Американской Федерации разительное. Начать с того, что у нас смертной казни нет, а в России она существует. Трудно поверить, что всего полвека назад все было с точностью до наоборот. Главная причина этого положения такова – в России исключена казнь невинного, потому что по их закону не признавшего свою вину на технодопросе подсудимого нельзя считать виновным. Тем не менее споры вокруг смертной казни не стихают в России и по сию пору, потому что кроме риска казни невинного есть еще христианское милосердие – ведь заповедано «не убий». Но когда в 2017 году старец преподобный Феодосий напомнил Гавриилу Великому слова апостола Павла «не мстите за себя, возлюбленные, но оставьте место гневу Божьему», тот ответил знаменитой фразой: «Мы и есть орудие гнева Божьего».

Традиционное лишение свободы в тюрьме или лагере, то есть самый распространенный во всех странах вид наказания, в России, наоборот, используется мало. Там считают, что подобные меры только плодят профессиональных преступников. К тому же они несовместимы с российским базовым принципом достоинства – наказание может быть сколь угодно жестоким, но оно не должно лишать человека достоинства, потому что это бесчестит самого наказывающего. Основной вид наказания в Империи – телесный, то есть плетью у позорного столба. Такое наказание надолго запоминается и потому оказывает лучший воспитательный эффект, считают русские, к тому же оно не растянуто во времени.

Лишение свободы, когда оно все-таки используется, бывает двух типов – острог и каторга (они различаются тяжестью труда, а не режимом), но срок такого наказания не превышает пяти лет. Тюрьмой же здесь называется только следственный изолятор, ареста как наказания и соответственно арестных домов или тюрем для отбытия срока в Империи нет.

Широко распространен штраф (в это понятие включается и компенсация ущерба), но определенного судом размера – конфискация имущества (имеется в виду всего имущества, без привязки к конкретному похищенному имуществу или размеру штрафа) законодательством не предусмотрена. Но если человек не может заплатить штраф, взыскание, естественно, будет направлено на его имущество, хоть на все. Если же и его не хватает, человек посылается на принудительные работы, обычно достаточно тяжелые и в отдаленных местах. Интересно, что большинство штрафов, налагаемых на человека в уголовном или административном порядке, пропорциональны тому или иному параметру его финансовой состоятельности. То есть за определенный тип нарушения или преступления закон устанавливает фиксированный штраф либо вилку, номинированные не в рублях, а в процентах от его официального полного имущества или дохода. Даже штрафы за нарушение Правил дорожного движения фиксируются не в деньгах, а в процентах от стоимости автомобиля; логика этого понятна: цель таких штрафов – в создании негативной мотивации, ведь штраф, тяжелый для водителя простенького «миасса», безразличен для водителя «Серебряной стрелы».

Наконец, существует наказание в виде полного отторжения от цивилизации, так называемая бессрочная ссылка в Зону – огороженную территорию в Сибири площадью примерно 300 тысяч квадратных километров, из которой нельзя выйти, а внутри делай что хочешь и живи как знаешь; по периметру Зоны даже разрешается обмениваться товарами с торговцами.

При этом самой распространенной по количеству приговоров в год мерой является вовсе не что-либо из описанного, а предупреждение – русские строго придерживаются принципа детской считалки: «Первый раз прощается, второй – запрещается». Таким образом, когда человек совершает свое первое преступление, он получает предупреждение, сопровождающееся телесным наказанием. То же после второго преступления, если оно не тяжкое, – только предупреждение будет последним, а телесное наказание – гораздо более строгим (иногда после него приходят в себя в больнице по три месяца). А если преступление тяжкое, то человек получит до пяти лет острога или до двух лет каторги, обычно на выбор (к весьма тяжким это не относится). После третьего же преступления, или после второго, если оно относится к весьма тяжким, он навсегда отправится в Зону. Такой порядок применяется для всех преступлений, кроме особо тяжких: к последним относятся те, которые считаются бесспорным свидетельством полной дефектности и неисправимости преступника, – в основном это преступления, совершенные с особой жестокостью и особым цинизмом; за них сразу казнят или в редких случаях ссылают в Зону (если подобное преступление совершено впервые).

Ни для каких категорий граждан ни по одному виду наказаний нет исключения – ни для подростков или даже 12-летних детей, ни для женщин, ни для психически ненормальных: умел воровать – умей ответ держать (отсрочку исполнения любых наказаний по понятным причинам имеют беременные женщины). В прошлом году казнили трех 14—15-летних подростков, и большинство населения считало это достойным сожаления, но справедливым – ведь подростки совершили серию убийств с поражающей воображение жестокостью (а ни за что другое в России не казнят и взрослых).

Для экономических преступлений в основном используются ненасильственные наказания – запреты на определенные виды деятельности и бизнеса и штрафы: считается, что у корыстолюбцев самое больное место – карман, а техно-допрос гарантирует, что спрятать деньги никаким образом преступник не сможет.

Для преступлений против порядка управления, в том числе связанных с оскорблением страны и народа, широко используются запреты на определенные профессии, а также запреты на любую публичную деятельность. И то и другое распространяется на определенный срок либо предписывается пожизненно.

Особую категорию составляют наказания за так называемые преступления против

общественной жизни: сюда относится неуплата налогов, а также неисполнение других экономических или социальных законов, не являющееся прямым мошенничеством, например разбавление контрольного пакета ПАО или нарушение общественной нравственности. Русские считают, что наказывать телесно, сажать или тем более ссылать в Зону за такие вещи нельзя – поэтому (а вовсе не только из-за коррупции) у них и до 2013 года практически не сажали за неуплату налогов. Ныне по части II УК РИ (« Наказания») за подобные преступления положено так называемое объявление вне закона; но это после второго преступления – после первого положено предупреждение, возврат недоплаченных средств (если есть) и ощутимый, но реального размера штраф. Объявление вне закона означает ровно то, что явствует из названия: не хочешь признавать над собой закона – не надо, но тогда закон перестает для тебя действовать во всем своем объеме. То есть ты не будешь платить налогов, но тебя не будет защищать ни земская милиция, ни имперская полиция; ты не сможешь обратиться с иском на кого-либо в суд, даже если тебя нагло обманули; тебя не будет лечить здравоохранение; тебе не будет выплачиваться пенсия (список можно продолжить). Из состояния « вне закона» можно выйти, отбыв добровольно три года на тяжелой каторге, обычно на астероидах, – но только если искренность вашего раскаяния будет подтверждена технодопросом. Любопытно, что наличие данного вида наказания означает, что каждому человеку, по сути, разрешают жить вне общества. И действительно, в России, по статистике, более двух миллионов человек живут именно так, не совершив никакого преступления, а просто написав заявление, – это разрешено. Такова еще одна дополнительная степень свободы россиян.

Наказания для иностранцев, совершивших преступления на территории России, никак не отличаются от таковых для россиян – иностранное гражданство не считается ни смягчающим, ни отягчающим обстоятельством. Россия не передает осужденных иностранцев в страны, гражданами которых они являются, по запросу этих стран для исполнения наказания там, как и не направляет подобные запросы в другие страны относительно своих граждан. Это вполне естественно, поскольку система наказаний, как вы поняли, здесь принципиально иная. Как Россия может просить выдать ее гражданина, осужденного, например, у нас на 15 лет тюрьмы, для исполнения этого наказания у себя, если у них такого наказания вообще не существует? Что касается выдачи лиц, совершивших преступление против России и находящихся в других странах, то позиция Империи весьма разнится в зависимости от того, иностранец это или российский гражданин (точнее, от того, кем он был на момент преступления). В первом случае Империя хоть и настаивает на выдаче, но готова предоставлять доказательства виновности и не считает рассмотрение этого вопроса в прокуратуре или суде другой страны демаршем против себя. Повторяющийся отказ в выдаче может привести к тому, что Россия демонстративно примет у себя ряд преступников из этой страны, как во времена холодной войны 2007—2019 годов, но не более того (а скорее всего, не приведет ни к чему). Но вот что касается своих граждан, то Россия требует их выдачи по ее запросу в безусловном порядке и без всяких доказательств – концепцию политического убежища она не признает, как и вообще права своих граждан на защиту другого государства (за исключением разве что завербованных шпионов – они, по сути, как бы и не свои граждане). При этом если человеку все же где-то будет предоставлено убежище, то российские спецслужбы начнут на него охоту, где бы он ни находился, совершенно не скрывая этого, и, скорее всего, рано или поздно его убьют. Впрочем, повторюсь – как ни странно, это не относится к работавшим против России иностранным разведчикам: к деятельности чужих спецслужб русские относятся без восторга, но с пониманием, в соответствии с понятиями воинской этики. Сама Россия готова к исполнению таких же требований, и многих это устраивает, поэтому у нее есть соглашения о взаимной выдаче преступников с Поднебесной и Индией, а раньше было и с Халифатом, но с последним оно расторгнуто в 2041 году из-за нежелания Халифата выдавать российских исламских боевиков. Наша Федерация – единственная страна, с которой у Империи такого соглашения не было, нет и не предвидится, поскольку принцип предоставления убежища обиженным и угнетенным из других стран для нас свят.

Суд. В России две судебные вертикали – имперская и земская, никак друг с другом не

связанные, за исключением того, что они пользуются одним и тем же судебным департаментом (в частности, имперской службой исполнения судебных решений). Имперский суд рассматривает исключительно уголовные дела, а земский суд – гражданские, в том числе и те, где одной из сторон выступает государство. Это является еще одним проявлением разделения властей по-русски – имперская власть считает, что денежные и имущественные тяжбы граждан и организаций не ее дело (от себя добавлю, что опричники, с их неприятием и непониманием денег, и не смогут ими заниматься).

Суда присяжных в России нет, он считается там в лучшем случае архаизмом, а в худшем – абсурдом; и в имперском, и в земском суде решение принимает единолично судья, а для определенного перечня особо сложных дел – коллегия из трех судей (как и для всех дел в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях). В остальном судебная процедура принципиально схожа с нашей, в том числе основана на равенстве и состязательности сторон, но технодопросы проникли и в нее. Ныне в российских судах любой человек отвечает на вопросы сторон и судей, только сидя в специальном « кресле правды», снабженном нейро-детектором, причем правдивость его ответа видна по цвету загорающейся лампочки всей присутствующей публике. Это относится к подсудимому, свидетелям, обвинителю и адвокату в имперском суде и к истцу, ответчику и свидетелям – в земском. Однако роль этого нововведения в земском суде существенно меньше, поскольку в гражданских процессах главным является не столько установление истины, сколько вынесение оценки.

Если человек, не являясь потерпевшим, утверждает, что другой человек преступник, и хочет привлечь его к техно-допросу, он подает заявление в суд – такое заявление называется «донос». Суд назначает технодопрос, и если донос в первом приближении подтверждается, то сам суд отправляет приказ на возбуждение уголовного дела и расследование – но если нет, то по имперскому Уголовно-процессуальному кодексу доноситель публично извиняется перед объектом доноса и выплачивает ему 500 рублей, то есть 2000 долларов, компенсации; а после третьего такого случая и далее еще получает по двадцать легких плетей.

В имперском суде подсудимый не имеет права платить адвокату: он должен платить в коллегию, если он ненеимущий – для тех, как и у нас, защита бесплатна. Он также не может выбирать адвоката – выбор из числа членов коллегии для конкретного процесса производит компьютер.

В земском же суде выбор юриста и договоренность с ним происходит, как у нас, по согласию сторон. Вообще роль адвоката в уголовном процессе вторична (как, впрочем, и обвинителя) и сводится в основном к контролю за соблюдением законности второй стороной – виновность, как и наличие смягчающих обстоятельств, определяется технодопросом, а пафосные речи с обличением социальных язв бессмысленны по причине отсутствия присяжных.

Уголовные дела возбуждает, ведет до суда включительно и контролирует Имперское управление контроля – а именно имперские службы расследований и государственного обвинения (в России это разобщено) и служба прокурорского надзора.

В числе земских судов существуют национальные суды – тяжба рассматривается в них только в том случае, если на это согласны обе стороны. У некоторых народов России (например, у многих кавказских) установлено, что для того, чтобы считаться принадлежащим к этому народу и получить в 15 лет соответствующую запись в паспорте, необходимо сразу дать подписку о признании юрисдикции национального суда. По рангу такие суды равны территориальным окружным, но последние являются кассационной инстанцией, а национальные – первой, поскольку обжалуются их решения в кассационной коллегии Высшего земского суда России (для некоторых многолюдных наций национальные суды разбиты на две инстанции).

Имперские судьи назначаются императором на десять лет, чаще из опричников (но далеко не всегда), а земские судьи первой инстанции избираются или назначаются так, как решено в данном земстве или группе земств, и так же решаются некоторые процессуальные вопросы, например размер и состав коллегии. Судьи земских окружных кассационных судов и Высшего земского суда России назначаются Земской Думой, она же принимает Гражданский,

Гражданско-процессуальный и Земско-процессуальный кодексы. Судьи национальных судов назначаются соответствующими национальными палатами, по ими же определенной процедуре, и они принимают соответствующие изменения и дополнения в кодексы.

Общее количество дел в земских судах гораздо меньше, чем у нас, и тому есть несколько причин. Первая из них в том, что по российским Гражданско-процессуальному и Земско-процессуальному кодексам суд имеет права не принять иск как заведомо необоснованный. Поэтому в отличие от нашей Федерации в России невозможны, например, иски о том, что детей не тому учат в школе – в школе учат по государственной программе, которая не может быть предметом судебного рассмотрения, а если вам кажется, что программу нарушили, сигнализируйте в Имперское агентство школ или жалуйтесь прокурору. Также в российском суде не примут столь распространенный у нас денежный иск к больнице о неправильном лечении, приведшем к смерти или инвалидности пациента: по русским законам это либо предмет уголовного дела (тогда пишите заявление прокурору), либо вообще не предмет судебного рассмотрения. Не принимают там и подавляющее большинство тех исков, которые у нас называются потребительскими, типа я хочу получить с вас пять миллионов, потому что сломала палец, пользуясь пультом для виртупроектора вашего производства, а в инструкции не было предупреждения об этом: закон не обязывает писать инструкции, рассчитанные на дебилов, скажут вам в русском суде. К тому же здесь судья имеет право, и даже обязан, если иск оказался заведомо необоснованным, вынести по итогам рассмотрения гражданского иска соответствующее определение – в этом случае истец заплатит определенные кодексом дополнительную государственную пошлину и штраф в пользу ответчика. Это обычное дело, и потому там каждый основательно думает, прежде чем подавать иск. Кроме указанных процессуальных, в Империи существует еще один системный фильтр против бесконечного сутяжничества, которое, на мой взгляд, парализует нашу Федерацию: материальный ущерб здесь компенсируется лишь в подтвержденном экспертизой фактическом размере, а моральный – по нормативам, установленным законом прямого действия, и поэтому подавать иски здесь гораздо менее выгодно – даже если выиграешь, то точно не разбогатеешь. Все это приводит к тому, что граждане в России судятся меньше, чем у нас, и практически никогда по смешным и вздорным поводам. Как следствие – практикующие юристы в России пользуются гораздо меньшим общественным престижем и весом, чем у нас, и уж вовсе не являются хозяевами жизни ни в собственных глазах, ни в глазах окружающих (хотя зарабатывают юристы, ведущие гражданские и особенно корпоративные дела, весьма неплохо).

Помимо двух описанных судебных вертикалей, имперской и земской, существует Конституционный суд, рассматривающий вопросы соответствия тех или иных законов Конституции, – российские земские и имперские суды не имеют права выносить решения о неконституционности по частным гражданским или уголовным делам, как это делается у нас. Соответствие имперских законов Конституции проверяется превентивно – по Конституции, император направляет подписанный им законопроект в Конституционный суд (напоминаю, что законодательной власти в Российской Империи нет, и законы принимаются единолично императором, хотя на практике они, конечно, сначала обсуждаются в правительстве, а часто и публично – но эта процедура не формализована). Император может объявить закон принятым только после положительного решения Конституционного суда, в противном случае он недействителен. Если же Конституционный суд считает закон не соответствующим Конституции, а император не готов его полностью отозвать, то включаются примерно те же процедуры, что у нас в Конгрессе в случае вето, – я имею в виду согласительные комиссии.

Другие акты имперской власти, кроме законов, а также акты Земской Думы, отдельных земств и общин и общероссийских национальных палат Конституционный суд рассматривает на предмет соответствия по запросам правительства, общероссийских национальных палат, Земской Думы, общин и земств, а также любых судов, кроме первого уровня. Конституционный суд также рассматривает решения судов на предмет их конституционности, в том числе по частным запросам сторон, но в последнем случае он вправе отказать в рассмотрении после предварительного ознакомления. Судьи Конституционного суда, как и все судьи России, а тем более адвокаты, не пользуются

иммунитетом от уголовного преследования – в этом нет никакого смысла, потому что принципиальная виновность судьи выяснится после первого же технодопроса (все дальнейшее есть лишь создание формализованной доказательной базы). Кстати, по той же причине не обладает иммунитетом в Империи и никто другой; даже император защищен лишь отсрочкой в рассмотрении уголовного дела до конца срока его правления (напоминаю, импичмента в России нет).

В общем и целом, дорогие соотечественники, российская правоохранительная система показалась мне в высшей степени действенной, и результаты это подтверждают. Причем под результатами я имею в виду не столько низкий уровень преступности, а что касается организованной преступности и коррупции, то и вовсе полное их отсутствие – такого добивались и некоторые тоталитарные режимы прошлого, ценой массовых репрессий и всеобщей атмосферы ужаса, – а то, что здесь не может пострадать невинный. Вы все помните, как у нас три года назад арестованный серийный убийца признался в 39 убийствах – а другой человек, абсолютно невиновный, уже был осужден за это, отсидел семь лет и повесился в тюрьме. В России с ее технодопросами такое в принципе невозможно. Я думаю, что одно это обстоятельство способно сильно потянуть вниз чашу весов, на другой чаше которых лежат соображения вроде «нельзя влезать в чужие мозги, это запредельное попрание свободы». Я сам проходил технодопрос, когда получал визу, и в чем вопросы типа «собираетесь ли вы делать в России что-либо, кроме того, что указали» ущемляют мою свободу, понять не могу – кроме как если бы мне действительно было что скрывать. И с какой стати можно утверждать, как это делают многие у нас, что наличие смертной казни есть признак варварства и несвободы, когда еще 25 лет назад, во времена моего деда, великого Алвареду Бранку, смертная казнь существовала у нас самих? Мы что, тоже были четверть века назад варварским и несвободным государством? Что же касается телесных наказаний, тут я готов согласиться, что это чистое средневековье и унижение человеческого достоинства. Однако что же, тюрьма – современное изобретение и апофеоз уважения к личности? Лично я пришел к твердому убеждению, что в этой сфере нам есть смысл внимательно присмотреться к русскому опыту и частью его даже перенять – более того, я уверен, что в течение ближайших десятилетий так и произойдет.

Глава 6

Армия

Армия в России – это нечто большее, чем вооруженные силы в остальных четырех государствах; по функциям она одновременно является и тем, что у нас называется национальной гвардией (в Поднебесной – внутренними войсками, в Индии – военизированной полицией, а в Халифате – стражами ислама). По Конституции Российской Империи армия официально является не только орудием защиты страны и ее интересов в мире от других стран, но и инструментом силового обеспечения целостности России и преемственности ее системы государственной власти от внутренних угроз. С другой стороны, важность армии здесь не ограничивается ее функциями – она играет ключевую роль и для мироощущения служилого сословия, и для апологии самогу факта его существования – а служилое сословие в России, как вы уже знаете, и есть власть. Поэтому я выделил рассказ об армии в отдельный раздел, хотя у нас этими вопросами интересуются в основном узкие профессионалы и специалисты в военном строительстве.

Как я уже писал в главе «Общественное устройство», в Российской армии служат только опричники. Некоторые из них, а именно корпус воинов, составляют ее основное ядро (кроме того, что раз в десять лет они обязаны перейти на службу в другой корпус не менее чем на три года) – но в период начальной службы и регулярных сборов воинскую службу несут и все остальные опричники. В Российской армии нет понятия солдаты и офицеры, нет там и воинских званий – все в равной степени являются воинами. Подобное положение в армии для российской истории не новость, так уже было в 1917—1935 годах, но тогда звания по факту сохранялись, просто они стыдливо назывались по должностям – так требовала «антибуржуазная» идеология того времени. Ныне причина такой армейской иерархии совсем иная – все служащие в армии опричники имеют одинаковую подготовку, как минимум соответствующую нашей офицерской. Поэтому не совсем корректно утверждать, а такие утверждения я неоднократно встречал в нашей прессе, что в Российской армии нет офицеров – скорее, там все офицеры, а нет солдат. Также это связано и с культивируемым чувством братства всех опричников – офицерские звания этому бы явно противоречили. Командные должности, конечно, существуют, но занимающие их воины никак внешне не различаются.

Такая же картина и в гражданской администрации, и полиции, где после определенного количества лет, проведенных на командных должностях, опричника переводят на существенно более низкую должность, вплоть до рядовой – «чтобы много о себе не думал». Таким образом, у всех опричников одинаковая форма, и единственные в ней различия – это ордена и знаки.

Ордена в Империи различаются в зависимости от того, за что они даются – за личную доблесть, за интеллектуальные заслуги военачальника или полицейского или за гражданские заслуги, а также от того, «простые» ли это заслуги или особые.

Основным орденом, вручаемым за проявление личной доблести (как правило, это касается опричников из силовых структур корпусов воинов и стражей, то есть армии и полиции), является Георгиевский крест трех степеней – выглядит он как крест с расширяющимися концами и изображением Георгия Победоносца, поражающего змея. В зависимости от степени он бывает бронзового, серебряного или золотого цвета – это относится и ко всем другим орденам, имеющим степени. Для полных георгиевских кавалеров, то есть людей, награжденных Георгиевским крестом всех трех степеней (второго набора для имеющих степени орденов по правилам быть не может), есть орден воинского Красного Знамени, представляющий изображение государственного флага со скрещенными мечами на его фоне.

За особый личный героизм дается орден Красной Звезды – это восьмиконечная (Вифлеемская) звезда, покрытая красной эмалью.

За заслуги военачальника, как и за иные интеллектуальные военные или полицейские заслуги, дается орден Александра Невского трех степеней, который представляет собой портретное изображение этого полководца, причисленного к лику святых, соответствующих трех цветов. Для полных кавалеров ордена Александра Невского существует орден воеводского Красного Знамени, где на фоне государственного флага вместо мечей изображен шестопер – это вид булавы, издревле являвшийся в России символом власти военачальника.

За особые полководческие или полицейские заслуги дается орден Михаила Архангела,

представляющий миниатюрное изображение Архангела из золота.

Для корпуса правителей, то есть гражданской администрации, основным является орден «За заслуги перед Империей», который также имеет три степени – это государственный герб соответствующего степени цвета. Для полных кавалеров ордена « За заслуги перед Империей» существует орден княжеского Красного Знамени, на котором вместо мечей или шестопера изображена держава – золотой шар с крестом, символ княжеской и царской власти. А за дела, принесшие особую пользу или предотвратившие особую угрозу стране, дается орден Андрея Первозванного, представляющий собой миниатюрное золотое изображение этого апостола, первого крестителя России, распятого на косом (так называемом андреевском) кресте.

За особые заслуги перед Империей, неважно какие именно, или особую доблесть дается орден Золотой Звезды – это восьмиконечная звезда из желтого золота; его кавалер называется «Герой Российской Империи». А за исключительные заслуги, кроме Золотой Звезды, дается еще высший орден Империи – орден Гавриила Великого.

Медалей в России нет, а есть так называемые знаки, обозначающие участие в той или иной кампании или операции или просто службу на том или ином участке. На знаках предусмотрены отметки за ранения, отметки за принадлежность к отличившейся части, а также упрощенные символы вышеописанных орденов.

Помимо опричников, вышеописанными орденами могут быть награждены и представители первого или третьего сословия, если они по стечению обстоятельств совершат такое же деяние, за которое награждают опричников. Специально же для земцев существуют орден Славы – за личное мужество и самопожертвование и орден Почета – за вклад в науку, культуру, промышленность и т. п. Духовенство не принято награждать государственными орденами – у них ордена свои, церковные.

Вооруженные силы Российской Империи включают в себя стратегические силы, основные силы, легкие силы и флот. Стратегические силы предназначены для уничтожения целых стран или их значительных частей с помощью ракет, несущих термоядерный или аннигиляционный заряд, а также для нейтрализации такого рода атак на свою страну, если таковые произойдут. В состав стратегических сил входят стационарные и мобильные ракетные комплексы, подводные лодки и космические корабли-ракетоносцы, а также боевые орбитальные станции с ракетным и лучевым оружием. Для противодействия вражеской атаке имеются так называемые силы ПВО страны.

Флот Империи состоит из морского, разделяемого на надводный и подводный, воздушного, состоящего из самолетов и дирижаблей, и космического флотов.

В общем и целом эти два вида вооруженных сил достаточно схожи с соответствующими нашими – безусловно, есть и существенные отличия, но они не являются достоянием широкой публики, поэтому я не могу о них судить. Гораздо интереснее будет рассказать вам о двух других видах вооруженных сил.

Во второй половине 2000- х годов, когда резко обострилась конфронтация России с Западом, который тогда был ее основным противником, Владимиру Восстановителю и военному министерству пришлось решать принципиальную задачу – какие вооруженные силы создавать, чтобы противостоять угрозе. Особенность состояла в том, что экономические возможности Запада превышали российские во много раз, если не на порядок. А война того типа, к которой готовился Запад и которая считалась единственно возможной на тот момент, как раз делала основную ставку на технику, и преимущество в этой области (естественно проистекающее из превосходства в экономике) было тождественно военному преимуществу. Поэтому если строить свои вооруженные силы по тому же принципу, что у противника, рассуждали стратегические планировщики, то они заведомо окажутся многократно слабее и к тому же будут полностью бесполезными для «мятеж-войн» с сепаратистами и войн малой интенсивности с южными соседями. Но как тогда противостоять высокотехнологичной армии противника?

Ответ, который в результате был найден, пожалуй, только в России и мог появиться, потому что он органично проистекал из ее уникального, хотя и бесславного опыта – войны в мятежной Чечне. Чтобы превратить этот опыт в нечто конструктивное, надо было понять,

почему та война шла именно так, а не иначе. Никакое пагубное состояние Вооруженных сил Российской Федерации, как и предательство собственного военного и политического руководства, не могло само по себе объяснить успехи чеченских мятежников, в десятки раз уступающих Российской армии по численности и не имеющих тяжелого вооружения (потом уже вспомнили, что нечто весьма похожее имело место в Афганистане, когда Российская армия еще была сильна как никогда). Серьезный штабной анализ показал, что секрет успеха чеченцев заключался в том, что они избрали тактику, промежуточную между тактикой регулярного войска и тактикой партизан, – отказались от строя, фронта и т. п., но действовали крупными отрядами, имеющими прекрасно отлаженное взаимодействие и связь и использующими максимально мощные из доступных им вооружений – гранатометы, противовоздушные ракеты, тяжелые мины и иные взрывчатые устройства. Это дало им возможность нападать на армейские части, даже тяжеловооруженные, потому что, как выяснилось, для уничтожения танка или боевого вертолета совершенно не обязателен другой танк или вертолет – вполне достаточно гранатомета или «Иглы». А с другой стороны, Россия не могла использовать собственное тяжелое оружие, имея перед собой в качестве цели отдельных солдат или небольшие группы противника, – не потому, что это было невозможно, а потому что слишком дорого. Таким образом, горький опыт чеченской войны пригодился русским для того, чтобы осознать, что весы войны очередной раз в истории качнулись и на поле сухопутного боя в отличие от морского или воздушного силы нападения опять стали превосходить силы обороны. Осталось понять, как использовать это обстоятельство против Запада. Сомнений не оставалось – преимущество имеет именно та тактика, которую использовали чеченцы: сильное рассредоточение, превращающее каждого солдата фактически в отдельную мишень и тем самым делающее малоэффективным использование противником тяжелого и высокотехнологичного оружия. А чтобы полностью свести на нет его преимущество, наступательные возможности отдельного солдата необходимо предельно увеличить, а технологические возможности противника ограничить.

В результате появилось войско нового типа, которое стало прообразом нынешних основных сил Вооруженных сил Российской Империи. Оно не только обеспечило военные потребности русских, но и в большой степени, как станет понятно из дальнейшего, предопределило политическую систему России. Для увеличения персональной огневой мощи воина перед наукой и промышленностью была поставлена задача по созданию взрывчатых веществ (ВВ) нового поколения, превосходящих обычные ВВ по мощности на грамм собственного веса в тысячи и десятки тысяч раз, то есть промежуточных между обычными и ядерными. Во исполнение этой задачи были созданы так называемые чистые термоядерные боеприпасы (ЧТБ), высвобождающие термоядерную энергию без ядерного запала и потому не дающих радиоактивного заражения. А поскольку вместе с ядерным запалом ушло понятие критической массы и соответственно минимальной мощности, то ЧТБ могут быть любого размера, хоть килограммового тротилового эквивалента.

Каждый воин получил в качестве основного личного оружия ОМИК (орудие многоцелевое индивидуальное Корабельникова), длиной более полутора метров и весом около 20 килограммов, у которого верхний ствол представляет собой нечто вроде нашей снайперской винтовки 50- го калибра (в русских терминах, 12,7 мм), а нижний, по сути, является ненагруженной (то есть гладкоствольной) пушкой. В индивидуальный боекомплект опричника входит 120 патронов к верхнему стволу, каждый из которых при попадании в человека, даже в броне, разрывает его на части, в том числе 20 разрывных с ЧТБ в 1,4 кг тротилового эквивалента, которые при попадании выводят из строя бронемашину или даже средний танк. При этом эффективен ОМИК в режиме использования верхнего ствола на дальности до 2 км, а на расстоянии в 1 км любой опричник попадает в цель в трех случаях из пяти, даже из неудобного положения. Пули у русских, как уже было сказано, патронного типа, а не электромагнитного, как у нас, – их выбрасывают газы от взрыва патрона, а не сверхпроводящий ускоритель в стволе. Это несколько ухудшает параметры, но делает оружие невосприимчивым к электромагнитному импульсу. Для нижнего ствола в боекомплект входит 14 снарядов ЧТБ двух мощностей, различаемых по цвету, – 26 кг и 380 кг в тротиловом эквиваленте. Первый применяется против пехоты, тяжелых танков и бронеходов

– кумулятивному противотанковому снаряду достаточен заряд и в двадцать раз более слабый, но этот не требует точного попадания, и против него бессильна активная защита. А второй – против укрытий и скоплений живой силы и техники, а также в особых случаях – в городах для уничтожения больших зданий и т. п. (в основном именно такими снарядами был разрушен центр Чикаго в мае 2019 года). Есть в боекомплекте опричника также три противовоздушных ракетных снаряда, в основном используемых против боевых вертолетов; они не самонаводящиеся (русские не используют электронику на поле боя), но имеют очень высокую скорость полета, так что маневр уклонения от них при правильном прицеле почти невозможен.

Кроме ОМИКа, воин имеет четырехствольный неавтоматический дробовой пистолет 5-го калибра, заряженный 9 мм картечью, для подавления живой силы в ближнем бою (каждый патрон несет 90 граммов картечи). Из холодного оружия – большой нож, по размеру скорее напоминающий короткий меч, и раскладной арбалет из композитных материалов с боезапасом из 12 болтов для бесшумной стрельбы. В стандартный боекомплект входят также три мини-мины направленного действия « Крот», служащие для мгновенного создания земляных укрытий, – они дают воронку более полутора метров даже в мерзлой земле. Автоматического оружия у русских бойцов нет, они считают его неэффективным в качестве личного; но в каждой сотне есть три тяжелых пулемета, один автоматический тяжелый гранатомет и один дальнобойный огнемет.

Броня у русских воинов титано-фуллереновая, защищающая от осколков, низкоэнергетических пуль и касательных попаданий высокоэнергетических пуль. Прямое попадание высокоэнергетической пули она не держит в отличие от бронескафандра наших коммандос, но зато почти не снижает подвижность.

Для передвижения непосредственно на поле боя опричники практически не пользуются какой-либо техникой (все та же концепция максимального рассредоточения), а вместо этого пользуются так называемыми скороходами – это разработанные еще в XX веке специальные сапоги с микродвигателем, позволяющие нестись скачками по 5—8 метров со скоростью до 40 километров в час. За последнее десятилетие скороходы были основательно потеснены антигравами, дающими возможность также подниматься вверх и зависать в воздухе. Каждый воин имеет дублированную систему связи, которая строго секретна, вплоть до того что в каждом экземпляре стоит устройство само– и дистанционного уничтожения. Эта система связи позволяет бойцам общаться друг с другом в реальном времени и получать необходимую информацию. По-видимому, их связь имеет иную, не радиоприроду, потому что она нормально работает и после сильнейшего электромагнитного импульса. В общем и целом каждый российский воин является высокомобильной автономной боевой единицей, превосходящей по огневой мощи целую роту полувековой давности, не требующей наличия какого-либо строя или вообще прямой видимости для управляемости и координации с другими бойцами.

Для ограничения возможности применения высокотехнологического оружия противника, особенно тяжелого, русские приняли две новации. Новая тактика предусматривала широкое использование ядерного оружия поля боя – все дискуссии о неприменении ядерного оружия или даже неприменении его первыми русские в одностороннем порядке прекратили. Конечно, такая тактика предполагает, что и противник также не будет церемониться, но ядерное оружие, как великий уравнитель, улучшает шансы слабейшего, в данном случае по технике. К тому же при его применении возникает электромагнитный импульс, выводящий из строя электронику – сами русские минимизируют использование электроники, чтобы ее отказ не сделал их уязвимыми. Но русские не полагаются исключительно на обычное тактическое ядерное оружие, а используют также генераторы магнитодинамического взрыва (ГМДВ), позволяющие практически всю энергию многокилотонного заряда преобразовать в электромагнитный импульс, от которого практически нет защиты, – это вторая тактическая новация. Начало активной фазы сухопутного боя с высокотехнологическим противником по русской тактике, таким образом, характеризуется массированным применением тактических и ГМДВ-термоядерных зарядов, благодаря чему русское войско сразу оказывается в выигрышном положении – значительная часть высокотехнологического оружия противника

в результате всех поражающих факторов этих ударов выходит из строя. В каждой дружине (по-нашему, батальоне) опричников к тому же есть воины, имеющие ядерные снаряды малой мощности (20—100 тонн тротилового эквивалента) к ОМИКу, использующие их и в активной фазе боя – причем, поскольку ОМИК у них тот же, вражеские снайперы не могут их вычислить.

Естественно, русские не рассчитывают на стопроцентный отказ высокотехнологического оружия противника – от любого нападения есть защита, и, в частности, у нас есть вооружения, сохраняющие в этих условиях свою живучесть. Расчет русских на то, что защита от поражающих факторов ядерного оружия сделает высокотехнологические вооружения настолько дорогими, что применение их против одиночных целей станет малореально.

Тяжелое оружие представлено в русских сухопутных войсках самоходной ствольной и реактивной артиллерией, с мощностью снаряда от 10 до 10 000 тонн тротилового эквивалента и дальностью поражения до 100 км. В этой артиллерии не используются системы автоматического управления огнем, как и вообще компьютеры и радары, поскольку она специально предназначена для действий в условиях сильных электромагнитных импульсов. Есть на вооружении основных сил и «вертушки», сильно упрощенные боевые вертолеты с турбинным двигателем (обычный выходит из строя от импульса), не использующие никаких электронных приборов, вооруженные неуправляемыми, то есть наводимыми оптически, ракетами. Использование танков и бронетранспортеров русской тактикой практически не предусмотрено, по крайней мере как ударных сил, – вместо этого они обеспечивают передовую разведку.

Таким образом, стандартная тактика русской рати (дивизии, по-нашему), наступающей на порядки эшелонированно обороняющегося или же наступающего для встречного боя врага, заключается в следующем: сначала ядерная артподготовка, которая начинается за 40—60 минут до планируемого соприкосновения войск, то есть обычно когда до противника остается 10—12 километров; затем вторая артподготовка ГМДВ-боеприпасами для окончательного подавления электроники электромагнитным импульсом, которая производится за 3—5 минут до соприкосновения, а иногда и после него. Сам атакующий порядок рати представлен тремя эшелонами: в первом идет небольшое количество бронемашин, служащих для разведки и подавления таких же передовых отрядов, которые разворачиваются и отступают при соприкосновении с основными силами врага. Второй эшелон представлен пешими опричниками, двигающимися крайне разреженным строем, способным просочиться в любую брешь или стык в порядках врага, не тратя времени на уничтожение центров сопротивления – это потом доделает артиллерия. Огневая мощь в этом эшелоне обеспечивается ОМИКами бойцов, в том числе с ядерными зарядами, и в очень небольшой степени танками и вертолетами. Третий эшелон представлен самоходной артиллерией огневой поддержки, а также грузовиками, антигравными или на воздушной подушке, осуществляющими снабжение боеприпасами второго эшелона. Если предполагается оккупация территории, то в третьем эшелоне идут и гарнизонные части.

Оборонительного боя русская тактика не предусматривает – наступающего врага предполагается останавливать встречным боем. Все это делает русские войска крайне тяжелым противником – мой двоюродный брат, командующий бригадой морской пехоты в городе Сан-Диего в штате Пацифиция, говорил мне, что он не очень представляет, как вести, а тем более выиграть сухопутный бой с русским полком, примерно соответствующим по размеру его бригаде: можно, конечно, обойтись без электроники и боевых лазеров – использовать механическое оружие, наводимую вручную артиллерию и проводную связь, все это есть – но в практике подобного боя русские значительно сильнее. Слава Богу, что нас разделяют два океана, мы не претендуем на территории друг друга, и полномасштабная война между нами крайне маловероятна.

Таким образом, в русской тактике получил свое логическое завершение процесс, взявший начало еще в так называемом позиционном кризисе Первой мировой войны – отхода от представления о пехоте как о пассивном элементе атаки (как говорили тогда, «артиллерия разрушает, пехота занимает»). Но если английская и американская армии сделали ставку на танки, с которыми наступала пехота, то немцы, у которых танков тогда не было и вообще не

было традиций ставки на кавалерию (танки – в сущности та же кавалерия, по-английски танковые части так и называются), пошли другим путем – создания в пехотных дивизиях штурмовых групп из лучших бойцов, имеющих, кроме личного оружия, передвижные пушки и пулеметы. Такие группы стали ключевыми во время Второй мировой войны, когда начиная с 1942 года русская противотанковая артиллерия научилась эффективно останавливать танковые атаки. Впрочем, к 1943 году и русские научились создавать и использовать такие штурмовые группы. Так вот, современная русская сухопутная армия представляет собой пехоту, которая и по вооружению, и по выучке целиком является такой штурмовой группой!

Нельзя сказать, что все эти нововведения русских были полным откровением: нечто подобное предлагалось в штабах многих армий. Но все упиралось в главный лимитирующий фактор такого подхода – необходимость крайне высокой физической и психологической подготовки и боевой выучки личного состава для такой тактики. Бегать своими ногами, пусть и усиленными скороходами, да еще с 80 килограммами снаряжения, несколько тяжелее, чем ездить на танке, а стрелять из ручной пушки, высчитывая прицел в уме, несколько сложнее, чем вводить данные в компьютер. Для большой страны нет особых проблем в том, чтобы подготовить на таком уровне некоторое количество воинов, достаточное для комплектования элитных спецподразделений – но не для всех же сухопутных сил. Для призывной армии эта проблема в принципе не решается, да и для контрактной ее решение малореально, поскольку весьма немногие контрактники согласятся на такое и в любом случае попросят за это запредельную зарплату.

Чеченцам во второй кавказской войне, с которых, как я уже говорил, брали пример авторы российской военной реформы, помогал не только небывалый национальный подъем, но и то, что там в воины традиционно шли практически все мужчины, из которых весьма значительная часть проходила жесткую «стажировку» в криминальных структурах. Русские, имеющие другую культуру и ментальность, повторить это не смогли бы, тем более в отсутствие «горячей» войны, угрожающей существованию нации, как это было у них в 1941 году или у тех же чеченцев в 90-х. Поэтому когда в 2013 году Гавриил Великий обратился к народу перед референдумом по новой конституции с предложением выбрать из двух вариантов – либо все служат в армии и все имеют избирательные права, либо же служат только те, кто хотят, но тогда только они эти права и имеют, – то ответ населения был предрешен. Все знали, что служба будет в первом варианте не менее чем трех-, а может быть, и пятилетней, с многократными последующими призывами на 3—6 месяцев и неимоверно физически трудной. В представлении большинства граждан избирательные права этого не стоили, тем более что вопрос о выживании страны не стоял – правитель предложил альтернативу. А если бы боевая тактика вооруженных сил была иной и потребная для ее обеспечения военная служба по призыву была бы существенно легче и короче, выбор граждан вполне мог быть иным, потому что вообще-то среди русских традиционно сильны настроения равенства и антиэлитарности. И тогда не возникло бы сословие опричников, а значит, и вообще сословность – вот так, не первый раз в истории, решения, принятые в сфере военного строительства, предопределили существеннейшие изменения всей политической системы.

Так возникла российская сухопутная армия современного типа – русские нашли способ, изменив социальную и политическую структуру своего общества, массово готовить воинов такого уровня кондиций и доблести, который в других странах мог быть достигнут только для немногочисленных бойцов спецподразделений. Вся остальная тактика русских рассчитана лишь на то, чтобы сделать исход боя зависящим в первую очередь от личных качеств опричников как воинов (а здесь им нет равных) и свести на нет значимость иных факторов. Как вы, наверное, знаете, дорогие соотечественники, в нашей прессе уже пару лет пишут о том, что у русских на подходе новая техника – генератор какого-то нового поля, которое изменяет течение обычных химических реакций, так что ни порох в патронах не взорвется, ни горючее в двигателях не воспламенится. Так ли это на самом деле, не знаю – но если так, то это вполне соответствует вектору русского тактического подхода: бой в отсутствие машин и взрывчатки будет вестись холодным оружием в пешем строю, а в этом с опричниками уж вовсе никто на Земле не сможет тягаться.

Отдельные части под новую военную тактику создавались и до 2013 года, но именно отдельные. А после 2013 года, точнее с 2016-го, когда первые наборы опричников начали специализацию в корпусе воинов, начался перевод всех сухопутных сил на новую основу, который завершился, и то не полностью, только к началу Двенадцатидневной войны и войн экспансии.

Интересно, что российские власти специально обращались ко всем чеченцам, даже воевавшим против России (собственно, и обращались только к воевавшим – на стороне либо сепаратистов, либо федералов) и совершившим тяжкие преступления, с предложением стать опричниками: их тип ведения войны и военной подготовки весьма соответствовал новым требованиям. Как ни странно, многие согласились, даже из рьяных сепаратистов, несмотря на условие принятия православия и прохождения технодопроса на искренность мотиваций, – уж очень хорошо гармонировала такая служба с вековыми чеченскими представлениями о воинской чести и славе. К тому же их отношение к России, как и отношение других кавказских народов, к тому времени сильно изменилось: если в 90-х это было презрение к слабости и безволию, сменившееся в начале 2000-х на ненависть к тупой и бездушной силе, то вслед за тем, и особенно с 2013 года, начало появляться уважение. Дело тут в том, что справедливое утверждение, будто эти народы уважают лишь силу, нуждается в разъяснении: речь идет о силе, проявляющейся в индивидуальной доблести и несгибаемости, а не в количестве войск или огневой мощи танков. Потому что первое отражает силу духа, а второе есть не более чем овеществленное золото, которое никогда не может быть предметом уважения для воинственных народов. Подобное мироощущение не отличается, кстати, от мироощущения самих русских – «дух животворит, плоть же не пользует нимало». Поэтому ту силу, которая достойна уважения, чеченцы и другие кавказцы (кроме разве что аланов – те всегда были близки с русскими) увидели не тогда, когда Россия числом раздавила их сопротивление, а когда она набралась духу на конфронтацию с несоизмеримо более сильным Западом, и особенно когда возникло служилое сословие опричников. Так что получается парадоксальная, на наш взгляд, ситуация: если в весьма не любящей Россию чеченской семье, где на стене висят портреты имама Шамиля (лидер чеченцев в первой кавказской войне) и Джохара Дудаева (первый их лидер во второй кавказской войне), сын идет в опричники, то есть на военную службу этой самой России, и к тому же принимает православие, им тем не менее гордятся, особенно если он отличится в боях (так обычно и бывает).

Все сказанное выше относилось к так называемым основным силам Российской армии. Кроме них, есть еще легкие силы, предназначенные для боевых действий с менее высокотехнологическим противником – к таковым действиям по факту относятся значительная часть боевых столкновений с Вооруженными силами Халифата, а также любые действия против мятежников на своей территории. Название «легкие» ни о чем не говорит, скорее наоборот – в силу отсутствия или малого количества у противника тяжелого вооружения в легких силах шире применяется бронетехника. Зато значительно меньшее место в их тактике отводится ядерным ударам – у их противников мало электроники, нуждающейся в подавлении электромагнитным импульсом.

Что касается стратегических сил, наступательных и защитных, а также океанских и космических флотов, то, как я уже говорил, эти высокотехнологические силы мало отличаются от наших – и по материальной базе, и по тактике. С ними особых проблем у русских никогда и не было: со времен Второй Империи их самолеты, системы противовоздушной и противоракетной обороны, подводные лодки и т. д. всегда были вполне на уровне наших – в чем-то уступали, в чем-то превосходили. Даже в самые тяжелые для России 90-е и 2000-е годы это было так – проблема возникала лишь с количеством единиц боевой техники, которое зависит от материальных возможностей. Поэтому восстановление паритета шло в автоматическом порядке по мере сокращения разрыва между их экономикой и нашей – проблемы уровня продвинутости вооружений, как правило, не вставало. А уже в 10-е годы русские, как известно, вырвались вперед в прикладных науках, работающих на оборону, что и предопределило создание стратегического щита и, как прямое следствие, – исход Двенадцатидневной войны и последующего покорения Европы.

Военная доктрина Российской Империи проста: наступательных войн, за исключением

карательных рейдов, не предусмотрено, а оборонительную войну (включая наступательные действия, в том числе на вражеских территориях) вооруженные силы должны быть готовы вести и выиграть у всего остального мира; имеется в виду выиграть самостоятельно – наличие союзников российской стратегической доктриной не предусмотрено. Не предусмотрено также участие России в каких бы то ни было международных договорах по ограничению или запрещению тех или иных вооружений – Империя считает безумием для себя полагаться в своей стратегии на честность и добронравие потенциальных противников. Также не предусматривается, во всяком случае в качестве существенного элемента, ведение неогневых войн современного типа – экономических, подрывных (помощь подрывным элементам внутри вражеского государства), информационных и консциенто-логических (создание у населения и элит вражеского государства ложных идей, ведущих к поражению). Все это русские умеют (кроме разве что экономического давления – их автаркичная экономика к этому не способна по определению) и вовсе не стесняются использовать – их спецслужбы отличаются достаточной эффективностью и даже жестокостью, но по доминирующему в России мнению, лишь та держава достойна существовать в мире как независимая и самодостаточная страна-цивилизация, которая не боится прямого военного столкновения с врагом и готова платить за победу своей кровью. Не так, как Византия, которая с некоего момента полагалась уже только на свои интриги, шпионов и золото и в результате пала. То есть в ответ на ведение против России неогневой войны любого вида (в Империи они все обобщенно называются подрывными) российская стратегия предполагает объявление противнику, после предупреждения, обычной огневой войны. Та же стратегия, то есть объявление обычной войны, предполагается в случае засылки в Империю террористических групп либо их организации внутри Империи. По опыту российско-халифатских войн так в реальности и происходит. На тактическом уровне противодействие террористическим угрозам, помимо всех общепринятых способов, происходит путем сетевой самоорганизации опричников по типу ополчения: в случае террористической атаки находящиеся неподалеку опричники (а они есть везде, поскольку везде есть гражданские и полицейские структуры) связываются друг с другом по своей связи и оказываются на месте существенно раньше регулярных частей. Это возможно потому, что полное боевое снаряжение любого опричника хранится у него по месту жительства, а не на военной базе, и ему не надо никуда ехать, чтобы превратиться в тяжеловооруженную боевую единицу.

Таким образом, русская армия не собирается завоевывать планету – она России просто не нужна, поэтому Россия и стояла у истоков современного упорядоченного мира, – но готова остановить любого, кто посягнет на нечто подобное. В России многие считают, что ее историческая миссия как раз и заключается в том, чтобы останавливать непобедимых для других наций претендентов на власть над миром, таких как Наполеон и Гитлер. Более того, все опричники и большая часть всех православных людей в Империи верят, что перед концом света, когда Антихрист выведет на бой свое воинство, русская армия остановит и разобьет его.

Для того чтобы быть готовыми к войне со всеми, русские используют, помимо прочего, совершенно поразительный прием: во всех войнах, проходящих без участия России, они предлагают обеим воюющим сторонам, что им безвозмездно предоставят по одинаковому русскому боевому экспедиционному корпусу (заморскому воинству, в их терминах) для участия в боях. Единственное условие, которое они при этом ставят, – не использовать их друг против друга, тем более что они все равно воевать между собой не будут. На это всегда соглашаются, потому что каждая из сторон надеется использовать эти силы лучше другой. В результате русские рати сражались и в двух индо-халифатских войнах, и в поднебесно-халифатской, и в индо-поднебесной войне. Это дает не только тренинг и боевой обстрел значительному количеству личного состава (специально для этого ротация воинов в каждой заморской рати очень частая), но и полное знание вооружений, структур, тактики, сильных и слабых сторон всех армий мира – кроме разве что нашей, которая после 2019 года вообще не воевала.

Хотя я и не любитель полухудожественного жанра альтернативной истории, дорогие соотечественники, я не мог не задуматься о том, как сложилась бы судьба России в моменты

ее самых больших испытаний недавнего прошлого – хотя бы в XX веке, – если бы ее армия была построена на тех же принципах, что сейчас. Я говорю и об общих тактических принципах (без привязки, разумеется, к современным типам вооружений), и о принципах комплектования. В 1941 году численность опричной армии, если бы их численность в процентах населения была как сейчас, составляла бы около 600 тысяч человек – казалось бы, явно недостаточно для противостояния вермахту (3,2 млн человек – правда, вместе со вспомогательными частями, а численность опричников указана по боевому составу). Но при угрозе существованию страны наверняка хлынул бы поток добровольно вступающих в опричники, которые уходили бы на фронт после сокращенной подготовки. С другой стороны, неизвестно, как немецкие части защищались бы от атак в стиле коммандос – они совершенно не были к этому приспособлены, поскольку тогда и не было таких угроз; вообще регулярной армии классического типа крайне сложно иметь дело с противником, где каждый боец является самодостаточной и тяжеловооруженной боевой единицей. А ясно, что опричники были бы вооружены мощным и дальнобойным ручным противотанковым, контрбатарейным и противопехотным оружием – оно было бы к тому времени разработано, потому что это диктуется базовыми принципами их организации и тактики, а техника того времени это уже позволяла. И понятно, что никакой деморализации лета-осени 1941 года у них бы не было – их подготовка, включая психологическую, делает особый акцент на ситуации, когда они остаются одни, без товарищей и ресурсов. Все это как минимум создало бы немцам большие проблемы, но тем не менее ничего определенного об исходе войны в этом воображаемом случае точно сказать нельзя. Ясно, что в любом случае у профессиональной армии потери были бы существенно меньше, и они не воспринимались бы народом так трагично – чего горевать о профессиональном воине, чья судьба в любом случае сложить голову за державу.
А вот про две другие трагедии все гораздо понятнее: представить себе опричное войско, поддающееся пораженческой и повстанческой агитации большевиков в 1916—1917 годах, притом только потому, что надоело сидеть в окопах, совершенно невозможно – если даже меньшинство войск составляли бы опричники, они без всякого приказа сверху утопили бы в крови любые попытки революции, даже поддержанные остальной армией. Точно то же можно сказать и об августе 1991 года; впрочем, само наличие сословной опричной армии делает невозможным существование столь слабой и безвольной власти, как в 1917 и 1991 годах, – они сместят ее сами, до всяких революционных выступлений народа. Так что является ли опричная армия гарантией от военных поражений от внешнего врага, точно сказать нельзя, – но от внутреннего точно является.

III. МАТЕРИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Глава 7

Экономика

Денежная система. Денежной единицей Российской Империи является рубль, разделенный на 100 копеек; он равен 4,01 доллара либо соответственно 15,27 юаня, 67,30 рупии или 0,82 динара. (Отметим, что этот курс не более чем базовый – для дестимулирования экспорта и импорта в соответствии с требованиями принципа автономности в России существуют множественные валютные курсы.) Сложно сказать, насколько этот курс соответствует паритету покупательной способности, потому что соотношение цен на разные товары и услуги в России иное, чем у нас, но в среднем, по моим наблюдениям, с этим курсом можно согласиться. В России гораздо большее распространение, чем у нас, имеют наличные деньги, и власть не пытается это ограничить, потому что налоги там не зависят от дохода, а следовательно, нет особого смысла контролировать расходы. Впрочем, электронные деньги тут тоже в ходу, но сфера их применения ?же, чем у нас.

Россия – наряду с Халифатом – страна, где существует золотой стандарт. На самом деле этот стандарт полиметаллический, поскольку наряду с золотыми существуют серебряные и платиновые деньги, а в активах Центробанка присутствуют и остальные драгметаллы, – но я для удобства буду далее называть его золотым. Это весьма существенно для самоощущения русских – многие из них меня спрашивали, как мы можем жить, имея вместо денег бумажки. На мои возражения, что деньги у нас обеспечены не золотом, а всем достоянием Американской Федерации, мне говорили, что это не помешает им в одночасье многократно девальвироваться, причем как в результате капризов рынка, так и сговора правительственных или финансовых кругов; у них самих раньше такое бывало, и они не видят причин, по которым подобный обвал при определенных обстоятельствах не может произойти у нас. Золотой стандарт в России отнюдь не формален – Конституция гарантирует, что любое количество бумажных или электронных денег каждый гражданин всегда может обменять на золотые деньги по номиналу, причем запрещается требовать с него для этого какие бы то ни было бумаги или справки, как и удостоверение личности. Сам номинал золотого стандарта раньше, после его введения в 2013 году, мог по закону меняться не чаще раза в двадцать лет, с объявлением за три года, но сейчас говорят, что действующий император Владимир III собирается изменить закон и установить, что золотой стандарт вообще не может быть изменен, и занести это в Конституцию. Номинал этого стандарта составляет 0,25 грамма чистого золота или 0,15 грамма чистой платины в одном рубле.

Золотых монет пять – по числу российских правителей всех времен, заслуживших прозвание «Великих», которые на них и изображены. Если через какое-то время еще один правитель удостоится подобного признания, будет введена еще одна монета. Монета достоинством 5 рублей называется гривна, она отчеканена из 9- каратного (в русских терминах – 383- й пробы) золота, весит чуть меньше 4 граммов; на ее оборотной стороне изображен Петр I и надпись: «Петр Великий (Романов), царь московский и всея Руси (1696—1725)». Монета достоинством 10 рублей называется червонец, она примерно того же размера, что и гривна, но отчеканена из 18- каратного золота (750- й пробы); на ней изображена Екатерина II и надпись: « Екатерина Великая (Романова, урожденная Ангальт-Цербстская), императрица российская (1762—1796)». Монета в 25 рублей называется марка – она весит почти 7 граммов и отчеканена из более высокопробного (900-й пробы) золота; на ней изображен Сталин и надпись: « Иосиф Великий (Сталин, урожденный Джугашвили), правитель СССР (1924—1953)». Монета в 50 рублей большая, почти 14 граммов, отчеканена из золота 900- й пробы и называется алтын; на ней изображен Иван III и надпись: « Иван Великий (Рюрикович), великий князь московский (1462—1505)». Наконец, 100- рублевая монета еще больше – она весит более 16 граммов, отчеканена из платины и называется империал; на ней под портретом написано: «Гавриил Великий (Соколов), император России (2012—2030)». Названия всех монет – старинные слова: червонец и империал – русские, гривна – древ-неславянское (хотя многими воспринимается как украинское, по опыту 1991—2020 годов), алтын – тюркское, а марка – немецкое; но склонные к насмешливости русские называют эти монеты не официальными названиями, а соответственно петя, катя, ося, ваня и гаврик. Существуют и серебряные монеты, достоинством 50 копеек (так называемый полтинник), 1 рубль и 3 рубля, а также бумажные банкноты достоинством 50 копеек, 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100 и 200 рублей; на них изображены другие выдающиеся правители – Дмитрий

Донской (1359—1389), Алексей Тишайший (1645—1676), Александр Праведный (1801—1825), Александр Освободитель (1855—1881), Владимир Восстановитель (2000—2012) и Михаил Усмиритель (2030—2040), а также военачальники – победитель хазар Святослав Рюрикович (965—966), победитель шведов и тевтонов Александр Невский (1240—1242), победитель крымчаков Михаил Воротынский (1572), победитель поляков Михаил Скопин-Шуйский (1607—1610), победитель французов Михаил Кутузов (1812—1815) и победитель немцев Георгий Жуков (1941—1945). Заменителей денег, которые де-факто могут являться платежным средством – как, например, у нас облигации Федерального казначейства, – в России нет. Пару лет назад палаты казахского и татарского народов России обратились к императору с совместной просьбой выпустить 200-рублевую платиновую монету, или хотя бы банкноту, с изображением « небесного воителя» Чингисхана, поскольку в сущности именно он был основателем государства: вся Российская Империя исходно произошла из его державы: европейская часть – из улуса Джучи, а азиатская часть – из улуса Чагатая. Сейчас это активно обсуждается в стране, и, если решение окажется положительным, будет забавно: на одних деньгах Чингисхан, чей внук покорил Русь, а на других – Дмитрий Донской, Иван Великий и Михаил Воротынский, победившие и прогнавшие из Руси его более дальних потомков.

Я, будучи гуманитарием по образованию, конечно, знал про золотой стандарт в России, но меня всегда удивляло, как русским удалось решить проблему недостаточной добычи золота для обеспечения деньгами роста экономики. Ведь прежде золотой стандарт был везде, и у нас в Америке он существовал до 1970 года (правда, последние полвека в основном формально), но от него вынуждены были отказаться. Мой собеседник, которому я задал этот вопрос, начальник отдела Центробанка Владимир Егоров, ответил мне, что на самом деле это просто вопрос расстановки приоритетов (настроя, как он выразился): или вы задаете желаемые вами параметры экономики, включая размер денежной массы и динамику цен, и тогда уже смотрите, хватит ли у вас золота, или вы берете как данность то, сколько у вас есть и будет дальше золота, а там уже смотрите, какие при этом получаются параметры экономики. «У вас не хватало золота не для нормальной экономики, – сказал он, – а для того, чтобы безудержно печатать деньги, что вы и делали всю вторую половину двадцатого и начало нашего века, создавая инфляционный пузырь, только скрытый. Конечно, чтобы иметь денежную массу в 150% от годового ВВП (при оптимуме 60%) и совокупный внутренний долг в 400% годового ВВП – а именно так было у США еще в начале нашего века, – не хватит никакого золота». – « Но жестко ограничивая эти параметры, например, путем однозначной привязки к золоту, вы искусственно ограничиваете экономический рост, – возразил я. – Это все равно что недодавать питательных веществ и витаминов растущему организму, потому что это-де превышает рекомендуемую норму». – « А так, как делали вы, – это давать ему допинг, – был ответ, – и на этом допинге всегда вначале здорово, а потом плохо. Несколько десятилетий ваша экономика надувалась гигантским пузырем, и вы гордо поглядывали на всех остальных – а потом он закономерно прорвался Великим кризисом 2010 года. А мы имеем столько денег, сколько имеем золота, и, если денег будет не хватать, значит, произойдет дефляция. Это саморегулирующийся процесс, и чем меньше в него вмешиваться, по крайней мере грубо, тем меньше катаклизмов и кризисов он принесет».

Я не могу сказать, что собеседник меня полностью убедил, но какие-то рациональные зерна в его словах, безусловно, есть. Нельзя утверждать, что инфляция в России нулевая (Центробанк такого и не хочет), но за последние 25 лет она составляет около 1,5—2% в год, при достаточно высоких темпах роста ВВП. Для обеспечения необходимого количества золота еще в 2013—2017 годах была реализована государственная программа наращивания добычи, и к 2020 году она составляла уже около 800 тонн в год (не считая платины); а сейчас, на увеличившейся территории и плюс на астероидах, всего в год добывается 3680 тонн всех драгметаллов, в пересчете на условные тонны золота. Кроме того, значительная часть импорта России приходится на приобретение золота и платины в Халифате, а также серебра у нас. Таким образом, Империи удается обеспечить прирост золотого запаса на 5% в год, то есть на величину среднего роста экономики и соответственно денежной массы. Внутри страны существует строгая монополия государства на покупку и продажу драгоценных

металлов (имеются в виду металлы в слитках, а не ювелирные украшения), но добывать их могут и частные компании (в основном так и происходит), при условии сдачи продукции государству.

Финансовый сектор. Одним из самых зримых и необычных проявлений того, что Россия православная страна не только по Конституции, но и по своему христианскому духу во всех сферах жизни, является российская кредитная система. Одного знакомства с ней достаточно, чтобы начать всерьез воспринимать слова русских о примате в их жизни христианских ценностей. Как вы знаете, Священное Писание четко и недвусмысленно запрещает ростовщичество, то есть дачу денег взаймы под процент; но мы, к сожалению или к счастью, воспринимаем это не буквально – в отличие от русских. Еще в 2013 году, в начале реформ Гавриила Великого, было объявлено, что, наплевав на этот запрет (он соблюдался в Европе, между прочим, еще в Средневековье), западная цивилизация вступила на сатанинский путь и что для России это неприемлемо. Но очевидной альтернативой этому был полный законодательный запрет на ростовщичество, что стало бы первым шагом на пути превращения России не просто в православную, а в фундаменталистскую страну, чего никто не хотел. В итоге было найдено промежуточное решение, которое действует и поныне: ростовщичество в России не запрещено и даже не ограничено законом, но государство, в лице нескольких государственных банков, выдает кредиты желающим юридическим и физическим лицам без процента. Это не значит, что кредит может получить любой желающий: как и у нас в Америке в обычных коммерческих банках, в российском госбанке у вас потребуют обеспечение в размере, определяемом как сумма кредита, разделенная на коэффициент ликвидности, бизнес-план для оценки серьезности ваших проектов (если речь не идет о небольшом, так называемом нецелевом, кредите), а также проверят вас на предмет вашей кредитной истории. Но если все это у вас о'кей, то кредит вы получите без процента. Он будет не совсем бесплатным, потому что с вас все-таки возьмут плату за выдачу (компенсация организационных расходов банка), а также плату за риск кредитора – в сущности, страховки невозврата. Но это не может считаться замаскированным процентом, потому что эти выплаты невелики и к тому же пропорциональны не выдаваемой сумме, а количеству времени, затраченному на ваш запрос, – по типу гонораров адвокатов. Кстати, и наши банки, кроме процента за кредит, берут деньги за многие операции (они формируют так называемые непроцентные доходы банка).

Меня весьма интересовал вопрос, как влияет беспроцентный кредит на инфляцию – ведь у нас ее, наоборот, сбивают, когда надо, высоким ссудным процентом, и соответственно при его нулевом размере она должна быть весьма велика. Внимательное изучение показало, однако, что аналогия здесь неприменима, потому что в Американской Федерации и в Российской Империи совершенно по-разному формируется общий объем кредитования в стране. У нас федеральная резервная система устанавливает ту или иную учетную ставку, то есть величину процента, под который она кредитует банки, и всем желающим банкам дает столько, сколько они просят (с учетом их капитала, разумеется), производя для этого необходимую эмиссию. Объем кредитования определяется только платежеспособным спросом – чем учетная ставка ниже, тем он больше. В России же учетная ставка фиксированно равна нулю, но зато общий объем кредитования не может превышать лимит, установленный Центробанком (собственно, даже не лимит кредитования, а просто лимит агрегата денежной массы М1, то есть общего объема безналичных денег в стране); поэтому если спрос на кредиты будет слишком велик и упрется в лимит, то заемщика в банке могут попросить подождать своей очереди. Хотя и не очень часто, но это случается и потому детально регламентировано Центробанком: четко прописано, что имеет приоритет при приближении финансовой системы к лимиту – кредитование ли текущей деятельности функционирующих бизнесов, их капитальные траты или кредиты на создание новых бизнесов. (Коррупции при этом русские не боятся – ответственные сотрудники госбанков проходят регулярные технодопросы.) Такой подход, как вы заметили, весьма точно иллюстрирует принципы, изложенные мне Владимиром Егоровым при разговоре о золотом стандарте (см. выше), – он позволяет не допустить инфляции, и, хотя он задает пределы роста, стабильность развития при нем обеспечена. Частному же капиталу никто не мешает

давать вам кредит под процент – но кто будет его брать, если можно получить без процента? Только если предложат дать кредит без обеспечения – но это почти неприемлемый риск для кредитора, на который, впрочем, некоторые венчурные инвесторы все же идут, так что рынок обычных процентных, но беззалоговых кредитов в России существует, хотя и небольшой. Или вам могут предложить процентный кредит в тот период, когда на беспроцентный в госбанках возникла очередь из-за лимита кредитования, но это случается нечасто, да и большинство заемщиков предпочтут подождать. Таким образом, ростовщичество в Империи не запрещено, но вытеснено в маргинальные экономические ниши. Это имеет одно существенное последствие, важность которого невозможно переоценить: поскольку на деньгах нельзя заработать, просто давая их в рост, то никто не даст вам и процент за депозит – наоборот, за хранение ваших денег в банке вам придется заплатить 0,3—0,7% в год, как и за каждую банковскую операцию; если бы не эти платежи, то в отсутствие ссудного процента банковская система не могла бы существовать.

Конечно, вы можете арендовать ячейку и хранить деньги в наличном виде, но государство с этим борется, установив акцизный сбор за услугу по предоставлению ячеек, так что это выйдет еще дороже. (Государство борется с этим для того, чтобы поменьше обменивали банкноты на золотые деньги специально с целью их хранения – по-научному, тезаврации, – это будет увеличивать потребную долю золота в общей денежной массе.) Или можете держать деньги дома – но тогда у вас их могут украсть воры или взять без спросу домочадцы. А есть еще налог на имущество (см. далее), да и инфляция хоть и маленькая, но все же существует – все эти факторы «подъедают» ваши деньги. Итог вышесказанного столь же логичен, сколь непривычен нам: если у нас деньги, в отличие от любой другой формы капитала (недвижимости, завода, магазина и т. д.), не требуют никаких затрат для своего сохранения и, наоборот, приносят какой-то доход, даже если ни во что их не вкладывать, то в России просто так сохранить деньги нельзя, не говоря уж про то, чтобы на этом заработать! Можно деньги во что-то вложить и тогда не только сохранить, а зарабатывать хоть 1000% годовых – но это уже не рента, а активный бизнес, невозможный (во всяком случае, слишком рискованный) без вашего личного участия. То есть бизнесменов в России полно, а рантье нет, поэтому, чтобы просто сохранить деньги, надо быть бизнесменом (это все относится и к корпорациям). Подобная ситуация приводит к тому, что инвестиционная активность в России весьма велика. Но не менее важны психологические последствия описанных обстоятельств – предпринимательский доход воспринимается как результат в первую очередь вашего таланта и труда, а не капитала. Это один из компонентов того, что имеют в виду русские, когда говорят, как сказала мне другой руководящий работник Центробанка Оксана Теребилко: « У вас деньги стали целью всего, самодовлеющей величиной – а у нас они остаются в традиционной роли меры стоимости и средства платежа».

Здесь мы плавно перейдем к российскому фондовому рынку. Вы не могли не обратить внимание, дорогие соотечественники, что человек или корпорация в России могут разместить свои деньги не на депозите в банке, а в чем-то типа инвестиционной компании или фонда, причем как в долевых (акции или паи), так и в долговых (облигации) инструментах этого фонда. Что касается облигаций или бондов, то такого рынка почти нет: зачем эмитенту брать посредством их ваши деньги взаймы под процент, если он может взять их у госбанка без процента? Разве только если у него нет обеспечения или вразумительной бизнес-концепции – но тогда и вам крайне опасно покупать облигации такой компании. А вот долевые инвестиционные компании в России весьма распространены, с тем отличием от наших, что они существенно меньше вкладывают в биржевые инструменты (как вы увидите далее, их роль в России невелика), а в основном выступают мажоритарными или существенными миноритарными акционерами реальных бизнесов, а то и их организаторами – у нас же это практически запрещено. Позиция имперского надзора за финансовыми рынками и в целом Имперской канцелярии экономической политики в отношении таких компаний вполне благосклонная: вкладывая в них деньги, вы достаточно рискуете и потому в большей части случаев принимаете в их деятельности самое активное участие (поэтому среди российских инвестиционных компаний нет таких гигантов, как наши публичные инвестиционные фонды). Иными словами, вкладчик в типовую инвестиционную компанию

в России – это отнюдь не рантье. Кстати, когда инвестиционные компании размещают собранные у вкладчиков деньги (или вложенные несколькими инвесторами – тогда это инвестиционный банк), то есть дают их каким-то существующим или организовывающимся бизнесам, они делают это, как вы поняли, в обмен на долю, а не взаймы. В этом смысле они абсолютно идентичны исламским банкам в Халифате – только там для бизнеса это единственный вариант привлечения денег, а в Империи – нет. Соответственно leverage buy-out, обычная и наиболее распространенная для малого бизнеса процедура привлечения денег (когда вы вкладываете от четверти до половины собственных денег, а остальные берете в долг у банка, но уже без залога), в России также весьма распространена: вы либо берете их у госбанка взаймы без процента, либо, если вы не убедили его (например, у вас всего четверть своих денег), идете в инвестиционную компанию и привлекаете деньги в обмен на долю. Инвестиционные компании, естественно, частные – это обычная коммерция (в отличие от выдачи беспроцентного кредита), в которую государство не лезет.

Помимо почти полного отсутствия долговых финансовых инструментов и доминирования долевых, российский фондовый рынок имеет ряд определенных особенностей. В России есть закрытые акционерные общества (ЗАО), в которых продать свои акции кому бы то ни было вы можете только с согласия общего собрания. Свободно это можно сделать в так называемых публичных акционерных обществах (ПАО), но для них закон требует наличия у организаторов контрольного пакета. Выглядит это так: когда какая-то компания в некий момент своего развития хочет стать ПАО (организовывать их с нуля по закону нельзя), то она может эмитировать и продать на рынке акции, но так, чтобы у нее осталось более 50% акций. Это обременение бессрочно и зафиксировано в реестре не на собственнике, а на самом пакете – то есть оно остается при любых сменах собственника. Если же где-то контрольный пакет исчезнет, общество будет немедленно закрыто, и начнется процедура ликвидации (помимо возбуждения уголовных дел). Смысл этого в следующем: там, где акции свободно обращаются, то есть высоколиквидны, их владельцы, особенно мелкие, выступают как вкладчики – а вкладчики не бизнесмены. К бизнесменам надо относиться как к людям, которые действуют, в том числе и рискуют, по собственному свободному и осознанному выбору, а к вкладчикам так относиться нельзя. Их надо защищать – и от мошенников, и просто недобросовестных людей, которые будут управлять деньгами вкладчиков, не являясь хозяевами и потому не имея настоящей ответственности в решениях. Самым простым способом подобной защиты российский закон считает обязательное наличие реального хозяина, который остается таковым, даже когда привлек деньги вкладчиков. Таким образом, в России невозможна обычная у нас ситуация, когда основатель фирмы в результате ряда эмиссий остается с 10—15% акций, полностью сохраняя реальный контроль; нельзя не согласиться, что его интересы перестают в этом случае быть тождественными интересам и самой фирмы, и остальных вкладчиков.

Для обычных же ЗАО никаких требований по наличию контрольных пакетов в России нет, потому что там акции не обращаются свободно. То есть ликвидность по смыслу российского законодательства может быть либо тогда, когда вы реальный бизнесмен (то есть сами ведете дела принадлежащего вам бизнеса или имеете контрольный пакет ПАО), единолично или консолидированно с небольшим числом партнеров принимающий решения, либо когда вы вкладчик при реальном хозяине, и от вас, напротив, заведомо ничего не зависит. Начальник имперского надзора за финансовыми рынками Акежан Сабирдин так пошутил на этот счет: «Как вы знаете, рынок акций называется в экономической науке рынком фиктивного капитала. Так вот у нас, чтобы получить выход на свободный рынок, этот капитал должен быть по-настоящему фиктивным». К слову, такой порядок делает почти невозможным и корпоративные войны за контроль, и рейды с целью недружественного поглощения – всему этому просто нет места; что же касается дружественных слияний ПАО, то они возможны и имеют место в практике, но только тогда, когда владельцы контрольных пакетов обоих сливающихся ПАО договорятся объединить их в один нераздельный контрольный пакет нового ПАО, принадлежащий их общему закрытому ЗАО.

Реальный сектор. Поскольку в целом по образу жизни Россия не особо отличается от нас – это такое же урбанизированное, технологическое общество, – то общая структура реального

сектора экономики (то есть что именно, как и в каких пропорциях производится) принципиально схожа с нашей. Общий уровень технологического развития тоже примерно соответствует нашему, хотя в отдельных сферах может несколько уступать нам или, наоборот, превосходить, но не сильно. Но есть у российского реального сектора весьма существенные особенности: одна из главных заключается в том, что там существует государственный сектор хозяйства, достаточно обширный, если не сказать доминирующий (хотя по доле ВВП он не превышает четверти), и его роль в общем экономическом устройстве весьма велика. Госсектор представлен как не инкорпорированной государственной собственностью, которую эксплуатирует непосредственно Имперское управление финансов в лице Агентства государственных имуществ, так и предприятиями, которыми занимается Имперское управление хозяйства или Имперское управление инфраструктур, в зависимости от профиля. Такие предприятия бывают в форме либо ГУПов, либо ПАО с контрольным пакетом акций у государства – последние организуются на базе ГУПов в высококоммерциализованных секторах. Цель подобной организации в том, чтобы акции таких компаний увеличивали количество привлекательных инвестиционных инструментов на фондовом рынке и, таким образом, связывали дополнительные объемы денежной массы. Начиная воссоздавать госсектор в 2006—2007 годах, новая русская экономическая школа вполне отдавала себе отчет в существовании реальной опасности увлечься этим процессом, а возврата к государственной экономике никто в России не хотел и не хочет. Поэтому были сформулированы четкие критерии (модифицируемые по мере технического и иного прогресса) того, что может относиться к госсектору, – и власть не выходит за их рамки. Эти критерии я далее перечислю.

Во-первых, к госсектору относится все производство вооружений и военной техники. Дело здесь не в боязни злоупотреблений и тем более не в желании не отдавать частникам лакомый кусок, а в том, что в этой отрасли исполнитель не в меньшей мере, чем заказчик, определяет стратегию технического развития – а к этому русские допускать частных инвесторов не хотят в силу их мотиваций, заведомо не тождественных интересам государства. К слову, в государственном военно-промышленном секторе сосредоточена и весьма существенная, если не основная, часть прикладной науки страны – кроме разве что биологических наук, которые, впрочем, тоже в основном находятся в государственном секторе (во всяком случае, медицинские), только не в экономической, а в социальной сфере, вместе с практическим здравоохранением.

Во-вторых, государственной является вся добыча полезных ископаемых, а также иных природных ресурсов, в частности леса и рыбы, потому что природа есть дар Бога всем людям, а не кому-то конкретно, и с чего бы кому-то богатеть на эксплуатации общего достояния. Следует сказать, однако, что в этой части слово «госсектор» не должно вводить в заблуждение – почти все государственные природопользующие предприятия управляются частными управляющими компаниями, то есть Имперское управление хозяйства не решает вопросы типа где и какой марки насосы покупать для нефтепромыслов.

В-третьих, государственной является так называемая стратегическая энергетика – это гигантские термоядерные, гидро– и геотермальные электростанции, а также единая энергосистема страны, состоящая из сверхпроводящих магистральных линий и аккумулирующих станций; здесь производится более 85% электроэнергии России. Остальная часть генерируется в энергоцехах ряда промышленных предприятий для собственных нужд, а также на относительно небольших частных электростанциях, работающих на местный рынок. Частными являются и ТЭЦ, вырабатывающие тепло для коммунальных нужд, а также энерго– и теплораспределительные сети. Термоядерные электростанции, казалось бы, могли бы быть и частными – они являются вполне рукотворными, не природопользующими объектами, в принципе не особо отличающимися от обычных заводов. Но из соображений экономической эффективности они очень большие (обычно одна имеет мощность 30—40 млн киловатт и стоит около 50 миллиардов наших долларов), и русские не хотят, чтобы такого размера и важности объекты были бы в частных руках. К тому же они были построены в 20—30- х годах государством, являются, таким образом, общенародной собственностью, а к приватизации русские относятся весьма болезненно (и вообще, и по причине крайне

неудачного опыта 1990-х годов).

В-четвертых, государству принадлежат заведомо монопольные элементы инфраструктуры – в первую очередь железные и автомобильные дороги. Это относится только к самому полотну дороги – транспортные компании, владеющие подвижным железнодорожным и автомобильным составом и осуществляющие собственно перевозки, все являются частными и зачастую имеют в собственности свои станции и терминалы. Такое положение связано с тем, что железнодорожная и автодорожная сети исторически создавались в России централизованно в отличие от, например, наших северных штатов, и потому из пункта А в пункт Б ведет, как правило, всего одна дорога. По мере изменения этой ситуации меняется и позиция государства – на протяжении последних десятилетий из госсектора были выведены практически все порты, национализированные в 2007 году, а также трансконтинентальные волоконно-оптические кабели.

В-пятых, государственной монополией является освоение космоса – все промышленные базы и поселения на планетах и астероидах, как и большие орбитальные станции и межпланетные корабли, находятся в руках государства, и частные предприниматели пока туда не допускаются, хотя настоящее положение, вполне вероятно, изменится в будущем. Правда, это не относится к околоземным орбитальным развлекательным, медицинским и иным коммерческим комплексам, как и к челнокам, летающим к ним, – это все частное. На производство межпланетных кораблей и станций по заказу государства монополия госсектора также не распространяется.

В-шестых, государство осуществляет инвестиционные программы в тех сферах, которые частный капитал по тем или иным причинам инвестировать не готов, хотя уже созданные и запущенные объекты коммерчески вполне жизнеспособны и привлекательны (они потом и продаются в частную собственность – держать в государственной собственности объекты, не относящиеся к чему-либо из вышеописанного, не положено). Если раньше, в первые десятилетия XXI века, к таким сферам относились преимущественно объекты с высоким инвестиционным барьером (то есть такие, куда частный капитал был и не против инвестировать, но потребные суммы с учетом рисков лежали за пределами его возможностей), то ныне это инвестиции либо в развитие отсталых регионов, либо в новые отрасли с еще не доказанным коммерческим потенциалом. Например, государству надо было развить экономику Кавказа из социальных и внутриполитических соображений, но желающих делать это частников не находилось. Когда же масштабная программа такого рода была проведена государством и весь облик региона (не только экономический) вследствие этого радикально изменился, то в силу исчезновения системных рисков уже не составило проблемы продать все находящиеся там государственные активы в частные руки.

В-седьмых, государству принадлежит основная часть земель страны. Земельное законодательство России достаточно любопытно, чтобы остановиться на нем подробнее.

Земля. Хотя частная собственность на землю и не запрещена российской Конституцией, в реальности ее практически нет – по крайней мере, нет крупного и даже среднего землевладения. Российский народ не понимает и, судя по его истории, никогда не понимал, как может принадлежать кому-то не просто чисто природный, но и полностью невосполнимый ресурс. С таким же успехом можно было бы владеть участком неба или космоса – русские считают это бредом. Да и в Библии прямо сказано: «Землю насовсем не продавайте, ибо вся земля Моя; вы у Меня на земле лишь пришельцы и поселенцы». Впрочем, русские делают из этого правила весьма обширное исключение, хотя для экономики и не принципиальное: разрешается иметь в собственности землю под круглогодичный или сезонный частный жилой дом, так называемый личный участок. Он не может быть более трех гектаров на человека, притом не более пяти гектаров на семью. Ограничение касается одного места – в разных местах страны вы можете иметь хоть десяток таких участков, но вы несете ответственность за то, что они используются вами преимущественно для личных, а не коммерческих целей. Остальная земля, которая еще в начале века находилась в частной собственности (были владения по несколько миллионов гектаров), была возвращена в государственную в 2013—2014 годах. Она изымалась по цене приватизации, а не рынка, но зато прежние владельцы имели преимущественное право на

предоставление ее в тот или иной вид коммерческого пользования без смены собственника. Такое предоставление называется арендой – если за пользование взимается ежегодная плата или приложением – если ежегодных платежей нет.

Аренда практикуется тогда, когда земля является существенным или основным ресурсом данного бизнеса и когда ее дается много – например, для ведения сельского хозяйства или для гольф-поля. По имперскому закону арендованную землю категорически нельзя огораживать или любым другим образом ограничивать проход граждан (это не распространяется, естественно, на особые случаи – если вы сделали, например, коммерческое стрельбище, то очевидно, что вы, наоборот, должны закрыть все проходы). Я поинтересовался, а как же сельхозпроизводители берут взаймы, если земля им не принадлежит, а госбанки (как, впрочем, и не гос-) требуют залог? Оказалось, что они кредитуются в специализированном Сельхозбанке, где залога не требуют, а вместо него заемщик подписывает обязательство, что после двух лет просрочки он отдаст определенную долю своего бизнеса банку и отвечает за то, что сам не бросит этот бизнес и не переключится на другой вид деятельности.

В *приложение* дают землю тогда, когда она носит для данного бизнеса второстепенный характер и ее относительно немного – например, под промышленным предприятием или под многоквартирным жилым домом (поэтому это так и называется); эту землю часто дают бесплатно, реже за единоразовый платеж, и, как правило, бессрочно.

Как вы уже поняли, дорогие соотечественники, во всех случаях есть целевое назначение земли, которое может быть разной степени детальности. Собственность на личный участок подразумевает отсутствие коммерческого использования, приложение – его использование под определенный тип бизнеса, а аренда требует точного описания, что именно там будет делаться и с какими параметрами, потому что от этого зависит сохранение и плодородия почвы, и экологического равновесия в данном месте. Земля может из выданной в приложение переходить в личную собственность – так происходит, когда застройщик подает заявку на выдачу земли под строительство нового поселка или городка. Такие заявки крайне поощряются, как способствующие приумножению жизни в Империи. Землю выдадут застройщику в приложение – если на конец года его заявка единственная, то бесплатно, а если их несколько, то тому, кто предложит больше денег. А когда он начнет продавать готовые дома, то землю под ними покупатели на свой выбор либо купят у Имперского управления государственных имуществ, либо возьмут в аренду у него же – цена земли известна заранее, потому что она записана в кадастре для каждого участка в стране и пересматривается не чаще одного раза в пять лет. Таким способом застройщик поощряется на взятие больших земельных массивов и превращение их в города и поселки, но лишается возможности спекулятивно зарабатывать на самой земле: дифференциальную ренту, то есть более высокую цену за хорошее местоположение, конечный потребитель заплатит не ему, а государству.

Проекты. Роль государства в реальном секторе экономики Империи не ограничивается, однако, только наличием государственного сектора. Не менее важным является осуществление экономических проектов общенационального масштаба, в которых может участвовать, и количественно даже доминировать, и частный капитал. Такого рода проекты были широко распространены в период Второй Империи, и уже в Период Восстановления к ним вернулись: в конце первого и начале второго десятилетия нашего века это было освоение Севера и Сибири (уже с 2006 года начала строиться Трансполярная магистраль Санкт-Петербург – Анадырь) и восстановление отечественной, в том числе военной, промышленности, то есть в широком смысле экономическая часть подготовки к войне. В 20-е годы это было освоение всей новой территории Империи – как ассимиляция Европы и других новых территорий, так и «подтягивание» старых в исторической России. В 30—40-е такими проектами стали строительство стратегической энергетики и начало освоения космоса. В 40- е – программа «утепления». Сейчас такого рода проектами являются уже не освоение, а заселение и полная интеграция всей Великой евразийской равнины и продолжение освоения космоса (этого хватит еще надолго, если не навсегда).

В российской экономике, системно испытывающей пробуксовку традиционных

источников роста (см. далее), общенациональные проекты – едва ли не главный ее локомотив, но этим их роль не исчерпывается. Потому что, кроме этого, они укрепляют чувство единства нации и осмысленности общей жизни и придают цель индивидуальной жизни миллионов людей. Я думаю, что без такого рода проектов – и в экономическом, и в более широком смысле – России в том виде, как она есть, существовать бы не могло; в частности, именно они, на мой взгляд, лежат в основе российского представления о сильной государственности как о самоценности. В этом смысле возврат к «проектному» управлению во времена Владимира II оказался не менее важным для возрождения России, чем идеологический поворот и государственное строительство.

Экономические проекты бывают и не такого глобального масштаба, а подчас ограничиваются одним крупным предприятием. Примером того, какие при этом используются подходы, служит государственная программа развития автомобильной промышленности, принятая в 2007 году. Эта отрасль в России на тот момент была представлена, в части легковых автомобилей, в основном одной компанией, АО «ВАЗ» (не считая предприятий по отверточной сборке иностранных автомобилей), существовавшей еще со времен Второй Империи. Эта компания производила около 800 тысяч сильно устаревших, плохих по качеству и при этом не дешевых автомобилей. В начале века шла борьба двух точек зрения на то, что с этим делать – или поощрять создание в России филиалов транснациональных автомобильных компаний, или каким-то образом попытаться способствовать возрождению национального автомобилестроения (точнее, рождению, поскольку всерьез его в России никогда и не было). В 2005 году возобладала вторая точка зрения, но российская экономическая мысль еще находилась в плену навязанных стереотипов о рыночной экономике, поэтому весь план заключался в том, чтобы государственная компания « Рособоронэкспорт», специализация которой понятна из названия, купила АО «ВАЗ» (это произошло в конце 2005 года). Предполагалось, что затем « Рособоронэкспорт» выступит инициатором слияния АО « ВАЗ» с АО « КамАЗ» (государственной компанией, производящей большие грузовики) и с АО « ГАЗ» (частной компанией, производящей городские грузовички и автобусы). Абсурдными подобные планы, безусловно, не были, но ожидать от них каких-то прорывов в отрасли – а нужны были именно они – не было никаких оснований. Но в 2007 году, после начала ухудшения отношений с Западом и осознания необходимости более активной промышленной политики, был озвучен совершенно другой подход. Государство объявило тендер на создание двух новых, конкурирующих друг с другом и с имевшейся компанией АО « ВАЗ», автомобильных корпораций. Проект включал в себя собственно корпоративное строительство, разработку модельного ряда, создание производства, обучение персонала, организацию сбытовой сети – русская школа называет это « корпорация под ключ». Победитель тендера должен был освоить отпущенные на это государственные деньги как управляющая компания, а собственность оставалась полностью государственной. Победили две компании, сингапурская и итальянская, причем обе не являлись автомобильными, а были инвестиционно-консалтинговыми. Это не случайность – мировые автомобильные компании к конкурсу не допускались, поскольку российская власть хотела иметь национальную промышленность, а не филиал транснациональной. Государство выделило на эти два проекта около 11 миллиардов долларов, взятых из золотовалютных резервов Центрального банка России. А для того, чтобы впрыск этих денег в экономику (той части, которая не уходила за границу) не вызвал всплеска инфляции, он был уравновешен продажей части акций этих автомобильных компаний. Средства, полученные от первичной продажи, были возвращены в Центробанк. Но еще важнее то, что вторичный оборот этих бумаг, ранее не существовавших, требовал для своего обслуживания дополнительных объемов денежной массы, позволяя и даже заставляя этим увеличивать ее агрегат. Более того, если вы затратили на создание и запуск компании 11 миллиардов и при этом все сделали правильно, то ее капитализация будет кратно выше – таковы универсальные законы рынка. Так по факту и произошло – в 2011 году, после начала выпуска продукции, капитализация этих двух компаний составляла уже 23 миллиарда долларов, а в 2015 году, после выхода на проектную мощность, – 42 миллиарда. В результате уже в 2012 году эти две компании выпускали более 2,5 миллионов « миассов» и « каштанов», одних из лучших в мире

автомобилей, создав 300 тысяч новых рабочих мест и увеличив ВВП России на 6%, а с учетом мультипликатора смежных отраслей – два с половиной миллиона рабочих мест и 22%. Но главное, организация подобных проектов стала универсальным принципом государственной инвестиционной политики: правительство затрачивает на создание новых компаний некое количество денег, а страна за счет фондового рынка получает потребность в дополнительной денежной массе, существенно большей этого количества.

Кстати, похожий механизм обеспечения постоянного роста экономики за счет эмиссии, но без инфляции использовался и США начиная с 80-х годов XX века. Такой подход годится не для любых отраслей, а лишь для тех, где главным лимитирующим фактором является высокий инвестиционный барьер и барьер рисков. Но именно такие отрасли и стали главным локомотивом российского экономического возрождения, обеспечивая рост ВВП в отдельные годы до 20%. Причем далее для этого использовались уже не резервы, а просто эмиссия (русская экономическая школа ввела для этого специальный термин – « обратимая эмиссия»). Не будет преувеличением сказать, что такой подход – создание за государственные, в том числе эмиссионные, средства готовых действующих корпораций, с последующей продажей их акций и возвратом затраченных средств, как правило расширенным, – стал новым словом в управлении экономикой и далее неоднократно воспроизводился другими странами.

Антимонопольная политика. Важная особенность российской экономики – весьма активная антимонопольная политика. Государство относится к ней очень серьезно, считая ее ключевым инструментом обеспечения высокой эффективности экономики в целом (а значит, и военной мощи). Это видно из того, что даже в чисто государственных сегментах рынка, например в банковской или нефтегазовой отраслях, власть имеет не одного, а четыре—шесть конкурирующих между собой хозяйствующих субъектов.

Важную роль в антимонопольной политике России, как и у нас, играет запрет картельных соглашений и других проявлений несправедливой конкуренции; но гораздо более значимую часть в ней составляет так называемое прямое действие. Означает это вот что: если Имперская антимонопольная служба замечает, что в каком-то сегменте рынка появляются доминирующие субъекты и ограничивается конкуренция, но без картельного соглашения и других нарушений закона, а естественным образом, то она принимает и начинает реализовывать программу стимулирования конкуренции. Приведу пример, из которого станет понятно, как это происходит: в конце 20-х – начале 30-х годов, когда на российском рынке появилось и массово распространилось вирту, абсолютно доминирующей оказалась компания «Виртусофт» – именно она первой создала операционные системы виртуальной реальности и разработала стандарты для виртустанций. Естественно, догнать ее впоследствии стало другим не по силам, хотя она и не использовала никаких нечестных приемов. У нас были очень похожие случаи – с начала XX века до 70-х годов монополистом в области телефонии была компания Белла АТТ, которая ее и изобрела, а в 80—90-е годы XX века практическим монополистом по домашним операционным системам стала компания Гейтса « Майкрософт», которая их впервые разработала. Обеим компаниям инкриминировалась властями нечестная конкуренция в виде разработки стандартов – хотя всем очевидно, что они просто не могли этого избежать. Аналогия, как видите, полная – но если у нас в обоих случаях проблема решалась сначала гигантскими штрафами и ограничениями, а впоследствии принудительным разделением, то в России все было не так (принудительного разделения там вообще не существует). Принятая Антимонопольной службой программа включала разработку в государственных научных центрах альтернативных систем виртуальной реальности с последующей передачей их в частный сектор на льготных условиях; выдача льготных (то есть необеспеченных) кредитов частным фирмам на то же; создание государственных фирм для запуска производства альтернативной техники под это, с их последующей приватизацией; и выдача льготных кредитов частным фирмам на те же цели. В результате к 2040 году доля «Виртусофта» на рынке снизилась до 32% (ныне 23%) – при том что никаких мер против этой компании не применялось: то, что ее доминирование не полезно для экономики, не есть ее вина. Так работает система прямого антимонопольного действия.

А вот другой пример: в 20- х годах ряд общественных организаций потребителей пожаловались государству на несуразно высокие цены нотариусов, доходящих до 2% цены сделки за десятиминутную работу по ее заверению. Однако проведенная оперативная разработка не выявила сговора – скорее это был негласный консенсус. Тогда Антимонопольная служба открыла большое количество новых нотариальных контор, на которых висела вывеска «Ответственность Империи», что очень нравилось потребителям, и цены в которых к тому же были практически демпинговыми по сравнению с прежними нотариусами. В результате весьма значительное число старых нотариальных контор было вытеснено с рынка, а оставшиеся вынуждены были очень сильно снизить цены. После этого работники новых контор получили возможность в кредит выкупить их у государства, притом с сохранением знака (все это изначально и предусматривалось контрактами с ними). После этой истории, получившей широкую огласку, представители любой аналогичной профессии, например адвокаты, много раз подумают, прежде чем решатся повышать цены на свои услуги.

Российская антимонопольная политика в части системы прямого действия оказывает особое влияние на рынок бытовой техники и особенно автомобилей, делая такие изделия сильно отличными от наших. Дело в том, что и у нас, и в других странах машины и технику в целом, а также отдельные их узлы и детали специально делают не слишком долговечными – то есть искусственно и целенаправленно ограничивают их срок службы (это называется запрограммированный износ). Цель этого понятна – если автомобиль в целом будет служить двадцать лет, а отдельные его запчасти – десять, то люди будут менять их достаточно редко, что приведет к сворачиванию автомобильной промышленности. Общество относится к этому с пониманием: может, и лучше было бы иметь более долговечные вещи, но платить за это снижением темпов экономического роста не хочется – ведь это повлечет за собой и уменьшение числа рабочих мест и их оплаты, и уменьшение бюджетных трат. Но понятно и то, что принцип запрограммированного износа может работать только тогда, когда ему следуют все без исключения производители: достаточно одному из них выбросить на рынок существенно более долговечный товар за ту же цену, как люди начнут брать только его.

В России же описанный принцип считают жульничеством, поэтому Антимонопольная служба подошла к этому вопросу достаточно жестко. Причем ей ни разу не пришлось прибегать в этом вопросе к прямому действию – достаточно оказалось угрозы. Еще в 10- х годах служба собрала у себя руководителей всех крупных компаний, производящих изделия длительного пользования, и четко предупредила их, что им дается на реорганизацию три года, после чего эксперты службы начнут мониторинг вновь выпускаемых изделий на предмет запрограммированного износа. Если таковой выявится, были предупреждены компании, то служба создаст новые компании-производители и накачает их деньгами, поручив им начать выпуск техники, служащей намного дольше, – посмотрим, каким образом вы будете с ними конкурировать. Но это при условии, если не обнаружится сговора – а если обнаружится, то вы в дополнение ко всему получите еще и уголовные дела. Угроза сработала – у действующих компаний в такой ситуации просто не было выбора, – и ныне российские автомобили и запчасти к ним, как и бытовая техника, действительно служат гораздо дольше наших.

«Но как же так, – недоумевал я, – это ведь должно неизбежно привести к тому, что люди будут гораздо реже менять машины, а значит, резко упадет производство автомобилей – вам же хуже будет». – « Производство падает, но не резко, – отвечал мне Герхард Битрих, заместитель начальника Антимонопольной службы. – Люди действительно меняют машины реже, но вовсе не ездят на них по двадцать лет, которые эти машины легко могут прослужить. В наших условиях компании-производители вынуждены выпускать на рынок новые модели, которые радикально отличаются от предыдущих, потому что иначе не убедить потребителя поменять машину. На замену машины люди решаются потому, что новая модель качественно иная, а не потому, что старая физически развалилась. Наша задача – создать условия, чтобы производитель вынужден был действовать именно так». И действительно, дорогие соотечественники, у русских новые модели машин у каждого производителя появляются реже, но они, как правило, совершенно не похожи на предыдущие – это

существенное отличие от нашего авторынка, где модельный ряд обновляется гораздо чаще, но при этом новинки обычно практически ничем не отличаются от своих предшественников.

Реклама. Еще одна любопытная особенность российского реального сектора – в России почти нет рекламы, во всяком случае ее качественно меньше и она качественно проще, чем в нашей Федерации, Индии или Поднебесной. Это требование имперского законодательства – Закона «О рекламе» 2013 года и Закона «О психической защите нации» 2015 года. До того, еще в первом десятилетии нового века, рекламы в России было больше и она была даже навязчивее, чем у нас.

Первый закон устанавливает, что реклама должна быть по существу, то есть в ней не должно быть изображений, персонажей, сюжетов и сообщений, не относящихся прямо к рекламируемому товару. Все вы знаете нашу теле– и виртурекламу кока-колы с безответно влюбленным в одноклассницу мальчиком, на которого она обращает внимание только тогда, когда он угощает ее кока-колой. Так вот, в Империи эта реклама была бы мгновенно признана незаконной, потому что ни мальчик, ни девочка, ни любовь никакого отношения к напитку, тем более безалкогольному, не имеют. Даже вполне невинные, казалось бы, наши рекламы домашней техники, с симпатичной домохозяйкой, рассказывающей, как она теперь довольна стиркой, по русскому выражению, «не катят» – актеров-персонажей по закону вообще не должно быть. Можно показывать только сам товар и говорить лишь о нем, притом только о его сущностных свойствах. Если рекламируется, например, одежда, которую трудно показать без человека, то ее показывают на манекене. Соответственно запрещена и так называемая имиджевая реклама, включая щиты или растяжки типа « Такая-то компания поздравляет россиян с Новым годом». Также запрещено использование известных людей (спортсменов, актеров, певцов) – и изображений, и просто имен; это относится даже к тем случаям, когда они сами являются владельцами фирм – производителей рекламируемого товара. Кроме того, по этому закону в рекламе не должно быть лжи – поэтому штучки типа «С тех пор, как я стал пользоваться этим кремом для бритья, все девушки от меня без ума» категорически не допускаются. Также не допускается иных, кроме неотредактированных фотографических, изображений товара – то есть показывать на рекламном щите нарисованное жилое или офисное здание, которое еще не построено, нельзя. Не допускается сравнений и оценок – то есть слоганов типа «Самый надежный инвестиционный фонд России» или «Лидер продаж в таком-то секторе», даже если это правда. Категорически запрещены в рекламе явно психоделические фразы, типа «Ты самый лучший» или «Все будет хорошо». Таким образом, этот закон ограничивает рекламу, по сути, информационными сообщениями. Кроме того, для ряда категорий продуктов, например лекарств, запрещена даже и такая реклама. Хотя вместе с тем реклама алкоголя и разрешенных наркотиков в России не запрещена – то, что разрешено продавать, разрешено и рекламировать, – реклама же лекарств и тому подобного не допускается лишь для того, чтобы люди не занимались опасным самолечением.

Второй закон (та его часть, где идет речь о рекламе) запрещает использование психоделических приемов любого рода. У нас тоже есть такие запреты, например еще с XX века запрещен так называемый 25-й кадр, – но русские понимают психоделический прием существенно шире, как любые воздействия на подсознание – символом, образом, тембром голоса или иного звука. Телевизионная реклама поэтому вообще запрещена, в том числе в Сети. В определенных случаях воздействием на подсознание могут счесть и просто слишком частое повторение некоей рекламы, даже сделанной без нарушений, – в этом случае предпишут увеличить расстояние между щитами с этой рекламой на улице или трассе или время между ее повторами по радио или в Сети.

Смысл запрета в том, что, по представлениям русской экономической школы, воздействие на человека настоящей, не ограниченной такими способами рекламы любого товара гораздо сильнее, чем самого товара. Поэтому основные усилия субъектов бизнеса начинают тратиться не на то, чтобы улучшить или удешевить товар (это сложно и долго), а на то, чтобы лучше его подать, – экономика становится все более виртуальной. Что-то в этом есть, дорогие соотечественники, – если по дорогим товарам, где люди и у нас ориентируются в первую очередь не на рекламу, например по автомобилям, русские в качестве нас не превосходят, то качество товаров простых (еды, одежды, электроники) в России явно выше.

Налоги и бюджет. Налоговая система России проста, хотя в своей конкретике довольно необычна. При этом она весьма стабильна – об изменении ставки или порядка взимания налога по Конституции положено объявить не позднее чем за три года. Налогов с чистого дохода (то есть налога на прибыль корпораций и подоходного налога с физических лиц), которые с XIX века являются основными налогами во всем цивилизованном мире, в России нет вообще. Главный российский налог– это налог на имущество; его ставка меняется редко даже по российским меркам (то есть попросту не менялась с момента введения этого налога в 2013 году) и составляет 5% в год. Под облагаемым имуществом юридических лиц (или физических лиц – предпринимателей) понимаются реальные активы по цене приобретения, с вычитанием нормативного износа и добавлением фактически произведенных затрат на ремонт. Кроме того, для каждого объекта недвижимости раз в пятнадцать лет проводится переоценка так называемого источника дифференциальной ренты, то есть того компонента рыночной цены, который связан с землей (местоположением). Облагаемым имуществом являются также деньги, нематериальные активы по балансовой цене, а также котирующиеся финансовые активы типа лотов и опционов на биржевые товары, акций, паев и т. п. – по средневзвешенным котировкам текущего финансового года. Крайне существенным является то, что налогооблагаемая база не снижается на сумму обязательств – даже свободные деньги на счете облагаются одинаково вне зависимости от того, собственные они или заемные. Таким образом, налог на имущество – это налог на активы, а не на чистый капитал. Причем российской власти безразлично, что вы можете обременить свою фирму обязательствами (например, оформив свои здания и оборудование как аренду, а не как собственность), снизив тем самым свою облагаемую базу – ведь она вырастет ровно на ту же сумму у кого-то другого (в нашем примере – у арендодателя).

Под подлежащим обложению некоммерческим имуществом граждан понимаются деньги и финансовые инструменты, недвижимость и часть движимого имущества (транспортные средства, мебель, драгоценности, произведения искусства). Одно домовладение (дом или квартира) на семью, вместе с находящимся в нем движимым имуществом, облагается по половинной ставке, причем есть необлагаемый минимум (ныне – 20 000 рублей). Если гражданин является бизнесменом, он отдельно исчисляет и платит налог на капитал в бизнесе и отдельно на остальное, некоммерческое имущество; при этом один и тот же объект не может облагаться дважды.

Никаких изъятий и льгот по этому налогу, как и по другим, в России нет, за исключением так называемых некоммерческих организаций. Ими здесь называются такие религиозные, общественные, земские или имперские организации, которые не занимаются и не могут по своим уставам заниматься никакой хозяйственной деятельностью, – они налогов не платят. Но понимают это в Империи весьма жестко – для того, чтобы получить такой статус, необходимо иметь запись в уставе и инструкцию в расчетном банке о том, что на счет не могут зачисляться деньги из любых источников, кроме как от учредителей или благотворителей, а списываться могут только на строго уставные задачи (нарушение этого трактуется в уголовном плане не как неуплата налогов, а гораздо жестче – как мошенничество). А вот организации, которые могут заниматься хозяйственной деятельностью – не важно, ограниченно либо без ограничений, – но не могут полученный доход разделять между учредителями, называются в Империи бесприбыльными организациями, и налоги они платят как все.

Для хозяйствующих субъектов есть второй главный российский налог – *налог с продаж*. Он время от времени меняется и сейчас составляет 5%. Это не налог на добавленную стоимость и не налог на розничные продажи – это налог с оборота, взимаемый с каждой трансакции. Таким образом, одно из его последствий состоит в том, что цена товара тем больше, чем больше трансакций он прошел по пути от производителя к потребителю. По этой причине такие налоги не приживались в западном мире, хотя их неоднократно вводили в период войн. Но русские сочли, что если проявить твердость и перетерпеть, то экономика под прессингом конкуренции к нему приспособится – и действительно, ныне он способствует не столько повышению цен, сколько выдавливанию с рынка лишних паразитических звеньев.

Есть еще *социальный налог* – 15% от заработной платы или дохода; с зарплат его платит работодатель, а самозанятое население, получающее доход, платит его само. В обоих случаях облагаемая база определяется по факту, но не ниже половинной и не выше двойной от средней по стране зарплате. То есть богатые люди, получающие большой доход, платят с него весьма незначительный (в процентах) социальный налог; бедных же это не особо раздражает, потому что они получают зарплату, а не доход, с которой платят налог не они, а работодатели. Более того, в России давно и активно дискутируется идея перехода на подушный социальный налог, вообще не зависящий от дохода. Социальный налог не смешивается с бюджетом, а поступает в два отдельных социальных фонда, которые хотя и функционируют под Имперским управлением финансов, как и имперский бюджет, но исполняются независимо от него. Из них идут выплаты по социальному страхованию (больничные листы и т. п.) и пенсии. Эти три налога главные; есть еще взимаемый с граждан старше 25 лет *налог на малосемейность* – 20% их дохода при отсутствии детей и 5% при одном ребенке. При одном усыновленном ребенке вы платите 10%, а если вы физически не можете иметь детей – то как при родном, 5% (при двух усыновленных – ничего, как и при двух родных). Также 10% платит женщина, родившая одного ребенка, но отдавшая его в детдом или в другую семью; ко всему этому добавляется 5% при отсутствии супруга (при наличии двух и более детей не добавляется) – то есть максимально этот сбор может составлять 25% дохода.

В российской налоговой системе, как и у нас, существуют *акцизы* на некоторые товары и услуги, которые государство не хочет запрещать, но желало бы ограничить (не без пользы для бюджета), – но их не много. Остальные налоги второстепенны и существенно не меняют суммарную налоговую нагрузку. Общий ее объем – 26% от ВВП для консолидированного бюджета Российской Империи – достаточно невелик (у нас, напоминаю, 15% ВВП составляют федеральные налоги, 9% налоги штатов и 12% местные – итого 36% ВВП Американской Федерации).

Бюджетов в России два, имперский и земский; второй имеет три уровня: общин, земств и общероссийский, причем базовым является первый – исходное наполнение происходит только там, и, если община не захочет, она может ничего не передавать в земство и далее (она может, собственно, и не входить ни в какое земство). В бюджет общины зачисляется весь налог и все акцизные сборы с продаж на ее территории, но только с розничных – потому что про остальные трансакции, происходящие в основном в электронном виде, невозможно сказать, где они произошли. Туда же зачисляется половина налога на недвижимое имущество граждан и корпораций, физически находящееся на ее территории, и на их движимое имущество, если они проживают (находятся) на ее территории. То есть половину налога на имущество в части движимого имущества гражданин или бизнес платят в общину по месту своего проживания или соответственно регистрации, а в части недвижимого имущества – в общину по месту физического нахождения имущества. Вторая половина налога на имущество идет в имперский бюджет, и туда же поступает весь налог на имущество с тех граждан и предприятий, которые живут или находятся вне какой-либо общины (см. главу «Государственное устройство»). От него половина также поступает в общины, но распределяется по всем общинам Империи пропорционально численности населения. Эти поступления, вместе с еще частью средств, поступающих в общины, называются трансфертами на выравнивание уровня жизни, которое считается важной государственной задачей, потому что без этого начинает размываться чувство единства страны. Тем не менее общины и земства, имеющие бизнесы на своей территории, находятся в существенно лучшем положении. Поэтому, например, земства из кожи вон лезут, чтобы построить побольше дорог (как внутриземских, так и магистральных трасс совместно с другими земствами) – потому что эти дороги становятся территорией земства, и находящиеся там электроводородные АЗС (как и кафе, и любые другие бизнесы) начинают платить земству весь свой налог с продаж и половину налога на имущество – а свою часть трансфертов земство как получало, так и получает. Земские бюджеты также получают субвенции на те сферы (в основном здравоохранение и образование), которые управляются земской властью, но представляют общеимперскую систему и потому финансируются из имперского бюджета.

В формировании же последнего налоги вообще не играют доминирующую роль: более значимая роль у доходов от госсектора и сборов от других госимуществ (включая плату за землю и природопользование) – 82% от имперского бюджета России (35% от консолидированного) по 2052 году. Именно это дает России возможность иметь более низкую налоговую нагрузку на ВВП, чем у нас, хотя траты государства там не меньше, а больше.

Православные ценности в экономике. Экономика не является для российской власти первичной задачей, хотя и важна для нормального решения остальных задач; поэтому для государства немаловажное значение имеет, насколько базовые принципы экономики соответствуют православному духу. Надо отметить, что упомянутые принципы также соответствуют ценностям и исламским, и иудейским – как указывал еще в начале века в своих работах основатель неоевразийской школы Дугин, это общеевразийские принципы, имеющие единый исток во всех авраамических религиях (кроме католицизма и особенно протестантизма – русские считают, что там эти принципы извратили). Что имеется в виду? Фактический запрет на ростовщичество – притом гораздо более справедливый к людям, нежели запрет прямой, потому что им предоставляется реальная возможность получить беспроцентный кредит. Запрет на частное владение землей, как и на частную эксплуатацию недр, – опять-таки с учетом традиционного уклада жизни. Обязательное наличие контрольного пакета в публичных компаниях – для защиты мелких акционеров. Запрет зомбирующей рекламы, в реальности лишающей человека возможности выбора. Налоговая система, продуманная таким образом, чтобы сделать почти невозможным существование рантье. Даже наличие золотого стандарта не в последнюю очередь связано с тем, что именно золото и серебро являлось деньгами в ветхо– и новозаветные времена. Причем российская власть прекрасно понимает, что многое из перечисленного тормозит экономику, но для них это не имеет никакого значения, потому что экономика и в конечном счете богатство населения и государства воспринимается властью как вещи важные, но второстепенные в сравнении с правильным устройством жизни.

Есть и другие примеры христианских ценностей в экономическом законодательстве, например закон о прозрачности: по нему в России нет тайны вклада – все вклады в банках абсолютно открыты, причем не только для полиции или спецслужб, а для любого желающего – банки обязаны отображать в Сети все вклады в реальном времени. То же относится к реестрам акционеров ЗАО и ПАО, дольщиков ООО и держателей паев инвестиционных фондов, а равно к регистрам недвижимости и базам налогоплательщиков. То есть любой человек, запустив поисковик, может через десять минут узнать про любого другого человека все – сколько у него денег и где, сколько и каких ценных бумаг, бизнесов и недвижимости и сколько он платит налогов. Причем ООО могут быть учреждены только физическими лицами, а ЗАО – и юридическими, но только теми, которые сами учреждены физическими лицами. Для простоты практической реализации этого соответствующие акционерные общества обозначаются по закону как ЗАО (КУ), то есть с корпоративными учредителями, и они сами не могут учреждать новых обществ (это относится и к ДП – 100%- м дочерним предприятиям). Таким образом, в России не может быть ситуаций, когда специально создается запутанная корпоративная структура, чтобы скрыть от публики, что кому на самом деле принадлежит, – как и ситуаций, когда корпорация публично оправдывает свое действие или бездействие тяжелым финансовым положением, а сама распухает от денег. Тому, у кого совесть чиста, скрывать нечего, считают русские; а кроме того, как сказал Спаситель, «нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и ничего тайного, что не было бы узнано».

Милосердие, даже и к виновным, проявляется в российском законодательстве о неплательщиках налогов: если они не хотят их платить, их все же наказывают, хотя и не насильственным образом (см. главу «Правоохранительная система»). Но вот если они просто не в состоянии заплатить их, то неплательщиков не только не наказывают, но и не выселяют. То есть если, допустим, вы задолжали по налогам, но живете в дорогом доме (доставшемся в наследство, например, или сохранившемся от лучших времен) и следствие выяснит, что все, кроме прожиточного минимума, вы честно платите в счет погашения задолженности, то из дома вас выселять нельзя. Это относится, естественно, только к одному дому или квартире на

семью. Даже если вы унаследовали роскошный дом и не хотите его продавать, но для того, чтобы заплатить налоги, вам не хватает средств, а свой предыдущий дом и остальную часть наследства вы и так продали, на этот дом взыскание направлять не будут. Вместо этого вам оформят так называемый налоговый долг (беспроцентный, естественно), который вы должны заплатить тогда, когда у вас появятся деньги. Более того, если вы обратитесь с заявлением, что вы просите ничего не брать с текущих доходов вашего бизнеса, несмотря на наличие на вас налогового долга, для того чтобы вложить их, заработать, встать на ноги и заодно погасить задолженность, вам разрешат это сделать (правда, проверив вашу искренность технодопросом). Кстати, выселять семью из единственного дома или квартиры, даже из большой и дорогой в меньшую, запрещено и по другим, неналоговым долгам (поэтому, кстати, нельзя получить кредит под залог единственной квартиры). Тот аргумент, что для рыночной экономики это является тормозящим фактором, представляется русским сатанинскими рассуждениями (« прелестью»). Это относится и к задолженности по коммунальным платежам: в конце концов, это дело оператора тепло– и электрораспределительных сетей, как ему сделать так, чтобы одну квартиру технически можно было отключить за неуплату (это по закону не возбраняется).

Общая структура экономики. Что касается макропараметров российской экономики, то они следующие. ВВП Российской Империи (все данные за 2052 год) составил 12,79 триллиона рублей, или чуть больше 50 триллионов наших долларов, – 22,2% мирового валового продукта. Это второе-третье место в мире по абсолютному значению (у нас на 10% больше, а у Поднебесной ровно столько же), но по удельному значению, то есть по количеству произведенного продукта на душу населения, показатели в России практически такие же, как у нас, и на 70% больше, чем в

Поднебесной, потому что в Империи меньше население (в Индии и Халифате оба значения – и абсолютное, и удельное – значительно меньше). Темпы роста производства составили в 2052 году в России 5,2%, примерно столько же, сколько и во все последние годы. Это немного больше, чем у нас (4,4%), и ровно столько же, сколько в Поднебесной, – то есть если экстраполировать, то Империя и Поднебесная ноздря в ноздрю постепенно догоняют нас по общему ВВП, а по удельному ВВП Империя уже в ближайшие два-три года выйдет на первое место в мире.

Средняя зарплата в России работающих (включая доходы самозанятых) – 287 рублей в месяц – несколько меньше, чем у нас, за счет меньшей доли фонда потребления в ВВП. Совокупная денежная масса агрегата М2 составляет 6,1 триллиона рублей, обеспеченность золотом и другими драгоценными металлами составляет около 6,75% агрегата М2 (102 тысячи условных тонн золота), но поскольку агрегат М0 (наличные деньги) составляет около четверти М2, то наличные деньги обеспечены драгметаллами более чем на четверть, чего вполне достаточно.

Внешнего долга у Империи, естественно, нет, внутреннего государственного долга тоже – без ссудного процента государство и не могло бы привлечь заемные средства, даже если бы хотело. Совокупный внутренний долг граждан и организаций составляет 14,4 триллиона, то есть 113% годового ВВП (у нас около 270%).

Экспорт составляет 680 миллиардов долларов, импорт – 632 миллиарда (1,3% и 1,2% ВВП – у нас по 10,8%). Валютные активы Центробанка для продажи импортерам составляют около 460 миллиардов долларов (на 8 месяцев импорта). Импортируются в основном так называемые колониальные товары (то есть не произрастающие в России или произрастающие не того качества растения и продукты из них – например, китайский чай, бразильский кофе, узбекские дыни, виргинский хлопок, эквадорские бананы), национальные предметы роскоши (например, японское саке, мексиканская текила, индийские пашмины, кубинские сигары, китайский шелк), южноамериканский кокаин, южноафриканское золото и североамериканское серебро, минералы, не имеющиеся в Империи в нужных количествах (африканские и австралийские бокситы и глинозем, монгольский молибденовый концентрат, колумбийские и бирманские изумруды и сапфиры), а также немногочисленные высокотехнологические материалы и в меньшей степени промышленное оборудование, которое русские сами еще не освоили. Экспортируются в основном электроэнергия и

водород, некоторые металлы (никель, титан, палладий), тоннажные химические продукты, национальные предметы роскоши (французские вина, шотландское виски, русская икра, итальянская мебель, швейцарские часы) и некоторые машины и материалы, в основном для космоса.

По своему базовому типу российская экономика в принципе схожа с нашей – это рыночная экономика, основанная преимущественно на частных собственности и инициативе, где даже государственный сектор работает в рынке на общих основаниях. Вместе с тем целый ряд конкретных отличий, описанных в настоящей главе, приводит к появлению у нее, в качестве последствий, весьма специфических черт общего характера.

Во-первых, налоги на имущество и оборот не дают российским субъектам рынка вырасти сверх определенного размера. Дело в том, что эти налоги, в отличие от налогов на прибыль и добавленную стоимость, очень выгодны тем, чья эффективность выше средней, и весьма невыгодны тем, у кого она ниже. А эффективность падает с размером бизнеса, это непреложная закономерность – если бы это было не так, то самой эффективной была бы централизованная государственная экономика. Давайте рассмотрим на примере, как это происходит: допустим, вы имеете капитал, вложенный во что-то – не важно, в недвижимость ли, в акции ли или в активный бизнес, – и он приносит вам чистыми (то есть после всех расходов и уплаты налога с продаж) сугубо среднюю по России отдачу, 18% годовых. Налога с имущества вы заплатите 5% в год, что составит 27,8% от чистого дохода (5% разделить на 18%) – чуть меньше, чем у нас. Но если ваш бизнес малоэффективен и вы получили всего 10% в год отдачи на капитал, то, поскольку налога на имущество вы все равно заплатите 5%, он составит уже 50% от чистого дохода – ставка почти запретительная. А если отдача будет менее 5% в год, то ваш капитал вообще начнет таять. Если же ваш бизнес высокоэффективен и вы получаете, например, 30% в год отдачи, то ваш налог на имущество составит 5%:30%, то есть 16,7% от чистого дохода – почти офшорная ставка. Аналогично с налогом с продаж: если ваше предприятие продало товара на один миллион и имеет внутреннюю рентабельность 25% (то есть 750 тысяч издержек и 250 тысяч рентабельности), то без учета налога с имущества вы заплатите налога с продаж 20% от «грязного» дохода (50 тысяч от 250). Но чем выше ваша рентабельность по текущим операциям, тем меньший процент от дохода составит налог с продаж, и наоборот. Так работают эти налоги, делая жизнь совсем сладкой тем, кто хозяйствует наиболее эффективно, и отсекая малоэффективные бизнесы; причем оба налога работают именно в паре – налог на имущество стимулирует эффективность капитальной деятельности (отношение дохода к капиталу), а налог с продаж стимулирует эффективность текущей деятельности (отношение дохода к выручке). Вы можете спросить: а зачем стимулировать высокоэффективных субъектов, ведь рынок делает это и без всяких налогов? Но в том-то и дело, что так происходит только при примерном равенстве участников – а огромная корпорация имеет огромную фору перед гораздо более эффективной, но существенно меньшей по размеру. Российская же налоговая система сводит это на нет – малоэффективная корпорация не может выжить при ней, какие бы неравные, получестные или вовсе нечестные приемы конкурентной борьбы она ни применяла.

Вот и получается, что в России нашли простое лекарство от главной проблемы капитализма, вскрытой еще Марксом в XIX веке, – что капитал обладает положительной обратной связью, то есть что капитал в рыночной экономике имеет тенденцию к беспредельному концентрированию. Помешать этому можно лишь искусственно, например жесткими антимонопольным законами, причем трактуемыми расширительно, – и то это только замедляет процесс. Крайние реакции общества на эту проблему – либо надеяться, что все как-то само образуется, что имеет место у нас, либо вовсе запретить рынок и капитал, как в России в 1917 году. Но российские философы уже в нашем веке поняли, что на самом деле капитал обладает положительной обратной связью не потому, что с его концентрацией возрастает его эффективность – она, наоборот, падает, по чисто управленческим причинам, – а потому, что возрастает возможность неравной конкуренции, с избытком компенсирующая падение эффективности. И вот на основе этого понимания был найден естественный противовес в виде вышеописанных налогов, не выходящий за пределы рыночных регуляторов. Я нашел исторический аналог– в тех странах, гд е существовал высокий

земельный налог, не возникали латифундии (точнее, возникали, но не удерживались), потому что большие земельные массивы в принципе невозможно эксплуатировать с той же интенсивностью, что у фермера на его паре сотен акров. Точно так же российская налоговая система естественным образом устанавливает пределы роста компаний.

Что же касается состояний отдельных лиц, то есть и второй естественный ограничитель: уже в XX веке (даже со второй половины девятнадцатого) очень большие личные состояния делались почти исключительно через акции; а фондовый рынок России и значительно меньше нашего, и возможность заработать на нем очень много весьма проблематична. Это обусловлено невозможностью распыления акционерного капитала ПАО (а иные не торгуются на бирже) более чем в два раза и обложением акций налогом на имущество по текущим котировкам, а не по цене покупки. К тому же когда надо платить налог 5% в год от цены акций, то никто не будет покупать акции, выплачивающие дивиденды, меньшие этого (иначе налог надо будет платить из своего кармана), а таких высокодивидендных акций вообще немного, да и резкие колебания курсов для них несвойственны. В результате богатых и даже весьма богатых в России много, а вот очень богатых практически нет – самый богатый человек Империи, Бейбут Байменов, имеет состояние в 2,6 миллиарда рублей, то есть 10,5 миллиарда долларов, а всего тех, кто имеет больше миллиарда рублей (то есть 4 миллиарда долларов), в России 28 человек. У нас же имеющих состояние более 4 миллиардов долларов 422 человека, имеющих более 100 миллиардов – 19, а Хорхе Лопес имеет состояние, превышающее триллион. В итоге бизнес в России, безусловно, является отдельной инстанцией власти (по теории множественных инстанций) – но лишь в том смысле, что он в основном сам устанавливает правила игры на экономическом поле. Влиять же на стратегию государства он при таком раскладе не может (российская власть к этому и стремилась, и народу это тоже нравится). Я пытаюсь представить себе, дорогие соотечественники, нашу Федерацию с бизнесом, но без магнатов – и у меня не очень получается: это явно будет другая страна.

Во-вторых, в России понятие « хозяин», то есть владелец, имеет гораздо более непосредственный смысл, чем у нас, – их экономика в основном построена на реальных хозяевах бизнеса в отличие от нашей. Все мы знаем, что у нас хоть экономика и частная, но понятие частного собственника в прямом смысле приложимо лишь к мелкому и небольшой части среднего бизнеса – а в остальной его части и тем более в крупном бизнесе оно размывается. Кого можно назвать собственником акционерного предприятия, где самый большой пакет – 10% (а бывает и гораздо меньше)? Тот, кому принадлежит этот пакет, вне всякого сомнения является его, пакета, собственником – но насколько оправданно считать его собственником предприятия? Все знают, что средними и крупными предприятиями управляют менеджеры, а не собственники – иначе и не может быть при распыленном капитале; но чем тогда совладельцы предприятия отличаются от рантье? Вопросы эти не праздные – по нашим основополагающим представлениям, сила частной экономики в том, что предприятиями руководят не чиновники, а хозяева, чьи интересы в принципе тождественны интересам предприятия. Ведь если нанятый менеджер, которого собственник лишь контролирует, может управлять не хуже хозяина, то в чем тогда наши преимущества по сравнению с государственными экономиками СССР или коммунистического Китая – менеджеров может нанять и контролировать и государство? Но как я уже указал, получается, что в истинном смысле этого слова хозяев у нас, кроме как в мелком бизнесе, не так уж и много; это стратегическая проблема, хорошо известная нашим ученым, которую пока непонятно, как решать. А в России все не так: как я уже писал, распыленности капитала там нет даже в больших ПАО – контрольный пакет обязательно принадлежит конкретному хозяину. В ООО и ЗАО по закону может быть и много владельцев, но в практике их почти никогда не бывает больше трех (кроме случая, когда у одного есть контрольный пакет – тогда миноритарных акционеров может быть и несколько). Это происходит все потому же – когда капитал вовсе не застрахован от таяния, мало кто решится де-факто устраниться от управления. Поэтому управленцы в России вплоть до уровня директора (технического, финансового, коммерческого и т. д.) – это профессиональные менеджеры, а вот генеральный директор, в отличие от нас, – это почти всегда хозяин. Таким образом, в России решена еще

одна базовая проблема капитализма, существующая с XX века, а именно проблема отчуждения собственника от управления предприятием в доминирующем секторе экономики – акционерных обществах.

Тем же образом решена и важная социальная проблема рыночного капитализма – ассоциация в сознании народа слов «капиталист» и «паразит»: в России нет рантье, есть только предприниматели. Потому что даже держатели акций и других ценных бумаг – не рантье, их риски достаточно высоки, как и смекалка, потребная от них для того, чтобы преуспеть или хотя бы не разориться (при игре на бирже это отнюдь не редкость). А истинной ренты, в гарантированных размерах, в Империи нет и быть не может.

В-третьих, российский бизнес, и мелкий и крупный, в среднем существенно менее ликвиден, чем у нас; сделать приличные деньги в Империи не сложнее, чем в Американской Федерации, но продать свое дело, выйдя в деньги, или, наоборот, купить за деньги готовое предприятие там гораздо менее принято. Главная причина в налоговом законодательстве – рассмотрим это опять на примере. Предположим, вы построили десять лет назад фабрику за миллион рублей, и в силу ваших больших производственных и маркетинговых успехов ныне она стоит три миллиона (дополнительные инвестиции, произведенные вами в течение этих лет, мы для простоты рассматривать не будем). Налог с имущества вы платите, естественно, с миллиона, а не с трех, то есть 50 тысяч в год. Когда же вы продадите ее за три миллиона, вы начнете платить налог уже с этих денег (или с того бизнеса, в который вы их разместите), то есть 150 тысяч в год, плюс к тому единоразово заплатите 150 тысяч налога с продажи самой фабрики. Зарабатывать же на эти деньги вы будете в общем случае не больше, чем со своей фабрики при меньших налогах (это если хорошо вложите – а если нет, они просто начнут быстро таять): так на хрена козе баян, как говорят русские? Но и вашему покупателю придется платить 150 тысяч в год, а не пятьдесят, как платили вы, хотя доналоговой прибыли фабрика вначале будет приносить ему столько же, сколько приносила вам. Таким образом, налог на имущество системно делает любой бизнес менее доходным в руках каждого следующего владельца по сравнению с предыдущим. Поэтому желающих продать свой бизнес целиком не так уж и много, а продать или скупить бизнес через акции нельзя в силу вышеописанного законодательства о контрольных пакетах; к тому же есть еще жесткое антимонопольное законодательство.

Но есть и другая причина: как я уже отмечал, в России подавляющее большинство бизнесов управляются непосредственно своими собственниками – а это значит, что, купив бизнес у предыдущего собственника, вы получаете его без руководителя, и вам совершенно неизвестно заранее, насколько он сможет при этом сохранить свои позиции на рынке; желающих купить такой бизнес за адекватные деньги найдется немного, и, когда кто-то желающий выйти в деньги и появляется, ему не так-то легко найти покупателя. Отсюда общая неразвитость рыночного сегмента покупки и продажи действующих предприятий. В результате российский бизнес гораздо более похож на тот, что был у нас в XVIII—XIX веках, когда предприниматель строил свой бизнес на много поколений или уж в любом случае на всю свою жизнь, а не был вольным инвестором, который сегодня заработал на одном, а завтра на другом. В России это важно в том числе с точки зрения примирения народа с богатыми – в православной культуре личное богатство не только не сакрализуется, как у протестантов, но довольно прямо осуждается. Так вот, вышеописанная «привязанность» предпринимателя к бизнесу, как и то, что он не может быть рантье, а должен постоянно заниматься своим делом, поддерживая его высокую эффективность, является одним из факторов такого примирения. Другим является то, что в России верят, что совсем уж неправедные пути к богатству у них закрыты государством и самим бизнес-сообществом, и, следовательно, те, кто его достиг, не так уж плохи. А вот европейская социалистическая апология богатства, заключавшаяся в том, что богатые плохие, но их нужно терпеть ради того, чтобы драть с них три шкуры в виде прогрессивного подоходного налога и тому подобного, в России не прижилась, как и марксистская или скандинавская идея уравниловки.

В-четвертых, в России гораздо сильнее конкуренция, чем у нас, – это проявляется не столько в том, что так уж трудно удержаться на рынке (количество банкротств на российском рынке не так и велико), сколько в том, что расслабиться и почивать на лаврах там, по

русскому выражению, «не прокатывает» и удалиться от дел, оставаясь владельцем, – тоже. Главным образом это связано с тем, что количество предпринимателей, в том числе постоянно появляющихся новых, очень велико – и из-за бесплатного кредита и других элементов государственной поддержки, и из-за общего настроя народа на бизнес, о чем я уже писал выше. Но еще важнее то, что само соревнование субъектов рынка в Империи гораздо более равное и творческое – и как результат антимонопольной политики, и потому, что на рынке значительно меньше гигантов и совсем нет сверхгигантов, и, главное, из-за крайней неразвитости рекламы. Ведь как вообще маленькая фирма может побеждать большую – только за счет большего раскрытия человеческого потенциала; но для этого необходимо, чтобы общая значимость творческих факторов была значительной – а у нас 90% успеха определяется интенсивностью рекламной кампании. Причем не надо думать, что сама реклама также есть творческий элемент – это, конечно, так, но вовсе не со стороны производителя рекламируемого товара или услуги, а исключительно со стороны рекламного агентства; со стороны производителя все определяется величиной рекламного бюджета, по которому соревноваться с большой фирмой невозможно. Иное дело сутевые свойства продукта – вкусность еды, элегантность и удобство одежды, надежность софта; здесь вы можете конкурировать на равных с кем угодно и побеждать за счет своего творчества, и если у вас хоть немного получается, то множество инвестиционных компаний наперебой предложат вам долевые деньги. Таким образом, про российскую экономику с полным основанием можно сказать известные слова «вечный бой, покой нам только снится» – но бой этот достаточно равный и потому интересный.

В-пятых, российская экономика имеет другие стимулы и моторы роста, чем наша или экономика Поднебесной. Неразвитая реклама, как и ряд других факторов, приводит к тому, что, хотя потребительский спрос Империи и огромен, он существенно меньше нашего и, главное, медленнее растет. Зачем тратить деньги через три года на новую машину, рассуждают многие русские, когда старая прекрасно пробегает еще столько же? Причем дело здесь отнюдь не только в рекламе: русские вообще склонны к несколько иному отношению к жизни, чем мы (я еще буду писать об этом), и, в частности, это выражается в том, что, хотя они вовсе не безразличны к материальным благам, те не играют в их жизни столь большой роли, как у нас. Особенно это относится к тем, кто уже не нуждается и более-менее обеспечен – для таковых не характерно (хотя бывают разные люди) с той же силой стремиться к максимальному росту личного потребления. Все это весьма похвально с духовной точки зрения, но остро ставит вопрос о том, а что же тогда будет движущей силой экономики, если не безудержный рост потребления? Ею в Империи являются инвестиции, зачастую, по сути, ради самих себя. Ведь если при том же количестве денег у населения общий потребительский спрос в России меньше, то куда-то же деньги должны деваться – вот они и идут в инвестиции (обычные накопления, как уже говорилось, там почти невозможны).

Общая инвестиционная активность населения в России существенно выше, чем у нас, – это и потому, что здесь доступен бесплатный кредит, и потому, что если не инвестировать деньги, то налог на имущество понемногу будет их подъедать; а иных, кроме реальных инвестиций, способов сохранить и приумножить деньги, когда нет депозитов и облигаций, а рынок акций неразвит и не склонен к сильным изменениям, нет. Не менее важным мотором экономического роста являются общенациональные экономические проекты, о которых говорилось выше. Русская программа освоения космоса гарантирует, что этого локомотива хватит на много веков. Анализ обоих этих моторов роста показывает, что российская экономика в большой степени работает сама на себя, а не на человека – как экономика древности, существовавшая не в последнюю очередь для строительства дворцов или пирамид и накопления сокровищ. Это зримо проявляется в том, что доля инвестиционных товаров и услуг в ВВП России существенно выше, чем у нас, а потребительских – ниже. Для России это не новость, так же была устроена экономика Второй Империи, которая хоть и добилась колоссальных хозяйственных успехов, но не смогла обеспечить соответствующий жизненный уровень народа; там это делалось сознательно – официально существовал принцип примата производства средств производства над производством предметов потребления. На самом деле в разумных пределах это вовсе не плохо (если соответствует

настрою народа) и способно долго обеспечивать стабильное развитие – лишь бы только качество и ассортимент товаров и услуг потребительского рынка (которые всем видны в отличие от инвестиционных) не начинали разительно уступать таковым в других странах, создавая у своего населения чувство неполноценности. Но России это пока явно не грозит, в первую очередь из-за жесткой внутренней конкуренции.

Ну и наконец, *в-шестых*, российская экономика полностью автаркична, как я уже писал в разделе «Автономность»; все особенности, описанные здесь, были бы без этого невозможны. Существует общее понимание, которого не может быть в полной мере у нас, что интересы общества и экономики тождественны, потому что не может быть, чтобы экономика развивалась, а барыши подсчитывались в другом месте, как и не может быть, чтобы денег прибавилось, а независимости убавилось. Это уже стало в России общественным архетипом – свои деньги могут обогащать только своих, а что хорошо для своих (в отличие от не своих), то в какой-то мере хорошо для всех. (В глобализованной экономике принцип «Что хорошо для „Дженерал Моторс“, то хорошо для Америки» уже не работал – это могло быть хорошо совсем для другого места.) Кто бы ни выиграл в конкурентной борьбе, стране в целом будет лучше – не то что в открытой экономике, где в случае, если ваши фирмы проигрывают иностранным, решительно ничего хорошего никому в вашей стране от этого не будет. И уж точно невозможно в России такое, чтобы то, кто выиграет, было бы здесь безразлично всем, потому что на рынке данного продукта страна есть не более чем арена соревнования чужих транснациональных корпораций.

С другой стороны, для предпринимателей и управленцев России важны только те процессы и изменения в окружающем мире, влияющие на возможности для их бизнеса, которые происходят внутри страны; здесь редко встретишь бизнесмена, читающего за завтраком международные новости. Но в своей стране русский бизнесмен не чувствует себя песчинкой. Да, его мнение не решающее, но у него есть все возможности и быть услышанным, и найти единомышленников, и объединиться с другими. Свое государство и услышит, и поможет; и все общество, в котором происходит что-то важное для тебя, – это не чужое и непонятное общество, а свое, с теми же представлениями и ценностями, что у тебя. Не чувствует себя русский бизнесмен и щепкой среди волн. Он не опасается того, что рухнет курс своей или чужой валюты, разразится региональный или мировой кризис или произойдет что-то еще, чего он и его коллеги не могут ни предвидеть, ни предотвратить. Поэтому здесь нет восприятия рыночных макропроцессов как слепой и пугающей стихии, с которой ты один на один и от которой нет защиты; и соответственно нет страха перед ними – русский бизнес не страшится перемен. Таким образом, в российской экономике преодолено характерное вообще для капитализма, но особенно для глобализованного, отчуждение капитала от своей страны. Из вышесказанного становится ясно, что экономика России, кроме как с первого взгляда, не похожа ни на американскую, ни на поднебесную или индийскую, не говоря уже о халифатской: она рыночная, но ее нельзя назвать либеральной, хотя она очевидно не является и социалистической. Мне кажется, что по совокупности описанных особенностей ее следует выделить в отдельный тип рыночной экономики, который я бы назвал империалистическая экономика (поскольку она имеет место в Российской Империи). Ее основными отличительными особенностями, если подытожить, является следующее: а) высокий уровень прямого участия государства в экономике (госсектор), но невысокий косвенный – частный сектор регулируется и дирижируется государством весьма незначительно; б) «распыленность» субъектов бизнеса, отсутствие компаний такого размера и профиля деятельности, чтобы прямо или косвенно влиять на государство в целом, – иными словами, отсутствие у частного капитала командных высот в экономике; в) примат инвестиционных и «освоительских» факторов экономического развития над потребительскими; г) высокий уровень автаркичности, причем воспринимаемый как самоцель и самоценность; д) архаичный, характерный для раннего капитализма, статус собственника, более слитый с собственностью и более привязанный к своему бизнесу в пространстве и времени, что делает источником обогащения в большей степени труд и талант и в меньшей – капитал.

Если вспомнить тезис о том, что практика есть критерий истины, то следует признать,

что такая экономика работает – причем, судя по экономическим успехам России, не хуже нашей либерально-капиталистической. Если сравнивать их по эффективности, то главными минусами Российской Империи по сравнению с Американской Федерацией являются невозможность иметь столь большую денежную массу, как у нас, из-за гораздо меньшей вовлеченности капитальных ценностей в оборот, меньший потребительский спрос и автаркичность. Но они вполне компенсируются бесплатным кредитом, меньшей налоговой нагрузкой, большей конкуренцией, большим государственным спросом и большей мотивированностью владельцев. Так что не исключено, что империализм есть высшая стадия капитализма.

Глава 8

Социальная сфера

Социальное обеспечение. Пенсионная система в России чисто государственная, по крайней мере ее регламентированная законодательством часть; пенсионных фондов профсоюзов и других негосударственных пенсионных фондов, таких как у нас, там нет. Пенсионный фонд России является госучреждением, и государство полностью отвечает за него имперским бюджетом и всеми активами Империи. Он формируется за счет поступлений социального налога (11,7% заработных плат и доходов из общих 15%), подчиняется бюджетному агентству Имперского управления финансов и исполняет свой бюджет через имперское казначейство – а следит за этим Имперская служба надзора за социальным обеспечением. При нехватке средств Пенсионного фонда для обеспечения установленных законом пенсий ему в обязательном порядке дает взаймы имперский бюджет, а при избытке средства возвращаются либо накапливаются. Обратная процедура, то есть заем средств бюджетом у Пенсионного фонда, теоретически тоже возможна, но в практике не допускается. То есть Пенсионный фонд отдельно формируется и исполняется исключительно для удобства учета и управления, а по сути это часть государственного бюджета. Индивидуально-накопительные принципы обеспечения даже части пенсий, после многочисленных дискуссий, в России не прижились, хотя попытки ввести их делались в начале века.

Пенсии мало дифференцированы по величине – 60% пенсии (так называемая социальная часть) одинаковы у всех, но и оставшиеся 40% (так называемая трудовая часть) зависят не от того, сколько вы зарабатывали, а только от стажа работы (в который входит воспитание детей до 8 лет, а для семей с тремя и более детьми – до 15 лет). Таким образом, максимальная пенсия (кроме очень немногочисленных групп, которые имеют больше, так называемых персональных пенсионеров) отличается от теоретически возможной минимальной (если человек не работал и не сидел с детьми ни одного дня) всего чуть более чем в полтора раза. Это принципиальная позиция русских, их понимание справедливости – любой гражданин нужен и важен для Империи именно как гражданин, а не как трудовая или налоговая единица; а поскольку право на материальную поддержку в старости есть гражданское право, то с чего ей сильно отличаться? (От себя добавлю, что в этом есть и чисто материальный смысл – в рыночной экономике всякий полезен уже тем, что создает спрос.) Поэтому и облагаемая база социального налога не может быть меньше 50% и больше 200% средней по стране – с чего бы, если ваша пенсия не зависит от величины ваших налоговых выплат?

Социальная часть (то есть минимум) пенсии ныне равна 547 рублям в месяц (около 2200 долларов), а полная пенсия для того, кто работал или сидел с детьми более определенного времени, – она и самая распространенная – 912 рублям (около 3650 долларов) в месяц. Такие пенсии по достижении пенсионного возраста получают все в России, кроме опричников – у тех пенсии нет, поскольку единственными причинами оставления опричником службы могут быть либо выход из служилого сословия (тогда он уже не опричник), либо смерть.

Возраст выхода на пенсию в России во времена Второй Империи и Периода Восстановления был невелик и составлял 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин, в то время как у нас он был выше, а именно 65 лет для всех – это считалось большим российским социальным достижением. Но уже в 2010 году планка пенсионного возраста была поднята до нашего уровня, а после распространения противовозрастной терапии превзошла нашу и ныне составляет 85 лет против наших 75. Однако здесь мы имеем дело не с безразличием к людям, а с таким же, как и малая дифференциация по размеру, следствием российских идеологических установок: пенсия здесь вовсе не награда за долгий труд – он есть один из смыслов жизни, и потому за него не надо награждать, считают русские. Нет, пенсия есть проистекающее из принципа справедливости вспомоществование тем, кто уже не может работать и содержать себя (поэтому работающему пенсионеру сохраняется лишь меньшая часть пенсии); а сибаритство не входит для русских в желаемый ценностный ряд. Соответственно там считают, что чем дольше человек останется активным работником и членом трудового коллектива, тем ему же лучше – а вырвав его, еще вполне дееспособного, из нормальной жизни в полное безделье, пусть материально и обеспеченное, вы не окажете ему услуги. Если же он просто не может больше работать, ему назначат полноценную пенсию по медицинским показаниям, как это происходит с инвалидами. Кстати, работающим инвалидам сохраняется более значительная часть пенсии, чем пенсионерам по старости, а

инвалидам I группы, как и получившим инвалидность на службе государству, она сохраняется вся.

Добровольное пенсионное обеспечение (помимо государственного), за которое вы в течение жизни платите взносы сами по своей воле, никак в России, разумеется, не ограничивается – оно просто не называется там пенсией: для российского законодательства это просто разновидность накопительных страховых схем, которыми занимаются многочисленные частные страховые компании. Весьма распространены в России, в отличие, например, от нас, схемы, где гражданин вносит не регулярные взносы, а разовую крупную сумму, чтобы защитить ее от таяния под воздействием налога на имущество, а в обмен получает обязательства ежемесячных выплат начиная с некоторого возраста – но отдача на вложенные таким образом деньги не очень высока. Интересно, что за все «длинные» страховые продукты частных компаний в отличие от обычных государство несет полную ответственность и потому жестко их контролирует: смысл этого в том, что нормальный рыночный выбор для человека невозможен в случае длинного продукта – если в конце жизни он обнаружит, что выбрал не ту компанию, ему это уже не поможет.

Второй социальный фонд, Фонд социального страхования, имеет такой же статус, как и Пенсионный (в плане и подчинения, и поднадзорности), и занимается оплатой гражданам временной нетрудоспособности по болезни, беременности и родам и ряду более экзотических причин. В реальности всем работникам, кроме самозанятого населения, продолжает платить зарплату работодатель, а тому уже компенсирует фонд. Он формируется из оставшихся 3,3% из 15% социального налога, а также из субвенций имперского бюджета на оплату декрета (то есть беременности и родов). Но в отличие от средств Пенсионного фонда Фонд социального страхования имеет по закону право вкладывать деньги по профилю основной деятельности, то есть, попросту говоря, оплачивать людям всякого рода профилактические мероприятия – от санаторного отдыха до вакцинации (не входящей в обязательный бесплатный перечень), которые снижают заболеваемость и, таким образом, выплаты. Разрешается это в том случае, если экономия от снижения больше затрат.

Во времена Второй Империи средствами Фонда социального страхования управляли профсоюзы, и в 1990—2000-х годах с переменной остротой шла дискуссия, управлять ли ими так же и далее или передать эту функцию самому фонду, то есть правительству. В результате было принято третье решение – ныне средствами социального страхования управляют «на земле» частные управляющие компании. Они получают от фонда подсчитанные по нормативам средства на группу плательщиков, они же потенциальные получатели (как правило, из одного региона), и сами определяют, на какие именно профилактические мероприятия и в каком объеме направить средства, а также кто персонально будет выгодополучателем этих мероприятий (например, кто поедет бесплатно отдыхать в санаторий) – но так, чтобы это не нарушало не только законов, но и общепринятых представлений о справедливости. Кроме небольшого процента общего количества средств (аналогичных по смыслу оргзатратам фонда, если бы он этим занимался сам), управляющая компания получает половину экономии (также подсчитываемой по нормативам), а вторая половина возвращается фонду. Критериями ее деятельности являются размер экономии и количество обоснованных нареканий от граждан и работодателей – чем меньше, естественно, тем лучше. Недавно в России произошел и получил широкую огласку следующий случай: одна управляющая компания часть средств истратила на повышение квалификации работников своих плательщиков-получателей и запросила половину экономии, образовавшейся в результате не снижения выплат, а увеличения поступлений социального налога (в силу роста зарплат). И вот теперь оживленно обсуждается, имели ли они на это право и нет ли смысла расширить или, наоборот, сузить законодательство. Например, имперская налоговая служба уже заявила, что и она может вложить средства в бизнесы налогоплательщиков и тем самым увеличить налоговые поступления от них на большую сумму, чем они вложат. Третий вид социального обеспечения, здравоохранение, в Империи бесплатный (кроме биоморфирования и других операций, делающихся не в оздоровительных, а в развлекательных целях), но в нем нет страхового элемента – медицина напрямую оплачивается из бюджета. Бесплатность рассматривается не как желательное социальное

достижение, а как жесткое идеологическое требование, без которого нет соответствия базовому принципу справедливости: право на жизнь и здоровье не может зависеть от денег. Потому если в стране не хватает денег на то, чтобы какой-то тип медицинской услуги получили все нуждающиеся, значит, ее не получит никто. Но казалось бы, можно иметь бесплатную медицину и в рамках страховой системы, например, имея обязательное медицинское страхование, по аналогии с социальным; и действительно, в России были такие попытки в 1990—2000-х годах, но впоследствии от них отказались. Причины мне объяснил Роберт Вернер, заместитель начальника Агентства здравоохранения. « В этом случае непременно появятся – и появились тогда – добровольные медицинские страховки с существенно более высоким уровнем медобслуживания, – сказал он. – А это, в отличие от дополнительных пенсионных выплат, противоречит нашей исходной установке: рынок и деньги приемлемы не везде, и сюда мы их не пустим. Но и это частность – а главное то, что сама медицина является в этом случае бизнесом; а мы хотя и признаем, что бизнес всегда более эффективно оказывает любые услуги, чем государство, но для медицины, обеспечивающей право на жизнь, этого не хотим – мы не хотим, чтобы нас оперировал бизнесмен, думающий в первую очередь о своей выгоде. Какую эффективность здравоохранения сможем обеспечить через государство, такую обеспечим, одинаковую для всех, это будет справедливо. Ну а что она будет не максимальной – что ж, вечная жизнь на Земле все равно никому не светит». Другое дело, что сами механизмы бюджетного финансирования, после активного и достаточно успешного экспериментирования в середине 2000-х годов (оплата одного пролеченного больного вместо одного койко-места, государственный заказ на медицинские услуги и т. п.), стали достаточно эффективными и стимулирующими рост качества и снижение затрат.

Есть особенности социальных выплат для отдельных групп населения (иной пенсионный возраст для ряда профессий, надбавки к пенсиям для некоторых категорий и т. п.), но это уже не более чем нюансы. Так же, как и социальные льготы для отдельных групп (так в России называют связанные траты, которые нельзя получить в денежной форме, например соответствующее оборудование для инвалидов) – их, в общем, немного. Забота о престарелых не является в Империи отдельным видом социального обеспечения, потому что все старики без исключения получают пенсию, и даже минимальный ее размер достаточен для нормальной жизни, особенно при бесплатном здравоохранении – таким образом, неимущим престарелым, о которых надо заботиться, просто неоткуда взяться. Дома престарелых существуют, но в силу только что сказанного они все платные, в основном частные. К тому же они и не очень распространены – на людей, чьи родители находятся в доме престарелых, общество смотрит косо, и потому такого изо всех сил стараются не допустить.

Отдельной молодежной политики на общеимперском уровне нет, поскольку, по нынешним российским понятиям, никакой молодежи как отдельной группы не существует – есть взрослые люди молодого возраста (в разделе «Образование и наука» будет объяснено, почему так получается). Политика в области опеки несовершеннолетних мало отличается от нашей, а о политике в области семьи речь пойдет чуть ниже.

Я не забыл страхование безработицы – его в Империи просто не существует (кроме чисто рыночных продуктов у ряда страховых компаний); помимо выходного пособия в размере месячного оклада потерявший работу не получает никаких пособий. Вместо этого существует записанное в Конституции обязательство государства принять на работу любого человека, который не может найти ее, с зарплатой не меньше минимально установленной (но совершенно не обязательно по его специальности). Это, впрочем, не означает, что его нельзя оттуда выгнать – с наглыми и нерадивыми российское соцобеспечение церемониться не собирается. Как это будет применяться на практике, я сказать не могу, потому что массовой безработицы в России в нашем веке еще не было, то есть не было самой проблемы. Можно догадаться, что будет увеличен бюджет общенациональных экономических проектов, особенно в наиболее трудоемких частях (некоторый аналог наших общественных работ 1930-х годов), но, по всем существующим теориям, это вызовет экономическое оживление, которое снимет саму причину безработицы.

Таким образом, этими тремя частями – пенсионирование, социальное страхование, здравоохранение – общеприменимое российское социальное обеспечение (не путать с социальной политикой, что существенно шире!) исчерпывается, если не считать системы странноприимных домов, о которых речь пойдет далее.

Это любопытный и весьма важный элемент российской жизни, который я назвал бы концепцией последнего шанса. В сущности, это разновидность наших ночлежек, только государственно организованная в единую систему и без элемента унизительности. Они представляют из себя общежития самого примитивного типа, то есть с санузлами на этаже, с комнатами на 6—8 человек; они есть в любом городе. Любой гражданин России, пришедший туда, получает место по предъявлении паспорта – ничего другого спрашивать с него не позволяет закон – и живет там столько, сколько хочет, хоть до конца жизни. Здесь принципиально важно, что никаких доказательств того, что ему негде ночевать, и даже бездоказательных заявлений об этом, от человека не требуется. Там же есть бесплатная столовая – не ресторан «Грандъ Новиков», конечно, но с голоду не помрешь и даже голодным не останешься.

Там же есть бесплатная выдача одежды, по два комплекта на одного гражданина в год: либо новой военной с армейских складов, либо бывшей в употреблении цивильной, сдаваемой населением в порядке благотворительности. За проживание, одежду и кормежку постояльцы обязаны лишь работать по дому (уборка и ремонт) и столовой, обязывать их делать другую работу запрещено. Практически не бывает случаев, когда кто-то один или группа людей в странноприимном доме начинает третировать других или помыкать ими, а если бывает, то быстро пресекается, потому что в каждом таком доме постоянно дежурит полицейский, причем опричник – они наводят почти животный ужас на потенциальных хулиганов. Единственное ограничение для постояльцев, помимо запрета шуметь после 23 часов, – им нельзя резервировать за собой место более чем на день; то есть если вы ночь там не ночевали, то ваше место остается за вами, лишь пока есть другие свободные места, – иначе все население резервировало бы места на всякий случай, и никакого количества домов бы не хватило.

В общем и целом в этих домах вполне прилично; я сам ходил смотреть и один раз по специальному разрешению агентства (потому что я не гражданин) даже ночевал там. Может показаться, что вся эта система есть способ неденежного социального обеспечения бродяг («бомжей», как их называют русские). Такая функция у нее действительно есть, но дело этим отнюдь не исчерпывается. В силу ее наличия любой россиянин знает, что, как бы ни повернулась жизнь, дна он не достигнет – голод и холод ему не грозят ни в каком варианте. Но и это не главное. Полное отсутствие бюрократии (поселяешься по паспорту, который есть у всех граждан, за одну минуту) приводит к тому, что на день-два туда уходят многие люди, ведущие отнюдь не бродяжническую жизнь. Я сам разговаривал, во время моего там однодневного пребывания, с мужчиной, которого последний год преследовали материальные неудачи и который в итоге за день до этого поругался с женой и ее матерью; с 16-летним подростком, поругавшимся с родителями и решившим уйти из дома (надеюсь, что не надолго); и с молодой девушкой, два дня назад приехавшей из маленького городка завоевывать Санкт-Петербург. Речь идет, конечно, о небогатых людях – даже среднеобеспеченные граждане в случае чего просто поедут в гостиницу; но это совершенно обычные люди, не опустившиеся бомжи, и именно они определяют атмосферу в этих домах (положительно влияя при этом и на многих бомжей). Необычно то, что те, кто не хочет работать и зарабатывать, но ни на что материальное (кроме поддержания жизни) особо и не претендуют, ставятся государством, в силу наличия системы странноприимных домов, в совершенно нормальное положение. Не самый уважаемый гражданин, перед которым снимают шапку незнакомцы, конечно, но полноценный гражданин, а не бродяга-изгой. И хотя многие возражали против этого (в российском народе весьма сильны общинные представления типа «кто не работает – тот не ест»), власть настояла на своем: как выразился Михаил Усмиритель, «никто не знает, кто приятнее Богу». Это еще один показатель того, что в Третьей Империи в отличие от ее предшественниц люди – это действительно граждане, а не трудовые, податные или военно-призывные единицы.

Семья и рождаемость. Банальная фраза о том, что семья есть ячейка общества, к современной России относится в полной мере. Само слово «семья» понимается там весьма консервативно – союз мужчины и женщины (или мужчины и нескольких женщин – у тех народов, у которых традиция и семейное законодательство разрешают полигамию), включающий совместное проживание и общее имущество и зарегистрированный государством. То, что называется у нас гражданским браком, то есть совместное проживание без официальной регистрации, а тем более однополые браки в Империи семьей не считается. Еще в начале нашего века в России, как и у нас, и в Европе (у нас и по сию пору), тенденция была обратной – количество зарегистрированных браков падало, и грань между ними и гражданскими браками, как и браками нетрадиционными, в общественном сознании стиралась.

Но это внешняя сторона процесса – сутью же его было то, что даже традиционный брак стал восприниматься как рационалистически выбранное совместное удобство, а не как сакральный союз. Те же тенденции имели место и в ситуации с рождаемостью – росло число тех женщин, кто принял сознательное решение не иметь детей, и в еще большей степени тех, кто решил ограничиться одним ребенком, что не обеспечивало воспроизводства населения. Если бы не те женщины, которые рожали незапланированно, на что по разным причинам рассчитывать глупо, то убыль населения была бы еще гораздо больше.

Когда общество всерьез озаботилось этой проблемой (с середины первого десятилетия XXI века), все предложения по исправлению ситуации и последующие действия сводились к одному – социально-экономическому поощрению рождаемости (финансовому, жилищному и т. п.), что не давало и не могло дать значимого результата. Дело в том, что положительно повлиять эти меры в принципе могли только на тех, кто сознательно хотел ребенка (второго ребенка, третьего и т. д.), но не мог себе этого позволить по материальным причинам. Но таких было меньшинство – а большинство женщин просто не понимало, для чего надо иметь более одного ребенка, даже если материально это и не проблема. Ведь это означает продолжительные физические мучения в период беременности и родов, потерю массы времени и сил впоследствии, испорченную фигуру и, соответственно, перспективу сексуальной жизни, снижение шансов повторно выйти замуж – зачем, когда один ребенок уже есть и инстинкт и общественная норма, таким образом, удовлетворены? Ведь смысл жизни в удовольствиях, вот и государство прямо говорит, что главное – чтобы люди жили богато и счастливо. Так к чему еще дети? Поэтому статистика однозначно показывала, что в наиболее зажиточных регионах России (а дифференциация была весьма велика) рождаемость не самая высокая, а скорее самая низкая, и наоборот. Все это видели, но совершенно не представляли, что еще, кроме пособия и квартир, можно сделать для решения этого вопроса в деидеологизированном обществе. Но когда вернулась идеократия, все стало на свои места.

Начиная со времен реформ Гавриила Великого российское государство повело решительную борьбу с описанными тенденциями сразу на нескольких фронтах. Все возможности официальной пропаганды (школы, государственные вузы, государственное телевидение) и одновременно церковной проповеди были сориентированы на одно: брак и дети – это и священная обязанность, и благо, а все остальное – мерзость. Одновременно только что созданная служба социальной инженерии (ныне – имперская служба социального обустройства) наступала с другой стороны – не пропаганды, а моды. Все наиболее популярные певцы и певицы, актеры и актрисы, спортсмены и телеведущие, как и другие культовые персонажи, начали вдруг обзаводиться образцовыми семьями, а поп-дивы, еще вчера говорившие в интервью, что беременность портит фигуру, срочно забеременели и стали щебетать, что женское счастье заключается именно в этом. (А как иначе, когда спецагент имперской службы поговорил с тобой и предупредил, что тебя не только перестанут показывать в кино и по телевизору, если не сделаешь, что тебе говорят, но и давно закрытое уголовное дело о покупке краденого автомобиля с перебитыми номерами легко можно реанимировать.) Вдруг оказалось, что все главные секс-символы страны – 30-летние женщины с двумя-тремя детьми, а не бездетные девушки и мужчины, являющиеся подчеркнуто добропорядочными семьянинами, а не юными (или не очень) плейбоями. Даже на календарях и других подобного рода картинках стало доминировать изображение

красавицы с малышом или семейной пары. Как-то незаметно стало считаться неприличным сожительствовать без регистрации брака – даже те, кто все же так живут, перестали говорить об этом на людях. Появляться в обществе не со своим супругом или супругой также стало не принято. А уж представить себе прилюдное признание в гомосексуализме и вовсе невозможно – а ведь еще полвека назад это было столь же распространено в России, как и у нас.

С законодательной стороны государство также помогало процессу укрепления семьи, в том числе не напрямую – несемейные люди в России не дискриминированы, но работодателям разрешено их дискриминировать, если они захотят, и это не будет считаться нарушением (там, где работодатель само государство, такая дискриминация по ведомственным инструкциям является обязательной, но со свободой трактовки). В результате не сразу, но перемены в общественном сознании произошли – это видно, например, из того, что 72% россиян считают правильной вышеупомянутую дискриминацию. Тем более что в деталях она достаточно разумна (не распространяется на лиц моложе 25 лет, на вдовцов и т. д.). А всего считают семью традиционного типа главным в жизни человека 73% россиян. Обращаю ваше внимание, дорогие соотечественники, что разрешение на дискриминацию не есть обязательность дискриминации, поэтому очевидные исключения – например, когда женщина явно хочет выйти замуж, но не может найти мужа – решаются сами собой. Кстати, женщина или мужчина с тремя детьми, своими или усыновленными, считаются семьей, даже если у них нет супруга.

То же самое с рождением детей: постепенно стало общепринятым, что иметь менее трех детей постыдно, а более трех – престижно; и что воспитывать усыновленных детей не эксцентричный каприз и не субститут своим детям при бесплодии, а очень уважаемо и опять же престижно. Это проявляется, как и отношение к браку, в социальном статусе человека в круге его общения: куда его приглашают (кстати, в высшем обществе на торжественные мероприятия и приемы несемейных и бездетных вообще почти никогда не приглашают); делегируют ли в руководство общественных организаций – разного рода общественных советов, благотворительных комитетов, профессиональных обществ; насколько уважают и готовы иметь с ним дело коллеги. Еще более важно для повседневной жизни обычного человека, что зависит от его семейного положения, – насколько уважают и просто готовы общаться с ним соседи по дому и прихожане церкви, куда он ходит. Но давление социума в этих вопросах не ограничивается отношением соседей или светского общества, оно проявляется и в материальных делах. Например, любой кредит, не являющийся обеспеченным с большим запасом, холостяку или незамужней обычно не дадут, как и семье без трех детей. То же и с получением выгодных подрядов, как и с продвижением на высокие корпоративные должности. Причем это не требование закона или позиция государства – это уже стало частью корпоративной философии финансовых институтов и вообще бизнеса. Считается, что отсутствие семьи и нескольких детей есть признак устремленности человека к жизненным удовольствиям и плотским радостям – а это как минимум легковесность и несерьезность, делающие его нежелательным работником или контрагентом в бизнесе. Банки и корпорации поэтому предпочитают заключать договоры займа или контракты не с индивидуальным предпринимателем, а с семьей, считая это более надежным; для того, чтобы сделать это возможным, в российском Гражданском кодексе в 2026 году перечень шести типов субъектов хозяйственных отношений (ПБОЮЛ, ИЧП, ПТ, ООО, ЗАО, ПАО) был дополнен СБОЮЛ (семья без образования юридического лица) и СЧП (семейное частное предприятие). И хотя все эти процессы вне всякого сомнения вначале были инициированы государством, в лице службы социального обустройства, ныне они превратились в самоподдерживающиеся общественные представления.

Еще несколько слов об обычаях русских в сфере семьи и детей. Аборты строго запрещены, как и многие противозачаточные средства. Точнее, никакого отдельного запрета или статьи в Уголовном кодексе нет – просто по Конституции плод становится человеком не в момент рождения, а после первого деления оплодотворенной яйцеклетки, то есть практически с зачатия. Поэтому механический, химический или гормональный аборт, как и использование противозачаточных средств, действующих после начала деления оплодотворенной

яйцеклетки, автоматически квалифицируются как убийства, причем с отягчающими обстоятельствами (ст. 106-ж УК РИ – «убийство не рожденного либо новорожденного ребенка»). Нет в России и бесконечных дискуссий о том, должны ли разделять вину за аборт, с одной стороны, врач, а с другой – отец уничтоженного зародыша: в соответствии с общей частью российского Уголовного кодекса врач автоматически виновен в соучастии в убийстве, а отец, если он оказывал давление на женщину, хотя бы и чисто моральное, – в подстрекательстве к убийству, а если организовывал аборт, то и в соучастии.

Такой подход потребовал изменения общественного отношения к женщинам, рожающим детей и отдающим их в государственные приюты (на самом деле в другие семьи – практически всех детей из приютов усыновляют), – их перестали осуждать. Родить и воспитать самой, конечно, правильнее всего, рассуждает общество, но и просто родить тоже неплохо, всяко лучше, чем убивать путем аборта. К малолетним роженицам отношение вообще поменялось на диаметрально противоположное – с осуждения на уважение. Интересно, что в условиях нацеленности подавляющего большинства женщин Империи на рождение трех-четырех и более детей колоссальное распространение с 10-х годов получил медицинский препарат «Фолистим», способствующий многоплодию – как же, беременной отходила только дважды, а детей уже четверо! Поэтому в России очень много двойняшек и тройняшек, это бросается в глаза даже на улице.

Что касается брака, то в России считается, что жениться надо по любви – брак по расчету не то чтобы очень сильно осуждается (хотя, безусловно, осуждается), но считается неполноценным; поэтому брачные контракты встречаются, но редко, и заключившие их изо всех сил скрывают этот факт. Вообще ролевые установки мужчин и женщин в Империи более традиционно-архаические, чем у нас: по гражданским и политическим правам женщины, разумеется, не отличаются от мужчин, но, если можно так выразиться, с ними «не смешиваются». То есть женщину воспринимают в первую очередь как женщину: пропускают вперед, уступают место, не используют в ее присутствии грубых выражений, кем бы она ни была – хоть бомжихой, хоть владельцем большой корпорации (кроме разве что женщин-опричников – их просто боятся, так же как и мужчин). И эти ролевые установки действуют в сфере не только публичного поведения, но и внутри семьи (не всегда, но достаточно часто), что сильно способствует ее упрочению.

Но вернемся к политике Империи по упрочению института брака и обеспечению высокой рождаемости (так сказать, библейской заповеди «плодитесь и размножайтесь»). К этому относятся настолько серьезно, что не ограничиваются указанными двумя направлениями действий (прямая пропаганда и создание общественного настроя), а работают еще на трех.

Во-первых, в Империи принято прямое материальное стимулирование супружества и рождаемости: хотя само по себе это не дает никакого результата (что видно, как я уже писал, и из опыта России, и из опыта Европы конца XX – начала XXI века), но в сочетании с остальным работает нормально. К тому же при том отношении к детям, которое существует в России, оставить их без средств к существованию воспринималось бы всеми как общественная несправедливость. Я уже писал в главе «Экономика» о налоге на малосемейность: если молодой человек или девушка по достижении 25 лет не имеют супруги или супруга и детей, они будут платить ни много ни мало 25% дохода – причем в отличие от нашего подоходного налога для этого налога нет никаких вычетов. Если «бездетную» часть этого налога я понять могу, то смысл и справедливость 5% за отсутствие супруга от меня ускользали: а что, если не можешь найти свою истинную половинку, хотя и очень хочешь? И почему, когда усыновляешь ребенка, платишь хоть и меньше, чем при бездетности, но больше, чем если имеешь своего, – ведь усыновление в России весьма уважается и поощряется? На эти вопросы мне ответил уже упоминавшийся начальник отдела семьи Имперской канцелярии социальной политики Николай Тимофеев. «Это в большой степени вопрос настроя, – сказал он. – Если у вас есть четкая доминанта найти супруга, то шансы на это у вас гораздо выше, чем если вы согласны только на Марию Запольскую и Наталью Бибикову в одном лице». (Имеются в виду известная красавица актриса и знаменитая ученый-физик.) Что-то в этом есть, дорогие соотечественники, – это как у тех из нас, американцев, кто является ревностными католиками и соответственно не признает развод: и

у них брак бывает несчастным, но гораздо реже, потому что если заранее настроиться на то, что это до гроба, то внутренне принять супруга и успокоиться гораздо проще, чем если настроиться на перебор вариантов. (Кстати, как и у нас, гражданский развод у русских разрешен в отличие от церковного – там он разрешен только по причине прелюбодеяния или разцерковления супруга; но на разведенного два и более раз в обществе смотрят косо.) «Что же касается усыновления, – продолжал Николай Тимофеев, – то все очень просто: иметь детей – это не только воспитывать и любить их, но еще выносить и родить. И та женщина, которая готова на первое, но не хочет ходить беременной и терять форму груди и бедер, выполняет свое предназначение от Бога и долг перед народом только наполовину – так же как и та, которая родила, но не хочет возиться с ребенком. Впрочем, наполовину – это уже что-то, потому и те и другие у нас не осуждаются, хотя и не считаются наиболее уважаемыми людьми, и не наказываются финансово так, как не делающие ни первого, ни второго».

Финансовое стимулирование рождаемости не ограничивается разницей в налогах: при появлении третьего ребенка (в сумме с усыновленными) назначается пособие в размере 750 рублей в месяц (3000 долларов), плюс по 250 рублей в месяц на каждого последующего ребенка, которое платится до достижения ребенком 15 лет. Новая семья даже с одним ребенком, в том числе еще не рожденным, получает льготы по кредиту на покупку жилья – им он выдается без первого взноса. Но в случае развода в течение первых десяти лет после этого взнос (или весь кредит) положено вернуть. Для многодетных семей (четверо и более детей) государственный бюджет доплачивает разницу цен для переезда в большую квартиру или дом и не облагает эту дополнительную площадь налогом на имущество (в реальности государство обычно просто предоставляет бесплатно новое домовладение, а старое забирает, без движения денег). Все это относится только к податному сословию: духовное сословие вовсе не платит никаких налогов, а пособие по 250 рублей в месяц на ребенка (для белого духовенства) получает начиная с первого ребенка – поскольку семья и дети и так являются для них высшими ценностями, то их не надо в этом стимулировать. А служилое сословие, которое также не платит никаких налогов, получает по 350 рублей в месяц на ребенка, потому что значительную часть жизни опричники не могут жить вместе с детьми и к тому же не могут иметь никаких доходов, кроме имперского жалованья.

Кстати, то обстоятельство, что опричники редко имеют семьи, да и детей имеют меньше, чем в среднем по стране, отнюдь не связано с большей моральной распущенностью. Просто они воины, готовые в любой момент сложить голову за державу, поэтому иметь семью и детей для них не очень честно по отношению и к этой семье, и к державе. Они вовсе не считают холостую жизнь ценностью – напротив, они добровольно лишают себя радостей супружества и родительства – это еще одно звено в длинной цепи их добровольных лишений. Впрочем, у опричников, помимо своих или усыновленных детей, есть одна традиция, идущая еще со времен Первой и Второй Империй: каждая часть, военная, полицейская или гражданская, осуществляет шефство над одним детским домом или приютом. Причем устав велит относиться к этому неформально, и опричники, как правило, действительно проводят там довольно много свободного времени, возясь с детьми, которые их обожают.

Во-вторых, в России весьма поощряют семью архаического типа – где несколько поколений живут вместе, вместо того чтобы выросшие дети разъезжались по стране. Такая «большая» семья существенно укрепляет семью «малую», то есть брак, существующую внутри нее как ее стержень. Именно такого рода семья считается в Империи истинной ячейкой общества, самым прочным образом связывающей человека с родиной и поколения друг с другом. К началу века у русских такой модели семьи практически не осталось, она считалась старомодной и маргинальной – хотя многие народы России, в первую очередь кавказские и тюркские, не переставали жить таким образом. Их положительный пример, когда официальная пропаганда стала его широко освещать и рекламировать, а служба социального обустройства насаждать общественные представления о его правильности, сыграл очень важную роль. (Хотя вообще-то, в силу общественного пресса на наличие не менее трех детей, стимул к этому появляется естественно – кто-то же должен ими заниматься, если мать работает.) Но как и в случае с рождаемостью, принимаются здесь и чисто материальные

меры: если съезжаются три-четыре поколения, то государство оплачивает до двухсот дополнительных квадратных метров, в зависимости от количества людей, причем отдельно от других льгот, – весьма приличная сумма, которая может составлять до трехсот тысяч рублей; и госбанки дают более длинную рассрочку на выплату основной части цены за новое домовладение для такой семьи – до 50 лет вместо обычных 30. Насколько модель семьи такого рода хороша для детей, мне судить трудно (хотя, наверное, хороша), но вот то, что она очень хороша для старшего поколения, сомнения не вызывает: жизнь вместе с молодежью, подпитывающей своей энергией, и с ощущением своей очевидной полезности явно гораздо богаче и естественнее для человека, чем пусть и обеспеченная, но пустая и одинокая жизнь наших стариков.

Наконец , *в-третьих*, изменилось отношение общества к сексу. Еще во времена Владимира II российское государство повело решительную борьбу с публичным освещением всего с этим связанного – в 2008 году был принят Закон «Об общественной нравственности», который радикально изменил ситуацию в этой сфере по сравнению с тем, что имело место в 90-е годы и первом десятилетии нашего века. Все передачи сексуального характера полностью исчезли с телевидения, а ряд телевизионщиков были примерно наказаны. Сейчас трудно представить себе, но еще в 2005 году на государственном (!) канале телеведущая на всю страну вещала, что женщина, не имеющая мужчины по вызову, является несовременной и отсталой. Исчезли эротические фильмы и с телевидения, и из Сети (про общедоступные порносайты и говорить нечего!), а продажа и прокат такого рода дисков (так назывались тогда компакт-капсулы), как и порнографических изданий, были обязаны стать непубличными (критерии этого см. в главе «Культура»). Похожие правила были введены и в отношении реала – закрытый клубный вход с невозможностью здесь же стать членом клуба, отсутствие любой рекламы и запрет зазывать новых членов какими бы то ни было способами. Поэтому с улиц городов исчезли стриптиз-бары и «мужские» или «женские» ночные клубы (не говоря уж о гей– и лесби-), перебравшись в отдаленные районы, а также их кричащая реклама. Не стало и бесчисленных рекламных щитов с полуголыми девушками (здесь внес свой вклад и Закон «О рекламе» – см. главу «Экономика»).

Еще более резкую реакцию вызвал гомосексуализм, который начиная с 90-х годов расцвел в России пышным цветом; он и сегодня там не запрещен и уголовно не наказуем, но существенным образом поражен в правах. Гомосексуалистам и лесбиянкам запрещается работать в школах и вузах на любых должностях, а также на государственной службе, в судах и т. п. Им запрещается усыновлять детей, убеждать вступить в сексуальную связь людей обычной ориентации, публично рекламировать свои пристрастия. Им разрешается иметь свои СМИ – и обычные, и сетевые, а также свои клубы, но они обязательно должны быть непубличными. Общий смысл описанной политики таков: государство разрешает своим гражданам нестандартную сексуальную ориентацию, не соответствующую его нравственным нормам, имеющим корни в религии или традиции, но подобное разрешение означает лишь то, что их не будут сажать за это в тюрьму – считать же их равными остальным, имеющими такие же права и уважение, никто не собирается. Причем если сама гомосексуальная ориентация не является преступлением, то несообщение о своей ориентации там, где это положено – например, при устройстве на работу в школу, – таковым является (закон подробно регламентирует, кто считается гомосексуалистом, а кто нет). А если в школе учитель заикнется перед детьми о допустимости однополой любви, он пойдет под суд и получит большее наказание, чем если он этих детей обворовал.

Помимо всех такого рода запретительных мер осуществлялись и стимулирующие: так, по так называемой ограниченной поддержке государства (см. далее, в разделе «Культура») стало появляться много фильмов и книг, в том числе хитов и бестселлеров, в которых между делом (то есть не в качестве основной сюжетной линии) превозносились любовь по сравнению с просто сексом, целомудрие по сравнению с распущенностью и т. д. Со своей стороны, конечно, поработала и служба социальной инженерии – если в 2005 году старшеклассница, уже ведущая активную сексуальную жизнь (а других почти и не было), становилась в результате этого только привлекательнее в глазах окружающих, в том числе сверстников, то в 2015 году это уже вызывало брезгливость, в лучшем случае нездоровый тайный интерес.

Такое же отношение стало иметь место и к взрослым, открыто демонстрирующим сексуальную распущенность. В результате секс занял в общественной жизни России примерно то место, какое имел у нас лет 150– 200 назад: нечто такое, о чем все знают и что практикуют, но о чем не принято говорить вслух. Важно понимать, однако, что эта борьба – и в законодательном плане, и в сфере общественных представлений – велась не с сексом как таковым, даже «неправильным», а с искаженным отношением к нему общества. Поэтому не было попыток борьбы с проституцией – напротив, ее фактически легализовали, – но сделали так, чтобы эта сторона жизни стала малозаметной, а общественное отношение и к проституткам, и к их клиентам – достаточно презрительным. В итоге секса меньше не стало, но из публичной сферы он был выведен, оставшись лишь в маргинальных нишах – с этим государство бороться и не собиралось, поскольку имело перед собой совсем другие цели.

Вы спросите, при чем тут укрепление семьи и особенно увеличение рождаемости? Дело в том, что еще в начале нашего века российская философская мысль поняла, что переход секса из сферы непроизносимого в сферу тривиально-бытового радикально снижает либидо. Для подавляющего большинства людей либидо может быть сильным только тогда, когда секс и сам противоположный пол несут в себе некую тайну. Это относится и к рождению детей – если убрать из этого действа сексуальный компонент, то рожать их в обществе социального благоденствия, в общем-то, незачем. Русские считали и считают, что широкое распространение публичного освещения секса в общественной жизни во второй половине XX века стало сознательным шагом закулисных стратегических правителей западной цивилизации, призванным именно снизить либидо своего населения, чтобы тем самым снизить рождаемость и отвести угрозу перенаселения, которая тогда казалась актуальной. Более того, по мнению русских, эта цель и была достигнута в Европе и среди белого населения США – что в реальности, однако, привело к началу существенных сдвигов в этническом составе. А когда стало понятно, что цель эта ложная, но в одночасье развернуть такие вещи на 180° невозможно, то Запад начал экспортировать публичное освещение секса в другие страны, чтобы они не оказались в лучшем положении, чем он сам. Кстати, и широкое распространение гомосексуализма с этой позиции объясняется преимущественно тем же, а не смягчением нравов и ростом феминистических настроений, как принято думать у нас. Это понимание русских философов разделялось тогдашними и последующими российскими правителями. Тем более что в отличие от своих предшественников они были верующими, а русская Церковь стояла в этом вопросе на еще более жестких позициях (она считает публичное муссирование темы секса происками Сатаны).

Помимо изложенных выше действий по реализации Закона « Об общественной нравственности» были приняты радикальные меры в школах: не только исчезли без следа так называемые уроки полового воспитания, но и учителя получили новые жесткие установки на этот счет. Само школьное образование стало полностью раздельным – это усиливает чувство тайны противоположного пола: все школы России ныне либо мужские, либо женские. Причем речь не идет о пуританстве – та тайна, о которой идет речь, остается и тогда, когда в стране можно достать порножурнал или попасть в стрип-клуб; лишь бы это было труднодоступно и оставалось в сфере запретного и непроизносимого вслух – потому власти и не пытаются все это полностью запретить. Думаю, что возвращение секса в сферу непроизносимого дало не меньший вклад в укрепление семьи и увеличение рождаемости, которое началось в России с конца первого десятилетия XXI века, чем все описанные выше меры. А то, что самого секса, в отличие от разговоров о нем, стало не меньше, а больше, нисколько не противоречило реальным целям власти. Ведь Третья Империя, в отличие от Второй (там утверждалось, что «секса в СССР нет»), не является тоталитарно-ханжеской – ей важно лишь утвердить православные ценности в общественной жизни, укрепить семью и обеспечить высокую рождаемость, а личная жизнь граждан ее нисколько не интересует.

Кстати, стремление государства к высокому воспроизводству населения связано отнюдь не только со страхом вымирания нации и депопуляции страны – хотя демографические процессы, имевшие место в России еще в начале века, вбили этот страх очень глубоко в русское национальное сознание. Но я думаю, что ныне, даже если бы во всех других странах население вдруг мгновенно уменьшилось в сто раз и соответственно и Россия могла бы себе

позволить иметь намного меньшее население, ничто в русском подходе к этому вопросу не изменилось бы. Потому что если не иметь императива размножения, то что еще, кроме рождения и воспитания нескольких детей, может дать чувство не зря прожитой жизни обычному человеку, особенно женщине: не всем же быть Эйнштейнами или Рокфеллерами? Да и возрастное распределение у такой страны будет плохим, в ней будет мало молодежи и много стариков – это типичный демографический профиль умирающей цивилизации. Так что настрой на максимальную рождаемость в России явно носит долгосрочный характер, благо пригодного для жизни места здесь хватает – а там на подходе и внеземные территории.

Не хочу, однако, дорогие соотечественники, чтобы у вас сложилось мнение о российском обществе как о некоей машине, которой власть управляет, нажимая на нужные кнопки; просто меня как социолога и политолога весьма интересуют механизмы государственной власти и управления, и в этой книге о Российской Империи я старался подробнее всего показать и объяснить именно эти аспекты. На самом деле, подавляющая часть россиян очень любит детей по велению души и заводит их в первую очередь поэтому, и еще потому, что реально ощущает себя в пространстве и времени частью нации, которой надо воспроизводиться, а вовсе не для статуса или пособия. Семью в России считают священным союзом и главной цитаделью в человеческой жизни, а долг перед своей семьей – высшим своим предназначением (кроме разве что спасения и вечной жизни) тоже по велению души, а вовсе не ради благосклонности банков. Российские женщины не ходят без одежды в терморaскраске, как у нас, а мужчины не делают себе столь распространившееся у нас сексуальное зооморфирование потому, что искренне полагают это мерзким и непристойным, а не потому, что так считают в Кремле. И сексуально озабоченные российские подростки (как любые подростки в мире) мечтают не столько о том, чтобы «перепихнуться» (хотя и об этом тоже – от природы не уйдешь), сколько о любви до гроба вовсе не потому, что им так говорят учителя. Просто русские такие и есть и веками были именно такими, и даже когда деградация была максимальной, на рубеже прошлого и нынешнего веков, в глубине народа все равно сохранилось преклонение перед семейными ценностями – и оно тут же со всей мощью проявилось, как только появилась такая возможность. Никакая власть, ни с какой службой социальной инженерии, не может насадить (тем более без использования силы) общественные представления, идущие вразрез с архетипами своего народа. Она может только обратное – привести их в соответствие с ними. Но и это весьма непросто, и мне хотелось показать вам, как это делает российская имперская власть. Давайте не будем ханжами – тонкое и неафишируемое вмешательство государства в вопросы вкусов и предпочтений публики всегда имело и имеет место и у нас, только у нас это стыдливо называется «работой с общественным мнением».

Трудовые отношения. Отдельного имперского трудового кодекса не существует – эта сфера относится к земскому и национальному регулированию. Любой работодатель или, наоборот, трудовой коллектив могут заранее в своем уставе объявить, что они действуют по трудовому законодательству такого-то народа (как правило, того, к которому сами принадлежат), а если такой записи нет, то по умолчанию применяется земское трудовое законодательство России. Имперское законодательство ограничивается прямыми конституционными нормами о запрете дискриминации, кроме той, что вытекает из концепции разноправия (дискриминация определенных групп, например сексуальных или религиозных меньшинств), а также кроме дискриминации по включительному признаку (см. далее). Имперское законодательство предусматривает возможность работника в трудовом споре обращаться не в земский, а в имперский суд – но только в том случае, если ущемлены не только его материальные интересы, но и базовые принципы справедливости.

В основном трудовые законодательства разных народов различаются не очень сильно, но есть и исключения: большинство народов исторической России, и славянских и тюркских, имеют в своих трудовых законах понятие круговой поруки, а у европейских народов (кроме немцев и сербов) такое понятие отсутствует. Круговая порука – это когда за каждого работника солидарно отвечают все остальные, хотя подряд не артельный, а индивидуальный; работодатели по коллективным договорам с круговой порукой платят гораздо больше, поскольку снижают свои риски. Во всех национальных законодательствах, как и в земском

общероссийском, есть понятие коллективного договора, но в некоторых он обязателен, а в некоторых нет. В последнем случае по предмету его регулирования должна быть декларация работодателя (по форме, прописанной в земском законодательстве), с которой знакомится под роспись нанимающийся на работу человек. Отраслевые или территориальные коллективные договоры или соглашения запрещены, это считается противоречащим антимонопольному законодательству.

Интересно, что даже по общероссийскому законодательству частным работодателям разрешено дискриминировать при приеме на работу и по религиозному, и даже по национальному признаку (государственным органам, учреждениям и предприятиям это запрещено) – но только по так называемому включительному, а не исключительному принципу. Это означает следующее: если, например, предприниматель-башкорт хочет на работе слышать родную речь, привычные шутки, вообще быть среди своих по крови – пожалуйста, российский закон считает это его правом. Но тогда нанимай одних башкортов и вноси соответствующую запись в свой устав, и если хотя бы один из нанятых будет другой национальности, в том числе русский, то это будет нарушением. То есть ты можешь объявить, что берешь на работу только людей такой-то национальности, пола или религии, но не можешь объявить, что берешь всех, кроме таких-то и таких-то. Логика этого ограничения мне совершенно ясна, непонятно лишь, зачем вообще подобное разрешать. Позицию власти по этому вопросу разъяснил в виртуальной беседе со мной Фридрих Бреннер, начальник имперской службы надзора за трудовыми отношениями: «Работодатель тоже человек, по конституционному принципу национализма нельзя лишать его естественного права быть среди своих».

По включительному признаку разрешается дискриминировать и малосемейных, и гомосексуалистов (это также должно быть отражено в уставе или декларации), но это именно разрешение: хочешь – дискриминируй, не хочешь – не надо. При этом законодательство использует тот же подход: хочешь не брать на работу педерастов – объяви об этом открыто и не бери уж тогда ни одного; причем такая возможность симметрична – по закону могут существовать и существуют в реальности работодатели, наоборот, берущие на работу только холостяков или гомосексуалистов.

Забастовки не запрещены, но и не поощряются – это выражается в том, что работодатель имеет право уволить бастующих за невыход на работу, если иное не предусмотрено их коллективным договором, а бастующие не имеют права мешать функционированию предприятия, в том числе найму штрейкбрехеров. Если работники силой займут предприятие, то присылать войска, как это бывало полтора века назад, никто, конечно, не будет – предприятие не является общественной территорией, и потому это не есть нарушение общественного порядка. Но на захвативших, если будет соответствующее заявление владельцев предприятия, будут возбуждены уголовные дела («насильственное завладение недвижимым имуществом»), и если они не явятся по повестке к следователю, то тогда уже точно приедет ОПОН. Логика тут примерно такова: зачем вам бастовать – вы ведь можете вместо забастовки обратиться в суд, в определенных случаях даже в имперский; и суд, как любой суд в России, подойдет к рассмотрению вашего дела справедливо и отнюдь не формально. Если же вы знаете, что суд не встанет на вашу сторону, и тем не менее уверены в успехе забастовки (например, предприятие находится в трудодефицитной зоне) – бастуйте, это справедливо, работодатель должен был бы отнестись к вам в этом случае повнимательнее.

На предприятиях в России профсоюзов почти нет – их роль играет трудовой коллектив; он обладает многими правами юридического лица, даже не являясь формально зарегистрированным, а его две трети имеют право обращаться в суд от имени всех работников предприятия. Территориальные и общероссийские профессиональные организации работников в России есть, они называются гильдии, но они гораздо более дробны, чем наши профсоюзы: у нас четыре профсоюза водителей-дальнобойщиков, а там их 27 гильдий. Гильдии в меньшей степени, чем у нас, занимаются защитой прав трудящихся и в большей – их представительством, переподготовкой, финансовой взаимопомощью через соответствующие кассы, зачастую улаживанием профессиональных вопросов между членами

– на мой взгляд, они больше напоминают наши коллегии адвокатов, чем профсоюзы.

В последние годы распространились так называемые трудовые братства – в сущности те же гильдии, но без жесткой привязки к общей профессии. Они зачастую предлагают предпринимателям полностью укомплектовать всеми профессиями вновь открывающееся предприятие, обычно с круговой порукой, то есть берут на себя функции в том числе и агентств по найму, – но вообще-то это скорее большие клубы.

В общем и целом трудовые отношения в России по сравнению с нашими характеризуются большим разнообразием и меньшим напряжением между работодателями и работниками – на мой взгляд, потому, что имперская власть не вмешивается в эти процессы, давая всему развиваться естественно, и явно не отдает предпочтение ни одной из сторон.

Миграционная политика. В 2000—2020 годах Россия активно стимулировала иммиграцию этнических русских из бывших частей СССР, не входящих в Российскую Федерацию, а позже в Российский Союз, – Украины, Прибалтики, Молдовы и Средней Азии. Особенно активно эти процессы пошли с 2006 года, после соответствующего указа Владимира ii. Поток иммигрантов из названных территорий состоял не столько из русских в строгом смысле, сколько из так называемых русскоязычных – то есть всех тех не принадлежавших к местной титульной нации граждан развалившейся Империи, кто так себя и продолжал идентифицировать. После начала Великого кризиса 2010– 2014 годов к нему прибавился поток русских (здесь тоже подразумеваются русскоязычные) из США и Евросоюза, стремящихся вернуться на родину по экономическим причинам. А в 2020—2021 годах в Россию реэмигрировало более четырех миллионов жителей США, имеющих русские корни (многие во втором-третьем поколении), поскольку после Двенадцатидневной войны и оккупации США жизнь для них в Америке по понятным причинам стала непереносимой (несмотря на все усилия Белого дома, они фактически превратились в изгоев и не могли быть уверенными даже в сохранении жизни). В отличие от них русские, эмигрировавшие в прошлом и начале нынешнего века в Европу, там и остались, поскольку эти территории стали частью России.

Помимо этого, давно существует так называемая договорная иммиграция, осуществляемая в рамках межправительственных соглашений, которые Россия с 2007 года имеет с Индией и с 2008 года с Китаем. На договорную иммиграцию действуют квоты, которые регулярно пересматриваются в двустороннем порядке. Такая иммиграция довольно жестко регламентируется, в первую очередь в части недопущения приезда в Россию на временные заработки (договорная иммиграция разрешается только навсегда) и расселения в национальных гетто типа Чайна-таунов – Россия готова принимать в качестве договорных иммигрантов лишь тех, кто хочет стать если не русскими по национальности, то уж во всяком случае реальными ассимилированными гражданами Империи. Впрочем, основная часть договорных иммигрантов, особенно китайцев, идет еще дальше – они принимают русские имена и стараются стать русскими, хотя никто не заставляет их это делать. По статистике, 69% китайцев женятся (или выходят замуж) на русских и детей воспитывают чисто как русских. Общее количество договорных иммигрантов составило по настоящее время около 25 миллионов человек (без учета их потомков, родившихся уже в России) и, вероятно, составит в ближайшие двадцать лет еще не менее 15 миллионов, преимущественно из Индии. Русские могли бы обойтись и без мигрантов, поскольку никакой особой нехватки рабочей силы в Империи не ощущается, но они сознательно потворствуют притоку свежей крови; в России считается (как и у нас), что приток нового народа, со своим особым видением мира, идеями и культурой, очень обогащает страну. Но только в том случае, если своя культура достаточно сильна, чтобы не капитулировать перед чужой, а, наоборот, ассимилировать ее, переняв все лучшее.

Кроме этнической реиммиграции и договорной иммиграции, в Россию можно попасть еще одним путем – религиозным. Он проистекает из тождественности в Империи понятий «православный» и «русский» – с тех пор, как Русская православная церковь стала Вселенской, Россия провозгласила безусловное право любого православного на планете на получение российского гражданства, причем без периода натурализации. Это относится и к тем, кто напишет заявление о породнении, и к тем, кто является православным, сохраняя свою

исходную этническую принадлежность. Но если потом выяснится, что ваше воцерковление было притворным, вы будете подлежать уголовной ответственности. Также имеют безусловное право на получение российского гражданства те, кто этнически принадлежит ко всем остальным, кроме русского, народам Империи. Стать российским гражданином без этого, в том числе коммерсантам с большим капиталом, нельзя; исключением являются ученые и специалисты, которым иногда выдают гражданство, но без большой охоты. Также нельзя получить в России политическое убежище – этого понятия там нет, поскольку русским нет дела до того, что происходит за пределами их государства; естественным исключением являются те, кто работал на российскую разведку.

В наше время у процесса договорной иммиграции существует специфика: иммигрантов не направляют в Европу, а только в историческую Россию, преимущественно в Сибирь и Туркестан, – договорные иммигранты, по российским законам, первые восемь лет живут в конкретно отведенном им регионе и не имеют права его перемены. Убыль же населения в Европе компенсируется переселенцами из исторической России, а также Германии и Сербии – поселение этнических русских и других «старых» российских народов в Европе весьма поощряется. Все это делается для того, чтобы русские и народы-союзники равномерно расселялись по всем частям Империи.

Однако в свое время, после первых шагов по восстановлению империи при Владимире II, эта политика столкнулась с определенной проблемой: для того чтобы поселить на новых территориях русских и другие лояльные народы, нужно эти территории очистить, то есть выселить оттуда коренное население и отобрать у него землю. А на это Третья Российская Империя, более гуманная при всей своей жесткости, чем ее предшественницы, пойти никак не могла – русский народ никогда бы не потерпел такой несправедливости, тем более в свою пользу. (Вы скажете, что были Латвия и Эстония в 2020 году и Галиция в 2034-м – но это была месть, а не политика.) Выход появился, когда в 2013 году в России было отменено право на крупную земельную собственность. Крупные землевладения, от сотен до миллионов гектаров, находящиеся в частной и корпоративной собственности по всему Российскому Союзу, были изъяты в федеральную собственность. Туда же еще ранее перешли земли, находившиеся в государственной собственности Украины (в восточной и южной частях), Белоруссии, Казахстана и Туркмении; а после 2020 года и земли, находившиеся в государственном и крупном частном владении в странах Евросоюза и бывшего СССР. Когда у Империи таким образом стало достаточно земли в государственной собственности, это сделало возможным массовые программы переселения, причем в отличие от древних времен они не носили принудительного характера. На этих программах стоит остановиться отдельно, поскольку они касаются отнюдь не только иммигрантов, но и переселенцев внутри страны.

В России особо поощряется строительство новых этнических поселений вне места исторического проживания данного народа, поскольку подобное строительство считается фактором, жестко скрепляющим единую страну. Это относится в первую очередь (но не только) к русским и народам-союзникам. Инициатива по созданию таких поселений может принадлежать и коммерческому застройщику, и группе будущих поселенцев (это особо приветствуется), и государству – последнее по общим российским управленческим принципам только тогда, когда не имеют места первые два случая. Единственным жестким ограничением здесь является то, что это должны быть деревни или отдельные маленькие города, но не новые районы уже существующих городов – большие города считаются несовременными и неполезными для житья. Благодаря этому теперь даже в самом центре исторической России, в том числе рядом с Москвой и Санкт-Петербургом, есть много татарских, казахских, немецких и других городков и поселков. В Европе, Турции, Закавказье и других местах их не меньше, так же как и русских. Даже такие непривычные поселения, как польские и испанские (не говоря уж об индийских), можно теперь встретить на просторах России.

Сказанное не значит, что в Империи не поощряются новые поселения без этнического признака – просто это другие программы в плане государственного управления (например, имперская программа освоения Великой евразийской равнины, по которой выделяются

средства на стимулирование создания новых поселений на образовавшихся в результате программы « утепления» территориях). Особое распространение получили молодежные общины, где не имеющие достаточно денег группы молодых людей, объединившиеся по интересам и взаимной симпатии, строят сами себе поселок своими руками – государство дает на это кредиты, часть из которых фактически является невозвратной. Весьма часты и религиозные общины, так называемые братства (см. главу «Религия»), которые строят себе поселение вместе с храмом или монастырем. Да и любая другая такого рода инициатива снизу всегда найдет государственную поддержку, поскольку власть уверена, что новые поселения, где бы они ни находились, особенно появившиеся по воле самих поселенцев, являются форпостами Империи.

IV. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Глава 9

Религия

Эпохальные события в Православной церкви. Уже в нашем веке в жизни РПЦ произошли события, едва ли не наиболее значительные за всю более чем тысячелетнюю историю ее существования. Первое из них – церковная реформа, прошедшая в 10-х годах, на фоне реформы конституционной. Таким образом, церковная жизнь не оказалась исключением, когда в стране происходили самые радикальные процессы обновления всех аспектов жизни, сопровождавшие установление Третьей Империи. Началась она с того, что новая Конституция в части сословности предусматривала не только служилое, но и духовное сословие, причем его права и обязанности описывались довольно подробно, как и структура (несколько отличающаяся от существующей); поэтому Русской православной церкви необходимо было провести определенные реформы для приведения собственной структуры в соответствие с новыми конституционными установлениями. Необходимость этих реформ, которые РПЦ вовсе не планировала как глубокие, наложилась на несколько факторов: ярко выраженный религиозный характер новой Конституции, причем в самой ее сути – в части, касающейся целей, а также сильную религиозность Гавриила Великого (как, кстати, и его предшественника, Владимира Восстановителя) и всего руководства страны; эта внутренняя религиозность жаждала изменений в русском православии в сторону увеличения его пассионарности. Сказалось и то, что начиная с 1991 года Церковь постепенно стала набирать силы и значительно окрепла как материально, так и духовно. Хотя бывший тогда священноначальником РПЦ святитель Алексий, Патриарх Московский, избегал резких действий (как и его современник правитель России Владимир Восстановитель), считая Церковь духовно ослабевшей и не готовой к ним, подспудно и незаметно количество воцерковленных людей заметно выросло, как возросла и роль церковной жизни в коллективном сознании народа. Наконец, как всегда в истории, важную роль сыграл субъективный фактор – появился и быстро обрел популярность среди русского народа (благодаря телевидению) яркий проповедник со всеми качествами духовного лидера, петербургский протоиерей Никита, который называл себя на древний манер протопопом Никитой (по аналогии с пассионарным участником церковных событий xvii века протопопом Аввакумом). Он вошел в историю (точнее, войдет – он еще жив и после овдовения принял монашество и схиму в Псково-Печорском монастыре) под именем Никиты Проповедника. Он бросил клич, который обрел многочисленных сторонников и стал в результате стержнем церковной реформы: давайте отменим реформы Никона. Эти реформы xvii века (именно с ними боролся в свое время протопоп Аввакум), проведенные под лозунгом возврата к исконно греческому обряду, на самом деле привели к бюрократизации и огосударствлению Церкви, а также к расколу, в результате чего от нее отделились так называемые старообрядцы, с которыми неустанно велась борьба в xvii—xix веках.

Вначале руководство РПЦ постаралось утихомирить протопопа Никиту, причем не из каких-то злодейских побуждений, а просто во избежание скатывания в анархию и нового раскола. Но Никиту поддержал Гавриил, и, хотя он оговорился, что не собирается диктовать свою волю Церкви и высказывает свое личное мнение как православный мирянин, игнорировать точку зрения Гавриила РПЦ не хотела и объявила невиданную ранее вещь – общецерковное обсуждение. Большую роль тут, судя по всему, сыграло то обстоятельство, что Гавриилу удалось убедить патриарха Кирилла в частной беседе, что такое обсуждение вызовет огромный всплеск интереса к делам Церкви и, таким образом, пойдет Церкви на пользу независимо от результата. Патриарх доподлинно знал, что Гавриил полностью разделяет его боязнь нового раскола, и доверился его доводам. Обсуждение длилось три года и вместе с последующими действиями вошло в историю России как церковная реформа 2013—2017 годов.

Прогноз о всплеске интереса к церковной жизни более чем оправдался – разгорелась ожесточенная борьба позиций. В нее включились и старообрядцы – причем не только так называемые единоверцы (те, кто сохранил старый обряд, но признавал РПЦ Московского Патриархата и соответственно имел с ней каноническое общение), но и многие другие, кто до этого считал РПЦ чуть ли не оплотом Сатаны, а российское государство – царством Антихриста. Эти последние существовали совершенно автономно и в Первой, и в Красной Империях, в большинстве случаев даже не попадая в переписи населения (сначала это было

следствием гонений, а когда они прекратились – следствием памяти о них). Столь же автономной была их духовная жизнь, в том числе, кстати, и друг от друга. Казалось, ничто не могло их повернуть от этого тотального непризнания окружающей жизни и ощущения себя островком спасения в предапокалиптическом мире, но лозунг отмен реформ Никона словно бы возвращал ситуацию в дораскольный период и весьма затруднял им апологию дальнейшего неприятия государства. Забегая вперед скажу, что в итоге основная часть старообрядческих « согласий» и « толков» (означает примерно то же, что деноминации у протестантов в наших северных штатах) вернулась в лоно единой Русской православной церкви – можно сказать, что вернулись все, кроме скатившихся в сектантство. Это оказало позитивное влияние на последующее развитие России и в духовной, и в материальной жизни – потому что, хотя старообрядцев было всего около четырех миллионов человек, они стали весьма пассионарной частью Церкви и очень деятельной частью экономики (последнее, к слову, было характерно и для последних десятилетий Первой Империи, вплоть до коммунистической революции).

В ходе церковной дискуссии выяснилось, что отмена никонианских реформ в части богослужения и церковных текстов, ради чего они в свое время и затевались, не вызывает особого неприятия, поскольку новая идеология России уже не требовала ощущения себя потомками византийцев. Гораздо более востребованным стало националистическое восприятие себя как абсолютно самобытной цивилизации, не более чем подхватившей из рук Византии знамя центра православия. А такая идеология делала малоактуальной никоновскую идею возврата к греческим корням, то есть отметания всех различий с греческим оригиналом, которые скопились за шесть с половиной веков в русском православии, – получается, что такие различия, наоборот, надо оберегать.

Но реальные страсти разгорелись вокруг структурных вопросов никонианских реформ – упрощенно говоря, вокруг отношения общины («мира») и иерархии. Этот накал страстей, как часто бывает, завел и дискуссию об изменениях в каноне, поначалу довольно консенсусную, гораздо дальше возврата к дониконианскому обряду. В результате в 2016 году Поместный собор Русской православной церкви принял реформу, которая возвратила дониконианский текстовой и богослужебный порядок, а также ввела ряд других изменений фундаменталистского характера. В наши дни она называется реформой святителя Кирилла и Никиты Проповедника, и никто в церковных кругах не сомневается, что, когда Никита преставится, его канонизируют и совершение его памяти установят в один день со святителем Кириллом. (Патриарх был причислен к лику святителей почти сразу после своей кончины потому, что прославился и многим другим – борьбой с маркианской и другими ересями, организацией VIII Вселенского собора, учреждением Вселенской церкви, обращением большей части немцев в православие, а также многочисленными совершенными им чудесами. Заслуги и святость его столь велики, что ныне, когда я пишу эти строки, во Вселенской Русской православной церкви идет дискуссия о том, не изменить ли его прославление с лика святителей на лик равноапостольных.)

Сейчас трудно сказать, какую роль в принятии реформы сыграл Гавриил Великий. Он с очевидностью симпатизировал тем целям, которые в конечном итоге и воплотились в жизнь, и явно обладал различными возможностями неформального влияния на руководителей РПЦ. Как бы то ни было, реформа прошла, в результате чего, помимо прочего, сложились принципы организации духовного сословия (см. главу «Сословная структура»).

Но еще более значимое событие произошло через восемь лет после церковной реформы. Глобальные изменения, произошедшие на евразийском пространстве после событий 2019—2022 годов, особенно покорение Европы и ее включение в состав Российской Империи, не могли не повлиять на церковную жизнь. Почти все поместные православные церкви оказались на территории России – Албанская, Болгарская, Грузинская, Иерусалимская, Константинопольская, Кипрская, Польская, Румынская, Сербская, Украинская, ЧехоСловацкая и Элладская. Александрийская же и Антиохийская поместные церкви перестали существовать после указа халифа Махди Омара о высылке из страны христиан и иудеев в 2024 году, а Американская православная церковь сильно потеряла свои позиции после событий 2019—2020 годов, в частности статус поместной, как и Китайская и Японская

православные церкви. И хотя наша страна обеспечивает по Конституции свободу вероисповедания в том числе и православным, но так устроен современный упорядоченный мир пяти цивилизаций, что иноверцы испытывают большое давление – у нас-то хоть со стороны общества, а не властей, как в Поднебесной.

Таким образом, практически весь православный мир оказался внутри России. С другой стороны, впервые со времен Крещения Руси русское государство оказалась в ситуации, когда большинство населения составляли хоть и христиане, но никак не православные, к тому же весьма недружелюбные к России и православию. Результатом осмысления этого явился созыв VIII Вселенского собора в 2026 году – на нем РПЦ была трансформирована в ВРПЦ (Вселенскую Русскую православную церковь), а все поместные церкви ликвидированы как автокефальные единицы и воссоединились и слились с РПЦ. Этой идее было более 250 лет, с нею носились и при царях в девятнадцатом, и при правителях СССР в XX веке, но только теперь появились реальные предпосылки ее реализации.

VIII Вселенский собор продолжался более трех месяцев и действительно явился эпохальным событием в жизни Православной церкви и русского государства, а возможно, и всей Земли. Он проходил совсем не просто: никто из поместных церквей не был против провозглашения Вселенской Русской православной церкви и не был против вхождения в нее, но никто не хотел потери своего статуса. Пусть мы будем если не автокефальными, то по крайней мере автономными и самоуправляемыми церквями, говорили они. Но в РПЦ хорошо помнили, что произошло с самоуправляемой Украинской православной церковью в конце прошлого – начале нынешнего века: сначала уход в раскол Филарета, который и смог его осуществить в основном из-за долгого бесконтрольного периода самоуправляемости, а потом и УПЦ Московского Патриархата, вроде бы лояльная РПЦ, де-факто стала полностью независимой, и украинские православные в основной массе стали ощущать себя чадами вовсе не РПЦ. Так что Патриархат проявил в этом вопросе полную твердость, и никаких автономных и самоуправляемых Церквей в составе ВРПЦ нет. В резолютивных документах VIII Собора впервые формально появилась концепция канонической территории Православной церкви (до того этот термин был неофициальным) – ею была названа вся Российская Империя, и только она. В сущности, это означало отказ от прозелитизма в других государствах и потому вызвало (и продолжает вызывать поныне) сопротивление наиболее радикальной части Русской церкви. Но Патриархат твердо стоит на своем (вместе, кстати, с имперскими властями) и утверждает, что столь большая часть мира, каковой ныне является Империя, есть вполне достаточный оплот для торжества истинной веры. «Между прочим, в нашу Империю, – сказал на Соборе архиепископ Феогност, – входит большая часть мира и народов, известных людям в период земного воплощения Спасителя – надо ли нам идти проповедовать туда, куда и Он не посылал учеников Своих?» Однако полного единомыслия и согласия на эту тему нет и поныне: очень многие из духовенства и мирян полагают, что Церковь совершает чуть ли не преступление перед Богом, не начиная широкую проповедь в Индии и у нас (в Поднебесной и Халифате она запрещена).

Интересно, что в православном мире давно существовало предание – своего рода пророчество, – что VIII Вселенский собор будет последним перед концом света. Многие при этом предрекали, что это будет Собор торжества сил Антихриста, Собор безбожников, на котором возьмет верх обновленческая и экуменическая ересь – все веры будут объявлены одной, посты и монашество будут упразднены, Церковь перейдет на григорианский календарь, а епископат станет женатым. Поэтому страсти перед открытием Собора бушевали нешуточные. Но патриарх Кирилл сам обратился к этой теме в своей вступительной речи. «Этот Собор и впрямь станет последним Вселенским в нашей святой, соборной и апостольской Церкви, – сказал он. – Но лишь потому, что теперь на регулярные Поместные соборы нашей Церкви будут собираться все православные люди Земли, и они ничем не будут отличаться от Вселенских. Как можно собрать Вселенский собор, если нет поместных Церквей, кроме русской, а ее собор по уставу является Поместным, а не Вселенским? А что до пророчеств о Соборе безбожных, то не зря Спаситель заповедал нам остерегаться лжепророков: посмотрите, где видите здесь безбожников? Никогда не были мы так крепки в православии и неприятии чужебесия – вон, даже католическая церковь уехала из Европы за

океан, подальше от нас, и над соборами Святых Петра и Павла в Риме православные кресты, как и над главной нашей святыней – Святой Софией в Константинополе. Никогда не было раньше столько монастырей и монахов, даже и в Византии. Календарь поменяла не Церковь на григорианский, а все государство на наш старый, юлианский, и сатанинский ИНН отменили, и даже в паспортах теперь нет цифр! (Русские верующие издавна иррационально считают, что любое обозначение человека помимо его имени неким номером, например ИНН, даже просто для удобства, является знаком Антихриста, а вживленный в руку идентификационный биочип, как у нас в Американской Федерации, почему-то называют апокалиптическим знаком.) Сатанисты ныне не у власти, а в тюрьме, потому что теперь это преступление и по мирским законам. Как же иначе – ведь теперь у нас по Конституции православная Империя, и это не может быть изменено!»

Это было убедительно, но когда Кирилл внес предложение о введении белого (то есть женатого) епископата и рукоположении женщин в диаконисы (их рукополагали еще с 2017 года, это было одним из пунктов церковной реформы, но только в РПЦ), страсти вспыхнули вновь, причем в основном по первому вопросу. Но Кирилл был непреклонен – ему было видение от Пресвятой Богородицы, велевшей ему наставить народ на путь истинный, и от его небесного покровителя, равноапостольного Кирилла, учителя словенского, просившего не оставить в заблуждениях народ, который он с братом впервые просветил. Таким образом, Кирилл выполнял явную Господню волю. «Что сравниваете наш Собор с сатанинским Вторым Поместным и упрекаете меня в обновленчестве? – гневно вопросил он. – Меня, который всю жизнь боролся с алтарями в центре храма, и с богослужением на русском языке, и с второбрачием священников? А святые отцы VI Вселенского собора, установившие епископат только из монахов, тоже тогда, по-вашему, обновленцы? Ведь они изменили ранее принятые апостольские правила! Или вон католики в XI веке у всех иереев самовольно и не канонически установили целибат – так что же, если захотят они вернуться в этом к исконному порядку, которого и мы придерживаемся, тоже обновленцами будут? Помолитесь лучше Николаю Чудотворцу, Мирликийскому архиепископу, который был женат, чтобы вразумил он вас». (Этот святой у православных, в отличие от нас, один из самых почитаемых, если не самый.) Тем не менее раздавались все новые голоса о том, что монахов сейчас много, вполне достаточно, чтобы выбирать епископов из них, как и во времена VI Собора, – а если разрешить епископов из белого духовенства, то это убьет монашество.

На помощь патриарху Кириллу пришел митрополит Константинопольский и Иерусалимский Арсений, бывший до присоединения Европы митрополитом Петербургским, – пожалуй, второй по весу человек в РПЦ, у которого с Кириллом отношения были довольно прохладные. Но он видел правоту Кирилла и ставил свой долг выше личного отношения. «Что значит «убьет монашество»? – жестко и с сарказмом сказал он. – По-вашему, в монахи идут только за шансом на епископское место? А в великую схиму для чего тогда монахи постригаются, теряя шансы на архипастырство, – или у нас в схимонахи уже никто не идет? Что, может, тогда введем для каждого сотого постригающегося приз, как при покупке бытовой техники, и труд облегчим монахам, и введем немалое довольствие, а также позаботимся об удобствах – чтобы монашество точно не погибло?» Зал притих. «Вот чтобы такого не было, – продолжил Арсений, – и нужно, чтобы путь в епископы не обязательно лежал через монашество. Тогда только можно быть уверенными, что среди принимающих постриг не будет волков в овечьей шкуре, неугодных Господу. Не убьем монашество этим, а спасем, потому что только тот выбор истинно свободен, при котором не появляется у человека никакой мирской пользы – а стать архипастырем многим очень хочется, потому что соблазн гордыни и властолюбия победить тяжелее, чем соблазн угождения плоти. А то, что можно найти достойных и среди монахов, – так можно, конечно, но ведь дело совсем не в этом. Просто есть два образа веры – путь жизни в миру и путь ухода от мира. И кто возьмется уверенно сказать, что Господу всегда приятнее какой-либо из них? Вот посмотрите, среди святых наших есть схимники, а есть цари, которые ели с золота, есть мученики, а есть преставившиеся с миром в глубокой старости. По словам Спасителя, «в доме Отца Моего комнат много». И я, сам монах много лет, скажу вам так: что же, Господь допускает даже мирян в святые Свои – а мы не допустим и иереев в епископы? Без монашества, говорят, не

будет православия – но кто же предлагает его упразднить? И правильно тогда спросить у таких: а будет ли православие без мирян? Возьмется ли кто-либо из присутствующих утверждать, что, если бы сейчас, не дожидаясь наступления апокалиптических времен, весь народ наш постригся бы и перестал размножаться, это соответствовало бы промыслу Божьему?»

В результате этот, самый противоречивый, пункт повестки дня был принят, причем, как и положено на Соборе, консенсусно (по-русски это так и называется – соборно). Так же были приняты и другие новшества, а кроме того, утверждены положения реформы РПЦ 2016 года и анафематствованы крайне опасные ереси (см. далее).

Особого упоминания заслуживает то, что Собор принял новую редакцию апостольских правил, своего рода кодекс благочестия, определяющий то, что делать и чего не делать воцерковленным людям в их церковной и повседневной жизни. Новые апостольские правила ни в чем принципиальном не отличались от древних, но в этом и заключалась их революционность – за прошедшие века все привыкли к гораздо более мягким и менее однозначным трактовкам. Правда, кое в чем они были скорректированы с учетом опыта предшествующих веков, но почти исключительно в сторону ужесточения. Например, теперь при постриге монах, давая обет нестяжательства, обещает не только не стремиться иметь собственности, но и не пользоваться чужой или общественной, кроме необходимого для поддержания жизни. Аналогичный обет, лишь немногим более мягкий, дают теперь и иереи при своем рукоположении. И хотя с того времени прошло еще пять Поместных соборов Вселенской Русской православной церкви и после святителя Кирилла правит второй по счету Патриарх ВРПЦ, Николай, избранный уже по новым правилам (Кирилл был последним патриархом, избранным не жребием), но столь масштабных событий в жизни Церкви более не происходило. Это и не удивительно – такое бывает раз в несколько веков, а то и реже (предыдущий перед 2026 годом Вселенский собор прошел в 787 году).

Канонические и богослужебные нововведения. Как я уже указывал, реформа 2013—2017 годов прошла под знаком отмены никонианских реформ xvii века и возвращения к дораскольным нормам, хотя вовсе этим не ограничилась. В части богослужения действительно были восстановлены основные элементы старого обряда: написание имени Спасителя с одним «и» (Исус), добавление «аз» в третьем члене символа веры для Сына («рожденна, а не сотворенна») и слова «Истинный» в восьмом члене для Духа Святого, двуперстное крещение, двойная (так называемая сугубая) аллилуйя вместо тройной, служба на семи просфорах, хождение «посолонь» при крещении, венчании и освящении храма, использование шести– и восьмиконечного креста и иное. Но были восстановлены и гораздо более древние элементы, причем уже не богослужения, а канона, постепенно упраздненные существенно ранее раскола – еще в xv веке. К семи таинствам: крещения, миропомазания, исповеди, причастия, рукоположения, венчания и соборования – прибавилось еще пять, существовавшие ранее: великое освящение воды, постриг в монахи, освящение храма, освящение иконы и постановка священника на приход. Все эти обряды («чины», по-православному) существовали и до реформы, но не считались таинствами.

Великое освящение воды, производимое в Крещение Господне (оно же Богоявление), стало, как и в древние времена, таинством в отличие от всех других водосвятительских молебнов. Интересно, что следы этого сохранялись и в не являвшемся таинством чине великого освящения воды даже и до 2017 года (слова «...причащающихся от этой воды...» – а ведь причаститься можно только от Господа). Постриг в монахи также стал таинством, причем и первый, и второй, так называемый великий (в схиму) – а до того это был просто чин. То же и с освящением храма. Для верующих в России было крайне важно то, что таинством стало освящение иконы – иконы в России очень любят и имеют в каждой семье, а отличие таинства от обряда, как известно, в том, что при таинстве событие (в данном случае освящение) происходит точно и несомненно.

Особо важным для жизни Церкви стало возрождение таинства постановки священника на приход. Это относится только к настоятелю, а не к другим священникам, служащим в том же храме, если там священников несколько. Этому таинству предшествует направление прошения правящему архиепископу – в нем община прихода, новообразованного либо

потерявшего настоятеля по смерти или иной причине, просит назначить им конкретного священника, то есть указывает имя. Процедура выбора общиной кандидатуры для направления епископу четко регламентирована. В частности, если тот, кого она хочет, не имеет сана иерея, то она все равно может подать просьбу о его рукоположении. Архиерей (архиепископ или уполномоченный им викарный епископ) может и не удовлетворить просьбу общины, даже и несколько раз подряд, в том числе и не объясняя причины, – община будет направлять в этом случае прошения с новыми кандидатурами; но поставить того, кого община не попросила, архиерей не может. Если же община не знает, кого она хочет, то она в прошении попросит прислать им кого-то достойного. Но дальше все будет так же, как обычно: после знакомства с присланным епархией кандидатом, если он понравится, община должна будет направить прошение уже с его именем. Когда епископа удовлетворяет кандидат общины, он приезжает с ним и осуществляет само таинство – им, естественно, является только само действо епископа, а не предшествующая процедура. Как и в таинстве венчания, там есть вопрос и к приходу: « Согласны ли вы иметь этого человека пресвитером?», и к священнику: «Согласен ли ты стать пресвитером этого прихода?» Причем, как и в случае венчания, развода здесь нет, то есть на приход настоятель ставится пожизненно (так было и в Византии – в этом символический смысл так называемых наручей в священническом облачении). Перестать быть настоятелем он может только в двух случаях (кроме ликвидации прихода и своей смерти) – при великом постриге в схиму или при рукоположении его во епископы. В этих случаях его уход не есть акт его волеизъявления – просто по уставу ни схимонах, ни епископ не могут быть приходскими настоятелями.

Помимо восстановления этих четырех таинств, одно из прежде существовавших – таинство миропомазания – претерпело изменение: теперь для крещенных в детстве его совершают повторно в 15 лет, чтобы взрослый человек сознательно присоединился к Церкви Христовой, без чего он не считается ее частью (хотя является христианином в общем смысле, поскольку крещение по православному символу веры может быть только одно). Это примерно соответствует нашей католической конфирмации. Кроме того, изменился богослужебный порядок всех двенадцати таинств – ныне, как и в древние времена, и прежние семь, и новые пять таинств вписаны в литургию, являются ее частью и не могут проводиться без литургии. В практике это означает не то, что теперь для венчания, например, служат отдельную литургию, а что это таинство происходит во время общей субботней или воскресной литургии, перед всеми присутствующими прихожанами (как чтение заздравных и заупокойных записок).

В разделе «Духовное сословие» главы « Сословная структура», как и ранее в настоящей главе, я уже писал о том, что церковная реформа и Вселенский собор ввели и другие канонические изменения, касающиеся духовенства, причем имеющие радикальный характер. Тем не менее ни одно из них, даже рукоположение женщин, нельзя считать модернистским, потому что это имело место еще во времена Василия Великого (IV век), да и в Русской церкви обсуждалось неоднократно, причем вовсе не антагонистически. Ко времени Вселенского собора к диаконисам уже привыкли, потому что их сразу стало довольно много. И другие новации и по букве и по духу являются обращенными к традиции, а не к модернизму: епископат был в том числе и женатым до VIII века, а предстоятеля избирали жребием на Руси еще в XV веке, например, в Великом Новгороде. Но Русская церковь ведет этот обычай гораздо ранее, от святителя Николая Чудотворца, который был избран архиепископом Мирликийским по Божьему повелению (как человек, который с ночи первым войдет в храм – то есть, в сущности, по тому же жребию). К тому же эти нововведения не вызвали таких уж качественных изменений в составе епископов: и по сию пору, почти через тридцать лет после Собора, не более 20% епископов являются женатыми, и никто не поручится, что эта доля увеличится в дальнейшем. Но среди них были и есть истинные светочи Православной церкви, такие как здравствующий владыка Петр, архиепископ Ростовский, и священномученик архиепископ Георгий, мученически погибший в 2037 году. А избрание Патриарха жребием среди всех епископов привело к тому, что среди них значительно меньше стал элемент иерархизированности – когда каждый может стать патриархом, причем со строго одинаковыми шансами, то это не может не оказать влияния на атмосферу среди

архиереев.

Канонические изменения затронули и более фундаментальные вопросы – в первую очередь это касалось почитания святых. Сам сонм святых, как и иконы с изображением Богородицы и святых, всегда играли важнейшую роль в православии, причем на уровне и Церкви в целом, и чувств каждого верующего. Поэтому ни о каких изменениях по типу европейской реформации Лютера и Кальвина, направленных на отмену этого, в Русской церкви не могло и не может идти и речи. Но руководство РПЦ пришло к выводу, что в этой части скопилось множество отклонений от исходной традиции и древнего благочиния, и VIII Собор был сочтен подходящим моментом для исправления этого. Им и был принят ряд решений в этом направлении, а именно: из богослужебного канона были изъяты слова «пресвятая Богородица, спаси нас», и на будущее такие же слова были запрещены и при молитвенном обращении к любым святым – спасать может только Бог. Они были заменены на слова «пресвятая Богородица, моли Бога *(или «моли Сына Своего»)* о нас», как и было принято для святых.

Храмы сохранили названия по тем или иным святым или событиям, отмечаемым как церковные праздники, но только после имени Бога. Таким образом, ныне храм может называться, например, «храм Господа нашего Исуса Христа в память Николая Чудотворца» или «храм Господа нашего Исуса Христа в память об Успении Богородицы» – наименование же просто «храм Николая Чудотворца» считается неканоническим.

Церковные праздники чудотворных икон Божьей Матери (так же как и наименования храмов и приделов) также теперь положено именовать *«в память* о чуде такой-то иконы Божьей Матери» – иное наименование считается неканоническим.

Иконы Богородицы и святых можно и нужно держать дома и молиться им (просить «моли Бога о нас»), но теперь только вместе с иконой Спасителя или Святой Троицы. Иметь дома или на работе только иконы святых считается нарушением благочиния. При этом теперь канон устанавливает, что на любой иконе Богородицы или святого должно быть хотя бы маленькое изображение Спасителя или Святой Троицы; впрочем, это относится только к новым иконам, которые пишут сейчас, – старые иконы, не соответствующие этому канону, никоим образом не запрещены и считаются вполне благодатными (как, кстати, и все новообрядческие никонианские иконы с иным, чем до XVII века и после VIII Собора, написанием имени Спасителя). Все это было направлено на то, чтобы почитание Пресвятой Богородицы и святых было дополнительной частью веры в Бога, пусть и важнейшей, а не подменяло ее, как это, на взгляд православных, имеет место в католицизме. Так было издревле – не случайно в православном символе веры в отличие от католического не сохранилось слов «...и в общение святых» в девятом члене (после слов «Во единую святую, соборную и апостольскую Церковь»). Кроме того, VIII Собор ввел иерархию святых: теперь отдельно есть собственно святые, критерием принадлежности к которым является наличие явных и несомненных признаков Богоизбранности. А отдельно есть благоверные, критерием принадлежности к которым является просто прожитие такой жизни, которая может служить примером для православных христиан. К святым относятся лишь чудотворцы, а также мученики – потому что, как сказал по этому поводу на Соборе уже упоминавшийся митрополит Константинопольский Арсений, «если человек предпочитает умереть, но не произнести слов отречения от веры, от которых ведь потом можно и отказаться, – это и есть самое великое чудо». Соответственно их называют по лику, с добавлением слов «чудотворец» или «мученик» – например, «святой преподобный имярек чудотворец». У благоверных же нет ликов, их называют с добавлением их положения в земной жизни, например «благоверный князь имярек» или «благоверный монах имярек». В благоверные был полностью переведен лик страстотерпцев (святых, принявших смерть вовсе не за веру, но смиренно), существовавший со времен прославления Бориса и Глеба в XI веке. Это практически завершило противостояние внутри Церкви по вопросу о том, правильной ли была канонизация последнего русского царя Николая II – против его причисления к благоверным никто не возражал. То же относится к причислению многих правителей и военачальников, таких как Дмитрий Донской или адмирал Ушаков. Соборно благоверных поминают лишь в благодарственных молитвах, а с просьбой о помощи к ним не обращаются

(в индивидуальной молитве просить молить Бога за вас вы можете кого угодно, хоть почивших родственников).

Священнослужителей стало запрещено называть «отец», потому что Спаситель сказал: «Отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах». Поэтому все верующие обращаются друг к другу «брат» или «сестра» (по тем же словам Спасителя – «... все же вы – братья»), а к священнику – «старший брат» или, сокращенно, «старшой» (например, «старшой Иоанн, благослови»). Однако любого епископа по-прежнему называют «владыко», потому что на это в Священном Писании запрета нет, а русские понимают Писание буквально.

Наконец, был установлен праздник Сотворения мира, только в отличие от иудеев не еженедельный, а ежегодный – он празднуется в последнюю субботу года, в рождественскую неделю. Собор счел, что в отсутствие этого праздника православный народ склонен недопоклоняться первой ипостаси Троицы – Безначальному Создателю. Кстати, при произнесении символа веры теперь креститься обязательно при произнесении и первого члена («во единого Бога Отца Вседержителя»), и второго («и во единого Господа Исуса Христа»), и восьмого («и в Духа Святаго»).

Взаимоотношения Церкви и государства. На протяжении веков Русская, да и вообще восточная, церковь знала лишь две модальности отношения с государством – симбиоз («симфония») или же преследование со стороны последнего. Первое имело место всю историю Византии, как и всю историю Первой Российской Империи, а второе – всю историю Второй Империи.

Для восточной Церкви не характерно желание приобрести для себя светскую власть, как желала этого, и не безуспешно, в Средние века церковь католическая, – за такого рода притязания инициатор раскола XVII века, патриарх Никон, был лишен и архиерейства, и вообще священства. Но и соправление двух равных сторон тоже в большой степени является мифом – в реальности и в Византии, и в Московской Руси государство руководило Церковью (например, в структуре царской власти еще в XVII веке был монастырский приказ). Ну а про послепетровскую Россию и говорить нечего – там примат государства вообще был формализован, поскольку Священный Синод официально являлся государственным учреждением.

Когда святитель Кирилл и Гавриил Великий размышляли над тем, как выстроить новый статус Церкви в Третьей Империи, ничто из вышеперечисленного их не вдохновляло и примером для них не служило. Это касалось не только гонений и прямого огосударствления, но даже и соправления – мирская власть, даже и «в доле» с государством, разлагает Церковь, в силу самой ее природы. С другой стороны, это не означало, что в прошлом не на что было ориентироваться – был период раннего христианства, когда Церковь могла рассчитывать только на себя, поскольку была гонима, но она была сильна духом и потому не склонялась перед государством, но и нисколько не пыталась его подменить, в точном соответствии со словами Спасителя «отдайте Богу Богово, а кесарю кесарево». Примерно это (только без гонений) и составляет русский идеал в отличие от византийского – не государство и Церковь вместе правят державой, а государство правит державой, а Церковь – духом людей. Цель Церкви – вместе спасаться, и ничего больше. Ее интересы и цели лежат вне нашего мира (верующие стремятся стяжать Царства Небесного, а «Царство Мое не от мира сего»), и потому участие в любых земных делах, даже самых богоугодных, таких как материальная помощь сирым и убогим, является для нее сугубо вторичным делом. Церковь, безусловно, должна обличать зло этого мира, в том числе исходящее от власти, не боясь ничего, как это делал святитель Филипп при Иване Грозном, но не для того, чтобы сменить эту власть, а чтобы свидетельствовать перед миром, что жива вера Христова в Церкви Его.

С учетом сказанного ясно, что если уж открывать новую страницу во взаимоотношениях Церкви и государства, то следует избежать соблазна – немалого, надо сказать, – а именно принятия модели активной прямой помощи Церкви со стороны государства. Это неизбежно приведет к зависимости Церкви, даже если таковая помощь, финансовая или иная, будет абсолютно искренней. Как гласит грубая русская поговорка, «кто девушку ужинает, тот ее и танцует». Трудно обличить зло, исходящее от власти (сегодня его нет – а завтра, глядишь, и

появится), если она тебя содержит. Еще более скверный вариант, чем прямая бюджетная помощь, – предоставление хозяйственных льгот разного рода, дающих возможность легко заработать самим. Это все равно есть зависимость от государства (льготы же можно отозвать!), но к тому же как можно служить двум господам, одновременно заниматься спасением и коммерцией? Не зря же Спаситель изгонял менял из Храма. Что же касается прямой помощи, не являющейся финансовой, как это имело место в Первой Империи с XVIII века, то есть установления государственных и гражданских льгот православным и дискриминации иноверцев, а также использования государственного репрессивного аппарата против противников Церкви (еретиков, например), то худшей услуги Церкви оказать нельзя. Может, она и станет в результате этого могущественной в земном смысле организацией (хотя все равно это будет колосс на глиняных ногах), но Телом Христовым перестанет быть точно. Что же тогда могло государство сделать для Церкви, при искреннем таковом желании?

Ответ лежал в двух плоскостях, в двух, так сказать социально-политических планах.

Первый план – государство личным примером задало образец воцерковления, в том числе – и даже в особенности – для элит. Служилое сословие, к которому перешла вся государственная власть в результате конституционной реформы, обязано по Конституции быть православным, а по своему уставу – не просто верующим, но реально воцерковленным. Причем это была не формальная запись, как говорят русские, « для галочки» – прямо с начальной военной службы кадетов, то есть будущих опричников, усиленно воспитывают в истинно православном духе. Это делает Церковь – военное начальство отвечает лишь за то, чтобы ее требования безоговорочно выполнялись. Соответственно, когда эти кадеты становятся высшим руководством страны, они не могут принимать решения иначе, чем в духе впитанных ценностей. И действительно, в российской политике первостепенное значение имеют соображения, правильно ли и справедливо то или иное действие, и перед каждым важным решением руководители обычно постятся и молятся и часто даже на несколько дней уезжают в монастырь или скит. Причем граждане понимают, что это не показуха – в России нет демократии, власть избирается только опричниками, и ей глубоко наплевать, что публика о ней думает. Когда власть так ведет себя, это непременно перенимается значительной частью других элит – такова многовековая российская традиция, и поэтому активная церковная жизнь и обращение к Богу для принятия ответственных решений стали нормой для большого количества российских бизнесменов и управленцев и в несколько меньшей степени ученых, врачей, инженеров и других.

Второй план – государство объявило в Конституции Россию православной страной. Казалось бы, это прямой отход от концепции отделения Церкви от государства, которая для нас есть синоним цивилизованности, но, как ни странно, Церковь по Конституции отделена от государства и в России. Это и есть новая модальность взаимодействия Церкви и государства: ни Церковь не подчиняется государству, как это имело место в Первой Империи в XVIII– XX веках, ни государство Церкви, как в теократиях. Правда, в отличие от нас это сделано для защиты не государства от Церкви, а Церкви от государства – считается, что Церковь Христа, Чье Царство не от мира сего, только ослабнет духом от слишком тесного симбиоза с властью. Любопытной иллюстрацией такого рода отделения служит брак – он в России бывает гражданским (там под этим понимают не сожительство без регистрации, как у нас, а, наоборот, государственную регистрацию) и церковным. Так вот, Церковь при венчании не принимает во внимание гражданский статус брачующегося (он может быть и женат), важно лишь, венчан ли он, и, напротив, сожительство с законно зарегистрированным супругом, если с ним не обвенчался в церкви, считается тяжким грехом, такого человека обычно не допускают до причастия. И наоборот, для государства, например в имперских судах, венчанные, но не зарегистрированные граждане считаются неженатыми. Логика здесь проста: венчаешься, чтобы спасти душу, то есть получить защиту Спасителя и Его закона, а регистрируешь брак, чтобы получить защиту Империи и ее закона. Если сделал только одно – значит, второе тебя не интересует, и нечего теперь жаловаться.

Вообще же статус России как конституционно православной страны, как я уже писал в разделе «Национализм», не означает какой-либо дискриминации иноверцев или атеистов и

вообще каких-то конкретных управленческих решений, а скорее относится к сфере целей и норм. Например, православные, особенно воцерковленные, могут быть и меньшинством населения, но естественной нормой по умолчанию является быть православным. То же и с конкретными духовными и этическими аспектами личной и общественной жизни. Поэтому православный статус России в основном проявляется в сугубо символических вещах: в православных гербе, знаке, флаге и гимне, что не может подвергаться корректировке или даже обсуждению; в героизации православного вектора российской истории, также без возможности публично даже обсуждать это в плане сомнений; в общегосударственных праздниках, которые в большинстве своем православные; в возвращении к юлианскому календарю, отличающемуся ныне от нашего на 13 дней; в запрете использовать любые номера для людей, в том числе в местах лишения свободы, – даже в паспорте теперь нет номера, а для различения полных тезок дополнительно к имени используется время и место рождения и полные имена родителей; и тому подобное. Проявляется православный дух страны и в конкретных законодательных и нормативных актах государственной власти – выше я много писал о том, как православные ценности воплощаются в экономике, социальной сфере, правопорядке и т. д. То есть конституционный статус России как православного государства проявляется во многом, но не в прямой поддержке Церкви и не в борьбе с еретиками либо иноверцами, как это имеет место в Халифате.

Что касается финансовой базы существования Церкви, то в условиях распространения реальной воцерковленности распространился и древний обычай десятины, существовавший и в ранней Церкви, и в ветхозаветные времена. Только сейчас для активных прихожан, не являющихся, однако, общинниками, это не десятина (10%), а сороковина (2,5%) или, реже, двадцатина (5%) дохода. Церковные люди, они же общинники, платят обычно пятину или, реже, десятину, а в автономных общинах (см. раздел «Духовное сословие») часто решают отдавать весь заработок, оставляя себе лишь на карманные расходы. Кроме того, для всех прихожан принято не реже раза в месяц участвовать в делах своего храма и прихода непосредственно своим трудом – убирать, шить, готовить, ремонтировать, мастерить и т. д.; притом откупиться большим денежным взносом нельзя – деньги деньгами, а труд трудом. Налогов Церковь не платит, но она и не занимается никакой хозяйственной (в смысле коммерческой) деятельностью, за исключением ее немногочисленных предприятий – но те и платят налоги как все (кроме некоммерческих). То есть это не особая льгота Вселенской Русской православной церкви, а естественное следствие ее статуса некоммерческой организации. Вот то, что православное духовенство – первое сословие – не платит личных налогов, есть именно демонстративная льгота, поскольку священнослужители других религий, даже трех традиционных, ею не обладают. Но большого значения это не имеет, поскольку все они небогаты, давая обет нестяжательства, да иное в их среде и не терпится.

Все это дает достаточно основательный фундамент церковным финансам, особенно с тех пор, как пенсионеры, традиционно составляющие значительную часть прихожан, перестали быть нищими. Конечно, и крупные спонсорские взносы от богатых приходятся весьма кстати, но они уже не являются единственным серьезным источником, и потому Церковь может позволить себе не заискивать перед ними и не принимать такую помощь от тех, от кого ее принимать не следует. В конце прошлого – начале нынешнего века Церковь в массовом порядке брала деньги у бандитов (не от хорошей жизни, конечно), но впоследствии это было признано неправильным. Не потому, что не надо прощать и их – Спаситель велел прощать до седмижды семидесяти раз, – а потому, что прощать надо за искреннее раскаяние и готовность отряхнуть прах старой жизни, а не за денежный взнос.

Борьба с ересями. С 90- х годов прошлого века в России стали набирать силу обновленческая и экуменическая ереси, преданные анафеме viii Собором как одна обновленческо-экуменическая ересь. Обновленцы призывали привести церковную жизнь в соответствие с изменившейся жизнью общества: разрешить вдовцам-священникам повторный брак; сделать епископат женатым – не просто допустить женатых епископов, как это сделал viii Собор, а сделать это обязательным; резко сократить количество и продолжительность постов. Впоследствии некоторые из них пошли еще дальше – предложили вообще упразднить монашество, разрешить церковный развод, разрешить жить

вне брака с женатым мужчиной или с замужней женщиной, как и проживать друг с другом без венчания, разрешить мужеложство и лесбиянство. Добивались они и богослужебных изменений: заменить язык служб с церковнославянского на современный русский; иметь алтарь не за царскими вратами, а в центре храма – так якобы было в ранней Церкви; и резко сократить продолжительность литургии (примерно так, как у нас была сокращена месса с 70-х годов прошлого века, что отменил і Ново-Римский собор в 2028 году).

Все это вполне укладывалось в русло тех модернистских тенденций, которые нарастали в либеральных обществах с конца XX века во всех религиях: и, как я только что указывал, в католичестве, и в иудаизме (так называемый реформированный иудаизм), и даже в исламе. Про протестантские деноминации я уж и не говорю, потому что им названные тенденции были присущи изначально.

Обновленцы упирали на то, что, дескать, все обряды и ритуалы в религиозной жизни – это пережитки прошлого, пришедшие из времен темноты и дикости людей, а важно лишь то, веришь ли ты в душе в Бога. Любимым выражением было: «Бог обитает в храме из кости *(имеется в виду грудная клетка)*, а не из камня». На самом деле все это вело к десакрализации религии и, как следствие, к полному ее выхолащиванию и превращению в светский клуб, потому что главное в благой вести Христа – это сам Христос, а не этические установки Его учения; а главное в религии – это спасение души, а не благородное поведение в быту (хотя это тоже важно).

В России чисто религиозные причины неприятия подобных новшеств усугублялись двумя историческими особенностями. Во-первых, еще жива была в памяти относительно недавняя горькая история церковной смуты начала 20-х годов XX века, во время которой обновленцы уже пытались прийти к власти при помощи большевиков и даже созвали II Поместный собор РПЦ. А во-вторых, еще на пять веков ранее первая попытка такого рода была сделана так называемыми жидовствующими, которые пытались изнутри уничтожить Русскую православную церковь путем выхолащивания ее сути и тоже под лозунгами обновления. Ко всему обновленцы конца XX и начала нашего века материально поддерживались западными протестантскими фондами (а к лютеранству у православия традиционно было особенно плохое отношение, как к «безблагодатным»), да и просто спецслужбами; морально же они поддерживались российскими «демократами», от которых к тому времени всех уже тошнило, во всяком случае среди чад Церкви. Поэтому РПЦ при патриархе Кирилле повела с ними борьбу на уничтожение, сменив этим имевшее до того место негативное, но попустительское отношение. В результате обновленчество было признано на VIII Соборе ересью, анафематствовано, и на все его конкретные богослужебные и иные проявления была наложена клятва. Но Церкви хватило соборной мудрости не выплеснуть с водой ребенка и по-своему использовать те немногие разумные зерна, которые были в обновленческой ереси, или, точнее, просто обратить особое внимание на ряд проблем. Помимо допуска женатого епископата, это касалось языка богослужения – о переходе на русский не могло быть и речи, но вместе с тем надо было решать проблему, поскольку основная часть прихожан не понимала священных текстов. В итоге был сохранен, естественно, старый богослужебный язык, но при Московском Патриархате решили создать комиссию по совершенствованию церковнославянского языка, по аналогии с такой же комиссией по русскому языку при Российской Академии наук. Эта комиссия внесла определенные коррективы в сам церковнославянский язык, сделавшие его существенно более понятным для любого знающего русский язык человека. А в качестве временного решения всем приходам было предписано во время завершающей части литургического богослужения, наряду с отпустом и проповедью, по-русски читать Евангелие и Апостол, которые читались в этот день на литургии по-церковнославянски.

Экуменисты же делали упор не на модернизации Церкви, а на том, что все религии суть одно и то же, только выраженное в разных терминах, а уж все христианские религии так и вовсе строго тождественны, различия же между ними надуманы духовенством ради собственных интересов. Поэтому надо двигаться к объединению, а пока что общаться между собой, в том числе молитвенно, обсуждая и преодолевая разногласия. Очевидно, что корни этого течения крылись в глобализации всех аспектов жизни в конце прошлого и начале

нашего века, с одной стороны, и в модернистских тенденциях, о которых шла речь выше, – с другой. Ведь если все обряды, канон и даже догма – глупость, а религия – это лишь внутренняя вера в некоего туманного бога (туманного – потому что вся конкретика дается лишь Церковью и другими организованными религиями), то, конечно, между мировыми религиями и не может быть разницы. По этой причине экуменизм и был определен VIII Собором как часть одной с обновленчеством ереси и анафематствован вместе с ней. Кроме того, экуменизм противоречил самим базовым принципам цивилизационной самоидентификации русских (автономности, национализму и т. п.).

Тем не менее еще в начале века экуменизм представлял серьезную угрозу православию, особенно пока в России еще думали, что ее будущее – быть неотъемлемой и значимой частью мирового сообщества. Имели место случаи, когда даже известные иерархи РПЦ проводили церковные службы вместе с католиками. По-человечески это понятно – ведь так приятно чувствовать себя не провинциальным русским, пусть даже и высокопоставленным, а гражданином мира, причем не из последних, на равных общающимся с вершителями судеб планеты, – точно так же забывали про свою родину и корни древние вожди и цари, оказавшись в блестящих и могущественных Александрии или Риме. Во избежание такого в будущем в новой редакции принятых на Соборе апостольских правил вернулись в этом вопросе к изначальной жесткости, имевшей место в древних апостольских правилах: любой православный, и мирянин и клирик, вошедший по своей воле в иноверный храм (под таковыми понимаются в том числе и католические храмы, и протестантские молитвенные дома) во время богослужения, подлежит отторжению от Церкви. Интересно, что при этом современное православное догматическое богословие считает католическую веру в отличие от лютеранской благодатной (хотя и ошибочной), но чужой: по выражению преподобного старца Иоанна Угрешского, умершего в 2041-м и канонизированного в 2052 году, «католик, наверное, может спастись, но католик из русских – никак».

Гораздо более серьезным вызовом стало для РПЦ маркианское учение. Оно возникло позже, во втором десятилетии нашего века, хотя тоже имеет корни в общих тенденциях духовной жизни либеральных обществ рубежа веков, впрочем, скорее нецерковной их части. Еще в конце XX века заметно повысился и распространился в обществе интерес ко всему оккультному и эзотерическому – пожалуй, интерес этот получил даже более широкое распространение, чем на рубеже XIX—XX веков. Причем распространение повсеместное – как на Западе, так и в Российской Федерации и других странах-обломках Второй Российской Империи. Хотя к началу XXI века увлечение это во многом приобрело характер религии (у нас она даже получила общепринятое название «New Age», причем именно как одна из религий), особого волнения у христианских церквей оно не вызывало – церкви всегда жестко реагируют на ереси внутри себя и гораздо спокойнее на то, что происходит за их пределами, с людьми, так и так не являющимися их паствой. Но в 2012 году получило распространение учение иеромонаха игумена Марка (позже названное маркианством), которое уже нельзя было игнорировать, поскольку оно продвигало оккультизм и эзотерику с православно-христианских позиций – по крайней мере, сами маркианцы так себя позиционировали. Понятное дело – если и раньше такого рода вещами, как я уже указывал, интересовались широко, то маркианство пошло по свету, как пожар по степи.

Это было типичное синкретическое учение, соединившее в себе некоторое количество православной риторики (скорее, просто ощущение, что ты не отрываешься от своих национальных корней), некоторые наиболее расхожие представления и термины New Age’а (типа энергетики, ауры и т. п.), некоторые вошедшие в плоть и кровь современного человека позитивистские представления о всесилии человеческого разума, а также ряд элементов иудейского каббалистического учения. Насколько последние имели отношение к реальному учению каббалы, я сказать не могу, потому что на самом деле это учение тайное. Бог создал человека по Своему образу и подобию, учил игумен Марк, но что это значит – не телом же мы на Него похожи, Бог ведь не имеет тела? У нас есть бессмертная душа и свобода воли, но разве этого достаточно для того, чтобы назвать нас Его образом и подобием? Если бы дело этим ограничивалось, то в Писании было бы просто сказано: «Сотворил их со свободной волей и бессмертной душой». Нет, Бог создал человека полностью равным Себе, а значит,

обладающим всеми способностями Творца. Причем понятно, зачем Он это сделал, учил игумен Марк, – чтобы иметь Себе товарищей, ведь это единственное, чего нет у Бога, – Он абсолютно одинок. Но ведь, казалось бы, мы не имеем никаких сверхъестественных способностей – а все дело в том, говорили маркианцы, что Бог не хотел давать человеку этого сразу и просто так, потому что тогда человеку будет стыдно и неловко, и никаких равных отношений с ним не будет – так же как если миллиардер просто так подарит вам часть своего состояния, то вы от этого вовсе не почувствуете себя равным ему, скорее наоборот. А вот если вы сами заработаете себе состояние, пусть и с его помощью, тогда другое дело. Так же и Бог дал людям лишь возможность стать равными Ему, чтобы они могли ею воспользоваться и гордиться тем, что возвысились сами. Так что люди должны развить в себе заложенные сверхспособности, чтобы исполнить замысел Бога о себе, – это их долг. Тогда они, помимо прочего, смогут видеть Его и общаться с Ним еще при жизни, да и сами человеческие понятия жизни и смерти перестанут для них существовать. И Исус Христос являлся в наш мир для того, чтобы научить людей этому, а сам прежде прошел такой же путь и поднялся до Бога и слился с Ним – это и значит стать Сыном Божьим.

Свое учение Марк аргументировал тремя местами из Евангелий: как женщина с кровотечением незаметно коснулась одежды Христа и тут же исцелилась, а Он почувствовал истечение из себя Силы (Мк., 5, 28—30) (именно так, с большой буквы, писали это маркианцы, по обычаю New Age'а); как Исус сказал ученикам, что если будете иметь веру, то сможете двигать горы и вообще не будет для вас невозможного (Мф., 17, 20); и как Исус писал (в других переводах – чертил) что-то на земле, когда ему привели прелюбодейку (Ин., 8, 6—8), – маркианцы утверждали, что, кроме как каббалистические знаки, чертить или писать Ему было решительно нечего.

У меня нет цели подробно описывать теологию маркианского учения, а тем более приводить его аргументацию или апологию – я лично ни в коей мере ей не симпатизирую, поскольку воспитан в строгом католическом духе, – но необходимо пояснить, почему оно так быстро распространялось и представляло столь большую опасность. В маркианских группах (сами маркианцы называли их общинами) люди действительно начинали обретать парапсихологические навыки: видеть и даже читать с завязанными глазами, узнавать все о незнакомом человеке с первого взгляда, двигать предметы без рук, одним усилием воли, исцелять многие болезни без лекарств, наложением рук или просто взглядом, и другое тому подобное – я сам знакомился в архивах с протоколами государственных комиссий, изучавших этот вопрос. Помогал ли маркианцам в этом сам Князь Тьмы, как утверждал на Соборе святитель Кирилл, или все это на самом деле доступно любому, вроде как накачать мышцы или выучить языки, а маркианцы просто разработали или откуда-то получили действенную методику, мне сказать трудно. Во всех странах, и Россия здесь не исключение, такими вопросами особо интересуются спецслужбы, и серьезной публичной информации об этом мало. Маркианцы начинали и заканчивали свои собрания в группах христианскими молитвами, а наиболее продвинутые из них (так называемые посвященные пятой ступени) утверждали, что общаются со многими святыми, Богородицей и даже самим Исусом Христом. При этом они говорили, что на данном уровне духовного роста (приближения к Творцу, по их терминологии) как раз и становится очевидно, что все религии суть одно и то же.

Народ валил к маркианцам валом, причем платил за занятия в группах I, II и III ступеней немалые деньги (IV и V ступени, куда проходили уже не все, были бесплатными). У игумена Марка, однако, хватило веры или же просто ума не начинать роскошествовать и не давать этого делать своим соратникам. Когда Патриархат спохватился, а произошло это в конце 10-х годов, было не очень понятно, что делать с Марком: запрещение его в иерейском служении было бесполезно, поскольку треб он и не совершал, а лишение его священнического сана или тем более благодати монашеского пострига лишь превратило бы его в мученика, да и ничего бы не дало. К тому же и не за что было это делать – он регулярно исповедовался и причащался в обычных храмах (у себя в общинах маркианцы не осуществляли таинств, видимо, специально для того, чтобы им было труднее предъявить претензии). Марк исправно повторял символ православной веры и, по-видимому, искренне в него верил.

Просто он считал, что такие, как он, знают несоизмеримо больше, и символ веры, да и сама вера, для них как детский букварь для взрослого – вещь, безусловно, правильная, но уже не слишком актуальная.

Просить о вмешательстве светские власти также не было оснований – под понятия тоталитарной или тем более сатанинской секты маркианцы никак не подпадали: у них не было жесткой иерархии или подчинения, не было обобществления имущества, они не поклонялись Сатане и не служили ему черные мессы, да и вообще на службы ходили в обычные церкви. К тому же любой из посвященных высших ступеней обязан был сколько-то времени тратить на то, чтобы ходить и бесплатно исцелять страждущих. Однако в 2018 году Марк публично предсказал, что через год Россия начнет короткую и победоносную войну, а через два года станет мировой империей, – после того, как предсказание исполнилось, ситуация стала критической: уже не просто народ, как говорят русские, «ломанулся» туда, причем со всей новой территории Империи, но целые приходы вместе с настоятелями стали объявлять себя маркианцами. Борьба Московского Патриархата с ними, которую возглавил святитель Кирилл, закончилась только в 2026 году, на Вселенском соборе.

На VIII Соборе обсуждение маркианства стало самым острым вопросом. На Соборе присутствовало много маркианцев, и, поскольку отступать было уже некуда, сам игумен Марк перестал изображать из себя овечку и выступил достаточно прямо. «Не будем лукавить и изображать согласие и единомыслие, братие, – сказал он. – Не будем уподобляться тем, про кого написано у Иеремии: «Говорят: мир! мир! – а мира нет». Хочу сказать вам словами Спасителя, когда пришли к Нему двое учеников Иоанновых: «Пойдите и скажите, чту слышите и видите – слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат»; не так ли и сейчас? Знаю, говорят обо мне, что силою бесовскою мы это делаем – но не так же ли говорили и о Спасителе? Я не объявляю себя Спасителем, я всего лишь человек, которому Богом открыто и велено открыть другим: вы все как боги и можете все, а раз можете – значит, должны. И ныне говорю вам, братие: да, открыто мне, недостойному, что вера наша неполна, и надо ее дополнить, а если угодно называть это словом «изменить», как говорят мои обвинители, – что же, пусть будет изменить. В наш символ веры, в третий член, после слов «Нас ради челове...» надо вставить «...единосущных Ему». И так вам скажу, братие: на Первом Вселенском соборе Арий говорил, что Сын Божий единосущен человеку, потому что нет в Нем Божественного естества, – и был не прав. А те, кто возражали ему и одолели его, говорили обратное – и тоже были не правы. На самом деле Сын Божий и вправду единосущен человеку, но не потому, что не обладает Божественным естеством помимо человеческого – Он им обладает. А потому что так же и все человеки – это только тела наши сотворены в шестой день, а души все рождены от Отца прежде всех век. А меня и моих учеников что упрекать в том, что мы делаем – разве не Богу мы молимся об обретении всех наших способностей, и, значит, разве они не от Бога? Да и для себя разве делаем, ради денег или чего-либо иного низкого?»

Очень многие из делегатов Собора прельстились его словами, даже и не маркианцы, но не все. Истинным воином Христовым показал себя Климент, митрополит Московский. «Есть вещи запретные для человека, – сказал он, – и не важно, во зло или на пользу: еще в Моисеевом законе, который Спаситель пришел не отменить, но исполнить, категорически воспрещено всякое волшебство или чародейство – разве сказано там, что запрещено только во зло, а для хороших дел давайте, мол, колдуйте? Да, вы и исцеляете, причем бесплатно, и я даже не говорю вам, как здесь многие из братии, что это непременно от дьявола, – но это нельзя, и нет пользы в таком исцелении, потому что не так задумано Творцом». – «А таблетки от сердца тогда не принимайте! – воскликнул протопресвитер Фома, один из видных маркианцев. – Они ведь людьми придуманы, а не Богом, и на машинах не ездите, и по телефону не звоните!» – « Когда таблетку принимаешь или даже изготовляешь, себя не меняешь, – ответил Климент. – Не более, чем когда горшок из глины лепишь или посох из дерева вырезаешь. Если поймут в будущем ученые, как эти ваши умения работают, и окажется все это обычным материальным, и изобретут машины или химию, которые это делать будут, – пожалуйста, я и сам этим воспользуюсь. А себя менять – это нельзя, это как поесть плоды с древа познания, как пращуры наши Адам и Ева. Мне же кажется, что то, что вы

делаете, еще хуже – это плоды с древа жизни, и вовсе запретного».

Я не буду здесь касаться всех перипетий этого диспута, дорогие соотечественники, он продолжался более месяца, и о нем написаны десятки книг; точку в нем поставил святитель Кирилл. «Да, верно ты сказал, Марк, что мы возвращаемся к арианской ереси, – изрек он. – Так и должно быть, начало и конец всегда смыкаются, и потому на последнем Вселенском соборе перед нами опять те же вопросы, что и на Первом, пусть и по-другому поставленные. Посему и говорю прямо в отличие от многих моих братий тут, что именно от Князя бесовского твое учение – его именно рука видна в этом. Не получается искоренить веру и Церковь Христову без утверждения, что нет разницы между Христом и человеком, – значит, надо попробовать иначе, чем Арий. Что такое для Сатаны семнадцать веков – его в дверь, а он в окно! Правильно говорили тут многие, но я скажу про другое: вот ты говоришь, что все люди это могут – а так ли уж все? Разве у вас все прошедшие первую ступень достигают пятой, а тем более становятся наставниками совершенства, как вы это называете? Знаю, говорите вы, что может это каждый, только не у каждого желания и усидчивости хватает, но не лукавь: ты же сам используешь слово « способности». А разве могут какие-либо способности, как, к примеру, к математике или к музыке, быть одинаковыми у всех? Разве есть на свете такая усидчивость и такое желание, которые бы могли сделать Моцарта из Сальери? А раз нет, то, значит, ты разделяешь людей гораздо сильнее, чем могут разделить их богатство, происхождение или обычные природные способности. Да, Спаситель говорил, что если будете иметь веру, то сможете повелевать и горами – но ты говоришь другое: некоторые из вас смогут повелевать и горами, и большим, а некоторые – нет. Значит, что же получается – есть просто люди, а есть иные? И кто же тогда люди для этих иных: они им не творения, как Отцу, потому что они их не сотворяли; они им и не паства, как Сыну, ибо пришли они в жизнь не пострадать за них, как пастырь добрый, а только возвыситься самим, – и с полным основанием скажут словами Каина: «Разве сторож я брату моему?» Да и не братья они им – тоже мне братья, которые ничего не могут; разве что, как мы про животных говорим, «братья наши меньшие». Так что соблазнил вас Сатана не чем-то новым, а тем же, чем и всегда, – силой, которой нет у других, и гордыней от того, что у вас она есть. А что используете силу не на еду с золота и не на содержание гаремов, а на другое, так гордыня в разном может проявляться – тебе ли, Марк, жившему в монастыре, этого не знать. Божественное в Сыне не то, что Он по воде ходил или даже исцелял – это ты, может, и взаправду не хуже делаешь, – а в том, что Он, безгрешный, пришел принять муку за нас, погрязших в грехе, и плакал в Гефсиманском саду в смертной тоске Своего человеческого естества, но не отступился. Ты не Сын и не можешь быть единосущным Ему, потому что ты для всех своих умений обращаешься с молитвой к Творцу – ты сам тут говорил, что без молитвы они не обретаются, – а Ему ничего не надо было от Отца, кроме как исполнить Его волю. А тебе горе, не будет тебе спасения за гордыню твою, как сказано Спасителем: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской».

В результате было принято решение об анафематствовании маркианства, наложении клятвы на все их обычаи и отлучении от Церкви самого Марка и наиболее видных его соратников, а также всех маркианцев, кто в трехмесячный срок не покается в ереси. Как сказал председатель комиссии епископ Георгий из Харькова: «Вы можете практиковать свое учение за пределами Церкви – пока вы не творите зла, земных законов вы не нарушаете, а нас это не касается. Вы можете даже называть себя христианами, если хотите, – законы нашей Империи не возбраняют и это. Но православными вы не являетесь и называть себя так не должны – да вам это и не нужно, судя по тому, что я от вас услышал».

Интересно, что итоги голосования (а соборный принцип, напоминаю, требует для принятия решения 75% голосов) замечательно иллюстрировали исходное значение слов «соборное решение», то есть получающееся в результате снисхождения Духа Святаго: часть маркианцев уже на Соборе поменяла под действием выступлений свои взгляды, а еще часть ушла, что и сделало возможным вышеуказанные итоги голосования. Маркианство после Собора полностью не исчезло – оно есть и по сию пору, правда уже за пределами ВРПЦ, и по аналогии с арианством можно предположить, что оно будет живо еще довольно долго. Но

наиболее сильные и зримые проявления маркианских сверхспособностей исчезли, как будто анафема Собора лишила их силы – все воцерковленные люди России уверены, что так оно и есть. Так была побеждена самая опасная за последние века угроза русскому православию, а может быть, и всему христианству, – она, безусловно, была страшнее физических гонений на Церковь со стороны большевиков, точно по словам Спасителя: «Не бойтесь убивающих тело, души же убить не могущих; а бойтесь Того, Кто и душу может погубить в геенне».

Народная религиозность. Когда я уже вернулся из России и готовил эту книгу, в частности обсуждая ее с научным руководителем и коллегами на семинарах, один из преподавателей с нашего факультета, профессор Мартинез, спросил по поводу этой главы: «А какое место занимает в России религия в жизни народа? Вот вы весьма любопытно пишете, уважаемый господин душ Сантуш, о духовенстве, о реформах и Соборах, о ересях и каноне – а вот помимо духовенства, много ли тех, кто готов, как говорил Христос, бросить все и пойти за Ним? Во многом ли люди себя ограничивают в повседневной жизни ради заповедей Христа; боятся ли смерти?» Я задумался и дополнил эту главу тем разделом, который вы сейчас читаете.

Людей, для которых православная вера является не просто частью жизни, а ее основным содержанием, в России, конечно, меньшинство, но не такое уж и малое – по моим представлениям и наблюдениям, процентов 10—12 от общей численности православных, то есть около 55 миллионов человек. Это те, для кого пропустить более одной воскресной службы подряд – ЧП, а такие вещи, как воровство, прелюбодеяние или отказ в посильной помощи нуждающемуся, даже не придут им в голову. Их доля выше в малых городах и поселках и ниже в мегаполисах, и они обычно скромны по манерам поведения и положению в жизни и потому мало заметны, хотя их сразу видно по выражению лица и особенно по глазам. Но именно они являются аккумуляторами истинно российского духа, и в любую тяжкую для страны пору они – первая подмога. Среди остальных (помимо духовного сословия, о котором я уже писал в соответствующем разделе) еще процентов 20—25 от всех православных составляют люди, живущие обычной земной жизнью, такой же, как мы, для которых тем не менее наличие Бога и Церкви является постоянно присутствующим и ощущаемым фактором этой жизни.

Русские очень любят рассуждать и спорить о вопросах веры; жаркие дебаты на богословские темы не редкость и среди застолья, и на улице. Но этим дело не ограничивается – религиозность накладывает отпечаток на все аспекты жизни русских. Мысль «Нехорошо так поступать, потому что Господь не велит» точно посещает русских чаще, чем нас; им она заменяет многие общественные нормы. Русские больше, чем мы, склонны прощать других – я имею в виду тех, кого прощать нет оснований с позиций обычной морали. Притом под словом «прощать» я имею в виду не отсутствие враждебных действий или даже слов, как это зачастую понимается у нас, а восстановление дружелюбного отношения и общения в полном объеме. Русским более свойственна простая жалость, без элементов долга и справедливости: например, я не могу сказать, что там больше подают нищим, чем у нас, но если у нас никто не подаст профессиональному попрошайке, то русский запросто может сделать это и сказать: «Ну и что, разве мне решать, кто достоин помощи?»

Как я уже писал в главе « Экономика», русским более свойственна не тяга к неограниченной роскоши, а созерцательное отношение к жизни. Они более склонны задавать себе вопрос «А зачем это все?», и хотя многих это приведет лишь к меланхолии, пьянству и другим негативным проявлениям, но многие и задумываются над этим вопросом, и разрешают его для себя в религиозном ключе. Русские более склонны видеть в своей жизни непосредственное проявление Божьей воли и не противиться ему; такие соображения, как «не буду противиться этому ходу событий не потому, что ленюсь или боюсь, а потому что ощущаю, что это со мной неспроста», весьма распространены.

Столь же распространены представления о том, что твои достижения являются не твоей заслугой, во всяком случае не только и не столько ею, а проявлением Божьего благоволения или иного Его промысла о тебе. Это порождает чувство благодарности – у русских в быту благодарственные молитвы даже более часты, чем просительные. Но еще это приводит к характерному мироощущению: для того, чтобы сохранить свое счастье и отвести напасти,

надо не столько прилагать усилия для сохранения имеющегося – близких, здоровья, денег, – сколько молить Бога и совершать угодные Ему дела. И наоборот, стоическое терпение в тяжелых жизненных обстоятельств, отсутствие ропота на судьбу и вера в то, что все будет решено Господом наилучшим образом, также почитаются за большую добродетель и весьма распространены. Бороться же за исправление нежелательных обстоятельств своими силами, обычным земным образом, считается приемлемым, но не главным средством исправления этих обстоятельств.

Загробная жизнь для многих русских гораздо более реальна, чем для нас: в обычной жизни достаточно часто встречается боязнь наказания на Страшном суде за уже совершенные грехи, не дающая человеку покоя и заставляющая его это замаливать или чем-то хорошим компенсировать. Столь же часто встречается не концептуальное, а совершенно реальное и серьезное ожидание встречи после смерти с почившими близкими – абсолютное большинство русских, например, верит тому, что венчанные супруги непременно встретятся на небесах, и специально для этого венчаются, хотя это не догмат, а просто предание.

Наконец, русские очень серьезно относятся к богоизбранности своей страны: так, социологические опросы показывают, что более 80% русских твердо уверены, что изложенные в Апокалипсисе события произойдут во всем мире, но не в Российской Империи – ее армия под незримым водительством Архистратига Михаила отразит войска Антихриста, и Россия будет стоять оплотом истинной веры в своих границах, как за стеной, под покровом Пресвятой Богородицы. В этом, кстати, одно из наиболее глубинных обоснований русского изоляционизма (принципа автономности).

В общем и целом, дорогие соотечественники, российский социум воцерковлен значительно сильнее, чем наш, – и воцерковлен реально, то есть не только в части следования установленным порядкам, но и в общественном сознании. И это именно воцерковление, а не просто абстрактная вера или превознесение нравственных норм самих по себе. Потому что «обмирщенное» православие у русских уже было: и православие без Церкви – последние десятилетия перед 1917 годом, и православие без Христа, с одними нравственными нормами, непонятно откуда взявшимися, – с 1930-х годов и до конца Второй Империи.

Нельзя не сказать несколько слов о веровании служилого сословия. Как я уже писал, опричники весьма религиозны, но у их веры есть особенность, которая поначалу показалась мне дикой, – они верят в переселение душ. Для индуиста, буддиста или поклонника New Age'а это естественно, но для православного? Когда я стал разбираться с этим, выяснились любопытные подробности: во-первых, опричники считают, что души не всех людей неоднократно возвращаются на Землю, а только воинов (и в физическом, и в духовном смысле слова), потому что их мало, и их судьба и удел – вечный бой. При этом воины в их представлении вовсе не тождественны просто солдатам. Во-вторых, они полагают, что в опричники и идут те, в кого вошла душа вечного воина, а если это происходит с человеком не в минимально разрешенные 15 лет, а во взрослом возрасте, то это всего лишь значит, что после какого-то шока предыдущего воплощения душе надо немного отдохнуть. В их представлении здесь нет никакого предопределения, просто никто другой в опричники пойти и не захочет.

Я указывал нескольким из них, какие аргументы использовала Церковь, когда в свое время не принимала учения о метемпсихозе: наиболее существенным из них лично мне всегда казался тот, что если душа проживает несколько жизней, то как может она нести ответ на Страшном суде за эту конкретную жизнь? Но при обсуждении с опричниками именно этого аргумента выяснилось, что они представляют себе переселение душ довольно своеобразно, вовсе не так, как отвергнутые Церковью учения, и напрямую их взгляды догме вроде бы и не противоречат. В частности, никакой кармы, оставляющей судьбу и спасение каждого механически работающему духовному закону, вместо живого милосердия Божьего, они не признают. Не вдаваясь в подробности, которые я к тому же не все понял, могу сказать, что вера в многократное перевоплощение части своей души для вечных боев занимает весьма важное место в мироощущении опричников. Церковь, судя по всему, относится к этому терпимо. Вообще мироощущение у опричников содержит, помимо православия, весьма

значительный элемент стоицизма, идущий сквозь времена, как я уже писал, от их предков по духу – древних варягов. Если у остальных истинно верующих людей страха нет потому, что Господь не допустит случиться с тобой ничему реально плохому, то опричники вовсе не ждут для себя ничего хорошего, но боязнь за свою жизнь считают противоречащей долгу и чести своего сословия.

Другие религии. В России существует градация религий: с 1998 года – по тому, насколько эта религия является традиционной, и с 2013 года – по тому, имеет ли она организационный и духовный центр за границей. Конституция в России декларирует свободу вероисповедания (кроме сатанизма и тому подобного), поэтому право на отправление культа имеют все, но их права на публичную деятельность сильно дифференцированы. Нетрадиционные религии не имеют права на публичную проповедь (российское определение публичности см. в главах «Социальная сфера» и « Культура») и на любые свои школы, но никак не ущемлены в способах финансирования; для государства они как бы не существуют. Религии традиционные, но имеющие центр за границей имеют право на публичную проповедь, но не на свои общеобразовательные школы (хотя имеют право на факультативные), а также жестко регламентированы в источниках финансирования и постоянно в этом контролируются. Наконец, есть религии, и традиционные для народов Российской Империи, и не имеющие центра за границей – они не отличаются по правам от Православной церкви, кроме как в общегосударственной символике, и в частности имеют свои общеобразовательные школы. Но надо твердо понимать, что дискриминированы могут быть только организованные религии в их организационной и прозелитской деятельности – сами люди, верующие не по-православному, в своей светской жизни дискриминированы быть не могут, это требование Конституции.

С 1998 года к традиционным религиям народов России, помимо православия, были отнесены ислам, иудаизм и буддизм ламаистского толка (издревле исповедуется калмыками, бурятами и тувинцами). А с 2013 года абсолютно полноправной религией остался только ислам – у него вообще на тот момент не было мирового центра; католицизм и протестантизм одновременно были и нетрадиционными, и имели центры за границей, иудаизм имел центр в Израиле, а буддизм в Китае (Тибете) – впрочем, последнее было властям неочевидно, и реально никаких ограничений буддизм не претерпел, во всяком случае в местах традиционного исповедания. Кстати, в исламе этот подход позволил властям дискриминировать определенные течения, как раз явно имеющие центры за границей, – в первую очередь это относится к ваххабизму. Но эта ситуация радикально изменилась в 2020 году, когда в связи с присоединением Европы и Израиля к Российской Империи католичество, протестантизм и иудаизм стали традиционными религиями народов Империи, и к тому же их центры, не меняя своего географического положения, из заграничных стали российскими.

С 2025 года, после исхода Римско-католической церкви в Американскую Федерацию, католицизм опять оказался религией с центром за границей, хотя и традиционной для народов России (западноевропейцев). С другой стороны, с созданием Исламского Халифата в 2022 году у ислама появился отчетливый мировой центр.

Таким образом, на сегодняшний день религиями традиционными, но имеющими центр за границей и потому ущемленными в некоторых правах являются католицизм (центр у нас); некоторые деноминации протестантов (центр у нас); традиционный ислам (центр в Халифате) – в отличие от равилитского, см. ниже; хасидский иудаизм любавичского толка (центр у нас). Полноправными же религиями считаются: а) армяно-григорианская церковь; б) основная часть иудаизма, кроме вышеуказанного любавичского хасидизма; в) ламаистский буддизм – наличие у него центра в Поднебесной было сочтено Конституционным судом недоказанным; г) часть протестантских деноминаций, в основном из Северной Европы; д) равилитский ислам. Описывать эти религии я не буду – это предмет лишь специального интереса, – кроме равилитского ислама, поскольку это любопытно.

Когда в конце XX – начале XXI века ислам подвергался сильнейшему давлению по всем фронтам со стороны Запада, при этом находясь в материальном и геополитическом смыслах на мировой периферии, это не производило на мусульман особого впечатления – все

понятно, Аллах испытывает их и готовит к решающему сражению с шайтаном-Западом. Но когда Запад был-таки сокрушен, причем явно волей Всевышнего (вспомните пророчество муллы Омара), но вовсе не ими, это заставило многих задуматься: так кого больше любит Аллах, кого Он делает Своим мечом – мусульман или христиан (последние по Корану являются «людьми Писания», то есть тоже избранниками Всевышнего, а не неверными-язычниками)? Но особенно остро этот кризис религиозной самоидентификации коснулся мусульманских народов, оказавшихся частью православной империи (не важно, когда оказавшихся – в стародавние времена или только что): кем считать себя в чуждом окружении, когда единоверцы наконец-то создали волею Аллаха самое большое в мире государство, живущее по законам ислама? Теми ли, кто должен собраться и отбыть туда – но ведь именно здесь родина! Или теми, кто должен терпеливо ждать, покуда и эта «территория войны», дар-эль-харк, не превратится в «территорию ислама», дар-эль-ислам, – но эта Империя сильна, сильнее всех в мире, в том числе и духом, так что очень сомнительно, что ее можно победить в обозримом будущем. А может, следует считать себя передовым отрядом, который должен не ждать, а готовить изнутри победу в последнем джихаде – но Всевышний явно благоволит к этой Империи, и не пойдем ли мы в этом случае против Его воли? Так в чем же смысл нашего существования как мусульман?

Как уже говорилось, многие ответили для себя на этот вопрос принятием православия или вообще переходом в русскую нацию, но большинство искало ответ в рамках ислама. И наконец в 2023 году его дал молодой мулла, татарин Равиль Идиатуллин. «Все в мирах происходит по воле Аллаха, и ничего не делается просто так, – сказал он. – Во всем есть смысл, и задача разумных понять его по признакам, и тогда они смогут послужить Аллаху. Давайте посмотрим, какие признаки мы видим ныне: Аллах явно любит империю русских и дает ей силу – это видно не только по результатам – они впечатляли и у сынов Иблиса, американцев, но и по тому, как они достигнуты. А также и по тому, что не дал Он Омару III победить православных, как дал почти полтора тысячелетия назад Омару I. Значит, воля Аллаха не в том, чтобы повергнуть эту империю. Но и Халифат явно образовался по Его воле, и Его благоволение на нем – значит, замысел Его и не в том, чтобы уничтожить за грехи ислам и мусульман, и, значит, не в том Его воля про нас, чтобы нам перейти в христианство. Но если благословенны Аллахом и Халифат с исламом, и Империя с православием, то в чем же замысел Его о нас – мусульманах, живущих в Империи? Только слепой не увидит этого, поскольку в Коране ясно сказано: христиане суть люди Писания, и есть среди них праведники, верящие в Господа и Судный день, и уготовано им воздаяние от Аллаха, и попадут они на небеса. Но так же ясно сказано, что крайне близки они к неверности и тогда только попадут в рай, если удержатся у этой опасной черты и не перейдут ее. Разве там не сказано ясно, что есть среди людей Писания такие, которым можно доверить и кинтар золота, и отдадут его тебе – а есть и такие, что не отдадут и мелкую монету, сколько ни стой у них над душой? У последователей же Пророка единобожие гораздо строже – значит, наша цель от Аллаха в том, чтобы влиять на православных, живя среди них в Империи, и не давать им скатиться под прикрытием Писания в многобожие и идолопоклонство. Так же, как дело жизни одних воевать или торговать, других же – обучать воинов и купцов, и эти другие не менее важны и уважаемы. И наступит день, может уже и незадолго до Судного дня, когда выяснится, что мы и они веруем по-разному в одного Господа; ибо разве не сказано в Коране: «О люди Писания, давайте признаем единое слово для нас и для вас»?

Вот основная суть равилизма, который за десять лет стал полностью доминировать среди российских мусульман, давая им ощущение своей роли, причем сакральной, в Империи. И Империя признала равилитский ислам не дискриминируемой религией (центр находится в России) и в целом нормально к нему относится, как и Русская православная церковь, – настолько, насколько религиозные люди вообще могут нормально относиться к иноверцам.

Глава 10

Образование и наука

Школьное образование (концепция). К началу xxi века в России, как и на Западе, и в экономически процветающих странах Востока, абсолютно доминирующей стала тенденция увеличения продолжительности всеобщего обязательного образования за счет увеличения объемов преподаваемых знаний. Эта тенденция относилась и к высшему образованию (для некоторых профессий продолжительность образования всех уровней достигла 25 лет, то есть трети жизни), но об этом речь пойдет далее. В России обязательное школьное образование в 60—80-х годах XX века было 10-летним, в 90-х годах завершился его переход на 11-летнее, а после 2007-го – на 12-летнее. Аргументировалось это возросшим в результате научно-технического прогресса объемом необходимых человеку знаний вообще, и особенно квалифицированному работнику. Единогласия в обществе это удлинение не вызвало, наоборот, многие считали его неоправданным (родители и учителя), но исключительно в плане того, что возросший объем материала можно было донести и за прежние десять лет, за счет более эффективного использования времени. В объективной же необходимости увеличения объема материала никто не сомневался. Ведь уровень сложности техники, с которой приходится иметь дело на каждом шагу, растет? Растет! Значит, и взаимодействующие с ней люди, и на работе и в быту, должны по уровню своих знаний этому обстоятельству соответствовать, именно уровень знаний определяет конкурентоспособность страны в нашем веке. Тем более что мы можем такому уровню отвечать – в советское время наша система школьного образования уже была лучшей в мире! Эти соображения считались общим местом, пока всеобщие реформы в стране не докатились и до сферы образования.

У Владимира Восстановителя до коренной реформы системы школьного образования руки не дошли, хотя он многое для нее сделал в подготовительном режиме – в первую очередь перевел ее финансирование от так называемого остаточного принципа к приоритетному, что по крайней мере оздоровило ситуацию в среде людей, профессионально занимающихся образованием. Но когда начались реформы Гавриила Великого, правительство взялось за эту область вплотную.

Кроме общей атмосферы глобальных перемен, реформе образовательной системы способствовало и то обстоятельство, что в любом случае надо было выстраивать схему образования для опричников – качественно новую даже в своих чисто гражданских аспектах. Как это принято в российской власти, сначала была создана комиссия – но не бессмысленное бюрократическое образование, а ударная рабочая группа, достаточно обеспеченная ресурсами и полномочиями. Она проанализировала (и самостоятельными исследованиями, и изучением исследований, проведенных другими), насколько взрослые люди разных поколений владеют пройденным в школе материалом. Результат расстроил – весьма небольшая часть помнила даже основы многих предметов, причем это относилось не только к тем, кто учился в 1990-х (с ними по-другому быть и не могло), но и к тем, кто закончил школу еще в период ее расцвета, до краха Второй Империи. Впрочем, такой результат был вполне ожидаем.

Комиссия, однако, не остановилась на этом прискорбном факте и сделала следующий шаг в анализе – по каждому предмету определила владение им отдельно у тех, кто с этим предметом хоть как-то связан по работе (инженер – с математикой, гуманитарий – с литературой и т. д.), и у тех, кто не связан. Выяснилось, что если у первых активные базовые знания невелики (кроме тех, которые они регулярно используют в работе, как, например, конструктор тригонометрию), но все-таки присутствуют, то вторые не знают практически ничего. Это было бы очень обидно, если бы по ходу не выяснилось, что в остальных странах картина та же, причем в некоторых – например, в США – даже хуже. Но самое интересное открылось дальше. Оказалось, что для большинства профессий, в том числе общепринято считающихся престижными и творческими, нет вообще никаких школьных дисциплин, которые бы им соответствовали и были использованы преуспевающими в этих профессиях людьми. А если что-то базовое эти люди и знали, то знания эти оказывались не просто специализированными, а ультраспециализированными. Например, журналист, ведущий в журнале колонку про искусство, естественно, знал историю – но только историю культуры: он мог, конечно, ответить на вопрос, в какой стране и когда творили барбизонцы, но вот что

вообще происходило в это время с этой страной, с кем она воевала, как развивалась – об этом он, как правило, не имел никакого понятия. Менеджер турагентства знал, естественно, географию и знал про любую страну не только то, где она находится и какой там климат, но и другие важные для него и его клиентов вещи – состояние ее экономики, историю, культуру. Но вот каковы основные партии в этой стране, он уже обычно не знал, поскольку отдыхающие этим не интересуются. Открывшаяся картина заставила задуматься: а для чего мы вообще учим наших детей в школе, если они не используют и забывают большую часть полученных знаний, зачем тратим на школьное образование немалые деньги, которые можно было бы вместо этого пустить на увеличение пенсий, освоение космоса или производство авианосцев?

Можно было бы подумать, что школа просто учит не тому, ведь какие-то знания люди все-таки получают, иначе они не могли бы работать. Но всеобщее обязательное образование по самой своей природе вовсе не предполагает давать специализированные знания и навыки, тем более что с этим прекрасно справляются платные курсы. Да и надо ли, задалась вопросом комиссия, учить тому, что реально необходимо в повседневной жизни? Ведь тому, что действительно надо, все научаются и так, сначала подражая окружающим, а в более старшем возрасте сознательно учась у них. Например, никто специально не учит ребенка говорить, а он все равно научается, хотя это, если вдуматься, гораздо сложнее, чем читать и писать. Даже если признать, что многие родители его этому учат, то в неблагополучных семьях, где ребенком вообще никто не занимается, все умственно полноценные дети тем не менее начинают говорить.

Более того, скрупулезное исследование однозначно показало, что те дети, которые по каким-то причинам не учились в первом-втором классе школы и не занимались при этом с частными учителями, все равно все каким-то образом научились читать (таким образом, утверждение, что в США много тех, кто читать не умеет, оказалось выдумкой). А как же раньше, сто лет назад, когда лишь меньшинство ходило в школу и соответственно большинство читать не умело? – возражали оппоненты. Однако это обстоятельство вполне укладывалось в те представления, которые начали сформировываться у комиссии. Умение читать в современном мире не есть требование великосветского этикета или императив для интеллектуалов – это навык, без которого почти невозможно существовать на чисто бытовом уровне, потому что невозможно понять ни этикетку на товаре, ни гиперссылку в Сети. А сто лет назад мир был устроен так, что без этого вполне можно было обойтись – именно потому, что он был рассчитан на большинство, которое читать не умело. Вот писать в современном мире обычному человеку совершенно не обязательно, поэтому не ходившие в школу дети этому и не научаются (как, впрочем, и многие ходившие) – но это если под словом «писать» понимать писание ручкой на бумаге и без ошибок. А если понимать под этим пользование клавиатурой без соблюдения орфографии, то этому научаются все – потому что без этого нельзя пользоваться компьютером, а компьютер стал частью повседневной жизни. Дело тут именно в бытовой и социальной необходимости, а не в сложности или простоте – те же сто лет назад печатать на пишущей машинке (та же клавиатура) считалось гораздо сложнее, чем просто писать, и этому специально учили. Но самым убедительным оказался тот факт, что большинство лучших хакеров и даже программистов-системщиков – а это, по принятым представлениям, уже одна из наиболее сложных и престижных в современном мире профессий – никогда не учились своей специальности в традиционном, формализованном смысле.

Таким образом, по мере осознания ситуации складывалась следующая картина: начальная школа учит читать, считать и писать, причем последнему плохо, – но всему перечисленному дети выучились бы и без нее. Средняя же школа учит большому объему довольно детализированных знаний по всем основным научным и гуманитарным дисциплинам, которые практически никто не помнит уже через год, не говоря уж про более долгое время, прошедшее после окончания школы. Но эта близкая к нулю результативность – лишь одна сторона медали. Другая же, на первый взгляд парадоксальная, состоит в том, что, может, и слава Богу, что ничего этого дети не запоминают, может, и не надо этому учить? Может, как раз и нормально, что никто никогда не научился ни петь, ни рисовать на соответствующих

уроках музыки или изо: почему государство должно волновать, умеет ли человек все это – что, не умеющий петь – разве второсортный гражданин? Может, и ничего, что никто не научился на физкультуре прыгать через «козла» – а собственно, зачем через него уметь прыгать, особенно когда определилось, что в армии служат только добровольцы-опричники, а остальным не надо даже делать вид, что они потенциальные воины? И то, что никто не помнит из курса стереометрии, что такое призма, может, и не повод для печали? Или все-таки повод? Тут вспоминается персонаж известной русской классической пьесы «Недоросль», который говорил, что незачем знать географию – извозчик довезет куда надо. С одной стороны, не хочется ему уподобляться – а с другой, в обратную сторону можно легко дойти до того, чтобы учить детей географии в объеме университетского спецкурса. Одним словом, комиссия пришла к заключению, что не просто огромные средства тратятся почти впустую, но и невозможно определить – как, собственно, должно быть, чему и как надо учить в школе. Во всяком случае, пока не будет сформулирован абсолютно четкий ответ на вопрос: в чем состоит для государства цель школьного образования и вообще воспитания детей?

В попытке найти ответ на этот вопрос комиссия проанализировала все типы школ и системы образования, существовавшие с античных времен и по наши дни, и пришла к довольно парадоксальным, но достаточно аргументированным выводам. Идея всеобщего образования в том виде, в каком она сложилась на рубеже XIX—XX веков, и не могла появиться раньше – но вовсе не из-за нехватки материальных ресурсов или отсутствия новых взглядов на гуманизм и справедливость. Дело в том, что до этого сам подход к образованию был антиподом подхода, возобладавшего в XX веке, – подхода всеобщности образования.

Раньше образование мыслилось и практиковалось как признак отличия положения в мире молодого человека, а не как способ уравнять его до известной степени со всеми сверстниками. Для европейского Средневековья и начала Нового времени характерным было образование, закрепляющее сословные отличия, в первую очередь феодальные (позже – дворянские); именно здесь находятся корни понятия «классически образованный человек», или иначе джентльмен. Подрастающее поколение учили географии не потому, что извозчик без этого не довезет, и уж никак не для того, чтобы они выросли гармонично развитыми личностями – таких представлений то время не знало, а если бы узнало, то не приняло бы. Нет, детей растили дворянами, плотью от плоти своего сословия, не жалеющими жизни за его права и статус, – а для этого они, как члены сословия, должны были отличаться от других чем-то, кроме паспорта: иначе и своего не отличишь в нештатных ситуациях, и природное свое право быть над остальными не обоснуешь.

Религиозные школы в той же Европе также были инструментом воспитания сословных отличий, только другого сословия – духовного. А образование в Китае служило инструментом воспитания членов их главного сословия – чиновничества, игравшего там примерно ту же роль в управлении государством, что дворянство в Европе.

Так что нынешние сторонники изучения латыни и античной литературы, вздыхающие о разностороннем человеке Возрождения, должны четко понимать, что этому учили исключительно с целью воспитания человека, отличного от других. Весьма вероятно, что это вполне благородная мотивация, но абсолютно неприменимая к всеобщему образованию – если этому учат всех, она просто теряет смысл. Что же касается античных школ Эллады и Рима, то они тоже воспитывали отличия, только не сословные, а национальные (точнее, племенные). В языческо-племенную эпоху важнее всего было воспитать не столько верных сынов своего сословия, сколько своего племени – и античные школы прекрасно с этим справлялись. И в греческом, и в латинском языках было слово «варвар», означающее любого человека из иного племени, как и в еврейском аналогичное слово «гой» – а в основных современных языках таких слов нет.

Важно, что до определенного времени образование всегда рассматривалось как подготовка молодого человека к тому, чтобы он был верным сыном какой-то определенной группы – сословия, Церкви, племени. Оно должно было в разных аспектах сделать его способным к выполнению своего национального, религиозного или сословного долга – а задачи сделать его подготовленным к жизни в плане личных успехов и преуспевания образованием никогда не ставилось, поскольку это считалось его личным делом.

С конца же XIX века, когда все европейские страны уже готовились к мировой войне, как раз из-за изменения типа войны и появилась новая задача – ее решением послужила система современного всеобщего образования. Школы современного типа, где изучали светские науки, существовали и раньше и кое-где – например, в США – были довольно популярны, поскольку окончить такую школу означало сделать первый обязательный шаг на пути к ставшим весьма желанными профессиям юриста, врача и инженера. Но такие школы не были государственными и бесплатными, как не были всеобщими и обязательными. Но война нового типа в массовых количествах требовала офицеров и унтер-офицеров, владеющих науками. То есть офицеры и унтеры существовали и за сто лет до этого, но их обязанностью было в основном палкой выбивать дурь из солдат, что непросто, однако же не требует никакого особого образования. А вот для контрбатарейной артиллерийской стрельбы унтер-офицеру надо по воронке и хвостовику вражеского снаряда, используя логарифмическую линейку, вычислить по формулам баллистики местонахождение вражеской батареи, причем достаточно быстро, – для этого надо знать механику, геометрию, тригонометрию и прочее. Для этого, и ни для чего другого, государства и ввели всеобщее обязательное среднее образование – они готовили пушечное мясо, во всяком случае его элитную часть. То, что такое образование весьма полезно и для работы на промышленном оборудовании и со сложными механизмами, выяснилось уже потом – индустриальные гиганты тоже нуждаются в пушечном мясе.

Но сейчас подобные требования уже перестали быть актуальными, поняли члены комиссии: не только армия, состоящая теперь исключительно из опричников с отдельной системой образования, не нуждалась больше в массах образованных солдат и сержантов, но и мирная техника, хотя сама по себе стала сложнее, вследствие автоматизации не нуждалась более во всесторонне образованных рабочих и служащих. Это был удивительный, хотя и достаточно бесспорный вывод – техника сама по себе стала сложнее, но работать на ней стало намного проще. Хотя, если вдуматься, это довольно очевидно – стрелять из ружья гораздо эффективнее, чем из лука, но при этом еще и легче, а вовсе не сложнее.

Таким образом, комиссия подошла к ответу на вопрос, чему же надо учить в рамках всеобщего обязательного образования, – а с другой стороны, сделала выводы, чему учить не надо. Был принят Закон « О всеобщем обязательном школьном образовании», в котором провозглашались три цели школьного образования: первая – воспитать из учащегося хорошего гражданина Империи, вторая – создать у учащегося базу, информационную и особенно методическую, которая в дальнейшем, уже вне рамок школы, облегчит усвоение им нужных для карьеры или хобби специальных предметов и навыков, и третья – подтянуть физические кондиции учащихся до считающихся приемлемыми и научить их в дальнейшем поддерживать себя в физической форме. И всё!

Эти задачи кажутся не слишком амбициозными, но было решено, что именно это как раз и делает их полностью выполнимыми. К тому же комиссия искренне считала, что учить чему-то большему означает вмешательство со стороны государства (ведь всеобщее обязательное образование есть требование государства) не в свое дело. Потому что указанные три цели легко обосновать: иметь идейно преданных базовым установкам и ценностям Империи граждан – это необходимость. Иметь население, способное быстро учиться и переучиваться чему-то конкретному, – это в конечном итоге усиление экономики и, как следствие, государственного бюджета. А здоровое и владеющее навыками самоподдержания физической формы население – это меньшие затраты на здравоохранение. А вот такие понятия, как гармонично развитая личность, являются полностью субъективными, и у государства нет никаких оснований принудительно, если называть вещи своими именами, обучать всех подряд, например, музыке или рисованию исключительно ради этого. Нет и никаких оснований рассматривать школу как место подготовки молодых людей для поступления в институт, потому что в институт поступит меньшинство (больше просто не надо). Нет оснований и для обучения разного рода конкретным навыкам, даже если они вроде бы и общеполезны, типа языков или трудового обучения (у девочек – домоводства). А с другой стороны, нет оснований и для обучения чтению или компьютеру в начальной школе – начни ее на год позже, и все или почти все и так уже будут этим владеть, как все не

умственно отсталые научаются говорить к трем годам.

Школьное образование (реальность). Этот длинный исторический экскурс был нужен мне для того, дорогие соотечественники, чтобы не просто изложить современное устройство российской школы – это показалось бы вам странным и непонятным, – а донести логику властей России, с которой они к реформе школы подходили. Теперь можно перейти к устройству.

Обязательное всеобщее образование в Российской Империи семилетнее – эти классы очень примерно соответствуют классам со второго по восьмой у нас или в СССР до 1990-х годов. Идут дети в первый класс (соответствующий нашему второму) с восьми лет, а не с шести, как у нас или как в России до 2014 года; в Империи считают, что нечего мучить детей раньше времени, тем более с результативностью, близкой к нулю.

Начальная школа, где, как и у нас, один учитель ведет все предметы, длится три года, и в ней учат (точнее, доучивают) чтению, арифметике, письму и компьютеру – таких предметов, как «Природоведение» или «Окружающий мир», там нет, потому что они все равно дублируют проходимое в старших классах, а музыки, рисования и труда нет по указанным выше причинам. Зато с первого же класса здесь учат Закон Божий, а начиная со второго класса все крещеные дети, помимо уроков катехизиса и богослужения, ходят на службы в церковь. Соответственно в исламских школах изучают Коран, в иудейских – Тору и ходят в мечеть или синагогу. Атеистическое образование в России разрешено, потому что по Конституции какое-либо вероисповедание не является обязательным, но атеистических государственных школ не предусмотрено (а негосударственных нет вообще, см. далее). Поэтому русские дети-атеисты должны идти в православную школу (в исламскую или в иудейскую их просто не возьмут), а во время уроков Закона Божия и походов в церковь они выполняют черную работу по школе. Это весьма унизительно, но так и задумано, поскольку соответствует установке России, как конституционно православной страны, к неверующим (в отличие от иноверцев). Эта установка выглядит так: существовать вам разрешено, и вы пользуетесь такими же юридическими, экономическими и социальными правами, как мы, но этим дело и ограничивается – рассчитывать на равное уважение вы не должны. Также с первого класса преподается физкультура, но она разительно отличается от нашей или имевшей место в России ранее – в ней не учат никаким конкретным умениям типа плавать или ходить на лыжах, а большая ее часть представляет специально разработанный комплекс упражнений, схожих с китайским у-шу. Там же, на физкультуре, всех детей учат медитировать – в отличие от оккультистов русские не вкладывают в это понятие ничего эзотерического, только умение глубоко расслабить тело и мозг для быстрого восстановления физических и умственных сил (по-русски это и называется не медитация, а аутотренинг). Главная же особенность российской начальной школы – наличие в ней предмета (на него отпущено самое большое количество часов), называемого «Всеобуч». В него входит набор хорошо известных психологам навыков, которым, однако, ранее никому не приходило в голову учить в государственных школах: скорочтение, различные мнемотехники, то есть техники быстрого запоминания, обычного и эйдетического (образного), умение концентрировать внимание и т. п. Название предмета связано с тем, что полученные на нем навыки помогают быстрому и эффективному усвоению любого другого предмета. Общая цель начальной школы сформулирована в нормативных документах совершенно конкретно: создание у учащихся навыков, необходимых для усвоения всего того, чему учат далее.

Обучение в средней школе продолжается четыре года, с четвертого по седьмой класс (очень грубо соответствует нашим с пятого по восьмой). Официально ее цель соответствует цели школьного образования вообще. В отличие от наших школ в российских школах нет системы «для каждого предмета – отдельный преподаватель»: русские не верят в предельную специализацию учителей, хотя раньше у них дело обстояло именно так. Сейчас в каждом классе есть всего четыре учителя – по религии (это сотрудник епархии или соответственного органа для других религий, а не Управления образования), по физкультуре, по естественным наукам и по гуманитарным предметам. Кстати, профессия школьного учителя в России достаточна престижна, хотя относится скорее к средне-, чем к высокооплачиваемым: учитель начальной школы имеет базовую зарплату чуть более 1000 рублей и средней – 1500

(соответственно 4000 и 6000 наших долларов), но разные доплаты могут составлять здесь до 40—60%.

На уроках религии учат Ветхий и Новый Завет, а также историю православия с избранной святоотеческой литературой. На физкультуре продолжается то же, что и в начальной школе, с добавлением практических навыков снятия у себя боли и самоисцеления при легких заболеваниях, а также обучения правильному дыханию. Я спросил у Петра Мещерова, начальника отдела в Имперском агентстве школ, почему на физкультуре нет собственно тренировки физических данных, например как в фитнес-клубах. Он очень удивился моему вопросу. «А почему государство должно волновать, какого объема бицепсы у мальчика или какой формы попа у девочки? – спросил меня он. – Мы обеспечиваем с помощью уроков физкультуры некий базовый уровень здоровья, а вовсе не силу или хорошую фигуру – это уже личное дело ученика и его родителей, пусть идут в зал или занимаются дома, если хотят».

Естественные науки, изучаемые в российской школе, примерно те же, что у нас, – математика, физика, химия и биология, но их объем существенно меньше: например, в курсе математики почти нет тригонометрии и стереометрии – по ним есть только введение в базовые понятия, занимающее всего по паре десятков часов. Алгебра и геометрия также преподаются в существенно меньшем объеме, а программирования и черчения вообще нет (как, кстати, и астрономии): они считаются не нужными никому, кроме специалистов, даже на уровне общих понятий – а специалистов российская средняя школа не готовит. Что касается физики, то ситуация здесь следующая и весьма показательная: если раньше в шестых-седьмых классах часть разделов физики проходили на уровне общих представлений, а в восьмых—десятых и оставшиеся разделы, и ранее пройденные проходили уже на достаточно глубоком уровне, то сейчас все четыре года средней школы, с четвертого по седьмой класс, вся физика от механики до квантовой механики проходится на уровне общих представлений. В этом вся суть российской концепции обучения – если учить только базовым понятиям, то их усвоят и запомнят, а если учить углубленным знаниям, то все они, кроме тех, что связаны с каждодневной работой, по большей части забудутся, как и нетвердо усвоенные базовые понятия. К естественным наукам добавлена еще технология, на которой изучается принципиальное устройство наиболее важных машин и агрегатов и механизм наиболее распространенных процессов. Лабораторных работ по физике, химии и биологии нет, как и трудового и технологического обучения, – считается, что ни для кого, кроме будущих студентов соответствующего профиля, в этом нет необходимости.

Из гуманитарных дисциплин основную часть занимает история – этот предмет считается главным в части формирования гражданина, и он единственный, по которому объем преподавания больше, нежели то было раньше. При этом история как общеобразовательный предмет понимается расширительно – в нее включаются элементы философии и социологии, и после изложения любых событий не меньше времени занимает объяснение, почему случилось именно так и какие из этого следует извлечь выводы. Именно на уроках истории изучаются те художественные произведения, которые создают пантеон героев Империи, причем с позиции не литературоведения, а именно героики. Изучается история не последовательно – сначала история Запада, потом Востока и т. д., – а параллельно: когда изучаются, например, 1200-е годы, они изучаются как временной срез всего мира, то есть на материале всех стран, с проведением сравнений и параллелей. Особое внимание уделяется изучению истории народов Империи, в основном русского народа, хотя достаточно много времени отводится и истории народов-союзников (в первую очередь немецкого народа); вообще именно на уроках истории происходит основная часть политической индоктринации.

Второй после истории предмет – «Наша страна». На нем проходят географию, экономику и конституционный строй Российской Империи, то есть ее территориальное, экономическое и государственное устройство. География изучается в четвертых-пятых классах, на уровне общих представлений о материках Земли и основных планетах и астероидах.

Относительно немного времени уделяется в четвертых-пятых классах русскому языку. Иностранных языков в Империи не учат (за исключением немецкого) – это считается уделом стран-колоний, да в Империи языки почти никому и не нужны, если учитывать ее автаркичное устройство. Кроме того, в национальных школах изучают еще родной язык,

кроме русского, а курс истории дополнен историей своего народа.

Экономики и обществоведения как отдельных предметов в русских школах нет. Удивительно, но нет здесь и литературы в привычном виде – по словам упоминавшегося Петра Мещерова, «книги, в том числе и классику, читают и так, когда это интересно, а нудным их разбирательством очень легко отбить охоту к любому чтению». Поэтому здесь есть программа обязательного внеклассного чтения, и на уроках просто проверяется, что ученик действительно прочел то, что положено, – выводы же из прочитанного пусть делает сам.

Основной смысл существенно сокращенной по объему программы обучения (в сравнении с тем, что было до этого) состоит в том, что уж ее-то учащиеся усваивают основательно, на всю жизнь. Достигается это, во-первых, всеобучем начальной школы – усвоенные на нем ментальные техники в дальнейшем существенно увеличивают воспринимаемость любого материала (для чего они и преподаются); а во-вторых, другой системой преподавания материала и контроля за его усвоением. Материал структурирован скорее по-университетски – это, в частности, выражается в том, что разные части одной науки изучаются не последовательно, а параллельно. Например, вместо того чтобы на уроках биологии изучать в четвертом классе ботанику, а в пятом – зоологию, в течение всех четвертых-пятых классов изучают параллельно и то и другое, а также на их примерах и эволюционную теорию. После каждого класса, начиная с третьего (при том, что он относится еще к начальной школе), сдаются экзамены по каждому предмету: после третьего – по Закону Божьему, чтению, письму, арифметике, всеобучу и физкультуре, после четвертого и пятого – по Закону Божьему, русскому языку, истории, нашей стране, географии, математике, физике, биологии и физкультуре, а после шестого и седьмого – то же, однако без русского языка и географии, но с добавлением химии и технологии. На экзаменах нет оценок, их результат выражается в виде «зачтено» или «не зачтено», а знание соответствующего предмета проверяется не в объеме прошедшего учебного года, а накопительно за все годы с начала его изучения – поэтому вариант «выучил—сдал—забыл» здесь не очень проходит. Экзамен после седьмого класса считается выпускным, поэтому на нем опять сдают всеобуч, географию и русский язык, которые были закончены соответственно в третьем и пятом классах. В итоге результат всеобщего обязательного образования в Империи именно тот, которого хотели добиться разработчики реформы: у окончивших школу даже тридцать лет назад (первые выпуски после реформы) уровень религиозной и политической индоктринированности весьма высок, как и уровень физической формы. А естественные науки хотя и даются в не очень большом объеме, но в этом же объеме их и помнят.

Как я уже писал в главе «Социальная сфера», обучение в российских школах полностью раздельное, причем в мужских школах все преподаватели мужчины, а в женских – женщины. Лишь по Закону Божьему это иногда диаконисы, а иногда мужчины-священники. Таким образом, кроме как на улице, юноши и девушки видят друг друга только на балах в честь праздников – ноябрьских, рождественско-новогодних, пасхальных и июньских выпускных, в обязательном порядке устраивающихся в школах каждый год. Чтобы никто из учеников не чувствовал себя ущемленным, в бюджете предусмотрены средства на роскошные костюмы и платья для этих балов.

Школы в России исключительно государственные, частная инициатива (в виде и предпринимательства, и некоммерческой деятельности) здесь не допускается, как и инициатива общин и земств. Логика здесь та же, что и для здравоохранения: эта сфера относится к тем, где по Конституции возможности граждан не должны различаться, и, следовательно, подразумевается полная унификация. Управляют школами земства, которые получают на это субвенции из федерального бюджета; но добавлять свои средства они не имеют права, программа строго едина, и инструктивные письма Имперского агентства школ обязательны. Более того, чтобы не возникали школы государственные, но привилегированные, у родителей по закону нет права выбора школы – она однозначно и без возможности исключений определяется местом жительства. А чтобы не становились привилегированными де-факто школы, находящиеся в богатых районах, их стараются располагать по периферии этих районов, на границе с районами не столь зажиточными. Родителям, как и бывшим учащимся и вообще всем, запрещено давать какие-либо деньги

учителям или школе в целом; даже если они были внесены в кассу и истрачены в равной степени на всех учеников, это рассматривается как взятка и соответственно наказывается. Национальные школы открываются без ограничений, и их контролируют, помимо Имперского агентства школ, соответствующие национальные палаты. Их статус не в полной мере соответствует религии – бывают школы национальные, но православные, например немецкие или осетинские (правда, обратного не бывает – чтобы исламская или иудейская школа была русской).

Специализированные школы, например математические или гуманитарные, и специализированные классы в обычных школах запрещены, как и любая градация классов в одной школе по уровню способностей или успеваемости учеников. Исключением являются специальные школы для детей с серьезными физическими и психическими нарушениями, а также спецшколы интернатного типа для неуспевающих, куда сразу и без разговоров переводят не сдавших экзамены за год – если в следующем году они подтягиваются, их переводят обратно в обычную школу. Именно по той причине, что целью школы является воспитание граждан, а не специалистов, здесь стараются избегать конкуренции между учениками: как и на экзаменах, оценок за четверти нет, лишь зачет или незачет. А оценки за урок хоть и не запрещены, но официального статуса не имеют – их наличие является личным делом конкретного учителя, и есть много школ, где оценок нет вообще. Также и на физкультуре избегают упражнений, в которых результат имеет числовое выражение (вес, время и т. д.), как и спортивных игр на счет – диаметральная разница с нами, где в каждом классе все ученики по итогам семестра занимают места с первого по последнее, а в спорте поощряется дух соревновательности! Русские полагают, что для воспитания хороших граждан важно, чтобы никто не выделялся, поскольку главное свойство граждан – их полное исходное равенство для Империи; конкурентоспособность же важна для личного успеха в карьере, а он государству безразличен. Зато ему вовсе не безразлично то, чтобы ученик не сталкивался ни с одной безнаказанной несправедливостью – гражданин должен твердо знать, что жизнь – не джунгли. Поэтому в каждой школе есть оперчасть с оперуполномоченным из милиции, следящим не просто за порядком в нашем понимании, но и за отсутствием всякого рода «дедовщины» между школьниками. При малейшем подозрении на это, а также на распространение алкоголя, наркотиков и тому подобные противозаконные действия (а средства на видеонаблюдение и иное спецоборудование школьному оперу выделяются немалые), подозреваемые дети без всяких сантиментов подвергаются технодопросу. Выявленные виновные достаточно жестоко телесно наказываются (по закону в ряде случаев сразу, иногда после первого предупреждения), непременно на глазах всей школы. По этой причине выпускники русских школ, безусловно, отличаются серьезной законопослушностью, причем «зашитой» с детства на очень глубинном уровне. Это не просто страх, хотя и он тоже, а твердая уверенность в том, что ни одному обиженному государство не откажет в защите и ни один виновный не будет расхаживать как ни в чем не бывало, нагло ухмыляясь. Так что выражение «большой брат» (про государство) воспринимается в России абсолютно буквально и сугубо положительно.

Специальное и высшее образование. Российский подросток заканчивает школу в 15 лет, и этот возраст считается совершеннолетием – он или она получает паспорт и все гражданские права, в том числе право жениться, владеть любым имуществом, выступать в суде и избирать и быть избранным на земских выборах. На вопрос о том, не рано ли даются эти права, русские обычно замечают, что еще 300 лет назад (до акселерации, между прочим!) дворянские дети начинали военную службу именно в 15 лет. А у древних народов совершеннолетием вообще считалось просто наступление половой зрелости – что происходит в наши дни существенно раньше 15 лет. Конституция Российской Империи запрещает иметь для чего-либо иной возрастной ценз, нежели совершеннолетие, и поэтому даже продажа алкоголя и разрешенных наркотиков с 15 лет разрешена. (Впрочем, это не значит, что занять должность в структурах имперской власти можно в реальности с 15 лет – ведь для опричников необходимо вначале отслужить восемь лет до принесения обетов.)

Кандидаты в служилое сословие могут продолжить свое образование сразу – путем поступления в кадеты, а кандидаты в духовное сословие – путем поступления в семинарию

или в монастырскую школу. А вот все остальные молодые люди, относящиеся по умолчанию к третьему сословию, могут продолжить свое образование не ранее чем через три года, каковое время они должны работать где и кем угодно. Русские не хотят, чтобы деловую, интеллектуальную, творческую и управленческую элиты государства составляли люди, до окончания университета или даже аспирантуры не видевшие реальной жизни. Им кажется диким, когда у нас человек становится врачом или юристом в возрасте под 30 лет, причем сразу не рядовым, и, таким образом, имеет хорошие шансы вообще никогда не примерить на себя жизнь обычного человека и соответственно эту жизнь нисколько себе не представлять. Логика такого законодательства та же, что и для школ: от элит государство тоже хочет в первую очередь того, чтобы они были правильными гражданами. Считается, что без опыта рядовой жизни это затруднительно (если это не заменено серьезным самоотречением, как у первого и второго сословий), поэтому обязательные три года работы не могут по закону быть проведены в фирмах и организациях, хозяевами или руководителями которых являются родители и родственники молодого человека или их друзья.

По истечении этих трех лет юноша или девушка могут поступать в любое училище, институт или университет. Училище дает специальное образование (примерно то же, что наш двух– или трехлетний колледж), а институт и университет – высшее. Насколько в отношении школы все унифицировано и монополизировано государством, настолько этих уровней образования государство практически не касается: и училища, и институты могут учреждаться кем угодно, в виде как коммерческих предприятий, так и бесприбыльных организаций, никаких лицензий для этого не требуется, и учить они могут чему угодно и как угодно. Империя считает эту сферу чисто рыночной и предоставляет рынку возможность ее регулировать. Соответственно обучение в училищах и в институтах платное, а если какое-то из этих учреждений считает целесообразным бесплатно отдавать часть мест наиболее одаренным абитуриентам, как это часто практикуется и у нас, это его личное дело – пусть отдает хоть все. Единственное жесткое правило, о котором я уже писал, – не принимать тех, кто не отработал положенные три года после школы. Ну и конечно, выполнять общие требования законодательства – не допускать к преподаванию гомосексуалистов, не допускать в лекциях и учебных пособиях высказываний, порочащих Российскую Империю, ее народ или религию, и т. п.

Единственным исключением, в плане участия государства в системе высшего образования, являются университеты. По закону этим и только этим словом должны называться государственные вузы, а иные называться так не могут – следовательно, все университеты по определению государственные, то есть имперские, они так и называются (Московский имперский университет, Петербургский имперский университет, Берлинский имперский университет и т. д.). Частные же или земские вузы называются институтами, и любой институт может иметь любую структуру факультетов и учебных программ, в том числе и университетского типа. Империя дифференцирует названия исключительно во избежание путаницы, а не для создания преференций. В большинстве университетов кроме естественнонаучных и гуманитарных есть педагогические, медицинские и ряд технических факультетов – поскольку эти сферы исключительно государственные (в технике это относится к ВПК, космическим отраслям и т. п.), соответственно государство само же и готовит для них кадры. Но есть и некоторое количество отдельных технических, медицинских и других специализированных университетов. Медицинские и педагогические училища часто также находятся при университетах. Обучение в университетах исключительно бесплатное, причем с предоставлением бесплатного общежития – но не только и не столько ради социальной справедливости, сколько для подъема уровня выпускников. Дело в том, что российская общественная мысль считает, что бесплатное высшее образование в сравнении с таким же платным отфильтровывает людей отчасти менее целеустремленных (в сравнении с теми, кто зарабатывает деньги на учебу сам), но более талантливых. А это считается более значимым, например, для науки или освоения космоса, для которых университеты в большой степени и готовят кадры (напоминаю, что эти сферы в России исключительно государственные). Излишняя целеустремленность вообще в российской жизни, особенно в той ее части, которая связана с государством, не очень приветствуется и традиционно считается граничащей с

карьеризмом – это слово в Империи имеет отрицательный оттенок.

Престижность университетов поддерживается, помимо их относительной малочисленности, не только бесплатностью и, таким образом, более высоким интеллектуальным уровнем студентов, но и еще двумя вещами. Во-первых, государство не жалеет на них денег, и уровень технического оснащения и преподавательского состава там выше, чем в самом богатом институте. А во-вторых, на работу в государственную систему (в госсектор экономики, в государственные учреждения и органы управления, в науку) берут либо только выпускников университетов, либо они имеют абсолютный приоритет перед окончившими частные институты. На поступление в университеты стабильно высокий конкурс, и студенты отбираются из абитуриентов по результатам сдачи экзаменов – никакие сданные в школе экзамены или тесты, как это имеет место у нас, там не учитываются. Более того, поскольку закон не устанавливает подготовку к поступлению в вуз одной из целей школы, то университеты и институты имеют полное право устраивать экзамены по разделам, которые в школе вообще не проходились. Их можно изучать самостоятельно либо посещать виртуальные курсы, которые есть при любом университете и большинстве институтов. Можно ходить и на очные курсы, но они платные даже в университетах, плюс надо оплачивать общежитие или другое жилье.

Поскольку на экзаменах в университет, по сути, отбирается значительная часть элиты государства (кроме правящей, разумеется, – та только из опричников), контроль за ними очень жесткий; взятки в этой сфере (как и личные договоренности без денег – например, по родству) караются крайне жестко.

Для тех случаев, когда молодой человек много лет подряд не может поступить в имперский университет, хотя имеет вполне приличные знания и способности, но все же недостаточные для поступления из-за высокого конкурса, при том что данная профессия для него призвание и без нее ему не жизнь, предусмотрен специальный порядок – так называемый корпус гражданских добровольцев (КГД). Гражданин, вступивший в КГД, посылается на самые различные неквалифицированные или малоквалифицированные работы, где по тем или иным причинам не хватает людей – либо в силу опасности и физической тяжести, как, например, на астероидных рудниках, либо в силу нравственной тяжести, как, например, уход за терминально больными или что-то иное, связанное с человеческим горем. Отработавший в КГД три года получает право на многочисленные неденежные льготы от государства, в том числе поступить в любой университет вне конкурса, то есть получив на экзаменах не оценки, а зачет (при работе в КГД более трех лет льготы увеличиваются, но к поступлению в вуз это уже не относится). Таким образом, если абитуриент никак не может поступить на один и тот же факультет, он после провала может написать заявление о том, что он просит поставить по итогам его последней сдачи зачет или незачет. В первом случае он идет в КГД и по истечении трех лет поступает уже без экзаменов; или же он может сначала отработать в КГД, а потом сдавать вступительные экзамены, вернее, уже зачеты. Кстати, рассматривает это заявление и принимает по нему решение не университет, а комиссия при Агентстве высших школ. Вообще никакого намека на самоуправление университетов нет – это государственные учреждения, без всяких изъятий из этого статуса; если даже самый уважаемый ректор откажется выполнять предписание агентства или хотя бы публично заявит, что он с ним не согласен, он будет уволен еще до конца рабочего дня.

Учебные программы в университетах не особо отличаются от таковых в институтах для одной и той же специальности и примерно соответствуют нашим. Программы двух– и трехлетних училищ тоже примерно такие же, как в соответствующих наших колледжах. Единственно, что в российских вузах и училищах нет курсов по выбору студента – все курсы программы жестко фиксированы. Структура же образования несколько отличается от нашей – в первую очередь это касается понятий бакалавриата и магистрата. Если у нас первые четыре года высшего образования называются четырехлетним колледжем и дают степень бакалавра, а последующие два или три называются той или иной школой (медицинской, юридической и т. д.) и дают степень магистра, причем школа может быть в другом университете и даже несколько иного профиля, то в России такая система не прижилась. Здесь высшее

образование одноуровневое, продолжается 5—6 лет и никакой степени не дает – просто все иное не считается высшим образованием. Если вы закончили несколько курсов, вы, конечно, можете указывать это в своем CV как незаконченное высшее образование, но никакого официального статуса это не имеет. Другое дело, что образование в России устроено еще более модульно, чем у нас; иными словами, если вы закончили сколько-то семестров в вузе или в училище, то вы имеете безусловное право уйти и через любое время продолжить обучение со следующего по номеру семестра – для этого не требуется ни поступать заново, ни предоставлять уважительную причину перерыва. Более того, вы можете написать заявление о желании продолжить обучение в другом вузе или училище или на другом факультете (разумеется, сходного профиля). В случае университета его будет рассматривать упомянутая комиссия при Агентстве высших школ, а в случае частных вузов или училищ – тот институт или училище, куда вы хотите перевестись. Закон содержит исчерпывающий перечень причин, по которым вам могут в этом отказать, поэтому такой перевод, как правило, происходит без проблем.

Такая законодательная позиция (у нас это тоже широко практикуется, но исключительно в рабочем порядке) вызвана тем, что в России считают неправильным, когда высшее образование можно получить только за раз, затратив на это 5—6 лет, и без возможности смены его ориентации – в такую колею почти невозможно вернуться, если выпал из нее по каким-то жизненным обстоятельствам (особенно это актуально для женщин, родивших детей). Как результат таких общественных представлений, в Империи 50% врачей и 60% учителей по факту сначала заканчивали соответствующее училище, потом сколько-то времени работали по специальности (медсестрой или медбратом в первом случае и учителем начальной школы – во втором) и лишь потом доучивались и переходили на должность, требующую уже высшего образования.

Помимо одноуровневости, есть и другие отличия. Так, если у нас университеты расположены, как правило, в малых городах или вообще на отшибе и студенты съезжаются туда со всей страны и живут в кампусах, то в России все университеты расположены в крупных городах, и обычно не менее половины их студентов местные, а из приезжих не менее четверти снимают квартиры. Имперское агентство высших школ сознательно старается не допустить появления кампусов и даже принимает меры по разнесению общежитий одного университета в разные места города. Российская власть хорошо изучила историю, европейскую и нашу, и считает кампусы потенциальным местом высоковероятного начала гражданских беспорядков – она этого не боится, но полагает, что незачем зря проливать молодую кровь. Поэтому же в договоре, который поступивший студент подписывает с университетом, любое его участие на университетской территории в политических акциях или вообще в любых общественных акциях, кроме одобренных ректоратом, является основанием для незамедлительного отчисления (хотя и не запрещено Уголовным кодексом Империи). Конституционный суд рассматривал этот договор в 2041 году на предмет соответствия Конституции и нашел его законным, как и вообще введение под страхом увольнения работодателем или его аналогом (в данном случае университетом) некоторых дополнительных, по сравнению с общим законодательством о правах граждан, ограничений. (По этому решению, например, работодатель может требовать от своих работников не публиковать свои фото в эротических журналах и сетевых изданиях, хотя вообще это и не запрещено.)

Что касается двух– и трехгодичных училищ, а также их более упрощенного варианта – полу– и одногодичных курсов, то это звено в России крайне широко распространено и по своему устройству от нашего не отличается.

Хотя на первый взгляд российская система специального и высшего образования достаточно сходна с нашей, имеющиеся различия приводят к системным общественным особенностям. Главная из них следующая. Поскольку российские молодые люди не могут поступить в институт или университет сразу после окончания школы и должны идти работать (сами-то они этому только рады – в этом возрасте очень приятно чувствовать себя взрослым), то непрерывность обучения пресекается. А через три года они уже имеют возможность осмотреться и подумать, да и влияние родителей на 18-летнего человека, уже

три года как работающего и совершеннолетнего, далеко не столь сильно. В итоге многие из тех, кто при старой системе пошли бы не задумываясь из школы в институты и университеты, просто потому, что так принято, ныне не торопятся с этим; они либо приходят к выводу, что им высшее образование не нужно, либо идут туда позже, в 20—25 лет.

Как следствие, процент людей с высшим образованием в Российской Империи заметно ниже, чем 40 лет назад и чем у нас (со специальным – наоборот, несколько выше). Большую роль здесь сыграла и конституционная отмена призыва в армию, который был весьма сильной мотивацией для поступления в вуз у юношей (в силу наличия отсрочки для студентов). Эта ситуация вполне устраивает имперские власти – они вовсе не в восторге от той тенденции, которая имела место в России еще в 10-х годах (а у нас имеет и по сию пору), когда многие работодатели требовали наличие институтского диплома от кандидатов даже в официанты, не говоря уж о продавцах или турагентах. На индивидуальном уровне это их право, считают власти, но в масштабах страны в целом такой подход явно означает разбазаривание человеческих и материальных ресурсов (поскольку люди учатся тому, чем они не будут пользоваться) и, следовательно, должен быть неким косвенным образом дестимулирован. Российские власти не смущает, что это может стать фактором потери страной конкурентоспособности в сравнении с нами или другими странами – как я уже писал, их исследования однозначно показывают, в том числе на нашем материале, что в современном мире неиспользуемые знания у подавляющего большинства людей все равно не удерживаются. Следовательно, толк от высшего образования будет только у тех, кто занят на рабочих местах, реально его требующих, – остальные просто зря потратили свои деньги и время; а количество таких мест в России не меньше, чем у нас.

К тому же другие их исследования столь же четко показывают, что мобильность и «легкость на подъем» в плане смены профессии у людей со специальным образованием существенно выше, чем у людей с высшим. А возможность для людей относительно часто менять профессию, в соответствии с тенденциями на рынке труда, в России рассматривают как фактор и конкурентоспособности страны, и качества жизни граждан в плане самореализации – особенно сейчас, когда активная трудовая жизнь продолжается не менее чем до 85 лет. Исследования русских говорят о том, что у них в стране (а у нас тем более) для огромного количества работ, про которые все твердо уверены, что они невозможны без высшего образования, более чем достаточно образования специального – в первую очередь это касается самых разных корпоративных менеджеров. Таким образом, нашу всеобщую нацеленность на получение высшего образования они считают типичной ложной общественной целью, имеющей место отчасти из-за вышеупомянутой обязательности его на большом количестве работ, где оно реально не нужно, отчасти из-за несуразных доходов некоторых профессий (доходы наших врачей и юристов они считают безумными), а главное – из-за утери предпринимательского духа. Если хочешь разбогатеть, думают у них, открывай собственное дело и богатей, а не иди получать образование – жизнь сама научит, а необходимые специальные знания получишь по ходу дела.

Другая особенность российской системы образования также исходно связана с тем, что их молодые люди после 15 лет в обязательном порядке начинают работать (если вдруг работу не удается найти, ее гарантирует государство). Причем работают они не среди себе подобных, а среди людей всех возрастов, поскольку они совершеннолетние и, таким образом, не могут рассчитывать на особые нормы и условия труда, кроме как по медицинским показаниям. С другой стороны, та молодежь, которая все же идет в вузы, в не столь уж большой степени находится в среде своих сверстников – в силу вышеупомянутых причин возрастной состав российских студентов ныне гораздо более разнороден, чем ранее, когда подавляющая часть первокурсников была восемнадцатилетними. Это привело, уж не знаю сознательно или нет, к полному исчезновению молодежной субкультуры: если у нас уже целый век молодежь по-другому одевается, слушает другую музыку, имеет свой жаргон и обычаи и со времен хиппи и другое мировоззрение, чем зрелые люди, то в России после реформы образования это довольно быстро стало не так (хотя до того было точно так же). В Империи у молодежи имеет место сочетание ряда моментов: совершеннолетнего статуса, наличия собственных доходов,

растворенности в среде разновозрастных взрослых и отсутствия сугубой среды сверстников, как это имеет место у нас в старших классах и колледжах. В сумме это приводит к тому, что все тамошние тинейджеры – это просто молодые взрослые. Соответственно их представления, язык и потребительские предпочтения ничем не отличаются от остального, более старшего по возрасту населения. Не знаю, хорошо это или плохо, но в России это сразу бросается в глаза. Названная особенность, впрочем, вполне ложится в общий вектор российской жизни – вектор сознательного и целенаправленного частичного регресса к более древним и традиционным общественным формам. Потому что в традиционных обществах совершеннолетняя молодежь никогда и нигде не была отдельной группой, отличающейся от других: в зависимости от пола она либо рожала, либо шла на охоту или войну.

Наука. Считается, что в период Второй Империи российская наука переживала свой звездный час. На самом деле это было безоговорочно так лишь для крупных общегосударственных проектов типа создания водородной бомбы или полетов в космос, а с поисковой наукой все было вовсе не столь гладко. Но эти проблемы показались воистину цветочками тогда, когда началось второе Смутное время с его всеобщим развалом, – наука оказалась в числе наиболее пострадавших сфер жизни, причем одной из наиболее трудно восстанавливаемых. В частности, почти все ученые из наиболее модных тогда областей науки эмигрировали на Запад. Как ни парадоксально это звучит, но самое скверное заключалось в том, что фундаментальная наука не развалилась окончательно к моменту возврата к приоритетному финансированию в конце первого десятилетия нашего века – потому что все хорошее от организации науки в СССР она утеряла (концентрацию ресурсов на ключевых направлениях и т. п.), а вот все плохое сохранила, в том числе отжившие формы, саботирующие любые изменения. Наверное, проще было бы создавать ее с нуля. В результате до коренной реформы науки, как и в случае школьного образования, у Владимира Восстановителя и его правительства не дошли руки. Правда, и здесь тоже произошел перелом в зарплатах, в результате чего «отток мозгов» почти прекратился и, наоборот, постепенно пошел процесс возвращения в страну ранее эмигрировавших.

А вот Гавриил Великий уже решил заняться проблемой всерьез и для начала задался вопросом: почему в крайне несвободной атмосфере эпохи Иосифа Великого, особенно в так называемых шарашках (лабораториях, устроенных в тюрьмах и лагерях для работы ученых, отбывающих срок, чаще всего полученный ни за что), наука двигалась вперед семимильными шагами? Это действительно было так, кроме как в ряде научных областей, зачем-то запрещенных Иосифом, но это уже другая история. Но ведь считается, что для научного творчества вроде бы нужна свобода? Отталкиваясь от этого парадокса, Гавриил посмотрел дальше: уже после смерти Иосифа, когда в обществе стало посвободнее, по крайней мере исчез всеобщий страх, основная часть естественно-научных достижений приходилась на так называемую закрытую (в смысле секретную) часть науки. Анализ показал, что причины такого положения вещей явно не сводились к лучшему обеспечению ресурсами. Более того, львиная доля этих достижений пришлась на так называемые закрытые города, а в несекретной части науки – на их аналоги, так называемые академгородки. Даже в затрагивающем эту тему культовом русском романе второй половины XX века – «Понедельник начинается в субботу», – где квинтэссенциально были выражены представления общества об идеальной (на самом деле даже идеализируемой) науке, действие происходит в вымышленном городишке, по сути являющемся академгородком, а практически все сотрудники вымышленного института живут в общежитии на его же территории. То есть получается, что и в послесталинское время наиболее успешной наука была там, где свободы было меньше всего!

Обдумав это, Гавриил пришел к неожиданному выводу: главным фактором, усиливавшим научное творчество во всех указанных случаях, была именно несвобода. Он понял, что для ученого свобода нужна внутренняя, интеллектуальная, свобода путей научного поиска, а вовсе не свобода выбора места жительства или занятий для проведения свободного времени. В своей «внешней» несвободе, от шарашки до закрытого городка, ученый был в той или иной степени оторван от обычного окружающего мира с его соблазнами, заботами и суетой и поставлен в ситуацию, когда ему практически нечего было делать, кроме как заниматься

наукой (причем не только в работе, но и в мыслях), и не в чем самовыражаться, кроме как в науке. Именно в этом было дело, а не в мотивации – мотивация в «открытой» науке Красной Империи была, по существу, той же, что и в закрытой. Интеллектуальной же свободы, как ни странно, у ученого в «шарашке» или в секретном институте было больше, а не меньше, чем у его коллег в институте обычном, потому что им руководили офицеры спецслужб или военные, а не другие ученые. Они могли требовать быстрее дать результат, но не выбрать тот или иной научный путь. Эффективность секретных институтов стала падать именно тогда, когда учеными в них реально стали руководить другие ученые, а не офицеры.

Поняв, что надо делать, Гавриил создал ряд закрытых научных городков, в которые предложил ехать работать ученым на следующих условиях: они соглашались в течение стандартного трех– или пятилетнего контракта не только жить в этом городке в общежитиях, но и не заводить семью (все это, разумеется, сугубо добровольно). Естественно, взамен ученые, отработавшие весь контракт, особенно пятилетний, получали очень большое поощрение, и моральное и материальное, и весьма существенные карьерные преимущества в дальнейшей работе. Разумеется, при условии научного успеха – но немало обещалось и в случае успеха ограниченного. Рабочей ячейкой в этих городках был не институт, а небольшая группа, в том числе зачастую один ученый с лаборантом или техником, реже лаборатория. Начальствовали над ними чиновники или офицеры. Что же касается защиты от жуликов, которые не могли не появиться там, где заказчик не профессионал, российские власти не особо переживали. Все-таки основные мотивации ученого моральные, поскольку очень большого заработка ему все равно не светит, а это ставит определенный естественный заслон жульничеству. Кроме того, отсутствие непосредственного научного руководства вовсе не означало отсутствие научного сообщества в целом, в любом случае прямо или косвенно оценивающего любые научные результаты. Создать такую систему оказалось возможным достаточно быстро, поскольку многие такие научные городки, и открытые и закрытые, все еще функционировали со времен Второй Империи, хотя и влачили жалкое существование.

Результаты эксперимента оказались весьма впечатляющими, но один оказал особое влияние на мировую историю – именно в таком городке и был разработан стратегический щит, позволивший России выиграть Двенадцатидневную войну у США и стать мировой империей. Такие городки (с начала 2000-х они официально называются «наукограды») весьма широко распространены и ныне – в них расположено более 60% финансируемой государством науки. Правда, режим работы там сильно смягчился – никто теперь не ограничивает ученым передвижение или создание семьи, потому что ныне эти цели достигаются самой атмосферой в них, уже сложившейся и самоподдерживающейся.

Дальнейшая реформа науки, проведенная в течение 20-х годов, была в большой степени основана на развитии тех же идей. Главная из них состояла в следующем: фундаментальной поисковой науке противопоказана формализованная иерархия структурных единиц и, как следствие, самих ученых. Не должно быть Академии наук во главе с президентом, которой подчиняется институт во главе с академиком, которому подчиняется отдел во главе с членкором, которому подчиняется сектор во главе с доктором наук, которому подчиняются кандидаты наук, имеющие на побегушках неостепененных научных сотрудников. По крайней мере такая структура не должна быть главной. Она стала доминирующей тогда, когда под наукой, во всяком случае под важнейшей ее частью, понимали создание новых типов оружия или решение очередной комплексной космической задачи. Иными словами, когда есть спущенная сверху внятная цель – даже если сразу и не вполне понятно, как ее достигнуть, – такая структура весьма эффективна. Так создавался в середине XX века ракетно-ядерный меч России, и время таких проектов отнюдь не прошло, даже в гражданских сферах – например, именно так в 20—30-х годах нашего века разрабатывались магистральные планетолеты с ядерным приводом. Но фундаментальные научные прорывы происходят не там, где их ожидают, и запланировать их сверху невозможно. Для них нужна не отлаженная научная машина, способная разбиться в лепешку, но решить поставленную задачу, не жалея ресурсов. Для них нужен только талант, способный сформулировать такую задачу, не видимую другим, которая создает новую область науки. На поверку сплошь и рядом оказывается, что в силу нетривиальности подобной задачи никаких особых ресурсов для ее решения и практического

воплощения и не нужно. Именно так был создан научный фундамент российского стратегического щита – хотя материалы по этому вопросу до сих пор засекречены, но судя по опубликованным мемуарам, в его основе лежит какая-то столь необычная концепция, что, когда она была экспериментально подтверждена, на создание действующей установки не потребовалось ни длительного времени, ни больших материальных затрат.

Таким образом, стало понятно, что в стране должны параллельно сосуществовать два типа фундаментальной науки (пока я говорю исключительно о науках естественных) с совершенно различными принципами организации. С середины 20- х годов так и было сделано. Первый тип воплотился в имперских научных центрах, организуемых под крупные научные задачи, создающие, как правило, множество новых разделов науки и техники. Если новый центр создается для решения конкретной проблемы, которая в основе пусть и фундаментальная, но подразумевает определенный результат, как в свое время создание атомной и водородной бомбы, то предполагается, что в какой-то момент после его успешного получения центр займется каким-нибудь совершенно новым проектом. Центр также может создаваться под группу научных проблем, объединенных не общей целью, а общим инструментарием исследований, – так происходит, когда этот инструментарий крайне дорог, как, например, в темпоральных исследованиях. В этих случаях для существования центра нет четкого проекта, а просто очерчена область той науки, в рамках которой ведутся исследования.

Во всех таких центрах существует достаточно выраженное разделение труда, авторские коллективы часто весьма большие, есть четкая градация от рядовых научных сотрудников до руководителей разного ранга – словом, они построены по традиционному иерархическому принципу. В общем и целом они мало отличаются от аналогичных наших центров по принципам организации: Имперский научный центр фундаментальной энергетики имени Курчатова – это, по сути, та же федеральная Лос-Аламосская энергетическая лаборатория, а Имперский центр полей и частиц в Дубне – тот же федеральный Субъядерный центр в Хьюстоне.

Такие центры со времен первой ядерной программы были одной из двух форм организации фундаментальной науки и во Второй Империи, и в Российской Федерации – второй формой были так называемые академические институты. Однако проблема заключалась в том, что устроены они были принципиально так же, хотя цели имели совершенно иные. Академические институты создавались для свободного научного поиска, а устроены были так же иерархически. Причем если в выборе научной тематики влияние академии на институт и института на отдел или лабораторию было не очень сильным (хотя все равно было, и для этого существовали все необходимые рычаги), то влияние отдела или лаборатории на отдельных научных сотрудников и их группы было абсолютным. Притом никакой вразумительной апологии такой ситуации не существовало: решаемые задачи выбирались учеными самостоятельно и потому никак не могли считаться общегосударственными. Сверхдорогой и сверхсложной исследовательской техники, диктующей финансовую и научную необходимость кооперации, в большинстве исследований не использовалось (да что там – иерархическая структура существовала даже для теоретиков, которым, кроме зарплаты, вообще ничего не надо!). А тезис о большей вероятности прорывных идей у немолодого маститого ученого, в сравнении с молодым и амбициозным, не находил подтверждения в практическом опыте.

Но совсем уж пародийной была организация академической науки в целом: все ее институты принадлежали и подчинялись Академии наук (либо двум так называемым малым академиям – медицинских наук и сельскохозяйственных наук), которая имела все атрибуты и права министерства, в том числе существовала исключительно на средства государственного бюджета. Но при этом ее руководители (как и вообще члены) вовсе не назначались государством, и она сама вместе со всеми институтами формально вообще не являлась государственной! Всем ее имуществом (созданным или приобретенным не на свои, разумеется, а стопроцентно на госбюджетные средства) распоряжалось собственное агентство имуществ, а не федеральное министерство (позже агентство) имуществ государственных. Помимо злоупотреблений, сами можете догадаться какого масштаба, от

этого ничего нельзя было ожидать. Эта мимикрия академии, точнее академий, под государственное отраслевое министерство принимала подчас анекдотические формы: например, считалось, по крайней мере формально, что одним разделом науки должен заниматься только один институт, как одной отраслью хозяйства в министерстве – один главк. Поэтому при создании нового института приходилось ломать голову, чтобы его тематическое название не совпадало ни с одним из существующих, придумывая для этого порой нечто маловразумительное. Так, когда от возглавляемого лауреатом Нобелевской премии Физического института Академии наук в Москве отпочковался самостоятельный институт под руководством его же коллеги по Нобелевской премии, то его пришлось назвать Институтом общей физики Академии наук (довольно бессмысленное словосочетание). Как будто нельзя иметь в огромной стране два или хоть двадцать два физических института, названия которых уточнялись бы их местонахождением или по дополнительным собственным именем!

Эта ситуация привела к вполне предсказуемому результату – если в научных центрах, где в подобной организации существовал какой-то смысл, наука была более-менее на уровне и кадры как-то сохранялись даже и в 90-е годы, то в академических институтах в основном (были, конечно, исключения) и наука топталась на периферийных позициях в сравнении с мировой, и после краха СССР все мало-мальски чего-то стоящие кадры эмигрировали. В частности, именно это обстоятельство предопределило весьма сильное отставание в России биологических наук, а вовсе не запрет генетики в течение четырех лет при Сталине – ведь тогда же была запрещена и кибернетика, а между тем российские программисты и по сию пору считаются лучшими в мире. Просто у биологических наук нет потребности в особо сложной технике, и научный поиск здесь поэтому сугубо индивидуален – в этом случае негде проявиться преимуществам крупных научных центров.

Замкнутый круг получался и с финансированием – руководство Академии наук говорило, что результатов нет из-за недостаточного финансирования, а чиновники им на это отвечали, что зачем давать финансирование, если все равно нет результатов. Последнее оказалось ближе к истине – когда к концу первого десятилетия нашего века в результате увеличения зарплат и финансирования многие эмигранты вернулись в страну, наука в России почти сразу вернулась на уровень позднего СССР, но не выше – здесь уже явно сказывались дефекты системы организации. В 10-е годы, когда явственно запахло предстоящей мировой войной, стало понятно, что систему академических институтов в сложившемся виде терпеть нельзя.

На смену ей, параллельно имперским научным центрам, пришло Имперское Общество Фундаментальных Исследований (ИОФИ). В его структуре также были научно-исследовательские институты, но на этом его сходство с почившей в качестве органа управления Академией наук и заканчивалось.

Институт в системе ИОФИ не является отдельным учреждением – он лишь здание с некоторым набором общей инфраструктуры. У него нет научных планов, отчетности и даже собственного имени – он обозначается как «институт такого-то профиля, находящийся там-то», если надо – с номером или именем (например, «институт генетического профиля ИОФИ ?2 в Пущино»). Структурной же единицей ИОФИ является ученый-исследователь, принимаемый на работу непосредственно в этот или иной институт; сам институт не является нанимателем (работодателем). В нем обычно работает 200—500 исследователей, причем исследователь сам определяет, в каком институте он будет работать, и может в любой момент без объяснения причин сменить его на другой – единственным мотивом отказа может быть физическое отсутствие там места.

Наем ученого-исследователя является пожизненным – он может быть уволен лишь в случае нарушения им контракта (в основном это касается маловероятной ситуации, когда удастся доказать, что он в течение трех лет вообще не работал). В других случаях, как если он, например, поступит на работу куда-то еще или откроет свой бизнес (совмещение статуса исследователя с получением иного дохода не допускается), его контракт будет лишь приостановлен до исчезновения мешающих обстоятельств, как и в случае лишения свободы или добровольного заявления.

Исследователь занимается чем хочет – нет ни отчетов (кроме добровольных), ни аттестаций, ни обязательств; считается, что ученый работает лишь за любопытство и славу, и не надо в это вмешиваться. ИОФИ закупает научное оборудование и распределяет его по институтам сходного профиля, и им может пользоваться любой исследователь (для дорогого оборудования даже из другого института). В случае большой загруженности оборудования в порядке самоорганизации появляется очередь; следит за порядком в этом и решает конфликтные ситуации управляющее предприятие (см. далее), при этом фактор относительной научной значимости работы того или иного исследователя не учитывается.

Исследователь получает 30 тысяч рублей в год, то есть около 120 тысяч долларов, но из них он оплачивает свои командировки, необходимое ему лично оборудование, всякого рода расходные материалы для экспериментов, научные и информационные услуги и наем технических помощников (сверх имеющегося в институтах для общего пользования). Считается, что 1400 рублей в месяц из них – собственно зарплата, но можно оставлять себе хоть все – неизрасходованный остаток считается собственностью исследователя. На практике последний оставляет себе, как правило, не более чем 1000—1300 рублей в месяц, а иногда и меньше. Исследователи могут кооперироваться деньгами, например нанять лаборанта или техника на несколько человек – это широко распространено; но происходит это исключительно в порядке самоорганизации. Так же происходит публикация результатов – публикуйся в Сети (в России, как и у нас, научных изданий в бумажном виде не осталось) где хочешь, хоть на индивидуальном сайте, хоть в сетевом издании, хоть организуй вместе с группой единомышленников новое сетевое издание – но опять же в инициативном порядке.

Управляются несколько институтов одним управляющим предприятием – таким образом, у института нет даже директора. Эти предприятия в основном частные, хотя есть и несколько государственных – ИОФИ платит им одинаково, пропорционально численности исследователей. Нет в институтах и ученых советов, хотя опять же, если все или часть исследователей какого-то института или группы институтов решат его создать в инициативном порядке, это их дело. Но никакой власти над остальными иметь он не будет.

Диссертаций исследователи не защищают – ученая степень в России всего одна, так и называющаяся «ученый» (через дефис указывается наука, например ученый-физик – эта степень тождественна нашей степени доктора философии), и исследователем можно стать, только уже имея ее. Степень получается либо в аспирантуре, и в этом случае она публично защищается; либо же соискателем является научный сотрудник (чаще всего из имперского научного центра, прикладного института или вуза) или вообще любитель, уже опубликовавший ряд статей, – в этом случае автореферат раздается членам специализированного ученого совета, и они принимают решение заочно, без процедуры защиты. Высшей аттестационной комиссии, как раньше, или другого государственного органа, утверждающего присвоение степени, нет – решение специализированного ученого совета является окончательным, а статус такого совета дается Имперским агентством науки. Впрочем, отказ в присуждении степени можно обжаловать в агентстве или в суде – но только в том случае, если вы готовы доказать явную к вам персональную предвзятость. То есть собственно научную ценность агентство и суд не рассматривают. Кстати, при отказе никто не мешает вам идти с той же диссертацией в другой совет.

Званий доцента и профессора в России больше нет (не путать с должностью профессора в вузах!), а членкоры и академики есть, но их статус вовсе не тот, что раньше. Так происходит потому, что есть разные академии, и для Империи они абсолютно одинаковы – самодеятельные общественные организации, и особых среди них нет. Наиболее крупные естественно-научные академии, жестко конкурирующие между собой, – Российская академия наук, Имперская академия наук и Российская академия естественных наук, но существует еще масса более мелких и специализированных. Так что стать членом академии не так уж сложно, но это ничего не дает со стороны государства ни в моральном, ни в материальном плане.

Исследователь может устроиться преподавать в вузе, обычно в университете, – это единственная работа, которую разрешается совмещать с его статусом. Но тогда он получает полставки исследователя, то есть на 8400 рублей в год меньше, – это примерно равно тому, что платит полставочникам университет, так что особенным карьерным взлетом это тоже не

считается.

Таким образом, важно не то, много или мало получает исследователь, а то, что с момента прихода в ИОФИ и до конца трудовой деятельности ни его формальный статус, ни зарплата не меняются; в частности, с начала и до конца он не руководит никем из других ученых, но никто не руководит и им. Единственным стимулом, как и вообще единственным мотивом идти в исследователи, является научное честолюбие, то есть желание прославиться научными открытиями. Можно назвать это любопытством и тягой к познанию – но это будет то же самое, потому что сами по себе познания можно получить и из чужих работ, а если вам хочется вместо этого непременно узнать нечто самому и непременно первым, то это и есть честолюбие. Имперское руководство считает такую мотивацию единственно нормальной и правильной и в соответствии с общей своей философией и создало ИОФИ для того, чтобы эта мотивация могла реализовываться, не будучи замутненной ничем другим (так же, как мотивация в виде службы и чести у сословия опричников).

Естественно, само научное сообщество (а оно в ИОФИ в силу всего вышеописанного состоит почти исключительно из фанатиков науки) определяет, какие работы основополагающие, а какие вторичные и соответственно кто является наиболее крупными учеными. Но это полностью самодеятельно, и ни процесс этого, ни результат никак не формализованы – великий ученый тот, кого считает таковым большинство сообщества, а не тот, кто имеет на это какого-нибудь рода документ от государства. Нельзя сказать, что этот статус является чисто номинальным – с научными лидерами и вообще особо успешными учеными очень многие желают вступить в кооперацию, в том числе под его руководством. Это аналогично тому, как к преуспевшему бизнесмену обычно приходит много предложений от инвесторов взять в дело их деньги, причем делать с ними то, что он считает нужным, хотя никакого мандата, удостоверяющего, что он хороший бизнесмен, у него нет.

Вообще отдельные исследователи постоянно вступают в самые разные кооперации друг с другом – помимо естественных при любой форме организации науки причин (в первую очередь сложения знаний и творческих возможностей) ими движет еще и желательность объединения ресурсов, то есть тех денег из их 30 тысяч рублей в год, которые выдаются сверх собственно зарплаты на проведение дорогостоящих экспериментов. В подобной кооперации участвуют и теоретики, поскольку они заинтересованы в экспериментальной проверке своих гипотез. Но это всегда кооперация равных – а что касается кооперaций с хорошим ученым (считающимся таковым общепризнанно или же исключительно по мнению желающего скооперироваться), то зачастую это прямое предложение добровольного подчинения. Причина последнего может быть и в том, что, работая с талантом, добьешься большего, чем в одиночку, и просто в том, что не все даже весьма способные люди по своей природе интеллектуальные лидеры.

Имея много исследователей, желающих работать с ним и под ним, талантливый ученый, таким образом, получает, по сути, группу добровольных подчиненных (помимо прочего обладающих материальными ресурсами), то есть сильно расширенные возможности и в экспериментальной реализации своих идей, и в их генерации. Причем чаще всего эти группы не съезжаются физически в один институт, хотя бывает и такое, а координацию своей работы и вообще общение ведут через Сеть. Так возникают и научные школы, и общества по присуждению премий (как правило, безденежных – что не мешает многим из них быть весьма престижными), и сетевые научные журналы с определенной научной линией. Так что де-факто в научном сообществе ИОФИ виртуально существуют и академики, и лауреаты, и лаборатории, и институты, и семинары, и ученые советы. Но появляются они безо всякого административного или финансового вмешательства государства или иных вненаучных центров влияния, не имеют рычагов давления на не входящих в них и существуют без какого-либо мандата, исключительно пока их члены считают их существование целесообразным. Поэтому трудно представить себе, чтобы в ИОФИ имел место бич нашей науки, как и бывшей российской, – приписывание себе руководящими учеными результатов, полученных их подчиненными: в добровольных кооперациях такого просто не может быть. А это действительно бич, и не только и не столько потому, что радикально смещает мотивации у ученых – со стремления сделать великие открытия на стремление стать начальником.

Главное – это делает невозможным определить кому бы то ни было, в том числе госорганам, кто же из ученых чего стоит «по гамбургскому счету».

Смысл всей изложенной выше системы в том, что в фундаментальной науке никто не может оказать никакого влияния на выбор ученым-исследователем направления научного поиска, рабочих гипотез и путей реализации – ни государство (оно добровольно дистанцировалось от этого), ни другие ученые. Считается, что это было бы контрпродуктивно, потому что отсекало бы то, что большинству кажется глупым, но исключительно в силу их слепоты. А опасаться недостаточной мотивации ученых при отсутствии контроля Империя считает смешным – в ученые, которые богатыми в любом случае не станут, идут только те, кто и не нуждается во внешней мотивации. Эту полную, на наш взгляд, анархию Империя считает гораздо более продуктивной для поисковой науки, чем структурирование со стороны государства – как мы увидим далее, это относится не только к науке, но и ко всем другим творческим областям. Это весьма нетривиально для некоммерческих сфер (для коммерческих везде только так и происходит); но русские, как мы видели в главе «Сословная структура», полностью доверяют сословным самоструктурированию и самоконтролю – а ученые хоть и не являются сословием, но субсословием являются точно.

Если судить по результатам, то приходится признать, что российская система науки работает, и если в биологических областях Россия все же еще отстает от нас (от нас – потому что научный отрыв наших двух стран от остальных достаточно велик), хотя и незначительно, то в физических науках она явный мировой лидер.

Помимо имперских научных центров и ИОФИ фундаментальная наука делается в вузах, в основном в университетах, и здесь ее организация ничем принципиально не отличается от нашей.

Есть еще полуфундаментальные-полуприкладные центры и институты ВПК, но они не отличаются от имперских научных центров ни принципами организации, ни чем-то еще, кроме военной и смежной тематики.

Есть, наконец, прикладная наука, которая в России в меньшей степени, чем у нас, сосредоточена в частных корпоративных структурах и в большей степени – в государственных. То есть там инвестиционную деятельность по практическому воплощению научных разработок, включая и инженерную ее часть (в России это называется «внедрение»), как и у нас, ведут департаменты развития крупных корпораций (для себя) или так называемые внедренческие фирмы (для клиентов). Но сами разработки в довольно существенной части делаются не там, а в государственном секторе. Это в основном сосредоточено в ВПК, в разнообразных прикладных институтах и КБ, а в части наук о жизни – в институтах Агентства здравоохранения и Агентства по сельскому хозяйству и продовольствию (там занимаются и фундаментальными исследованиями тоже).

Что касается гуманитарно-общественных наук, которым в России с ее социальными новациями уделяют первостепенное внимание, то там есть полный аналог ИОФИ – РОГН (Российское Общество Гуманитарных Наук). Научный сотрудник РОГН называется не ученый-исследователь, а философ-исследователь; диссертация на получение степени философа, необходимая для поступления туда, имеет более высокие требования, которые примерно соответствуют нашей степени доктора наук (иначе говоря – промежуточные между бывшими российскими степенями кандидата и доктора). Его оклад составляет не 30, а 24 тысячи рублей в год, в силу отсутствия трат на эксперименты (из них личной зарплатой исследователя считаются те же 1400 рублей в месяц), – но многое необходимое для их работы представляется институтами РОГН бесплатно (всякого рода информационные услуги, службы общественных опросов и т. п.).

Общественная наука есть и в вузах, а вот имперских центров в этой сфере нет – под регулярно возникающие исследовательские и экспертные задачи создаются временные виртуальные научные коллективы из философов-исследователей (за работу в них следует доплата). Кроме того, их часто просят временно участвовать в законотворческих и нормотворческих группах, в экспертных советах всех уровней имперской власти, в работе высших инстанций судов – все это им разрешено к совмещению в отличие от исследователей

в естественных науках. Нередко их вообще приглашают на работу в правительственные структуры, с прерыванием на это время их контракта. Вообще философы-исследователи, как и гуманитарные ученые из вузов, в большой степени являются в Империи частью государственной элиты.

Глава 11

Культура

Сеть. Как я уже писал в разделе «Автономность», Сеть в России имеет другие протоколы, чем во всем остальном мире. Поэтому если в Поднебесной до недавнего времени в целях цензуры существовали фильтры, закрывающие для пользователей ряд иностранных сайтов, то в Империи этого даже и не надо – бесплатно выйти в мировую Сеть невозможно технически. Интерфейсные порталы существуют и общедоступны, но цена за выход из Рунета в Интернет включает большой акциз и потому весьма высока (около четырех рублей в час, то есть 16 долларов, либо при скачивании 200 рублей за гигабайт, но не менее 20 рублей), так что фактически российская Сеть замкнутая.

Не следует, однако, думать, что это создает у российских пользователей чувство клаустрофобии: все-таки в Империи живет около миллиарда человек. Иными словами, пользователей и соответственно ресурсов там примерно столько же, сколько было в начале века у всего мирового Интернета. Кроме того, для тех сфер профессиональной деятельности, где действительно необходимо регулярное ознакомление с тем, что происходит за рубежом (научные издания для ученых, такие же издания для деятелей искусства, аудио– и видеофайлы для музыкантов и киношников), соответствующие имперские агентства – по науке, искусству и другие – перекачивают такую информацию на свои сайты, где она находится в бесплатном доступе.

Российский сетевой протокол не дает технической возможности для полной анонимности, как у нас, – когда часто вообще нельзя вычислить изначальное происхождение вывешенной информации. У них каждый переход информации с узла на узел оставляет трейсер с обратным адресом; это позволяет, правда, определить лишь терминал, с которого была отправлена информация, а не личность человека, произнесшего слово «отправить». Но так же обстоит дело и с телефоном, и с другими средствам связи, однако для спецслужб в случае необходимости это уже достаточная зацепка. Впрочем, этот трейсер по закону нельзя вскрывать без санкции Имперского управления безопасности или прокурора либо решения суда, а отслеживать по трейсеру источник информации частным образом – серьезное уголовное преступление.

В остальном протокол дает пользователям Рунета те же возможности, что и наша Сеть (кроме выхода в Интернет), включая вирту, поэтому, работая в России в Сети, не сразу и поймешь, что это другая Сеть, кроме как по языку команд. Архитектура Сети тоже особо не отличается, открытие новых сайтов (или блогов в существующих) столь же просто – и технически, и юридически, – как у нас, то есть, попросту говоря, для этого не надо никаких разрешений или денег (если только вы не планируете создать сайт с дорогими «излишествами»).

Цензуры в российской Сети нет, установка ограничивающих доступ фильтров категорически запрещена – хоть властями, хоть провайдерами или кем-либо другим; это является уголовным преступлением. Но нет и ситуации, которая существовала в России в начале века, а у нас в большой степени существует и поныне: когда Сеть является своего рода «черной дырой» законодательства, в которой вообще не существует никаких государственных запретов и регулирования. У нас законодательство пошло по пути признания части сетевых ресурсов средствами массовой информации и распространения на них соответствующих норм. В России же было введено более широкое понятие публичности (включающее в том числе и СМИ), и имперским Законом « О публичности» были сформулированы четкие критерии того, какие ресурсы Сети публичны, а какие нет. К публичным сайтам Сети относятся все те запреты и ограничения, которые существуют для любых публичных проявлений, от речей на площади или висящих на трассе рекламных щитов до радио или журналов – российский закон не делает различий между ними. Напротив, для непубличных сайтов, как и для электронной почты либо голосового или видеообщения, не существует никаких ограничений – они считаются аналогом очной беседы со знакомыми. То есть ограничен законом тот, кто использует Сеть для трибуны, и не ограничен тот, кто использует ее для частного общения. Это различие имеет весьма глубинную природу – Конституция Российской Империи не декларирует свободы общественной жизни (поэтому там не провозглашается, в частности, свобода печати и шествий), но декларирует свободу жизни частной – поэтому, например, свобода слова и собраний (непубличных) там прямо

зафиксирована.

Для того чтобы ваш ресурс любого типа – односторонний сайт, форум, вирту-клуб, торгово-коммерческая площадка и т. д. – считался непубличным, он по закону должен удовлетворять следующим условиям: а) на него не должно быть гиперссылок на других ресурсах, кроме как на тех, которые сами непубличны; б) его не должны видеть поисковые системы, кроме тех, которые сами непубличны; в) он не должен рекламироваться, как это понимается Законом « О рекламе»; г) вход должен быть возможным только для зарегистрированных членов; д) зарегистрироваться в качестве такового должно быть возможным только в реале вне Сети, но никак не на самом сайте. Если ваш ресурс удовлетворяет этим условиям, то вы можете размещать на нем что угодно, не запрещенное законом вообще, но запрещенное к публичному распространению. Это относится даже к порнографии (в том числе гомосексуальной и педофильной), описанию опыта использования запрещенных наркотиков, националистическим и шовинистическим материалам, оскорбительным в адрес России и русского народа высказываниям, антирелигиозным и атеистическим призывам и т. п. Логика законодательства Империи в том, что раз это не запрещено обсуждать со знакомыми дома на кухне, то нет оснований запрещать делать это и на непубличном сайте. Отсутствие запрета, однако, не распространяется на уголовщину – если ваш ресурс используется в шпионской или террористической деятельности или в подготовке иных преступлений, то вы будете рассматриваться как соучастник преступления, а уж степень конкретного участия и соответственно виновности будет определять имперский суд.

Непубличные сайты находятся вне какого-либо интереса имперской власти, как и вообще любые аспекты частной жизни граждан, потому она не делает попыток ни ограничить их развитие, ни, наоборот, стимулировать его. Иное дело публичные ресурсы – их государство рассматривает как главный инструмент народной демократии (в их понимании) и потому всячески поощряет те из них, которые можно назвать общественно-политическими. К таковым относятся любые дискуссионные площадки в Сети общественной тематики как общего плана, так и специализирующиеся на определенных проблемах, а также сайты-трибуны для вывешивания всякого рода самодеятельных предложений и манифестов и их обсуждения.

Правительство в целом и все имперские канцелярии, управления, службы и агентства имеют в Сети не только официальные сайты, но и официальные дискуссионные площадки. Там размещаются проекты нормативных документов и ведется активное их обсуждение со всеми желающими, причем двустороннее – с теми, кто вывесил предложения или критику, ведется диалог (не со всеми, разумеется, а с интересными и конструктивными). Инициатором такого порядка была имперская власть, но поскольку он весьма «прижился» в России, то его переняла и земская власть – в частности, теперь любые законопроекты Думы обсуждаются таким образом. При этом органы государственного управления не ограничиваются своими сайтами для изучения и обсуждения предложений – в каждом из них есть достаточно большие отделы для мониторинга всей Сети по предмету их ведения и для общения с авторами интересных по той или иной причине материалов. Очень часто таковые авторы получают предложения стать экспертом госоргана, а то и прямо перейти на госслужбу, причем уровень предложения прямо зависит от уровня заинтересовавшего материала. Так что размещение общественно-политических материалов с анализом или предложениями, как и участие в соответствующих сетевых дискуссиях, есть важный социально-карьерный лифт в России.

Но вся эта активность меркнет перед тем, что начинается, когда император объявляет общенациональную дискуссию по тому или иному вопросу, достаточно общему для всенародного обсуждения. В этом году, например, идет дискуссия о том, разрешать ли изменение людей (по их желанию, разумеется) с помощью новейших биомедицинских технологий – то есть разрешать людям приобретать особую физическую силу или выносливость, или способность долго находиться без воздуха, или устойчивость к экстремальным температурам и т. п. А предыдущая дискуссия, проходившая два года назад, была посвящена вопросу, стоит ли увеличивать возраст выхода на пенсию с одновременным

увеличением ее размера. По сложившейся традиции на такие дискуссии отводится один год, в конце которого имперская власть обнародует их статистические результаты (которые любой желающий может проверить в Сети сам, если не жалко времени), и решение, как правило, принимается в соответствии с ними.

Конечно, результат подобных дискуссий – не закон, власть может проигнорировать все предложения и поступить ровно противоположным образом по сравнению с выкристаллизовавшимся во время дискуссии мнением. Но с другой стороны, если по какому-то вопросу власть не интересуется голосом народа, то она просто не будет объявлять дискуссию (нравиться населению власть в самодержавной Империи не стремится). Таким образом, получается парадоксальная ситуация: у нас власть вынуждена изображать интерес и внимание к мнению народа (иначе ее не переизберут) и для этого участвовать в общенациональных обсуждениях важных вопросов, но только для виду, и поэтому старается всеми неявными способами отбиться от любых предложений со стороны. А в России власть делать это не вынуждена, поэтому если уж дискуссия по какому-то вопросу объявляется, то только для того, чтобы к ней прислушаться, и вы можете быть уверены, что вас с вашим мнением не будут, по русскому выражению, «отфутболивать», как надоедливую муху. Но все в мире имеет цену – и платите вы за внимание властей к вашему мнению по одним вопросам тем, что по другим вопросам ваше мнение никто и не спрашивает, даже для виду.

Вообще российская власть придает крайне важное значение возможности виртуального контакта власти с гражданами; каждый гражданин имеет право быть услышанным – хоть с жалобой, хоть с предложением – это прямо записано в Конституции. Причем из разговоров со многими опричниками, в том числе высокопоставленными, я четко понял, что эта запись сделана не для проформы, а отражает их глубинное убеждение, даже императив: решать будем мы по своему разумению, а не вы, но ровно поэтому мы должны всех вас перед этим выслушать. Для реализации этого права Империя полагается почти исключительно на прямой виртуальный контакт, поскольку идея представительства там не популярна. Последнее выражается в первую очередь в том, что законодательная власть (земская, поскольку в имперской власти нет законодательной ветви), то есть Земская Дума, не является представительской властью. То есть депутат любой из палат является по Конституции не представителем избравших его людей, а лишь нанятым ими для законотворческой деятельности работником. Поэтому как проводника жалоб или просьб избирателей его никто не будет выслушивать (пусть обращаются сами либо через конституционного представителя – главу общины), а с предложениями будут, но как любого другого гражданина. По той же причине в структуре российской власти нет института омбудсменов, или уполномоченных по правам человека, которые еще 40 лет назад имели место на всей территории будущей Империи – и в России, и в европейских странах.

О причинах этого я беседовал с начальником Имперского прокурорского надзора Муртазой Султановым. Кстати, неправославное имя у опричника свидетельствует не о его вероисповедании – опричник не может быть не православным, – а о том, что этот человек по национальности принадлежит к одному из народов-союзников (в данном случае к башкортам) и воспользовался своим правом не проходить породнения и оставаться по документам башкортом и соответственно в миру называться не крестильным именем, а данным при рождении. Так вот, Султанов искренне не мог понять, о чем я говорю и зачем нужен омбудсмен. «Если кого-то обижают, отчего ему не обратиться к нам? – сказал он. – Прокурорский надзор для того и нужен, притом у прокурора более чем достаточно полномочий, в том числе силовых, в отличие от вашего уполномоченного». – « Но вы назначены императором, а уполномоченный назначался Государственной Думой», – указал я. «Ну и что?» – по-прежнему недоумевал Султанов. «Как бы считалось, что это делает его в большей степени независимым от власти, а это важно в тех случаях, когда обидчиком является сама власть», – отвечал я. « Но власть – это ведь не один человек, – сказал Султанов. – Не император же лично обидит человека. А если его обидит кто-то из полиции, например, то с чего я должен этого обидчика выгораживать: он мне что, сват или брат?» – «Ну, все-таки корпоративная солидарность – вы хоть и из разных ведомств, но оба из правящей элиты». – « А что, уполномоченный по правам, да и сами назначившие его

депутаты Думы, разве не входили в тогдашнюю правящую элиту? Нет, возможно, в те времена это и было нужно, но я решительно не понимаю смысла этого ныне, – сказал Султанов, – тем более что права людей чаще всего нарушает вовсе не вертикаль имперской власти. К тому же, если обиженный подозревает меня в нечестности, он может подать заявление в суд, и меня подвергнут технодопросу – или же он без всякого суда может написать в окружное опричное собрание, и мне зададут вопрос по его делу во время очередного годичного техно-допроса».

Так что представительство у русских не в чести, хотя раньше оно, наоборот, принимало совсем уж гротескные формы: так, и в России, и в европейских странах еще в начале века существовали странные образования, которых никогда не бывало у нас в обеих Америках, – так называемые общественные палаты, в которых заседали представители непонятно как и кем отобранных общественных организаций. Я никак не могу понять, дорогие соотечественники, для чего нужны были такие органы там, где существовали парламенты: если обладаешь народной поддержкой, избирайся туда, а если нет, то с какой стати к тебе прислушиваться более, чем к обычному гражданину? В современной России все это в прошлом, а место представительства занял прямой контакт гражданина с властью через Сеть. Я лично проделал эксперимент, написав несколько предложений в разные органы управления – от имени разных знакомых мне российских граждан (разумеется, с их согласия). Так вот, на все из них, кроме одного (которое, по-видимому, было сочтено неинтересным), я получил ответы, причем по существу. Так что возможность быть услышанным с предложением типа «если бы директором был я» (а уж с жалобой, я полагаю, тем более) у россиянина совершенно реальна. И я думаю, что дело здесь не только в стремлении быть справедливыми, но и в другом: всю современную российскую государственность пронизывает дух новаторства и экспериментирования в социально-политической сфере, стремление быть максимально продвинутыми в этом (словосочетание «быть мировыми лидерами» они не любят) – ведь именно благодаря этому они поднялись с колен и победили Запад. И именно этот дух постоянного поиска, нуждающийся, как в топливе, в потоке новых идей, делает совершенно невообразимой в нынешней России ситуацию вроде той, которая имела место в середине XIX века. Тогда начальник жандармского корпуса (то есть службы безопасности) Александр Бенкендорф говорил: «Проект ваш плох уже тем, что нарушает спокойствие в Империи и расстраивает своим анализом государя императора».

История и архивы. Коль зашла речь об общенациональных дискуссиях, то я не могу не коснуться отдельной и очень необычной их части – исторических дискуссий. Дело в том, что еще со времен Второй Империи (а точнее, со времен ее краха, давшем возможность критически осмысливать и обсуждать то, что в ней происходило) русские поняли на собственной шкуре, что прошлое не есть данность, а зависит от настоящего. Речь идет, конечно, не о самом прошлом, а о его интерпретации – в то время даже появилось выражение: «Мы живем в стране с непредсказуемым прошлым». Притом вовсе не обязательно инициатором такого переосмысления прошлого – иногда в сторону истины, чаще нет – выступала непременно власть, с целью обосновать ее идеологию. В не меньшей степени это происходило самодеятельно, а уж восприятие зависело от взглядов, доминирующих в обществе.

Например, волна поношения всего существовавшего в Красной Империи, сосредоточившаяся, как в фокусе, на поношении Иосифа Великого и всей сталинской эпохи, начавшаяся с конца 80-х годов и достигшая пика в начале 90-х, инспирировалась не только Борисом Проклятым и его правительством, которым она нужна была как апология своей деятельности по демонтажу российской государственности. И не только зарубежными спецслужбами, в первую очередь тогдашних США, которые были заинтересованы в любом ослаблении противника. В не меньшей степени ее источником являлись обычные люди, у которых в те времена были либо репрессированы родственники, либо они сами, часто – хотя и не всегда – безвинно, и которые не могли простить боль и страх того времени. Но не следует забывать, что боль и страх – понятные и естественные чувства для несправедливо обиженных, однако при этом они плохие помощники в установлении исторической истины. Но люди слушали речи, читали газеты, смотрели ТВ, и поскольку им очень хотелось войти в

новую светлую жизнь, отряхнув с ног прах старой (тогда еще русские не знали, что так не бывает), то критика Красной Империи ложилась на благодатную почву: этому хотели верить – и верили. А начиная со второй половины 90-х, когда в народе наметился подъем национального самосознания и гордости, получила развитие обратная тенденция: те, кто испытывал особое унижение и ярость в период второго Смутного времени (за себя или за державу – неважно), принялись искренне и с большим жаром доказывать ровно противоположное. А именно, что никто при Сталине, как и вообще за семьдесят лет торжества Красной Империи, не пострадал без вины, что жизнь в ней была богаче, свободнее и веселее, нежели жизнь в остальном мире, и тому подобный бред. Ясное дело – унижение и ярость столь же плохие советчики, как боль и страх.

Это, подобное маятнику, стремление к переосмыслению истории, а зачастую просто к ее переписыванию не ограничивалось недавним прошлым, все еще политически актуальным. На этой волне всплыли «новые историки», которые обращались как раз к весьма древним временам и эпохам. С конца 80-х, например, набрала большую популярность (правда, исключительно в среде неспециалистов) теория математика Фоменко о так называемой новой хронологии. Хоть она и не выдерживала никакой серьезной критики, ею увлекались миллионы людей, главным образом из-за вышеописанного смятения в умах.

Многие писатели трудились в жанре переиначивания истории просто потому, что чувствовали – они оседлали моду и читательские предпочтения своего времени. Это хорошо видно на примере литературы того времени, пересматривающей историю войны России с Германией 1941—1945 годов. Если часть ее прямо оплачивалась спецслужбами бывших США с целью размывания стержня российской самоидентификации (например, то, что писал сотрудник ЦРУ Суворов), то другая часть была, как говорят русские, простой «конъюнктурщиной» на модную тему.

Но сказанное вовсе не означает, что все попытки переосмыслить историю были ложными, – иногда от истины уводило как раз нежелание ее пересматривать. Примером здесь может служить великий русский писатель XX века Александр Солженицын, которому стоят памятники и на его родине в Кисловодске, и в Ростове-на-Дону, где прошли его детство и студенческие годы, и в Казахстане, где он сидел в лагере и потом жил в ссылке, и в Москве. В начале нынешнего века он опубликовал фундаментальный труд, посвященный двумстам годам проживания евреев среди русских в русском государстве; этот труд, совершенно по-новому осветивший многочисленные грани этой истории, развеял много мифов, существовавших в народе на эту тему. А ведь история своей страны – это не просто наука, и мифы в ней не просто научные заблуждения; от нее зависит понимание народом того, кто он и куда идет. По названным причинам к середине первого десятилетия нашего века, и в еще большей степени к 10-м годам, в обществе появилась осознанная и сильная потребность точно знать, а как оно было на самом деле.

В ответ на такую потребность с середины 10-х годов российская власть выработала подход, характерный для нее своей прямолинейностью. В качестве «пробы пера» был выбран уже упоминавшийся вопрос о сталинских репрессиях. Императорским указом была создана комиссия, которой следовало разобраться в этом вопросе. Для этого ей помимо необходимого финансирования давалось право получения и даже изъятия любого документа из архивов любого ведомства. Комиссии никто не поручал давать оценку эпохе – это дело субъективное. В таких вещах если и возникает общественный консенсус, то уж никак не в результате работы комиссий. Ей была поставлена задача гораздо более конкретная и однозначная – точно выяснить и публично доложить народу: а) сколько человек было лишено государством свободы и жизни в период с 1928 по 1953 год; б) сколько из них было однозначно невиновно в том, в чем их обвиняли, сколько с большой долей вероятности виновно, а про вину скольких ничего нельзя сказать с уверенностью; в) сколько людей погибло косвенно, то есть не было напрямую репрессировано, но умерло явно вследствие действий властей, причем таких, которых без ущерба для государства можно было не предпринимать.

Однако и такая постановка заключала в себе серьезные трудности, причем не столько технические, сколько чисто научно-мировоззренческие – к примеру, как считать погибших по

косвенным причинам. Например, сколько-то человек погибло в начале 1930-х на Украине от голода в результате насильственного изъятия хлеба – а если бы хлеб не изымали, то за этот период там что, никто бы не умер? И поскольку часть хлеба шла в города (остальное на экспорт), то как быть с тем, что если бы его не изъяли, то умирали бы от голода не в селах, но уже в городах? И даже тот хлеб, что был продан за границу: на вырученные деньги не бриллианты же для Сталина закупались... Если на эти деньги был куплен завод, который во время войны позволил выпустить дополнительный миллион снарядов, – с этим как быть? И так далее.

Не проще было и с репрессированными: если человек был осужден за троцкизм, а он и слова такого не знал – так часто бывало, – это понятный случай (не вдаваясь в детали, дорогие соотечественники, скажу, что учение и практика Троцкого были еще страшнее и омерзительнее того, что происходило в Красной Империи по факту). Ну а если он и вправду был в конце 10-х и в 20-х годах XX века активным троцкистом (у Троцкого действительно было очень много сторонников) – тогда как? Насколько можно считать безвинно репрессированным того, кого репрессировали за принадлежность к группировке, к которой он реально и принадлежал? И вообще, насколько правомерно подходить с мерками одного века к деяниям другого, когда речь идет не о душе, а о политике? Тем не менее всем очень хотелось поставить точку в этом вопросе, причем такую, чтобы она выглядела окончательной. Словом, комиссия приступила к работе и опубликовала официальный отчет через четыре года, весной 2019 года, за месяц до Двенадцатидневной войны, – он содержал все ответы на поставленные вопросы, с разбивкой и пояснениями.

Учитывая указанные противоречия и амбивалентность оценок, комиссия избрала единственно возможный алгоритм работы, который имел далеко идущие последствия и для других сфер жизни, – при другом подходе ее решение никогда не сочли бы объективным и не тенденциозным. Все документы, кроме содержащих не утерявшую актуальность информацию военного или разведывательного характера, вывешивались в Сети с открытым доступом – это очень не дешевая работа, но зато ныне все российские архивы есть в Сети. Промежуточные результаты работы комиссии также вывешивались в Сети, включая стенограммы заседаний рабочих групп и заключения штатных и нештатных экспертов, – то есть работа шла абсолютно открыто.

Однако одной гласностью эта открытость не ограничивалась – работа шла в диалоговом режиме с народом: каждый желающий мог написать свои соображения комиссии с требованием ответа по существу, участвовать в ее форумах либо просто вывесить свое частное мнение, но на официальных сайтах комиссии. (Вы заметили, дорогие соотечественники, сходство этого режима с описанными мною выше общенациональными дискуссиями – это не случайно: механизм таких дискуссий отрабатывался как раз в период работы той комиссии.) Комиссия гарантировала под страхом уплаты компенсации, что любой человек, потребовавший ответ, его получит – нанято будет столько людей для работы в форумах, чтобы это стало возможно (бюджет позволял).

Когда официальный результат работы комиссии был объявлен – а каждый мог проверить его, потому что открытой была вся цепочка информации, от первичных материалов до окончательных выводов, – он действительно поставил точку, и больше к этому вопросу российский интеллектуальный мейнстрим не возвращался. Но не менее важно то, что еще в период работы имела место невиданная активизация публики, так что и после завершения работы образованная часть народа хотела продолжения – еще чего-нибудь в том же роде. Так и получилось: в 2021–2025 годах шла дискуссия о преступлениях – реальных или мнимых, как раз и надо было определить – сокрушенной западной цивилизации, на основе изъятых в США и Европе архивов. В 2027—2028 годах, по просьбе Палаты немецкого народа, к которой присоединилась и Палата еврейского народа (к тому моменту все уже верили в непредвзятость разбирательства), прошла дискуссия об истинном количестве жертв холокоста. Так и повелось: теперь дискуссии происходят регулярно, занимают весьма заметное место в культурной жизни Империи, и благодаря им история в Империи считается одной из самых важных и одновременно увлекательных наук, а профессия историка (и философа-исследователя РОГН, и преподавателя школы или вуза) – одной из самых

престижных.

Средства массовой информации. Отношение к СМИ в России трудно понять без знания их истории, весьма сильно отличающейся от нашей. Если в Первой Империи газеты и журналы (радио и ТВ еще не были изобретены), невзирая на официальное наличие предварительной цензуры даже в мирное время, ничем принципиально от наших не отличались, то с 1917 по 1986—1987 годы вся пресса в России была партийно-государственной. Ничего, кроме восхваления власти и репортажей о трудовых успехах промышленных и сельскохозяйственных предприятий, там не было, кроме разве что всяческого поношения загнивающего Запада – притом не за то, за что его реально не любят в России по сию пору, а лишь за то, что там разрешено частное предпринимательство и потому есть богатые. Поэтому в Красной Империи профессия журналиста была не то чтобы презираемой (хотя к наиболее престижным, как у нас, она точно не относилась), но невообразимо регламентированной и скучной.

С самого же начала второго Смутного времени, а реально даже с последних лет существования Второй Империи журналисты получили возможность писать что угодно и о ком угодно. Для журналистского корпуса в целом это выглядело примерно так, будто они попали на пир после вынужденного голода: они упивались свободой. Тем более что двух главных ограничителей этой безбрежной свободы, изначально существовавших у нас – чтобы публике было интересно и чтобы коллеги продолжали подавать руку, – в то время в России не было и быть не могло: свободой упивались не только журналисты, но и их коллеги, и читатели. А государство – не конкретную власть, а государственную машину как таковую – все журналисты, выросшие в душной и унижающей их атмосфере Второй Империи, сильно не любили. На эту ситуацию наложились трехсотлетние настроения превознесения всего западного и презрения ко всему своему, особенно распространенные в среде богемной интеллигенции, к которой относились и журналисты (во времена позднего СССР прозападные настроения были загнаны внутрь, но никуда не делись). Кроме того, имел место и некий субъективный фактор – несколько наиболее беспринципных олигархов (все нерусские по национальности, в основном евреи) создали частные медиа-империи, притом исключительно с личными политическими целями. В результате к середине 90- х годов пресса (не отдельные издания, а подавляющая ее часть) стала откровенно антироссийской и русофобской. Ее называли либеральной, но это был даже не либерализм, а доведенное до абсурда его продолжение – полная антигосударственность. По указанным выше причинам журналисты скатились в эту позицию совершенно естественно – не по нужде, а по велению души. Итог был закономерен: когда кончилось второе Смутное время и страна и народ стали возвращаться к естественному мироощущению, ненависть к прессе и журналистам (либеральным, но иных практически и не было) достигла небывалых размеров во всех слоях общества: их называли см?сителями и на полном серьезе считали главными виновниками унижения страны.

Терпеть СМИ, и в особенности телевидение, откровенно являющиеся проводником антироссийской политики и к тому же столь нелюбимые народом, Владимир Восстановитель, естественно, не собирался. Уже в первой половине своего правления, вовсе не богатой на радикальные изменения, он отобрал у олигархических медиа-магнатов их телеканалы. По сути, с этого он практически и начал свое правление (если не считать завершения войсковой фазы второй кавказской войны).

Слово «отобрал» не должно вводить вас в заблуждение, дорогие соотечественники, – медиа-магнаты их никогда не покупали, а, по сути, сами отобрали их у государства в момент его полного бессилия (наступившего не без их активной помощи); им же Владимир II заплатил немалые деньги. Таким образом, к 2006 году все общефедеральные телевизионные каналы тем или иным образом находились под контролем государства (бумажные газеты в те времена русские читали мало, а сетевые еще только появлялись – поэтому идеологическую важность имело только ТВ); но выяснилось, что этого недостаточно. Собственники поменялись с олигархов на государство, но журналисты и редакторы остались те же, с тем же самым настроем, о котором я писал, – и других взять было решительно неоткуда. Поэтому сложилась ситуация, при которой откровенной агитации против власти на телевидении уже

не было, но более тонкая подрывная работа, направленная на постепенное размывание всех ценностей, лежащих в фундаменте самой идеи русской государственности, продолжалась почти на прежнем уровне (возможно, в определенной части непреднамеренно). В наших современных терминах это можно обозначить как боевые действия консциентологического типа против России. Тем не менее острота была до известной степени снята, и так тянулось до 2013 года. Но когда началось воссоздание Империи, продолжаться по-прежнему это уже никак не могло.

Гавриил Великий и деятели его правительства в полной мере извлекли уроки из ситуации в сфере СМИ 90-х и начала 2000-х годов, хотя и довольно специфические. Телевидение само по себе есть слишком сильный инструмент воздействия на психику человека, и психика большинства людей не в силах критически осмысливать телеинформацию и сопротивляться, считали они. Вот ведь гипноз, кроме как для лицензированных психиатров, запрещен под страхом уголовного наказания – а чем ТВ не массовый гипноз? В западном мире считают, что противоядие от этого в существовании как можно большего числа самых разных телеканалов, что снижает мощь воздействия каждого канала в отдельности. Это так, но, продолжая эту логику, западный мир должен бы был разрешить и поощрять наркотики, лишь бы их было много и самых разных, – но это явный абсурд. Поэтому о частном телевидении вообще не может быть речи – и в Законе «О психической защите нации» 2015 года было установлено, что ни собственником, ни акционером, ни управляющим телекомпании не могут быть частные предприниматели или корпорации. Не могут ими быть и общественные организации – а может либо правительство, либо земства (для своих региональных каналов).

Однако реформаторы на этом не остановились: а разве государственное владение и управление есть панацея? – задали они риторический вопрос. Речь здесь не о том, о чем я писал выше (что журналисты даже на государственных каналах продолжали гнуть свою либеральную линию), – с этим можно справиться. Но нужен ли даже государству зомбирующий гипноз, пусть и с благородными целями? Если уж ТВ можно уподобить наркотику, то пристало ли Империи делать наркоманов из своих граждан и держать их в наркозависимости? «Мы ушли от демократического государственного устройства, когда все выбирают власть, – сказал в своем выступлении в 2015 году Иван Георгиев, тогдашний министр культуры, – так давайте и действовать будем не как демократия, где главная цель – превратить свое население в послушную управляемую биомассу-электорат. Если бы мы хотели сделать из своих граждан зомби, не было бы ничего лучше для этого, чем государственное телевидение. Но им нас не выбирать, и поэтому нам этого не надо – напротив, мы хотим наиболее полного раскрытия их человеческих потенциалов, как велел Господь в притче о зарытом таланте, а для этого зомби не годятся».

Результатом такого подхода явилось следующее: в том же 2015 году все общефедеральные государственные каналы (а иных уже не было) закрыли, за исключением одного; еще один местный канал разрешалось иметь земству или группе земств, причем они несли ответственность за то, чтобы его вещание было сугубо региональным. Таким образом, начиная с 2015 года и поныне россиянин имеет на своем мониторе либо один (имперский), либо два (имперский и земский) канала – потому что не во всех земствах есть местное вещание. На обоих каналах есть лишь новости и официоз (на первом – имперские новости, на втором – местные) – развлекательных программ любого рода там не допускается.

Должен заверить вас, дорогие соотечественники (я смотрел российское ТВ почти год), что правительство не обмануло своих граждан: ни новости, ни официоз не используются для славословия властей и вообще для пропаганды – они подаются весьма сухо и достаточно не тенденциозно. От наших они отличаются в первую очередь четким разделением отечественных и мировых новостей – в соответствии с принципом автономности у российских телезрителей не должно возникать ощущения единства планеты. Помимо этого, на российском ТВ гораздо более регламентирован сам выбор того, что является новостью, а что нет. У нас могут показать в новостях сюжет про человека, женившегося в сто лет, потому что этот телеканал, в отличие от других, сочтет это достойной новостью; то же относится и к политическому блоку – одни сочтут какое-нибудь третьестепенное правозащитное шествие новостью, а другие не сочтут. Так вот, у русских такого нет – в новостях показывается лишь

то, что по своему масштабу однозначно является общеимперскими новостями.

Кроме этого, там новости отличаются гораздо меньшей эмоциональностью и визуальной эффектностью показа – например, в тех репортажах, где показывать особо нечего, никаких фоновых видеоматериалов не дается, притом и репортажи в целом идут лишь там, где они реально нужны (в остальное время есть лишь диктор в студии – доля его времени в новостных программах значительно выше, чем в подобных программах у нас). Все это делается в рамках общей линии на уменьшение прямого (мимо рационального осмысления) воздействия на зрителя. По этой же причине в новостных блоках преступления и катастрофы занимают небольшое место и никогда не показываются впрямую, хотя и не замалчиваются – врать российская власть не любит, считая это ниже своего достоинства. Целью такой структуры телеэфира, в соответствии со сформировавшимися у правительства представлениями, было в первую очередь даже не прекращение «зловещания», как его здесь называли, а избавление населения от наркозависимости от экрана. В упоминавшемся выступлении Георгиева такая терминология и использовалась: «Вначале вам будет тяжело, как всегда при ломке, но потом вы же и будете рады».

В принципе, так и получилось: для обычного человека жизнь в России теперь гораздо менее виртуальна, чем для нашего обывателя у нас, – поскольку люди в России не сидят перед экраном, то они существенно больше времени проводят в каких-то делах, даже если и не очень осмысленных, в общении друг с другом (с алкоголем или без него), в занятиях сексом, наконец. Я думаю, отказ от ТВ сыграл здесь решающую роль. Имперская власть явно будет и далее проводить ту же линию – если в ближайшее десятилетие системы виртуальной реальности станут полной имитацией действительности, как нам обещают технологические обозреватели, в России они вне всякого сомнения будут сильно ограничены.

Все сказанное относится не только к эфирному вещанию, но и к кабельным сетям, то есть телепрограммы запрещены и в Сети – целью правительства была отнюдь не замена бесплатного телевидения на платное. С другой стороны, не было никакого основания запрещать гражданам заказывать за деньги себе на монитор художественные фильмы и тому подобное – Россия хоть и не демократическая, но вполне свободная страна. А в свободной стране трудно объяснить, чем заказ фильма через Сеть отличается от заказа через ту же Сеть диска с этим фильмом с доставкой на дом. Такое положение потребовало четкого законодательного определения, чем отличается телевещание – то, которое необходимо запретить, – от видеоматериалов другого типа, которые никому не мешают; это оказалось непростой задачей. Принятый в результате закон, действующий и поныне, устанавливает, что главная отличительная особенность ТВ – это наличие сетки вещания, то есть показа видеоматериалов друг за другом в реальном времени, по заранее объявленному графику, без возможности зрителя остановить показ, а потом продолжить его с этого же места; это в безусловном порядке запрещено. Что касается отдельного материала о каком-то событии, месте, народе и т. д. – то это фильм, и вы можете без ограничений продавать его через Сеть (или раздавать бесплатно, если такова ваша бизнес-модель), как и игровые фильмы. Правда, если это репортаж с места события, в том числе со спортивного мероприятия, то его можно размещать в Сети для заказа не ранее чем через 72 часа после того, как оно произошло, – иначе это считается телевидением. Так что когда я говорю, что россиянин может смотреть лишь один-два телеканала, притом весьма скучных (специально), то это относится именно к каналам. Отдельные фильмы и другие видеоматериалы – образовательные, познавательные, юмористические, спортивные и т. п. – он может вызывать через Сеть в огромном количестве, частью платно, а частью бесплатно. Проведенные российской властью обширные и весьма серьезные исследования показывают, что в этом случае – когда все смотрят отдельные передачи, не сгруппированные в программы, разные и в разное время, и сами передачи не привязаны к моменту показа и не касаются сегодняшнего дня – зомбирующий эффект невелик. Так что телевидение – это еще одна сфера российской жизни, где чужеземцу с первого взгляда кажется, будто он столкнулся с полной дикостью, а при более внимательном ознакомлении оказывается, что все не так страшно и не так уж и сильно отличается от привычного нам – хотя это небольшое отличие может привести к масштабным последствиям.

Что касается иных, нежели телевидение, средств массовой информации – бумажных журналов, сетевых газет, радио и прочих, – то они практически ничем не ограничены. Более того, в России вообще нет закона о СМИ. Это не значит, что здесь можно делать что угодно, просто специфического государственного регулирования этой сферы нет, как нет отдельных законов о металлургии или о производстве компьютеров.

Я уже писал, что в России существует Закон «О публичности», которым устанавливается, чего нельзя публично произносить, публиковать и транслировать (порнография, гомосексуализм, национализм и шовинизм, антигосударственная агитация и т. д.), независимо от носителя. Русские считают, что этого закона более чем достаточно для регулирования содержательной части деятельности СМИ. Общеделовая же часть их деятельности регулируется общим законодательством (Гражданским и Налоговым кодексами, антимонопольным законом и пр.). Никакого лицензирования или даже уведомительной регистрации для открытия СМИ в России не требуется, и закрыть их можно только в порядке, предусмотренном для закрытия предприятий вообще. «А если издание не нарушает ни закон о публичности, ни общее законодательство, но беспрерывно и целенаправленно врет?» – спросил я у Елены Путко, начальника отдела СМИ в Имперском агентстве информационных сетей. «Ну что же, хотят врать – пусть врут, – ответила она. – Пусть решает рынок, иными словами аудитория. Если это не зомбирующий носитель, то есть не телевидение, то рынок разберется. Это как если бы вы спросили, а что, мол, делать с теми, кто продает явно не работающие средства для приворота ушедшего мужа, – а ничего не делать, если только продавцы не используют гипноз для рекламы. Конечно, если доказать в суде, что данное СМИ не просто врало, а делало это целенаправленно и намеренно, то есть само и не считало свои материалы правдой, то по Уголовному кодексу это мошенничество со всеми вытекающими последствиями. Но мы заниматься этим не собираемся, если потребительские организации хотят – пусть занимаются сами. В каких-то крайних случаях мы можем выпустить и распространить официальное сообщение для потребителей, в котором аргументированно докажем лживость этого издания, но на моей памяти такого не было. (У этого подхода есть исключение, более характерное для искусства, о котором речь пойдет далее.) Если же имело место оскорбление страны, народа и т. п. – это все уголовные преступления (см. главу « Правоохранительная система»), – то с этим, безусловно, надо бороться, и для того существует Имперская служба цензорского надзора. Также если журналисты или издания в целом берут деньги за материалы, не помечая их как рекламу, то это уголовное преступление (взятка) – но этим занимаются правоохранительные органы, и пусть себе занимаются».

Должен отметить, что при отсутствии закона о СМИ ответственность российских журналистов в плане корректности подачи информации выше, чем у наших, – там клевета или дезинформация считается таковой, даже если использованы всякие лазейки типа « по непроверенным слухам», «говорят, что» и т. д.; но это опять-таки дело правоохранительной системы и судов. В общем, дорогие соотечественники, в области СМИ всех типов (кроме ТВ, которое они считают зомбирующим и потому рассматривают отдельно) российское законодательство не жестче, а, напротив, существенно либеральнее нашего. Это не удивительно, потому что население для российской власти не электорат.

Искусство. При взгляде на русское искусство в целом, включая его приложения в повседневной жизни, то есть на российскую эстетику, в первую очередь бросается в глаза сочетание ряда элементов, казалось бы, вовсе не сочетающихся. Таково следствие противоречивости или, по крайней мере, неоднозначности устройства самих основ российской жизни, которое присутствует и во всех иных сферах, но в искусстве проявляется наиболее зримо. Я упомяну несколько – наиболее явных – такого рода сочетаний.

Во-первых, во всех областях искусства, как и в прикладной эстетике (дизайне), присутствует – не может не присутствовать! – так называемый имперский стиль. Не всегда неспециалист может точно сформулировать, в чем именно он выражается, скажем, в музыке или живописи, но он тем не менее всегда ощущается. Четче всего его можно почувствовать в архитектуре – там для него свойственны монументализм, помпезность, самодостаточность. Здания, даже чисто коммерческого назначения (не говоря уж о государственных или тем

более храмовых), весьма часто являются самодовлеющими, как бы подчеркивающими свою непреодолимую разницу, несоразмерность с отдельным человеком. При планировке новых городов или районов в существующих городах, вне зависимости от того, кто заказчик – девелоперская компания, община, земство, – предпочтение отдается широким прямым улицам и большим площадям, а не извилистым уютным переулкам. И это заметно во всем: так, русские однозначно любят все большое – например, подавляющее большинство людей при наличии бюджетных ограничений предпочтет купить подержанный, но большой автомобиль, а не новый, но маленький. То же с домами и квартирами. В художественной литературе и кинематографе малые формы, ставшие в последние годы доминирующими у нас (рассказы и маленькие повести, короткометражные фильмы-новеллы), существуют, но считаются полностью второстепенными – трудно представить, чтобы одна из них стала общеимперским кумиром. Так и в живописи, скульптуре и симфонической музыке. Указанные особенности являются воплощением трудно формулируемого, но хорошо ощущаемого представления: человек есть не высшая ценность, цель и мерило всего, а лишь часть грандиозного целого, субъект осуществления высших замыслов – не жизнь для человека, а человек для жизни. С другой стороны, русский имперский стиль далек от классического имперского, поскольку испытывает давление с обратной стороны – со стороны субкультуры служилого сословия опричников, которое составляет небольшую долю населения, но имеет весьма значительный вес в культурных влияниях. Их презрение к деньгам и неприятие комфорта, общий дух суровости и аскетизма полностью противоречит таким элементам классического имперского стиля, как богатство убранства, разнообразие отделки, буйство цветов и вообще украшательство; стиль ампир (что, собственно, и переводится как «империя») для них чужд. Естественным и органичным для них (а через них и для страны в целом) является дух минимализма. Именно сочетание имперской и минималистской эстетики, казалось бы, противоречащих друг другу, дает причудливый и необычный результат. Это огромные и подавляющие здания, но имеющие простые и чистые линии, без всяких излишеств; доминирующие над местностью памятники и монументы, но в виде простых монохромных стел. То же самое даже в прикладных дизайнерских решениях – все самые роскошные российские автомобили очень большие и агрессивные, но очень строгих форм и почти без элементов декора. Такая же тенденция, хотя и в менее очевидном виде, присутствует и в музыке, и в литературе, и в кино.

Во-вторых, русскому мироощущению свойственна серьезность, граничащая, на наш взгляд, с пафосностью. Таково, вне всякого сомнения, следствие глубокой религиозности, серьезного, не шуточного отношения русских и к жизни, и смерти. Поэтому у них гораздо больше книг и фильмов о разного рода экстремальных ситуациях, особенно о различных войнах, причем в целом их стилистика у нас была бы сочтена недопустимо патетичной. А вот произведения о повседневной жизни обычных людей (то, что у нас называется городскими сериалами) хотя и распространены, но в гораздо меньшей степени, чем у нас, – их читает и смотрит достаточно много людей, но они никогда не попадают по опросам в число самых любимых. С другой стороны, русским в не меньшей мере свойственно и прямо противоположное – легкое и шутливое – отношение к жизни и смерти, удачам и неудачам, вообще ко всей окружающей действительности, в том числе и к самим себе. Это также весьма глубокий слой русского мироощущения, причем окончательно такими русские стали лишь в период Второй Империи. Кстати, об этом полезно помнить тем нашим публицистам-русистам, кто утверждает, что ничего, кроме деградации, Красная Империя русским не принесла. В России весьма популярен юмор, причем не в подаче профессиональных комиков, как у нас, а как разговорный жанр преимущественно сатирической направленности – русские беззлобно смеются над всем, включая самые святые для них самих вещи, не переходя, впрочем, в ерничество. Так вот, в русском искусстве, как и вообще в русском национальном сознании, легко и непринужденно сочетается то и другое, патетика и юмор, казалось бы, полностью взаимоисключающие друг друга. В этом смысле характерным является культовый фильм 40- х годов « Последний перекресток», рассказывающий о двух героях-друзьях, добровольно принимающих в конце фильма последний бой и мученически погибающих, чтобы не дать вражескому отряду неожиданно прорваться к русской

заградительной заставе, хотя герои не имеют к ней никакого отношения (действие происходит во время второй русско-халифатской войны). Так вот, один из них, Фридрих, в крещении Федор, очень серьезный, глубоко православный человек, знающий за собой тяжкий грех и постоянно мучающийся этим, желает пострадать за людей и страну во славу Божью и во искупление своего греха. А второй, Сергей, редкостный, по русскому выражению, «раздолбай», которому все «до лампочки», постоянно иронизирует над всем, в том числе над Фридрихом и его верой. Но в момент истины оба оказываются готовыми к подвигу, рыцарями без страха и упрека. Это сочетание не сочетаемого, отражающее два образа подвига, имеет очень глубокие корни в русской культуре: и человек, перед битвой молящийся и одевающийся во все чистое, и человек, прогулявший и пропьянствовавший всю ночь, но в бою без колебаний закрывший собой своих товарищей, – равно древние русские архетипы.

В-третьих, в российском искусстве весьма причудливо сплетается традиционализм и авангардизм. Как и у всего вышеизложенного, у этой антиномии давняя история. До конца XIX века русская культура была весьма тяготеющей к традиции – до XVIII века к древнерусской, а после к европейской. Но с конца XIX – начала XX века во всех областях искусства пышно расцветает авангард, причем русские оказываются здесь в числе мировых лидеров. Это имело место и в изобразительных искусствах, и в музыке, и в архитектуре, и в литературе, и в только что возникшем кинематографе и продолжалось примерно до 30-х годов XX века. Это время стало золотым веком (русские почему-то называют его серебряным) русского искусства – его вклад в сокровищницу мировой культуры трудно переоценить. Без сомнения, таково было прямое следствие общего духовного состояния русского общества того времени, которое в числе прочего привело и к революции, – ощущения «обветшалости» старого мира и предстоящего и желаемого прорыва к новой жизни (авангардное направление в искусстве даже называлось « левым», как политическое направление). Когда такое мироощущение повторилось на рубеже 50—60-х годов XX века – опять казалось, что наступает новая счастливая жизнь и старую можно отряхнуть, как прах со своих ног, – снова имел место взлет авангардного искусства. Правда, в отличие от взлета начала века ничего истинно нетленного он не породил. Очевидно, что взлет авангарда не мог не иметь места и во второй половине 2010-х годов – ощущение того, что страна и народ идут нехоженными тропами в неизвестное будущее и творят историю, было и есть по сию пору очень сильну, тем более что это ощущение истинно. Но авангард в современном российском искусстве причудливо сочетается с почвенностью и религиозной традицией. Поэтому, в частности, авангардизм в России затрагивает форму, творческие методы, но не суть – экспериментирование с нравственными и мировоззренческими принципами там не практикуется. По той же причине крайние формы авангарда, у нас обобщенно именуемые актуальным искусством, там также не прижились. Интересно, что другим проявлением сочетания современного и традиционного в русском искусстве, и вообще ощущения прошлого как реальности, является то, что порой разные времена там полностью сливаются в сознании и творца, и аудитории. Так, я с удивлением узнал, что популярнейшая песня «Прощание опричников» («Дан приказ ему на запад, / ей в другую сторону») из культового фильма 2042 года «Железка» на самом деле – советская песня о Гражданской войне 1918—1921 годов. Конечно, не вся – например, там никак не могло быть куплета «Ну и я тебе желаю / в землю дальнюю не лечь, / всю ее пройти до краю, / честь опричную сберечь», – но существенная ее часть.

Наконец , *в-четвертых*, в русской культуре весьма своеобразно сосуществуют общеимперское и национальное. У нас очень бережно относятся к национальному искусству – и нативно-американскому, и афро-американскому, и другим, – но они слиты в одно, которое и есть американское. Представить себе отдельное существование в культурном мейнстриме искусства индейцев гуарани или семинолов довольно затруднительно в отличие от его элементов в общем искусстве. Похожим образом обстояло дело в России в период Второй Империи, во всяком случае все шло именно к этому. Но сейчас ситуация не совсем такова – отдельно существует немецкое искусство, отдельно – сербское, отдельно – казахское и т. д.; естественно, есть и русское, оно же общероссийское. Это не связано напрямую ни с

национальностью авторов, ни с местом действия книги или фильма: может быть произведение, использующее местный материал, но его действие легко представить происходящим среди другого народа, – а может быть иначе, как с нашумевшим осетинским фильмом позапрошлого года « Мне отмщенье», который глубоко национален по духу, и происходящего там не перенесешь в среду русских или немцев. Нет только отдельного русского искусства – не в силу какой-либо ущемленности или неполноценности русского народа, а потому что русское искусство и есть общеимперское, и своего отдельного ему не нужно. В этом и проявляется то положение, что русский народ – народ имперский по своей сути. Национальный колорит проявляется и в других элементах культуры – в еде, одежде, интерьерах и т. д. Причем если у нас этнические элементы воспринимаются как увлекательное гастрономическое или дизайнерское путешествие, то в России это воспринимается всеми как свое: русский считает немецкий вайсвюрст или тюркскую казы «нашим» кушаньем, хотя, если его спросить прямо, он, естественно, не отнесет его к русской кухне в узком смысле.

Если же попытаться выявить не стилистические, а содержательные особенности российского искусства по сравнению с нашим, то они явно жестче. Причем я имею в виду не жестокость, то есть количество натуралистических сцен насилия – этого у них как раз меньше, – а именно жесткость в восприятии и передаче жизни. Существенно реже, чем у нас, там встречается хеппи-энд и гораздо чаще – печальный конец; причем дело здесь вовсе не в общественно-обличительном характере искусства, потому что печальный финал характерен и для повествований о вполне благополучных и даже героических периодах жизни страны.

Вероятно, таково отражение глубинного мироощущения русских (по крайней мере, одной из его сторон) – трагического, не верящего в истинное счастье в этом мире, погрязшем во зле, считающего страдания и боль торной дорогой к высотам духа.

Не очень верят русские и в художественное изображение справедливости: например, все они очень веселились, когда я рассказывал им о нашем известном фильме « Возвращение домой», обладателе шести Оскаров, где главную героиню, кастильскую баронессу-крестоносца, играет знаменитая Дженифер Кастро. «В те времена в Кастилии, как и в любом другом месте, женщину дальше кухни никто бы не выпустил, – со смехом говорили мне. – Не было и не могло быть женщин-рыцарей, нравится вам это или нет». – « Но это же несправедливо, – говорил я, – разве женщины второсортные люди? Ведь и у вас женщины на равных служат в опричниках». – « Да, несправедливо, – отвечали мне, – но так было – неприятие несправедливости не повод закрывать на нее глаза». А в одном русском фильме, который я смотрел, был персонаж – подросток, лишенный судьбой почти всего: некрасивый, неумный, неприятный, из неблагополучной семьи, с физическим дефектом, – который из зависти и зложелательства делал подлости своим одноклассникам, заканчивающиеся убийством. «Как же так, – чуть не плакал я, – если у него все плохо, притом не по его вине, почему он выведен еще и мерзким душой, это же несправедливо!» – « Потому что бывает и такое, – отвечали мне. – Не в любой хижине живет добро, как и не в любом дворце зло. Жизнь вообще несправедлива, и значительную часть этой несправедливости нельзя изжить никаким социальным прогрессом». Если вам так тяжела несправедливость жизни, то вам нечего делать в этом мире, кроме как страдать и ждать смерти, услышал я от одного русского, причем сказал он мне это не без симпатии. Наверное, так оно и есть, но об этом не хочется думать – а русским хочется, и, когда прочтешь много их книг и посмотришь много фильмов и спектаклей, такое их отличие от наших книг, фильмов и спектаклей очень чувствуется.

Государственная поддержка. Государственная политика в сфере поддержки искусства в России основана по большей части на тех же принципах, что и поддержка фундаментальной науки, о чем речь шла выше, – то есть главной задачей считается то, чтобы ни государственные чиновники, ни маститые коллеги по цеху не определяли, кто более хороший и перспективный художник (писатель, музыкант и т. д.) и соответственно более достоин государственной поддержки.

Так же как в науке, здесь существуют государственные общества, только их четыре, а не два: РОИзИА (Российское Общество Изобразительных Искусств и Архитектуры), РИМО (Российское Имперское Музыкальное Общество), РОЛС (Российское Общество Литературы и

Словесности) и РИОКТ (Российское Имперское Общество Кинематографии и Театра). Как и два научных общества – ИОФИ и РОГН, – эти общества не имеют полномочий, как-либо связанных с содержательной частью соответствующего творчества; их функции сугубо хозяйственно-организационные. Поэтому в них нет художественных советов, а руководящие должности запрещено занимать лицам, самим подвизающимся в творческих профессиях (управляют обществами управляющие компании, в основном частные). Общества выдают стипендии творческим работникам и обеспечивают функционирование так называемых творческих комбинатов – художественных и скульптурных мастерских, студий звукозаписи и т. п. Кроме того, они занимаются организацией необходимых для творчества взаимодействий стипендиатов друг с другом и с публикой – выставок, творческих конференций и т. п. Естественно, бюджетные средства на техническую поддержку творческих стипендиатов (то есть помимо собственно стипендий) выделяются только для индивидуальных видов творчества – на краски, холсты и кисти для художников, камень и металл для скульпторов, инструменты и процессинговые компьютеры для музыкантов и т. п. Никто не будет выделять деньги режиссеру на съемку фильма или архитектору на постройку здания только ради его творческой поддержки, поскольку такого не выдержал бы ни один бюджет. Но режиссер или архитектор, получающие творческую стипендию, имеют возможность не спеша продумать и подготовить свою концепцию для инвесторов, не думая о том, как прожить и прокормить семью в это время.

В результате творческие работники таких профессий, как писатели или сценаристы, которым не требуется для своего творчества ничего, кроме разума и души, имеют стипендию на жизнь, то есть получают от государства самое ценное – свободное время. А художники, скульпторы, музыканты получают в дополнение к этому еще и те устройства и материалы, без которых они не могут работать. Стипендии – не гранты, они выдаются не под какой-либо конкретный проект, а под человека; иными словами, решение о выдаче принимается на основе того, что человек сделал, а не того, что он собирается сделать на эту стипендию.

Размер стипендии – 1200 рублей в месяц, и выдается она обычно на пять лет. Решение о ее выдаче принимают соответствующие творческие советы (художественные, музыкальные и т. п.), в которые входят искусствоведы – работники музеев, консерваторий и библиотек; преподаватели художественных институтов и университетов; люди из околохудожественной коммерции – менеджеры киностудий, издательств, архитектурных компаний, компаний звукозаписи; журналисты, пишущие на эти темы; и представители Имперского агентства искусств. Единственно, кого стараются не включать в эти советы, – самих творческих работников, особенно маститых. Здесь российская власть исходит из той печальной жизненной мудрости, что обычно один мастер скажет хорошее о другом только назло третьему (разумеется, так бывает не всегда, но власть обязана перестраховываться, хотя бы ради соискателей стипендий). Все творческие советы – государственные, за участие в них платятся бюджетные деньги. В содержательную часть их деятельности государство не вмешивается, но ответственность за добросовестность и отсутствие конфликта интересов в свих решениях их члены несут.

Работа советов абсолютно гласная, все протоколы и даже видеозаписи всех заседаний вывешиваются в Сети – это жесткое требование имперского агентства. Причем на сетевом форуме каждого совета можно как аргументированно пожаловаться на отказ (для соискателя или его болельщиков), так и сообщить нечто, свидетельствующее о необъективности тех или иных членов совета (для прочих доброжелателей). Есть и пожизненные, точнее, бессрочные стипендии – они чуть больше, 1400 рублей в месяц, и выдаются любому подавшему заявление из числа получивших степень мастера (она называется по профессии – мастер-художник, мастер-поэт и т. д.); степень мастера присуждается специализированными советами, примерно так же, как ученые степени.

Важной проблемой является право собственности на созданные стипендиатами произведения (в искусстве в отличие от фундаментальной науки любое произведение является потенциально коммерческим) – тем более что из-за вышеописанных особенностей российской налоговой системы покупать искусство там принято, и принято весьма широко. Единолично распоряжаться созданными в период получения стипендии произведениями

имеет право сам автор, но половина денег от их реализации должна быть перечислена государству. Оно не жадничает и не планирует их как заработок, а установило такой порядок просто из соображений справедливости. Это выражается в том, что деньги не зачисляются в общий бюджет страны, а поступают в бюджет соответствующего общества. Кроме того, такой порядок оказывает дисциплинирующее действие – творческий работник, уже ставший знаменитым и материально преуспевающим, в силу этого правила обычно предпочитает написать заявление об отказе от стипендии, даже если речь идет о бессрочной стипендии мастера искусств, чтобы не отдавать половину заработков. В результате больше денег достается еще не прославившимся творческим работникам, которым они нужнее.

Независимо от стипендиальной и технической поддержки работников искусств через общества есть отдельная программа поддержки кинематографа. Считается, что рыночный подход не позволяет снять многие высокохудожественные фильмы, которые стали бы национальным достоянием. Если честно, я не понял, в чем тут смысл и чем кинематограф так уж отличается от других искусств – не строит же государство здания специально для поощрения архитектуры, потому что рынок, дескать, не даст дорогу шедеврам. Скорее всего, здесь просто сказывается пережиток тех времен, когда надо было поддерживать отечественные ленты в противовес импортным по идеологическим причинам. И действительно, так называемая полная поддержка кинематографа – когда государство выступает инвестором и владельцем картины – является одной из самых скандальных сфер жизни в Империи: постоянно идет поток взаимных обвинений, тяжб, разбирательств. Иначе и не может быть – никаких хотя бы частично объективных критериев того, кому давать деньги, не существует и существовать не может. Соответствующая комиссия при имперском агентстве только подливает масла в огонь: не желая упреков в предвзятости, она старается дать деньги тем картинам, которые, скорее всего, будут иметь успешный прокат (например, известных режиссеров или с захватывающим сюжетом) – а их-то как раз поддерживать и незачем. Правда, эта система еще цветочки, как говорят русские, по сравнению с тем, что было раньше: тогда по закону государство вносило часть, например половину, бюджета, а другую половину вносил частный инвестор. В реальности бюджет по сговору с чиновником или без такового завышали вдвое, снимали фильм исключительно на деньги государства и получали половину прав на него непонятно за что.

Я совершенно уверен – и по анализу материалов российской прессы, и по результатам разговоров с разными людьми, – что система полной поддержки в кинематографе будет закрыта. Вопреки ей система ограниченной поддержки является весьма жизнеспособной. Эта система имеет чисто идеологические цели и заключается в том, что государство готово платить определенные деньги создателям любого фильма или книги за то, что там будет иметь место пропаганда (по-нашему, просто промоушн) определенных ценностей. Например, Имперское управление воспитания может объявить, что готово заплатить столько-то, если в фильме будет показана вызывающая сильные положительные эмоции многодетная семья – а о чем будет фильм, совершенно не важно, лишь бы тематика и жанр не были бы несовместимыми с этим. Или Имперская национально-демографическая служба может предложить деньги за положительных персонажей определенной национальности – если в стране или в какой-то ее части нарастает неприязнь к этой национальности, которую служба хочет погасить. В сущности, система ограниченной поддержки – то же самое, что у нас называется product placement (когда в сюжете фильма появляется рекламируемый продукт), то есть разновидность непрямой рекламы – только в данном случае не товаров или услуг, а идей. Такой подход широко используется русскими в идеологической работе (в наших терминах – в работе с общественным мнением).

Рассказ о российском искусстве будет неполным, если не упомянуть о существующей там цензуре, или, официально, об Имперской службе цензорского надзора. Несмотря на вызывающе прямолинейное название, это совсем не то, что понимается под цензурой обычно и что имело место в России и в Первой, и во Второй Империях. До публикации создателям любого произведения не надо получать никакого разрешения и не надо посылать его в цензорский надзор даже с чисто ознакомительными целями. Цензорский надзор ведет мониторинг только уже ставших публичными произведений на предмет наличия там

нарушений закона. В этом он ничем не отличается от наших полицейских отделов по борьбе с пороком, которые отслеживают порнографию и тому подобное, или отделов по охране государственных тайн Министерства обороны и ФБР. Я уже отмечал ранее в ряде глав, что именно нельзя публиковать в России, помимо того, что запрещено и у нас: это материалы гомосексуального характера, даже и без элементов порнографии; психоделические и зомбирующие материалы; антирелигиозные материалы (по отношению к традиционным религиям), в том числе сатанизм; материалы, поносящие и оскорбляющие Россию в целом как державу; материалы, оскорбительные по отношению к русскому народу (у нас запрещены оскорбления только народов-меньшинств); материалы, искажающие историческую истину. Последнее не означает, что в художественном произведении на историческую тему не может быть вымысла: это ведь не документально-научное исследование. Но российский закон выделяет ситуации, когда вымысел таков, что он вызывает у читателя или зрителя представление о некоем историческом временном отрезке или событии, существенно отличающееся от реальности. В этом случае в начале книги, фильма или спектакля должно быть достаточно ярко и заметно анонсировано, что это произведение основано на вымысле в отношении того-то и того-то и что на самом деле все было не так. На практике это выглядит следующим образом: когда в начале 2014 года Россия отмечала 25-летие окончания афганской войны и шел ретроспективный показ фильмов на эту тему, показывался в том числе созданный в 2005 году фильм «Девятая рота», на мой взгляд весьма неплохой. Так вот, служба цензорского надзора обязала в заставке дать тридцатисекундную врезку, продублированную текстом и голосом диктора: «Центральный эпизод этого фильма основан на вымысле. Девятая рота существовала и действительно приняла бой с многократно превосходящим противником, но никто про нее не забыл и не оставил без подкреплений – помощь пришла, как только это стало возможно, и потому многие бойцы из этой роты спаслись» (в фильме про ведущую бой роту забыли в горячке вывода войск из страны, и она вся погибла). Я спросил у Карла Вайгеля, заместителя начальника службы цензорского надзора: «Зачем это нужно – ведь это всего лишь художественный фильм?» – «А как вы отнесетесь, господин душ Сантуш, – ответил мне Вайгель, – если во «всего лишь художественном фильме» у вас на родине будет показана очевидная и несправедливая ложь про вашего великого деда, явно ущемляющая его память и честь?» – «Я подам иск в суд на создателей картины, – ответил я, – и мне не надо для этого вмешательства никаких государственных органов». – «Все верно, господин душ Сантуш, – сказал Вайгель. – Но если оскорблен не человек, а страна – кто вступится за ее честь?» При этом следует отметить, что служба цензорского надзора обычно не перегибает палку в такого рода деятельности: другой фильм 2005 года, только о войне 1941—1945 годов, «Штрафбат», который показывался на ретроспективе 2045 года в честь 100- летия Победы, также содержал весьма большие искажения истории. Но владельцы прав убедили службу в том, что они не носят принципиального характера и создающееся в результате просмотра впечатление является ложным лишь в частных и непринципиальных моментах.

Премии. Нельзя не коснуться здесь такого вопроса, как порядок присуждения разного рода премий (литературных, кинематографических, музыкальных и пр.) в России, поскольку он весьма своеобразен. Частным лицам и организациям там не разрешено свободно учреждать никаких творческих премий. Это связано с тем, что во времена Второй Империи, в Смутное время и в Период Восстановления – до самых реформ Гавриила Великого, закрывших страну, – всевозможные западные премии, присуждаемые тем или иным российским творческим работникам, по факту являлись мощнейшим идеологическим инструментом. Проявлялось это не столько в том, что они давались за произведения, прямо критикующие российские власти (хотя это тоже бывало сплошь и рядом), а в гораздо более тонких моментах. Обычное произведение, написанное в более-менее традиционной манере, русским по национальности и, главное, по мироощущению автором, а уж тем более православным, не имело никаких шансов ни на одну из многочисленных западных премий. Их можно было получить только за что-то такое, что либо формой, либо содержанием (лучше и тем и другим) размывало все традиционные русские ценности, а желательно – оплевывало их и издевалось над ними. Весьма приветствовалось восхваление ценностей западных (или

так называемых общечеловеческих, что одно и то же), а еще лучше – создание ощущения их абсолютной безальтернативности. Также весьма повышал шансы факт принадлежности автора к любым меньшинствам – национальным, религиозным, сексуальным. Превознесение меньшинств было тогда (да и сейчас осталось) совершенно открытым лозунгом западной культуры, так что обвинения в двойных стандартах отметались, хотя они явно имели место. Притом значительная часть этих премий, как впоследствии было документально подтверждено, распределялась под патронажем западных спецслужб, в первую очередь американских и английских, а многие ими и оплачивались. Казалось бы, ну и пусть западные премии дают кому хотят, а российские граждане и корпорации учредят свои и будут выдавать их совсем за другое – но нельзя забывать, что это было время, когда материальные возможности России и Запада были несоизмеримы. Да и учрежденные россиянами премии мало отличались от западных – с пятой колонной Запада в России в те времена все было нормально. Русские хорошо запомнили ту ситуацию, а по их поговорке « Обжегшись на молоке, дуют на воду» это и предопределило нынешний порядок.

Но ныне учреждать и присуждать в России творческие премии не имеют права не только зарубежные лица, но и частные российские. Запрет для зарубежных лиц абсолютный, исключений в нем не предусмотрено. Более того, учреждать и выдавать любые премии россиянам у себя в стране может, разумеется, кто угодно, но россияне по закону не имеют права их получать. Если российский гражданин не откажется официально от присужденной ему за границей премии, то в тюрьму его никто, конечно, не посадит, но его объявят вне закона, то есть лишат гражданских прав (см. раздел «Наказания» главы «Правоохранительная система»). Если же он совершит это, находясь за границей, и откажется возвращаться при получении повестки, его лишат гражданства. Что же касается второго запрета, то он не абсолютен: премию вы учредить и выдавать, строго говоря, можете без всяких препятствий, но вы будете нести ответственность за ее объективность. Это не значит, что вы должны будете заранее с кем-то ее согласовывать – превентивный подход вообще чужд российскому законодательству, – но если потом против вас будет подан иск о заведомо необъективном характере вашей премии, он вполне может быть выигран, и тогда у вас возникнут большие проблемы.

Заведомую необъективность российский закон понимает так: вы можете быть, например, хоть атеистом – это идет вразрез с российскими ценностями, но не запрещено законом, – и потому вы можете учредить и присуждать литературную премию воинствующе-атеистическим произведениям: если там не будет оскорбления религии, то пожалуйста. Но будьте добры честно и прямо назвать свою премию премией за лучшие атеистические произведения, а не за произведения вообще, чтобы ни у кого не создалось ложного впечатления, что признанное лучшим якобы по сугубо художественным достоинствам произведение совершенно случайно оказалось атеистическим. Вы можете присуждать свою премию представителям любых новомодных течений – но будьте любезны обозначить, что ваша премия для них и только для них. А если ваша премия обозначена как премия за лучший роман вообще, то извольте не иметь априорных предвзятых позиций – под таковыми в России понимается ориентация не на господствующие представления, а на те или иные меньшинства. В этом смысле русский закон, который разрешает ориентироваться не обязательно на большинство и его представления, но в этом случае требует недвусмысленно это указывать, соответствует духу прецедентного определения американского Верховного суда: «Не может считаться обманом то, о чем недвусмысленно было объявлено заранее».

Как же так, удивитесь вы, как можно мне диктовать, кому мне присуждать премию: это же мои деньги, и я делаю с ними что хочу! Все верно, но здесь опять вступает в действие русская концепция публичности: непублично вы можете делать что угодно. Если вы позвоните автору и скажете ему, что вам, дескать, понравилось его произведение и вы хотите дать ему такую-то сумму, то это никак законом не возбраняется и вообще не регламентируется. Но если вы делаете из этого публичное шоу, то вы не вполне вольны делать что вам угодно, хотя деньги и ваши, – так же, как мужчина не имеет права на людях размахивать своим детородным органом, хотя тот, безусловно, принадлежит ему. Кстати, точно такие же ограничения касаются и премий научных: учредитель таковой либо принимает

ответственность объективного рассмотрения и присуждения, либо должен указывать нишевый характер своей премии. Под нишевым характером подразумевается следующее: премия присуждается только определенному контингенту (например, ученым только определенной национальности) либо только адептам определенного научного течения или школы.

Невзирая на эти ограничения, учрежденных частными лицами и корпорациями творческих премий достаточно много: наиболее крупные из них – Ивановская по науке вообще, Вайнберговская по физике, Алиевская по технике, Дитриховская по литературе и Юсуповская по всем искусствам. У большинства народов есть также свои национальные премии.

Государственных премий две: первая – Имперская, она выдается каждый год по одной премии в двенадцати номинациях: в четырех номинациях фундаментальных наук (науки о материи, науки о веществах и материалах, науки о жизни, науки о планетах), в четырех номинациях прикладных наук (новые устройства, новые технологии, новые живые организмы и медицина, градостроение) и в четырех номинациях искусств (литература, изобразительное искусство и архитектура, музыка, кино и театр). Вторая, самая престижная в Империи, – Гавриловская, она выдается раз в три года по две премии за науки и по две за искусства, без предварительной рубрикации – то есть обе премии по науке могут быть присуждены, например, физикам, а обе по искусству – художникам. Имперская составляет один миллион рублей, а Гавриловская – пять миллионов. К Нобелевской премии, являвшейся самой престижной в мире до 2020 года, русские имели большие претензии за необъективность, и потому она была ими закрыта: как вы знаете, она была передана нашей Федерации (и денежные активы Нобелевского фонда, и бренд) и ныне присуждается и вручается в Нью-Йорке.

Спорт. Первое, что бросается в глаза в российском спорте, – большинство наиболее зрелищных видов являются специфичными для России: больше их нигде нет. Это не случайность – после провозглашения Конституцией 2013 года принципа автономности и взятия курса на изоляцию страны от внешних влияний служба социальной инженерии специально разрабатывала новые зрелищные виды спорта, в первую очередь игровые, а потом занималась их пропагандой. Описывать их я не буду, поскольку это долго, но отмечу, что сама по себе эта ситуация не уникальна. До создания нашей Федерации в наших северных штатах, тогдашних США, из четырех наиболее популярных спортивных игр в две (американский футбол и бейсбол) играли практически только там, а в еще две (баскетбол и хоккей) хотя и играли в других странах, но вторично – родились они именно в Северной Америке.

С теми видами спорта, которые были в России настолько популярны, что надежды вытеснить их новыми не было, служба социальной инженерии поступила иначе: их правила были изменены так, что игра вроде бы осталась прежней, а картина ее сильно изменилась. Например, в футболе это выглядело следующим образом: были увеличены почти на треть длина и ширина поля; увеличено до двенадцати число игроков; изменены правила офсайда; угловой при уходе мяча за линию ворот в пределах штрафной стал подаваться с угла штрафной; и т. п. В результате, когда я смотрел российский футбол, я одновременно узнавал и не узнавал свою любимую игру. Как следствие, международные соревнования и чемпионаты с участием России практически невозможны, даже без прямого их запрета, – в этом изначально и состоял замысел. «А в чем смысл этого?» – спросил я у Владимира Симонова, ответственного сотрудника службы социального обустройства (так теперь называется служба социальной инженерии). «В том, что спорт, особенно популярные спортивные игры, к началу двадцать первого века превратился в ритуальную сублимацию для населения, – ответил он. – Возьмите для примера массовый психоз, который совершенно сознательно нагнетался перед каждым чемпионатом мира по футболу. Это был один из элементов зомбирования масс, использовавшийся вместе со многим другим для того, чтобы лишить людей пассионарности и вообще жизненного «драйва», во избежание всяческого рода бунтов, революций и войн. Особенно нужно это было в отношении жителей не самых больших стран – у них появлялась иллюзия того, что они стоят с большими странами вроде

как на одной доске. А нам все это не надо: мы не хотим, чтобы наш народ переживал, если мы проиграем вам по футболу – какая нам разница, если мы выиграли у вас войну? И также мы не хотим особо радоваться выигрышу, точно по той же причине».

Так что в России проводятся только внутренние соревнования и чемпионаты между клубами, и в клубах нет зарубежных игроков – им не выдают разрешения на работу. Россия не участвует даже в Олимпийских играх – правда, там есть свои Олимпийские игры, и они считаются в Империи настоящими, потому что проводятся в Олимпии, как в древности, и только по существовавшим еще в античной Греции видам спорта. Кстати, есть еще одна причина, по которой спортсмены из России вряд ли могли бы выступать на международных соревнованиях: там не запрещен допинг. Это вполне естественно, ведь там даже большинство наркотиков разрешены; впрочем, в ряде видов спорта, особенно в легкой и тяжелой атлетике, есть отдельные федерации для тех, кто хочет выступать без допинга (добровольные, естественно). Вообще в России весьма распространена ситуация, когда по одному виду спорта есть несколько федераций – это приветствуется как антимонопольное действие. Если же федерация одна, то она считается монополией со всеми вытекающими последствиями – Антимонопольная служба жестко контролирует ее, имеет своего представителя в ее высшем органе и не допускает никакого самодурства, как и ущемления интересов не входящих в федерацию спортсменов и клубов.

Очень необычны в России единоборства. Надо сказать, что любые единоборства здесь очень популярны – это касается и восточных единоборств типа карате или дзюдо, и европейских типа бокса или вольной борьбы, и национальных российских вроде самбо или других, разработанных уже службой социальной инженерии. Те из них, которые имеют в своем арсенале удары, проводятся по полностью контактной схеме, притом даже в боксе нет перчаток, а кулаки лишь обмотаны эластичным ремнем (есть и федерации, проводящие эти соревнования по бесконтактной или сильно защищенной схеме, но популярностью у населения такие соревнования не пользуется). Поэтому спортивные бои в Империи – весьма кровавое зрелище. Смертные исходы поединков относительно редки в силу развитой медицины (хотя бывают), но тяжелые травмы достаточно часты.

Бои без правил, столь распространенные у нас, правда в качестве шоу, а не формализованного спорта, в России не прижились – видимо, отсутствие правил и регламентации не близко национальному характеру русских.

Еще более кровавыми являются сверхпопулярные гладиаторские бои: это поединки на боевом холодном оружии, как правило (но не всегда), в броне – более или менее так, как это происходило в Древнем Риме или средневековой рыцарской Европе. Естественно, в отличие от Римской империи в Российской все участники делают это совершенно добровольно, по своему свободному выбору – мысль о том, что публику будут веселить смертельным поединком осужденные преступники, была бы омерзительной для православных русских. Гладиаторские поединки бывают очень многих типов, с разным оружием и броней, пешие и конные, а также одиночные, парные и групповые – но в отличие от боев без правил это именно спорт.

Хочу сказать вам, дорогие соотечественники, что, когда сталкиваются два конных поединщика в полных доспехах и одного из них, проткнутого копьем, уносят с дыркой в теле диаметром с молодое дерево, – это сильное зрелище. Не все русские его любят, но все относятся достаточно спокойно – и это говорит об их обществе больше, чем многое другое.

Гладиаторы зарабатывают много и часто относятся к довольно богатым людям, потому что фильмы с записями боев весьма востребованы – как и тотализатор, от которого они обычно имеют отчисления. В меньшей степени сказанное относится к единоборствам без оружия и к спортивным играм. В целом спортсмены в России зарабатывают гораздо меньше наших, как, впрочем, и актеры, музыканты и т. д., – это связано с фактическим отсутствием рекламы, о котором речь шла выше. Как именно это связано? Во-первых, спортсмены не могут сниматься в рекламе товаров и услуг, а во-вторых, в России невозможно с помощью зомбирующей рекламы создавать из спорта несуразный ажиотаж, как это имеет место у нас.

Заключение

Помните, дорогие соотечественники, то место из Евангелия, где Иисус спрашивает Своих учеников об Иоанне Крестителе: «Итак, чту же смотреть ходили вы в пустыню? Трость ли, ветром колеблемую? Человека ли, одетого в мягкие одежды? Пророка ли?» Так же и я подумал, прочтя все мной написанное: чту же я увидел в России? Я описал для вас все более или менее значимые аспекты российской государственной и общественной жизни, их сходство с нашей американской жизнью и отличия от нее и даже постарался, где смог, отыскать истоки нынешней России в ее прошлом; но вопрос, а что же такое современная Россия в целом, тем не менее остается. Каков интегральный, обобщающий смысл всего их уклада, скрывающийся за частными его проявлениями? Каков смысл существования их цивилизации и какова цель ее развития? От ответов на эти вопросы зависит наше отношение к России – считать ли нам ее потенциальным врагом, пока не проявляющим активности, но выжидающим удобный момент для нападения; или потенциальным другом, не лезущим в объятия, но готовым помочь в трудную минуту; или же соседом, чья хата с краю и который ни поможет, ни нападет, потому что ему нет до нас никакого дела. Ниже я попробую показать, уже не вдаваясь в частности, каково в России истинное содержание основных категорий современной жизни.

Демократия. Сами русские слово «демократия» не любят, и это неудивительно, если вспомнить, что во имя этого слова творили наши предки времен мировой гегемонии США. Поэтому русские демонстративно подчеркивают, что их страна демократией не является. Но давайте задумаемся, а насколько это так на самом деле: не в смысле историко-философского анализа строя – это я уже делал в главе «Государственное устройство», – а в том смысле, который вкладывает в понятие «демократия» обычная публика.

С академической точки зрения демократия – это комплекс политических и правовых институтов, обеспечивающих личные и политические права и свободы граждан, учет интересов любых групп населения, включая меньшинства, и возможность граждан участвовать в политическом процессе в том или ином виде. Но социологические опросы однозначно показывают, что, когда американцев просят из признаков демократии выбрать несколько самых значимых в порядке важности, на первом месте никогда не оказывается ни всеобщее избирательное право, ни разделение властей (это то, что обеспечивает вышесказанное и чем наше государственное устройство отличается от российского). На первые места наши соотечественники стабильно ставят защищенность гражданина от произвола, равенство всех перед законом и открытость государственных решений перед обществом. Собственно, и наши школьные учебники прямо говорят, что главное – гражданские права и свободы, а политические права есть не более чем гарантия их существования. Единственный политический атрибут демократии, высоко ставящийся в опросах, – это разделение властей. Давайте же попробуем проанализировать российскую действительность с этих позиций.

Разве россияне не равны перед законом? Вы скажете, что там есть сословия, причем сословная принадлежность является абсолютно формализованной и официальной, как и национальная и религиозная. Ну и что? Разве в судебной тяжбе опричник имеет какие-то преимущества перед земцем или православный русский – перед католиком-итальянцем; или, может быть, их свидетельство считается более весомым? Что, опричник имеет право безнаказанно нанести ущерб или оскорбление земцу, как средневековый лорд простолюдину? Ну а сексуальные меньшинства, скажете вы, – они-то уж точно дискриминированы и, значит, не равны перед законом с традиционно ориентированным большинством? Нет, отвечу я, они поражены в ряде прав – а это совсем иное; у нас тоже есть категории, априори пораженные в некоторых правах, – несовершеннолетние, например, или лица с неснятой судимостью. Ну, это совсем другое, скажете вы: но давайте подумаем, а собственно, почему другое? Не потому ли, что у судимого есть вариант – отказаться от прежней криминальной жизни и спокойно дождаться снятия судимости и, таким образом, полноправия? Ну а гомосексуалист в России, отказавшись от своей ориентации, разве не получит полноправия столь же автоматически? Притом если публика у нас к судимым относится все же плохо, то вот к умственно отсталым, как к герою недавнего римейка старинного фильма «Человек дождя», относятся явно с симпатией – но при этом в ряде прав их все равно ограничивают, для безопасности

окружающих и их же собственной. Так вот, русские также считают сексуальные меньшинства просто неполноценными – ну а для неполноценных какое равноправие? Аналогия с физическим истреблением увечных в Германии времен Гитлера, которую мои коллеги пытались провести на семинаре в нашем университете, здесь совершенно неуместна – калеки и инвалиды как раз считаются в Империи вполне полноценными, как и недалекие умом (среди православных святых полно юродивых): неполноценность для русских в первую очередь характеристика души, а не тела или ума. Да и вообще понятие равноправия, когда о нем задумываешься, оказывается далеко не столь однозначным, как на первый взгляд: если вас не возьмут в армию, потому что у вас нет нужных физических данных, или в университет, потому что нет нужных интеллектуальных данных, или в модели, потому что нет нужных внешних данных, – это нарушение равноправия или нет? Нет, ответит, скорее всего, большинство людей, просто вы не сможете делать эту работу без соответствующих данных так, как это приемлемо для общества, а не для вас самого. Так чем от этого отличается положение, в котором сексуальные меньшинства в Российской Империи не могут работать учителями и вообще с детьми – ведь работать так, как это считает приемлемым российское общество, они просто не в состоянии? То, что апология запрета именно такова, видно из следующего нашумевшего эпизода: мужчина-гомосексуалист работал учителем почти двадцать лет, и о его ориентации никто не подозревал; и даже задним числом следствие не смогло найти никаких проявлений этого. Так вот, суд и постановил, что если его ориентация на работе никак не проявляется, то закон о запрете на профессии к нему и не относится. А по защищенности перед законом и процессуально сексуальные меньшинства равны всем остальным: полиция не может отказаться вступиться за них или делать это неохотно, а суд не может не принять от них иск или быть предвзятым – ведь независимо ни от чего это люди, и к тому же граждане Империи. Так что сказать, что в России отсутствует равенство граждан перед законом или что оно меньше, чем у нас, никак нельзя. А вот то обстоятельство, что совершивший преступление богатый человек там не может выйти сухим из воды или отделаться легким испугом за счет найма лучших адвокатов (потому что есть технодопросы), заставляет признать, что на самом деле равенство граждан перед законом осуществляется там с большей полнотой.

Ну а если обратиться к вопросу произвола: разве россияне в Империи защищены от произвола меньше, чем американцы в Федерации? Процессуальные законы там примерно такие же, как у нас, и так же жестко исполняются; а от ошибок и злоупотреблений защищают технодопросы, особенно во время публичного судебного процесса, – я бы сказал, что это гарантия покруче всех наших. Уход виновного от ответственности в России затруднен, но возможен (если его просто не найдут) – но вот представить наказание невинного при системе технодопросов я никак не могу. Гражданин или организация так же могут подать в суд на правительство страны или на конкретный орган государственного либо земского управления, как у нас, – тем более что земские суды, где рассматриваются гражданские дела, никоим образом не входят в имперскую властную вертикаль и вообще не имеют никакого отношения к имперской (по-нашему, федеральной) власти. И нет ни малейших оснований утверждать, что шансы выиграть там подобный процесс меньше, – например, еще в 2007 году несколько ассоциаций виноторговцев подали иск на правительство о компенсации убытков за то, что оно не напечатало вовремя акцизные марки нового образца; и казна по решению суда выплатила два миллиарда рублей компенсаций (210 миллиардов в тогдашних рублях).

В российскую правовую систему встроены многочисленные механизмы, именно защищающие человека от произвола: так, там возрожден древний институт «слова и дела» – тот, кто произнесет вслух эти слова, автоматически считается под особой защитой имперской власти. Любой ее представитель, услышавший эти слова, хоть даже рядовой сотрудник экономического или социального министерства, обязан под страхом уголовного наказания уединиться с произнесшим их, выслушать его под протокол и незамедлительно донести это до компетентных инстанций. Изначально эта система возникла (и в XVII веке, и заново в XXI) как способ быстрого донесения информации, важной для государственной безопасности, – о заговорах, бунтах и т. д. Но в наше время Империя считает, что серьезное ущемление личных прав гражданина по сговору должностных лиц – а иначе оно произойти

просто не может – равносильно по степени опасности для государства мятежу. Потому что если чиновник знает, что он может безнаказанно нарушать одни законы и порядки Империи, то дальше он непременно начнет нарушать и другие. Поэтому если, например, при обходе тюрьмы (СИЗО или каторги) надзирающим прокурором кто-то из заключенных выкрикнет «Слово и дело!», он будет немедленно вывезен им из тюрьмы и допрошен; и если заключенный сам попросит технодопрос и окажется невиновен, то его не просто освободят – реакция властей действительно будет равнозначна раскрытию попытки государственного переворота, не меньше. Российская государственная машина безжалостна – но она безжалостна в равной степени и к «своим». Империя не терпит от своих граждан отступлений от установленных ею порядков, но она не терпит этого и от своих функционеров. «Велено сажать – сажайте, велено выпускать – выпускайте» – в этой на первый взгляд архаичной и бездушной формуле заложено русское представление об отсутствии произвола властей: император далеко и высоко, а вот у мелкого начальника могут быть и счеты с вами, и другие интересы, далекие от законных и общегосударственных, и потому пусть он лучше не имеет особой воли в своих решениях. Пусть будет в страхе перед имперским начальством, и пусть существуют специальные механизмы для обеспечения этого – дыба ли, как 400 лет назад, или безболезненный пятиминутный технодопрос, как сейчас. Так что и по отсутствию произвола властей я не могу по справедливости выставить Российской Империи двойку.

Ну а как же право на самосуд, спросите вы; полицейский, который имеет законное право застрелить на месте не оказывающего сопротивления человека, пусть и совершившего тяжкое преступление, – это ли не произвол? Ну, во-первых, дорогие соотечественники, есть жесткая статистика – за год случаев убийства преступника полицейским в Империи на 17% меньше, чем в нашей Федерации, хотя там это разрешено даже и не в порядке обороны. И я вам объясню, почему это так, – никакой мистики тут нет. Российский закон разрешает полицейскому застрелить не оказывающего сопротивления человека лишь тогда, когда он на его глазах совершил особо тяжкое преступление – жестокое (простое не годится!) убийство или теракт. А это вообще не частый случай, и совершить такое на глазах полицейского может лишь полностью «отмороженный», по русскому выражению, человек. Более того, отсутствие уголовной ответственности вовсе не означает отсутствия дисциплинарной: вряд ли ваше начальство будет в восторге от того, что вы застрелили выжившего террориста, которого уже не допросишь, а следовательно, и не выявишь сообщников. Но главное, что при малейшем сомнении полицейский никогда не будет этого делать, ведь ему в любом случае предстоит пройти технодопрос – и по факту события, и просто плановый ежегодный: от него ничего не скроешь.

Вообще это страшная по силе воздействия вещь – ежегодный технодопрос для должностных лиц: знание, что ни малейшего нарушения скрыть невозможно, не может не перевернуть всю систему принятия человеком индивидуальных решений. Здесь можно провести аналогию с ранними христианами, для которых существование всевидящего Бога было абсолютной реальностью: известно, что и угрозой смерти их невозможно было заставить нарушить Божьи заповеди – ад страшнее. Конечно, земной страх – не страх Божий, но в этом весь смысл государственной философии русских: Царствие Божие на Земле строить грех, да и невозможно, но надо уподобить ему земную жизнь, насколько это получится. А то, что земное подражание всегда будет ущербным и часто смешным, – что ж, это всего лишь последствие ущербности человеческой природы.

Итак, мы разобрали ситуацию в Империи с равенством людей перед законом и с защищенностью их от произвола. Ну а как с третьим пунктом, открытостью государственных решений? Возможно, вам покажется крамолой то, что я скажу, но с этим в России дела обстоят не хуже, а лучше, чем у нас. Там подобная открытость называется «гласностью» и является требованием Конституции. Она обязывает власть действовать совершенно открыто, так, чтобы каждый мог быть в курсе не только принятых решений, но и хода их подготовки в реальном времени – в том числе и для того, чтобы внести свои предложения, если возникнет такое желание. Естественно, есть вопросы, которые, наоборот, закон требует рассматривать в полностью секретном режиме, – но такие вопросы довольно детально регламентированы, так

что произвольно относить что-нибудь к секретам не разрешается. Уровень открытости виден хотя бы из порядка проведения государственных аукционов – закон обязывает разрешать участникам снимать весь ход аукциона на веб-камеры и транслировать в Сети. Ну а про порядок внесения предложений гражданами во власть, как и про общенациональные дискуссии, достаточно подробно написано в главе «Культура».

Получается парадоксальная вещь: там, где есть реальная демократия с выборами власти и политическими свободами граждан, как у нас, гласности и открытости меньше, чем в авторитарной Империи! На самом деле, если вдуматься, это совершенно естественно: при реальной зависимости власти от общественного мнения, как в демократиях, весьма часто у нее возникает потребность скрыть что-то от этого самого мнения во избежание проблем для себя. А там, где власть от народа не зависит, у нее нет никаких причин держать что-либо от него в тайне – проблем ей он создать все равно не может. В древних царствах никому и в голову не приходило скрывать что-либо из своих действий от подданных.

Вообще путь западной цивилизации к демократии со всеобщим избирательным правом не в последнюю очередь предопределялся распространением знаний и образованности: чем более средний человек становился образованным и интеллектуально развитым, тем более естественным казалось предоставление ему права выбора. В русской же цивилизации на уровне архетипических представлений право принятия решения за других должно быть не у самого умного или компетентного, а у самого достойного. Это следствие и религиозной традиции Первой Империи, и, как ни странно, технократии Второй Империи: ведь для технократа мозги являются товаром, который покупается путем найма экспертов, которые в самом процессе принятия решений не участвуют. Поэтому там рост образованности людей воспринимается как императив для включения их не в процесс принятия решений, а всего лишь в процесс обсуждения. Командовать современным обществом, состоящим в основном из достаточно развитых людей, ничего не объясняя и никого не убеждая, совершенно неправильно – этот тезис был высказан главным идеологом России времен Владимира Восстановителя еще в 2006 году и с тех пор не менялся. Поэтому все надо делать открыто, обсуждая и советуясь, давая всем гражданам высказаться и никого заранее не отметая, – именно это есть идейная основа конституционного принципа гласности. Но позволять им принимать путем выборов судьбоносные для страны решения только по той причине, что они граждане, нет никаких оснований.

Вот и получается, что по тем критериям демократии, которые стоят на первом месте в академическом определении, ее в России нет, а по тем, которые ставят на первое место наши граждане в опросах, – есть. Если же говорить жестче, то в России нет тех элементов демократии, которые нужны политикам и политологам, – но тех, которые важны простым людям, там даже больше, чем у нас.

Разделение властей. Рассмотрим теперь вопрос о разделении властей. Нам трудно поверить, что где-то его может не быть: даже в Халифате есть законодательное собрание, маджлис (причем двухпалатное), хотя и не вполне независимое от халифа и духовенства. Тем не менее факт, что в Российской Империи его нет вовсе, это даже записано в Конституции («Государственная власть в Империи едина и не может быть разделена на независимые ветви»). Русские не признают разделения властей не только потому, что считают его контрпродуктивным в плане эффективности и ослабляющим государство, но и потому, что считают его следствием неправильного государственного устройства. Как сказано в Ветхом Завете, «когда страна отступит от Закона, много в ней будет разных начальников». Русские считают разделение властей изобретением западной цивилизации, призванным специально ослабить государство, которое, по их взглядам, всегда хоть как-то представляет интересы народа, ради владычества частных элит. Какое еще объяснение с позиций здравого смысла, не понимают они, может иметь наличие одновременно и президента, и парламента, избранных одним и тем же народом по одному избирательному праву? Не такой же ли это абсурд, как избрать одновременно двух или трех президентов? Если вы сознательно хотите ослабления власти и разделяете ее именно для этого, так и надо говорить – но нам это не близко. Вы боитесь узурпации власти, говорят они нам, – правильно боитесь, в стране, где власть не сакральна и держится лишь на общественном договоре обывателей (точнее, их

предков), этому, конечно, можно помешать только ослаблением власти и всяким юридическим крючкотворством. У нас же это регулируется совсем другими, не правовыми, механизмами.

Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что гигантская разница между нами и Российской Империей является таковой только с позиции классической теории либерализма. С позиции же достаточно общепринятой ныне теории множественных инстанций власти (в разработку которой, кстати, внес в начале века большой вклад русский мыслитель Рифат Шайхутдинов) все представляется несколько иначе. Напомню тем из вас, дорогие соотечественники, кто не очень интересуется социологией и политологией, что по этой теории в обществе сосуществует множество инстанций власти, и государство есть не более чем одна из этих инстанций. Другими инстанциями являются Церковь, бизнес, СМИ и т. д., чьими эксклюзивными ресурсами являются соответственно Божье благоволение, богатство, информационные потоки и т. д. – а у государства в качестве такового ресурса выступает соответственно государственная власть. По этой теории первичным для увеличения степени свободы человека считается разделение власти разных типов между разными инстанциями, а разделение власти одного типа (например, государственной), внутри одной инстанции, является вторичным. Так вот, в Российской Империи не признают разделения *лишь государственной власти* – другие инстанции власти существуют, сильны и в своих сферах абсолютно полномочны; государство их ни в малейшей степени не подминает. Это относится к Православной церкви (как и к равилитскому исламу, иудаизму и буддизму), к бизнесу, к культуре, к судебной системе, к земской власти, к национальной власти – имперская власть никоим образом не лезет туда, считая эти области вообще не относящимися к сфере государственной власти. Но человек в повседневной и профессиональной жизни сталкивается в основном именно с ними, и их независимость дает ему достаточно свободы. То есть жесткое и суровое имперское руководство России не собирается делиться с кем-либо своей властью, так же как разделять ее внутри себя, – но оно четко очертило те сферы общественной жизни страны, на которые его власть распространяется и за пределы которых оно не лезет. Российскому правительству никогда даже в голову не придет устанавливать правила игры для бизнеса, не говоря уж о том, чтобы вмешиваться в назначения митрополитов (хотя от этого многое зависит) или присуждение престижных культурных или научных премий.

Так что имперская власть России – это не аналог нашей федеральной власти. Если наша федеральная власть отличается от власти общины или штата иерархическим уровнем территориальной применимости (то есть распространяется она на всю страну или же на один штат), то имперская власть России отличается отраслевой применимостью. Например, большая часть общероссийских законов в области экономики является земскими, а не имперскими, поскольку имперская власть считает это не своим делом. Таким образом, власть в России авторитарна, но тоталитарной ее назвать никак нельзя.

Что же касается механизмов контроля за конкретными решениями имперской власти, то они в России иные, не связанные с разделением властей (см. главу «Правоохранительная система»). А контроль за соответствием крупных решений, например базовых законов, общепринятым в стране ценностям осуществляют общество и особенно Православная церковь – она абсолютно независима от Империи и организационно, и материально, и духовно и совершенно не боится обличать ее, если есть за что. Так что вопрос об отсутствии или наличии разделения властей в России есть скорее вопрос терминологии, чем существа дела.

Свобода. Свобода и равенство являются краеугольным камнем нашей, да и вообще западной цивилизации, наследниками которой мы являемся. Со времени Французской революции и провозглашения независимости САСШ, то есть, иными словами, со времени наступления эпохи модерна, без них нельзя представить себе нашу цивилизацию, и по ним и споров-то особых не бывает. (Есть еще третье понятие, братство, но оно в практическом плане ничего конкретного не означает.)

У нас принято считать, что в Российской Империи со свободой дела обстоят плохо – не настолько, как в Халифате, но плохо. Так ли это на самом деле? Чтобы ответить на этот

вопрос, надо четко представлять, что есть свобода для обычного человека, хотя бы нашего соотечественника (так же, как мы рассмотрели это для демократии). На эту тему проведены подробные исследования, и они дают совершенно четкую картину: для подавляющего большинства наших соотечественников свобода политическая – свобода выбирать власть и совершать соответствующие действия (митинги, шествия и т. п.) – занимает очень невысокое место в приоритетах. Наиболее существенны для граждан оказываются, если помочь им разобраться и сформулировать, следующие свободы, на которые они ни при каких обстоятельствах не потерпят покушения со стороны государства: выбора места жительства; выбора семейного положения и супруга; выбора профессии и вообще образа жизни; приобретения и использования частной собственности; открытия дела и вообще любого заработка; получения информации; путешествий по стране и за рубеж. К этому можно также добавить свободу частного высказывания любых мнений, свободу вероисповедания и свободу подачи любого иска в суд. Близко к понятию свободы примыкает понятие неприкосновенности – здесь на первые места граждане ставят неприкосновенность жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства, собственности и жилища, семьи, личных привычек. То есть для всего населения, за исключением политических активистов, свобода не есть политическое понятие – это в первую очередь синоним прав человека, притом тоже в основном не политических. Давайте же посмотрим, как обстоят дела со свободой в Империи с этой позиции.

В прошлом, как известно, в России со свободой было плохо: еще 200 лет назад существовало рабство, притом в отличие от нашего рабства оно охватывало не одну расовую группу, а большинство населения. Еще 150 лет назад были официально дискриминированы инаковерующие, а еще 70 лет назад – вообще любые верующие. Семьдесят же лет назад было запрещено любое частное предпринимательство, а также и владение имуществом, кроме как в небольших размерах для личного потребления. А свободы выбора места жительства внутри страны, путешествий за рубеж, получения информации, расходящейся с официозом, в России не было вообще никогда до 90- х годов прошлого века. А как обстоит с этим сейчас? Оказывается, что ровно так, как у нас: живи где хочешь и с кем хочешь, работай где и кем хочешь. Верь как хочешь и путешествуй куда хочешь. Зарабатывай как и сколько хочешь и имей любую собственность (вполне неприкосновенную). Свободно читай тонны материалов, критических и даже ругательных по отношению к власти и строю, если хочешь – пиши их сам и обсуждай с кем угодно (у степени поношения есть, конечно, предел – но я бы не сказал, что он сильно отличен от нашего).

Как же так, скажете вы, ведь ты же сам писал, что многое запрещено для публичного высказывания, то есть человек этого не имеет права ни сам написать, ни у других прочесть? Нет, отвечу я, все эти законы накладывают не большие ограничения на свободу информации, чем наши законы и требования политкорректности, – не совпадающие, но в целом не большие. К тому же возможность публичных высказываний, в отличие от непубличных, относится уже к сфере политики, а не частной жизни – а свобод политических в России нет, они этого и не отрицают. И я этого не отрицаю, а всего лишь пытаюсь провести мысль о том, что вряд ли это существенно для основной части населения – а для тех, для кого это существенно, всегда есть вариант пойти в опричники и приобрести все те политические права, которые вообще имеются у кого-либо в России. Сами русские – и власть, и народ – считают главной своей свободой именно это – возможность выбора сословия и, таким образом, жизненного пути в главном смысле этого слова.

Еще более однозначно, со свойственной воину прямолинейностью, высказался про свободу император Михаил III: «Каждому от рождения Богом дана свобода – быть достойным человеком или дерьмом, и никто не может отобрать ее у вас, даже если расшибется в лепешку. Какая же еще свобода вам нужна?» А у нас, к сожалению, свобода выбора пути зачастую сводится к свободе выбора экстравагантной прически или сетевого прозвища или же к свободе выбора того, в какой из нескольких фирм работать, хотя на деле они ничем не отличаются.

А в том, что действительно существенно для людей, свободы в России не меньше, а, наоборот, больше. Там есть свобода употребления наркотиков (не всех, но большинства) и их

приобретения, свобода занятия проституцией, свобода самообороны без искусственно установленных пределов, свобода мести и дуэлей. Там вы можете ехать по автотрассе с такой скоростью, какую развивает ваш автомобиль, а не ползти со скоростью 65 миль в час, как у нас. Там вы можете снять проститутку, не боясь увольнения с работы, и дать по морде своему обидчику, не боясь суда и тюрьмы. Там вы можете пойти на настоящие гладиаторские бои, а у нас вы без разговоров получите пять лет только за просмотр их записей. Там вы можете иметь и носить огнестрельное оружие, как у нас когда-то давно, и совершенно легально отомстить убийце своего близкого человека. Там вы можете жить и работать, не боясь идиотских судебных исков в свой адрес за надуманные сексуальные домогательства или якобы причиненный моральный ущерб. Там вы как работодатель можете вполне легально не брать на работу гомосексуалистов или инородцев – но так же можете не брать натуралов и русских, если таковы ваши предпочтения. Там вы можете открыто высказывать свое мнение о ком и о чем угодно, если это не носит заведомо оскорбительного характера, без оглядки на удушающие требования политкорректности, как у нас. Там намного свободнее профессиональная жизнь, потому что во всех сферах – научной, юридической, медицинской, образовательной и т. д. – нет мафиозных иерархических структур вроде академий, ассоциаций и т. д., имеющих монопольную власть в своей области (это прямо запрещено Конституцией). Там, в конце концов, супермаркеты открыты круглые сутки, и вы всегда можете туда зайти – не то что у нас, где по закону нельзя торговать вечером и в выходные под вздорным предлогом создания равных условий для малых магазинов.

Не хочу, дорогие соотечественники, чтобы у вас создавалась сусальная картина, но на бытовом уровне жизнь в Империи действительно гораздо свободнее – это чувствуется сразу. Другое дело, что многие свободы не относятся к меньшинствам разного рода – сексуальным, религиозным, национальным, идеологическим, – для которых жизнь в России вроде бы существенно менее свободна, чем у нас. Их не сажают в тюрьму и в действительности не особо дискриминируют по закону (национальные меньшинства вообще не дискриминируют), но они явно не чувствуют себя столь комфортно, как у нас. Русские и не спорят с этим, но отвечают, что у них зато гораздо комфортнее большинству (правильнее говорить не о большинстве, а о мейнстриме, потому что, например, православные и особенно этнические русские еще недавно составляли отнюдь не большинство). «У вас действительно любой негр, которого и негром-то называть запрещено, может публично сказать, что белые свиньи сосут из его братьев соки, – сказал мне один русский, – а у нас нет – и в этом смысле негру у вас, конечно, живется свободнее. Но у вас белый вынужден это терпеть, а у нас нет – так что белому хуже у вас, а разве он в меньшей степени человек и гражданин? Белый у вас не может назвать негра «ниггером», и это правильно – но негр-то может совершенно безнаказанно называть белого «беложопым»! Чем дискриминация большинства лучше дискриминации меньшинства? У нас тоже еще несколько десятилетий назад оскорблять и дискриминировать нельзя было никого, кроме русских и православных, – с нас этого довольно! Теперь у нас закон и обычай ставят большинство и меньшинство на одну доску – а вам это, по сравнению с привычным для вас превознесением меньшинств, кажется их дискриминацией». То есть мы с вами, дорогие соотечественники, считаем что в Империи свободы меньше – а россияне искренне считают, что у них-то как раз все истинно свободны.

Но есть еще один аспект, дорогие соотечественники: известно и из личного опыта каждого, и из социологических исследований, что наиболее важна свобода для тех, кто не отождествляет и не хочет отождествлять себя с социумом и другими людьми. Тем, кто живет по принципу «дайте мне заниматься моими делами, а я не буду лезть в ваши», свобода важнее всего – без нее они не способны реализовать свой жизненный принцип. Не возьмусь утверждать, какова у нас доля людей такого склада, но именно они создали Америку, и Северную и Южную: ими были все пионеры новых земель. И именно их тяга к свободе вызывает наибольшее понимание и симпатию: одно дело – политический или общественный активист, которому свобода нужна для вмешательства в вашу жизнь (если называть вещи своими именами), а другое – человек, не трогающий вас и лишь желающий защитить от вмешательства свою жизнь. Так вот, вы, по-видимому, уже поняли, что для таких в России почти рай: живи как хочешь, занимайся своим делом как хочешь (или не занимайся) и делай

все это хоть один, хоть вместе с единомышленниками. Вы можете поселиться вне общины и вообще не иметь над собой местного самоуправления, а можете написать заявление о желании перейти в статус «вне закона» и не платить государству никаких налогов. В чужой монастырь со своим уставом не лезь, гласит старинная русская пословица. Так вот, если вы никуда не лезете в России, вас никто никогда и не тронет (в отличие от нас): там даже дискриминируемые меньшинства никогда не почувствуют этой дискриминации, если не будут лезть в социум со своими представлениями, для него чуждыми.

Равенство. Русские также совсем иначе, чем мы, воспринимают равенство – другую базовую ценность модерна. Русские не считают, что люди могут быть равными в нашем понимании. Это не относится к равенству перед законом, о чем я уже писал, – там все обстоит достаточно сходно с нами. И не относится к равенству перед Богом – в храме Божьем все братья и сестры, от императора до бомжа, притом не только в теории, но и на практике (и на Суде Божьем, наверное, тоже). Но равенство как универсальная ценность – это нечто большее, ведь люди не проводят основную часть жизни в судах и церквях. Равенство – это общественное представление, в соответствии с которым ни один человек не больше и не меньше любого другого человека, причем не в потенциале, а в актуальности. А как же может быть иначе, удивитесь вы? А иначе – это российское представление о неформальной иерархизированности общества, в соответствии с которым все люди выстроены по ранжиру своего возраста, положения, заслуг и т. п. По тому, в конце концов, насколько его или ее уважают соседи. Как говорил Малюта Скуратов, правая рука царя Ивана Грозного, «одно дело – человек рядовой, иное дело – начальный». Здесь тоже имелся в виду не разный статус перед царевым судом – тот, как известно, не щадил никого, – а просто разное восприятие.

В России совершенно по-разному будут восприняты одни и те же слова, в зависимости от того, кто их сказал; разный вес, в зависимости от человека, может иметь мнение, оценка, требование. Сейчас там совершенно невозможна ситуация, которая имела место еще в 90-х годах прошлого века, когда Борис Проклятый набрал правительство из молодых и ничем себя до того не проявивших людей (которые в результате и наломали дров). Невозможно, чтобы молодой, даже если и модный, журналист пренебрежительно написал бы о крупном, заслуженном человеке. Все это является закономерным проявлением того факта, что Россия совершила довольно значительный регресс от модерна и тем более постмодерна к обществу традиционного типа – совершила, кстати, совершенно осознанно. Как и все элементы традиционного общества, иерархизированность тормозит прогресс в России: предложение молодого и пока не состоявшегося в профессиональном и общественном качестве человека вряд ли будет воспринято, даже если оно разумное, а он сам вряд ли будет приглашен для его осуществления (мои русские собеседники, в общем, соглашались с таким выводом). Пронизанность общественной жизни разнообразными иерархиями есть вещь сугубо неформальная, и в действительности у любого человека есть возможность в них не участвовать. Вы можете написать книгу или музыку, которую все будут покупать, или сделать изобретение, которое будет работать, – вам никто в этом не будет специально мешать, и в принципе вы можете в этом случае начхать на мнение коллег по цеху. Но русские в массе своей считают, что вы этим сами лишите себя значительной части жизненного комфорта, которую не заменит индивидуальный успех, – чувства «вписанности» в некие иерархии, как и вообще в социум. Это не позиция государства, то есть власти, а позиция общества – государство как раз, наоборот, склонно воспринимать людей, мнения и предложения, невзирая на лица, как это имеет место при общенациональных дискуссиях (я писал об этом в главе «Культура»). Но не надо заблуждаться – власть одинаково относится ко всем в первую очередь потому, что в ее представлении отличие любого земца от опричника (в худшую, естественно, сторону) столь велико, что отличия земцев между собой теряются на этом фоне. А сами русские никоим образом не считают людей равными иначе чем перед Богом и законом; единственное равенство, которое они признают и которым крайне дорожат, даже больше, чем мы, – это равенство возможностей.

Более высокий статус, чем у остальных, может возникнуть у человека только и исключительно по его заслугам и достижениям – так считают русские, и это практически не оспаривается в обществе. Ты не можешь получить высокий статус по праву рождения и не

можешь передать его по наследству. Преимущества, связанные с происхождением, русские не любят очень сильно (мне даже кажется, что именно они привели к революции 1917 года, а не имущественное неравенство: дворян тогда – и во время, и после революции – ненавидели гораздо сильнее купцов). Поэтому, например, любые наследственные титулы в России не только официально не существуют, но и запрещены к публичному объявлению. Там, где не применим закон, в дело вступают обычаи: так, отпрыски богатых семей также весьма нелюбимы в Империи (их называют мажорами), хотя что тут может сделать закон – деньги не титул, их не отменишь.

Нелюбовь эта выражается в том, что в школах, институтах и на работе к ним относятся более, а не менее требовательно (я бы даже сказал, более неприязненно), чем к остальным. Помощь родителей в карьере считается мерзостью, а такое, чтобы отпрыск делал карьеру в той же области, в которой добились больших успехов и занимают высокие позиции его родственники, невозможно и представить – на него ополчатся все. Это не считается несправедливым: если у тебя отец известный режиссер, то ты вовсе от этого не ущербен – только карьеру делай в темпоральной физике или в нефтяном бизнесе, а не в кино. Таково проявление существующего в третьем сословии (в иных – тем более) представления о примате собственного успеха как противоположности успешного рождения. Только тот, кто добился многого сам, тем более против жизненных обстоятельств, может считаться кузнецом судьбы, а не щепкой, плывущей по ее течению, – а это для земского сословия культ.

То же со вступлением в брак: если в обществе сказать вслух, что такой-то молодой человек хорошо выбрал себе невесту, потому что она из занимающей высокое положение семьи, повиснет неловкое молчание: такие высказывания считаются неприличными. Конечно, браков по расчету более чем достаточно и в России (правда, доминирующая тенденция в общественном мнении их не одобряет), но считается, что уж если выбираешь пару по деньгам, то уж лучше по его (или ее) деньгам, чем по деньгам его (или ее) родителей: последнее презрительно называют «выбра-л(а) на племя».

В целом для русских принципиально важно, чтобы в жизни не было ничего такого, чего в принципе не могли бы достигнуть их дети; а уж достигнут или нет – зависит от них самих и от воли Божьей.

Но надо четко понимать, что то неравенство людей, о котором здесь говорилось, относится в российской жизни исключительно к общественной сфере в широком смысле этого слова. В личном общении заносчивость и снобизм не приняты – они, конечно же, широко распространены, но общественными представлениями осуждаются. Будь вы хоть создатель стратегического щита, хоть основатель огромной корпорации, вы можете соответственно вести себя с коллегами по работе или соседями по общинному собранию – но не с племянником или домработницей, а тем более с незнакомым человеком. Но даже и в общении с коллегами ваше положение должно проявляться в содержательной части дискуссий, а не в манере держаться. Держаться следует со всеми одинаково, потому что если вы заслуженнее других, то это не значит, что вы лучше. Известный или богатый человек, обращающийся к обычным людям «эй, любезнейший» и считающий их за быдло, мерзок для большинства русских и однозначно ими осуждается. Общественный идеал большого человека в России – чтобы не знающие, кто он, никогда бы и не догадались об этом по манере его поведения; то есть «он великий, но простой». И это естественно для православной страны – ведь сам Христос мыл ноги Своим ученикам.

На самом деле все отношение русских к равенству и неравенству, в обоих ипостасях (и по рождению, и по положению), имеет, если посмотреть глубже, также чисто религиозное происхождение. Неравенство людей проистекает из разных даров Святого Духа, о чем говорил еще апостол Павел. В этом смысле считать всех равными означало бы идти против промысла Божьего. Но еще более идти против него – считать даром Святого Духа происхождение человека. Не следует забывать, что сами апостолы, кроме разве что упомянутого святого Павла, были из бедных и не знатных семей. В иудаизме, до разрушения Храма и выселения евреев, по Моисееву закону священниками могли быть люди только из одного определенного рода – нет нужды говорить о том, что это категорически не совместимо с христианством. Поэтому те, кто стоит за аристократию или даже монархию как

крайние проявления конституированного неравенства по рождению, должны бы задаться естественным вопросом: а почему тогда ограничиваться светской властью, почему не выбирать новым патриархом ближайшего родственника предыдущего? В общем, все представления об особых дарах свыше по рождению есть для русских не более чем вариации кальвинистской ереси о предопределении – то есть мерзость.

Права человека. С тем, как русские воспринимают антиномию « равенство – неравенство», связано и своеобразие их представлений о правах человека. Мысль о том, что все люди могут иметь одинаковые права, кажется им странной: как писал в переписке с Иваном Грозным его оппонент князь Курбский, «не сравнять крутые горы с пригорками». Конечно, есть набор прав, которыми обладают все в одинаковой степени с момента рождения, но этот набор не велик. Парадигма российского государственного и общественного устройства, выкристаллизовавшаяся в результате конституционной реформы 2013 года, гласит: есть природные права, проистекающие у любого человека просто из того, что он человек; к ним относится, например, право на неприкосновенность жизни и имущества. Эти права есть не только у граждан, а у любого человеческого существа, находящегося – даже незаконно! – в России. Есть гражданские права, которые есть у всех граждан России, но только у них, проистекающие из того, что вы часть российского этноса; к ним относится, например, право на свободный выбор места жительства или рода деятельности (иностранцы, в том числе иммигранты до получения гражданства, ими не обладают).

И природные, и гражданские права даны от Бога. А есть остальные права, которые не проистекают из вашей принадлежности к биологическому виду или генеалогическому древу, не даны вам Богом – но их можно заслужить. Или купить, если угоднее такая формулировка (но средством платежа далеко не всегда будут деньги). Есть ли у любого из вас право, спрашивает русский школьный учебник по истории, войти в совет директоров автомобильной корпорации « ОАО « Каштан»? Нет, потому что по закону для этого вы должны быть владельцем не менее 1% акций, а вы им не являетесь. Но с другой стороны, никто не мешает вам купить их, а если у вас нет для этого денег, то заработать их. В русской философской терминологии это пример так называемого отдельного права, которое надо купить или приобрести каким-либо иным образом – а равенство граждан понимается как то, что право приобрести это отдельное право у всех одинаковое. Так вот право управлять государством, в частности право избирать и быть избранным на высшие государственные должности, есть, по Гавриилу Великому и другим творцам Конституции 2013 года, право отдельное, а не гражданское, и его надо заслужить, притом не деньгами. Собственно, слово «опричники» отсюда и взялось – « опрично» на старорусском языке означает отдельно. Община, в которой живут люди, продолжает тот же учебник, не является чем-то большим, чем сумма ее жителей, в ней нет ничего сакрального. Поэтому сам факт того, что вы один из этих жителей, есть достаточное основание для вашего участия в самоуправлении этой общины, и потому право это – гражданское. Государство же есть нечто гораздо большее, чем сумма живущих в нем на данный момент людей, – хотя бы потому, что есть прошлые и будущие поколения. Государство, в отличие от общины, есть не территория и не население, а идея. Соответственно факт того, что вы житель государства, не достаточен для права управлять им – поэтому это право отдельное; чтобы его получить, надо принадлежать не к населению, а к идее. В этом и есть центральное ядро концепции опричнины, а вместе с ней всей философии государства, поскольку это ее краеугольный камень.

Таким образом, устанавливается взаимозависимость прав и обязанностей – по умолчанию предполагается, что первых без вторых не бывает (как, впрочем, и вторых без первых). Право участия в государственном управлении принадлежит членам служилого сословия не в качестве награды за прошлую службу и заслуги (тогда бы оно оставалось у опричников, добровольно покинувших свое сословие, а это не так), а потому, что они добровольно приняли на себя и продолжают нести обязанности по службе этому государству. Я формулирую в привычных нам терминах, но сами опричники вообще считают это не правами, предоставленными в обмен на принятие обязанностей, а продолжением самих обязанностей: они обязаны голосовать на выборах императора, потому что на них держится

Империя. И так же все права людей, не только опричников, имеют параллельный и неотделимый от них набор обязанностей.

Отражением природных прав служат природные обязанности, связанные с уважением законов государства, – за их несоблюдение вас могут лишить природного права на свободу и даже на жизнь. Отражением гражданских прав являются гражданские обязанности, в частности такие, как уплата налогов, – как я писал в разделе « Наказания» главы «Правоохранительная система», за их несоблюдение вас не посадят, но лишат гражданских прав. А отдельным правам соответствуют отдельные обязанности, притом не обязательно те, которыми эти права приобретаются, – рассмотрим это на примере свободы слова. (Русские не используют такое выражение, они говорят о праве на то, чтобы тебя слушали; сама по себе свобода слова, то есть возможность говорить, даже когда тебя не слушают, в основном принадлежит, в их представлении, обитателям сумасшедшего дома.) Так вот, праву быть услышанным соответствует обязанность разделять духовные и нравственные представления и нормы России – определяемые не по мнению большинства, а предсуществующие в России и делающие ее тем, что она есть, а не чем-то иным. Поэтому когда журналистам, публично превозносящим педерастию или русофобию, не позволяют и далее продолжать журналистскую карьеру, то это даже не наказание – просто, не приняв обязанностей разделять соответствующие ценности, они не получают и прав быть услышанными. Казалось бы, обязанности есть и у нас, и за их нарушение наказывают – но у нас они существуют совершенно обособленно от прав: права правами, а обязанности обязанностями. Поэтому у нас есть Декларация прав человека, но что-то я никогда не слышал о декларации обязанностей. То есть обязанности у меня есть, и меня могут наказать, если я их не выполню, но права мои от этого никак не изменятся. А у русских это две стороны одной медали, не отделимые друг от друга.

Другое отличие русских представлений о правах людей от наших, еще более базовое, – концепция прав коллективов. Все люди входят в некие коллективы – в семью, общину, нацию, религию и народ в целом. Каждый коллектив состоит из какого-то количества людей, но, по русским представлениям, непременно имеет интересы, несводимые к сумме интересов членов. Это проявление известного философского принципа: целое всегда есть нечто большее, чем сумма частей (как образно писал Киплинг, «корабль – больше, чем команда»). Так вот, в России считают, что есть права человека, а есть права семьи, права народа, права страны; и если они приходят в противоречие с правами индивидуума, последние как минимум не имеют априорного приоритета (вообще-то даже наоборот, общественное благо считается в России выше личного). Как и почти во всем, здесь речь идет в первую очередь не о юридических принципах, а о многообразных общественных механизмах. Если мужчина поставил свои личные интересы выше интересов своей семьи и бросил беременную жену с тремя детьми – что ж, это его право; имеется в виду право в нашем смысле, то есть возможность, – права в русских терминах, в смысле морального обоснования, у него нет. Но тогда у других появляется право не здороваться с ним, не брать его на работу, не давать ему кредиты: если тебе наплевать на всех вместе с их представлениями о допустимом и запретном, то и не иди к ним ни за чем – живи себе один в глуши и делай там что хочешь. Любой из наших соотечественников скажет, что при чем тут права человека – это же не о них, а о мерах общественного воздействия! Но русские понимают права именно так – для них права не только и не столько юридическое, сколько мировоззренческое понятие. То же самое относится к правам народов, проживающих в Империи, и всего российского народа – и в первую очередь к их праву на продолжение самобытного существования.

Государство. Русское представление о государстве отличается от аналогичного нашего еще сильнее, чем представления о демократии, свободе, равенстве и правах человека. Это тем более странно, что зримые проявления государственной власти в повседневной жизни современной России, как и ее принципиальное устройство, достаточно схожи с нашими (в отличие от их Второй Империи, где все было устроено полностью по-другому). Различается, притом радикально, именно базовое представление о том, что есть государство и для чего оно существует, в чем его цель и смысл. Речь не о том, что государство организует общежитие людей – с этим согласны все и в Американской Федерации, и в Российской

Империи, – а о том, зачем и почему оно это делает.

У нас считается общим местом то положение, что государство является порождением нации (или, говоря иначе, населения) и обслуживает ее. Одни могут утверждать, что население просто нанимает государственную власть, и ее повестка не может выходить за рамки « договора найма»; другие – что народ нанимает власть в том числе и для формулирования повестки, и она таким образом может и должна ставить задачи, не воспринимаемые населением как актуальные, и убеждать его в необходимости непопулярных решений. Но при этом для всех самоочевидно, что государственная власть является порождением гражданского общества – в отличие от древних царств, где первичной была страна, якобы отданная Богом или богами данному роду, а подданному населению не более чем дозволялось жить в этой стране. В этом, собственно, и разница между гражданами и подданными.

В нашей Федерации для всех аксиома, что целью государственной власти является увеличение качества жизни (точнее, всемерное способствование этому), которую мы понимаем в первую очередь как определенный уровень богатства и свободы, а также безопасности.

Не так у русских. Для них государство вовсе не порождение нации – скорее нация есть детище государства. И государство в их представлении вовсе не существует для народа – оно дано Богом и потому сакрально и существует, если называть вещи своими именами, ради самого своего существования. В отличие от древних царств, о которых говорилось выше, русское государство обязано заботиться о народе – но это нисколько не делает его слугой народа: не в большей степени, во всяком случае, чем обязанность пасти овец делает пастуха их слугой.

Задача сделать жизнь людей зажиточнее вообще не стоит в Империи в качестве основной, хотя в былые времена власти ее артикулировали именно так – еще в Период Восстановления, и даже во Второй Империи (начиная с правителя Никиты Чуднуго, который правил после Иосифа Великого). Уже давно она является одной из вспомогательных, сугубо инструментальных задач, диктуемых идеологией, – чтобы не возникало ощущения, что в других странах живут лучше и что здесь, таким образом, жизнь несколько ущербна. Вместе с тем никто не мешает росту жизненного уровня, власти создают для этого все условия, например, низкой налоговой нагрузкой и бесплатным кредитом – но самоцелью это, в отличие от нашей страны, здесь не является. Тем более не является самоцелью забота о том, чтобы граждане жили свободнее – в России на это смотрят не как на процесс, а как на состояние: они считают, что поскольку их государственное и общественное устройство искусственно « сконструировано» относительно недавно, при Гаврииле Великом, то все свободы, которые они считают нужными, там и так присутствуют. Основной же задачей власти в России можно считать правильность устройства государства и всей жизни, в смысле ее соответствия Христовым заповедям и в определенной части русским представлениям о земной справедливости, и всемерное укрепление могущества этого «правильного» государства.

Интересно, в чем именно, по главенствующим ныне в России представлениям, состоит религиозный смысл существования государства. Долгое время считалось, что он состоит в таком устройстве жизни, которое отвечает коллективной стратегии спасения; об этом писалось даже в святоотеческой литературе. Но ныне такой взгляд не слишком востребован, и понятно почему: для спасения предпочтительнее всего ситуация гонения на христиан, потому что именно гонения позволяют отделить зерна от плевел. Сравните количество святых, которыми пополнилась русская Церковь при преследовании веры Красной Империей, с таковым в мирных и благолепных XVIII или XIX веках, когда держава была православной, – оно несоизмеримо. Так что, если бы государство озаботилось исключительно тем, чтобы побольше его граждан обрели спасение и жизнь вечную, его руководители должны бы были пожертвовать своим собственным спасением и начать травить всех христиан львами, как Диоклетиан, или распинать священников на царских вратах, как большевики. Земное горе бы приумножилось, но спаслось бы гораздо больше людей, чем при спокойной жизни с ее мирскими соблазнами и суетой.

На самом же деле главных смыслов существования государства у русских два: **первый** – устроить жизнь так, чтобы свидетельствовать ею перед Спасителем, что жива и не прейдет соборная вера в Него в земле русской. Вот почему нельзя сделать того, о чем я полувсерьез написал выше, – многие спасутся, но свидетельства не будет. «Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» – вопрошал Господь – русские уверены, что это не про них. По крайней мере свою миссию они видят именно в том, чтобы, вернувшись, Он увидел на их земле веру Христову не поколебленной. И не просто веру отдельных праведников, которые никогда не переведутся, потому что человек наделен свободной волей, а соборное построение общей жизни, отражающее Его веру и заповеди.

Второй же смысл российского государства состоит в том, чтобы не дать всему миру скатиться в абсолютное зло – в царство Антихриста. Русские не знают, смогут ли они спасти от него весь мир, но полны решимости не дать взвиться знамени с тремя шестерками на своей земле. Для этого государство должно быть сильным – и физически, в смысле военной мощи и социальной стабильности, и духовно, в смысле силы веры и правильности устройства. И именно в этом главная русская апология сильного государства как самоцели. Конечно, важно и коллективное спасение, просто оно не есть главная задача государства в православном смысле; но несомненно, участвовать в общем богоугодном деле в своей православной державе – не худший способ прожить жизнь перед Господом.

Эта весьма странная, на наш взгляд, ситуация – когда государство даже в теории не считает своей главной целью сделать так, чтобы люди жили лучше, – имеет корни в том, что русская цивилизация вовсе не основана на гуманизме в отличие от нашей. Это не означает, естественно, что она какая-то человеконенавистническая, но она не рассматривает человека как цель и мерило всего и не считает человеческую жизнь главной ценностью. Таковыми для них являются ценности духовные – вера, любовь и справедливость. Мы тоже их разделяем, но нам весьма непривычно, когда они стоят несоизмеримо выше земных человеческих ценностей. Кстати, такое отношение не есть изобретение нынешней Третьей Российской Империи: так было в России всегда, и если в какие-то периоды гуманизм и провозглашался краеугольным камнем, то надолго это не удерживалось (последний такой период имел место в последнем десятилетии прошлого – первом десятилетии нынешнего века). Это и есть точка расхождения восточной и западной христианских цивилизаций – когда начиная с Ренессанса и Реформации на Западе начал завоевывать позиции гуманизм, а на Востоке – нет. А до того, века до пятнадцатого-шестнадцатого, особой разницы между ними не было, хотя раскол Церкви на католическую и православную оформился в XI веке, а реально произошел даже раньше.

Именно отсутствие гуманизма имеют в виду русские, когда говорят о гораздо большей духовности своей цивилизации по сравнению с западной, а теперь с нашей: не то, что мы не признаем духовные ценности – мы их, конечно, признаем, и русские это понимают, – а то, что мы не ставим их выше человеческой жизни. А для русских духовные ценности имеют абсолютный примат над всем земным, и человеческая жизнь не исключение: эта шкала установлена самим Иисусом Христом, отдавшим свою человеческую жизнь за духовные ценности, да и то не для себя, а для других.

Потому что человек – существо несовершенное, несущее на себе печать первородного греха. Для русских это не богословский тезис, а конкретная истина, приложимая к реальной жизни. Это не значит, что люди неисправимы – каждый может спастись (с Божьей помощью, но она непременно придет к ищущим Его), – но все мы начинаем жизнь с плохой стартовой позиции. Ее можно изменить, но для этого надо быть праведником, а праведников меньше всего заботит сохранность своей жизни, а тем более плотские радости. А остальные – те, кого это заботит, – тоже не то чтобы очень плохи, но не представляют собой объекта для восхищения. Таковым являются только высоты духа, а они как раз обычно сопровождают именно лишения и даже смерть, а не сытое преуспевание, хотя это не обязательное правило. Поэтому никаких здравых оснований для помещения человека в центр системы ценностей нет – такова основа философии русских, в том числе государственной.

На это хочется возразить, что человек создан по образу и подобию Божьему, и Христос именно поэтому заповедал любить людей; и я неоднократно приводил этот аргумент своим

русским собеседникам. « Образ и подобие Божье – это не тело, потому что Бог Отец бестелесен, а дух. Да, дух есть в любом, даже самом ужасном человеке, – не сговариваясь отвечали собеседники. – Но этот образ – всего лишь искорка, из которой может разгореться пламя, а может и не разгореться: это зависит от свободной воли каждого. Поэтому любить каждого человека за Образ внутри него – это любить то потенциальное, что есть в нем, а не его актуальное состояние. Если перед вами маньяк-убийца, то образ Божий есть и внутри него, под толстым покровом бесовщины, но что с того – отпускать его на дальнейшие подвиги, что ли? Поэтому и его можно и нужно пожалеть за то, что он сделал из своего Образа, и дать ему исповедаться и покаяться перед смертью, отдав его на Божий суд, то есть позаботиться, насколько возможно, о его душе. А потом его следует с чистой совестью расстрелять, потому что тело его с чего жалеть?» – «Но Спаситель заповедал Симону Петру «паси агнцев Моих», – не сдавался я. Мне отвечали по-разному, но самый лучший ответ я получил не в очной беседе, а почерпнул из Сети. Там было вывешено интервью начальника Имперского управления безопасности Алевтины Ицхаковой (с ней я однажды встречался, о чем написано в главе «Сословная структура»), которая, судя по прессе, будет следующим императором, если до 2060 года не примут закон о переводе выборов императора на принцип жребия. В этом интервью были следующие слова: « Я не люблю людей – большинство из них любить не за что, – но я сделаю для них все, что надо, а если понадобится, отдам и жизнь». А ведь Спаситель называл добрым пастырем не того, кто любит овец, а того, кто готов положить за них жизнь. Получается, что российские носители государственной власти – добрые и достойные пастыри, несмотря на кажущуюся мизантропию. Откуда же берется эта готовность к самопожертвованию за людей (искренность которой не вызывает у меня сомнений), если их не любишь и им не служишь? А оттуда – в российском цивилизационном коде заложено ощущение гораздо более высокой ответственности перед теми, кто зависит от тебя, чем перед теми, от кого зависишь ты.

Понятно, что при таком отношении к людям высшей формой государства будет считаться империя. Она защищает людей и обеспечивает справедливые и достойные условия их существования – она может даже считать это своей неотъемлемой функцией, – но никогда не будет видеть в этом главную цель и смысл своего существования: таковой является исполнение Господней воли. Государство, особенно империя, считают русские (других типов государства они для себя не признают), важно само по себе, тем, что оно просто есть, потому что без него нет национальной самоидентификации и вообще ничего – это как тело без мыслей и памяти. Нельзя сказать, что государству не нужны люди, но и нельзя сказать, что государства без людей нет – ведь оно есть идея, существующая сама по себе всегда, пока есть ее носители. Так в церкви нужны прихожане, но если их нет, службы все равно будут проводиться, пока есть священник, – ибо у богослужения есть высокий сакральный смысл, несводимый к удовлетворению духовных потребностей паствы. Кроме того, в антиномии «государство—люди» обычно имеются в виду только люди, живущие на данный момент, – а как быть с теми, кто жил в прежние времена и уже умер, и с теми, кто еще не родился? Если государство – это акционерное общество, как любят говорить у нас, то логика жестко подводит к тому, что тогда собрание акционеров может принять решение о ликвидации общества путем его продажи другому обществу или слияния с ним. Замечательно, пусть так, говорят русские, только как в этом случае вы предполагаете спросить мнение мертвых? А если вы верите только в плоть и мертвых для вас не существует, тогда с вами не о чем разговаривать. Поэтому при выборе «государство или люди» ответ для русских очевиден, и потому никакая цена, в том числе человеческая жизнь, не слишком высока за сохранение могучего государства. И потому лоббизм разнообразных групп влияния, естественный для нас и вообще для любой демократии, для русских есть мерзость. Как же, ведь это преступное вторжение низкого земного в сферу сакрального – как менялы в Храме.

Здесь кроется и русский ответ на вопрос о том, какая нация достойна образовать империю: та, которая ради сохранения своего государства не остановится ни перед чем. Так поступили русские в 1941 году, теряя миллионы людей и гигантские куски своей территории, но не сдаваясь – и этим оплатив не только саму победу, но и право через 70 лет создать нынешнюю Империю, самую большую в истории человечества. А можно было сдаться, во

всяком случае тогда, когда ситуация выглядела безнадежной, как это сделали в 1940 году французы, и избежать материальных и людских потерь (французам даже и независимость-то через четыре года вернулась, правда не своими стараниями). Но все имеет свою цену – и пришлось французам в 2020 году стать объектом, а не субъектом имперской экспансии.

Более того, даже те нации, которые готовы драться за свою независимость, но не за свое величие и не готовы идти своим путем, не заслуживают стать империей и даже сохранить эту самую независимость от империи. Вот, например, англичане до 2020 года десятилетиями влачили жалкое, на взгляд русских, существование сытой, но второразрядной страны, не имеющей никакой самостоятельности в мире, хотя могли бы претендовать на большее и по своей славной истории, и по экономической мощи, по крайней мере потенциальной. Сами русские могли бы так же расслабиться, когда в первом десятилетии нашего века они преодолели последствия второго Смутного времени и стали резко прибавлять в зажиточности и безопасности своего существования. Даже признание со стороны сильных мира сего уже стало возвращаться к ним – как же, еще в 2006 году они были очередным председателем «Большой восьмерки» (тогдашняя регулярная встреча восьми индустриально развитых стран, претендующая на решение мировых проблем, нечто типа нынешнего Всемирного форума пяти держав на острове Святой Елены). И был большой соблазн успокоиться на этом, удовлетвориться местом «одного из равных», отказаться от своего особого пути и какого-либо особого величия – а взамен получить признание своего равенства среди остальных, пусть сначала и сквозь зубы и без восторга. Тогда в России появился звучный лозунг, точно выражающий суть этого соблазна: «Хотим место в совете директоров планеты». Но русские нашли в себе силы отказаться от судьбы второй Англии, отбросить чужие пути и вернуться на свой: продолжая ту же аналогию, отказаться от акций планеты вместе с местом в совете директоров и добиться выделения своей доли в натуре. И то, что такая внутренняя решимость возникла у них не тогда, когда терять нечего, а напротив, когда дела пошли довольно неплохо и явно обещали стать еще лучше, и есть для русских одна из главных апологий существования их Третьей Империи.

Такое отношение к государству отличает русских от нас гораздо сильнее, чем представления о свободе, равенстве и демократии – точнее, разница в этих представлениях сама в большой степени есть производное от различного отношения к идее государства. И не надо думать, дорогие соотечественники, что это какой-то сугубо академический или политический вопрос: разница между гуманистическим и религиозно-метафизическим взглядом на жизнь существует на очень глубинном, невербальном уровне психики человека и пронизывает все его мировосприятие.

Власть. У русских абсолютно другое представление как об источнике власти, так и о ее смысле (эти два аспекта на самом деле тесно взаимосвязаны), чем у нас. Мы представляем себе власть как способ обеспечить наиболее разумную, по текущим представлениям, жизнь страны, приносящую максимальные достаток и свободу ее жителям, а значит, отвечающий их интересам (потому что какие еще интересы могут у них быть, помимо этих, – разве что никак не относящиеся к общественной сфере). Таким образом, демократический принцип, как и республиканская организация нашей власти, прямо проистекают из наших представлений о ее сути. Вот феодальный правитель, скажем, считал сутью своей власти максимальное обеспечение и возвеличение своего рода – и поэтому просто не понял бы, для чего ему демократия. Для русских же существование сильного русского православного государства, построенного на Божьих заповедях, есть самоцель, ценность которой не может быть обоснована в силу ее самоочевидности – так же как мы не сможем вразумительно объяснить, почему мы считаем, что в стране должно быть хорошо для ее населения, а не, наоборот, плохо. Поэтому демократические и республиканские принципы столь же чужды для русских, сколь естественны для нас: у нас стратегически интересы граждан всегда соответствуют интересам государства (хотя на тактических временных отрезках большинство может этого и не понимать), а у русских они чаще будут противоречить, чем совпадать. Поэтому ответственность власти в первую очередь перед народом русская политическая мысль считает для государства смерти подобной.

Квинтэссенция сказанного такова: в нашей цивилизации граждане – это и есть держава, а

в российской государство и народ – это две совершенно разные вещи. Именно поэтому, а не в силу какого-то варварства или врожденной склонности к авторитаризму интересы граждан вовсе не являются приоритетными для российской власти, хотя они, безусловно, учитываются и по возможности удовлетворяются (не звери же!) – но всегда не как главная цель.

Гавриил Великий сказал об этом так: «Нам-то какое дело до того, богато или бедно живут люди – как хотят, так пусть и живут. Но справедливое устройство жизни, в том числе забота о том, чтобы никто не умирал с голоду, – это да, это наш долг перед Богом. А какой у них материальный достаток, сколько они купят костюмов или колбасы – это их личное дело, мы же не душим их поборами или запретами». Ясно, что при таком понимании сути власти демократии в нашем представлении у русских просто не должно быть – ведь иначе избиратели будут думать о своих интересах, а не о державе (у нас, повторюсь, это по существу одно и то же). Как образно сказал мне в беседе Валит (в крещении Валентин) Маганов, премьер России в 2036—2043 годах, а ныне начальник Имперского управления воспитания: « Мы, опричники, произносим в первом обете, что мы овчарки стада, принадлежащего Пастырю. Несуразно, чтобы вожака нашей стаи избирало стадо». В этом смысле даже те политические права и свободы, которые в России население все-таки имеет, даны ему правящим служилым сословием не по принципу естественного или божественного права и не под давлением снизу, а исключительно по « инструментальным» мотивам: например, это было сочтено полезным для эффективности управления страной либо для большей стабильности ее функционирования. Или даже просто решили, что от чего-то люди будут более довольны, а страшного в этом ничего не будет – почему бы так и не сделать. Как говорят русские, «сердце не камень, кровь не вода»; к сути власти это отношения не имеет.

Но кроме источника и сути, есть еще механизмы власти – и они у русских, несмотря на внешнее сходство структур, фундаментально отличаются от наших. Речь, собственно, о том, как власти добиться того, чтобы ее слушались, не саботировали ее решений и, наконец, не свергли ее в один прекрасный день. Всегда и везде, с родоплеменных еще времен, это достигалось комбинацией двух факторов, принуждения и убеждения – угрозы применения силы, с одной стороны, и общепринятым представлением, что иначе никак нельзя, – с другой.

Но соотношение этих факторов сильно различалось в разные времена. В эпоху премодерна, до Нового времени, удельный вес принуждения был велик, а в части убеждения основную роль играла освященность порядка вещей религией и традиция. В эпоху модерна значимость военной силы снизилась, а в увеличившем свой вес убеждении религия и традиция в значительной степени уступили место « упорядочиванию» общества через механизмы социума и права. В наше время постмодерна (я говорю здесь о нашей американской цивилизации) еще более снизилось значение силы – зачем она, если интересы власти и населения не расходятся и расходиться не могут. В части же убеждения, в первую очередь для нейтрализации маргинальных проявлений, на первое место вышла «стандартизация» населения через создание единообразной модели жизни, единых представлений и даже социально-политического языка (так как то, что нельзя выразить словами, суть непредставимо и, значит, неосуществимо).

Из этого краткого обзора истории важно извлечь не только вектор неуклонного снижения роли силы в механизме власти, но и то обстоятельство, что даже в старину она не была определяющей. И то и другое связано с тем, что проводники силы, солдаты, – не роботы, они сами часть общества и легко могут повернуть оружие против правителей, сколько ни давай им преторианских привилегий.

Не так в России: даже свойственное модерну социальное упорядочивание они считают грехом (по крайней мере если власть делает это специально), а постмодерновое стремление сделать общество в своей сути единообразным – так и вовсе предвестием приближающегося Антихриста. (Концепция социальной инженерии, которой занимается Имперская служба социального обустройства, есть нечто иное – это не более чем создание и распространение социальных обычаев, мод и представлений, а не политических установок: внедрение последних, например любви к режиму, прямо запрещено.) В России главным механизмом

власти, гораздо более значимым даже, чем в древние времена, является сила. Русские могут себе это позволить, поскольку имеют свой, особый проводник силы – сословие опричников, которое и есть власть и в котором власть поэтому уверена как в себе (извиняюсь за невольный каламбур).

Большинство населения в России, как в любой нормальной стране, одобряет власть и общие принципы устройства государства и потому не собирается бунтовать – но власть на это не рассчитывает. Рассчитывает она только на свою силу и всегда готова к ее применению. Мне даже кажется, что подспудно, влекомые тягой своего сословного мировосприятия, опричники об этом втайне мечтают. Так ли это, не знаю, но то, что они не будут колебаться ни секунды, прежде чем утопить любой бунт в крови гражданского населения, есть непреложный факт – не потому что они бездушные звери, а потому что они не часть общества.

Впрочем, у этой зачарованности силой есть свое достоинство: раз власть делает упор на подавлении любого бунта, а не на его предотвращении, то она значительно меньше должна думать о недопущении и подавлении любого инакомыслия – и действительно, российская власть допускает в стране огромный (по нашим меркам даже излишний) уровень плюрализма мнений.

Но самое удивительное видится мне в том, что, несмотря на свое негативное и даже презрительное отношение к словам « демократия» и « республика», несмотря на свою элитарную в нашем представлении сословность, русские называют свою систему власти «народовластием» (это записано и в Конституции) и искренне ее таковой считают.

Я долго разбирался, прежде чем понял, что это действительно не лицемерие. Дело в том, что само слово « власть» во всех наших с вами трех языках (*power* или *poder, authority или autoridad*) происходит от таких корней, как «сила» или «авторитет», явно относящихся к сфере управления – которое для нас и есть власть. Не так у русских: слово «власть» происходит от «владеть», то есть иметь в собственности (на малороссийском диалекте русского это слово так и звучит – «влада»). Традиционное обращение к царям было «владей нами и всей землей русской». То есть правитель – это правитель, а владелец – это владелец; и опричное сословие считается правителем России, а ее владельцем – весь народ, причем ныне живущие являются еще и как бы полномочными представителями прошлых поколений. Кстати, и опричники воспринимают себя точно так же: наиболее распространенные у них метафорические самоназвания – «пастухи» и «дозор». Но ведь и пастух не владеет стадом, и дозор землею. И это не абстракция: если в силовых вопросах опричников менее всего интересует голос народа (во всяком случае, в качестве решающего), то в социально-экономических вопросах, и особенно в вопросах общенародной собственности, они зачастую не считают себя вправе самостоятельно принимать решения. Например, по имперскому закону 2025 года приватизация любого государственного предприятия (с 2033- го – вообще любого государственного имущества) стоимостью более десяти тонн золота невозможна без согласия Палаты Народов Земской Думы, а более ста тонн – без решения общероссийского веча (по-нашему, референдума). Причем вече принимает решение по вышеописанному мною соборному принципу, то есть 75 процентами голосов. А обязательность решения веча для передачи на любых условиях даже самого незначительного куска территории другому государству прямо записано в Конституции, и все договоры такого рода в 2020—2022 годах, предшествовавшие учреждению упорядоченного мира, Гавриил Великий подписал только после решения веча.

На самом деле имперская власть объявляет вече гораздо чаще, по многим социально-экономическим вопросам (но только по ним); и хотя она по Конституции делать этого не обязана и соответственно имеет право все подобные вопросы (кроме земской компетенции) решать сама, она этим правом не злоупотребляет. Нам может показаться странным, что по вопросу приватизации средних размеров предприятия нужно спрашивать мнение народа, а по вопросам войны и мира – нет, но это вполне соответствует древнему русскому архетипу: война – дело княжеское, в ней он волен, тем более что воевать и умирать будет дружина, а не народ. А вот в вопросе соляной торговли или пушного промысла, а тем более межевания земли решает мир.

Справедливость. Я не могу сказать, что представления русских о справедливости радикально отличаются от наших, но они определенно отличаются от тех, которые были ранее свойственны им же самим. Ожесточенные разногласия по поводу того, что справедливо, а что нет, всегда имели у русских место – но в силу их общего мировоззрения лишь по поводу общественной жизни, а не индивидуальной. Они лишь задавались вопросом «Стоит ли всеобщее счастье слезинки невинно замученного ребенка?» – но никогда не думали о том, стоит ли этого индивидуальное счастье. Ответ на второй вопрос был для них очевиден: счастье в этом случае невозможно. А вот первый вопрос, точнее выбор положительного на него ответа, принес им немало крови – от эсеровского и красного террора до сталинских репрессий. Ничего удивительного – для русского национального мироощущения весьма характерно желание добыть другим счастье любой ценой, часто – увы! – приводящее совсем к обратному. Ведь соблазн совершить зло ради других, особенно если при этом жертвуешь и собой, есть самый тяжкий искус, который дьявол подбрасывает людям. Но не меньший соблазн – совершать зло (или оправдывать его совершение) ради крепости веры и величия державы. Поэтому здесь крайности смыкаются: еще в начале нашего века многие русские, придерживающиеся вполне православных и консервативных взглядов, одобряли сталинские репрессии против невинных людей (кроме разве что репрессий в отношении духовенства) – причем не менее искренне, чем убежденные коммунисты. Как же, ведь это делалось ради усиления русской державы – значит, делалось правильно.

И те и другие представления существуют в российском обществе и поныне, только теперь они не столь важны, поскольку политических прав у российского общества нет. В реальности у желающих облагодетельствовать народ против его воли нет даже и нелегальных возможностей влиять на политику – хотел бы я посмотреть на подпольные организации, хоть эсеровского или большевистского, хоть «дем-российского» типа в современной России! Здесь им будет противостоять не расслабленная царская и не импотентная деморализованная позднесоветская, а безжалостная и решительная опричная политическая полиция – любая подпольная террористическая организация едва ли просуществует в Империи хотя бы месяц. А для самой опричнины вопрос о том, оправдывает ли цель средства, совершенно неактуален в силу полной его очевидности – разумеется, нет.

Дело в том, что целью для опричников, как я уже писал, является государство; но государство не как надстройка над нацией, а как свидетельство перед Сыном Божьим, что живы заветы Его. Ведь вернувшемуся Сыну не предъявишь ни победы над врагами, ни порядок в стране, ни процветание народа, если не смог сохранить Его заветы; как сказал Он Сам: «Какая польза человеку, если и весь мир приобретет, а душе своей повредит». Поэтому мощь державы ценой совершения несправедливости для опричников даже не соблазн – такая держава им просто не нужна: власть ради власти их не интересует, а народное счастье интересует еще менее. Зло, конечно, можно победить злом (как правило, еще большим), но вряд ли это зачтет за победу тот единственный Судия, Чей приговор для опричников важен.

Так опричники, а значит, сама Империя понимают справедливость: древнеримская максима «пусть лучше рухнет весь мир, чем нарушится справедливость» для них не абстракция, а конкретное руководство к действию: не зря же они – Третий Рим!

Опричники не чистоплюи и, будучи воинами и правителями, прекрасно сознают, что бывают в жизни страны ситуации, когда без жертв не обойтись, но они не верят в то, что из этих ситуаций нельзя выйти, не измарав свою честь и совесть. И будь они у власти в стране в сталинские времена, они, вполне возможно, тоже увидели бы, что не обойтись стране без массового полурабского труда, – но тогда они бы постановили, что работают на рытье каналов и постройке железных дорог все по очереди. Если бы они увидели, как увидел Иосиф Великий, что страна нуждается в устрашении, они не стали бы прятать голову в песок – но при этом никогда бы не избрали путь наказания заведомо невиновных, оправдывая его варварской истиной «бей своих – чужие бояться будут». Вместо этого они бы казнили только реально виновных и провели бы другие акции устрашения, но прилюдно и таким образом, чтобы весь народ остолбенел от ужаса. Опричники понимают, что бывают в жизни страны ситуации, когда приходится уничтожать и невинных – например, если возникнет смертельная эпидемия, от которой нет лечения, а очаги надо локализовать. Но они никогда

не пойдут на подобные меры, если есть другой выход, и именно так относятся к сталинским репрессиям.

Только следуя этим принципам, считают опричники, можно построить государство, достойное гордости им, государство, которое стоит защищать любой ценой. И это не теория, а самая что ни на есть практика: стремясь быть справедливыми, опричники не объявили чрезвычайного положения и не начали массовых репрессий даже в тяжелый момент мятежа 2037 года – хотя активистов расстреливали, а бунтующие толпы без колебаний рассеивали пулеметным огнем. Также во время третьей кавказской войны опричники отказались от обстрелов сел, зачисток и фильтрационных лагерей, но при занятии населенных пунктов в обязательном порядке подвергали полевому технодопросу всех жителей (на глазах у односельчан) и признавшихся в пытках или убийствах русских пленных – будь то женщины, старики или дети – расстреливали на месте. А при подавлении восстания палестинцев на острове Израиль (до выселения арабов из Империи в 2023 году) они запретили применявшийся ранее евреями снос домов и поселений мятежников – семья не отвечает за своего главу, – но при бросании камней в русские патрули огонь на поражение открывался даже по подросткам: никто не смеет поднять руку на Империю! Даже когда решался вопрос, какие реликвии отдать Римско-католической церкви при ее исходе – первостепенный вопрос для православной державы! – Империя постановила: оставляется лишь то, что в то или иное время было украдено или отнято католиками у любой из православных церквей. Только так будет справедливо, и никак иначе. А все иное противоречит чести рыцарей без страха и упрека, каковыми и являются, без всякого преувеличения, русские опричники.

Такое понимание справедливости (как абсолютного императива) радикально отличает опричников от правых русских консерваторов. Те одобряют не только репрессии и убийства невиновных во Второй Империи, но и существовавшие в Первой Империи рабство (и считают ошибкой его отмену), закрепленность крестьянина за общиной, наследственную сословную дискриминацию и прочие проявления крайней несвободы, оправдывая их всевозможной псевдоправославной и мистической чушью. Нет нужды говорить, что консерваторы являются идейно столь же чуждыми и даже враждебными Империи, как и либералы, хотя и с обратной стороны.

Позиция Империи, носителем которой являются опричники, очень проста: Царство Христа не от мира сего, и потому никакое государственное устройство не может быть благословлено Богом. Тем более не избрана Богом никакая династия, как был избран род царя Давида – так бывало лишь в ветхозаветные времена и с воплощением Бога-Слова закончилось. Все же династии новозаветного времени основаны либо теми, кто лучше владел мечом и командовал другими меченосцами, как Рюрик, либо теми, кто лучше умел интриговать, как Романовы. И если они сами или иные из их потомков и были весьма достойными правителями и людьми, это никак не меняет источник происхождения династии. Все это, конечно, от Бога, как вообще все в тварном мире, но лишь в том смысле, в котором от Бога и огонь с небес, сжегший Содом и Гоморру. Так что сказать, что какой-то царский род от Бога, едва ли означает сделать ему комплимент – он может быть послан Богом и как наказание стране и народу. Государства вообще не от Бога, но это вовсе не значит, что они противны Его промыслу, – просто Бог создал людей, а государства создали и создают наделенные свободной волей люди, по своему усмотрению. И по тому, какое государство создаст народ, Бог будет судить его, потому что в этом проявляется соборная часть человеческой души; если оно правильное, это приблизит спасение для всех поколений этого народа. Объявлять же какой-то конкретный государственный порядок Божьим, а тем более делать из этого культ и объявлять запретным его изменение есть полная глупость, и к Первой Российской Империи это относится в полной мере. Опричники даже и потенциальное покушение на созданную ими самими Третью Российскую Империю вовсе не сочтут Богоборчеством, при том что она создана, по их представлениям, с помощью самого архангела Гавриила. Но они полны решимости отстоять ее своими человеческими силами, и своими же силами они не дадут свершиться в ней несправедливости.

Казалось бы, такое трепетное отношение к справедливости не вполне соответствует православным представлениям – «милость выше суда, а любовь выше справедливости»; но

опричники, как и вообще большинство русских, считают это относящимся лишь к личной жизни, а не к общественной. Такое различие в подходах к сферам личного и общественного хорошо выражено в словах святителя Филарета, митрополита московского, об отношении к врагам: «Своих врагов прощайте, врагов отечества убивайте, врагов веры ненавидьте». Сфера личных и коллективных отношений между людьми должна строиться на любви, а сфера государственной политики – на справедливости, что вполне соответствует старому народному архетипу, выраженному в появившейся еще с XV века формуле (про государство): «Не так Бог любит веру, как правду *(то есть справедливость)* ». Носителем веры опричники видят Церковь и духовенство, а носителем справедливости – державу и себя. Поэтому в отношении к другим людям справедливость заменяет им любовь, насколько это возможно. Это не идеал для истинных христиан – ну так опричники и не первое сословие, а всего лишь второе, как они сами любят говорить. Так что общий дух российского государства (не страны, а именно государственной машины, если ее рассматривать отдельно), несмотря на наличие в нем христианских ценностей, – это и в немалой степени суровый дух дохристианских времен: ветхозаветных царей, римских консулов и варяжских конунгов.

Цивилизационное место. Россия – безусловно – является отдельной цивилизацией – в нашем современном упорядоченном мире каждая из пяти стран является отдельным государством-цивилизацией. Но еще полвека назад, а уж тем более ранее это было совершенно не очевидно – споры о том, является ли Россия отдельной цивилизацией или частью цивилизации западной, велись и в России, и на Западе с конца xvii века до очень недавнего времени (с перерывом разве что на 73 года Второй Империи). Поэтому даже те мыслители, которые еще в эпоху разобщенности предвидели, что мир в будущем разобьется на небольшое количество государств-цивилизаций, как правило, не видели среди них Россию – ее видели либо частью Европы под эгидой Евросоюза, либо вообще в составе Китая или исламской сверхдержавы.

Тем не менее, поглядев на российскую жизнь, я не склонен смеяться над этими спорами – напротив, я хорошо их понимаю. Как же так, спросите вы, ведь ты столько объяснял нам про отличия русских от нас в самых базовых вопросах? Да, все так – но только различия эти все какие-то не слишком радикальные. Если считать нашу страну обществом модерна (точнее, постмодерна – классический модерн имеет место в Поднебесной), то его реальным антагонистом, полной противоположностью почти во всем является традиционное религиозное общество: в нашем мире это вовсе не Россия, а Халифат. Там отрицание западных ценностей и установление традиционных проведено абсолютно последовательно, и там действительно все устроено наоборот по сравнению с нами. Прелюбодеев там казнят, а «неверных собак» обращают в рабство. Если бы в России было так же, это не вызывало бы у нашей публики никакого интереса – во всяком случае, не несло бы в себе никакой загадки: когда все знаки плюс меняются на минус, это чуждо, но полностью понятно. А в Империи отрицание западных ценностей, как и вообще регрессное движение к традиционному обществу, весьма половинчато – это видно во всем. Русские формализовали особый статус православия, провозгласили Россию конституционно православной страной – но не объединили Церковь с государством, не объявили симфонию, как это было у них же с древности до 1917 года. Поэтому там нет обязательности вероисповедания и разрешены иные религии в отличие от Халифата. Русские закрепили особый статус и особую роль в Империи русского этноса, но не ввели никаких элементов нацизма, как и принудительной ассимиляции, – хотя в древних традиционных обществах это было в порядке вещей. Да и вообще Империя ныне не вполне русская, а скорее русско-немецкая. Далее, русские отменили демократию и ввели авторитарное правление императора, но сохранили его выборность. Ликвидировали представительскую и законодательную власть в лице парламента, но в значительной степени воссоздали ее в виде земской власти и Земской Думы. Ввели сословность, но не дали ей стать наследственной. Поразили в правах ряд меньшинств, таких как гомосексуалисты или некоторые сектанты, но ограничились запретом на профессии и мерами общественного воздействия вместо естественного для традиционных обществ насильственного наказания. Запретили публичные высказывания против страны и религии, но не распространили запрет на критику действий власти. Ограничили сверхкрупные

состояния, но никак не посягали на средние и крупные, как и вообще на свободу предпринимательства. И так во всем – прочтя книгу, вы можете сами продолжить этот список.

Такая позиция появилась не вдруг – еще в середине 10-х годов нашего века, когда в России только начало выкристаллизовываться понимание необходимости возврата к ценностям традиционного российского общества, доминировали другие взгляды, о чем уже говорилось выше. Их носители, русские консерваторы, будучи продолжателями одного из основных российских философских течений XIX века (наиболее ярким представителем которого был К. Леонтьев), отрицали всякий социальный прогресс – и эволюционный, и революционный – и считали российскую самодержавную монархию Романовых почти идеалом общественного устройства. Как ни странно, им был весьма симпатичен Иосиф Великий; если бы он в свое время сделал самодержавие государственной религией СССР (что отнюдь не является невообразимым), то в их понимании это было бы довольно близко к идеалу – Леонтьеву такой вариант виделся как явление «социалистического Константина».

Легко понять, что если бы возобладала эта консервативная линия, то все состоящие из двух частей антиномии, перечисленные в предыдущем абзаце (что сделали – чего не сделали), были бы решены в духе вторых частей. Но тот путь, по которому пошло развитие России, иной – в нем, невзирая на известный фундаментализм, есть место общественному прогрессу со всеми вытекающими последствиями.

Однако путь этот нельзя назвать компромиссом между левым либерализмом и правым консерватизмом – между столь дальними крайностями компромиссов не бывает. Да и Гавриил Великий, как и вся созданная им государственная элита, совсем не был склонен к компромиссам. Скорее можно говорить о том, что сам консерватизм оказался как идейное течение не однозначен; и то, что составляет ныне философскую базу устройства Российской Империи, я бы назвал левым консерватизмом – как бы странно это ни звучало.

Что же тут плохого, спросите вы, разве золотая середина не предпочтительнее крайностей (во всяком случае, таких, как в Халифате)? Плохого ничего, но цивилизационные установки – вещь специфическая: в них устойчивыми являются только крайности, а промежуточные состояния имеют тенденцию соскальзывать к полюсам. Это хорошо видно на примере той же России периода Второй Империи: с 1917-го до второй половины 50-х годов XX века там имела место установка на полное отрицание личного материального благосостояния. Царила почти полная уравниловка, и если бы тогда сказать, что, дескать, в капиталистических странах люди живут материально лучше, то большинство искренне ответило бы: ну и что? Разве это важно? У нас зато – то-то и то-то хорошо, а у них – то-то и то-то плохо. И такой настрой делал систему очень стабильной, потому что самая прочная защита от критики – когда ее признают, но вовсе не считают критикой. А со второй половины 50-х годов Никита Чуднуй зачем-то провозгласил главной целью государственной политики всемерное улучшение материального благосостояния советских людей. Наверняка многие обрадовались, но весьма скоро стал смущать умы следующий вопрос: если главное – благосостояние, тогда зачем нам система, которая по этому параметру явно уступает западным странам? А до того, при Иосифе Великом, так вопрос стоять не мог, благосостояние не считалось приоритетом – а если что-то имеет сугубо третьестепенное значение, то какая разница, что где-то оно лучше. И именно названный стратегический поворот при Никите Чуднум, а не что-то иное предопределил начало заката Второй Империи и ее последующую трансформацию обратно в капиталистическую страну.

В этом смысле Третья Российская Империя как цивилизация явно недотягивает до Второй по своей дистинктивности, то есть по степени отличия в базовых представлениях от иных цивилизаций. Та была совсем иным миром по сравнению с Западом – а эта все-таки является его версией, хотя и достаточно радикальной (продвинутой или ухудшенной – зависит от точки зрения). Интересно, что большинство моих собеседников в России вынуждены были соглашаться с таким взглядом, хотя и не сразу, а согласятся ли наши соотечественники – покажет время.

Что в первую очередь я имею в виду? Мы являемся двумя хотя и разными, но христианскими цивилизациями – и потому наше отличие друг от друга не может быть таким

радикальным, как отличие от исламского Халифата или языческой Красной Империи. Но если Империя является версией западной цивилизации, то это значит, исходя из изложенного выше, что одна из версий является первичной, а вторая – ее производной и неизбежно раньше или позже скатится к первичной, то есть вернется к своим истокам.

Все время, что я был в России и приглядывался к ней, меня не покидало чувство, что дело обстоит именно так. Но какая из наших двух цивилизаций первична, а какая является отходом от исходной идеи? Искать ответ в прошлом непродуктивно: он будет разным в зависимости от того, к насколько давнему прошлому мы обратимся, и не факт, что самое давнее прошлое важнее. Не слишком продуктивна и апелляция к исходной христианской идее: западная Церковь выводит из нее гуманизм, а восточная из нее же – его отрицание. Мне представляется, что более конструктивным, хотя тоже не очевидным подходом будет оценка, насколько эти две цивилизации будут устойчивы к возможным будущим угрозам и катаклизмам, которые может готовить нам день завтрашний. Даже не потому, что нечто исходное и первичное наверняка окажется устойчивее, чем его версии, а потому, что при серьезном кризисе менее устойчивый вариант неизбежно скатится к более устойчивому.

Не берусь делать однозначных предсказаний, тем более что никто не знает, о каких кризисах может идти речь, но российская цивилизация, особенно в ее нынешнем виде, произвела на меня впечатление обладающей большой жизнеспособностью и огромным запасом прочности. Я имею в виду не только ее способность к мобилизационным усилиям – это для России традиционно, – но и то, что их система в лихую годину испытаний явно обеспечит высокую государственную и социальную стабильность. То есть она не пойдет вразнос, добавляя к исходной угрозе самокатализирующийся распад, от которого империи обычно и рушатся: таких проявлений будет не много, в силу общего российского настроя на консенсус (« соборность»), а те, что случатся, будут быстро и безжалостно раздавлены – потому что есть кому это сделать. В государственном организме Империи опричнина играет роль скелета – она не велика в сравнении с основной массой граждан, но сообщает государству жесткость. Наше же общество весьма однородно, несмотря на наличие различных групп, и это придает ему большую динамичность – но лишает его жесткости. И если критерий устойчивости в критической ситуации для решения нашего вопроса верен, то весьма вероятно, что первичной из наших двух цивилизаций, а значит, той, которая переживет вторую, является цивилизация русская.

Так что если вернуться к вопросу, с которого я начал это заключение – чего нам ждать от России, – то надо сказать следующее. Империя нам не друг и не враг, ей нет до нас особого дела, как и до остальных, так что в минуту серьезной опасности нам не надо ждать от нее ни ножа в спину, ни руки помощи. Но не исключено, что на самом деле нас ждет объединение, причем не завоевание или какое-либо иное подчинение, а истинное цивилизационное слияние как результат эволюции: в конце концов, мало кто усомнится в том, что мы происходим из одного истока. Впрочем, будущее не дано знать никому.

* * *

Перед тем как закончить свой труд, не могу не поделиться еще одним ощущением. Я читал немало разных фантастических романов, где речь шла о том, как в будущем всех людей при рождении станут подвергать определенному хирургическому или ментальному воздействию для устранения у них любых агрессивных проявлений, – это весьма распространенный сюжет. И во всех этих романах совершенно справедливо утверждается, что в этом случае становятся общественно запретными и даже внутренне невозможными для человека любые риск и опасность, во всяком случае без жизненной на то необходимости, – они действительно являются обратной стороной агрессивности. Так вот, побывав в Империи, я неожиданно почувствовал, что у нас в Федерации это будущее уже наступило.

Посмотрите на наших спортсменов: у нас почти во всех видах спорта обязательны всякого рода защитные приспособления для предотвращения травм, а в России даже в боксе нет

перчаток – кулаки обматываются только эластичным ремнем, а голова не защищается вовсе. У нас в любом спортивном поединке-единоборстве судья мгновенно остановит бой, если один из участников «поплыл», а в Империи они будут биться до полной отключки одного из соперников. Конечно, при нынешнем состоянии регенеративной и вообще восстановительной медицины почти любая травма будет быстро вылечена – но ведь это же очень больно и выглядит крайне жестоко со стороны! Русских это, однако, совершенно не смущает. Еще бы, ведь там весьма популярны гладиаторские бои (у нас запрещенные под страхом тюрьмы), с настоящим холодным оружием, которое нередко наносит травмы, несовместимые с жизнью даже при нынешнем уровне медицины.

То же и в быту: например, у нас во всех автомобилях встроены ограничители скорости и резкости поворота и торможения, а также автоматическое принудительное переключение на компьютерное управление в опасных ситуациях. А у русских не только этого нет (не в смысле что не изобретено, а закон этого не требует), но и вообще скорость движения на трассах не ограничена. Поэтому, кстати, там даже езда в пьяном состоянии не запрещена – но наказание за ДТП в пьяном виде намного более жесткое (у нас обязательный индикатор алкоголя физически не даст вам завести машину). Считается, что угроза наказания за ДТП, не говоря уж о страхе своих и чужих травм, есть достаточный ограничитель для ответственных людей – а безответственных не удержишь и угрозой наказания за превышение скорости или пьяную езду. И носить огнестрельное оружие – и пускать его в ход при любом нападении – у них также разрешено – у нас это запрещено с 10-х годов, да и последние лет тридцать до этого было разрешено не везде и с большими оговорками.

То есть русские по сравнению с нами куда меньше боятся крови и смерти – и своей, и чужой: абстрактно вроде бы боятся (своей, во всяком случае), а вот судя по их поведению – нет. Также они не слишком боятся обидеть друг друга – в общении они гораздо прямолинейнее нас. Я думаю, что именно в этом причины отсутствия у них понятий политкорректности. И то, что у них в сущности разрешена месть (закон прямо этого не декларирует, но уголовной ответственности за адекватную месть нет – см. раздел «Преступления» главы « Правоохранительная система»), укладывается в ту же закономерность.

Все это, если посмотреть в корень, несомненно, является проявлениями большей агрессивности. Считается, что это признак более молодой и витальной цивилизации (потому что агрессивность – увы! – главный признак витальности), хотя они не моложе, а гораздо старше нас – им около одиннадцати веков, а нам только три. (Даже если считать нашу историю вместе с европейским Западом, то нам все равно те же одиннадцать-двенадцать веков, что и им.) Но большая витальность их цивилизации ощущается во всем – что весьма странно, потому что, по общепринятой ныне теории их же соотечественника Льва Гумилева, на двенадцатом веке своего существования этнос должен находиться в стадии упадка. Такое ощущение, что у них как у народа открылось второе дыхание (это на самом деле чувствовалось еще в 1917 году, хотя им уже и тогда было под тысячу лет) – но что такое второе дыхание в отношении цивилизации, никто не знает, потому что теория о таком не говорит. Хорошо это или плохо, сказать не просто: более старые цивилизации обеспечивают более спокойную, комфортную жизнь и более терпимые и мягкие отношения между людьми.

Но если называть вещи своими именами, то комфорт старой цивилизации – это спокойствие и мягкость кастрированного животного: вроде все в нем нормально, и оно куда приятнее в общении, но назвать его полноценным трудно. К сожалению, а может быть и к счастью, наше общество очень смахивает на кастрированное – я осознал это, только когда пожил в Российской Империи. Конечно, такое общество приобретает те же положительные характеристики, что и кастрированное животное, – агрессивность населения снижена, а значит, снижена вероятность войн и революций, как и индивидуальных антиобщественных проявлений. Но, как и в случае с животными, все имеет свою цену – вместе с агрессивностью уходит жизненная сила нации. В Российской же Империи агрессивность достаточно высока, что, естественно, снижает комфортность жизни и создает свои проблемы, но жизненная сила там велика. Поэтому Бог знает, больше у нее достоинств или недостатков и что ей суждено в будущем – но кастрированной ее не назовет никто.

Послесловие автора

Уважаемые читатели! На этот раз я обращаюсь не к вымышленным соотечественникам Алвареду душ Сантуша, а обычным российским читателям. Книга, которую вы прочли, – не прогноз, а утопия, то есть положительный образ будущего. Иными словами, я вовсе не утверждаю, что все будет именно так, – я лишь показываю, что может быть и так и что это хорошо. В утопии важнее всего ее реалистичность, то есть чтобы описываемая действительность была жизнеспособной и внутренне не противоречивой. Чтобы можно было примерить ее на себя и решить – хотелось бы вам жить в этой действительности или нет. На это лишь и стоит обращать внимание.

Все, что написано в этой книге, на мой взгляд, – лучшее будущее, которое может быть у нашей страны. Потому что в этом будущем государство, став могущественным и великим, не лезет в личную жизнь отдельного гражданина, ценит уникальность каждого народа и не мешает проявлению уникальных качеств любого человека. В этом будущем ценится верность государству, но одновременно ценятся предприимчивость и профессионализм. В этом будущем установлена настоящая свобода и истинное равенство. Здесь невинный не может быть осужден и наказан, а виновный не может избежать ответственности, особенно если он представитель власти. Здесь абсолютизировано настоящее свободное предпринимательство (беспроцентным кредитом, налоговой системой, созданием равных условий), которое не сводится к ростовщичеству или паразитизму. Здесь в армии служат исключительно по желанию, но при этом только служивые люди имеют политические права и олицетворяют имперскую власть. Здесь есть сословия, но они полностью открыты, как и вообще все общественные группы.

Эта грядущая страна самодостаточна, она не зависит от мнений и желаний других стран, потому что заставила их считаться с собой. Строй этой страны – как бы сама она его ни называла – классическая демократия, нашедшая выражение в эффективном местном самоуправлении. Здесь нет приказного единомыслия, но нет и грызни за власть. Империя – хранитель, она существует сама для себя и следит лишь за безопасностью, справедливостью и общим развитием страны, в первую очередь за его соответствием ее изначальным целям. Жизнь в этой стране осмысленна – прожив ее правильно, легче предстать на Суде перед Создателем.

Что же касается предположений, как сложится история на самом деле, то будущего не знает никто. Так что все может произойти иначе, чем написано в этой книге, но при этом в целом правильно и хорошо – к одной цели зачастую ведет множество разных путей. И тем не менее в некоторых вещах я уверен.

Наше государство, безусловно, вскоре сменит свой базовый тип – нынешнее состояние, промежуточное между либеральным государством (концепция « ночного сторожа») и целеполагающим государством-империей, не жизнеспособно и не устраивает никого. Оно существует лишь потому, что от первого типа мы уже ушли, а до второго еще не дошли, но непременно дойдем – сначала в делах, а потом и на словах. Потому что либеральное государство – это, по базовым представлениям нашего народа, вообще не государство, а просто территория, управляемая различными вождями или институтами (или самоуправляемая жителями, что ничем не лучше). Чтобы некое географическое пространство называть государством, этого не достаточно.

В том или ином виде нашей стране придется восстанавливать, а вернее, создавать служилое сословие, как бы оно ни называлось – опричниками, дворянством, членами партии или как-нибудь еще. И должно это служилое сословие быть создано на основе мотиваций, лежащих в сфере духа: на идеях служения, верности и чести. Тогда можно уже не бояться самого понятия «сословность» – в этом случае в нем нет ничего страшного, особенно если сословия окажутся полностью открытыми. Если же новое служилое сословие будет построено на обычных материальных стимулах или, не дай Бог, станет формально или хотя бы де-факто наследственным, то это непременно приведет страну к новой катастрофе – так, как это произошло в 1917 и в 1991 годах.

Вообще, чтобы бросить цивилизационный вызов остальному миру, мы обязательно должны будем решить эпохальную задачу разделения богатства и власти, которую никому пока так и не удалось в полной мере решить: кто решит ее, тот станет мировым лидером. И

существующее уже сегодня желание общества «равноудалить» олигархов (иными словами, отнять власть у носителей богатства), как и желание покончить с коррупцией (отнять богатство у представителей власти) – суть неосознанное стремление решить именно эту задачу. Скорее всего, эти тенденции получат развитие.

Мы обязательно уйдем от всеобщего равного избирательного права, потому что в современном обществе оно не работает – не только у нас, но и нигде, просто этого еще до конца не осознали. Наверное, параллельно будет происходить отмирание парламентаризма – по-видимому, эти два процесса неотделимы, как две стороны одной медали. Дальше – переход к той или иной системе «выборного царя».

Мы непременно ступим на путь, ведущий к большей автономии страны, к уменьшению ее зависимости от окружающего мира во всем – даже если этот путь и не заведет так далеко, как описано в книге.

Так же неизбежно возрождение и усиление в нашей стране национализма – и русского, и других российских народов. Это совершенно естественная тенденция, и она имеет место уже сейчас. Либо власть оседлает ее и направит в цивилизованное русло, либо национализм будет принимать все более экстремистские и разрушительные для страны формы – задавить силой столь глубинные тенденции невозможно.

То же касается и ряда элементов государственного устройства – усиления автократичности управления, снижения роли регионального звена и усиления местного: эти процессы начались уже вчера.

Очевидно, что задачу увеличения рождаемости, которую все уже осознали как основополагающую, нельзя решить исключительно социально-экономическими способами, без изменений общественной системы ценностей, в том числе в сфере сексуальных установок. И государству еще предстоит овладеть навыками влияния на подобные сферы, потому что это понадобится ему не только для решения демографических задач.

Так же очевидно, что нам придется радикально менять систему образования и науки, как и многое другое, причем без восторженного следования чужому опыту – хотя бы потому, что чужие достижения в этих сферах следует признать не слишком впечатляющими.

То же относится к конкретным историческим событиям, которые произойдут или не произойдут в нашей стране в недалеком будущем: в чем-то возможен широкий спектр вариантов, а в чем-то особо сомневаться не приходится. Преемник Путина может зваться не Гавриилом Соколовым и прийти к власти не в 2012-м а в 2008-м или в еще каком-нибудь году – но это будет великий человек, не уступающий по масштабу своей личности нашему нынешнему президенту. Потому что ближайшее десятилетие будет судьбоносным для России, и посредственная личность во главе страны, даже при условии личной честности, не сможет соответствовать вызову времени. А когда возникает объективная потребность в великом лидере, он всегда появляется. Одни скажут, что таков промысел Божий, другие – что таковы законы истории.

Разбирательство со всеми олигархами, особенно ельцинской волны, равно как и массовая чистка госаппарата на предмет ликвидации коррупционных связей, хотя бы наиболее одиозных, – неизбежны: я не могу себе представить, чтобы в течение нескольких ближайших лет этого не случилось, независимо от того, кто будет находиться у власти. А следом за этим непременно произойдет – раньше или позже – полная ревизия крупных капиталов, созданных с конца 80-х по начало 2000-х годов, – те кто полагают, что страна и народ смирятся с ними, совсем не понимают Россию. Очень крупные состояния, откровенно украденные у страны, вовсе не обязательно будут просто реквизированы, но какие-то решения по ним, безусловно, будут приняты.

Вне всякого сомнения будет изменен экономический курс государства – при однозначном сохранении рынка и частной собственности закончится либеральное безумство: этот поворот уже начинается, и, если бы не некоторые чисто субъективные факторы в руководстве нашей страны, он бы уже произошел. Приоритетным станет развитие отечественного бизнеса, в первую очередь реального сектора, путем государственного стимулирования инвестиций, экспорта и особенно импортозамещения. И также не вызывает сомнений возврат к масштабным общенациональным экономическим проектам, осуществляемым государством:

ведь все в стране, что сегодня приносит большие деньги, без единого исключения, возникло в результате осуществления таких проектов во времена СССР.

Произойдет и охлаждение, а затем и обострение отношений с Западом – оно, собственно, уже началось: после нашего полного самоуничижения перед ним, имевшего место еще недавно, ему крайне сложно принять что-либо иное. Да и в нашем обществе произошло уже осознание того, что на протяжении сотен лет мы не видели от западных государств (в отличие от отдельных западных людей) ничего, кроме плохого. Дойдет ли дело до прямой войны с Западом, я не знаю, но до последней черты перед ней, я уверен, дойдет – а там уж как Бог даст. Переходу этого обострения в новую фазу с высокой вероятностью будут способствовать те или иные события на постсоветском пространстве, хотя это совершенно не обязательно будет гражданская война на Украине. Потому что очевидно – в качестве главной национальной задачи уже в ближайшее время властью будет осознана и озвучена задача возвращения, в том или ином виде, потерянных нами в 1991 году собственных территорий. Это будет принято и обществом: все сейчас поняли, хотя для этого нам потребовалось потерять полстраны, что многовековая доминанта России по увеличению своей территории на запад и на юг – не великодержавные «понты», а жизненная необходимость. Очевидно и то, что Запад никогда добром на это не согласится – но не всю же жизнь строить свою стратегию в угоду Западу: сегодня не ельцинское время, а завтра оно будет другим и подавно.

Тесный союз России с Германией неизбежен – это с очевидностью весьма выгодно обеим сторонам, что понимал еще Бисмарк, и именно поэтому рано или поздно такой союз оформится. Англо-американская цивилизация сумела дважды помешать созданию русско-германского союза, соответственно перед Первой и перед Второй мировыми войнами, но третий раз у них вряд ли это получится: очень долго морочить голову целому народу невозможно.

Также нет особых сомнений в том, что когда Америка ослабнет и ее влияние на остальной мир резко снизится (не «если», а именно «когда»), то Европа, с Евросоюзом или без, не сможет сохранить свой суверенитет. Окажется она в сфере влияния России (или российско-германского союза), как написано в книге, или, например, в сфере интересов исламского мира – Бог весть; но ясно, что грезы о Евросоюзе как об одном из будущих основных мировых игроков совершенно анекдотичны, хотя и широко распространены.

Практически неизбежно и объединение всего или почти всего исламского мира в одну державу, причем именно под религиозными лозунгами. И так же неизбежно в том или ином виде объединение Восточной и Юго-Восточной Азии и Австралии под гегемонией или, по крайней мере, доминированием Китая. Катализатором и того и другого процесса станет резкое ослабление Америки – так же как и исчезновение Европы как самостоятельной силы.

Вообще то, что в недалеком будущем произойдет радикальное укрупнение стран и с карты мира исчезнут «державы» размером с не самый большой район Москвы, более или менее очевидно, хотя происходить это может очень по-разному.

Наконец, я не утверждаю, что произойдут именно те войны, которые описаны в книге, с участием России и без. Но то, что относительно мирный период мировой истории второй половины XX века заканчивается и XXI век будет веком войн, притом самых что ни на есть «горячих», является для меня – увы! – практически бесспорным.

Примечания

1

Здесь и далее даты в скобках означают время правления.
note_1

FB2 document info

Document ID: litres-161235
Document version: 1
Document creation date: 15.02.2008
Created using: Litres Downloader software

Document authors :

- Litres Downloader

Source URLs :

- litres.ru

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon